

Н. А. ЗОНТИКОВ

МАТЬ ВЕРА
МЕРКУЛОВА:

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДВИЖНИЦА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Свято-Троицкий Сумароков монастырь.
Вид из-за реки Водыш. Слева от монастырского собора виднеется колокольня
Никольской приходской церкви.
Фото начала XX в.

Н.А. ЗОНТИКОВ

МАТЬ ВЕРА
МЕРКУЛОВА:

ПРАВОСЛАВНАЯ
ПОДВИЖНИЦА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

КОСТРОМА
2021

УДК 271(091)(470.317)
ББК 86.372.24-64(2РОС-4.КОС)
З 84

Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-110-0243

По благословению митрополита Костромского и Нерехтского
ФЕРАПОНТА

*Сердечно благодарим
Алексея Борисовича Ремизова,
пожертвовавшего средства на издание этой книги*

Зонтиков Н.А.

З 84 Мать Вера Меркулова: православная подвижница первой половины XX века. — Кострома: Костромская епархия Русской Православной Церкви, 2021. — 552 с.: ил.

ISBN 978-5-903956-21-0

Книга посвящена жизнеописанию матери Веры Меркуловой (в монашестве Ксении, в схиме Михаиле; 1884–1935 гг.) насельницы Свято-Троицкого Сумарокова монастыря. Современники почитали мать Веру святой, обладавшей даром прозорливости. Со всех концов Костромской губернии устремлялись к ней тысячи людей.

После революции, чтобы прекратить массовое паломничество к ней, власти арестовывали мать Веру 12 раз. Она сидела в тюрьмах Костромы, Галича, Буя, Москвы, Иванова, Владимира, Котельнича и умерла в Кировской тюрьме.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей Костромского края, историей России и Русской Православной Церкви.

УДК 271(091)(470.317)
ББК 86.372.24-64(2РОС-4.КОС)

© Зонтиков Н.А., 2021
© Костромская епархия
Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата), 2021

ISBN 978-5-903956-21-0

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО МИТРОПОЛИТА КОСТРОМСКОГО И НЕРЕХТСКОГО ФЕРАПОНТА

Дорогой читатель!

ЭТА книга известного костромского исследователя-краеведа Николая Александровича Зонтикова посвящена судьбе матери Веры Меркуловой (1884–1935 гг.), в монашестве — Ксении, в схиме — Михайлы, насельницы Свято-Троицкого Сумарокова женского монастыря в селе Новое, что в Телякове (совр. с. Сумароково Сусанинского района Костромской области).

Матушка Вера — необычный человек, равного ей, пожалуй, не было в истории Костромского края. Её служение не было ограничено стенами своей келии, но было направлено на помощь людям, и в этом её можно сравнить с такими известными святыми, как преподобный Амвросий Оптинский и праведный Иоанн Кронштадтский. Как и они, матушка Вера всегда была окружена народом, который шёл к ней каждый день.

Ещё при жизни мать Веру почитали святой, обладавшей даром прозорливости. Она стала насельницей Свято-Троицкого Сумарокова монастыря в 1906 г., а уже через два-три года к ней стекались люди со всех концов Галичского, Буйского, Костромского, Кинешемского и других уездов Костромской губернии.

Во время Первой мировой войны к матери Вере шли тысячи посетителей, по несколько дней стоявших к ней в очереди, чтобы узнать что-то о своих близких, исчезнувших в пучине войны.

После революции 1917 года матушка Вера непрерывно подвергалась гонениям. В советское время она арестовывалась двенадцать раз, и это притом, что в 1920 г. из-за паралича обеих ног мать Вера была лишена возможности передвигаться самостоятельно.

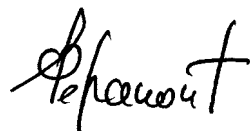
Большую часть своей послереволюционной жизни она провела в тюрьмах и ссылках. Среди тюрем, в которых сидела мать Вера, — Лефортовская и Бутырская в Москве, знаменитый Владимирский централ, тюрьмы Костромы, Иванова, Галича, Буя, Кинешмы, Котельнича... И скончалась она 19 сентября 1935 г. в стенах тюрьмы в г. Кирове (Вятке). Эти постоянные гонения понятны, если учесть, какое громадное влияние матушка Вера имела на многих людей. К ней в полной мере можно отнести слова Христа-Спасителя: *«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»* (Матф. 5:10).

В 1931 году матери Вере был посвящён целый гневный «подвал» в газете «Правда» — органе ЦК ВКП(б) и главной газете страны Советов. Можно на пальцах сосчитать церковных деятелей, которых «Правда» удостоила такой «честью», и среди них — мать Вера.

Ещё до революции мать Вера много занималась благотворительностью, помогая бедным и нуждающимся. Поразительно, но она продолжала оказывать благотворительную помощь и после 1917 года. Причём в начале 30-х годов, проживая в Сумарокове, мать Вера материально помогала местным колхозам и даже сельсоветам. Данные факты невероятны, ни одного другого подобного случая на просторах Советского Союза нам неизвестно.

Книга Н. А. Зонтикова, написанная на основе большого количества архивных документов, в том числе и бывших следственных дел, которые заводили на мать Веру (схиигуменio Михаилу) органы ВЧК-ОГПУ-НКВД, даёт нам возможность проследить её жизненный путь как живого человека, подвижницы и мученицы. Надеюсь, издание этой книги послужит знакомству всех людей, интересующихся жизнью подвижников благочестия, с житием подвижницы и приблизит её прославление в лике святых.

Призываю Божие благословение на благочестивого читателя этой книги.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Живет она (...) в келье, среди соснового бора монастырского скита. Ходит даже зимою босая. Занимается пророчествами, которые сразу привлекали к скиту массу стекающего с разных сторон люда. Сюда идут и с фабрик, и из Вичуги, из Юрьевецкого уезда. Кадры, направляющиеся к скиту, состоят из самой разнообразной публики. Кроме массы простого люда, вы здесь встретите и купцов из Иваново-Вознесенска, и духовных особ из ближайших сел, и фабрикантов с супругами»¹.

*Газета «Наша костромская жизнь»,
30 января 1911 г.*

«... Относительно личности Меркуловой могу пояснить следующее: в среде темного населения, как Буйского уезда, а равно и других близлежащих уездов, Меркулова пользуется громадной популярностью, якобы “прозорливая”, посещение ее населением достигает самых широчайших пределов, даже есть случаи, когда к ней приходят посетители за 300 и более верст»².

*А. С. Чистяков, начальник Буйской
уездной милиции (1921 г.)*

«(...) Влияние (матери Веры. — Н.З.) распространилось не только в Молвитинском районе, но и близлежащие и отдаленные районы: Галичский, Судиславский, Буйский, Палкинский, Костромской, Котельнический и ряд других районов»³.

*Из обвинительного заключения про-
тив матери Веры (24 июня 1934 г.)*

НАША книга посвящена поразительному человеку — матери Вере Меркуловой (в монашестве Ксении, в схиме Михаиле; 1884–1935 гг.), память о которой до самого последнего времени была широко распространена в Сусанинском, Буйском, Галичском и других районах Костромской области. Как и положено для фигур

такого рода, имя матушки Веры окружено множеством преданий и легенд, в которых правда перемешена с вымыслом, так что трудно определить, где кончается одно и начинается другое.

В 1906 г. в Свято-Троицкий женский монастырь, находившийся на границе Галичского и Буйского уездов, в селе Новом, что в Телякове (совр. с. Сумароково Сусанинского района Костромской области), поступила новая молодая насельница — мать Вера Меркулова. Уже года через два её знала и глубоко почитала большая часть населения Галичского и Буйского уездов. Мать Вера круглый год ходила босой, в связи с чем получила прозвище «Вера-босоножка». На теле она носила тяжёлые металлические вериги. В то время, когда все насельницы обители были одеты в традиционную чёрную одежду, мать Вера носила белое одеяние.

Мать Вера, несомненно, была наделена рядом духовных даров, в частности, даром прозорливости. В силу этого уже к концу первого десятилетия XX в. в монастырь к ней началось массовое паломничество. Ежедневно её посещали вначале десятки, а потом и сотни людей. Особенно массовый характер паломничество носило в годы Первой мировой войны, когда тысячи людей устремлялись к матери Вере в надежде узнать что-то о судьбе своих близких, пропавших в пучине мирового побоища.

К 1917 г. население Галичского, Буйского, Костромского, Кинешемского уездов Костромской губернии, а также Любимского уезда Ярославской губернии почитало мать Веру как святую. Об этом говорят и наименования, данные ей народом, — Вера-босоножка, Верушка, Сумароковская Верушка, святая Верушка, матушка Вера. По почитанию в народе её можно сравнить со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Ещё мать Вера напоминает известную болгарскую провидицу Вангу. Однако о. Иоанн Кронштадтский умер до революции и не застал массовых гонений на веру. Ванга, конечно, подвергалась преследованиям, но всё-таки значительная часть её жизни пришлась на время, когда она уже воспринималась как предмет национальной гордости Болгарии. К тому же Ванга не была монахиней, что, в конце концов, облегчило её адаптацию в социалистическом обществе.

Мать Вера же, будучи насельницей монастыря, монахиней и схимницей, испытала всё, что положено испытать православной подвижнице в стране, где победил воинствующий и жестоко-нетерпимый атеизм. Ещё до 1917 г. представители либеральных и социалистических сил, которых раздражала популярность матери Веры среди простого народа, подвергали её нападкам и называли «лжепрорицательницей».

После революции же почти не было года, чтобы мать Вера не подвергалась арестам. Всего с 1919 г. по 1935 г. её арестовывали 12 раз — в 1919 г., 1920 г., 1921 г. (трижды), 1923 г., 1924 г., 1926 г., 1928 г., 1929 г., 1931 г. и 1935 г. Из 18 лет своей послереволюционной жизни 12 лет она про-

Мать Вера с букетом белых цветов.
Вологда. Фото 1910 г.

вела в тюрьмах и ссылках. Перед матерью Верой открывались двери «лучших тюрем» страны Советов — Бутырская, Лефортовская (обе в Москве), знаменитый Владимирский централ. Она сидела в тюрьмах (на языке того времени — исправтруддомах, ардомах, домзаках) Костромы, Кинешмы, Иванова, Галича, Буя, Котельнича. И это притом, что с 1920 г. в результате паралича обеих ног мать Вера утратила способность ходить и всю оставшуюся жизнь могла передвигаться только с посторонней помощью или в инвалидной коляске.

Надеясь прекратить к ней массовое паломничество, мать Веру дважды отправляли в ссылку — в г. Кинешму и г. Котельнич (в Вятской губернии). Оба раза это имело следствием то, что в последующие годы к ней устремлялись дополнительные потоки посетителей из Кинешмы и Котельнича.

В 1920 г., когда власти закрыли Свято-Троицкий монастырь, тяжелобольная мать Вера стала настоятельницей монастырской общины. Её настоятельницей она фактически оставалась и в последующие годы.

Каждый раз, выйдя на свободу, мать Вера возвращалась в село Сумароково, к стенам закрытой обители, и уже через несколько дней со всех концов Молвитинского (Сусанинского) района и соседних — Галичского, Буйского, Костромского, Судиславского, Семёновского (Островского), Любимского, Кинешемского и др. — к ней начиналось массовое паломничество. Тысячи людей бросали свои дела и устремлялись к матери Вере. Власти неистовствовали, проводили пропагандистско-осуждающие кампании в прессе, инициировали собрания колхозников, которые требовали выселения матери Веры из пределов района...

Дважды, в 1931 и 1934 гг., когда мать Вера возвращалась в Сумароково весной, районные власти, в общем-то, справедливо обвиняли её в срыве посевной кампании, так как колхозники массами бросали работу и шли к матери Вере. Единственным способом пресечь это был новый арест, почему мать Веру так часто и арестовывали. 12 января 1935 г. мать Веру арестовали в Сумарокове в последний раз. 21 июня 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило её к 3 годам заключения в «исправтрудлагере». По дороге в лагерь мать Вера скончалась 19 сентября 1935 г. в тюрьме г. Кирова (Вятки).

Долгие годы имя народной святой находилось под негласным запретом. В последние десятилетия Сумароковская матушка Вера словно возвращается к нам. Её имя опять звучит в местах, где она жила. Восстанавливаются храмы, в которых она молилась и благословляла людей. Светлой памяти человека, жизненный путь которой, с одной стороны, напоминает нам жизнь болгарской провидицы Ванги, а с другой стороны — русской страстотерпицы боярыни Морозовой, посвящена наша книга.

* * *

За помощь в работе над книгой автор благодарит:
 ведущего специалиста по генеалогии костромского духовенства
Галлину Вольдемаровну Брезгину (г. Кострома),
 заведующую Сусанинским краеведческим музеем *Татьяну Александровну Груздеву* (п. Сусанино),
 заведующую историческим отделом Кинешемского краеведческого музея *Наталью Рудольфовну Шепелёву* (г. Кинешма),
 главного редактора газеты «Приволжская правда» *Илью Александровича Лебедева* (г. Кинешма),
митрополита Костромского и Нерехтского Феранонта (Кашина),
 священника Свято-Тихоновской церкви г. Костромы *о. Николая Авдеева*,
 настоятеля церкви Иоанна Богослова, что в Ипатьевской слободе г. Костромы, игумена *Димитрия (Нетесина)*,
 священника женского монастыря во имя Святых Царственных Страстотерпцев *о. Александра Абрадушкина* (с. Домнино Сусанинского района),
 искусствоведа *Ольгу Святославовну Куколевскую* (г. Кострома),
 главного архивиста отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Костромской области *Любовь Антоновну Поросятковскую*,
Наталью Анатольевну Молибогу (г. Москва),
 журналиста *Михаила Ивановича Клиндухова* (п. Сусанино),
Татьяну Анатольевну Дружкову (г. Нижний Новгород), внучку последнего настоятеля Никольской церкви в с. Сумароково,
 краеведа *Владимира Алексеевича Дудина* (г. Кострома),
 краеведа *Николая Васильевича Сотникова* (г. Галич),
 краеведа *Александра Александровича Смирнова* (г. Буй),
 краеведа *Вячеслава Николаевича Флёрова* (с. Контеево Буйского района),
 историка *Евгения Игоревича Горева* (г. Котельнич Кировской области),
 историка *Владимира Сергеевича Жаравина* (г. Киров),
 руководителя реабилитационного центра «Сумароково» *Максима Сергеевича Бредихина* (г. Кострома),
 бывшего заведующего Сумароковским психоневрологическим интернатом *Виктора Михайловича Марфунина* (с. Сумароково Сусанинского района).

ГЛАВА I

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СУМАРОКОВ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ПРЕДЫСТОРИЯ

«Ничто, по-видимому, не указывало несколько десятилетий назад, что в сравнительно недалеком будущем оснуется здесь и разрастется женская обитель»¹.

Священник Алексей Воскресенский (1913 г.)

ВСЯ жизнь героя нашей книги — матери Веры Меркуловой — была связана со Свято-Троицким Сумароковским монастырём и расположенным у его стен селом Новым, что в Телякове, или Новым Сумароковым (совр. с. Сумароково Сусанинского района Костромской области). Сюда мать Вера пришла в 1906 г. по велению свыше. В 1920 г. при закрытии монастыря она стала настоятельницей его общины. Сюда в 20-е и 30-е годы мать Вера неизменно возвращалась из тюрем и ссылок. Отсюда её увезли в январе 1935 г. при последнем аресте.

Поэтому расскажем о монастыре и селе.

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ВАРЕНЦОВА

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ женский монастырь в селе Новое, что в Телякове (оно же — Новое Сумароково, Сумароково) был основан его бывшей владелицей Е. Н. Варенцовой.

Елизавета Николаевна Варенцова, урождённая Львова, по своему происхождению принадлежала к дворянской элите Костромской губернии. Она родилась в семье отставного капитан-лейтенанта флота Николая Григорьевича Львова (1780–1833 гг.)^{*}.

^{*} В справочном издании: Григоров А.А. «Без Костромы наш флот неполон...: морские офицеры-костромичи, XVII – нач. XX вв.» — сказано, что Н.Г. Львов родился в 1799 г.², но, по-видимому, это ошибка, так как на сохранившемся памятнике на могиле Н.Г. Львова указано, что он родился 8 октября 1780 г.

Село Вяльцево
Солигаличского
уезда.
Никольская
церковь,
построенная
Н.Г. Львовым.
Фото начала XX в.

Как и многие костромские дворяне, Н.Г. Львов в 1789–1795 гг. обучался в Петербургском Морском корпусе, по окончании которого служил на Балтийском и Каспийском морях³. Прослужив во флоте около 15 лет, Николай Григорьевич вышел в отставку и вернулся в Костромскую губернию. В начале 10-х годов XIX в. он женился на Надежде Николаевне Полозовой (1791–1851 гг.), дочери отставного поручика Николая Григорьевича Полозова (1755–1830 гг.). Село Новое, что в Телякове в Галичском уезде, Надежда Николаевна Львова, по-видимому, получила по наследству, после кончины своего отца*. Молодая семья Львовых жила в усадьбе Вяльцево в Солигаличском уезде, находящейся в двадцати верстах от уездного города.

Николай Григорьевич Львов являлся видной фигурой в уезде. В 1822–1824 гг. он был Солигаличским уездным предводителем дворянства⁵. Его отличала особая склонность к благотворительности по отношению к храмам и монастырям. У себя в Вяльцево взамен деревянного он построил каменный Никольский

Так храм в Вяльцево выглядит сейчас. *Фото протоиерея Александра Смирнова. 2013 г.*

* В 1820 г. Н.Г. Полозову принадлежало три имения: усадьба Чернятино в Кинешемском уезде (40 душ), усадьба Завражье в Буйском уезде (168 душ) и усадьба Новое в Галичском уезде (100 душ)⁴.

храм, освящение которого состоялось, по одним данным, в 1812 г., по другим — в 1818 г.

В книге о. Иоанна Беляева «Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии» (СПб., 1863) сказано, что Никольская церковь с. Вяльцево построена «иждвением капитана Николая Григорьевича Львова» в 1818 г.⁶ В книге же «Статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии» (Кострома, 1911) говорится, что церковь «построена в 1812 г. усердием г. флота капитан-лейтенанта Николая Григорьевича Львова»⁷. Ясно, что в одном случае мы имеем дело с неточностью. С некоторой долей условности будем считать, что храм построен, то есть освящён, в 1812 г. В таком случае дочь Николая Григорьевича, Елизавета, как мы увидим ниже, была крещена уже в нём.

Николай Григорьевич благоустроил придельные храмы в Тотемском Спасо-Суморинском монастыре и в Иаково-Железоборовском монастыре в Буйском уезде⁸. Об основателе монастыря, находящегося в г. Тотьме Вологодской губернии, преподобном Феодосии Тотемском надо сказать, что он весьма почитался на северо-западе Костромской губернии. Жители Солигаличского уезда часто совершали паломничество в Тотемский Спасо-Суморин монастырь*.

В Иаково-Железоборовском монастыре, находящемся в с. Борок Буйского уезда, Н.Г. Львов благоустроил придел преподобного Иакова Железоборовского в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Историк монастыря, священник Пётр Румянцев, пишет: «При строителе иеромонахе Аристархе (1820–1833 гг.) в придельном храме преподобного Иакова устроен очень красивый иконостас с иконами самого лучшего письма, а также устроена сень над ракою преподобного Иакова иждвением г. Николая Григорьевича Львова и его собственными мастерами»¹⁰.

Николай Григорьевич был главой большой семьи, в которой росло семеро детей: Николай (1813 г.), Григорий (1818 г.), Александр (1820 г.), Геннадий (1823 г.), Елизавета (ок. 1814 г.), Мария (1816 г.) и Александра¹¹. Точный год рождения Елизаветы Николаевны неизвестен. Однако, учитывая, что она была старшей дочерью, а Мария (будущая игумения София) родилась в 1816 г., год рождения Елизаветы примерно можно отнести к 1814 г.

Своих детей Николай Григорьевич и Надежда Николаевна воспитывали в православном духе: «Будучи очень религиозны, родители (...) строго наблюдали за нравственным воспитанием детей в духе православной церкви: всех детей своих заставляли обязательно ходить

* В Тотемский Спасо-Суморин монастырь ездили и жители Буйского уезда. Об этом, в частности, рассказывается в автобиографической повести «Житье-бытьё на Корёге. Записки Гульпинской Авдотьи Степановны» (глава «Поездка в Тотьму»), опубликованной в журнале «Русский вестник» в 1857 г.⁹ Автор этой повести — Мария Ивановна Готовцева (1793–1866 гг.).

Памятник на могиле Н.Г. Львова в Вяльцеве. Надпись на нём гласит: «Под сим камнем погребено тело капитан-лейтенанта Николая Григорьевича Львова. Родился 1780 года октября 8. Скончался 1833 года октября 29 дня утра в 10 часов». Фото протоиерея Александра Смирнова. 2013 г.

на богослужение — к утрени и литургии; на дому у них в зимнее время читались вслух по очереди Четьи-минеи и другие духовные книги, ежедневно читались вечерние и утренние молитвы и акафисты. В их доме воспитывались многие сироты и бедные дети, которые затем их же заботами и средствами устраивались в жизни»¹².

Н.Г. Львов скончался 29 октября 1833 г. в возрасте 53 лет и был похоронен возле построенной им церкви в Вяльцеве. Надпись на его надгробном памятнике гласит: «Под сим камнем погребено тело капитан-лейтенанта Николая Григорьевича Львова. Родился 1780 году октября 8. Скончался 1833 года октября 29 дня утра в 10 часов»*. «Флота капитан-лейтенантша» Надежда Николаевна Львова пережила супруга почти на два десятилетия. Она скончалась 10 февраля 1851 г. и была похоронена на кладбище у Богоявленской церкви в с. Головинское Буйского уезда¹³.

Все три дочери Николая Григорьевича и Надежды Николаевны Львовых оставили свой след в церковной истории Костромской губернии. Две из них стали монахинями, третья — основательницей монастыря.

Мария Николаевна Львова (1816–1900 гг.), в монашестве София, в 1864 г. стала начальницей Боголюбской женской общины на р. Вотгати в Макарьевском уезде, преобразованной в 1893 г. в женский Боголюбский монастырь. Игуменья София (Львова) скончалась 21 октября 1900 г. и была похоронена в Боголюбском монастыре¹⁴.

Александра Николаевна Львова «по личному влечению к иноческой жизни, в юных годах (15 лет) поступила в Галичский женский

* Фотографии памятника на могиле Н.Г. Львова в Вяльцеве, снятые в августе 2013 г. протоиереем Александром Смирновым (настоятелем Спасо-Преображенского храма г. Солигалича и благочинным Солигаличского округа), любезно предоставил нам Владимир Алексеевич Дудин.

монастырь (Никольский Староторжский. — *Н.З.*) и затем жила в Костромском женском монастыре в Костроме*, где скончалась после доброй подвижнической жизни монахиней Евпраксиєю»¹⁵.

Елизавета Николаевна Львова, в замужестве Варенцова, стала основательницей одного из крупных женских монастырей Костромской губернии.

...В начале 40-х годов Лиза Львова вышла замуж за отставного поручика Павла Александровича Варенцова (1817 — после 1853 гг.), помещика Буйского уезда. Молодая семья поселилась в усадьбе в селе Новом, что в Телякове в Галичском уезде, которое Елизавета Николаевна, судя по всему, получила в приданое от матери. П. А. Варенцов был видным деятелем в Буйском уезде. Два трёхлетия подряд, в 1848–1853 гг., он состоял Буйским уездным предводителем дворянства¹⁶. Елизавета Николаевна прожила в браке полтора десятка лет: Павел Александрович скончался в середине 50-х годов, в возрасте около сорока лет, оставив жену с двумя детьми, Геннадием и Екатериной.

Е. Н. Варенцова была довольно богатой помещицей. В 1858 г. в Галичском уезде ей принадлежали два поместья, в состав которых входило 12 селений: село Новое, что в Телякове, с деревнями Антонково, Замятино, Исаково, Попово, Соломино, Чебыкино и село Соцевино на речке Пойме с деревнями Красница, Ларионово, Ликино и Савино. Всего в Галичском уезде ей принадлежало 339 крестьян и дворовых (163 м. и 176 ж.). Так как считались только мужские «души», то формально в Галичском уезде «поручица» Е. Н. Варенцова являлась владелицей 163-х душ¹⁷. В Нерехтском уезде в 1858 г. Елизавете Николаевне принадлежало сельцо Григорово с семью деревнями, в которых проживало 332 души мужского пола (313 крестьян и 19 дворовых)¹⁸. Считая с женским полом, всего в Григоровском поместье ей принадлежало около 700 человек.

Таким образом, Е. Н. Варенцова была владелицей около 500 мужских душ, а всего ей принадлежало свыше тысячи крестьян и дворовых людей. По меркам Костромской губернии, она являлась очень богатой помещицей. Н. Н. Макаров, её старший современник и земляк, уроженец Солигаличского уезда, писал в своих воспоминаниях, что в костромской дворянской среде помещики делились на «бездушных, малодушных и великодушных». Бездушные — это дворянская голытьба, не имеющая ни одной души, малодушные — владевшие от 10 до 50 душ, и великодушные — от 50 душ и больше¹⁹. По этой классификации, Е. Н. Варенцова была самой что ни на есть «великодушной» помещицей.

* В списках насельниц Богоявленско-Анастасиина монастыря второй половины XIX в., начиная с 60-х годов и вплоть до конца столетия, имя монахини Евпраксии (в миру Александры Николаевны Львовой) не встречается. Видимо, она состояла насельницей Анастасиина Крестовоздвиженского монастыря, который в 1863 г. был объединён с бывшим Богоявленским монастырем в единую Богоявленско-Анастасиину обитель, и умерла до 1863 г.

СЕЛО НОВОЕ, ЧТО В ТЕЛЯКОВЕ (НОВОЕ СУМАРОКОВО)

СЕЛО Новое, что в Телякове* (оно же — Ново-Теляково, Новое Сумароково, Ново-Сумароково, Сумароково)**, где жила Елизавета Николаевна Варенцова, находилось в 75 верстах от Костромы, в 40 верстах от уездного города Галича и в 35 верстах от города Буй. Село лежало на южной окраине Галичского уезда, в нескольких верстах от него проходила граница с Буйским уездом (ныне, повторим, с. Сумароково относится к Сусанинскому району Костромской области).

К 30-м годам XX в. название «Новое, что в Телякове» стало забываться. В это время село обычно именовалось «Новое Сумароково» или «Ново-Сумароково». К середине XX в. первая половина этого название отпала, и село стало именоваться «Сумароково»***.

Село стояло на возвышенности, под которой внизу протекала речка Водыш****.

Помещичья усадьба в селе Новом впервые упоминается в 1599 г., когда «село Новое на речке Водаш» со стоящей здесь Никольской церковью принадлежало Савве Жадовскому²⁵, от которого в 1639 г. перешло к его сыновьям. В 1648 г. владельцем «полсела Нового» стал Савин Алексеевич Сумароков²⁶. В связи с этим, по-видимому, со второй половины XVII в. у села появляется ещё одно название — Новое Сумароково. Как писалось выше, в начале XIX в. село принадлежало отставному поручику Николаю Григорьевичу Полозову, от которого перешло к его дочери Надежде Николаевне, матери Елизаветы Николаевны Варенцовой.

Новое, что в Телякове (Новое Сумароково), лишь числилось селом. На самом деле это было классическое сельцо, где находилась только барская усадьба, в которой жили господа и дворовые люди. В 1858 г. при усадьбе проживало 34 дворовых человека (15 м. и 19 ж.)²⁷ и не имелось ни одного крестьянского двора.

До нас не дошло изображений усадьбы Елизаветы Николаевны. Известно только, что в центре её стоял господский дом — деревян-

* Село имело уточняющее название «что в Телякове», скорее всего, потому, что в Галичском уезде было ещё одно село с названием «Новое». Теляково — это барская усадьба, находившаяся неподалеку от с. Новое.

** В начале 1870-х годов село называлось Новое Сумароково (Новое, что в Телякове) 20, также — с. Новое-Сумароково; так оно значилось и в справочнике 1908 г.²¹ В справочниках 1926 г.²² и 1929 г.²³ село названо Новое-Теляково.

*** Примечательно, что в начале XX в. местные жители произносили название Сумароково как «Самороково». Во всяком случае, в 1920 г. и 1921 гг., когда в ходе следствия по делу матери Веры малограмотные чекисты записывали, как слышали, то практически все местные жители именовали село — «Самороково».

**** Водыш — приток р. Шачи. Название речки Водыш (ударение на первый слог) является угро-финским по происхождению и относится к группе названий рек и речек в нашем крае с окончание на -ш и -ж: Белбаж, Унорож, Халбуж, Ухтубуж, Порныш, Олешь, Шухомош и др. В описании Костромского наместничества 1792 г. И.К. Васькова речка именуется «Воздаш»²⁴.

ный, двухэтажный, с большим двусветным залом. Судя по всему, это было настоящее «дворянское гнездо». Главный фасад господского дома смотрел на восток, а с западной стороны располагалась терраса, с которой открывалась панорама на долину речки Водыш. К дому примыкал большой парк с липовыми аллеями. Украшением его был большой пруд, в центре которого находился нерукотворный островок. Скорее всего, раньше на остров вёл мостик, и господа летним вечером могли там пить чай. Наверняка в 1840-е годы в село по праздникам съезжались соседи-помещики: в господском доме давались балы (как уездный предводитель П.А. Варенцов обязан был несколько раз в году устраивать бал), звучала музыка, в гостиной обсуждались последние уездные новости...

На протяжении нескольких вёрст вокруг села лежали деревни, принадлежавшие Елизавете Николаевне Варенцовой: Антонково, Замятино, Исаково, Попово, Соломино и Чебыкино²⁸.

НИКОЛЬСКАЯ ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

СВОИМ статусом села Новое, что в Телякове, было обязано стоявшей рядом с усадьбой Никольской приходской церкви.

Каменный Никольский храм построили взамен деревянного в начале 60-х годов XVIII в. Его освящение состоялось в 1763 г. В храме имелось три престола: 1) в честь Смоленской иконы Божией Матери — в холодном четверике, 2) во имя святого Иоанна Предтечи — в правом приделе, 3) во имя святого Николая чудотворца — в левом приделе²⁹. Примечательно, что храм именовался не по главному престолу, а по придельному — Никольскому.

Примерно в 40-е годы XIX в. храм подвергся перестройке и расширению. По-видимому, в это время на средства супругов Варенцовых к церкви «была пристроена трапезная, частично закрывшая боковые стены четверика, и колокольня, соединявшаяся с трапезной небольшой папертью-переходом»³⁰. Чуть позднее «Никольский храм опять перестроили: был переложен главный алтарь, к основному объёму с двух сторон примкнули притворы, сооружена новая, более широкая западная паперть»³¹. В ходе этих перестроек храм утратил прежний барочный облик, который он наверняка имел в 60-е годы XVIII в. Храм окружала каменная ограда со Святыми воротами. В ограде находилась каменная сторожка³².

В середине XIX в. в приход входило 14 селений, в которых проживало 670 прихожан (300 м. и 370 ж.)³³. К началу XX в. число селений сократилось до 11-ти, а количество прихожан выросло до 965 чел. (450 м. и 515 ж.)³⁴.

В начале XX в. в состав прихода входили: с. Новое, что в Телякове, д. Антонково, д. Анциборово, д. Берниково, д. Замятино, д. Исаково,

Так Никольская церковь в селе Сумарокове выглядит сейчас. Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

д. Попово, д. Соломинино, усадьба Теляково, д. Шишкино и д. Шелки. Неподалёку находились соседние приходские церкви: в трёх верстах — Никольская на погосте Горки, что на Пенье, и в шести верстах — Никольская с. Соболево³⁵.

12 марта 1861 г. в Никольской церкви села Нового, до отказа заполненной жителями окрестных деревень, ещё вчера бывших крепостными госпожи Е. Н. Варенцовой (последняя со своими детьми наверняка присутствовала в этот момент в храме), произошло поистине историческое событие. После Божественной литургии отец-настоятель зачитал с амвона царский Манифест от 19 февраля 1861 г. Под сводами храма прозвучали его знаменитые заключительные слова: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»³⁶.

Одним из последствий реформы 1861 г. стало деление уездов на волости. С 1861 г. село Новое, что в Телякове (Новое Сумароково), относилось к Яхнобольской волости Галичского уезда, центром которой

было с. Яхноболь*. В состав этой волости село входило вплоть до 20-х годов XX в.

В 1867–1912 гг. настоятелем Никольской церкви служил о. Никтополион Комаровский (1844–1913 гг.), 45-летнее настоятельство которого составило эпоху в истории прихода. 10 августа 1885 г. о. Никтополион открыл при своей церкви церковно-приходскую школу — одну из первых в Галичском уезде. В 1878–1879 учебном году в Ново-Теляковской церковно-приходской школе обучалось 15 учеников, учительницей в ней работала супруга о. Никтополиона, Анна Васильевна Комаровская³⁸. Позднее учительницей в Ново-Теляковской школе стала работать его дочь — Мария Никтополионовна Комаровская³⁹.

ПАМЯТЬ О СТАРИЦЕ ЕВПРАКСИИ

ОСОБЫМ почитанием в Никольском Ново-Теляковском приходе пользовалась старица, монахиня Евпраксия (в миру Екатерина Семёнова; 1746–1823 гг.). Будущая старица, Екатерина Семёнова, родилась в 1746 г. в д. Шелки в семье дворового человека Семёна. На двенадцатом году жизни у девочки отсохла левая рука. Став взрослой, в течение многих десятилетий Екатерина совершала поразительный подвиг — она каждую ночь, в любое время года, молилась возле Никольского храма, стоя у его северной стены, возле окна. В течение семи лет Екатерина несла «трудный и великий подвиг юродства о Христе, притворяясь безумной»⁴⁰. В следующие семь лет она возложила на себя подвиг молчания.

Екатерина была крепостной, но по просьбе местного священника, о. Георгия Титова, помещик Михаил Рытин отпустил её на свободу «для беспрепятственного служения Господу»⁴¹. Почитатели устроили для Екатерины на том месте, где она молилась по ночам возле храма, «кущу малу»⁴², то есть хижину⁴³. Позднее для неё построили небольшую келью вблизи храма. Подвижница носила на теле металлические вериги, а на голове — металлическую шапку, обшитую чёрной материей⁴⁴. Она обладала даром прозорливости, и поэтому к ней приходили многие люди.

По-видимому, вскоре после кончины старицы кто-то из современников составил о ней «Повесть о подвигах одной девицы, посвятившей себя служению Богу», в которой говорилось, что к Екатерине приходили «многие именитыя народы и простые мужи и жены»⁴⁵. Среди «именитых народов» был юный Юрий Никитич Бартенев (1792–1866 гг.) — уроженец и владелец сельца Золотова в Галичском

* Название села Яхноболь, стоящего на речке Яхне, по своему происхождению является мерянским. Слово «бол» на мерянском языке означает «селение, деревня»³⁷, поэтому «Яхноболь» переводится как «селение на Яхне». В нашем крае к названиям селений с окончанием на *-бол* и *-бал* относятся: Кужбал, Пезобал, Ружбал, Сомбал, Яхробол и др.

уезде, будущий участник Отечественной войны 1812 г., директор Костромской губернской гимназии (1819–1833 гг.), писатель, друг А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. По-видимому, Юрий Никитич посетил старицу уже в конце её жизни. Алексей Воскресенский пишет, что Екатерина «в молодости его (Ю. Н. Бартенева. — *Н.З.*) (...) предсказала всю его будущую жизнь»⁴⁶.

Будучи по определению неимущей, Екатерина бралась за дела, за которые не взялись бы и многие помещики. В связи с притоком молящихся она решила расширить Никольский храм. Получив на это разрешение от епископа Костромского и Галичского Евгения (Романова)*, она на собранные от почитателей средства сумела расширить и благоустроить храм⁴⁷. Ещё ранее, в 1790 г., она украсила престольный образ храма — Смоленскую икону Божией Матери — серебропозлащённой ризой, сооружённой ею «на мирское подаяние»⁴⁸.

В последний год своей жизни, в 1822 г., Екатерина «от рук благоговейного иеромонаха Филарета, подвизавшегося в недалёком отсюда (...) Железоборовском монастыре, приняла тайное келейное пострижение в иночество, с наречением ей имени Евпраксии»⁴⁹. Матушка Евпраксия скончалась 11 января 1823 г. и была погребена возле северной стены храма, у церковного окна, «на том самом месте, где в течение многих лет проходила изумительный подвиг своего ночного молитвенного бдения»⁵⁰. Согласно «Повести о подвигах одной девицы», она скончалась на 83-м году жизни, однако из надписи на её могильной плите, где указано, что монахиня Евпраксия родилась в 1746 г., следует, что она умерла в 77 лет.

О степени почитания её говорит уже тот факт, что, когда в 40-е годы XIX в. произошло расширение храма, её могила оказалась вну-

Гранитная плита с могилы старицы Евпраксии. На ней написано: «Здесь покоится прах бывшей монахини Евпраксии, родившейся 1746 года, преставившейся 1823 года генваря 11 числа. В богоугодном житии проведшая 50 лет». Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

* Епископ Костромской и Галичский Евгений (Романов;? — 1811 гг.) управлял Костромской епархией в 1800–1811 гг.

три церкви. Внутри церкви обычно хоронили храмоздателей или изредка — особо почитаемых священников. Напомним, что в 1619 г. неподалёку от села Нового в подклете Успенского деревянного храма в селе Домнине был похоронен народный герой Иван Сусанин⁵¹.

У могилы подвижницы в начале XX в. находилась принадлежавшая ей келейная икона святой великомученицы Екатерины, «в шитой бисером и стеклярусом ризе, с прядью волос, отъятых в неё при иноческом пострижении»⁵². Тут же стоял деревянный подсвечник из её кельи. В храме хранился тяжёлый металлический крест от вериг матушки Евпраксии⁵³. Гранитная плита с могилы старицы Евпраксии сохранилась. На ней написано: «Здесь покоится прах бывшей монахини Евпраксии, родившейся 1746 года, преставившейся 1823 года генваря 11 числа. В богоугодном житии проводшая 50 лет».

С 1859 г. в Ново-Теляковском приходе установилась традиция, когда на годовой праздник в деревнях священник служил «общую панихиду о приснопамятной старице — монахине Евпраксии»⁵⁴.

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ-УСЫПАЛЬНИЦА

В КОНЦЕ 40-х годов Павел Александрович и Елизавета Николаевна Варенцовы стали строить небольшую Троицкую церковь, которая возводилась ими как церковь-усыпальница. Участок для неё выбрали вблизи от приходского храма, на том месте, где стояла келья старицы Евпраксии⁵⁵. К сожалению, имя архитектора, построившего эту церковь, неизвестно. Троицкая церковь представляет собой уникальное сооружение, поразительный памятник русского ампира 40-х годов XIX в.

В XIX в. в городах и сёлах строилось много полукаменных двухэтажных домов, первый этаж которых был каменным, а второй — деревянным. Однако, кроме Троицкой церкви в с. Новом, что в Телякове, нам неизвестно ещё случаев, чтобы этот приём применялся к церковному зданию. Нижняя часть Троицкой церкви каменная, а верхняя — деревянная. В монастырских документах церковь описывалась как «каменная (...) с деревянным нарубом* вверх»⁵⁷. Её освящение состоялось в 1849 г.⁵⁸.

Редкой особенностью Троицкой церкви было наличие в ней хоров, то есть особого балкона, на котором пели певчие. Из-за небольших размеров и отсутствия алтарной абсиды местные жители и в прошлом и теперь обычно именуется эту церковь часовней. Троицкая церковь изначально не имела прихода и считалась приписной к приходской Никольской церкви, причт которой периодически совершал в ней богослужения.

* Наруб — настрой (надстрой) в деревянной избе, теремок, светёлка, вышка⁵⁶.

Сумарково. Троицкая церковь. Вид с севера. Современное фото

Троицкая церковь. Вид с востока. Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

Троицкая церковь и стала краеугольным камнем, лёгшим в основание будущего Свято-Троицкого монастыря. По ней женская община, образованная в бывшей барской усадьбе, стала называться «Ново-Троицкой». После преобразования общины в обитель последняя получила название — «Свято-Троицкий монастырь».

ОСНОВАНИЕ В УСАДЬБЕ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ

ИСТОРИК Свято-Троицкого монастыря, священник Алексей Воскресенский, пишет: «Глубоко верующая, истинная христианка, обладавшая прекрасною душою и добрым отзывчивым сердцем, Елизавета Николаевна не могла оставаться равнодушною наблюдательницею чужого горя и несчастий. Движимая христианским милосердием, она приютила в своей усадьбе сначала одну, затем другую бесприютную женщину, и, таким образом, в её имении образовался род женской богадельни, содержавшейся на её единичные средства. Не ограничиваясь этим делом милосердия, добрая помещица учредила у себя в усадьбе также приют для девочек, детей беднейших родителей. Ни богадельня, ни приют официально нигде и никем зарегистрированы не были, но фактически существовали в продолжении многих лет: в первой число призреваемых доходило до 20 человек, а в последнем их было не менее»⁵⁹.

В бумагах Свято-Троицкого монастыря устройство богадельни в усадьбе датируется 1870 г.⁶⁰. Напомним, что богадельня (от — делать для Бога) — это «заведение для призрения дряхлых, увечных и неисцелимых нищих; божий дом, божий приют»⁶¹.

Как писалось выше, примерно в середине 50-х годов скончался супруг Елизаветы Николаевны, Павел Александрович Варенцов (точный год его кончины неизвестен). Отпевали его в Никольской церкви, а похоронили возле алтаря Троицкой церкви. Отец Алексей Воскресенский сообщает, что Павел Александрович, «по смирению своему», выразил перед кончиной «желание быть погребенным вне храма»⁶². На отпевании и похоронах барина, конечно, присутствовало большое количество крестьян. Наверняка проводить своего бывшего предводителя в последний путь приехали многие соседи-помещики.

Так Елизавета Николаевна стала вдовой. А затем на неё обрушились новые удары судьбы: 8 февраля 1869 г. скончался её сын, Геннадий Павлович Варенцов. Через три года, 10 апреля 1872 г., умерла её дочь, Екатерина Павловна*. Обоих своих детей Елизавета Николаевна похоронила в семейном склепе в Троицкой церкви⁶³.

* В каком возрасте умерли дети Елизаветы Николаевны, неизвестно, так как мы не знаем годов их рождения. Вероятно, они появились на свет в начале 40-х годов, следовательно, скончались в возрасте 25–30 лет.

После смерти дочери Елизавета Николаевна решила создать в своей усадьбе, при Троицкой церкви, небольшую женскую общину. «Как истинная христианка, — пишет о. Алексей Воскресенский, — Елизавета Николаевна не страшилась неизбежной для всякого человека смерти, но её озабочивала мысль о будущности учрежденной богадельни. Так сам собою и вполне естественно возник для неё вопрос об учреждении в своём имении женской общины, где бы молитвенно вспоминалось её имя, вкупе с именами близких ей лиц»⁶⁴.

Летом 1873 г. Елизавета Николаевна приехала в Кострому и обратилась с прошением об устройстве общины к архиепископу Костромскому и Галичскому Платону (Фивейскому). В прошении она писала, что: 1) в состав предполагаемой общины изъявили желание поступить призреваемые ею 11 вдов и 9 девиц, для помещения которых она жертвует собственный дом с пятью флигелями и всеми хозяйственными службами; 2) при общине предполагается учредить приют для шести призреваемых престарелых женщин без различия сословий; 3) богослужение в общинной церкви согласились отправлять, по мере возможностей, священнослужители с. Новое; 4) для обеспечения предполагаемой общины она жертвует 430 десятин земли и денежный капитал в 4 тысячи рублей, кроме того обязуется вносить ежегодно в пользу общины по 300 рублей; 5) в пользу Троицкой церкви она жертвует капитал в 1 тысячу рублей⁶⁵.

В июле 1873 г. владыка Платон обратился в Св. Синод с представлением об учреждении при Троицкой церкви с. Новое Галичского уезда женской общины. В начале 1874 г. Синод предоставил испросить синодальному обер-прокурору высочайшее соизволение по этому вопросу. 20 июля 1874 г. император Александр II утвердил синодальное определение об учреждении общины⁶⁶. Однако дожить до открытия общины Елизавете Николаевне было не суждено.

«В течение девяти месяцев (...) Елизавета Николаевна еженедельно по воскресным дням приобщалась св. Христовых Тайн, с 17 сентября по 7 октября (...) уже ежедневно приступала к Чаше Жизни; ее привозили в храм, где она, по крайне слабости своих сил, сидя присутствовала за богослужением, молясь до конца службы»⁶⁷.

Елизавета Николаевна Варенцова скончалась 7 октября 1874 г. Через несколько дней о. Никтополион Комаровский совершил её отпевание в приходской Никольской церкви. Похоронили Елизавету Николаевну в Троицкой церкви, рядом с могилами детей⁶⁸. Наверняка проводить свою барыню в последний путь пришло большое количество крестьян.

Через месяц после кончины Е. Н. Варенцовой состоялось официальное открытие основанной ею женской общины.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СУМАРОКОВ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: СТАНОВЛЕНИЕ

«Ново-Троицкий монастырь может служить образцом быстрого возникновения и процветания женских монастырей, что замечается в нашем Отечестве, особенно в последнее время. Не проходит года, чтобы не было открыто или превращено из общин несколько женских монастырей, без всякого пособия от казны»¹.

*Протоиерей Иоанн Сырцов,
настоятель Костромского Успенского
кафедрального собора (1906 г.)*

1874 ГОД: ОТКРЫТИЕ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ

В НОЯБРЕ 1874 г. в усадьбе Е.Н. Варенцовой состоялось официальное открытие общины, которая получила название Ново-Троицкой. Оно произошло на торжественном богослужении, которое совершил настоятель Иаково-Железоборовского монастыря архимандрит Кирилл в сослужении благочинного V-го Галичского округа протоиерея Иоанна Махровского и священника церкви с. Новое, что в Телякове, о. Никтополиона Комаровского². Богослужение это, скорее всего, прошло в стенах Троицкой церкви.

Напомним, что такое женская община. В 1890 г. В.В. Зверинский писал, что женские общины «представляют из себя, и по внешнему устройству, и по внутреннему образу жизни, тот же монастырь, но с тою лишь разницей, что женщины, вступившие в число их членов, не принимают на себя монашеский обет, навсегда отделяющий че-

ловека от света, но исполняют все правила и условия, наложенные на послушниц и белиц настоящих монастырей. Следовательно, эти полу-монастыри, которые могут быть правильнее названы “послушническими монастырями”, составляют переходную ступень от светской жизни к монашеской»³. Большинство женских монастырей, возникших в Костромской епархии во второй половине XIX — начале XX вв., были образованы из женских общин. В свою очередь, общины очень часто возникали из богаделен.

Первой временной начальницей Ново-Троицкой общины стала старшая сестра богадельни — вдова рядового военного Васса Ивановна Панова, бывшая помощница Е. Н. Варенцовой. Однако, поскольку Васса Ивановна не имела никакого церковного опыта, её должна была сменить другая начальница. Выбор архиепископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского) пал на родную сестру покойной Елизаветы Николаевны Варенцовой — Марию Николаевну Львову, которая с 1864 г. состояла начальницей Боголюбской женской общины в Макарьевском уезде. Указом от 11 марта 1875 г. владыка Платон переместил Марию Николаевну в Ново-Троицкую общину⁴.

Однако насельницы Боголюбской общины не отпустили свою начальницу: в последний момент они все легли на дорогу и преградили путь экипажу, на котором Мария Николаевна должна была уехать. Поражённая таким проявлением любви и привязанности, Мария Николаевна осталась в общине и объяснила владыке Платону, почему она не может выполнить его распоряжение.

Указом от 6 мая 1875 г. архиепископ оставил Марию Николаевну Львову в Боголюбской общине, а начальницей Ново-Троицкой общины назначил послушницу Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря Ольгу Никитичну Брянчанинову (1837 г. р.). Последняя была дочерью генерал-майора Никиты Петровича Брянчанинова (1801–1866 гг.) и дальней родственницей святителя Игнатия (Брянчанинова)^{5*}. Ольга Никитична поступила в Богоявленско-Анастасиин монастырь в 1868 г. и несла послушание при монастырской аптеке⁶. Однако труд начальницы общины оказался Ольге Никитичне не по силам, и, прожив три месяца в Сумарокове, она попросилась обратно. Временной начальницей опять стала Васса Панова.

11 сентября 1876 г. владыка Платон назначил главой общины Анну Андреевну Студенецкую, дочь протоиерея из г. Козлова** Тамбовской губернии (её отца и всю его семью владыка хорошо знал по своей прежней службе в Тамбове)⁷.

Одной из основных проблем, стоящих перед общиной, было отсутствие своего вместительного храма. Сёстры ходили молиться

* Напомним, что святитель Игнатий (Брянчанинов) скончался в 1867 г. в Николо-Бабаевском монастыре, где жил на покое.

** В советское время г. Козлов переименован в г. Мичуринск.

в Троицкую церковь, где богослужения совершал настоятель Никольской приходской церкви о. Никтополион Комаровский. Однако к концу 1870-х годов численность общины достигла 80 чел.⁸ и они уже физически не могли поместиться в маленькой Троицкой церкви. Им приходилось ходить на богослужение в Никольскую приходскую церковь.

В 15-ти верстах от Сумарокова, в усадьбе Леонтьево Галичского уезда, проживали вдова капитана I ранга Варвара Васильевна Сипягина и жена капитана I ранга Наталья Николаевна Тихменева, часто бывавшие в Ново-Троицкой общине. В их доме находилась домовая церковь в честь Боголюбской иконы Божией Матери, которую эти женщины решили безвозмездно подарить общине. В 1880 г. церковь перенесли из Леонтьева и установили в главном зале бывшего господского дома. Осенью 1880 г. настоятель Иаково-Железоборовского монастыря архимандрит Кирилл освятил её⁹.

Первым священником Боголюбской общинной церкви стал заштатный священник о. Алексей Нарбеков¹⁰. Алексей Фёдорович Нарбеков (1817–1897 гг.) родился в с. Макадове Юрьевоцкого уезда, в семье пономаря. Он окончил Луховское духовное училище и Костромскую духовную семинарию (в 1841 г.)¹¹. С 1841 г. о. Алексей служил священником в разных сёлах Кинешемского уезда, а в конце 70-х годов — в Троицкой церкви с. Семилова Костромского уезда¹². В 1880 г. он стал священником в Ново-Троицкой общине, а затем — в Свято-Троицком монастыре. Отец Алексей Нарбеков скончался 2 апреля 1897 г.¹³ и был похоронен у Троицкой церкви.

Анна Андреевна Студенецкая стояла во главе Ново-Троицкой общины 8 лет. Простудившись, она скончалась 19 февраля 1884 г. в возрасте 50-ти лет и была похоронена возле алтаря Троицкой церкви¹⁴. 8 августа 1884 г. распоряжением епископа Костромского и Галичского Александра (Кульчицкого) новой начальницей Ново-Троицкой общины была назначена монахиня Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря Римма¹⁵.

Матушка Римма (Каллистова; 1818–1900 гг.)^{*}, дочь костромского чиновника, поступила в Анастасиин Крестовоздвиженский монастырь в 1825 г. в возрасте семи лет и прожила в нём почти 60 лет. 14 августа 1884 г. она вступила в управление общиной¹⁸.

При матери Римме произошло два важнейших события: началось строительство большого каменного собора и состоялось преобразование общины в женский монастырь.

^{*} В труде о. Алексея Воскресенского по истории Свято-Троицкого монастыря мать Римма названа Калинниковой¹⁶, но, по-видимому, это ошибка, так как в документах она всегда значится как Каллистова¹⁷.

ВОЗВЕДЕНИЕ СОБОРА В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦЫ»

В ОЗВЕДЕНИЮ в общине соборного храма предшествовали драматические события. 6 июля 1885 г. над бывшей усадьбой Е. Н. Варенцовой разразилась страшная гроза. Ударом молнии было убито двое рабочих. «Молния зажгла (...) конный двор со всеми пристройками: при оглушительных раскатах грома, при непрестанном блистании молнии горели эти здания, представляя собой огромный пылающий костер, угрожающий опасностью всей общине»¹⁹. Конный двор сгорел со всеми находящимися в нём тарантасами, телегами и санями*.

Игуменья Римма решила восстановить конный двор в другом месте, а на пепелище старого двора возвести большой каменный храм. Бывшие насельницы Свято-Троицкого монастыря, Екатерина Александровна Бубнова (1876–1966 гг.) и Екатерина Сергеевна Маянцева (1879 – после 1967 гг.), вспоминали, что монастырский собор возведён «на месте, где был каретник**, который сгорел во время грозы»²¹.

В конце 80-х годов мать Римма устроила кирпичный завод для производства кирпича, необходимого для возведения собора и других построек²³. Тогда это являлось распространённой практикой: гораздо проще и дешевле было произвести кирпич самим, чем покупать его где-то и везти по нашим дорогам. Преемница матери Риммы, игуменья Досифея (Ипатова), переведённая в 1901 г. из Свято-Троицкого монастыря в Макариево-Решемский монастырь в Кинешемском уезде, предполагая вести большое строительство, тоже вначале устроила кирпичный завод²⁴.

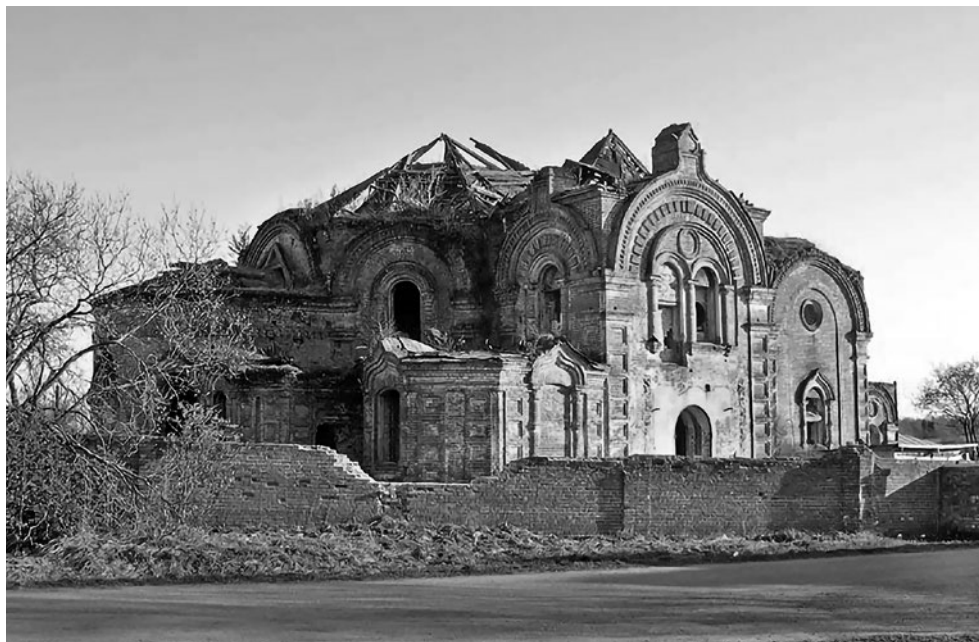
В 1888 г. старец иеросхимонах Парфений, подвизавшийся в обители Георгия Хаджи на святой горе Афон, прислал матери Римме икону Божией Матери «Скоропослушницу» и высказал «молитвенное благожелание, да благословит Владычица Своим пришествием обитель инокинь, и да создастся в честь честныя сея св. иконы особый храм»²⁵. Увидев в этом знак свыше, мать Римма решила посвятить предполагаемый к сооружению храм иконе Божией Матери «Скоропослушнице».

Закладка храма состоялась 20 августа 1889 г.²⁶. Кто совершил закладку, неизвестно, но, скорее всего, это был благочинный общины, настоятель Железнодорожского монастыря игумен Иоанникий (Удгодский)***.

* В память этого события ежегодно 6 июля вплоть до революции в монастырь приносилась чудотворная Полонская икона Божией Матери из погоста Спас-Верховье Галичского уезда, с которой вокруг обители и её владений совершался крестный ход²⁰.

** Каретник или каретный сарай — «хозяйственная постройка на богатом дворе, большой сарай для хранения экипажей, их деталей, сбруи и др.»²².

*** Иоанникий (Иван Степанович Удгодский; 1827–1897 гг.) родился в семье причетника Покровской церкви, что на Удгоде, Буйского уезда. После окончания Костромской духовной семинарии он в 1854 г. поступил в число послушников Ипатьевского монастыря, где в 1858 г. принял мона-

Монастырский собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы».
Фото О.С. Куколевской. 2008 г.

Здесь надо отметить, что настоятели Иаково-Железоборовского мужского монастыря, который находился в селе Борок Буйского уезда, в 18-ти верстах от бывшей усадьбы Е.Н. Варенцовой, сыграли большую роль в становлении Свято-Троицкой обители. В частности, отцы-настоятели обычно совершали постриг её насельниц в монашество.

Проект собора выполнил архитектор Иванов²⁸. Скорее всего, это был московский архитектор Александр Васильевич Иванов (1845 – после 1917 гг.), много строивший в обеих русских столицах. Примечательно, что в 1897–1899 гг. по его проекту в Москве на Лубянской площади возведено монументальное здание страхового общества «Россия», в котором в 20-е – 30-е годы находились ВЧК и ОГПУ²⁹.

К строительству соборного храма в Ново-Троицкой общине приступили в начале 1890-х годов. Возведение собора стало настоящим подвигом всех её насельниц: «Вместе с наемными каменщиками и сестры общины самоотверженно день и ночь трудились в том деле, то изготовляя кирпич на заводе, то подвозя его к месту постройки, то сюда же доставляя известь, песок и прочие материалы (...)»³⁰. Через несколько лет над долиной Водыша встал монументальный трёх-

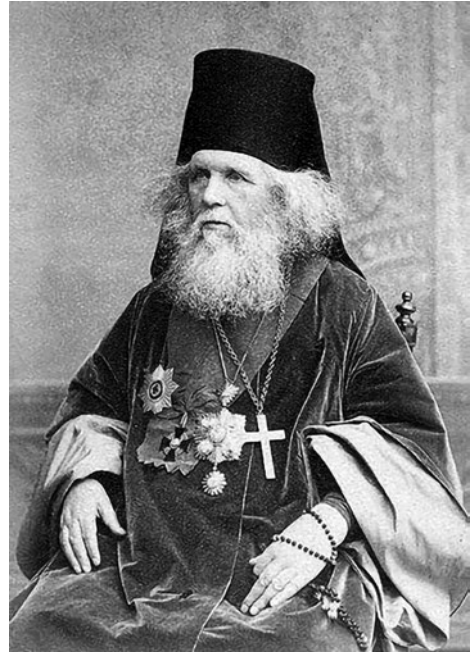
рушеский постриг с именем Иоанникий, а в 1862 г. рукоположен в сан иеромонаха. В 1886 г. он был назначен настоятелем Железоборовского монастыря, в 1887 г. возведён в сан игумена, в 1893 г. — в архимандрита. 26 ноября 1897 г., когда о. Иоанникий находился по делам в Галиче, его разбил апоплексический удар, и 1 декабря он скончался. 4 декабря в Железоборовском монастыре состоялось его отпевание и погребение²⁷.

главный храм (наличие трёх глав, скорее всего, обусловлено посвящением обители Святой Троице).

Освящение собора, состоявшееся 17–18 июня 1895 г., совершил епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев), объезжавший северные уезды губернии. Примечательно, что освящение произошло в день Боголюбской иконы Божией Матери (18 июня) — в престольный праздник домового Боголюбской церкви.

Вечером 17 июня владыка Виссарион, которому сослужили архимандрит Иоанникий (Удгодский) и многочисленное духовенство V-го Галичского округа, совершил в новом храме всенощное бдение: «Владыка выходил на литию и величание; пел всенощную стройно монастырский хор. На другой день (18 июня), перед литургией, новый храм был освящен владыкою, прибывшим в него со славою из покоев настоятельницы. Храм был переполнен народом, и вне храма все почти свободное от построек место было занято народом, который мог только поклониться святым мощам, обнесенным владыкою с крестным ходом вокруг храма»³¹. «При прощании с сестрами владыка сказал им наставление, в котором объяснил им значение их одежд, напоминающих им печаль о грехах, и убеждал их быть примером окружающим и приходящим в монастырь для богомолья мирским людям»³².

В 1902–1903 гг. к собору были пристроены два придела, сооружённые, в основном, на пожертвования потомственного почётного гражданина Ф.Н. Пырского³³. Освящение их вновь совершил владыка Виссарион. 15 января 1904 г., в четверг, он освятил левый придел в честь Нерукотворного образа Спасителя и Феодоровской иконы Божией Матери: «Освящение храма и литургия совершены при огромном числе молящихся, прибывших сюда за десятки верст помолиться за торжественным архиерейским служением и получить благословения от своего Архипастыря»³⁴. 16 января, в пятницу, владыка освятил правый придел — во имя Трёх святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) и мученицы Елисаветы Адрианопольской (память 22 октября ст. ст.) — святой покровительницы основательницы монастыря Елисаветы Николаевны Варенцовой³⁵.

Епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев). Фото 1890-х гг.

Изнутри храм был расписан живописцем из посада Большие Соли Александром Михайловичем Баженовым³⁶. В соборе были устроены хоры, с которых пел монастырский хор. К храму примыкала колокольня, высоко возносившаяся над обителью. К 1905 г. на ней находилось 10 колоколов. Самый большой, весивший 219 пудов (свыше 3,5 тонны), пожертвовала в 1902 г. крестьянская вдова Анна Васильевна Киселёва³⁷.

1893 ГОД: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩИНЫ В ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

СОБОР ещё строился, когда произошло преобразование Ново-Троицкой общины в женский монастырь. В 1892 г. епископ Виссарион обратился в Св. Синод с ходатайством на этот счёт, и 26 мая 1893 г. последний своим определением возвёл Ново-Троицкую общину в общежительный Свято-Троицкий монастырь (император Александр III утвердил это определение 2 июня 1893 г.)³⁸ *.

Настоятельница мать Римма была вызвана в Кострому, где 30 июня 1893 г. на богослужении в Богоявленско-Анастасиинском женском монастыре владыка Виссарион возвел её в сан игумении³⁹. Таким образом, в Костромской епархии одним женским монастырём стало больше.

В том же 1893 г. архимандрит Иоанникий совершил в обители первый монашеский постриг семи насельниц во главе с Вассой Пановой⁴⁰. В 1894 г. численность общины молодого монастыря составляла 110 чел. (14 монахинь, 62 послушницы и 34 находящихся на испытании)⁴¹.

ИГУМЕНИЯ ДОСИФЕЯ (ИПАТОВА)

В КОНЦЕ 1899 г. епископ Виссарион уволил 82-летнюю настоятельницу Свято-Троицкого монастыря игумению Римму на покой. На её место он просил Св. Синод назначить монахиню Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря мать Досифею.

Матушка Досифея (Фелицата Ивановна Ипатова; 1851–1934 гг.) родилась в д. Яснево Костромского уезда, в крестьянской семье. В 1858 г., в возрасте семи лет, она поступила в Костромской Анастасиин Крестовоздвиженский монастырь, который в 1863 г. был объединён с упразднённым Богоявленским мужским монастырём и преобразован в Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. В 1870 г. Фелицата Ипатова стала послушницей Богоявленско-Анастасиина монастыря, несла послушания живописицы, письмоводительницы (заведующей монастырской канцелярией), заведующей постройками монастыря. 22 марта 1889 г. она приняла монашеский постриг с именем Досифея,

* Ещё несколько лет после 1893 г. по инерции монастырь в бумагах именовался не Свято-Троицким, а Ново-Троицким.

скорее всего, в честь преподобного Досифея Палестинского⁴².

Определением Св. Синода от 3 января 1900 г. мать Досифея была назначена настоятельницей Свято-Троицкого монастыря⁴³. 22 января 1900 г. в Богородице-Рождественском соборе Ипатьевского монастыря епископ Виссарион возвел её в сан игумении и вручил ей жезл — знак игуменской власти⁴⁴. 23 января 1900 г. игумения Досифея выехала из Костромы по Молвитинскому тракту* и за ночь преодолела 75 вёрст дороги до обители.

Утром 24 января Свято-Троицкий монастырь встречал свою настоятельницу: «Встреча новой игумении была в высшей степени радостная и торжественная. В 9 часов утра 24 января удары большого колокола известили всех сестер монастыря о приближении новой их начальницы, и все они, как один человек, вышли навстречу ей за ворота монастыря.

Со звоном во все колокола из отверстых царских врат святого алтаря главного храма монастырского, в предшествии двух монахинь с подсвечниками и диакона с кадиллом и свечою, вышел в притвор церковный навстречу игуменье священник монастыря Николай Орнатский с крестом и св. водою. Положив при вступлении в храм земной поклон, облобызав честный крест и приняв окропление св. водою, при пении входного “Достойно есть”, игумения направилась к солею, где, после “Достойно”, прослушала пение тропаря и кондака в честь Св. Троицы, а также тропаря и кондака в честь иконы Божией Матери Скоропослушницы. После этого новая игумения приветствована была речью находившегося при встрече исправляющего должность благочинного V-го Галичского округа священника Димитрия Парийского (духовника монастыря) и священником монастырским о. Николаем Орнатским. После этого началась Божественная литургия, которую игумения выстояла всю до конца. После литургии отпет был молебен Пресвятой Троице и Божией Матери. По окончании

Игумения Досифея (Ипатова) — настоятельница Свято-Троицкого монастыря в 1900–1901 гг. Фото начала XX в.

* После переименования в 1939 г. с. Молвитино в с. Сусанино Молвитинский тракт также стали звать Сусанинским.

молебна игумения “со славою”, при колокольном звоне, отведена была в игуменские покои. Несмотря на вполне понятное утомление с дороги (ехала всю ночь, чтобы поспеть к литургии), игумения Досифея сочла первым долгом посетить предместницу свою честнейшую старицу игумению Римму. Встреча двух игумений была в высшей степени трогательная»⁴⁵.

Игумения Римма давно и хорошо знала мать Досифею, поскольку обе они несколько десятилетий прожили в Богоявленско-Анастасиином монастыре. Бывшая настоятельница Свято-Троицкого монастыря игумения Римма скончалась 2 апреля 1900 г.⁴⁶. 6 апреля состоялось её отпевание, в тот же день она была похоронена вблизи алтаря построенного ею трудами собора⁴⁷ *.

В Свято-Троицком монастыре игумения Досифея проявила себя как опытная и рачительная хозяйка. Священник о. Алексей Воскресенский пишет, что новая настоятельница «по линии каменной ограды вновь выстроила двухэтажный каменный корпус у Святых врат обители; закончила постройку нового скотного двора; исправила несколько ветхих построек; расширила боковыми каменными пристройками вчерне каменный Богородичный храм»⁴⁸.

Могила игумении Риммы (Каллистовой) у алтаря монастырского собора. Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

Однако в Свято-Троицкой обители матушка Досифея прожила только полтора года. В 1901 г. произошло преобразование Макариево-Решемской пустыни ** из мужского монастыря в женскую обитель, и 23 июля того же года мать Досифея была назначена настоятельницей этого монастыря⁴⁹.

Для обновленной Макариево-Решемской обители матушке Досифее было разрешено набрать из монасты-

Для обновленной Макариево-Решемской обители матушке Досифее было разрешено набрать из монасты-

* В настоящее время могила игумении Риммы (Каллистовой) у алтаря собора восстановлена.

** В слободе Решма Кинешемского уезда (в настоящее время — с. Решма Кинешемского района Ивановской области).

рей епархии 30 насельниц. В Решму с ней уехало три десятка насельниц Богоявленско-Анастасиина и Свято-Троицкого монастырей⁵⁰.

ИГУМЕННИЯ ИОАННА (УСПЕНСКАЯ)

УКАЗОМ Св. Синода от 28 сентября 1901 г. монахиня Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря Иоанна была утверждена в должности настоятельницы Свято-Троицкого монастыря⁵¹. 4 октября 1901 г. в Костроме, в Успенском кафедральном соборе, епископ Виссарион возвёл мать Иоанну в сан игуменнии и вручил ей игуменский жезл⁵².

Мать Иоанна (Серафима Ивановна Успенская) родилась в 1855 г. в с. Никифорово Костромского уезда, в семье священника. Её отец, Иоанн Тимофеевич Успенский (1821 – ранее 1899 гг.), родился в 1821 г. в с. Мышкино Буйского уезда, в семье диакона. В 1842 г. он окончил Костромскую духовную семинарию и последующие тридцать лет служил в сёлах Корееве и Никифорове Костромского уезда. В 1872 г. о. Иоанн стал священником Богоявленско-Анастасиина женского монастыря, в 1888 г. возведён в сан протоиерея, в 1891 г. вышел за штат. Редчайший случай в духовной среде — за свою службу о. Иоанн был возведён в дворянство⁵³.

Серафима Успенская поступила в Богоявленско-Анастасиин монастырь 8 декабря 1865 г., в возрасте десяти лет. В этой обители она прожила 36 лет: 5 февраля 1870 г. была определена в число её сестер, 5 апреля 1886 г. приняла монашеский постриг с именем Иоанна. В монастыре она несла ряд послушаний, а в 1890–1901 гг. состояла ризничей, то есть заведовала ризницей обители⁵⁴.

Игуменнии Иоанне предстояло занимать пост настоятельницы Свято-Троицкого монастыря 19 лет — с 1901 г. по 1920 г.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СУМАРОКОВ МОНАСТЫРЬ: НАЧАЛО XX ВЕКА

*«Свято-Троицкий женский монастырь (...) в каких-нибудь десять лет расцвел как крин сельный»¹.
Протоиерей Иоанн Сырцов (1906 г.)*

МОНАСТЫРСКИЙ ГОРОДОК

К НАЧАЛУ XX в. Свято-Троицкий монастырь представлял собой настоящий городок, в котором каждый год строились новые здания — каменные, полукаменные, деревянные.

Алексей Воскресенский писал в 1914 г.: «(...) Для помещения сестер в монастыре вновь устроены: двухэтажный полукаменный корпус, двухэтажный деревянный корпус, три одноэтажных деревянных дома и один каменный одноэтажный; для помещения монастырской больницы вновь выстроено деревянное одноэтажное на каменном фундаменте здание и капитально перестроено здание старой деревянной больницы; к настоятельскому и трапезному корпусам сделаны новые фундаментальные деревянные пристройки»².

В монастыре имелись три церкви.

Первой из них являлась Троицкая церковь, в которой и возле неё существовал особо почитаемый насельницами обители некрополь. В церкви были похоронены: основательница монастыря Елизавета Николаевна Варенцова, её дети Геннадий и Екатерина. У алтарной, восточной стены церкви находились могилы: мужа Елизаветы Николаевны Варенцовой Павла Александровича Варенцова, начальницы общины Анны Андреевны Студенецкой и первого священника общины о. Алексея Нарбекова³.

Вторая церковь — домовый храм в честь Боголюбской иконы Божией Матери, находившийся в двусветной зале бывшего господского дома, ставшего игуменским корпусом.

¹ Крин сельный — лилия полевая.

Панорама Свято-Троицкого монастыря. Вид из-за реки Водыш. Слева виднеется колокольня Никольской приходской церкви. Фото начала XX в.

Третьей церковью был собор — величественный, трёхглавый, с высокой колокольней, о которой о. Алексей Воскресенский писал: «Как светлая свеча высится колокольня на высоте горы, издали возвещая путнику, что здесь — обитель труда и молитвы, тихое пристанище от бурь и треволнений житейских»⁴. У алтаря собора находилась могила почившей настоятельницы матери игумении Риммы (Каллистовой).

В юго-западной части обители находилось монастырское кладбище, основанное в 1879 г. Оно было обнесено деревянной оградой, и в центре его стояла небольшая деревянная часовня⁵. Монастырь окружала каменная ограда с четырьмя небольшими башенками по углам. Возведение ограды, начавшееся в 1885 г., продолжалось ровно двадцать лет и завершилось в 1905 г.⁶. Главный вход в обитель — Святые врата — находился на северной стороне ограды. Вблизи ограды, рядом со Святими вратами, стояло полукаменное двухэтажное здание монастырской гостиницы.

МОНАСТЫРСКАЯ ОБЩИНА

В НАЧАЛЕ XX в. численность общины Свято-Троицкого монастыря быстро росла. В 1898 г. в обители проживало 129 чел. (монашествующие — 19, послушницы — 66, находящиеся на испытании — 38, призываемые в богадельне — 6)⁷. В 1900 г. — 187 чел. (монашествующие — 24, послушницы — 83, находящиеся на испытании — 80)⁸. В 1905 г. — 216 чел. (монашествующие — 26, указные послушницы — 127, находящиеся на испытании — 56, призываемые

в богадельне — 7)⁹. В 1913 г. — 247 чел. (монашествующие — 34, указные послушницы — 129, находящиеся на испытании — 84)¹⁰. В 1917 г. — 272 чел. (монашествующие — 45, послушницы — 115, находящиеся на испытании — 103, призреваемые в богадельне — 8)¹¹.

По своему происхождению насельницы обители, в основном, были крестьянские девушки и вдовы из Галичского, Буйского, Солигаличского, Чухломского, Кологривского и Костромского уездов. Довольно много насельниц происходило из Грязовецкого, Никольского и Тотемского уездов соседней Вологодской губернии и из Кирилловского уезда Новгородской губернии*.

Насельниц-дворянок в обители всегда были считанные единицы. В 1883 г. сюда поступила потомственная дворянка, 56-летняя вдова Анастасия Михайловна Готовцева (1827 г.р.)¹². В 1906 г. в монастырь пришла другая дворянка — Варвара Николаева (1855 г.р.). В 1911 г. она приняла монашеский постриг с именем Евпраксия. Указом духовной консистории от 14 ноября 1912 г. монахиня Евпраксия была назначена казначеей монастыря¹³ (этот пост она занимала до закрытия обители в 1920 г.).

Со времён Е.Н. Варенцовой в монастыре существовала богадельня, в которой в 1914 г. призревалося 10 пожилых женщин¹⁴. В 1904 г. кафедральный протоиерей Иоанн Сырцов писал о ней: «...Богадельня (...) оставлена при общине для женщин, без различия сословий, истинно нуждающихся в призрении по старости и неизлечимым недугам, каковых в настоящее время содержится 9 чел.»¹⁵. При обители имелась монастырская больница на 8 коек и амбулатория для больных из окрестных селений¹⁶. В 1904 г. в амбулатории получили различную медицинскую помощь 1993 чел.¹⁷.

К началу XX в. Свято-Троицкий монастырь уже прочно укоренился в жизни Галичского уезда. Одним из примеров этого является то, что Н.Ф. Чалеев-Костромской**, описывая в своих «Воспоминаниях» детство и юность, проведённые в усадьбе Готовцево Галичского уезда, по различным поводам упоминает Сумароков монастырь три раза¹⁸.

МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

БУДУЩИ заштатным монастырём, не получающим ни копейки из казны, обитель зарабатывала на жизнь сама. Каждая насельница, за исключением очень старых и больных, несла какое-то трудовое послушание. «Главный источник её (обители. — *Н.З.*) содержания, —

* Напомним, что до революции западная часть современной Вологодской области входила в состав Новгородской губернии.

** Николай Феодосьевич Чалеев, сценический псевдоним «Костромской» (1874–1938 гг.) — Народный артист РСФСР, актер московского Малого театра. Его «Воспоминания» изданы в Костроме в 2006 г.

писал о. Алексей Воскресенский, — ведение сельского хозяйства на принадлежащей монастырю земле (...) воспособительными средствами служат разнообразные труды сестер: украшение икон цветами* и фольгой, шитье ризницы, одежды и обуви, вышивание бумагой и шелком, вязание и плетение кружев, тканье полотен, малярное и переплетное мастерство и другие рукоделия»¹⁹.

К началу XX в. в монастыре имелся целый ряд хозяйственных служб и заведений: башмачная мастерская, хлебопекарня, общая портная мастерская, рукодельная швейная мастерская, переплетная мастерская, скотный двор, коровник, конный двор и др. Неподалёку от обители стояла монастырская ветряная мельница. При монастыре имелась двухэтажная гостиница.

В трёх верстах от обители, вблизи д. Замятино, лежал земельный надел, принадлежащий монастырю — так называемая монастырская дача. Это было бывшее сельцо Максимовское, где раньше находилась небольшая барская усадьба, последней владелицей которой являлась Е. Н. Варенцова. На рубеже XIX и XX вв. здесь располагались угодья обители — луга, сеной склад и пасека, насчитывавшая до 35 ульев. По бывшей усадьбе это место называлось «Максимова Поляна».

В 1914 г. о. Алексей Воскресенский, описывая хозяйство обители, отмечал: «На монастырской даче Максимове выстроены: новая деревянная изба для лесника и два деревянных сарая для уборки сена»²⁰.

Мария Павловна Рекунова (1914 г. р.), уроженка д. Замятино, вспоминала: «На Максимовой Поляне было монастырское хозяйство. Два больших деревянных дома стояло, а третий — улейник**. Было два пруда: один чистым звали, другой мутным. Сенокосные угодья были очень большие. Навесы, сараи тоже были большие. Монашествующие не ставили стога в полях, а убирали сено в сараи»²².

Другая уроженка д. Замятино, Александра Павловна Смирнова (1916 г. р.), вспоминала: «Родилась я в д. Замятино, неподалёку от с. Сумарокова. Неподалёку от нашей деревни у монашенок был земельный надел. Там стоял большой сарай, в котором хранили сено для скота. Впоследствии он перешёл в колхоз. Был также двухэтажный деревянный дом, предназначенный для столовой, гостиной и пр. Им пользовались в летнее время. Эта территория называлась “Максимова Поляна”»²³.

Всего к 1917 г. монастырю принадлежало: 70 десятин пахотной земли, 90 десятин сенокосов, 291 десятина леса, 346 десятин выгонов и неудобий и всего — свыше 797 десятин²⁴.

* Имеются в виду искусственные цветы.

** Улейник — пасека, пчельник²¹.

МОНАСТЫРСКИЕ ПОДВОРЬЯ

К НАЧАЛУ XX в. монастырь обзавёлся тремя подворьями — в Костроме, в Буге и в селе Молвитине.

Подворье в Костроме находилось на Пятницкой улице и представляло собой деревянный дом, в котором останавливались насельницы, приезжавшие в губернский город по делам. Здесь постоянно проживали четыре рясофорные послушницы, занимавшиеся сбором благотворительных подаваний²⁵. В 1908 г. на подворье был выстроен двухэтажный полукаменный дом²⁶. В 1914 г. о. Алексей Воскресенский писал: «При монастырском подворье в г. Костроме на средства Е.В. Рощиной устроены: новый двухэтажный полукаменный дом, который сдаётся в аренду, и деревянный флигель для приюта приезжающих по монастырским делам сестер обители»²⁷. По данным 1918 г., на подворье (адрес: ул. Пятницкая, д. 18), находилось два двухэтажных дома — полукаменный и деревянный, а также деревянные службы²⁸.

Подворье в Буге представляло собой деревянный дом, где постоянно проживали три послушницы²⁹.

В 1904 г. у монастыря появилось подворье в с. Молвитино (совр. п. Сусанино), центре Молвитинской волости Буйского уезда, которое находилось в 12 верстах от обители. В 1904 г. костромской купец Иван Борисович Зимин пожертвовал монастырю в Молвитине деревянный флигель с участком земли. На подворье жили две послушницы, в основном занимавшиеся получением и отправлением почтовой корреспонденции³⁰ (в Молвитине имелось ближайшее к монастырю почтово-телеграфное отделение).

Во время поездок в Кострому, Буй и Молвитино насельницы монастыря останавливались на своих подворьях.

ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ ОБИТЕЛИ

ГЛАВНОЙ святыней обители являлся образ Божией Матери «Скоропослушница», который находился в монастырском соборе. В Ведомости монастыря за 1917 г. о нём сказано: «В главном храме по левую сторону от царских врат находится местный образ Божией Матери Скоропослушницы, свято-чтимый сестрами монастыря и окрестными жителями»³¹. Как писалось выше, этот образ в 1888 г. был подарен игумении Римме афонским иеросхимонахом Парфением.

Матушка Римма соорудила на икону сребропозлащенную ризу, в нижней части которой имелась чеканная надпись, повторявшая надпись на самой иконе: «В честь и славу Преподобных Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии написах аз грешный сию св. икону в лето от воплощения Бога Слова 1873 месяца июля 20 дня,

смиренный и грешный послушник Прокопий, ученик Хаджи Георгия. Пресвятая Богородице, спаси раба Твоего Прокопия!»³².

Икона пользовалась большим почитанием среди насельниц монастыря и местных жителей.

В МОНАСТЫРЬ ПРИНОСЯТ ФЕОДОРОВСКУЮ Икону БОЖИЕЙ МАТЕРИ

С 1904 г. в Свято-Троицкий монастырь ежегодно стали приносить главную святыню Костромской епархии — Феодоровскую икону Божией Матери.

Как известно, с 1861 г. Феодоровскую икону Божией Матери ежегодно приносили из Костромы в Галич и обратно. Из Костромы в Галич икону везли через Судиславль. Возвращалась она другим путём — через Буй, Железнодорожный монастырь и с. Молвитино. С 1889 г., согласно особому разрешению Св. Синода от 22 марта 1889 г., Феодоровскую икону Божией Матери стали заносить в места, связанные с подвигом Ивана Сусанина — в сёла Спас-Хрипели и Домнино Домнинской волости Буйского уезда³³. В первые годы XX в. икону на участке от Буя до Молвитина провозили по маршруту: Буй — Железнодорожный монастырь — с. Головинское — с. Домнино — с. Хрипели — с. Молвитино³⁴.

С 1904 г. Феодоровскую икону Божией Матери, по ходатайству игумении Иоанны, стали завозить и в Свято-Троицкий монастырь. В тот год маршрут движения иконы в Буйском уезде впервые выглядел так: Буй — Железнодорожный монастырь — с. Головинское — Свято-Троицкий монастырь — с. Домнино — с. Хрипели — с. Молвитино³⁵. Ежегодное принесение главной святыни Костромского края стало ещё одним свидетельством того, что обитель на речке Водыш окончательно стала полноценным монастырём.

Сохранилось сделанное кафедральным протоиереем Иоанном Сырцовым описание того, как вечером 12 мая 1904 г.

Феодоровская икона Божией Матери.
Фото В.Н. Кларка. Начало XX в.

Село Домнино. 11 сентября 2005 года. Спустя сто лет Феодоровскую икону Божией Матери снова приносят в Домнино. Фото М.И. Клиндухова.

Феодоровскую икону Божией Матери впервые привезли в обитель: «Свято-Троицкий монастырь находится несколько в стороне от Костромского тракта, в селе Новом, что в Телякове, Галичского уезда. Пришлось ехать по проселочным дорогам, по которым было невозможно проехать в больших “Загаровских” * экипажах. В виду этого, нам были высланы два монастырских экипажа. Но тут встретилось другое неудобство: святая икона не входила ни в тот, ни в другой закрытый экипаж, а погода была склонная к дождю. По необходимости икону повезли открыто в небольшом экипаже, держа на руках. В результате экипаж у стен с. Сумарокова обернулся, вывалив и св. икону и пассажиров... Но это только к слову. У святых врат Свято-Троицкого монастыря встретил св. икону целый сонм инокинь, с молодой сравнительно игуменьей Иоанной и двумя почтенными старцами иереями во главе. Это два местных благочинных Дмитрий Парийский **, теперь уже скончавшийся, и Василий Сапоровский» ***³⁷.

* Загаровский экипаж, то есть принадлежащий В.Н. Загарову, владельцу транспортной конторы. Бытописатель старой Костромы Л.А. Колгушкин в своих воспоминаниях пишет: «...Предприниматель Загаров, говорят, имел на всех трактах губернии не менее 300 троек лошадей. (...) главный «штаб» Загаровской станции помещался на Русиной улице, дом № 7, а конюшни её выходили на улицу Никольскую (Свердлова)» ³⁶.

** Священник Димитрий Васильевич Парийский (1842–1905 гг.), настоятель Никольской церкви погоста Горки, что на Пенье, благочинный V-го Галичского округа.

*** Протоиерей Василий Иванович Сапоровский (1837–1915 гг.), настоятель Воскресенской церкви с. Молвитино, благочинный II-го Буйского округа.

Икона пробыла в Свято-Троицком монастыре только несколько часов: «Оставив Троицкий монастырь уже за полночь*, мы направились на родину царя Михаила Феодоровича** и спасителя его знаменитого костромича Ивана Сусанина, и прибыли на ночлег в село Хрипели 13 мая уже на утре»³⁸.

В своём очерке о поездке с Феодоровской иконой Божией Матери в 1904 г. о. Иоанн Сырцов посвятил несколько страниц Свято-Троицкому монастырю. Рассказав вкратце его небольшую к тому времени историю, он отметил: «Монастырь в каких-нибудь десять лет расцвел как крин сельный. Появилось три храма, из коих главный в честь Божией Матери Скорой Послушницы, каменный в два света, освящен в 1895 г. самим Преосвященным (покойным) Виссарионом. Устроена и каменная колокольня. Понастроено множество новых жилых корпусов для сестер, строится обширная каменная ограда. Монастырь наполнился черницами, коих в настоящее время насчитывается с готовящимися к принятию иноческих обетов до 208 чел. Монастырь обеспечил свою будущность капиталом в 26 тыс.; имеет земли: покрытой лесом 608 дес., пахотной 80 дес., сенокосной 90 дес., мельницу, лавку, дома в Костроме, Буе и Молвитине.

Ново-Троицкий монастырь может служить образцом быстрого возникновения и процветания женских монастырей, что замечается в нашем отечестве, особенно в последнее время. Не проходит года, чтобы не было открыто или превращено из общин несколько женских монастырей, без всякого пособия от казны.

(...) Можно сказать: насколько быстро упадает численно и нравственно нынешняя жизнь в мужских монастырях, настолько повышается в женских. Большая часть мужских монастырей, богатых историческим прошлым, по сравнению с женскими представляют теперь положительный контраст. В женских, при большом количестве монашествующих, полная обеспеченность, благоустройство храмов и жилищ, во всем порядок и чистота, набожность и трезвость, беспрекословная покорность настоятельнице и старшим; ничего подобного вы ныне не встретите в мужских монастырях, за редкими исключениями. Таково теперешнее положение по всей России и в Сибири, насколько мне приходилось лично наблюдать во дни своих служебных странствий.

Нельзя не пожелать процветания женским монастырям, по крайней мере, с той стороны, что они дают приют и душевный покой тем несчастным вдовам и девицам, на долю которых мирская жизнь не дает ничего, кроме горя и страданий»³⁹.

* График движения иконы с указанием времени её прибытия в разные места каждый год заранее публиковался в «Костромских губернских ведомостях», и духовенство, перевозившее икону, должно было строго его придерживаться.

** Неточность: Михаил Фёдорович Романов родился в Москве. Уважаемый о. Иоанн Сырцов имеет в виду, что судьба Михаила Фёдоровича была связана с селом Домнином.

ПАМЯТЬ О СТАРИЦЕ ЕВПРАКСИИ

В МОНАСТЫРЕ свято хранилась память о старице Евпраксии (1746–1821 гг.), которая чтилась как предшественница, предсказавшая возникновение здесь монашеской обители. Отец Алексей Воскресенский пишет, что мать Евпраксия «с непоколебимою верою говорила всем, что здесь, в месте её жительства, будет впоследствии женская иноческая обитель»⁴⁰.

В монастыре хранились её металлические вериги и железная шапка. В монастырской трапезной висел портрет матери Евпраксии⁴¹. В обители же хранился и один из списков «Повести о подвигах одной девицы, посвятившей себя служению Богу»⁴², которая фактически представляла собой житие старицы Евпраксии.

По сути, мать Евпраксия почиталась в Свято-Троицком монастыре (и в Никольском Ново-Сумароковском приходе) как местночтимая святая. Если бы не революция, то рано или поздно состоялась её официальная канонизация, то есть прославление в лике святых.

СЕЛО НОВОЕ, ЧТО В ТЕЛЯКОВЕ, В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К АК писалось выше, село Новое, что в Телякове (Новое Сумароково, Сумароково), вплоть до отмены крепостного права только числилось селом. В селе проживали только господская семья, дворовые люди, жившие при усадьбе, и члены церковного причта со своими семьями. Ни одной крестьянской семьи здесь не было.

После 1861 г. население села постепенно увеличивалось. В начале 70-х годов XIX в здесь было 4 двора и проживал 61 чел. (33 м. и 28 ж.)⁴³, в 1897 г. — 22 жителя (10 м. и 12 ж.)⁴⁴, в 1907 г. — 30 дворов и 37 жителей⁴⁵.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в селе ежегодно проводились две небольшие ярмарки. Первая проходила 28 июля — в престольный праздник Смоленской иконы Божией Матери; вторая — 1 ноября, на праздник святых Космы и Дамиана**. В числе основных товаров, продаваемых на ярмарках, были: «Бакалейный товар, огурцы, косы, серпы, шапки»⁴⁷.

* Такое сокращение от 61 чел. в начале 1870-х гг. до 22 чел. в 1897 г. объясняется, видимо, тем, что в первом случае призраемые в богадельне и девочки из приюта Е.Н. Варенцовой считались, а в 1897 г. насельницы Свято-Троицкой обители почему-то не учитывались.

** Проведение ярмарки 28 июля, в день престольного праздника приходского храма, не вызывает вопросов. Проведение ярмарки 1 ноября обусловлено тем, что день святых Космы и Дамиана являлся местным годовым праздником⁴⁶.

ГЛАВА IV

МАТЬ ВЕРА МЕРКУЛОВА: ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ

«Вера Антониева Меркулова. Крестьянская девица Орловской губернии Мценского уезда Стрелецкой волости д. Волобуевой»¹.

Ведомость о лицах, живущих на испытании в Свято-Троицком женском монастыре за 1907 г.

ЗАВЕРШИВ необходимый раздел экспозиции, мы переходим к главному герою нашего повествования — матушке Вере Меркуловой. Биография матери Веры до её прихода в 1906 г. в Свято-Троицкий монастырь представляет собой почти сплошное белое пятно. Попробуем хотя бы отчасти выяснить то, что кроется за этим покровом тайн и загадок.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ МАТЕРИ ВЕРЫ

В МОНАСТЫРСКИХ документах сообщается, что мать Вера происходит из крестьян Орловской губернии. Ведомость Свято-Троицкого монастыря за 1906 г. не сохранилось, и впервые Вера Меркулова упоминается в 1907 г.

В «Ведомости о лицах, живущих на испытании в Свято-Троицком женском монастыре Галичского уезда за 1907 г.» сказано, что «Вера Антониева Меркулова» — «крестьянская девица Орловской губернии Мценского уезда Стрелецкой * волости д. Волобуевой»³. Тот же самый текст повторён и в последующих ведомостях, вплоть до «Ведомости о лицах, живущих на испытании» за 1919 г.»⁴.

Авторы, писавшие о матери Вере в первые годы её жизни в обители, не располагали официальными сведениями и называли в качестве её родины самые разные места.

* В Ведомости 1907 г., а затем и во всех остальных монастырских ведомостях, название волости написано «Стреплецкая», но это, конечно, ошибка. Волости с таким названием в Мценском уезде не существовало: была Стрелецкая волость с центром в Стрелецкой слободе². По-видимому, в первый раз название волости записали ошибочно, а потом так и повелось.

В 1911 г. некто «Н. К-ин» в статье о матери Вере, опубликованной в газете «Наша Костромская жизнь», писал: «Происходит она, как говорят, из интеллигентной семьи, живущей в Тамбовской губернии»⁵. В 1914 г. в газете «Костромская жизнь» в статье, посвящённой матери Вере, её автор, укрывшийся под псевдонимом «М. Решемский», утверждал, что мать Вера является крестьянкой Карачевского уезда Курской губернии⁶.

После революции основным источником биографических сведений о матери Вере являются её показания на допросах во время многочисленных арестов.

Мать Вера на допросах, судя по всему, напускала на себя определённое юродство, о многом говорила иносказательно, а часто просто издевалась над следователями, так что её показания трудно понять. 7 августа 1920 г. на допросе в Галиче она показала: «Я происхожу из Орловской губернии, уезда и деревни не помню. Гражданкой Орловской губернии я числюсь только по бумаге, а родилась я на Кавказе в г. Севастополе *. Когда я выехала из Севастополя не помню, а помню только что последнее время жила в г. Ростове на Дону»⁷.

17 июня 1921 г., на допросе в Костромской губчека, мать Вера показала, что родилась в г. Севастополе⁸. Позднее мать Вера, в основном, показывала, что родилась в с. Сумарокове (Ново-Телякове, Ново-Сумарокове), то есть в том селе, где находился Свято-Троицкий монастырь. На допросе 29 декабря 1929 г. в г. Котельниче она показала: «Родилась я ... в д. Н-Теляково, Яхнобольской вол. Галицкого уезда, Костромской губ.»⁹. На допросе 2 июля 1931 г. мать Вера сказала, что происходит из крестьян с. Ново-Сумароково Молвитинского района¹⁰. На допросе 12 июня 1934 г. — что родилась в д. Новое Теляково * Яхнобольской волости Костромской губернии¹¹. На допросе 12 января 1935 г. она назвала местом своего рождения с. Сумароково Молвитинского района^{12**}.

В 1934 г. в ходе следствия по делу матери Веры из Молвитинского райотдела ОГПУ в Коростелевский сельсовет (центр этого сельсовета — с. Сумароково) был направлен запрос о том, родилась ли мать Вера на его территории. 22 июня 1934 г. сельсовет выдал чекистам «Справку о рождении гр-ки Меркуловой В. А.», в которой говорилось (орфография и пунктуация подлинника): «В Коростелевском сельсовете по актовым книгам рождений вовсе не числится и место рождения Меркуловой В. А. сельсовету не известно где таковая родилась. Со слов Меркуловой что она родилась в пределах Коростелевского сельсовета с. Ново-Теляково явная лож»¹⁴.

* Непонятно, то ли малограмотный чекист что-то напутал, то ли мать Вера так пошутила, что родилась «на Кавказе в г. Севастополе».

** В статье о матери Вере, опубликованной в 2004 г. в VII томе «Православной энциклопедии», автор этих строк на основании данных показаний ошибочно указал, что мать Вера родилась в «с. Новое, что в Телякове или Ново-Сумароково Галицкого у. Костромской губ.»¹³.

Почему мать Вера из раза в раз говорила на допросах, что родилась в с. Новое Сумароково (оно же — Новое, что в Телякове), если это не так? Хотела скрыть подлинное место рождения? Но зачем? Скрывала своё происхождение? Думается, мать Вера вовсе не хотела обмануть следователей. По-видимому, говоря, что появилась на свет в с. Сумарокове, она имела в виду, что родилась в этом месте не физически, а духовно — как монахиня, как подвижница.

У нас нет никаких оснований не доверять монастырским документам, говорящим о месте рождения матери Веры. Повторим: во всех ежегодных ведомостях монастыря мать Вера значится как «крестьянская девица Орловской губернии Мценского уезда Стрелецкой волости д. Волобуевой»¹⁵. В ведомости за 1907 г. в графе: «Под каким видом (т. е. документом. — *Н.З.*) проживает в монастыре», написано: «Метрическая выписка от 12 ноября 1907 г.»¹⁶. Таким образом, в 1907 г. она получила выписку из метрической книги своего прихода, то есть официальный документ. Следовательно, мать Вера действительно родилась в д. Волобуевой Мценского уезда Орловской губернии.

Во второй половине XIX в. в Мценском уезде Орловской губернии было две деревни Волобуево: одна д. Волобуево, что на Волчьем Отвершке¹⁷, и другая д. Волобуево — при селе Введенском¹⁸. В 1929 г. на допросе мать Вера показала, что её деревня лежала через поле от приходской церкви*, следовательно, она, скорее всего, родилась в д. Волобуевой при селе Введенском.

К ВОПРОСУ О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ МАТЕРИ ВЕРЫ

С ГОДОМ рождения матери Веры также всё обстоит весьма запутанно. В монастырской ведомости о лицах, живущих на испытании за 1907 г. (а это, повторим, первая ведомость, где упоминается Вера Меркулова), сказано, что ей 23 года²⁰. Следовательно, она родилась примерно в 1884 г. В ведомости за 1908 г. сказано, что ей 24 года²¹, и вновь получается, что она родилась в 1884 г. В ведомости за 1917 г. сказано, что ей 33 года, и опять выходит, что год её рождения — 1884 г.²².

После революции, на допросах, мать Вера называла самые разные года своего рождения.

17 июня 1921 г. на допросе в Костромской губчека мать Вера показала, что ей 41 год²³, следовательно, она родилась примерно в 1880 г. 2 июля 1931 г. на допросе в Молвитинском райотделе ОГПУ она сказала, что ей 53 года²⁴. Получается, что она родилась в 1878 г. На допросе 12 июня 1934 г. мать Вера указала, что ей 58 лет²⁵, то есть она родилась

* 29 декабря 1929 г. на допросе в Котельниче, говоря о своём детстве, мать Вера показала: «... церковь от нашей деревни была через небольшое поле»¹⁹.

в 1876 г. На допросе 13 января 1935 г. она впервые назвала, кроме года, и день своего рождения — 15 сентября 1874 г.²⁶

Таким образом, мы имеем пять вариантов года рождения: официальный дореволюционный — 1884 г., и четыре, указанных матерью Верой на допросах, — 1880 г., 1878 г., 1876 г. и 1874 г. То, что мать Вера на допросах всякий раз по-разному указывала свой возраст, видимо, следует объяснить её своеобразным издевательством над чекистами.

Вспомним, что мать Вера проживала в монастыре с официальным документом — «Метрической выпиской от 12 ноября 1907 г.», то есть выпиской из метрической книги её приходской церкви, где были указаны её день и год рождения. Поэтому «правильной» датой её рождения является 1884 г. Таким образом, когда Вера Меркулова в 1906 г. пришла в Сумароков монастырь, ей было 22 года.

Теперь коснёмся вопроса о дне её рождения. Единственный раз, на допросе 13 января 1935 г., мать Вера назвала точный день — 15 сентября. Очень похоже, что 15 сентября — это её настоящий день рождения. Имя Вера в церковном календаре XIX в. встречалось только один раз — на праздник святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, приходящийся на 17 сентября (30 сентября по н. ст.). Судя по всему, она действительно родилась 15 сентября, а 17 сентября, на Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию, её крестили и нарекли Верой.

Таким образом, наиболее достоверной датой рождения матери Веры является 15 сентября 1884 г.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ МАТЕРИ ВЕРЫ

КОНЕЧНО, наибольший интерес у следователей, допрашивавших мать Веру в 20-е и 30-е годы, вызывало её социальное происхождение.

После революции в печати мать Веру обзывали и «дворянкой», и «княгиней», и «помещицей», и «фавориткой двора Николая II» и т. д. Советских пропагандистов можно понять: навесив на мать Веру ярлык «помещица» или «княгиня», они надеялись отвлечь от неё рабоче-крестьянские массы. Однако, вероятно, газетчики не сами выдумали благородное происхождение матери Веры. Скорее всего, в этом вопросе они шли вслед за народным мнением: известно, что среди части почитателей матери Веры было распространено убеждение о её высоком социальном происхождении.

Отец Валентин Ратьков приводит слова Елизаветы Михайловны Смирновой (1923 г.р.), уроженки д. Моклоки Буйского уезда, которая говорила: «Матушка Вера была не из местных, а уроженка г. Москвы, княжевского рода»²⁷.

В 1967 г. Н. Седых, пациент Дома инвалидов, разместившегося после революции в Свято-Троицком монастыре, записал ряд воспоминаний о прошлом с. Сумароково. Согласно рассказам бывших насельниц обители, в 1930 г. при аресте мать Вера будто бы «предъявила документы Московского ОГПУ, в них говорилось, что гражданка Меркулова Вера Антоновна может свободно проживать, где ей угодно. Из этих документов стало известно, что она княжеского происхождения, имела высшее образование»²⁸.

Галичанин Михаил Михайлович Храмцов (1917 г.р.) в 1995 г. рассказывал краеведу Н.В. Сотникову, что мать Вера родом из д. Игумново Галичского уезда: «...в тех краях святую Верушку знали все. (...) Говорили, что она княгиня, что родом из тех мест. У ней там поместье было»²⁹.

На допросе 31 марта 1923 г. в Московском губотделе ОГПУ настоятельница Алексеевского монастыря*, игуменья Мария (Преженцова), на вопрос о социальном происхождении матери Веры показала: «Я слышала, что среди проходящего к Вере народа шли разговоры, что Вера происходит из княжеского рода»³⁰.

Уже в наши дни бывший генеральный директор Костромского музея-заповедника А.Н. Мазерина в статье о матери Вере повторила народный миф, написав: «Вера Антоновна Меркулова родилась в 1874 году, по всей видимости, в дворянской семье, поскольку в следственных документах значится помещицей»³¹. Вслед за А.Н. Мазериной этот текст почти дословно повторил галичский краевед Н.В. Сотников: «Вера Антоновна Меркулова родилась, по всей видимости, в дворянской семье, поскольку в следственных документах НКВД значится помещицей»³².

Конечно, известия о княжеском происхождении матери Веры — классический пример народного мифотворчества. Ссылки на некие документы ОГПУ прибавлены только для большей убедительности. Ни в одном из известных нам документов ОГПУ не говорится о «княжеском происхождении» матери Веры или о том, что она — бывшая помещица. Обычно следователи из ОГПУ-НКВД фиксировали, что социальное происхождение матери Веры неизвестно. В 1931 г. в следственном деле особо было отмечено, что её «социальное происхождение не выяснено»³³.

Ближайшая помощница матери Веры, много лет бывшая её келейницей, Евфросинья Кирилловна Карепина, 22 марта 1923 г. на допросе в Московском губотделе ОГПУ на вопрос следователя о происхождении матери Веры ответила: «Я никогда не слышала от Веры, чтобы она говорила о княжеском своем происхождении»³⁴. В связи с обвинением, что она сама распространяла слухи о княжеском про-

* В Алексеевском монастыре на окраине Москвы мать Вера жила после освобождения из тюрьмы в феврале-марте 1923 г.

исхождении матери Веры, Ефросинья Кирилловна сказала: «Я знала, что Вера происходит из простых, а поэтому не могла говорить, что она происходит из княжеского рода»³⁵.

Известно, что простолюдины часто приписывали высокое происхождение каким-либо необычным людям. В качестве примера можно вспомнить биографии двух знаменитых революционерок. Екатерину Константиновну Брешко-Брешковскую (1844–1934 гг.), вошедшую в историю как «бабушка русской революции», в 1874 г. во время её участия в «хождении в народ» крестьяне принимали за дочь императора или даже за саму императрицу³⁶. Веру Николаевну Фигнер (1852–1942 гг.) в 1904 г. после окончания двадцатилетнего заключения в Шлиссельбурге сослали в посад Нёнокса Архенгельской губернии, где местные жители приняли её за родную сестру императрицы — великую княгиню Елизавету Федоровну, приехавшую к ним из Москвы «узнать о положении народа»³⁷. Однако Е.К. Брешко-Брешковская и В.Н. Фигнер были дворянками, дочерьми помещиков, и их господское происхождение наверняка так или иначе проявлялось.

За члена царской семьи принимали и одну из ближайших помощниц матери Веры — Анастасию Васильевну Генеральскую. Её, крестьянку по происхождению, почитатели матери Веры принимали — ни больше и ни меньше! — за дочь императора Николая II, великую княжну Анастасию Николаевну Романову (1901–1918 гг.). 13 января 1935 г. следователь с усердием допрашивал об этом А.В. Генеральскую, пытаясь обвинить её в самозванстве³⁸. Конечно, Анастасии Васильевне и в голову не приходило выдавать себя за царскую дочь. Такое мнение о ней сложилось среди некоторых почитателей матери Веры. Основанием для этого послужило, видимо, совпадение имён и примерно одинаковый возраст (великая княжна родилась 5 июня 1901 г., а помощница матери Веры — 22 декабря 1902 г.). Свою роль, конечно, сыграли и слухи о том, что великая княжна Анастасия не погибла в 1918 г. в Екатеринбурге, а каким-то образом уцелела. Легенде о тождестве двух Анастасий способствовала, видимо, и звучная фамилия Анастасии Васильевны — Генеральская.

А есть ли какие реальные факты в пользу версии о благородном происхождении матери Веры? Пожалуй, единственное, что может говорить в пользу данной версии — это её грамотность. Начиная с монастырской ведомости за 1907 г. в монастырских бумагах всегда отмечалось, что Вера Меркулова «читать и писать умеет»³⁹. Большинство же насельниц женских обителей в начале XX в. были неграмотными (степень грамотности всегда отмечалась в ежегодных ведомостях). Однако писала мать Вера плохо, с ошибками, часто без знаков препинания, и даже по её почерку видно, что пишет малограмотный человек.

Вопрос о благородном происхождении матери Веры остаётся открытым. Имеющиеся данные не подтверждают эту версию. Скорее

всего, как и сказано в монастырских ведомостях, мать Вера происходит из крестьян, а мнение о её княжеском происхождении — один из примеров народных мифов о Сумароковской подвижнице.

Впрочем, в случае с матерью Верой, если бы, например, в 20-е годы вдруг выяснилось, что она на самом деле княгиня, это не имело бы почти никакого практического значения. К тому времени значение матери Веры как народной святой было столь велико, что если бы на самом деле оказалось, что она принадлежит к княжескому роду, то это имело следствием разве то, что на допросах чекисты стали бы иногда язвительно титуловать её «Ваше сиятельство».

О РОДИТЕЛЯХ МАТЕРИ ВЕРЫ

ПРО родную мать Веры Меркуловой мы не знаем ничего. Об её отце мы знаем только то, что мать Вера говорила о нём на допросах. Говорила же она, верная своему стилю общения с чекистами, каждый раз по-разному.

18 ноября 1921 г. в Москве, на допросе в ВЧК, мать Вера показала о своих родителях: «До поступления в монастырь проживала в г. Севастополе на средства оставшиеся от родителей, имевших свою кондитерскую»⁴⁰. 29 декабря 1929 г. на допросе в г. Котельниче она показала: «Родилась я... в семье крестьянина. Мой отец Антон Федорович Меркулов — крестьянин, занимался хлебопашеством и ходил на работу на сплав леса»⁴¹. На допросе 13 января 1935 г. в Молвитинском райотделе НКВД она снова назвала имя своего отца: «отец Антон Федорович Меркулов из крестьян, проживал в г. Ростове на Дону, сторож»⁴².

* * *

На допросе 13 января 1935 г., когда матери Вере впервые задали вопрос о родственниках за границей (до этого ей ещё никогда такого вопроса не задавали), она показала: «...двоюродный брат Крепс Григорий Иванович, проживает Франция, Париж»⁴³. Действительно ли у неё был такой двоюродный брат, мы не знаем.

* * *

Подведём итог. Вероятнее всего, мать Вера родилась 15 сентября 1884 г. в д. Волобуевой Мценского уезда Орловской губернии, в крестьянской семье. Отца её звали Антон Фёдорович Меркулов.

ВЕРА МЕРКУЛОВА: ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

«В церковь я ходила с малолетства, будучи призвана Богом прославлять его имя святое»¹.

*Из показаний матери Веры
на допросе в г. Котельниче
29 декабря 1929 г.*

КОНЕЧНО, очень жаль, что мы ничего не знаем о детстве и юности Веры Меркуловой. Наверняка она выделялась среди сверстников, ещё будучи ребенком.

29 декабря 1929 г. на допросе в Котельниче мать Вера рассказала о своём детстве: «В школе я не училась, а образование получила дома от родных, а также я любила церковь, в которую часто ходила... церковь от нашей деревни была через небольшое поле.

В церковь я ходила с малолетства, будучи призвана богом прославлять его имя святое. До 22 лет, живя в крестьянстве, я работала, но мало, т.к. была не совсем здорова. (...)

22 лет от роду, я, похоронив свою мать, посвятила себя всецело богу и ушла от отца в монастырь, это было в 1900 году*. (...) Через год после моего ухода в монастырь отец умер, я все хозяйство раздала по родным»².

18 ноября 1921 г. в Москве, на допросе в ВЧК, мать Вера показала, что пришла в Свято-Троицкий монастырь «по внушению свыше»³. Данный факт говорит о том, что к 1906 г. у Веры Меркуловой был определённый духовно-мистический опыт, и в обитель на речке Водыш она пришла вполне сложившимся человеком, чувствующим своё призвание. Только этим мы можем объяснить её стремительное становление в монастыре, когда буквально через два-три года после поступления в обитель она стала той матерью Верой, которую почитали тысячи человек.

* Вера Меркулова поступила в Свято-Троицкий Сумароков монастырь в 1906 г.

Владимирская икона Божией Матери –
главная святыня Русской Православной Церкви.
Государственная Третьяковская галерея

1906 ГОД: ВЕРА МЕРКУЛОВА ПРИХОДИТ В СВЯТО- ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

«В монастырь я поступила 22 лет по внушению свыше»¹.

*Из показаний матери Веры
на допросе в ВЧК 18 ноября 1921 г.*

ИТАК, в 1906 г. Вера Меркулова прибыла в Свято-Троицкий монастырь и стала его насельницей. Откуда она приехала? На допросе в Костромской губчека 17 июня 1921 г. мать Вера показала: «24-х лет я приехала «по внушению свыше» из г. Ростова в г. Кострому, а затем поступила в Свято-Троицкий женский монастырь»². Ростов-на-Дону — крупнейший город Юга России, в то время входил в состав Области войска Донского. По-видимому, до прихода в монастырь Вера Меркулова действительно какое-то время жила в этом городе.

На допросе в Москве в ВЧК 18 ноября 1921 г. она показала: «В монастырь я поступила 22 лет по внушению свыше»³. Разумеется, чекистов не интересовало, что это было за «внушение свыше». Не знаем этого и мы.

«Внушение свыше» объясняет нам, почему мать Вера поселилась именно в Свято-Троицком монастыре в Галичском уезде, а не в какой-нибудь другой женской обители, которых тогда в Костромской епархии было девять*. Свято-Троицкая обитель ко времени поступления в неё Веры Меркуловой в качестве монастыря существовала немногим более десяти лет и за пределами Галичского и Буйского уездов была известна мало.

* В 1906 г. в Костромской епархии существовали следующие женские монастыри: 1) Богоявленско-Анастасиин (г. Кострома), 2) Никольский Староторжский (г. Галич), 3) Богородице-Феодоровский (с. Ратьково Солигаличского уезда), 4) Троицкий Белбажский (Макарьевский уезд), 5) Боголюбский (Макарьевский уезд), 6) Кинешемский Успенский (г. Кинешма), 7) Макариево-Решемский (слобода Решма Кинешемского уезда), 8) Богородицкий (Ветлужский уезд), 9) Свято-Троицкий (с. Новое, что в Телякове, Галичского уезда).

ВЕРА МЕРКУЛОВА ПРИЕЗЖАЕТ В КОСТРОМУ

МАТЬ Вера* пришла в монастырь в 1906 г., скорее всего, летом. Вероятно, она приехала в Кострому на поезде, который прибыл на железнодорожный вокзал, находившийся тогда на правом берегу Волги.

Панорама Костромы. На переднем плане — пароход «Аристов». Фото начала XX в.

Кострома. Вид с Волги на Успенский кафедральный собор. Фото начала XX в.

* В этой главе мы называем Веру Меркулову матерью Верой задним числом, хотя так её тогда, разумеется, ещё никто не называл.

Место слияния Волги и реки Костромы. Слева — Волга, справа — устье реки Костромы. Вид с соборной колокольни. Фото начала XX в.

Дойдя до берега, где находилась переправа через Волгу, мать Вера впервые увидела панораму лежащей на левом берегу Костромы — города, который с этого дня навсегда вошел в её судьбу. Представить

Устье реки Костромы. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

то, что увидела мать Вера, можно обратившись к «Путеводителю по р. Волге 1905 г.», где говорится: «Если путешественник станет на высотах противоположного берега, то невольно zalюбуется красивой панорамой: широкая Волга, унизанная всевозможными судами с рощей мачт, украшенных флагами, полный жизни берег, заваленный лесом, дровами, строящимися судами разного рода, наконец самый город, нисходящий к берегу террасами с множеством церквей и зданий, обросших густою зеленью садов, река Кострома, слева — беспредельная луговая сторона с Ипатьевским монастырем, а справа — громадная, живописно расположенная по холмам татарская деревня с вековым сосновым бором — все это ласкает глаз путника»⁴.

Переправившись через Волгу на небольшом пароходе, мать Вера наверняка посетила Успенский кафедральный собор и поклонилась главной святыне Костромского края — Феодоровской иконе Божией Матери. Затем она нашла подворье Свято-Троицкого монастыря на Пятницкой улице, где ей объяснили, как добраться до обители, и, скорее всего, оставили на ночлег.

Вероятно, на следующий день мать Вера села на небольшой пароход, который отправился по реке Костроме на север, вверх по течению.

ВЕРА МЕРКУЛОВА ПРИЕЗЖАЕТ В ГОРОД БУЙ

ИЗВЕСТНО, что в начале XX в. река Кострома была судоходной и жители примыкающих к ней уездов в тёплое время года обычно добирались до губернского города по реке.

Город Буй.
Устье реки
Вёксы,
впадающей
в реку
Кострому.
Слева – беседка
в бывшей
Буйской крепо-
сти. На другом
берегу – Вос-
кресенская
церковь за ре-
кой Костромой.
Фото
М.М. Смодора.
Начало XX в.

...Пароход отчалил от пристани, прошёл немного вверх по течению, и, оставив слева длинную косу Стрелки, свернул с Волги во впадающую в неё реку Кострому, миновал громаду Ипатьевского монастыря, и пошёл вдоль низких берегов Костромского Заречья. Мать Вера плыла навстречу своей судьбе. Позади оставались прибрежные сёла и деревни: Шунга, Куниково, Мисково, Исады, Сандогора, Пустынь, Овсяниково, Контево...

Она сошла на берег в городе Бую — центре Буйского уезда. Буй, основанный в 1536 г. от имени малолетнего великого князя Московского Ивана Васильевича (Ивана Грозного) для защиты от набегов казанских татар, был одним из наиболее скромных уездных городов Костромской губернии. Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в Бую проживало 2624 чел.⁵. Город стоял у впадения в реку Кострому реки Вёксы*. Реки делили город на три части: «собственный город между рр. Костромой и Вексой, слободу Большую на правом берегу р. Костромы и слободу Малую на левом берегу р. Вексы»⁶.

В Бую было всего три церкви: Благовещенский собор, Воскресенская за рекой Костромой и Покровская кладбищенская⁷**. Благовещенский собор стоял на площади с торговыми рядами. Собор был

Буй. Центральная часть города. Слева — здание земской больницы, справа — Благовещенский собор. Фото М.М. Смордора. Начало XX в.

* Обычно эту р. Вёксу, вытекающую из Галичского озера, называют Вёкса Галичская — в отличие от р. Вёксы Чухломской, вытекающей из Чухломского озера.

**В некоторых крупных сёлах Буйского уезда, например, в с. Молвитино, храмов было столько же.

г. Буй, Костромской губ. Вокзалъ.

Буй. Железнодорожный вокзал. Фото начала XX в.

двухэтажный, его освящение состоялось в 1810 г. К зданию собора примыкала величественная четырёхъярусная колокольня. Совсем недавно, 2 октября 1902 г., в Благовещенском соборе совершил Божественную литургию святой праведный Иоанн Кронштадтский, посетивший Буй проездом*.

В Бую в это время готовились к большим переменам. Через город прошла строящаяся с 1903 г. железная дорога Вологда — Вятка. Над рекой Костромой уже повис на мощных опорах железнодорожный мост, в городе было построено здание вокзала. Движение по железной дороге Вологда — Вятка откроется уже этой осенью: 24 ноября 1906 г.⁹.

В Бую находилось подворье Свято-Троицкого монастыря, где Вера Меркулова узнала, как добраться до Свято-Троицкой обители. Последний отрезок дороги длиной в 35 вёрст она преодолела пешком или на попутной подводе.

* Отец Иоанн Кронштадтский прибыл в Костромскую губернию в начале октября 1902 г. по предписанию Св. Синода, чтобы посетить д. Хорошево в Солигаличском уезде и обличить И.А. Артамонова — основателя местной секты иоаннитов. Отец Иоанн Кронштадтский прибыл в Буй поздно вечером 1 октября 1902 г. и переночевал в доме настоятеля Благовещенского собора протоиерея Николая Гусева. Вернувшись из поездки в Солигаличский уезд, о. Иоанн вновь заночевал в Бую у о. Николая Гусева и утром 4 октября выехал в Кострому⁸.

ВЕРА МЕРКУЛОВА ПРИХОДИТ В СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

ПУТЬ матери Веры по Костромскому тракту лежал через село Борок, где она впервые увидела Иаково-Железноборовский мужской монастырь, и село Головинское. В последнем мать Вера свернула на просёлочную дорогу и через село Соболево прошла последние несколько вёрст до монастыря.

Священник Алексей Воскресенский писал в 1913 г. о том, что видел паломник, приближающийся к Свято-Троицкой обители:

«Когда путник, совершающий свой путь от Костромы к Бую, или обратно, по грунтовой дороге достигает с. Головинского, пред взором его открывается широкая и живописная долина, защищенная высокими отлогими горами, покрытыми перелесками, малыми деревеньками и полями.

В нескольких верстах от с. Головинского, по направлению к востоку, на вершине высокой горы, идущей по левому краю этой долины, как светлое видение, представляется ему белое каменное здание храма с. Нового и в самом ближайшем с ним соседстве — каменный же соборный храм женской обители, обнесенный также каменной стеною.

Пожелав поклониться святыням обители, путник за околицею уклоняется с большой дороги на проселочную и, миновав с. Соболево и несколько незначительных деревушек, чрез непродолжительное время достигает склона горы, противоположного той, на которой расположена обитель.

Когда он спускается затем по склону этой возвышенности и пересекает широкую долину, разделяемую малою речкою (речкой Водыш — *Н.В.*), пред ним открывается вся обитель. Прежде всего взор его останавливается на соборном монастырском храме в честь иконы Богородицы «Скоропослушницы», с возвышающеюся над западною его частью высокою колокольнею. Затем внимание его привлекает к себе длинная высокая каменная ограда, с устроенными по сторонам её такими же полубашенками на пространстве 600 сажен, опоясывающая собой всю обитель, в южной и в юго-западной стороне которой высятся тенистые деревья, из-за вершин которых приветливо выглядывают зеленые железные кровли монастырских зданий, и открытый портик храма, господствующего над всею обителью, как бы манит благоговеющего паломника скорей войти под священную сень и поклониться пред чтимую иконою Богородицы «Скоропослушницы», с высот Афонских благоизволившей прийти сюда, да благословить и место сие, и живущих в нем.

Отлогим подъемом горы взбирается путник к св. вратам обители, находящимся на северной стороне монастырской ограды, и молитвен-

но склоняет главу свою пред живописным изображением Пресвятой и Живоначальной Троицы представленной здесь во образе Трех ангелов у дуба Маврийского. В скромной полукаменной двухэтажной гостинице, прямо против св. врат обители и её соборного храма, успокаивается он от трудов путешествия, размышляя о минувших судьбах этой местности и об обстоятельствах возникновения здесь иноческой обители»¹⁰. Примерно то же самое увидела в 1906 г. и пришедшая в монастырь Вера Меркулова.

Один из её биографов (псевдоним «Прохожие», подробнее о нём будет ниже) в 1931 г. вспоминал, как выглядела мать Вера тогда: «Верушка босоножка пришла в Сумароково из Астрахани в синем подрыснике и туфлях»^{11*}.

Скорее всего, Веру приняла настоятельница монастыря — игуменья Иоанна, которая и включила её в число насельниц обители, в категорию лиц, находящихся на испытании. Дело было привычное: каждый год в монастырь приходило несколько десятков девушек и женщин, желающих поступить в его общину, и большинство из них принимали.

Уже через несколько лет Вера Меркулова стала самой известной насельницей Сумароковского монастыря.

* Астрахань, откуда будто бы пришла мать Вера, надо отнести по части народной мифологии, а про её туфли «Прохожие» упомянул не зря, так как уже через очень небольшое время никто больше не видел мать Веру обутой.

МАТЬ ВЕРА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ В МОНАСТЫРЕ

«Подвижничество — на языке христианской морали ряд особенных, духовных и внешних, благочестивых упражнений, основанных на самоотречении и имеющих целью христианское самоусовершенствование»¹.

*Энциклопедический словарь
Брокгауза и Эфрона (1898 г.)*

«ЛИЦО, ЖИВУЩЕЕ НА ИСПЫТАНИИ»

НАПОМНИМ, что в начале XX в. насельники любого монастыря делились на три категории: 1) монашествующие, то есть принявшие монашеский постриг, 2) послушники, то есть кандидаты в монахи, утверждённые в числе насельников указом духовной консистории, 3) лица, живущие на испытании, то есть люди, недавно пришедшие в монастырь и изъявившие желание стать монахами. Как и все новички, недавно поселившиеся в обители, Вера Меркулова попала в категорию, которая официально именовалась «лица, живущие на испытании»^{*}.

Как правило, все насельницы несли различные трудовые послушания. В первой монастырской ведомости, в которой упомянута Вера Меркулова, — в ведомости за 1907 г. — о её послушании сказано коротко: «При портной»². То есть с момента своего прихода в обитель Вера работала в портной мастерской. На допросе в 1921 г. Александра Зубкова, жившая в Свято-Троицком монастыре с 1904 г., показала: «Верушка Меркулова (...) в первые годы она работала в швальне»^{3**}. Портнихой мать Вера числилась в обители и вплоть до революции. Что шила мать Вера в первые годы пребывания в обители, мы не знаем. Позднее, в 20-е и 30-е годы, она много занималась шитьём риз для икон, а также предметов архиерейского и священнического облачения.

* Издавна новички, поступившие в женскую обитель, именовались «белицами» или «беличками».

** Швальня — это портняжная мастерская⁴.

Наряду с трудовым послушанием все насельницы обители несли какое-то церковное послушание. На допросе в Костромской губчека 18 ноября 1921 г. мать Вера показала, что вплоть до 1920 г. она исполняла обязанности «церковницы»⁵. «Церковница» — насельница, отвечающая за порядок в храме. Она чистит иконы, подсвечники, ковры; моет полы; следит за наличием масла в лампадах и т. п.⁶. Как правило, молодые насельницы поступали под начало какой-нибудь старой и опытной монахини. Скорее всего, так было и с Верой Меркуловой, но никаких данных об этом у нас нет.

Обычно лица, находящиеся на испытании, не выделялись из общей массы насельниц. Вера Меркулова в этом отношении была исключением: едва ли не с первых дней своего пребывания в обители она стала заметной фигурой, на которую обращали внимание все, кто посещал обитель. Скорее всего, примером для матери Веры послужила старица Евпраксия, могила которой находилась в Никольском приходском храме. В известном смысле мать Веру можно считать преемницей старицы Евпраксии.

«ВЕРА-БОСОНОЖКА»

ВИДИМО, уже вскоре после поступления в монастырь Вера стала ходить круглый год босиком, за что и получила в народе прозвище «Вера-босоножка».

Издавна на Руси некоторые подвижники ходили зимой босиком. Обычно этим выделялись юродивые. Известная петербургская старица, уроженка Нерехтского уезда, Матрона Петровна Мыльникова (1833–1911 гг.), три десятка лет своей жизни в Петербурге круглый ход ходила босой, за что и получила прозвище «Матрона-босоножка» или «Матрёнушка-босоножка»⁷.

Как писалось выше, скорее всего, непосредственным примером для Веры Меркуловой стала старица Евпраксия,

Петербургская старица Матрёнушка-босоножка (Матрона Петровна Мыльникова).
Петербург, ателье К.К. Буллы. Начало XX в.

почитаемая в Свято-Троицком монастыре. В статье о. Алексея Воскресенского, которая является для нас основным источником сведений о матери Евпраксии, нигде прямо не сказано, что та ходила босой в холодное время года, но, скорее всего, это было именно так. Блаженная Евпраксия носила вериги и тяжёлую металлическую шапку, она молилась круглый год по ночам возле храма. Скорее всего, она и ходила круглый год босой.

Уроженка д. Замятино *, Александра Николаевна Смирнова (1928 г.р.), со слов своей матери Александры Васильевны, близко знавшей мать Веру, позднее вспоминала, что та «дала обещание Богу ходить босиком и зимой где-то лет в 15»⁸; то есть мать Вера уже пришла в монастырь, желая ходить босой круглый год. Вид молодой насельницы, ходящей зимой голыми ногами по снегу, производил потрясающее впечатление на всех, кто видел её**.

Мария Павловна Рекунова (1914 г.р.), уроженка той же д. Замятино, мать которой была дружна с матушкой Верой, вспоминала: «Мать Вера пошла как-то в д. Соломино из Сумарокова, а мама пошла в д. Фокино из д. Замятино к родителям. Шли вместе. Зимой это случилось. Мама оделась по-зимнему, а матушка шла только в белом одеянии, босиком, без пальто. Вышли в поле (...). Лесу тут никого поблизости не было, ветер большой гулял постоянно в этом поле. Мама спрашивает: “Матушка, Вы не озябли?” — “Нет, Машенька, не озябла”. Шли, иногда останавливаясь, с разговорами»⁹. Она же вспоминала рассказы матери, как мать Вера «бывало, бежит из корпуса в корпус, только пятки чернеют»¹⁰.

В 1990 г. жительница с. Сумароково Нина Михайловна Панова (1926 г.р.) рассказала автору этих строк такой случай. Её мать зимой собирала хворост в лесу и увидела мать Веру, которая шла откуда-то босой. Они остановилась поговорить, и пока продолжался разговор, снег под ногами матери Веры начал таять...¹¹

МАТЬ ВЕРА НОСИТ ВЕРИГИ

СКОРЕЕ всего, уже в первые годы своей жизни в монастыре мать Вера возложила на себя ещё один подвиг — стала носить металлические вериги.

Напомним, что вериги — это «кандалы, оковы, разного рода железные цепи, кольца, полосы и т.п., носимые спасающимися на голом теле для смирения плоти»¹². Вериги носили многие русские подвижники. В соседнем со Свято-Троицкой обителью Иаково-Железнодорожном монастыре в начале XX в. в качестве священной

* Деревня Замятино лежала в двух верстах от Свято-Троицкого монастыря. Ныне её не существует.

** Автор этих строк в течение долгого времени занимался хождением зимой босыми ногами по снегу. Человек с закалкой выше среднего может пробыть босым в мороз на снегу не больше десяти минут.

Иаково-Железнодорожский монастырь.
Крест и вериги преподобного Иакова Железнодорожного. Фото 2017 г.

реликвии хранились вериги преподобного Иакова Железнодорожского, которые представляли собой «двой железных тяжелых (...) цепей, которые, возлагаясь на голое тело, опоясывали плечи подвижника и затем спускались к чреслам его»¹³.

На рубеже XIX и XX в. вериги, в основном, носили юродивые. Святитель Василий Кинешемский (1876–1945 гг.) вспоминал одного верижника, которого видел, вероятно, в детские годы в Кинешме: «Я помню одного странника. Высокий, сухой, но ещё крепкий, жилистый старик. Он носил под рубашкой на голом теле страшно тяжёлую двойную цепь, наглухо заклёпанную на груди и на спине. Его шапка представляла собой тяжёлую свинцовую чашку фунтов в пятнадцать *, обшитую вылезшим мехом. Длинная, выдолбленная внутри палка была тоже налита свинцом. Всегда он носил на себе не менее двух пудов. Его тяжёлая, мерная походка под аккомпанемент звякающих цепей была слышна издали. Плечи до кости были проедены тяжёлыми цепями, и носить их было, несомненно, настоящим мучением. В народе он пользовался громадным уважением»¹⁴.

В начале XX в. в Новгороде жил юродивый по прозвищу «Поддубовик». Помимо вериг на теле, он носил на голове металлическую шляпу, а в руках держал необычайно тяжёлый деревянный посох, налитый свинцом. Уроженец Новгорода, историк Н.Г. Порфиридов

* Пятнадцать фунтов — свыше шести килограммов.

(1893–1980 гг.), вспоминал о нём: «Массивная, высокая фигура в белом холщёвом халате-подряснике, подпоясанном широким ремнём, в широкополой шляпе и с толстенной палкой медленно шагала по бульвару или восседала на одной из скамеек. Его называли “Поддубовик”, и, надо сказать, что это прозвище как нельзя более ему подходило. Главное, пожалуй, заключалось в том, что его широкополая шляпа, как мы, мальчишки, слышали и сначала не верили, а потом убеждались сами, была железной, лишь сверху обтянутой холстиной, а посох, очевидно, налитый свинцом, был вовсе не по нашим силам. Настоящий былинный старчище-полигримище»¹⁵.

Следует заметить, что вериги по преимуществу носили мужчины. Женщин-верижниц было немного. Известна старица Мария Михайловна (1808–1917 гг.), последние годы своей жизни проживавшая, не приняв монашеский постриг, в Десятинном женском монастыре в Новгороде. До самой своей кончины в возрасте 108 лет старица Мария носила вериги. 11 декабря 1916 г. Марию Михайловну в Десятинном монастыре посетила во время своего паломничества в Новгород императрица Александра Фёдоровна¹⁶.

Разумеется, не все женщины, возлагавшие на себя вериги, могли вынести этот подвиг. Прославленная игуменья Мария (Тучкова; 1780–1852 гг.), основательница Спасо-Бородинского монастыря на Бородинском поле, в первые годы своей монашеской жизни носила вериги, но «здоровье её начало страдать, и митрополит (митрополит Московский Филарет. — *Н.З.*) потребовал, чтобы она их сняла. Она повиновалась, однако оговорила за собой право возлагать их на себя в некоторых случаях»¹⁷.

В Костроме в начале XIX в. была известна блаженная Дарьюшка, носившая вериги на протяжении 30 лет. И.В. Баженов писал о Дарьюшке: «Она явила в жизни своей много опытов духовной прозорливости и пользовалась вниманием не только костромичей, но и многих святителей, бояр, даже Высочайших особ. Дарьюшку принимали к себе государь Александр Павлович и супруга его Елизавета Алексеевна»¹⁸. Блаженная Дарьюшка скончалась в 1831 г. и была похоронена на кладбище при Спасо-Запрудненской церкви.

Скорее всего, непосредственным примером в ношении вериг для матери Веры послужила старица Евпраксия, которая, как писалось выше, носила вериги, а на голове — металлическую шапку, обшитую сверху чёрной материей¹⁹. Вериги для матери Веры по её заказу, вероятно, изготовил какой-нибудь местный кузнец, может быть, монастырский (в совхозе, организованном в 1920 г. в Свято-Троицком монастыре, была кузница, скорее всего, оставшаяся от монастырского хозяйства).

Мы располагаем несколькими свидетельствами того, что мать Вера носила вериги. Мария Ивановна Райкина (1919 г.р.) из г. Буй, чья мать часто ходила к матушке Вере, вспоминала: «Я слышала от

мамы, что матушка носила на шее вериги. Мама чувствовала их, когда прощалась с матушкой»²⁰. Ия Александровна Образцова (1936 г. р.) из г. Буй от своей матери, дружившей с матерью Верой, слышала, что «всю жизнь мать Вера носила железные вериги»²¹.

Мы не знаем, когда мать Вера стала носить вериги, но, по-видимому, это произошло в 10-е годы XX в. Конечно, она получила на это благословение настоятельницы обители.

Обычно люди, возложившие на себя вериги, носили их до конца своих дней. Судя по всему, так обстоит дело и в случае с матерью Верой. Вериги, которые она носила, упомянуты в Обвинительном заключении от 9 мая 1923 г., выдвинутом против матери Веры, которая сидела тогда в Москве. В заключении говорилось: «Меркулова носила вериги, что было известно верующим, считающим Меркулову святой»²².

«ВЕРУШКА»

ПО-ВИДИМОМУ, уже в первые годы пребывания матери Веры в обители местные жители, в основном, стали звать её «Верушкой». Как известно, так — уменьшительно-ласкательно — обычно звали юродивых и блаженных. Вспомним блаженную Дарьюшку, о которой писалось выше.

Именование матери Веры Верушкой было настолько распространено, что после революции его употребляли даже в советских документах и в следственных делах.

ВЕРА МЕРКУЛОВА СТАНОВИТСЯ МАТЕРЬЮ ВЕРОЙ

«Ко мне уже около 15-ти лет ходит народ за различными советами, и я по внушению свыше говорила каждому, что ему на пользу»¹.

Из показаний матери Веры на допросе в Костромской губчека 17 июня 1921 г.

РУКОВОДИТЕЛЬ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ОДНАКО и хождение босиком по снегу, и ношение вериг являлись только частью главного послушания, которое мать Вера возложила на себя, — служения людям.

Святитель Василий (Преображенский), епископ Кинешемский, писал: «Кто является у нас, в России, настоящими руководителями и вождями народной жизни? Не учёные, не богатые, не сильные, но смиренные старцы. К ним идут за советом с далёких окраин, за тысячи вёрст, и кто хоть однажды видел ту несметную толпу людей всех званий и состояний, которая собиралась у порога кельи преподобного Серафима или отца Амвросия Оптинского, тот понял, что здесь именно бьётся сердце и редактируются и издаются те неписанные законы, которыми управляется действительная жизнь»². Эти слова святителя Василия целиком применимы и к матери Вере.

В прошлом в истории Костромского края было немало преподобных старцев, к которым постоянно шли люди — Авраамий Галичский и Чухломской, Макарий Унженский и Желтоводский, Геннадий Костромской и Люблиноградский, Ферапонт Монзенский и др.

На рубеже XIX и XX вв. в Костроме, в Ипатьевском монастыре, жил известный старец — епископ Кинешемский Вениамин (Платонов; 1817–1905 гг.), который служил викарием архиепископом Костромской епархии в 1883–1905 гг. Ещё при жизни епископа Вениамина, в 1895 г., отмечалось: «В Костромской епархии и в ближайших к Костроме местностях Ярославской епархии Преосвященный Вениамин пользуется славой

благопоспешного молитвенника и благосоветливого старца. Ищут его молитвы и благого совета, наставления, утешения, ободрения и духовенство и миряне, горожане разных слоев общества и поселяне-простолюдины (...) В этом отношении для страны Костромско-Ярославской он имеет такое же значение, как и Иоанн Кронштадтский для всей православной России. Простолюдины так и величают его другим батюшкой Иоанном»³. В 1905 г. в посмертном очерке о владыке Вениамине говорилось, что «в Костроме его знали не как архипастыря, а как старца-подвижника, мудрого духовного советника, и знал больше простой народ, который посещал его каждодневно толпами, желая получить от него, как святого подвижника, слывшего в народе даже за “прозорливца”, благословение и услышать слово назидания»⁴. Владыка Вениамин скончался в 1905 г., за год до поступления Веры Меркуловой в Свято-Троицкий монастырь.

Своеобразной преемницей владыки Вениамина и «настоящим руководителем и вождём народной жизни» в Костромской губернии в первой трети XX в. стала матушка Вера.

МАТУШКА ВЕРА

МАТЬ Вера, несомненно, была наделена рядом духовных даров, в частности, даром прозорливости, что не могло не привлекать к ней людей.

Когда к матери Вере в массовом порядке стали приходиться посетители, точно неизвестно. Вероятно, это началось в 1907 или 1908 гг. Скорее всего, она сказала что-то важное одному из посетителей обители, тот поведал об этом кому-то ещё, второй посетитель пришёл уже к Верушке специально и — пошло-поехало.

Екатерина Сергеевна Маянцева (1876–1966 гг.), которая, будучи сиротой, воспитывалась в Свято-Троицком монастыре с детских лет, позднее вспоминала: «(...) после её (матери Веры. — *Н.З.*) прихода,

Викарий Костромской епархии, епископ Кинешемский Вениамин (Платонов).
Фото конца XIX в.

через два-три года, так повалило народу, что наша гостиница стала мала, и людей размещали в селе в частных домах»^{5*}.

На допросе 17 июня 1921 г. в Костромской губчека мать Вера показала: «Ко мне уже около 15-ти лет ходит народ за различными советами, и я по внушению свыше говорила каждому, что ему на пользу»⁷. За чем шли люди к матери Вере? За тем же, за чем шли к преподобному Сергию Радонежскому или к преподобному Амвросию Оптинскому, то есть по самым разным вопросам.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал о преподобном Амвросии Оптинском: «Выйдет, бывало, в белом подряснике с кожаным поясом, в шапочке — мягкой камилавочке, — все бросаются к нему. Тут и барыни, и монахи, и бабы... (...) Поговорит, пошутит, — смотришь, все оживятся, повеселеют. Всегда был веселый, всегда с улыбкой. А то сядет на табуреточку у крыльца, выслушивает всевозможные просьбы, вопросы и недоумения. И с какими только житейскими делами, даже пустяками, к нему не приходили! Каких только ответов и советов ему не доводилось давать! Спрашивают его и о замужестве, и детях, и можно ли после ранней обедни чай пить? И где в хате лучше печку поставить? Он участливо спросит: “А какая хата-то у тебя?” А потом скажет: “Ну, поставь печку там-то...” Мне все это очень нравилось»⁸.

Что-то подобное происходило и в Свято-Троицкой обители. Большинство посетителей приходили к матери Вере с различными житейскими проблемами. Девушки шли посоветоваться насчет женихов. Феоктиста Николаевна Баранова (1916 г.р.), уроженка с. Борок Буйского уезда, вспоминала: «Молодые девчонки ходили женихов выговаривать. Матушка их благословляла (...)»⁹.

Хозяева шли за советом, как поступить с больной скотиной. Анна Сергеевна Соколова (1911 г.р.), уроженка д. Кожухово Галичского уезда, вспоминала: «Моя мама ходила в Сумароково к матушке по поводу своей коровы, у которой заболело вымя. Она хотел узнать у матушки: колоть ей корову или обождать? Матушка Вера ответила ей, чтобы она корову не колола, так как она оправится. Вышло именно так. Ветспециалист сделал чистку больного вымени, и корова оздоровилась, снова стала дойной»¹⁰. Такой повод, как болезнь коровьего вымени, может показаться слишком незначительным для посещения провидицы. Однако надо помнить, какую роль играла корова в жизни крестьянской семьи. Болезнь буренки-кормилицы могла поставить её хозяев на грань голодной смерти.

В 1934 г., когда матушку Веру обвиняли в том, что массовым посещением её колхозники отвлекаются от работы и срывают весенний

* В 1913 г. монастырская гостиница, находившаяся вблизи Святых врат обители, представляла собой полукаменное строение, то есть первый её этаж был каменный, а второй — деревянный⁶. По-видимому, в 1914–1915 гг. деревянный этаж заменили на каменный. В таком виде бывшее здание гостиницы существует и ныне.

сев, сотрудники ОГПУ опросили большое количество колхозников, «пойманных» на посещении матери Веры в рабочее время, и у всех спрашивали, что они хотели спросить или обсудить с ней. Большинство отвечало уклончиво, но некоторые называли свои проблемы. Например, 15 мая 1934 г. колхозница Е.Н. Соколова (33 года) из д. Попово показала: «Подтверждаю, что я (...) была не раз у матушки Веры по своим семейным делам, ввиду того, что я ревную свою сестру к мужу. Меркулова дала мне ряд советов (...)»¹¹.

Известны примеры, когда мать Вера видела «внутренним взором» события, проходящие вдали от неё. В 1990 г. жительница Сумарокова Лидия Михайловна Сизова (1918–2005 гг.) рассказывала автору этих строк случай, о котором слышала от своей матери. Однажды мать Вера во время богослужения в монастыре подошла к одной из женщин, муж которой был болен ногами и не мог ходить, и сказала: «Иди домой, Федя-то с печки упал!» Та поспешила домой, и оказалось, что её муж, лежавший на печке, за чем-то потянулся, свалился с печи и лежал беспомощный на полу¹².

Много посетителей шло к матери Вере в надежде, что она исцелит их (или их близких) от тяжёлой болезни.

Постепенно утвердились определённые традиции приёма матерью Верой посетителей. С частью людей мать Вера общалась в монастырском соборе, где к ней тянулась очередь из посетителей. Большинству из них она давала особые бумажки, которые народ называл «талончиками» или «крестиками».

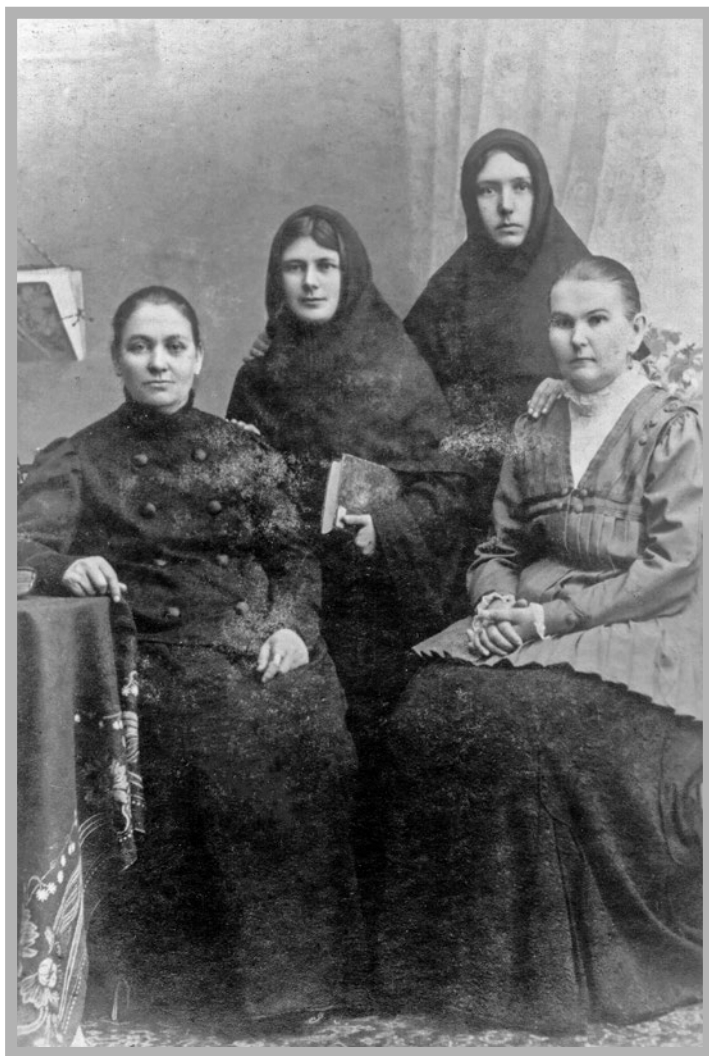
Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.), уроженка д. Моклоки Галичского уезда, мать которой была дружна с матерью Верой, вспоминала: «На талончиках матушка ставила крест при помощи печати, а карандашом указывала главы из Св. Писания. Талончики с печатью креста она заготавливала заранее и хранила стопками в шкафу. Также и номера глав из Св. Писания она помечала на талончиках заранее. Никто не видел, как матушка писала карандашом. При встрече с кем-либо она брала для одного талончик сверху, для другого из середины, для третьего снизу. Иногда эти талончики с обеих сторон боковых были острижены, иногда они были загнуты, но не острижены, а как-то под углом»¹³.

Некоторым посетителям в очереди она, не объясняя причин, «талончик» не давала. Такие люди воспринимали его неполучение как знак своей особой греховности и очень остро это переживали. Полученные от матери Веры «талончики» часто хранились десятилетиями. Тех, кто её посещал с целью спросить о чём-то важном, она принимала в своей келье и беседовала с каждым человеком индивидуально.

К концу первого десятилетия XX в. стало обычным делом, что мать Вера почти всегда была окружена людьми и поток посетителей, желающих встретиться с ней, всё время возрастал.

БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

В ПЕРВЫЕ годы своей жизни в монастыре мать Вера ходила в обычной чёрной одежде. В таком облачении она запечатлена на одной из фотографий, дошедших до нас. На этом снимке, сделанном в Вологде в 1910 г., она сфотографирована с двумя неизвестными женщинами и казначеей монастыря матерью Марией, которая стоит, положив матери Вере руку на плечо. Мать Вера сидит в центре, на ней — монашеская чёрная одежда.

Мать Вера (в центре), казначея монастыря мать Мария (стоит, положив руку на плечо матери Вере) и две неизвестные. Вологда. Около 1910 г.

Мать Вера в белом одеянии. Фото 1910 г.

Однако года через два-три после поступления в монастырь мать Вера стала носить белое одеяние, которое быстро стало неотделимым от её облика. Белое одеяние матери Веры было необычно и шло вразрез с традицией: каждый поступивший в монастырь с первых дней обязан был носить чёрную или хотя бы тёмную одежду. Конечно, такой шаг мать Вера могла сделать только по благословию игумении Иоанны, которая пошла на нарушение традиций, видимо, учитывая

особое положение, которое заняла к тому времени мать Вера в обители.

Впервые факт ношения матерью Верой белых одежд зафиксирован в газетной статье, посвящённой её жизни в 1910 г. в скиту Макариево-Решемского монастыря, где сказано, что она была одета в «какой-то белый халат»¹⁴. Скорее всего, мать Вера стала носить белые одежды раньше 1910 г., а чёрное облачение надевала, когда ездила на «сборы добротных даяний» в города. Впрочем, через какое-то время она и на сборы стала ездить в белом. В белом одеянии мать Вера осталась и после принятия в 1920 г. монашеского пострига, и позднее — великой схимы.

В этом отношении мать Веру можно сравнить с великой княгиней Елизаветой Фёдоровной (1864–1918 гг.). Как известно, великая княгиня после убийства в 1905 г. своего мужа, великого князя Сергея Александровича, основала в 1909 г. в Москве Марфо-Мариинскую обитель и, не принимая монашества, также всегда носила белое одеяние.

Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве великая княгиня и преподобномученица Елизавета Фёдоровна. Фото 1910-х гг.

ОТНОШЕНИЕ К МАТЕРИ ВЕРЕ СОВРЕМЕННОКОВ

С ПЕРВЫХ лет жизни матери Веры в монастыре большинство жителей окрестных селений стали почитать её как подвижницу и святую. С годами такое отношение к ней только усиливалось.

А как относились к Вере Меркуловой в обители? По ряду глухих и косвенных данных, мы знаем, что часть старшего поколения сестёр относились к ней неприязненно: мол, живёт в монастыре без году неделя, а и босиком ходит, и вериги носит, и будущее предсказывает, и люди к ней идут без конца.

Младшее же поколение насельниц, как правило, были горячими почитательницами матери Веры. Большинство тех, кто поступал в Свято-Троицкий монастырь после 1906 г., делал это обычно ради того, чтобы быть рядом с нею. Многие вначале ходили к матери Вере как обычные посетители, а потом уже поступали в монастырь как насельницы.

ГЛАВА IX

В МАКАРИЕВО-РЕШЕМСКОМ МОНАСТЫРЕ (1910–1911 гг.)

«Зовут её мать Вера. Живет она (...) в келье, среди соснового бора монастырского скита. Ходит даже зимою босая. Занимается пророчествами, которые сразу привлекали к скиту массу стекающего с разных сторон люда. Сюда идут и с фабрик, и из Вичуги, из Юрьевецкого уезда. Кадры, направляющиеся к скиту, состоят из самой разнообразной публики. Кроме массы простого люда, вы здесь встретите и купцов из Иваново-Вознесенска (...) и духовных особ из ближайших сел, и фабрикантов с супругами»¹.

*Газета «Наша Костромская жизнь»,
20 января 1911 г.*

МАКАРИЕВО-РЕШЕМСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В 1910 г. в жизни матери Веры произошло важное событие — она была командирована в Макариево-Решемский монастырь для выполнения ответственного послушания.

Макариево-Решемский монастырь находился в Кинешемском уезде, в 23 верстах от уездного города Кинешмы, на высоком правом берегу Волги. Монастырь был основан жителями слободы Решмы в честь победы русских войск в битве при Решме с приверженцами Лжедмитрия II (Тушинского вора), состоявшейся здесь в 1609 г.²

В 1901 г. мужской монастырь был преобразован в женскую обитель. Его настоятельницей стала упоминавшаяся выше игуменья Досифея (Ипатова; 1851–1934 гг.), бывшая до этого полтора года настоятельницей Свято-Троицкого Сумарокова монастыря. Первоначально костяк монашеской общины в Решме наполовину состоял из насельниц Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря, а наполовину — из насельниц Свято-Троицкой обители. Будучи заштатным, то есть не получающим ни копейки денег ни из какого бюджета, Решемский монастырь за несколько лет преобразился и стал благоустроенной обителью.

С 1796 г. к монастырю была приписана находящаяся на левом берегу Волги, в 25 верстах от Решмы, упразднённая Рождественская пустынь на р. Нодоге*.

С первых лет после переезда в Решму игуменья Досифея искала человека, на которого можно было возложить труд по возрождению пустыни на Нодоге и устройства там монастырского скита. Её выбор остановился на матери Вере — самой знаменитой к тому времени насельнице Свято-Троицкого монастыря.

Каким образом мать Досифея узнала о Вере Меркуловой? Скорее всего, бывшие насельницы Сумарокова монастыря, переехавшие в Решму, поддерживали связи со своей прежней обителью и знали о появившейся там новой сестре. Вероятно, мать Досифея, бывая в Костроме, общалась с настоятельницей Свято-Троицкой обители игуменьей Иоанной и от неё также слышала про Верушку. По-видимому, в начале 1910 г. они договорились, что мать Иоанна на какое-то время «уступит» её для возрождения пустыни на Нодоге.

Как видим, к 1910 г. имя матери Веры было уже хорошо известно в монашеской среде Костромской епархии.

МАТЬ ВЕРА ПРИЕЗЖАЕТ В РЕШМУ

МАТУШКА Досифея пригласила мать Веру к себе, и та, по благословению игуменья Иоанны, согласилась приехать в Решму летом 1910 г. По-видимому, это было оформлено как своеобразная «командировка». Вероятно, предполагалось, что мать Вера побудет в пустыни на Нодоге какое-то время, поможет собрать средства на её благоустройство и вернётся в Сумароково.

Мать Вера отправилась в Решму в июле 1910 г. Из монастыря она добралась до Буя, где села на пароход и по реке Костроме доехала до г. Костромы, откуда уже на другом пароходе отправилась вниз по течению Волги.

Зашумели плицы паровозных колёс... Позади осталась Кострома... Позади оставались места, где пароход делал остановки: Красные Пожни, Плёт, Семигорье, Наволоки, Кинешма... Скорее всего, мать Вера тогда впервые увидела Кинешму — город, с которым с этого времени её судьба будет связана неразрывно.

Как выглядела Кинешма в начале XX в., можно представить, открыв автобиографический роман писателя Вс.Н. Иванова (1888–1971 гг.) «На Нижней Дебре», где написано, как герой приезжает на пароходе из Костромы в Кинешму:

«Вот она, Кинешма! Пароход подваливал к пристани. Высокие горы правого берега были застланы зелёным бульваром, всюду тор-

* Речка Нодога — правый приток р. Желваты, впадающей в Волгу. Как и во всех угро-финских названиях, в слове «Нодога» ударение делается на первый слог.

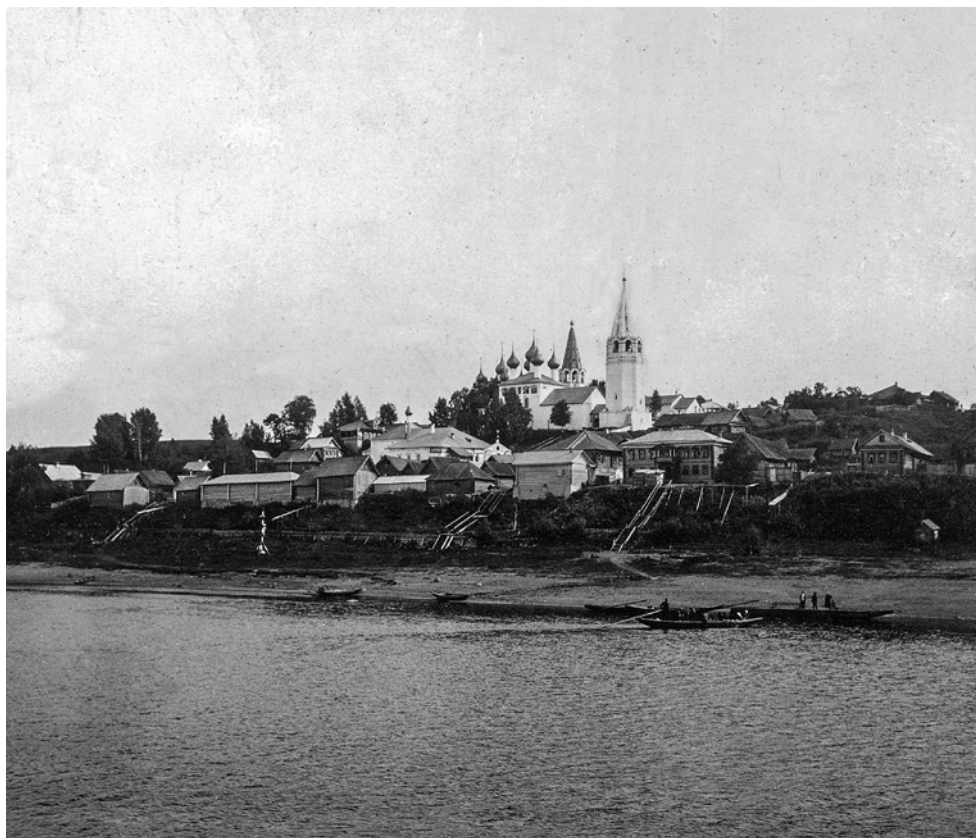
Кострома. Набережная Волги и пароходные пристани. Фото начала XX в.

чали и блестели колокольни, церкви. Над оврагом в межгорья повис небольшой мост, по нему ехали извозчики. Мимо проплывали пристани — “Русь”, “Кашинская”, “О-во по Волге”, “Кавказ и Меркурий”; “Самолётская”* была ниже всех. Рельсы железнодорожной ветки сбегали к самой воде, и где-то среди пакгаузов, среди бунтов, толстых

Кинешма. Фото начала XX в.

* Названия основных пароходных обществ, суда которых в начале XX в. ходили по Волге.

Слобода Решма. Вид с Волги. Над берегом возносятся четыре приходских храма.
Фото 1912 г.

туков, прикрытых брезентами, весело катались взад и вперёд красные вагоны и запыхавшийся паровоз»³.

Вероятно, мать Вера, как и герой книги, ехала на пароходе общества «Самолёт», которое арендовало у Решемского монастыря принадлежавшую ему пароходную пристань, стоявшую у подножия монастырской горы. Преодолев последний отрезок пути от Кинешмы до Решмы, пароход причалил в Решме к монастырской пристани. Её особенностью являлось то, что здесь находилась небольшая часовня, в которой во время стоянки пароходов для пассажиров служился молебен*. Наверняка мать Вера зашла в часовню и помолилась, прося у Бога помощи в предстоящих трудах. По высокой деревянной лестнице, уступами поднимающейся в гору, мать Вера поднялась в монастырь и прошла к матушке Досифее. Настоятельница радушно встретила гостью.

* В начале XX в. на Верхней Волге часовни на пристанях, принадлежащих монастырям, были только в Толгском Введенском под Ярославлем, в Николо-Бабаевском и в Макариево-Решемском монастырях⁴.

Решма. Пароходные пристани. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

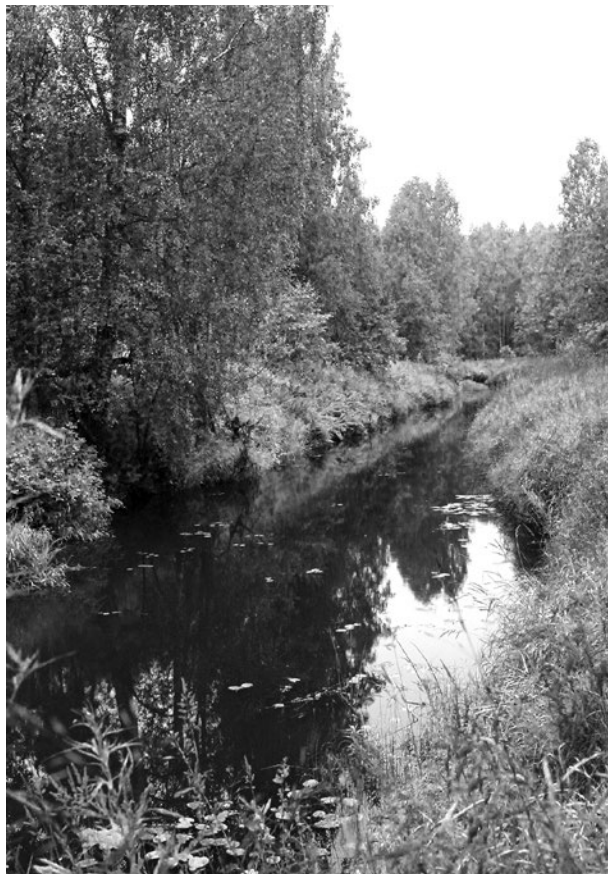

Макариево-Решемский монастырь. Вид с востока. Фото М.П. Дмитриева. 1894 г.

В ПУСТЫНИ НА НОДОГЕ

ВЕРОЯТНО, уже на следующий день игуменья Досифея повезла мать Веру на Нодогу. Переправившись на пароме через Волгу, они проехали 25 вёрст и прибыли в пустынь на Нодоге.

Здесь, в гуще казённой Владыченской лесной дачи, на берегу речки Нодоги, стоял небольшой деревянный храм в честь Казанской

Речка Нодога. Фото 2018 г.

иконы Божией Матери. В полуверсте от храма, в лесу, находилась деревянная часовня, отмечающая место явления тут Казанской иконы Божией Матери (с конца XVIII в., со времени приписки пустыни на Нодоге к Решемскому монастырю, сам образ находился в Троицком соборе обители).

По традиции, насельницы Решемской обители служили в Казанском храме раз в году — на «летнюю Казанскую», 8 июля. Тогда же из храма совершался крестный ход к часовне. Матушка Досифея давно хотела организовать здесь благоустроенный монастырский скит с регулярным богослужением.

* * *

Рождественская пустынь на р. Нодоге была основана в 1645 г. Из жалованной грамоты царя Фёдора Алексеевича от 16 января 1682 г. следует, что в 1645 г. «по благословению святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, а по челобитью черного попа Ионы построена пустыня на речке Нодоге на диком лесу, где была старая церковь»⁵. Пустынь была основана «в лесной рамени» «на кладезе», где явилась Казанская икона Божией Матери⁶. Известна жалованная вотчинная грамота «Кинешемского уезда Владыченской волости

Слободского погоста Рождественской пустыни на реке Нодоге строителю Дионисию с братией на росчищенный или дикий лес вокруг монастыря» от 4 февраля 1682 г.⁷

Пустынь на Нодоге была бедной, а к середине XVIII в. совсем захирела: в 1744 г. за ней числилось всего три души крестьян⁸ (так как считались только мужские «души», то всех крестьян было не более десяти).

К 1796 г. в пустыни на Нодоге было два деревянных храма: Христорождественский, тёплый, бывший (по описи 1797 г.) настолько ветхим, что в нём уже не проводилось богослужения, и Казанский, холодный «малых размеров, об одной главе»⁹.

Как писалось выше, вскоре после приписки к Решемской обители главную святыню Нодогской пустыни — явленную Казанскую икону Божией Матери — перенесли в Троицкий собор Решемского монастыря¹⁰.

* * *

С несколькими сёстрами Решемской обители мать Вера поселилась в Нодоговской пустыни в сторожке при церкви. Она пробыла здесь меньше полугода, но за это время её имя стало широко известно в Кинешемском уезде, а в пустынь на Нодогу началось массовое паломничество богомольцев.

Люди начали приезжать к матери Вере едва ли не с первых дней, как она поселилась на Нодоге. Вначале это были жители Сумароковской округи из Галичского и Буйского уездов. Здесь, на Нодоге, впервые имело место то явление, которое будет сопровождать матушку Веру до последних дней её жизни. Когда она вольно (или, после революции, невольно) меняла место жительства, то людской поток, текший к ней непрерывно, вскоре также устремлялся за ней на новое место.

О жизни матери Веры в Нодоговской пустыни мы располагаем довольно своеобразным источником — двумя статьями в газете «Костромская жизнь», которые написал кто-то из жителей Решмы, укрывшийся под псевдонимами «Н. К-ин» и «М. Решемский». «Костромская жизнь», по сути, представляла собой бульварную газету (само себя это издание представляло как «ежедневную газету беспартийную и прогрессивную»). Обе статьи про мать Веру наполнены явными выдумками и, в целом, написаны в антицерковном духе. Тем не менее, данный материал является ценным источником, сохранившим для нас эту интереснейшую страницу жизни матери Веры.

«В нашем селе, — писал «Н. К-ин» в январе 1911 г., — давно существует Макарьевский женский монастырь, владеющий землею в 1000 десятин на противоположном берегу Волги. На этом месте, покрытом прекрасным строевым лесом, устроен скит, который монастырская администрация давно мечтала превратить в источник дохода, но

сам по себе скит мало привлекал богомольцев (...). Летом минувшего (1910 г. — *Н.З.*) года в скиту появляется новое лицо, обратившее на себя внимание своим житием. Это молодая, довольно миловидная девушка, лет 25–26-ти. Зовут её мать Вера. Происходит она, как говорят, из интеллигентной семьи, живущей в Тамбовской * губернии»¹¹.

«Живет она (...) в келье, среди соснового бора монастырского скита. Ходит даже зимою босая. Занимается пророчествами, которые сразу привлекали к скиту массу стекающегося с разных сторон люда. Сюда идут и с фабрик, и из Вичуги, из Юрьевоцкого уезда. Кадры, направляющиеся к скиту, состоят из самой разнообразной публики. Кроме массы простого люда, вы здесь встретите и купцов из Иваново-Вознесенска, и Константинова **, и духовных особ из ближайших сел, и фабрикантов с супругами»¹⁴. Как видим, за короткое время проживания матери Веры в пустыни на Нодоге к ней стали ходить жители трёх смежных уездов — из Кинешемского и Юрьевоцкого Костромской губернии и Шуйского уезда, включая и г. Иваново-Вознесенск, Владимирской губернии.

«Пожертвования “пророчица”, — продолжал Н. К-ин, — собирает и деньгами, и продуктами, и полотнами с фабрик. Раз в две недели весь собранный “клад” отправляется большими сундуками во двор монастыря»¹⁵. Автор подаёт дело так, что будто речь идёт об обыкновенной наживе, но ведь все эти жертвования мать Вера собирала на благоустройство Заволжского скита.

«Рассказы о “пророчице” идут на далекое от скита расстояние, привлекая новых и новых поклонников. Особенно сильное впечатление произвела “мать Вера” на урядника села Ильинского *** Боркова, известного своей “усмирительной” деятельностью, и его жену увещеванием бросить “мир” и идти в монастырь. Представитель “воинствующей” полиции уже близок к “отречению от мира”»¹⁷. Вдумаемся на минуту в этот факт. Урядник, представитель полиции в селе, под влиянием знакомства с матерью Верой готов уйти из мира и поступить в монастырь. Много ли мы знаем других таких примеров? «Н. К-ин» пишет о матери Вере мимоходом: «Ходит даже зимою босая»¹⁸, словно это самое обычное дело. Он не пытается задать себе вопрос: много ли было тогда во всей России подвижников, которые круглый год ходили босыми?

* Происхождение из интеллигентной семьи Тамбовской губернии — один из примеров складывающейся в народе мифологии о матери Вере.

** О каком Константинове идёт речь, не совсем понятно. Скорее всего, «Константиново» — это народное название местечка Звягино (Комаровская волость Кинешемского уезда), где находилась бумаго-ткацкая фабрика кинешемского купца Алексея Васильевича Константинова¹². Фабрика эта была весьма крупная: на ней работало 475 рабочих¹³. Вскоре после приезда на Нодогу матери Веры купец А.В. Константинов стал одним из самых преданных её почитателей.

*** Село Ильинское (оно же с. Ильинское, что против Решмы) находилось (и до сих пор находится) в 5 верстах от Решмы на противоположном, левом берегу Волги. Урядник — нижний чин полиции, с 1878 г. — помощник станového пристава¹⁶.

В начале июня 1914 г. в той же «Костромской жизни» вновь была помещена статья, посвящённая пребыванию матери Веры на Нодоге в 1910–1911 гг. Статья «Кинешемская ”матушка Вера”», опубликованная в двух номерах газеты, подписана псевдонимом «М. Решемский». Вероятнее всего, это был тот же автор, что писал о матери Вере в 1911 г.

«В свое время, — писал М. Решемский, — как в нашей, так и во многих других газетах не раз упоминалось имя “прорицательницы” “матушки Веры”, поселившейся сначала в Решемском женском монастыре, а затем переехавшей в Нодоговскую пустынь.

(...) В июле 1910 г. в Решемском женском монастыре появилась неизвестная девица, оказавшаяся впоследствии (...) Верой Антоновной Меркуловой. Поступив в монастырь на послушание, она с первых же шагов своим оригинальным поведением заставила обратить на себя внимание и монахинь, и лиц, посещающих обитель.

Молодая (тогда ей было 26 лет), недурная лицом, с пронизывающим взором черных глаз, одетая в какой-то белый халат, ходившая босая во всякое время года, Меркулова поневоле интриговала каждого»¹⁹.

«Настоятельницей игуменией Досифеей было задумано организовать в приписанной к монастырю Нодоговской пустыни, отстоящей в 25-ти верстах от Решмы, небольшой скит для тех из старших сестер, которые пожелали бы нести особый молитвенный подвиг. Узнав об этом, Меркулова первая выразила желание отправиться туда (...) и они вместе отправились в Кострому к преосвященному епископу Тихону за благословением. Владыка похвалил девицу за молитвенную ревность и благословил игуменью иконой на начало скитского подвижничества вверенных её попечению сестер»²⁰.

«Смелый шаг Веры Меркуловой не мог пройти незамеченным, как среди обитательниц монастыря, так и среди населения окружающих деревень. При переезде в пустынь толки с одной стороны, с другой — невежество темного крестьянства, быстро создали Меркуловой громкую славу и возвели её в сан святой подвижницы и праведницы. Она стала называться уже “матушкой Верой”. В громадном количестве стали стекаться к “молитвеннице” за советами и молитвами о предстательстве»²¹.

Далее автор уже явно сочиняет: «Окруженная поклонницами и поклонниками, она в самом деле возомнила себя настоящей праведницей и даже обладающей даром пророчества. Объявив себя самостоятельной и ни от кого независимой начальницей нового монастыря, она, прежде всего, отрешилась от духа кротости и смирения. И вместо подвига, — стала спать в алтаре на мягком ковре, в избушке, где жила первоначально, устроила теплую комнату для приема своих поклонниц и почитателей. Паломничество усилилось еще более»²².

«Сметливая от природы, она ловко морочила народ своими предсказаниями, хотя последние никогда, конечно, не сбывались. Для пу-

щей важности она придумала легенду о чьих-то мощах, обретающихся будто бы при пустыни. И ей верили. Даже до сих пор можно найти многих, которые продолжают верить в её рассказы и в её святость. На её удочку попались также некоторые из кинешемских богатеев, а одного из них, говорят, она чуть не довела до разорения, заставив хлопотать в Петербурге об устройстве обители в Нодоге»²³.

«Наконец, кто-то негласно донес епархиальному начальству о лже-прорицательнице “матушке Вере” (...) владыка приказал немедленно уволить Меркулову из Решемского монастыря, как послушницу и непокорную монастырским уставам»²⁴. Согласно этой статье, мать Вера уехала из Решмы 23 января 1911 г.²⁵

«После её изгнания она перебралась в Свято-Троицкий монастырь в Галичском уезде, где проживает и доньше, но славе её пришел конец»²⁶. Во-первых, мать Вера не «перебралась», а вернулась в Свято-Троицкий монастырь, а, во-вторых, пик известности матери Веры ещё был впереди — он пришёлся на годы Первой мировой войны, на 20-е и 30-е годы.

«М. Решемский» завершает статью так: «Фигура Веры Меркуловой тем и интересна, что она — яркий сколок с чисто-русской деятельности. Жаль только простой, серый, темный народ, который, подавленный безысходной нуждой и гнетом беспросветных будней, ищет исхода, забвения и утешения в светлой надежде на будущее воздаяние там за вековечное терпение и удары мачехи-судьбы. Но вместо хлеба получают камень. Вместо чистых духом, апостолов любви и правды, наталкивается на “матушек Вер”»²⁷.

ОБ АВТОРЕ СТАТЕЙ ПРО МАТЬ ВЕРУ

ПОПРОБУЕМ установить личность автора обеих этих статей о матери Вере, подписанных псевдонимами «Н. К-ин» и «М. Решемский». Исходя из их текста, можно с уверенностью сказать, что он: 1) решемец, 2) сведущ в местных монастырских делах, 3) образован, 4) печатается в губернских изданиях, 5) придерживается левых взглядов.

Всем этим требованиям в Решме того времени соответствует только один человек — Леонид Горский, родной сын настоятеля Воскресенской церкви села Нагорного о. Николая Горского (1864–1920 гг.), служившего настоятелем данного храма в 1889–1920 гг.

Надо пояснить, что село Нагорное фактически образовывало со слободой Решмой одно селение: Решма тянулась длинной полосой вдоль Волги, а Нагорное находилось «на горе» над слободой. В 1950-е годы перед подъёмом уровня Волги строения Решмы были перенесены наверх в Нагорное, а объединённый населённый пункт получил название село Решма.

Леонид Горский – вероятный автор статей о матушке Вере.
Фото 10-х годов XX в.

Примечательно, что жена о. Николая и мать Леонида, Клавдия Яковлевна Горская (1867–1952 гг.), урождённая Воробьёва, была дворянкой, выпускницей Костромской Григоровской женской гимназии. Случай, чтобы дворянка вышла замуж за поповича, выпускника духовной семинарии, является уникальным, и больше примеров подобных браков в Костромской губернии мы не знаем²⁸.

Леонид Николаевич Горский (1892–1924 гг.) родился в с. Нагорном. В 1908 г. он поступил в Костромскую духовную семинарию. В 1912 г. по окончании 4-го класса Леонид уволился из семинарии²⁹ (так обычно поступали все, кто не хотел становиться священником). В том же году он поступил в Петербургский университет³⁰. В 1918 г. Леонид Горский

уже был студентом Киевского университета³¹. Как протекала его жизнь между 1912 и 1918 гг., нам неизвестно. По воспоминаниям внучки о. Николая Горского, профессора Воронежского университета А.Б. Ботниковой (последняя приходилась Леониду Николаевичу племянницей) Леонид Горский был эсером³², то есть членом партии социалистов-революционеров.

Леонид очень рано стал печататься в губернских изданиях. 30 июля 1911 г. в костромской газете «Поволжский вестник» был опубликован большой очерк «К закладке храма в Решме», описывающий — в довольно ёрническом духе — торжество закладки в Макариево-Решемском монастыре большого Казанского собора. Очерк подписан: «Николай Залетный»³³. Нам уже приходилось писать, что, скорее всего, под этим псевдонимом укрылся Леонид Горский, учившийся тогда в духовной семинарии³⁴. Вероятно, в губернских газетах были и ещё публикации, принадлежавшие перу молодого семинариста.

По-видимому, после того как в декабре 1918 г. режим гетмана П.П. Скоропадского в Малороссии пал и петлюровцы захватили Киев, Л.Н. Горский вернулся в родные места. На момент смерти своего отца в декабре 1920 г. он явно находился в с. Нагорном.

Настоятель Воскресенской церкви в Нагорном о. Николай Горский скончался 19 декабря 1920 г. В 1921 г. в свет была выпущена небольшая книжечка — «Памяти священника Воскресенской церкви,

села Нагорного, Кинешемского уезда, Костромской губернии Николая Павловича Горского». Выход подобного издания, посвящённого памяти скончавшегося «служителя религиозного культа», является поразительным фактом того времени, свидетельствующем о большом уважении прихожан к своему почившему пастырю. Основу издания составлял пространный некролог. Составителем книжки и автором некролога значится Л.Н. Залетный³⁵. Судя по содержанию некролога, Л.Н. Залетный — близкий к о. Николаю человек, член его семьи. Вероятнее всего, это был его сын — Леонид Горский, вновь укрывшийся под псевдонимом «Залетный»³⁶.

Итак, скорее всего, автором обеих статей о матери Вере, рассказывающих о её жизни на Нодоге, был Леонид Николаевич Горский. Он соответствует всем пяти условиям для их автора — решемец, сведущ в местных монастырских делах, образован, печатался в губернских изданиях, придерживался левых взглядов.

Первая статья о матери Вере была опубликована 30 января 1911 г., когда Леонид Горский учился в 3-м классе Костромской духовной семинарии. Псевдоним «Н. К-ин», которым она подписана, возможно, обозначает сокращение от слова «Костромин». Вторая статья появилась в газете 10 и 11 июня 1914 г., когда студент Л. Горский, вероятно, приехал на каникулы к родителям из Петербурга.

Сомнительно, чтобы Леонид сам бывал на Нодоге, когда там жила мать Вера. Скорее всего, он писал по рассказам своего отца, а тот, во-первых, вероятно, встречался с матерью Верой, а, во-вторых, передавал то, что слышал о ней от монастырских насельниц и своих прихожан.

Нельзя не отметить сам тон и язык этих двух статей, вышедших ещё в царской России. Точно таким же языком будут писать о матушке Вере в 20–30-е годы советские газеты и антирелигиозные издания.

Судя по всему, Леонид Горский совершенно искренне относился к матери Вере отрицательно, как и подобает правоверному стороннику (а, может быть, уже и члену) партии эсеров. Он явно видел в ней только мошенницу, наживающуюся на темноте народа. И всё же мы должны быть благодарны Л.Н. Горскому, сыну хороших родителей, не устоявшему против духа времени. Благодаря ему мы знаем Нодогскую страницу жизни матери Вере в живых подробностях.

Помимо своей воли автор констатирует следующие бесспорные факты: 1) большой размах паломничества в Нодогскую пустынь после того, как там поселилась мать Вера; 2) глубокое впечатление, которое производила мать Вера на проходящих к ней.

Л.Н. Горский скончался в 1924 г., в возрасте 32 лет³⁷. Где он умер и похоронен, нам неизвестно. Господь призвал к себе Леонида Николаевича вовремя. В стране победившей революции ему, сыну священника и бывшему члену партии эсеров, будущее не сулило ничего хорошего.

Во второй своей статье про мать Веру, написанной в 1914 г., Л. Н. Горский не сказал (не знал или сознательно умолчал?) об одном явлении: в последующие годы почитатели Верушки из Кинешемского уезда регулярно приезжали к ней в Сумароково, присоединяясь к общему людскому потоку, устремлявшемуся к Сумароковской подвижнице.

СУДЬБА СКИТА НА НОДОГЕ

НЕЛЬЗЯ не сказать о том, что стало с пустынью на Нодоге после отъезда матери Веры. С 1913 г. Рождественская пустынь на Нодоге официально именовалась Казанским скитом Решемского монастыря.

Казанский храм был капитально отремонтирован. Его освящение состоялось в 1913 г., в престольный праздник — «летнюю Казанскую». 5 июля 1913 г. в 4 часа утра из Решемского монастыря вышел крестный ход. Переправившись через Волгу, его участники двинулись в пустынь. Утром 7 июля, в воскресенье, при многочисленном стечении народа обновлённый храм освятил монастырский священник Михаил Ширяев, обратившийся затем к присутствующим со словом. Очевидец писал: «Чудная погода, многочисленность молящихся, глубокая религиозная настроенность, особенность лесной обстановки, богослужение на открытом воздухе придавали характер необычайного церковного торжества». 8 июля крестный ход тронулся в обратный путь в Решму³⁸.

Обустройство скита продолжалось и в следующем году. В 1914 г. на небольшую колокольню при церкви установили колокол весом 10 пудов 28 фунтов (175,2 кг) с надписью: «В память 300-летия царствования Дома Романовых, приобретен в 1914 году на средства благотворителей» (всего на колокольне стало 4 колокола). В 1913–1914 гг. в скиту были построены два деревянных дома, кухня, баня, погреб и скотный двор³⁹.

Скорее всего, благоустройство Заволжского Казанского скита стало возможно благодаря тем средствам, которые собрала мать Вера за то время, что жила на Нодоге.

НОДОГА, РЕКА ЛЕСНАЯ...

ЗАВЕРШИМ эту главу стихотворением «Мать Вера», которое решемский краевед Татьяна Леонидовна Шпаненкова написала в 2018 г., посвятив его времени, когда мать Вера жила на Нодоге.

Левый берег утопает,
Пропадает в серой мгле.
Лес в безмолвьи пребывает
На заволжской стороне.

Там, среди лесов, далече
Монастырский виден скит.
Душу здесь больную лечат
В стороне от глаз мирских.

Со времён безвестных, давних
Храм Казанский здесь стоит,
Скромный, бедный, деревянный,
Молча в Нодогу глядит.

Нодога, река лесная,
В водах отражая скит,
Тихоструйная, живая,
Благодать его хранит.

В рвении к Богу пребывая,
Подвиг здесь несёт святая
С ясным взором чёрных глаз,
Что насквозь пронзают вас.

Ходит как по саду рая
Летом и зимой босая,
Лечит от душевных ран —
Дар предвиденья ей дан.

Дар Божественный, чудесный,
И со всех-то к ней сторон,
Ставшей на весь край известной,
Ходят люди на поклон.

По просёлочным дорогам
В экипажах и пешком,
На колясках и подводах,
В сапогах и босиком.

Деревенский люд — крестьянский
И торговый — слободской,
Городской народ — мещанский,
И фабрично-заводской.

Едет лесом, едет лугом,
Кроме всех простых людей,

Фабрикант в упряжке цугом
Из четвёрки лошадей.

Плетью лошадь подгоняя
Масти чёрной — вороной,
Клубы пыли поднимая,
Мчится пристав становой.

Не спеша на лёгкой бричке
Едет гильдии купец,
С ним жена в парчовой кичке,
На коленях — сын-малец.

Странница в платочке белом
И с сумою за спиной
Через лес идёт несмело
Незнакомой стороной.

День за днём идут и едут
Из Ростова, Чухломы,
Буя, Кинешмы, Макарья,
Юрьевца и Костромы.

Всех не перечесть селений,
Городов и деревень.
За минутой откровенья
Люди едут целый день.

Мать Вера исцеляет
Всех любовью святой;
Ей венец уже сплетают
Ангелы над головой.

Впереди — аресты, тюрьмы,
Но, как звона благовест,
В лихолетье дней безумных
Пронесла она свой крест⁴⁰.

ГЛАВА X

МАТЬ ВЕРА: ДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

ЕВФРОСИНЬЯ КАРЕПИНА

Из Решмы в Свято-Троицкий монастырь мать Вера вернулась не одна, а с Евфросиньей Карепиной, с которой, вероятно, жила в скиту на Нодоге. Евфросинья Карепина оставила Решемскую обитель и уехала с матерью Верой в Сумароково. В последующие годы она была келейницей матери Веры и её первой помощницей, прошедшей с ней через тюрьмы и ссылки.

Евфросинья Кирилловна Карепина родилась в 1880 г. в д. Ильинская Аргуновской волости Никольского уезда Вологодской губернии, в крестьянской семье¹. В возрасте 14-ти лет она поступила в Богородице-Феодоровский монастырь вблизи г. Солигалича, где пробыла около 10 лет². В 1903 г. Евфросинья Кирилловна перешла в Макариево-Решемский монастырь, где несла клиросное послушание и послушание в общей портной³.

Злобный биограф матери Веры (псевдоним «Прохожие») писал в 1931 г., что мать Вера «съездила в Кинешму (на самом деле, в Решму. — *Н.З.*) и привезла себе прислугу Евфросинью, которая живёт, наверное, и сейчас с ней»⁴. С 1911 г. Евфросинья Карепина числилась среди живущих на испытании в Свято-Троицком монастыре и несла послушание «чтица»⁵. Чтица — это насельница, читающая на богослужении Псалтырь, Часы перед началом службы, молитвы к причастию, праздничные каноны⁶.

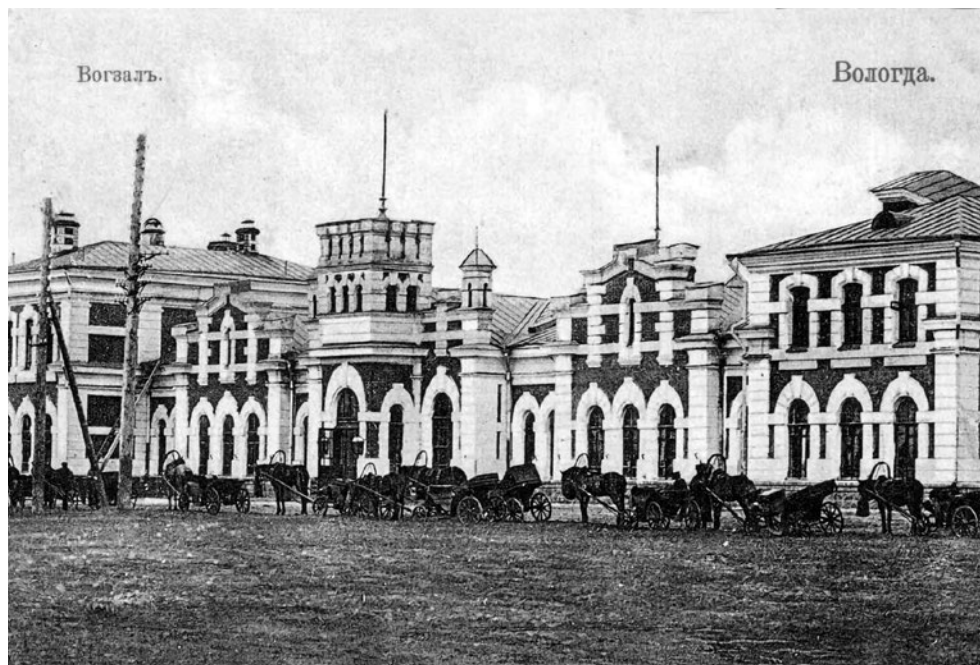
НА СБОРАХ ДОБРОХОТНЫХ ДАЯНИЙ В ГОРОДАХ

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ монастырь, не получающий ни копейки ни из одного бюджета, постоянно нуждался в деньгах. Поэтому в нём, как и в других обителях, существовало такое послушание — «сбор добротных даяний». Ежегодно две-три сестры отправлялись в ближние и дальние города за сбором подаяний. Дело это являлось деликатным, и поручить его можно было только очень немногим.

Мать Вера, казначая мать Мария (стоит, положив руку на плечо матери Вере) и неизвестная. *Вологда. Фото 1910 г.*

Н. Седых, пациент Сумароковского интерната для инвалидов, в написанной им в 1967 г. работе по истории интерната, составленной по воспоминаниям местных старожиллов, писал: «Игуменья (Иоанна. — *Н.З.*) выхлопотала разрешение, чтобы она имела право посылать монашек по сбору (...). Монашки каждый раз разъезжали по населению Костромской, Вятской, Вологодской, Ярославской, Калининской (Тверской. — *Н.З.*) и др. губерниям. Они не только привозили собранные подаяния и жертвы, но и широко агитировали тёмных людей. Стал

Вологда. Железнодорожный вокзал. Фото начала XX в.

Вологда. Центральная часть города. Фото начала XX в.

приток большого богатства, шли и ехали из дальних краёв молящиеся, приезжали богатые купцы, помещики, разные чиновники»⁷.

После возвращения с Нодоги мать Вера несколько раз посыла-лась на сборы. Известно, что она ездила в Петербург и Вологду (после того, как в ноябре 1906 г. открылось регулярное движение поездов по линии Вологда — Вятка, из Буя или Галича можно было добраться до Петербурга или Вологды по железной дороге). Её биограф «Прохожие» писал в 1931 г.: «Вера ездила в Ленинград* к купцам и просила на святую обитель (...). Кроме Ленинграда Вера ездила и по другим городам с тем же вопросом на “святую” обитель»⁸.

Известно, что мать Вера ездила в Петербург весной 1911 г. До нас дошла групповая фотография, о которой мы писали выше, где мать Вера снята с казначейшей монастыря Марией и двумя неизвестными. На обороте фотографии написано: «На молитвенную память о м. Вере. Снята с казначейшей Марией и др. в г. Вологде. С. Петербург. 1911 г. 14/III». Из подписи мы узнаём, что ранее она с казначейшей Марией была в Вологде. Вероятно, эта поездка имела место в первой полови-не 1910 г. По-видимому, эту фотографию, снятую в Вологде, мать Вера подарила кому-то в Петербурге 14 марта 1911 г., в день Феодоровской иконы Божией Матери.

По-видимому, в том же 1911 г. мать Вера и казначея Мария вновь ездили в Вологду. Сохранилась фотография, где они запечатлены обе. Мать Вера на ней опять сидит. Она уже не в чёрном, а в белом облаче-нии. Мать Мария стоит, положив руки на плечо матери Веры. Рядом с ними стоит женщина — одна из тех двух, что сняты на предыдущем снимке. Следовательно, снимок вновь сделан в Вологде, скорее все-го, в 1911 г. Кто эта женщина, мы не знаем — возможно, какая-нибудь вологодская Васса Железнова.

Ещё известно о поездках матери Веры в Петроград в 1916 и 1918 гг. (о последней будет ниже).

КЕЛЬЯ МАТЕРИ ВЕРЫ: «ДЕРЕВЯННАЯ ИЗБУШЕЧКА С ОДНИМ ОКОНЦЕМ»

ПЕРВЫЕ годы в обители мать Вера жила в каком-то из зданий монастырского городка. По-видимому, после возвращения из Решмы она построила себе отдельный небольшой домик — келью. Так было удобнее принимать многочисленных людей, приходивших к ней. Мария Васильевна Захарова (1907 г.р.), уроженка с. Орехово Галичского уезда, вспоминала: «Собрались однажды бабушки из нашего с. Орехово в Сумароково к матери Вере. Мама мне и говорит:

* После переименования в 1924 г. Петрограда в Ленинград в течение нескольких лет в советской печати город на Неве именовали Ленинградом, даже если речь шла о XVIII в. Доходило до того, что в биографиях вождя революции писали, что Ленин был арестован в Ленинграде.

“Поди, Манюшка, сходи к матушке”. С ними я и пошла в монастырь. Было мне лет 14 или чуть меньше. На территории монастыря мы увидели чистоту и порядок, было много тропинок, по краям которых росли чайные кусты. Войдя в монастырский собор, я увидел много молящихся. Стала оглядываться по сторонам, отыскивая глазами певчих, так как не могла понять, где поют. Но, подняв голову вверх, я увидела поющих на галерке монашек во всем чёрном. Вместе с бабушками исповедовалась и причастилась св. Тайн, а потом мы пошли к матушке. Маленькая, как банька, деревянная избушечка, с одним маленьким оконцем, стояла среди монастыря. В ней Верушка и принимала нас. Подойдя к матушке, взяла у неё благословение, но ничего не спрашивала. Она дала мне талончик и сказала: “Иди с миром”⁹.

Келья матери Веры представляла собой жилище аскета. Мария Павловна Рекунова (1914 г.р.), уроженка д. Замятино, мать которой, Мария Терентьевна Панурина, была дружна с матерью Верой, вспоминала: «Мама рассказывала, что у матушки в келье ничего почти не было. Стояли деревянные нары. Ни кровати, ни обуви, ни платков у неё не было»¹⁰.

ГЛАВА XI

1913 ГОД: СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЮБИЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ

«19 мая на пароходе царская семья со свитой прибыла в Кострому, где торжества отличались особой грандиозностью. (...) Кадры кинохроники запечатлели огромные массы людей, сплошь покрывавшие берега при подходе парохода “Межень”, на палубе которого стоял монарх со своими детьми. Развеваящиеся бесчисленное множество флагов, шпалеры войск, поднесение хлеба-соли отцами города, посещение Ипатьевского монастыря. От Ипатьевского монастыря в Костроме до дома в Ипатьева в Екатеринбурге оставалось пять лет...»¹

*Боханов А.Н. Император Николай II
(2004 г.)*

ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В КОСТРОМЕ

В 1913 г. в России отмечался 300-летний юбилей царствования Дома Романовых. Главным событием юбилея стала поездка императора Николая II по Волге путём, которым в 1612 г. прошло ополчение Минина и Пожарского. 19 и 20 мая 1913 г. юбилейные торжества в честь 300-летия Дома Романовых состоялись в Костроме.

Все настоятели монастырей Костромской епархии, в том числе и настоятельница Свято-Троицкой обители игуменья Иоанна, были приглашены в Кострому для участия в празднествах. Матушка игуменья с группой сестёр отправилась в губернский город заранее и пробыла там несколько дней, остановившись на подворье на Пятницкой улице.

19 мая 1913 г., в первый день торжеств, игуменья Иоанна присутствовала в Ипатьевском монастыре. Во время праздничной Божествен-

Май 1913 года. Пароходы царской флотилии прибыли в Кострому. Фото К.К. Буллы

Май 1913 года. Кострома. Празднично украшенная Сусанинская площадь

ной литургии, которую совершил в Троицком соборе архиепископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский), она вместе с другими настоятелями монастырей находилась в галерее собора. Когда после литургии император Николай II вышел в галерею и обер-прокурор

19 мая 1913 года. Ипатьевский монастырь. Император Николай II с семьёй выходит из Троицкого собора. Слева от него — архиепископ Костромской и Галичский Тихон (Василевский), справа — губернатор П.П. Стремоухов

Святейшего Синода В.К. Саблер стал представлять ему присутствующих, матушка Иоанна поднесла царю икону².

На следующий день, 20 мая, в бывшем Костромском кремле, возле Успенского кафедрального собора состоялась торжественная закладка монумента в честь 300-летия царствования Дома Романовых. Символический кирпич в его основание первым положил император, вслед за ним — императрица Александра Фёдоровна, наследник престола цесаревич Алексей Николаевич, великие княжны, губернатор П.П. Стремоухов и архиепископ Тихон. Игуменья Иоанна присутствовала при этом историческом событии.

Во второй половине дня императрица Александра Фёдоровна вместе с детьми — цесаревичем Алексеем Николаевичем, великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией — и со своей родной сестрой, великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, посетила в Костроме Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Во встрече царицы участвовали все настоятельницы женских монастырей, включая и мать Иоанну. Каждая из них поднесла императрице подарок, выполненный в мастерской своей обители³.

МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ВОКЗАЛЕ В ГОРОДЕ БУЙ

С ЮБИЛЕЕМ Дома Романовых связана судьба часовни (а позднее церкви) Свято-Троицкого монастыря на железнодорожной станции «Буй».

Как упоминалось выше, в 1903–1906 гг. через северную часть Костромской губернии пролегла железная дорога Вологда — Вятка, которая шла по линии: Вологда — Буй — Галич — Нея — Мантурово — Шарья — Котельнич — Вятка. Движение по дороге официально было открыто 24 ноября 1906 г.⁴ В связи со строительством железной дороги, в Бую появилось большое здание железнодорожного вокзала. Игуменья Иоанна решила построить возле вокзала часовню во имя святителя Николая Чудотворца (покровителя всех находящихся в пути) и Феодоровской иконы Божией Матери.

Часовня эта, конечно, являлась уникальной. Как писалось выше, при двух монастырях Костромской губернии, стоящих на Волге — Николо-Бабаевском и Макариево-Решемском, — со второй половины XIX в. существовали часовни на монастырских пристанях. В связи с развитием сети железных дорог часовни и храмы начали появляться и при железнодорожных станциях. Монастырская часовня в Бую относилась к их числу.

Её обычно датируют 1913 г.^{*}, но это неверно. На самом деле Никольская монастырская часовня была возведена в 1908 г.⁶ В 1911 г. старшей при ней состояла монахиня Ревекка (Матвеева)⁷. В 1913 г., в связи с 300-летним Романовским юбилеем, игуменья Иоанна решила обратить часовню в церковь в честь святителя Николая Чудотворца и Феодоровской иконы Божией Матери, являющейся покровительницей Дома Романовых.

Отец Алексей Воскресенский писал в 1913 г.: «Обитатели принадлежит еще каменная часовня, находящаяся при железнодорожном вокзале в г. Бую, в 34 верстах от монастыря, крытая железом (...) с одною главою (...) с прекрасным вызолоченным иконостасом, с полом из терракотовых плиток и с жилым помещением внизу для двух сестер. (...) Движимая глубокими патриотическими чувствами, мать игуменья в настоящее время возбудила ходатайство о разрешении обратить часовню в храм в честь Феодоровской иконы Богоматери и святителя Николая в память 300-летия царствования благословенного Дома Романовых»⁸.

Здание часовни было реконструировано: к ней пристроили алтарную часть. Освящение церкви в честь Феодоровской иконы Божией

* В издании «Памятники архитектуры Костромской области» сказано: «В 1913 г. южнее вокзала на платформе была построена каменная часовня»⁵.

Буй. Никольская («железнодорожная») церковь при Буйском вокзале.
Современное фото

Матери и святителя Николая состоялось в 1915 г.⁹. С этого времени в бумагах обители она именовалась «монастырская церковь на станции Буй».

В цокольной части храма находилось несколько келий, где постоянно жило несколько монастырских насельниц. В 1917 г. старшей при церкви оставалась монахиня Ревекка (Матвеева). Кроме неё здесь находились ещё шесть монахинь и послушниц, служащих чтицами, алтарницами и певчими на клиросе¹⁰. Анна Дмитриевна Зайцева (1916 г.р.), жительница Буя, в 1980-е годы вспоминала: «Там, где теперь вокзал, была Никольская церковь с устроенными под нею кельями. (...) монашенки там стегали одеяла»¹¹.

Мы не знаем, присутствовала ли мать Вера на освящении часовни и церкви при вокзале Буя, но на этом вокзале она много раз бывала во время своих поездок.

Примечательно, что в помещении Буйского вокзала был уголок, устроенный Иаково-Железнодорожским монастырём. В ведомости этой обители за 1910 г. сказано: «(...) в вокзальном помещении С.Ж.Д. (Северной железной дороги. — *Н.З.*) на станции Буй, отстоящей от монастыря в 14 верстах, с разрешения епархиального начальства и согласия железнодорожного управления, установлен образ преподобного Иакова в благоприличествующем иконостасе * и обнесен кругом железной решеткою»¹².

* Видимо, имеется в виду киот.

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ЦЕРКОВНОГО ПРОСЛАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИАКОВА ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО

В МАЕ 1913 г. в Костромской губернии отмечался ещё один трёхвековой юбилей — 300-летие церковного прославления преподобного Иакова Железнодорожского. Торжества, состоявшиеся в Иаково-Железнодорожском монастыре 3–5 мая 1913 г., возглавил викарий Костромской епархии епископ Кинешемский Арсений (Тимофеев). На юбилей приехали настоятели монастырей: Николо-Бабаевского (архимандрит Виссарион), Кривоезерского Троицкого (архимандрит Сергей), Галичского Паисиева (игумен Никанор), настоятели церквей — Буйского Благовещенского собора (протоиерей Алексей Мизеровский) и Молвитинского Воскресенского храма (протоиерей Василий Сапоровский).

4 мая в монастырь прибыли многолюдные крестные ходы из Буя и Молвитина. Праздник завершился 5 мая крестным ходом вокруг обители. «Громадная народная толпа, — пишет о. Алексей Воскресенский, — (по приблизительному подсчету около 15 тысяч) все это время переполняла не только обитель, но и прилежащее к ней селение (с. Борок. — *Н.З.*)»¹³. Вызывает удивление, что в статье о. Алексея Воскресенского, посвящённой празднествам в Железнодорожской обители, ничего не сказано о том, присутствовала ли на них делегация Свято-Троицкого монастыря во главе с игуменьей Иоанной. Как ближайшие соседи насельницы Свято-Троицкой обители обязаны были участвовать в этом торжестве.

В любом случае мать Вера присутствовала тогда в Железнодорожской обители. Манефа Георгиевна Голубева (1914 г.р.), уроженка с. Борок Буйского уезда, со слов старших, вспоминала про юбилей 1913 г.: «Духовенство съехалось с разных сторон: и из Буя, и из Молвитина, и других мест. Была там и мать Вера. Торжество было неописуемое»¹⁴.

ОСВЯЩЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЧАСОВНИ В ДЕРЕВНЕ ДЕРЕВЕНЬКИ

ПОСЛЕДНИМ событием юбилейного 1913 г. стало освящение мемориальной часовни в д. Деревеньки Домнинской волости Буйского уезда (последняя находилась в нескольких верстах от Свято-Троицкого монастыря). В этой деревне жил Иван Сусанин, и в преддверии Романовского юбилея существовавшее при Костромской епархии Александровское православное братство решило возвести здесь каменную часовню в честь 300-летия подвига знаменитого костромского крестьянина.

Освящение часовни состоялось 20 октября 1913 г. — накануне исполняющейся 21 октября 19-й годовщины восшествия на престол

Памятная часовня в д. Деревеньки. Фото 1913 г.

государя Николая II*. По благословию архиепископа Костромского и Галичского Тихона (Василевского) освящение часовни в Деревеньках совершил благочинный IV Буйского округа о. Николай Рубинский, настоятель Богоявленной церкви в с. Головинском, которому сослужили настоятель Успенской церкви с. Домнино о. Симеон Лебедев и настоятель Спасо-Преображенской церкви с. Спас-Хрипели о. Алексей Василевский¹⁵. В отчёте Александровского братства не сказано о том, что на освящении присутствовал кто-то из Свято-Троицкого монастыря, однако с этого времени насельницы обители по дороге в Молвитино и Кострому всегда проезжали мимо этой часовни.

КНИГА о. АЛЕКСЕЯ ВОСКРЕСЕНСКОГО О СВЯТО-ТРОИЦКОМ МОНАСТЫРЕ

В КОНЦЕ 1913 г. в жизни Свято-Троицкого монастыря произошло ещё одно важное событие: в «Костромских епархиальных ведомостях» началась публикация труда о. Алексея Воскресенского «Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского уезда,

* В настоящее время эту часовню в Деревеньках обычно именуют Иоанно-Предтеченской, что, конечно, логично. Однако ни в одном дореволюционном источнике ничего не говорится о посвящении часовни.

Костромской епархии»^{*}, на который мы многократно ссылались выше. Первая его часть вышла в 21-м номере епархиальных ведомостей от 1 ноября 1913 г.

Автором книги был священник Алексей Андреевич Воскресенский (1856–1921 гг.) — историк Костромской епархии, автор целого ряда трудов, посвящённых, в частности, истории костромских монастырей. Уроженец Костромы, он провёл детство в Чухломском уезде, окончил Галичское духовное училище (1870 г.), Костромскую духовную семинарию (1878 г.) и Казанскую духовную академию (1883 г.). В 1906–1914 гг. о. Алексей жил в Казани, где состоял директором Казанской учительской семинарии¹⁶.

Скорее всего, о. Алексея, опубликовавшего в 1912 г. большую работу по истории Железоборовского монастыря, привлекла к написанию книги об обители на речке Водыш игумения Иоанна. Конечно, ни о. Алексей, ни мать Иоанна не могли и подумать, что в епархиальных ведомостях фактически печатался поминальный труд по Свято-Троицкому монастырю. Последняя часть книги была опубликована в 6-м номере от 15 марта 1914 г. — за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, за три года до революции и за шесть лет до закрытия обители.

На страницах этой обстоятельной книги, написанной на основе документов монастырского архива, ни разу не упоминается мать Вера. Вероятно, о. Алексей работал в архиве обители летом 1912 г. и не мог не видеть идущий к матери Вере поток людей. Видимо, игумения Иоанна попросила о. Алексея не упоминать о самой известной насельнице своего монастыря. Всё-таки той в 1913 г. было только 29 лет, и она ещё не приняла монашеский постриг.

^{*} Книга «Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского уезда, Костромской епархии» публиковалась в «Костромских епархиальных ведомостях» в номерах: 1913, № 21, отд. неоф., с. 609–624; 1914, № 3, отд. неоф., с. 60–65; 1914, № 4, отд. неоф., с. 82–87; 1914, № 6, отд. неоф., с. 120–125.

ГЛАВА XII

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные. В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага»¹.

*Из манифеста императора Николая II
от 20 июля 1914 г.*

ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1914 ГОДА

МАЙ и летние месяцы 1914 г. были аномально жаркими. Из-за засухи по всей Костромской губернии горели леса и болота. В июне в Кологривском уезде выгорела известная Преображенская корабельная роща в Потрусовском лесничестве (пожар начался 22 июня и продолжался пять дней)². В различных уездах от пожаров погибали целые деревни. 18 мая большой пожар произошёл в Буге³, в пламени которого сгорели уездная земская управа, общественный клуб, торговые ряды и почти три квартала центральной части города.

Пожар «начался в чайной торговца Королёва, стоявшей на берегу реки Вёксы (...). Был очень сильный ветер, огонь с чайной быстро перебросился на другие постройки, охватил большие деревянные торговые ряды, перекинулся через площадь. Горящие головни перекидывало на большие расстояния. Пожарная команда с машинами-качалками и бочками была бессильна что-либо сделать. Этот пожар принёс огромные разрушения и материальные потери. Выгорели целые кварталы. Почти полгорода было разрушено»⁴.

Буйская добровольная пожарная дружина героически боролась с огнём. На помощь ей приехали пожарные из Галича и Волгодды. Однако в то время, когда одни люди противостояли огню,

другие занялись грабежом: «Вместо того, чтобы помочь в тушении пожара, население бросилось расхищать имущество из горевших зданий. Расхищалась главным образом водка из казённой винной лавки»⁵.

После разгрома «казёнки» (казённой винной лавки) горящий город наполнился пьяными: «Всё сделалось пьяно. Обезумевшие пьяницы пели и целовались среди свиста и шума пламени рушившихся построек. (...) Пьяный народ мешал делу. Ранее работавшие бросались к водке и делались буквально сумасшедшими. Какой-то пьяный бежал по городу, размахивая головней, и кричал: “Поджигай! Пусть всё горит!”»⁶

Из-за непрерывных пожаров города и сёла губернии были окутаны дымом, в воздухе постоянно пахло гарью. В конце июня газеты сообщали о пожарах в Кологривском уезде: «Лесные пожары принимают угрожающий характер. В крае горят 30 казенных и частных лесов. Огонь раскинулся на десятки верст. (...) Население хуторов и деревень, расположенных в районе пожаров, выносит из домов все свое имущество. Наблюдается массовое бегство зверей из горящих лесов»⁷. Из-за жары и отсутствия дождей обмелели реки Кострома, Унжа и Ветлуга, по которым практически прекратилось движение пароходов.

Уже летом острой проблемой для крестьян стала бескормица: скот было нечем кормить. Газеты предсказывали падёж скота и голод. «Поволжский вестник» 14 июня 1914 г. в статье «Виды на урожай в Костромской губернии» писал: «Благодаря небывалой еще в нашем крае засухе, виды на урожай не предвещают ничего доброго. Крупный недород и его спутник — голод, неизбежны»⁸.

20 июня 1914 г. газета «Костромская жизнь» описывала происходящее: «От 30 апреля не было дождей. Все сохнет, горит... Воздух раскаленный... Рожь отцвела, колосья белеют, не наливаясь зерном. Яровые плохие вообще, а позднего сева или не взошли или пропали от недостатка влаги. Травы сторели... Скот в поле не ходит — мешают оводы, летающие тучами над ними; некоторые селения пасут скот в поле ночью... Везде молебствуют о дожде... Ожидается полный неурожай сена, плохой яровых и средний ржи... Пахнет гарью... Тяжелая картина»⁹.

Летом 1914 г. раскалена была и общественная атмосфера. Костромскую губернию сотрясали массовые забастовки. В июне - июле бастовали рабочие в Костроме, в Кинешме, в Тезине, в Родниках, в Середке... На таком фоне состоялось традиционное перенесение Феодоровской иконы Божией Матери из Костромы в Галич и обратно^{*}.

* Из Костромы икона выехала 20 апреля 1914 г., в Галич прибыла 24 апреля, а в Кострому вернулась 24 мая¹⁰.

Пожар 18 мая в Буге вспыхнул, когда икона находилась в Буйском Благовещенском соборе. Когда пламя охватило центральную часть города, перед иконой было совершено молебствие, после чего «пожар был чудесно локализован». В конце марта 1915 г., по предложению настоятеля Благовещенского собора протоиерея Алексея Мизеровского, Буйская городская дума решила ежегодно совершать в Буге во время пребывания в городе Феодоровской иконы Божией Матери особое богослужение в память о 18 мая¹¹.

21 мая Феодоровская икона Божией Матери прибыла из ещё дымящегося Буга в Свято-Троицкий монастырь. Наверняка в этот день икону в обители встречало небывалое количество местных жителей, сошедшихся со всей округи...

Отчаявшись дожидаться прекращения засухи, люди надеялись только на осень, однако едва лето перевалило за середину, как навалилась другая беда — Мировая война.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

В ОЙНА, которую в народе тогда обычно называли Германской, официально — Отечественной, Второй Отечественной, Великой Отечественной, а позднее назовут Империалистической и Первой Мировой, по сути, началась на день раньше её официального объявления, а именно 18 июля 1914 г., когда в России, в связи с обостряющейся ситуацией в Европе, началась мобилизация военнообязанных.

19 июля 1914 г., в день преподобного Серафима Саровского, Германия объявила России войну. В воскресенье, 20 июля, в разгар военной мобилизации Сумароково отмечало большой праздник — Ильин день. Никольский приходской храм в этот день был переполнен мобилизованными и провожающими их близкими. Через несколько дней на сходах жителей и в приходских церквях был зачитан Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении Германией войны нашей стране.

С августа 1914 г. с фронта в Костромскую губернию хлынул поток раненых. Все прежние большие войны велись до появления сети железных дорог, и поэтому с театра военных действий в глубокий тыл привозили очень небольшое количество раненых. Теперь же раненых с фронта можно было отправить в любой уголок страны, куда вели стальные магистрали. С первых дней Мировая война отличалась небывалым до того кровопролитием. Ежедневно с фронта в тыл везли тысячи раненых. Повсеместно в губернии на базе ранее существующих больниц, в учебных заведениях, в частных домах, в дворянских усадьбах устраивались госпитали и лазареты.

МОНАСТЫРСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ ЛАЗАРЕТЫ

ПЕРВАЯ Мировая война стала первой в истории России, когда такую важную роль играли церковные и монастырские госпитали и лазареты.

26 августа 1914 г. в Костроме, в духовной консистории на Мшанской улице, состоялось совещание настоятелей всех монастырей епархии, обсудившее вопрос о помощи раненым (в нём участвовала и настоятельница Свято-Троицкой обители мать Иоанна). Совещание приняло решение о создании силами монастырей госпиталя на 50 коек, который получил наименование «Монастырский». Госпиталь было решено устроить в Кинешемском Успенском женском монастыре. Заведывание им поручалось настоятельнице этой обители игумении Александре (Раковой)¹².

К началу XX в. крупные монастыри, как правило, имели неболь-

Художник Сергей Виноградов.
Плакат «Помогите увечным воинам!» 1916 г.

шие больницы для монашествующих и иногда лечебницы для местных жителей. На их базе и создавались монастырские лазареты. В первую очередь их устраивали у себя обители, стоявшие вблизи железной дороги или на берегах судоходных рек.

В августе 1914 г. госпиталь открылся в Богоявленско-Анастасиинском монастыре в Костроме. Первоначально он был рассчитан на 20 коек, потом их число увеличилось до 35-ти, потом — до 50-ти. К концу 1916 г. через госпиталь прошёл 581 раненый¹³.

1 сентября 1914 г. в Кинешемском Успенском женском монастыре открылся лазарет на 50 коек, созданный на средства монастырей и официально именуемый «Лазаретом монастырей Костромской епархии»¹⁴.

3 октября 1914 г. в Костроме, в соборном доме при Успенском кафедральном соборе в бывшем Костромском кремле, открылся госпиталь, созданный на средства костромского духовенства (официально он назывался «Госпиталь духовенства и церковей г. Костромы»). Первоначально в нём находилось 20 коек, а с 1 января 1915 г. — 25 коек. 15 октября 1914 г. сюда была доставлена первая партия раненых¹⁵.

21 ноября 1914 г. в Костромском Ипатьевском монастыре открылся главный лазарет Костромской епархии, которому 13 ноября, с высочайшего разрешения, было присвоено имя цесаревича Алексея Николаевича. Полное наименование его звучало так: «Лазарет церковей и духовенства Костромской епархии для больных и раненых воинов имени Его Императорского Высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича». Первоначально в лазарете имелось 30 коек, потом их число увеличилось до 35-ти. Первая партия раненых поступила сюда 1 декабря 1914 г.¹⁶

Под лазареты была занята большая часть зданий Костромской духовной семинарии: в сентябре 1914 г. — часть корпуса общежития, а в октябре 1915 г. — весь классный корпус. Летом 1915 г. большую часть здания Костромского Епархиального женского училища на Муравьёвке занял военный госпиталь, эвакуированный из г. Гродно. В сентябре 1914 г. госпиталь разместился в здании Костромского духовного училища¹⁷.

25 августа 1914 г. небольшой лазарет на 6 кроватей открылся в Макариево-Решемском монастыре¹⁸.

В одном из зданий Никольского Староторжского женского монастыря в Галиче город открыл лазарет на 32 койки, в котором за ранеными ухаживали 10 сестёр¹⁹. Приют на 12 человек для выздоравливающих воинов был устроен в Железнодорожном монастыре²⁰.

Свято-Троицкий монастырь также мог открыть у себя лазарет. У него было практически всё необходимое для этого, кроме одного — возможности подвоза раненых. Ближайшая железнодорожная

станция находилась в г. Буй, но везти оттуда раненых 35 вёрст до монастыря, в том числе около 10 вёрст по просёлочным дорогам, было невозможно*.

С сентября 1914 г. Свято-Троицкая обитель ежемесячно перечисляла 55 рублей на содержание епархиального госпиталя в Ипатьевском монастыре. Там же постоянно работали две командированные туда послушницы. На воспитание в монастырь была взята маленькая девочка-сирота, отец которой погиб на фронте²¹.

В 1917 г. при монастырском лазарете в Кинешме работала насельница Свято-Троицкой обители — рясофорная послушница Клавдия Александровна Кузнецова²².

МАТЬ ВЕРА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ГЛАВНУЮ помощь людям Свято-Троицкий монастырь в годы войны оказывал благодаря матери Вере.

В военный водоворот были втянуты миллионы людей. Многие тысячи солдат в ходе боевых действий пропадали без вести, и их близкие годами не получали про них никаких известий. Вследствие этого с осени 1914 г. поток людей, устремляющихся к матери Вере, возрос многократно. По воспоминаниям местных старожилов, люди ждали в очереди к матери Вере по два-три дня. Прежние вопросы, с которыми шли к ней в довоенное время, ушли на задний план. Главным с 1914 г. стала судьба близких, оказавшихся на фронте. Мать Вера сообщала пришедшим к ней, у кого близкий человек погиб, у кого лежит в госпитале, у кого попал в плен и вернётся через несколько лет и т. д.²³.

Александра Никандровна Лисовская (1893 г.р.), уроженка д. Куницыно Буйского уезда, вспоминала: «Мне довелось побывать у матери Веры в Сумарокове первый раз в 1915 году. (...) Ходили со мной ещё две женщины, мужья которых были на войне. Им мать Вера сказала, что их мужья в плену»²⁴.

В годы войны мать Вера на собранные ею средства возвела в д. Высоково Домнинской волости деревянный храм во имя Архистратига Михаила — покровителя воинов.

* Открытие приюта в Железнодорожном монастыре, находящемся в 16 верстах от Буя, стало возможно потому, что: 1) монастырь и уездный город соединял Костромской тракт, 2) в приют доставлялись уже выздоравливающие воины.

МАТЬ ВЕРА СТРОИТ ХРАМ В ДЕРЕВНЕ ВЫСОКОВО (1914–1919 гг.)

«Храмоздатель — строитель, хозяин, коего иждивением храм строится»¹.

*Даль В.И. Толковый словарь
живого великорусского языка*

*«Мать Вера начала делать церковь в Высокове
в империалистическую войну»².*

Из воспоминаний современника

В ПЛОТЬ до 1861 г. основными строителями храмов в сельской местности были помещики. После отмены крепостного права сельские храмы, в основном, строили местные купцы, выходцы из крестьян. Преимущественно, это были люди солидные и богатые: фабриканты, купцы I гильдии, потомственные почётные граждане.

В годы Первой Мировой войны матушка Вера тоже вписала своё имя в число храмоздателей: она построила храм в д. Высоково Буйского уезда.

МАТУШКА ВЕРА НАЧИНАЕТ СТРОИТЬ ХРАМ В ДЕРЕВНЕ ВЫСОКОВО

Э ТА деревня находилась в 15 верстах от монастыря, в соседней Домнинской волости Буйского уезда. По данным на 1907 г., в д. Высоково было 17 дворов и проживало 122 чел.³ Из Высокова к матери Вере ходило немало людей, и многие из них жалели о том, что у них когда-то имелся свой храм, но сгорел. Храм в селе Высоком в Шачебольском стане впервые упоминается в писцовой книге 1629–1630 г., где сказано: «село Высокое (...), а в нем церковь чудо архангела Михаила древяна клецки, да другая теплая церковь Николы чудотворца с трапезою древяна вверх»⁴.

Архангельский храм в с. Высокове существовал несколько столетий. Он погиб в начале XIX в. при пожаре. По какой-то причине

его не смогли восстановить, и приход в Высокове официально был упразднен в 1815 г.⁵ Житель находящейся неподалеку от Высокова д. Сокольниково Валентин Иванович Батырев (1927 г.р.), со слов стариков, рассказывал в 1980-е годы: «...в Высоково была деревянная церковь (...) сгоревшая от грозы»⁶.

Вероятно, мать Вера уже и раньше подумывала о восстановлении храма в Высокове, но окончательное решение приняла в 1914 г., после начала войны. По-видимому, свою роль сыграло и то, что сгоревший столетие назад высококовский храм был посвящён архангелу Михаилу — покровителю воинов и полководцев.

Закладка храма в Высокове, вероятно, состоялась осенью 1914 г. Имя архитектора, по проекту которого он возводился, неизвестно. Новый деревянный храм строился на фундаменте его предшественника, причём это место указала строителям сама мать Вера (по-видимому, местные жители за истекшие сто лет забыли, где именно стоял их храм). Из воспоминаний Александра Ивановича Смирнова, уроженца д. Копцево Буйского уезда, следует, что мать Вера указала строителям место, где находился фундамент, состоявший, скорее всего, из больших валунов, ушедших в землю и заросших травой и кустами. А.И. Смирнов вспоминал: «(...) мастера на этом фундаменте стали ставить деревянную церковь. Матушка принимала деятельное участие в постройке храма. Помогала делать рамы, сама стругала, выходило у неё не хуже любого столяра»⁷.

Валентин Иванович Батырев, со слов старших, рассказывал: «Мать Вера из Сумарокова ездила проверять, как идут работы на стройке, давала указания, руководила работами. С каждым плотником разговаривала. (...) Матушка приезжала проверять зимой. Была она без шубы. Босая, несмотря на мороз. Приезжала она на санях. К плотникам забиралась по лесам. “Мы, — рассказывали они, — замерзаем, а она стоит почти без одежды”»⁸.

Нельзя не спросить: на какие средства мать Вера возводила храм? Ведь сооружение храма, даже деревянного, — дело очень недешёвое. Мать Вера строила храм в Высокове на те же средства, на какие её предшественница, старица Евпраксия, расширяла Никольский приходской храм, — на пожертвование почитателей.

Мать Вера опекала создаваемый храм до самого конца. В 1918 г. она съездила в Петроград и привезла оттуда иконы и церковную утварь. 17 июня 1921 г. на допросе в Костромской губчека она показала: «В 1918 году я ездила в Петроград за иконами и церковной утварью для с. Высоково»⁹. Надо ясно представлять, что в 1918 г. даже просто съездить в Петроград было делом крайне нелёгким, а достать там иконы с утварью и привезти их в Высоково — это вообще находилось за гранью человеческих сил.

19 СЕНТЯБРЯ 1919 ГОД: ОСВЯЩЕНИЕ ХРАМА

ОСВЯЩЕНИЕ храма состоялось в сентябре 1919 г. Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.), уроженка д. Моклоки Буйского уезда, со слов своей матери, которая часто ходила к матери Вере, рассказывала: «Храм в д. Высоково (...) был освящён в честь архангела Михаила. Освящали нововыстроенный храм 6/19 сентября, в день воспоминания чуда Архистратига Михаила, бывшего в Хонех. На освящение храма приехало духовенство, архиерей, и множество народа собралось со всей округи. Мать Вера была на освящении храма, стояла босиком»¹⁰. Первым священником, назначенным сюда в июне 1919 г., стал бывший диакон из погоста Горки, что на Пенье, Иоанн Бобровский¹¹*. Архиереем, освятившим храм, был епископ Кинешемский Севастиан (Вести), который в то время являлся временно управляющим Костромской епархией.

Храм архангела Михаила в селе Высокове** стал одним из последних храмов, построенных в Костромской губернии в начале XX в. На протяжении многих последующих десятилетий церкви у нас только закрывались и разрушались.

Деревянный храм во имя преподобного Серафима Саровского, построенный в начале XX в. на даче Никольского Староторжского женского монастыря – усадьбе Соколово близ Галича. Фото С.А. Орлова. 1914 г.

* Иоанн Иоаннович Бобровский (1871 – после 1924 гг.) — уроженец с. Домнино Буйского уезда, сын настоятеля Успенской церкви о. Иоанна Бобровского¹².

**В соответствии со старинной традицией деревня, в которой построен храм, именуется селом. Жители Высоково во всех документах начала 20-х годов, в которых они пытались заступаться за мать Веру, именовали Высоково селом.

К сожалению, до нас не дошло ни одной фотографии, которая запечатлела бы храм в Высокове, и поэтому мы не знаем, как он выглядел.

Скорее всего, он был похож на деревянный храм во имя преподобного Серафима Саровского*, построенный в 1908 г. на даче Никольского Староторжского монастыря — усадьбе Сокорове, находившейся в 12 верстах от Галича по Кинешемскому тракту¹³. Этот храм представлял собой сравнительно небольшое сооружение, обшитое тёсом, с одной причудливо-изысканной главкой и отдельно стоящей восьмигранной колокольней. На всём его облике лежал лёгкий налет стиля модерн. Серафимовский храм в Сокорове построен по проекту архитектора Николая Ивановича Горлицына (1870–1933 гг.), который с 1894 по 1924 г. работал городским архитектором г. Костромы¹⁴. С большой степенью вероятности можно предположить, что Н.И. Горлицын являлся и автором проекта Высоковского храма. Вряд ли мать Вера стала обращаться к каким-нибудь московским специалистам. В Костромской же губернии архитекторов было немного. Наверняка мать Вера видела храм в Сокорове и, по примеру настоятельницы Никольского Староторжского монастыря игумении Анастасии (Смирновой), могла пригласить Н.И. Горлицына для создания проекта храма в Высокове.

Построенный матушкой Верой храм в Высокове пользовался у местных жителей особым почитанием. Уроженка д. Царёво Буйского уезда Екатерина Александровна Веселкова (1912 г.р.) позднее вспоминала: «В церковь, выстроенную матушкой в Высокове, я ходила со своей тётушкой Пелагеей. У тётушки в Высокове была родня, мы там ночевали. Мне тогда было лет 10. Все говорили про храм: “Матушка, матушка выстроила!” Вот мы нарочно и ходили с тётушкой поглядеть на новую церковь. Она мне запомнилась очень хорошо, народа много молилось за службой. Церковь деревянная»¹⁵.

Храм в Высокове стал центром небольшого прихода, который включал в себя четыре селения Буйского уезда: два из Домнинской волости — с. Высоково и д. Сергеево, два из Боровской волости — д. Косинская, д. Чумсаново**.

По данным 1907 г., в д. Сергеево был 31 двор и проживало 166 чел.¹⁶, в д. Косинской — 24 двора и 181 чел.¹⁷, в д. Чумсаново — 26 дворов и 171 чел.¹⁸.

Как мы увидим ниже, жители с. Высоково, Косинской, Чумсанова и Сергеева сыграли особую роль в судьбе матери Веры. Когда в 1921 г. власти изгнали её с несколькими послушницами из Сумарокова, то жители Высокова приняли её у себя.

* Напомним, что канонизация преподобного Серафима Саровского состоялась в 1903 г.

** До 1919 г.д. Высоково относилось к приходу Димитриевской церкви с. Исаева, дд. Косинская и Сергеево — к приходу Богоявленской церкви с. Головинское, д. Чумсаново — к приходу Христорождественской церкви с. Борок.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

«Свято-Троицкий женский монастырь находится в селе Новом, Галичского уезда, Костромской губернии, в 75 верстах от г. Костромы и в 40 верстах от г. Галича»¹.

Из ведомости монастыря за 1917 г.

«ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ» СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

К 1917 г. Свято-Троицкий монастырь насчитывал лишь 24 года своей истории. Если считать с основания общины (1874 г.) — 43 года. Несмотря на относительную «молодость», обитель на речке Водыш обладала уже целым рядом традиций.

В монастыре свято чтилась память его основательницы — Елизаветы Николаевны Варенцовой. Её регулярно поминали при богослужении. День её ангела, святой мученицы Елисаветы Адрианопольской — 22 октября/4 ноября — был одним из престольных праздников обители. Монастырь хранил память о старице Евпраксии, которую насельницы почитали как свою предшественницу, предсказавшую возникновение здесь женской обители. Монастырская община помнила почивших — начальницу общины Анну Андреевну Студенецкую, похороненную у алтаря Троицкой церкви, и игумению Римму (Каллистову), чья могила находилась у алтаря монастырского собора.

У молодой обители постепенно сложился свой круг престольных праздников, привлекавших сюда большое количество жителей Галичского и Буйского уездов. Главными среди них были — праздник Святой Троицы, день Боголюбской иконы Божией Матери (18 июня/1 июля) и день иконы Божией Матери «Скоропослушницы» (9/22 ноября).

В обители не забывали трагическое событие 6 июля 1885 г., когда в страшную грозу сгорел конный двор и погибло двое рабочих. Ежегодно 6 июля в монастырь из погоста Спас-Верховье приносилась Полонская икона Божией Матери. После богослужения икону крестным ходом обносили вокруг монастыря и его владений...

Важнейшим событием в жизни обители было ежегодное принесение главной святыни Костромского края — Феодоровской иконы Божией Матери, возвращавшейся из Галича в Кострому. Каждый

раз для встречи иконы в монастырь стекалось огромное количество местных жителей. Исключения составляли годы, когда из-за плохой погоды экипаж с иконой не мог съехать с Костромского тракта на просёлочную дорогу. Так, например, случилось в 1912 г.

5 мая 1912 г. протоиерей кафедрального собора Александр Виноградов, сопровождавший святыню, послал из Буя епископу Костромскому и Галичскому Тихону (Василевскому) следующую телеграмму: «По удостоверению Буйского исправника проселочные дороги в села Контеево, Воскресенское, Домнино, Хрипели и в Троицкий женский монастырь невозможны для проезда по причине размыва дождями. Осмеливаюсь оставить названные местности без посещения со святою иконой»². Из консистории ему ответили: «Делайте, как возможно»³.

Постепенно уходило старое поколение насельниц, помнившее первые годы существования женской общины. В конце «нулевых годов» XX в. скончалась первая начальница Ново-Троицкой общины — монахиня Евпраксия (Васса Ивановна Панова), похороненная на монастырском кладбище.

НОВЫЙ НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛЬСКОЙ ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ — ОТЕЦ МИХАИЛ ИОРДАНСКИЙ

28 АПРЕЛЯ 1912 г. вышел за штат о. Никтополион Комаровский⁴, в течение 45 лет служивший настоятелем Никольской Ново-Теляковской церкви и отпевавший Елизавету Николаевну Варенцову. В 1913 г. он скончался⁵. На отпевание заштатного настоятеля наверняка стеклось большое количество прихожан. Похоронили о. Никтополиона возле алтаря Никольской церкви.

Вдова о. Никтополиона, Анна Васильевна Комаровская (1845–1919 гг.), пережила его на шесть лет. Она скончалась в 1919 г. и была похоронена рядом с супругом. В Сумарокове ещё несколько лет прожили две дочери о. Никтополиона — Мария Никтополионовна (1884 г.р.) и Анна Никтополионовна (1889 г.р.). Мария Никтополионовна работала учительницей в церковно-приходской школе⁶.

В мае 1912 г. новым настоятелем Никольской приходской церкви стал о. Михаил Иорданский. Михаил Сергеевич Иорданский (1880–1945 гг.) родился на погосте Воскресенье-Флоры Буйского уезда, в семье диакона. Он окончил Галичское духовное училище и четыре класса Костромской духовной семинарии. С 1901 г. работал учителем церковно-приходской школы в с. Спасском Буйского уезда, а с 1902 г. — в такой же школе в с. Жирятино Кинешемского уезда.

В феврале 1903 г. Михаил женился на Елене Александровне Страховой (1882–1959 гг.), дочери псаломщика из с. Николо-Ез Кинешемского уезда. Их венчание состоялось 2 февраля 1903 г. в Преображенской церкви с. Говёнова Галичского уезда.

В 1904 г. Михаил Иорданский был рукоположен в священник и стал настоятелем Троицкой церкви с. Троицкого Буйского уезда. В 1906 г. его переместили к Успенской церкви с. Пеженга Кологривского уезда, а в 1909 г. — к Преображенской церкви с. Малая Вохтома Чухломского уезда. 24 мая 1912 г. о. Михаил был назначен настоятелем Никольской церкви села Новое, что в Телякове⁷.

Внучка о. Михаила, Татьяна Анатольевна Дружкова (1938 г. р.), урождённая Иорданская, пишет: «Поначалу их поселили в одном из домов монастырского священника. Потом сколько-то времени пришлось жить в школе (церковно-приходской. — *Н.З.*), в комнате, предназначавшейся

учительнице: учительница Мария Никтополионовна жила в собственном доме недалеко от школы, её казенное жильё пустовало. Примерно в 1917 году приход построил для о. Михаила церковный дом»⁸.

Супруги Иорданские приехали в Сумароково с двумя детьми. Через десять лет у них было уже пятеро детей: Анатолий (1907–1974 гг.), Ольга (1913–1991 гг.), Вера (1915–1989 гг.), Фаина (1918–2008 гг.) и Мария (1922–2007 гг.)⁹, причём все дочери родились уже в Сумарокове⁹.

Т.А. Дружкова пишет об этом периоде жизни своего деда: «Церковный дом представлял собой обычную деревенскую избу: одна комната побольше, две поменьше, кухня и двор для скотины. Постепенно завели лошадь, корову, свиней, кур. Никакого особого достатка не было, семья священника Иорданского по материальной обеспеченности не выделялась ни в ту, ни в другую сторону по сравнению с соседями. Корм для скотины заготавливали собственными силами,

Священник Михаил Иорданский со своей супругой Еленой Александровной. Фото 1908 г.

* Двое сыновей: Александр (1905 г.р.) и Валентин (1909–1913 гг.) умерли в младенчестве.

дедушка сам косил, сами сеяли и убирали хлеб, сами сеяли и пряли лён. Хозяйка матушка Елена любила вкусно готовить и любила ездить в гости в семьи соседей-священников, где за гостеприимными застольями общались между собой люди одного круга, сельская интеллигенция того времени. Долгими зимними вечерами взрослые обычно занимались чтением, разговорами, рукоделием. (...) По почте выписывалось много разной литературы, например, курс лекций по психологии, самоучитель игры в шахматы, журналы “Нива”, “Трезвенник”, “Новое слово”, детский журнал “Светлячок”, иностранные романы. Было много специальной литературы по вопросам веры и богослужения»¹⁰.

Служение о. Михаила в Никольском храме пришлось на годы Мировой войны, революции и свыше двадцати лет советского времени.

У МАТЕРИ ВЕРЫ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВОСПИТАННИЦЫ

К НАЧАЛУ XX в. почти во всех женских монастырях Костромской епархии имелись — официально или неофициально — приюты для девочек, куда брали сирот или детей из бедных семей. Примерно, в 1915–1916 гг. у матушки Веры появилась воспитанница — девочка Матрёна (Мотя). Возможно, в обитель её привели родственники или соседи. Может быть, мать Вера сама узнала о девочке-сиротке, живущей неподалеку, и взяла её на воспитание.

О Матрёне (Моте) Владимировне Балдиной* известно только, что она родилась в 1910 г. в д. Медведки Яхнобольской волости¹¹. Скорее всего, девочка являлась сиротой.

Фаина Александровна Лебедева (1910 г.р.), уроженка д. Смольницы Буйского уезда, вспоминала, как она в 1917 или 1918 годах с мамой ходила к матушке Вере: «У матушки в то время жила девочка Мотя, отданная к ней на воспитание. Ей было лет 7–8, столько же, сколько и мне. Дома этой девочки не было, и матушка сказала мне, чтобы я одела Мотин фартук, пока её нет. Я одела. Потом матушка положила в подол фартука несколько игрушек: птичку одноглазую (другой глаз у птички был сломан, из него показывалась какая-то верёвочка), лошадку с оторванными ногами. В карман тоже чего-то положила. Говорит мне: “Никто этих игрушек не берёт, а ты берёшь”. Эти игрушки она дала мне насовсем. На шею повесила связку кренделей на тесёмке. Крендели свешивались до самого пола. “Давай, давай поскорей, а то Мотья придёт и у нас всё отберёт”, — сказала матушка. Так я и пришла в таком виде домой»¹³. Известно, что в 1925–1928 гг. Мотя Балдина жила с матерью Верой в Кинешме, когда та находилась там в ссылке.

По-видимому, уже в период революции у матери Веры появилась вторая воспитанница, о которой мы знаем гораздо больше, «благо-

* В ведомости монастыря за 1919 г. Матрёна записана с фамилией «Болтова»¹², но, видимо, это ошибка, так как во всех остальных случаях Мотя проходит как Балдина.

даря» тому, что в ходе следствия по делу о матери Вере в 1931, 1934 и 1935 г. её привлекали в качестве свидетеля и едва ли не обвиняемой. Звали эту девушку Александра Ивановна Панова, она была уроженка д. Зубово Яхнобольской волости Галичского уезда. Год её рождения ни в одном документе не указан. На допросе в 1931 г. она показала, что ей 35 лет¹⁴, следовательно, она родилась примерно в 1896 г. Удивляет, что ни в одной из последних ведомостей монастыря — за 1917 и 1919 гг. — Александра Ивановна не значится, хотя та же Мотя Балдина упомянута в ведомости за 1919 г.

На допросе в 1931 г. Александра Ивановна показала: «С Верой Меркуловой я знакома очень давно, я с 5-летнего возраста осталась сиротой и с 7 лет жила на воспитании Веры. (...) Всего у Веры Меркуловой было 2 воспитанницы — Матрёна из д. Медведок и я. Матрёну Вера при выезде из Н-Сумарокова взяла с собой, а я осталась здесь, не захотела поступать в монахини»¹⁵.

Судя по всему, Александра Ивановна помнила неточно или сознательно не хотела посвящать следователя в какие-то детали своей биографии. Если она родилась в 1896 г., а мать Вера жила в монастыре с 1906 г., то, следовательно, она стала её воспитанницей не в семь лет, а в более старшем возрасте. Скорее всего, последнее предложение из показаний Александры Ивановны («Матрёну Вера при выезде из Н-Сумарокова взяла с собой, а я осталась здесь, не захотела поступать в монахини») следователь записал неточно. Видимо, Александра Ивановна имела в виду, что в 1920–1921 гг. она вышла замуж и покинула монастырь, а Мотя осталась в общине.

В начале 20-х годов Александра Панова вышла замуж за крестьянина д. Шелки * Яхнобольской волости Александра Матвеевича Смирнова (1895 г. р.). К июлю 1931 г. её семья состояла из 5 человек (видимо, она с мужем и трое детей). Всю свою последующую жизнь Александра Ивановна свято берегла память о матушке Вере, которую считала своей приёмной матерью. В 1931 г. на допросе она сказала: «Связи с Верой Меркуловой я прервать не могу и буду ходить к ней до тех пор, пока её отсюда не вышлют или не уедет сама. (...) Я считаю её своей матерью, вскормившей меня»¹⁶.

МОНАСТЫРЬ В КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

ПОСЛЕДНИЕ годы существования Свято-Троицкого монастыря пришлось на Мировую войну. Все эти годы нескончаемый поток людей, в основном женщин, устремлялся к матери Вере в надежде узнать что-то о судьбах своих сыновей, мужей, отцов.

* Напомним, что родом из д. Шелки была столь почитаемая в Никольском Сумароковском приходе старица Евпраксия.

Мать Вера продолжала строить храм в Высокове, работы над которым близились к завершению. В 1915 г. состоялось освящение церкви при станции «Буй»¹⁷. В последующие годы при богослужении в церкви пел небольшой хор певчих из числа насельниц обители.

В 1916 г. мать Вера ездила в Петроград. На одной из дошедших до нас фотографий матери Веры на обратной стороне написано: «На молитвенную память схимонахия Михаила. Петроград, 1916». Эту фотографию мать Вера подарила кому-то уже после того, как она приняла в 20-е годы постриг в великую схиму и получила имя Михаила. Однако снята фотография в Петрограде в 1916 г. Вероятно, по поручению настоятельницы мать Вера ездила туда на сборы.

В конце 1916 г. в Костромскую губернию пришло известие о том, что в ночь с 16 на 17 декабря в Петрограде был убит знаменитый Григорий Распутин. Как известно, образованное общество встретило известие об убийстве Распутина с ликованием. Подобные чувства испытывала и часть деятелей Церкви. 25 декабря 1916 г., выступая в думе Костромы с поздравлением по случаю Рождества, епископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) сказал: «Поздравляю вас с радостью, случившейся в последние дни. Одеяло из черных облак, омрачавших наш небосклон, спустилось»¹⁸.

Наверняка слухи об убийстве Распутина обсуждали и жители Сумароковской округи. Однако они, скорее всего, восприняли эту весть иначе, чем образованные люди. Есть очень интересное свидетельство тогдашнего французского посла в России Мориса Палеолога. В своём дневнике в первых числах февраля 1917 г. он записал: «Князь О* прибыл из Костромы, где у него крупные дела в области сельского хозяйства и мануфактурного производства». Посол спросил его о настроении крестьянства Костромской губернии. Князь ответил:

« — Плохо... Устали от войны; ничего больше в ней не понимают, кроме того, что победа невозможна. Однако, еще не требуют мира. Я чувствовал всюду унылое и покорное недовольство... Убийство Распутина произвело сильное впечатление на массы.

— А! А какого рода впечатление?

— Это очень интересное явление и характерное для русской традиции. Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа; он доводил до царя голос народа; он защищал народ против придворных; и вот придворные его убили. Вот что повторяется во всех избах»²⁰.

Никто, конечно, не знал, что убийство Г.Е. Распутина — это было, по сути, начало революции 1917 года.

* Под князем О., скорее всего, имеется в виду князь Павел Дмитриевич Долгоруков (1866–1927 гг.), которому принадлежали крупные участки леса в Галичском, Чухломском и Кологривском уездах. Он же был владельцем большого лесопильного завода¹⁹.

«СВОБОДА ВЗМЕТНУЛАСЬ НЕИСТОВО»: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание»¹.

*Из манифеста императора Николая II
об отречении от престола (2 марта 1917 г.)*

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

В УСЛОВИЯХ продолжающейся третий год Мировой войны в конце февраля 1917 г. в Петрограде начались беспорядки, приведшие к падению монархии. 2 марта 1917 г. в Пскове император Николай II отрёкся от престола.

Через несколько дней в храме Свято-Троицкого монастыря и в Никольском приходском храме священники Иоанн Александровский и Михаил Иорданский огласили манифест Николая II об отречении. Под сводами храмов звучали слова, предопределяющие судьбы миллионов людей огромной державы: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание». «В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть»².

Никто, конечно, тогда не мог подумать о том, что в результате революции через три года Свято-Троицкий монастырь будет закрыт, а его насельницы рассеяны. Лично матери Вере падение монархии обещало непрерывные гонения, множество арестов и долгие годы в тюрьмах и ссылках.

Художник
И.А. Владимиров
«Долой орла!»
1917 г.

* * *

Всего после революции мать Веру арестуют двенадцать раз — в 1919 г., в 1920 г., в 1921 г. (трижды), в 1923 г., в 1924 г., в 1926 г., в 1928 г., в 1929 г., в 1931 г. и в 1935 г. Три раза её приговорят к ссылке, четыре раза — к тюремному заключению, один раз — к лагерю. Из 18-ти послереволюционных лет своей жизни она в общей сложности проведёт в тюрьмах и ссылках 12 лет (в тюрьмах — свыше 7 лет, в ссылках — около 5 лет).

Сама мать Вера путалась в количестве своих арестов. На допросе 12 июня 1934 г. она показала: «Я всего привлекалась 12 раз, а осуждена была 3 раза к тюремному заключению и 2 раза к ссылке»³. На допросе 13 января 1935 г. мать Вера сказала, что «привлекалась к ответственности 10–12 раз, под арестами, лишением свободы и судом и в ссылках была около 13–14 лет»⁴.

Повторим, что, по нашим подсчётам, после 1917 г. матушку Веру арестовывали 12 раз. После революции почти не было года, чтобы её не арестовывали, иногда, например в 1921 г., даже три раза подряд. Нам неизвестно больше никого, по крайней мере из церковных людей, которых бы в 20–30-е годы арестовывали столько раз.

* * *

Можно уверенно полагать, что мать Вера восприняла падение монархии как начало трагического этапа в жизни страны. Большинство же её сограждан весной 1917 г. думали иначе.

Революционный процесс в Буйском и Галичском уездах развивался, как и положено. Вначале всё было прилично: граждане Буй и Галича ходили на митинги и демонстрации под красными знамёнами

и посылали приветственные телеграммы Временному правительству, в которых радовались падению царского режима, душившего страну, и выражали уверенность, что теперь свободная Россия расцветёт. К 20 марта 1917 г. Совет рабочих депутатов, Совет солдатских депутатов и Совет крестьянских депутатов возникли в Галиче, а к середине июля Совет рабочих депутатов — в Буге⁵.

Первые знаки революционных перемен были относительно «скромные». Весной 1917 г. в Галиче переименовали одну из главных улиц города — Романовскую*. В 1913 г. отцы города в честь 300-летия Дома Романовых дали это название улице Успенской. Теперь её опять переименовали — в улицу Свободы, каковое имя она носит и по сию пору⁶. Но всё это были только «цветочки». Через несколько месяцев революция в Галиче и Буге развернулась во всей «красе».

РЕВОЛЮЦИЯ В ГАЛИЧЕ

В НОЧЬ с 24 на 25 октября 1917 г. в Петрограде было свергнуто Временное правительство и власть перешла к Совету Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным. 29 октября власть Советов установилась в Костроме. Установление новой власти началось в городах и уездах Костромской губернии.

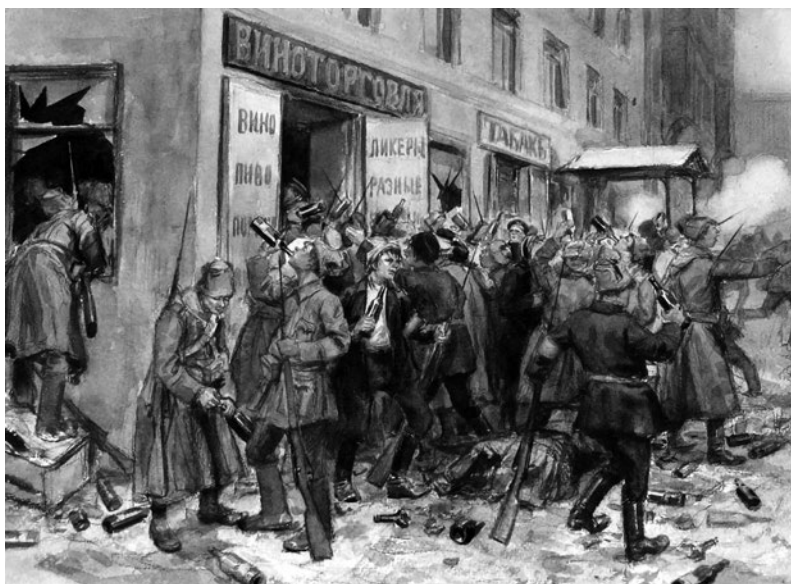
В первые дни после падения Временного правительства по губернии прокатилась волна погромов винных складов. Надо напомнить, что в июле 1914 г., в первые дни войны, в России была запрещена продажа алкоголя и введён так называемый «сухой закон» (одним из последствий этого стало повсеместное самогонование). В октябре — ноябре 1917 г. во многих городах Костромской губернии, где находились казённые винные склады, прошли «винные» погромы. Избежать этого удалось только в Костроме, где новые власти оперативно успели спустить в канализацию все запасы водки и спирта, хранящиеся на казённом винном складе на Еленинской улице**.

Наиболее драматический характер события в октябре — ноябре 1917 г. приняли в Галиче. В октябре 1916 г. в Галич из Петрограда был переведён 181-й запасной полк⁷. За период с марта по октябрь 1917 г. личный состав полка, как и вся наша армия, «успешно» разложился.

Вечером 25 октября (7 ноября по нов. стилю) 1917 г. солдаты 181-го полка кинулись грабить казённый винный склад в Галиче. «Не довольствовавшись разгромом склада, пьяные погромщики с криками “долой буржуев” направились в центр города»⁸. Одновременно в городе начались грабежи магазинов. 26 октября из Галича сообщалось: «Город во власти пьяной толпы. Разгром винного склада продолжа-

* На этой улице находится Преображенский собор Галича, состоящий из двух храмов — Преображенского и Благовещенского.

**С 1918 г. — ул. Ленина.

Художник И.А. Владимирова «Погром винного магазина». 1918 г.

ется. Толпы солдат и народа громят и грабят магазины. Во многих местах вспыхнули пожары»⁹.

Известия из Галича рисуют жуткую картину того, что происходило тогда в городе: «25 октября в 9 часов вечера начался погром еврейских магазинов, а затем и русских мануфактурных. Сначала разгромили на Костромской улице * магазин обуви Иофисса, затем часовой магазин Левина, который после разгрома зажгли. Разгромили смежный с магазином Левина мануфактурный магазин Смирновой (б. Голубевой), который также выгорел, затем аптекарский магазин Фристет, также по смежности. В мастерской Н. А. Константинова разграбили часы, взятые в ремонт, не пощадили и инструментов. Сам владелец занят был тушением пожара, а мастерскую его громили. На той же Костромской улице разгромили еще один небольшой русский часовой магазин и один мануфактурный еврейский. В то же время на Успенской улице ** близ площади, разгромили мануфактурный и часовой магазин Аншелевича. Часов в 11 ночи начали громять мануфактурный магазин Сотникова на Пробойной улице *** и напротив его мануфактурный магазин Голубевой.

Громили (после разгрома винного склада) пьяные солдаты. Некоторые пробовали их уговаривать, но уговаривающих били. Так, побили социалиста-революционера Павлова (ударил по лицу). Пьяные солдаты мешали тушить пожар»¹⁰.

* С 1920 г. — ул. Ленина.

** Примечательно, что улица названа по-старому — Успенская, а не Романовская или Свободы.

*** С 1919 г. — ул. Луначарского.

Галич. Угол Торговой площади и ул. Пробойной (ул. Луначарского). Дом купца Н.Ф. Сотникова (на снимке слева) в ходе погрома в конце октября 1917 года выгорел изнутри. Фото начала XX в.

В погромах участвовали не только солдаты 181-го полка, но и раненные, лежащие в лазаретах Галича: «На Пробойной улице в разгроме магазина Сотникова приняли деятельное участие солдаты из лазарета, что был в помещении винного склада»¹¹.

К солдатам примкнула и часть местных жителей: «За громилами-солдатами в грабеже приняли участие городские подонки. Самый богатый магазин Сотникова грабили всю ночь и затем подожгли. 26-го днем магазин Сотникова горел весь день. Громилы-солдаты ворвались в контору союза кооперативов (помещается над магазином Сотникова). (...) Контора союза выгорела, сгорело помещение Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, редакция газеты «Галичанин» и помещение культурно-просветительного кружка. Все эти учреждения помещались над магазином Сотникова»¹².

Узнав, что в Галиче грабят винный склад и магазины, в город повалили крестьяне из окрестных сёл и деревень: «Во время разгромов магазинов 26 октября в город нахлынули для грабежей жители деревень с мешками...»¹³

Из Галича волна погромов перекинулась в уезд: «30 октября разгромили за озером, верстах в 10–12 от города, усадьбы Знаменское (...) и Сырково»¹⁴.

Власти, которые должны были пресечь беспорядки, оказались «не на высоте»: «Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, за небольшими исключениями, был пьян 25 и 26 октября. Новая

демократическая земская управа, избранная 22 октября, в пьяные дни в Галиче перепилилась и разъехалась по домам»¹⁵.

Попытки губернских властей подавить беспорядки в Галиче провалились. Из Ярославля сюда по железной дороге была послана рота солдат, но их приезд только ухудшил ситуацию: «26 октября в Галич прибыли для охраны солдаты из Ярославля, но перепилились и только ухудшили положение. Вскоре их отправили обратно, но часть осталась и рассыпалась по деревням искать водки. Где им не давали водки, они требовали денег по 5 и по 10 рублей с дома. Таким образом, с 27 октября перед солдатами трепетали уже и окружные деревни»¹⁶.

Галичский уездный комиссар Л. Кронин 28 октября прислал в Кострому телеграмму: «Погром в Галиче продолжается. Присланная из Ярославля команда перепилилась и присоединилась к погромщикам. Положение ужасное. (...)»¹⁷.

В результате пожаров в центре Галича сгорела «только что открытая и хорошо оборудованная детская библиотека»¹⁸.

Отпор погромщикам дала только городская управа во главе с городским головой П.К. Нефедьевым. «Городской голова все дни и ночи был на посту и озаботился созданием дружины. Дружина сформировалась 25 октября из молодежи г. Галича: в нее вошли преимущественно гимназисты старших классов гимназии. 26 октября дружину вооружили, чем могли, и они превосходно несли ночной караул. (...) Наконец, 27 октября офицеры полка и трезвые солдаты организовали ночные патрули по городу. С 27 октября по ночам по городу раздавалась стрельба: то стреляли в воздух патрули. Галичане жили как на позициях, или даже хуже, т.к. приходилось трепетать перед пьяными солдатами»¹⁹. Дружинникам удалось выгнать из города крестьян: «... несколько дней в город без пропуска от городской управы или предъявления документов пройти было нельзя. Деревенские шакалы отхлынули»²⁰.

Разумеется, в советское время об этих отнюдь не славных страницах истории октября — ноября 1917 г. в Галиче старались не вспоминать.

Вести о том, что происходит в Галиче, разносились по уезду. В Свято-Троицком монастыре, конечно, с ужасом узнавали, что творится в недавно ещё тихом уездном городе.

РЕВОЛЮЦИЯ В БУЕ

В РЕВОЛЮЦИОННЫХ событиях конца 1917 г. Буй сумел отметить по-своему.

7 декабря 1917 г. в ходе переворота, устроенного большевиками, власть в Буюе и уезде перешла не к исполкому уездного Совета, как в других уездных городах, а к Буйскому Совету Народных

Комиссаров, состоящему из шести народных комиссаров²¹. Только в нескольких местах огромной России, как и в Петрограде, власть на местах перешла к органу власти, называвшемуся Совнарком. Одним из этих мест был г. Буй.

Финансовые трудности новая власть решала путём реквизиций и конфискации. Всего с 15 декабря 1917 г. по 24 февраля 1918 г. в результате обложения имущего населения Буя налогами было получено свыше 75 тысяч рублей²².

Глава Буйского Совнаркома Н.С. Шубин (рабочий-слесарь, член большевистской партии с 1912 г., прислан из Петрограда в Буй летом 1917 г.) в начале 1918 г. прибыл в с. Молвитино и распорядился обложить население села налогом в 100 тыс. рублей. Через три дня Шубин вернулся с отрядом матросов и объявил молвитинцам об увеличении налога в два раза, а всего выколотил с жителей села 250 тысяч рублей²³.

Свыше месяца Буйский Совнарком упивался своим величием. 14 января 1918 г. под давлением губернской Костромы буйские товарищи встали на горло собственной песне и преобразовали свой Совнарком в скромный уездный исполком²⁴.

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1917-1918 ГОДАХ

ВЕСНОЙ и летом 1917 г. Свято-Троицкий монастырь жил, в целом, по-прежнему. Сестры занимались сенокосом, доили коров, работали на огородах, занимались рукоделиями и ремёслами.

В «Ведомости за 1917 г.» игуменья Иоанна писала о занятиях насельниц обители: «Сельскохозяйственные работы выполняются самими сестрами при участии найма рабочих. От хозяйства монастырского имеется хлеб и разные овощи. Кроме сего сестры занимаются различными рукоделиями: живописью, украшением икон, шитьем ризницы, одежды и вышиванием бумагой и шелком, вязанием и плетением кружев, тканьем полотен, прядением льна, столярным, малярным и переплетным мастерством и другими рукоделиями. В летнее время все сестры занимаются обработыванием полей, садов и огородов. В свободное время от послушаний сестры занимаются чтением духовноназидательных книг»²⁵.

Летом 1917 г. был построен «новый деревянный мост через речку (Водыш. — *Н.З.*), протекающую близ монастыря»²⁶.

В церквях монастыря совершались регулярные богослужения. Звон монастырских колоколов с соборной колокольни разносился над долиной речки Водыш, над окрестными лесами и полями...

* * *

После установления в Костромской губернии советской власти, на рубеже 1917 и 1918 гг., положение монастырей, в частности сельских

монастырей, ухудшалось с каждым днём. Новые власти рассматривали их как неисчерпаемый источник решения своих финансовых затруднений, транспортных и продовольственных проблем. Под влиянием революционной пропаганды крестьяне отбирали у сельских обитателей их уголья, земельные наделы, мельницы и т. д.

В Костромском областном архиве сохранилось довольно толстое дело, датированное 1917–1919 гг., в которое чиновники духовной консистории подшивали приходившие из монастырей жалобы на притеснения и конфискации. Например, настоятель Железнодорожского монастыря игумен Гавриил (Ильин) в своём рапорте от 3 января 1918 г. писал, что крестьяне села Борок 10 декабря 1917 г. отобрали у монастыря водяную мельницу, которую у обители с 1915 г. на 9 лет арендовал крестьянин А. Комаров. Прогнав арендатора, представители крестьян предъявили отцу настоятелю текст принятого ими общественного приговора, где говорилось, что они, крестьяне села Борок, «на основании народного права», берут эту мельницу в своё пользование и будут платить обители ту же арендную плату, которую платил А. Комаров. Однако, разумеется, никакой платы монастырь от них так и не дождался²⁷.

В деле с жалобами на начавшиеся притеснения есть рапорты и донесения практически из всех монастырей епархии, за исключением одного — Свято-Троицкого Сумарокова. Объяснение этому может быть только одно. Конечно, с конца 1917 г. ситуация вокруг Свято-Троицкой обители в целом была такая же, как и везде. В соседних сёлах и деревнях, как и везде, имелись солдаты-дезертиры, ставшие приверженцами большевистских идей. Здесь также проживало немало крестьян, с интересом поглядывавших на монастырские уголья, скот и другое имущество.

Однако здесь было то, чего не имелось в других обителях, — матушка Вера. Несомненно, что, по крайней мере, в первые месяцы после захвата власти большевиками почитание матери Веры нейтрализовало враждебные поползновения части местных жителей по отношению к обители. В первый советский год Свято-Троицкий монастырь не смог удержать только свои дальние «объекты». В октябре 1918 г. он лишился подворья в Костроме, которое было национализировано²⁸. По-видимому, в том же 1918 г. монастырь утратил подворья в Буге и Молвитине.

1918 ГОД: СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ СТАНОВИТСЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОММУНОЙ

«Женская трудовая коммуна учреждается при Свято-Троицком монастыре Яхнобольской волости, Галичского уезда, Костромской губернии»¹.

*Из устава Свято-Троицкой женской
трудовой коммуны (1918 г.)*

ОДНИМ из ближайших последствий Октябрьской революции для Свято-Троицкого монастыря стало то, что в 1918 г., чтобы избежать закрытия, он был вынужден преобразоваться в «Свято-Троицкую монастырскую женскую трудовую сельскохозяйственную коммуну».

СЕЛЬСКИЕ МОНАСТЫРИ ПРЕОБРАЗОВЫВАЮТСЯ В ТРУДОВЫЕ АРТЕЛИ

ЗДЕСЬ надо сделать пояснение. Как известно, большевики не приняли особого декрета о закрытии монастырей. Подобный акт формально противоречил бы их главной идее, что пролетарская революция принесла народу России свободу, в том числе и свободу вероисповедания. Однако и без такого декрета новые власти уже в 1919 г. начали закрывать монастыри, поначалу — в городах.

В 1919 г. в Костроме подверглись закрытию Богоявленско-Анастасиин и Ипатьевский монастыри, в стенах которых были устроены рабочие поселки: в бывшем Анастасиине монастыре — «Советский поселок № 1», в бывшем Богоявленском монастыре — «Советский посёлок № 2» (позднее «Безбожник»), в Ипатьевском монастыре — «Советский поселок № 3» (позднее «Текстильщица»)². В том же 1919 г.

в Галиче был закрыт Никольский Староторжский женский монастырь, в котором разместился Детский городок (детдом)*.

Большинство сельских монастырей на первых порах новые власти прямо не трогали. Как правило, ограничивались конфискацией у них разной собственности, например, мельниц, скота, продуктов питания и др. Однако, чтобы выжить, сельские обитатели в 1918 г. были вынуждены формально преобразовываться в сельскохозяйственные трудовые артели, общины и даже коммуны. Иного выхода в то время просто не оставалось.

Дело в том, что принимаемые впопыхах, в революционном угаре, декреты Совнаркома сплошь и рядом противоречили друг другу. С одной стороны, декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января 1918 г., особо оговаривал: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием»⁴. С другой стороны, в декрете о социализации земли от 27 января 1918 г. говорилось: «Право пользования землей не может быть ограничено: ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством»⁵. Декрет от 27 января 1918 г. предоставлял право пользоваться землей сельскохозяйственным коммунам и товариществам⁶.

В 1918 г. местные власти стали давить на сельские монастыри, вынуждая их преобразовываться в артели и коммуны. Например, настоятельница Троицкого Белбажского монастыря игуменья Евтихия (Стратилатова) сообщала 21 сентября 1918 г. епископу Костромскому и Галичскому Евгению (Бережкову): «(...) так как Советская власть крепнет и умножается, то и монастыри притесняют без всякого зазрения совести. Вышло из Главного комиссариата строжайшее распоряжение разогнать монастыри и оставить только в том случае, если монастыри будут переименованы Трудовыми коммунами и требуют от сестер непременно подписи, чтобы они согласились жить по уставу с.х. производительных коммун, а также требуют переменить монастырскую гербовую печать на советскую. В виду вышеизложенного обращаемся к Вашему Преосвященству с нашею всепокорнейшею просьбою дать нам совет и благословение соглашаться ли с советскими требованиями относительно трудовой коммуны и перемены печати или нет»⁷.

Монашеские общины практически всех монастырей Костромской епархии, расположенных в сельской местности, в 1918 г. вынужденно преобразовались в артели и коммуны. В их числе был и ближайший сосед Свято-Троицкий обители — Иаково-Железнодорожный монастырь, который с 1918 г. числился сельскохозяйственной артелью⁸.

* Исполком Галичского уездного Совета принял решение о закрытии Никольского Староторжского женского монастыря 17 января 1919 г.³

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ ПРЕОБРАЗОВЫВАЕТСЯ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННУЮ КОММУНУ

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ Сумароков монастырь в 1918 г. также официально стал «Свято-Троицкой монастырской женской трудовой сельскохозяйственной коммуной»⁹. Был составлен и утверждён у уездных властей «Устав Свято-Троицкий женской трудовой коммуны». В первых строках его говорилось: «Женская трудовая коммуна учреждается при Свято-Троицком монастыре Яхнобольской волости, Галичского уезда, Костромской губернии»¹⁰. Днём образования Свято-Троицкой коммуны являлось 1 июля 1918 г.¹¹.

Членами коммуны в сентябре 1918 г. считались 270 человек — то есть все насельницы обители. Председателем коммуны стала настоятельница монастыря игуменья Иоанна (Успенская)¹². Коммуна осталась хозяйкой всех монастырских угодий: она располагала 45 десятинами пахотной земли, 77 десятинами сенокосной земли и 3 десятинами огородной земли. В ведении коммуны в сентябре 1918 г. находилось 18 лошадей, 33 коровы, 5 быков и 8 телят. Коммуна занималась садоводством и пчеловодством¹³.

Мать Вера также стала членом коммуны. Её имя значится в обоих дошедших до нас списках членов коммуны — от 2 сентября 1918 г.¹⁴ и от 28 февраля 1919 г. (во втором списке указан род её занятий — портниха)¹⁵.

Преобразование в артели и коммуны позволило большинству сельских обителей Костромской епархии просуществовать до второй половины 20-х годов. Исключение из этого правила было только одно — Свято-Троицкий Сумароков монастырь.

ГЛАВА XVII

МАТЬ ВЕРА В 1919–1920 ГГ.: ПЕРВЫЕ АРЕСТЫ

«Первый раз привлекалась Галичским ЧК»¹.

*Из показаний матери Веры на
допросе 12 июня 1934 г.*

1919 ГОД: ПЕРВЫЙ АРЕСТ

В ГОДЫ Гражданской войны поток людей, стремящихся попасть к матери Вере, оставался внушительным. Конечно, то, что к какой-то «монашине» из Сумароковского монастыря идёт столько народу, не могло не беспокоить новые власти. В 1919 г. мать Вера впервые была арестована сотрудниками Галичской уездной чрезвычайной комиссии² (последняя с 1918 г. находилась в здании бывшего Галичского духовного училища на улице Свободы)³. Обстоятельства

Галич. Успенская улица. В центре кадра — Преображенский собор.
Слева — здание Галичского духовного училища, в котором с 1918 г. находилась
Галичская уездная чрезвычайная комиссия. Фото начала XX в.

* Современный адрес: ул. Свободы, д. 6.

ареста нам неизвестны, но вскоре мать Вера вышла на свободу. Таким образом, её «боевое крещение» — первый арест и первое заключение под стражу — датируется 1919 г.

1920 ГОД: ВТОРОЙ АРЕСТ

А ЭТОМ 1920 г. мать Веру вновь арестовали. Примечательно, что в этот раз инициатива ареста исходила не от местного начальства, а от властей соседних уездов — Буйского и Любимского*.

28 мая 1920 г. Любимский уездный отдел управления послал своим коллегам в Буйский уездный отдел управления бумагу, в которой просил «привлечь к ответственности за агитацию Советской власти (видимо, малограмотными советскими работниками пропущено слово «против». — *Н.З.*) монашину “Веру”, по прованию святая, проживающую в Вашем уезде, Новое Самороково»^{5**}. 11 июня 1920 г. Буйский уездный отдел управления сделал соответствующее распоряжение начальнику Буйской уездной милиции⁶. 12 июня 1920 г. начальник уездной милиции направил предписание начальнику милиции 2-го района Буйского уезда, в котором предлагал ему «немедленно с получением сего доставить в Отдел управления монашину монастыря Новое-Самороково Веру по прованию святую»⁷.

Уездные руководители в то время часто сменялись и плохо знали свои владения. Работающий «на земле» начальник милиции 2-го района просветил отцов-командиров по части географии. В своём ответе он писал: «Доношу, что (...) Самороковский монастырь находится в Галичском уезде, почему монахиня Вера доставлена быть не может»⁸. Буйское руководство обратилось в Галичский уисполком.

13 июля 1920 г. начальник милиции 1-го района Галичского уезда Соколов отправил распоряжение в с. Яхноболь волостному милиционеру, в котором говорилось: «Предлагаю вам доставить в Галичское уездное милиционное управление проживающую в монастыре “Новое-Самороково” монашину Веру, которая выдает себя за святую»⁹. Милиционер из Яхноболы приехал в Сумароково, арестовал мать Веру и привез её в Галич.

Так мать Вера впервые оказалась в Галичской уездной тюрьме, доставшейся советской власти по наследству от проклятого царизма. Каменное здание тюрьмы находилось на берегу речки Кешмы,

* До конца XVIII в.г. Любим входил в состав Костромского уезда. В 1777 г.г. Любим стал центром Любимского уезда и вошёл в состав Ярославского наместничества (с 1796 г. — Ярославской губернии). В 1787 г. Любимский уезд из Костромской епархии перешёл в Ярославскую епархию⁴. Граница Любимского уезда Ярославской губернии с Буйским уездом Костромской губернии проходила по р. Костроме.

** Обращаем внимание, что во всех документах по этому делу село Новое Сумароково, называется «Новое Самороково», как, видимо, произносили это название местные жители.

извивающейся в центре Галича. Улица, на которой стояла тюрьма, называлась Козья слобода^{10*}.

7 августа 1920 г. ** в Галичском уголовном розыске мать Веру допросил агент уголовного розыска И. Рех.

Товарищ Рех спросил мать Веру: «Почему Вас прозвали святой?» Ответ её в протокольной записи звучал так: «Я совершенно не знаю, почему меня прозвали святой, но скажу, что я очень много и всегда читаю церковные книги, очень много читала библию и вообще жизнь святых апостолов и вот когда ко мне приходят люди и спрашивают от меня, как жить, я им всегда разъясняла и сейчас разъясняю, что нужно молиться и терпеть. В настоящее время ко мне приходят люди — мужчины и женщины из разных деревень и городов и жаловались, что их мучают и им жить очень трудно при настоящей власти и говорят, что настоящая власть от дьявола. На это я им всегда и в настоящее время разъясняю, что эта власть от Бога (...). Я всегда им говорила, что нужно терпеть. После таких слов меня даже называют коммунисткой и говорят, что вы стоите за большевиков»¹¹.

Агент Рех спросил мать Веру: «Что вы сами имеете против Соввласти?», на что она ответила: «Против Соввласти ничего совершенно не имею, раз в книгах написано священных, что власть от Бога, то как же я могу против власти что-либо иметь»¹². Так как одно из предложений о привлечении матери Веры к ответственности пришло из Буя, агент Рех, спросил, когда она была в Бую в последний раз. Мать Вера ответила, что была в Бую проездом 4 июля 1920 г., когда ездила в село Котело¹³.

* * *

Село Котело, центр Котельской волости, находилось в Галичском уезде, но в церковном отношении относилось ко II-му Буйскому благочинническому округу и лежало в 17-ти верстах от Буя¹⁴. Вероятно, мать Вера ездила в Котело по приглашению местных жителей. Мария Васильевна Макарова (1907 г.р.), уроженка с. Орехова Галичского уезда, вспоминала: «(...) я видела матушку Веру, когда освящали престол в церкви с. Котело (Буйский тракт). Церковь была двухэтажная, проезжая дорога пролегалa рядом с храмом. Престол освящали на втором этаже при большом стечении народа. Очень торжественно всё было. Служил архиерей. Увидела я мать Веру, когда все вышли из церкви на улицу служить молебен. Она стояла рядом с духовенством во всё белом. На ногах были лёгкие белые тапочки. Да почти что босиком она стояла. В то время она была ещё молодая, бодрая. Она

* В 1925 г. при массовом переименовании улиц Галича ул. Козья слобода была переименована в ул. Кешемскую.

** Удивляет, что мать Веру так поздно допросили: её арестовали 13 июля, а допрос состоялся только 7 августа.

Богородицкая церковь, что на Котеле. Фото С.А. Орлова. Начало XX в.

запомнилась мне небольшого роста с тёмными усиками. После службы она уехала домой»¹⁵.

По-видимому, местные прихожане пригласили мать Веру на новое освящение одного из престолов храма. На верхнем этаже храма было два престола: 1) в честь Святой Троицы и 2) во имя святителя Тихона, епископа Амафунтского¹⁶. Скорее всего, в 1920 г. состоялось новое освящение престола во имя святителя Тихона (память — 16/29 июня).

Позднее Богородицкий храм в Котеле был целиком разрушен.

* * *

Мать Веру подержали ещё какое-то время в Галиче и примерно в середине августа 1920 г. отпустили на свободу.

Как видим, первые два ареста в 1919 и 1920 гг. не имели для матери Веры серьёзных последствий. Однако почин был сделан, начало её длительной одиссеи по тюрьмам страны Советов положено.

1920 ГОД: ЗАКРЫТИЕ СВЯТО- ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

«Мы, коммунисты-большевики, никогда не скрывали от рабочих правды! Да! Мы враги религии! Мы боремся с нею без пощады! Мы не исполним своего долга, если не вылузим из голов и души трудящихся всякой религиозной и прочей гнили»¹.

Из обращения Костромского губкома РКП(б) к рабочим Костромы (сентябрь 1918 г.)

АВГУСТ 1920 ГОДА: ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ

МОНАСТЫРЬ, переименованный в коммуну, прожил ещё 1918-й и 1919-й годы. В первых числах января 1920 г. в Кострому была отправлена «Ведомость о Свято-Троицком женском монастыре за 1919 г.». Согласно ей, в обители проживало: настоятельница — 1, монахинь — 44, рясофорных послушниц — 104, лиц на испытании — 89, призываемых в богадельню — 7, всего — 245 чел.². Как видим, по сравнению с сентябрём 1918 г., когда в коммуне числилось 270 чел., произошло сокращение численности насельниц.

Формальное переименование в коммуну не помогло Свято-Троицкому монастырю. В 1920 г. он был закрыт. Как писалось выше, большинство сельских монастырей Костромской епархии смогли дожить до конца 20-х годов. Например, Макариево-Решемский монастырь был закрыт в 1927 г., Авраамиево-Городецкий — в 1928 г., Железнодорожский — в 1929 г., Никольский Тихоно-Лухский — в 1930 г. Даже один городской монастырь — Макариево-Унженский — избежал закрытия в первые годы революции и подвергся закрытию в 1928 г.

Свято-Троицкий Сумароков монастырь был единственной сельской обителью Костромской епархии, которую закрыли уже в 1920 г. Несомненно, главной причиной этого являлось присутствие здесь матери Веры: власти надеялись, что с закрытием обители исчезнет

и она. В августе 1920 г. Свято-Троицкий монастырь был закрыт и передан в ведение Галичского уездного отдела социального обеспечения для размещения в обители Дома престарелых³.

В МОНАСТЫРЕ УСТРАИВАЕТСЯ ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ

В НОЯБРЕ 1920 г. в одном из корпусов монастыря состоялось открытие Дома для престарелых женщин. 25 ноября 1920 г. «Известия исполнительного комитета Галичского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» рассказали об этом в статье «Вместо чёрного гнезда — дом для престарелых», подписанную инициалами «А.Л.».

В статье говорилось: «Галичский уездный отдел социального обеспечения принял в свое ведение один из женских монастырей на территории нашего уезда в Яхнобольской волости Н-Сумароково. Монастырь до сих пор существовал под названием “коммуны”. Характерно, что “черная братия” ухитрилась спокойно просуществовать последние три года борьбы пролетариата с пережитками старых форм, нисколько не изменяя физиономии монастыря со всеми его внутренними распорядками и обычаями»⁴.

«Мне, бывшему там, — писал «А.Л.», — пришлось видеть картину прежних дореформенных черных дней и невольно пришлось удивляться, каким еще образом уцелел в окружающей обстановке один из уголков “тихой обители” времен Николаевщины.

Теперь Уотсобез* в бывшем монастыре развертывает дом престарелых женщин, могущий вместить до 500 чел. Дом этот будет одним из обширнейших домов в наших северных губерниях. Расположение монастыря, климатические условия и крупное сельское хозяйство с молочным скотом вполне способствует устройству колонии для престарелых.

Уотсобесом уже приступлено к оборудованию в одном из корпусов вне ограды быв. монастыря (ныне — дом престарелых № 1) убежища для хроников на 50 кроватей с постоянным больничным уходом, для чего все необходимое уже получено из губсобеза. В остальных корпусах будут размещаться престарелые, могущие себя обслуживать.

Таким образом, наши престарелые вдали от городского шума найдут подлежащий покой при бывшей “Тихой обители”⁵. Часть женщин, которых поселили в Доме престарелых, были бывшие насельницы закрытого монастыря — призреваемые в богадельне и некоторые старые монахини.

При закрытии в январе 1919 г. Никольского Староторжского монастыря часть его строений занял детдом (детгородок), а часть — бо-

* Уотсобес — уездный отдел социального обеспечения.

гадельня. В богадельню взяли всех насельниц монастыря от 50 лет и старше, а также тяжелобольных. Насельницам моложе 50 лет, бывшим «безродными», разрешили остаться при богадельне в качестве прислуги. Остальные должны были разъехаться из обители по домам⁶. Вероятно, так же поступали и в Свято-Троицком монастыре. Только здесь молодых насельниц не выгоняли, а оставляли работать в совхозе.

В конце 1920 г. Дом престарелых, судя по всему, был переименован в Дом инвалидов (по обычаю того времени в документах он обычно именовался сокращенно — Индом^{*}).

СОВХОЗ «СУМАРОКОВО»

ПО-ВИДИМОМУ, осенью 1920 г. на базе монастырского хозяйства был образован совхоз «Сумароково» (или «Ново-Сумароково»)⁷. Официальными целями создания совхоза объявлялось: «обеспечение инвалидов Сумароковского дома престарелых и чисто показательная, в смысле разведения сельского хозяйства и улучшения пород скота»⁸. Заведующим Инвалидным домом и одновременно заведующим совхозом был назначен 31-летний Николай Николаевич Кудряшов, который на допросе в 1921 г. на вопрос о социальном положении гордо ответил: «Пролетарий»⁹.

В первые годы существования совхоза практически все его рабочие являлись бывшими насельницами монастыря, которые, таким образом, формально превратились в членов самого передового общественного класса — рабочего. Фактически же эти совхозные «рабочие» оказались на положении, напоминающем условия жизни крепостных крестьян, не имевших почти никаких прав.

Свято-Троицкий монастырь был закрыт по «мягкой схеме», по которой в нашей губернии закрывалось большинство обителей. Согласно данной схеме, монастырь подлежал закрытию, но главные храмы его ещё какое-то время продолжали действовать. Так и в ограде закрытого Свято-Троицкого монастыря по-прежнему совершались богослужения в соборе, на которых присутствовали «рабочие» совхоза и местные жители. На некоторое время властям пришлось с этим смириться.

Мы не сомневаемся, что главной целью закрытия Свято-Троицкого монастыря в 1920 г. было желание властей избавиться от матери Веры. Уездные и губернские начальники надеялись, что с упразднением монастыря проблема под названием «мать Вера» исчезнет. Однако они просчитались.

* Сокращение «Сумароковский Индом» встречается в документах вплоть до 1940-х гг.

1920 ГОД: МАТЬ ВЕРА ВОЗГЛАВЛЯЕТ МОНАСТЫРСКУЮ ОБЩИНУ

«После ликвидации монастыря я была выбрана сестрами настоятельницей монастыря»¹.

Из показаний матери Веры на допросе в ВЧК 18 ноября 1921 г.

МАТЬ ВЕРА ВОЗГЛАВЛЯЕТ МОНАСТЫРСКУЮ ОБЩИНУ

ПОСЛЕ закрытия монастыря игумения Иоанна (Успенская), которой тогда было 65 лет, сложила с себя обязанности настоятельницы обители. По-видимому, это произошло в конце лета 1920 г. Последний раз в качестве председателя Свято-Троицкой женской трудовой сельскохозяйственной коммуны игумения Иоанна значится в одном из документов от 27 июля 1920 г.² Судя по всему, следующие несколько лет она прожила в Сумарокове. Ближайшая помощница матери Веры, Евфросинья Кирилловна Карепина, 22 марта 1923 г. на допросе в Московском губотделе ОГПУ показала, что мать Вера была «послушницей при игумении Иоанне, проживающей в Свято-Троицком монастыре * и в настоящее время»³. Дальнейшая судьба игумении Иоанны, которая, несомненно, сыграла огромную роль в судьбе и становлении матушки Веры, неизвестна. Не вызывает сомнения, что закрытие монастыря, руководимого ею с 1901 г., стало для матери Иоанны глубокой личной трагедией.

После закрытия монастыря основная масса его насельниц продолжала проживать в его стенах. Официально числясь пациентами Дома инвалидов или рабочими совхоза, они продолжали ощущать себя членами монастырской общины. Всех их по-прежнему объединял монастырский собор, где вплоть до 1921 г. продолжалось богослужение. Какое-то время де-факто монастырская община продолжала

* Евфросинья Кирилловна имела в виду, видимо, не закрытый уже монастырь, а село Сумароково.

существовать. А раз существовала община, у неё должен был быть руководитель.

Как мы помним, до революции настоятельница монастыря назначала епархия, и все они были насельницами Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря, который во второй половине XIX — начале XX вв. являлся подлинной «кузницей кадров» для женских монастырей губернии. В 1920 г. не могло быть и речи о том, чтобы епархия назначила в официально закрытый монастырь новую настоятельницу. В этих условиях насельницы Свято-Троицкой обители могли выбрать настоятельницу только из своей среды.

В 1920 г. ею мог стать только один человек — мать Вера. По-видимому, в августе–сентябре на собрании насельниц настоятельницей обители была выбрана мать Вера. Несмотря на развивающуюся в это время у неё тяжёлую болезнь ног, она согласилась с выбором сестёр. К сожалению, епархиальные архивы за 1920 г. почти не сохранились и каких-либо документов на этот счёт до нас не дошло. Об избрании матери Верой настоятельницей мы можем судить только по дошедшим до нас обрывочным сведениям. 18 ноября 1921 г. в Москве, на допросе в ВЧК, она показала: «После ликвидации монастыря я была выбрана сестрами настоятельницей монастыря и оставалась жить при монастыре»⁴.

МАТЬ ВЕРА ПРИНИМАЕТ МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ

ОДНАКО настоятельницей могла стать только монахиня, а мать Вера вплоть до 1920 г. не была даже послушницей, оставаясь в числе лиц, «находящихся на испытании».

По-видимому, община обратилась к правящему архиерею — архиепископу Костромскому и Галичскому Серафиму (Мещерякову), с прошением о пострижении матери Веры в монашество. Владыка Серафим, скорее всего, благословил совершить её постриг настоятеля соседнего Иаково-Железнодорожного монастыря игумена Гавриила (Ильина).

* * *

Об этом человеке, ставшем предпоследним настоятелем Иаково-Железнодорожной обители, известно немного.

Игумен Гавриил (Дмитрий Ефимович Ильин; 1865–1937 гг.) родился в с. Ильинское на Шаче Буйского уезда, в крестьянской семье. В 1895 г. он поступил в Железнодорожный монастырь, в 1897 г. стал там послушником, в 1898 г. принял монашеский постриг с именем Гавриил, в 1900 г. рукоположен в сан иеромонаха. В 1905 г. о. Гавриил был перемещён в Паисиев Успенский монастырь, а оттуда — в кафедральный Ипатьевский монастырь, где исправлял должность казначея, а потом

и наместника. В 1907 г. его опять перевели в Паисиев монастырь, где в 1908 г. он стал казначеем обители⁵. Иеромонах Гавриил (Ильин) был назначен настоятелем Железнодорожного монастыря с возведением его в сан игумена указом Св. Синода от 25 августа 1917 г.⁶

С 1923 г. о. Гавриил служил настоятелем церкви в с. Павловское Буйского уезда. Архимандрит Гавриил (Ильин) был арестован 24 ноября 1937 г. и обвинён в «участии в контрреволюционной группе». Уже 25 ноября Тройка УНКВД по Ярославской области приговорила его к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 10 декабря 1937 г.⁷

* * *

Монашеский постриг матери Веры, скорее всего, произошёл в монастырском соборе. К сожалению, о принятии матерью Верой монашества мы также обладаем только обрывочными сведениями.

На допросе 29 декабря 1930 г., в Котельниче, мать Вера показала: «Сначала я с год была в монастыре послушницей, после того я была пострижена в монахини, переменила свое имя “Вероникой” (лесафор)*, пробыв около 3–4 лет, а после была пострижена в мантию с переменной имя на “Ксению”, и через 10 лет была пострижена в самый высший сан — схима, получив наречение “Михаила” и получила сан-звание настоятельницы этого Троицкого монастыря, состав которого был в 500 человек** сестер»⁹.

На самом деле прохождение двух первых степеней монашества заняло у матери Веры, по-видимому, всего несколько месяцев, максимум полгода. По всей вероятности, во второй половине 1920 г. она была пострижена в рясофор с именем Вероника в честь мученицы Вероники (Вириinei) Едесской (память 4/17 октября). Вскоре она приняла постриг в малую схиму с именем Ксения — по-видимому, в честь преподобной Ксении Миласской (память 24 января/6 февраля).

Как известно, существуют две традиции наречения имени при принятии монашества: 1) когда имя даётся на ту же букву, на которую начинается мирское имя постригаемого, 2) постригаемый получает имя того святого, память которого совершается в день пострига¹⁰. Согласно первой традиции, при постриге в рясофор Вере Меркуловой дали имя Вероника (по-гречески — «несущая победу»)¹¹. При пострижении в малую схиму, согласно, видимо, второй традиции, она получила имя Ксения (по-гречески — «чужая, чужеземная»)¹². Память святой Ксении приходится на 24 января/6 февраля, следовательно, скорее всего, её постриг в малую схиму произошёл 6 февраля (24 января по ст. стилю) 1921 г.

* Рясофор (по-гречески — «тот, кто носит рясу») — низшая ступень в монашестве. Постриженный в рясофор обычно получал новое имя, а также право носить камилавку и рясу⁸.

** Численность общины в первые годы после революции составляла около 250 чел.

Правда, все эти монашеские имена (Вероника и Ксения) знал только узкий круг из её ближайшего окружения. Для подавляющего большинства своих почитателей она до конца осталась матерью Верой.

То, что мать Вера в 1920 г. возглавила монастырскую общину, было двойным подвигом. Во-первых, любой настоятель монастыря в эпоху революции почти автоматически становился кандидатом на получение мученического венца. Во-вторых, в это время у матери Веры уже тяжело болели ноги и она с трудом могла ходить (подробнее о её болезни будет в следующей главе).

МАТЬ ВЕРА СТАНОВИТСЯ ИГУМЕНИЕЙ

ПО-ВИДИМОМУ, в начале 1921 г. мать Вера была официально возведена в сан игумении. В данный сан всегда возводит правящий архиерей, и, видимо, мать Вера съездила в Кострому, где архиепископ Серафим (Мещеряков) возвел её в сан игумении. Скорее всего, во время данной церемонии мать Вера уже не могла стоять без посторонней помощи, и её приходилось поддерживать.

Почему владыка Серафим пошёл на официальное назначение матери Веры настоятельницей закрытого властями монастыря? В 1920–1921 гг. Свято-Троицкая обитель не была ещё закрыта «до конца». До июня 1921 г. продолжалось богослужение в монастырском соборе. Большая часть его насельниц продолжала жить в Сумарокове, и мать Вера являлась их признанной главой, с которой на первых порах приходилось считаться администрации Дома инвалидов и совхоза. Видимо, владыка Серафим не терял надежды, что в той или иной форме Свято-Троицкий монастырь удастся сохранить.

Документальных свидетельств о том, что мать Вера была возведена в сан игумении, у нас нет. Косвенными данными является то, что в следственных делах мать Веру обычно именуют игуменией. Например, на допросе 13 января 1935 г. с её слов в графе анкеты «социальное положение до революции» было записано: «Игуменья Сумароковского монастыря (схимонахиня Михаила)»¹³.

Есть ещё один факт, свидетельствующий о том, что мать Вера была настоятельницей и игуменией. При описании событий 22 апреля 1921 г., когда на неё насильно надевали смирительную рубашку, говорится, что при этом с её шеи сорвали два креста — один на шнурке и второй на металлической цепочке¹⁴. Первый крест — нательный, а второй может быть только настоятельским крестом. Раз мать Вера носила настоятельский крест, значит, она официально являлась настоятельницей. На одной из немногих фотографий, где мать Вера запечатлена в чёрном монашеском облачении (снимок предположительно сделан в Галиче в 1923 или 1924 гг.), на её груди висит крест на металлической цепочке.

БОЛЕЗНЬ: МАТЬ ВЕРА УТРАЧИВАЕТ СПОСОБНОСТЬ ХОДИТЬ

«Паралич (от греч. paralysis — расслабление) — обозначает неспособность определенной части тела к движению вследствие потери двигательной силы соответствующих мышц»¹.

*Энциклопедический словарь
Брокгауза и Эфрона (1897 г.)*

ПОРА ИСПЫТАНИЙ: ПАРАЛИЧ НОГ ПРЕВРАЩАЕТ МАТЬ ВЕРУ В БЕСПОМОЩНОГО ИНВАЛИДА

В 1920 г. мать Веру поразила тяжёлая болезнь ног: ей стало тяжело ходить. 7 августа 1920 г. на допросе в Галиче она показала, что у неё «уже 6 месяцев болезнь нервов»². Осенью 1920 г. мать Вера заболела дизентерией, вероятно, заразившись от кого-то из посетителей. Напомним, что дизентерия — «острая заразная болезнь, воспаление толстых кишок с кровавыми испражнениями и мучительными судорогами в области прямой кишки»³. Сразу после дизентерии у матери Веры отнялась правая нога: 17 июня 1921 г. на допросе в Костромской губчека она показала: «От дизентерии осенью прошлого (1920 г. — *Н.З.*) года у меня отнялась правая нога, и я ходила с большим трудом при помощи палки»⁴. Скорее всего, дизентерия здесь ни при чём, а окончание заболевания ею и паралич правой ноги просто совпали по времени. Вскоре у матери Веры отнялась и вторая нога, в результате чего она полностью утратила возможность ходить.

Узнав о проблемах матери Веры со здоровьем, уездное начальство первое время думало, что её болезнь — очередная уловка хитрой мошенницы. По-видимому, мать Веру в это время, несмотря на её болезнь, пытались заставить работать в совхозе. В первых числах ноября 1920 г. её увезли в Галич для расследования. Фактически это был новый арест.

3 ноября 1920 г. начальник Галичской уездной милиции А.И. Яковлев направил мать Веру на медицинское освидетельствование в Га-

лическую народную больницу. В сопроводительном направлении он писал: «Прошу монахиню Веру Меркулову подвергнуть медицинскому освидетельствованию на предмет установления её степени здоровья. Если таковая окажется больной, то поместить в Галичскую народную больницу на излечение, а если будет найдена здоровой, то заставить Меркулову работать наравне с другими монахинями»⁵. Диагноз, который поставили матери Вере в больнице, нам неизвестен, но, конечно, медики не могли не подтвердить, что имеют дело с тяжело больным человеком.

Мы располагаем двумя более поздними диагнозами, поставленными матери Вере в 1922 г. врачами 2-й Московской (Лефортовской) тюремной больницы. В первом документе написано: «Удостоверение, выдано заключенной Меркуловой Вере Антоновне, 42 л., что она страдает психической дегенерацией и тяжелой истерией с параличом нижних конечностей, в тюремной больнице находится со 2 декабря 1921 г. причем в состоянии оной улучшения не было, она нетрудоспособна. 22/V-1922 г. Ординатор * Терентьева»⁷.

Во втором документе сказано: «Дано в том, что заключенная Вера Антоновна Меркулова, 42 л., находится на излечении в Лефортовской 2-й тюремной больнице с 2 декабря 1921 г. и страдает параличом обеих нижних конечностей на почве истерии. Двигаться больная не может. 4/IX-1922 г. Старший врач»⁸. Как видим, вначале у матери Веры отнялась одна нога и она могла ходить только с большим трудом при помощи палки, а затем, по-видимому, к концу 1920 г. отнялась и вторая нога.

ГОНЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КОНЕЧНО, утрата способности ходить и из здорового человека превратиться в инвалида — это страшный удар для любого человека. Тем более что матери Вере в 1920 г. было только 36 лет, и она привыкла вести активный образ жизни. Всю оставшуюся жизнь мать Вера не могла передвигаться самостоятельно.

Однако нельзя не увидеть в её болезни определённого промысла свыше. Останься мать Вера здоровым человеком, справиться властям с ней было бы гораздо легче. Сослали бы надолго в Восточную Сибирь или в Туркестан, и всё. С этого же времени начальники высокого ранга, когда речь заходила о судьбе матушки Веры, не могли не думать: вот, законопачу я её куда-нибудь, а церковники закричат: «Смотрите, что большевики делают с женщиной-инвалидом!» Узнают за рубежом, буржуазная пресса поднимет шум, Римский Папа выступит. Какое-нибудь европейское государство, которое хочет признать

* Ординатор — врач лечебного учреждения, самостоятельно ведущий лечение, чаще всего ведающий отдельной палатой⁶.

СССР, узнав об этом случае, передумает, а нам с ними, паразитами, надо устанавливать торговые отношения. Товарищ Сталин рассердится, велит разобраться, и меня сделают крайним. Поэтому болезнь матери Веры до известной степени связывала руки её гонителям, но, конечно, ограничение это было относительным.

Будучи инвалидом, она подвергалась арестам восемь раз: в 1921 г. (трижды), в 1924 г., в 1926 г., в 1929 г., в 1931 г. и 1935 гг. После 1920 г. мать Вера пережила две ссылки — в Кинешму и в Котельнич, и около семи лет провела в тюрьмах Костромы, Москвы, Кинешмы, Иванова, Владимира и Котельнича.

Болезнь матери Веры, которую ещё совсем недавно видели ходящей зимой босиком, породила легенду, что она утратила способность ходить из-за того, что коммунисты поставили её голыми ногами на раскалённую печь. Это предание, наряду с другими, вошло в основной свод народных мифов о матери Вере.

Не надо забывать, что, даже став инвалидом, мать Вера не сняла с себя вериги. Выше упоминалось, что в Обвинительном заключении от 9 мая 1923 г., выдвинутом против неё в Москве, говорилось, что мать Вера носила вериги⁹. Ни один из знавших мать Веру после 1920 г. не показал, что после паралича ног мать Вера стала носить какую-то обувь, следовательно, она и после утраты способности ходить оставалась босой.

АПРЕЛЬ 1921 ГОДА: ТРЕТИЙ АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ

«Я в (...) совхозе служу с ноября месяца 1920 г. и главным моим вниманием была эта так называемая святая Верушка, к которой ежедневно много направлялось паломников со всех концов республики, особенно женщины»¹.

*Из показаний заведующего Инвалидным домом и совхозом «Сумароково»
Н.Н. Кудряшова (22 апреля 1921 г.)*

ПОПЫТКА ПОМЕСТИТЬ МАТЬ ВЕРУ В ИНВАЛИДНЫЙ ДОМ

ЗАКРЫТИЕ Свято-Троицкого монастыря не устранило проблему под названием «мать Вера», на что, конечно, надеялись власти. Пресловутая Верушка никуда не уехала, а продолжающийся к ней людской поток в значительной степени сводил на нет сам факт закрытия монастыря. Как и раньше, в монастырском соборе совершались богослужения, а к матери Вере шли люди.

Заведующий Инвалидным домом и совхозом Н.Н. Кудряшов позднее на допросе показал, что главной его проблемой была «так называемая святая Верушка, к которой ежедневно много направлялось паломников со всех концов республики, особенно женщины»². Он признал, что к «прекращению паломничества» им «ничего не было предпринято, т.к. (...) Вера Меркулова имела сильное влияние на большинство рабочих (бывших монахин)»³ и на местных жителей, которые «за нее готовы были все сделать, что она им скажет»⁴.

Начальство было недовольно. «На ненормальность этого явления, — продолжал Н.Н. Кудряшов, — мне как заведующему неоднократно указывалось, даже ставилась задача прекратить паломничество Костромской рабоче-крестьянской инспекцией, а также заведующим уотсобесом и разными другими работниками Советской власти»⁵.

Конечно, такой орешек, как мать Вера, был не по зубам Н.Н. Кудряшову, и он благоразумно не пытался с ней бороться. На допросе он признал, что пресечь паломничество к матери Вере ему «не представлялось возможным»⁶.

В апреле 1921 г. за «окончательное решение» вопроса с матерью Верой взялся более высокопоставленный товарищ — заведующий Галичским уездным отделом социального обеспечения (уотсобесом) П.А. Разгуляев, в ведении которого находился Сумароковский Инвалидный дом.

Пётр Александрович Разгуляев (1887–1924 гг.) родился в д. Головино Яхнобольской волости Галичского уезда. В 1921 г. ему было 34 года. В следственном деле 1921 г. почему-то нет его анкеты, сказано только, что он — член РКП(б), грамотный и у него семья из трёх человек⁷.

В апреле 1921 г. в Инвалидном доме открылся так называемый Дом хроников, куда помещали престарелых женщин с различными хроническими заболеваниями. Власти решили воспользоваться этим предложением, чтобы выселить мать Веру из занимаемой ею кельи и поместить её в Дом хроников. Предполагалось, что доступ посетителей туда будет закрыт и, таким образом, проблема с матерью Верой разрешится хотя бы частично. 18 апреля 1921 г. П.А. Разгуляев приехал в Сумароково с двумя милиционерами, взятыми им в Яхнобольском волисполкоме. Конечно, он сознавал всю сложность стоящей перед ним задачи, раз захватил с собой милиционеров.

В этот день матери Вере предложили, как больной, перейти в Дом хроников. Она согласилась. Утром 19 апреля её перенесли в одно из помещений этого дома, и она провела там ночь с 19 на 20 апреля. Как показала мать Вера позднее, помещение оказалось очень сырым и холодным. Утром 20 апреля (по церковному календарю, это была среда Вербной недели) её пришла проведать группа «рабочих», и мать Вера попросила их обратиться к Разгуляеву с просьбой вернуть её в свою келью. Около 20-ти рабочих пришли к Разгуляеву и передали ему просьбу матери Веры. Конечно, заведующий уотсобесом категорически им отказал. Тогда женщины пригрозили ему, что если он не вернёт мать Веру в её келью, то они прекратят работу. Таким образом, рабочие, как и принято у рабочего класса, пригрозили своему работодателю забастовкой. Угроза была серьёзная, так как в совхозе уже начался весенний сев, и забастовка могла поставить его под угрозу срыва.

П.А. Разгуляев в ответ напомнил им, что «все рабочие в период посевной кампании (...) считаются прикрепленными, т.е. мобилизованными»⁸ и за прекращение работы с них будет строго спрошено. Большая часть женщин поддавалась угрозам, и разошлась по рабочим местам. Однако четверо из них — Мария Серова, Александра Зубова, Агния Завьялова и Александра Романова — решили стоять до кон-

ца и отказались идти на работу. Все они должны были работать на скотном дворе, где стояла голодная скотина.

В данной ситуации большевик Разгуляев поступил как настоящий дореволюционный фабрикант. Он пошёл в башмачную мастерскую, которая сохранилась и в совхозе, снял оттуда трёх работниц и послал их на скотный двор. Разобравшись с этим вопросом, он объявил непокорной четвёрке, что всех их арестовывает и увозит в Галич. Как раз в это время на конном дворе собирались ехать в уездный город за продуктами для Инвалидного дома две подводы, на этих подводах их и доставят, куда надо.

Женщины сказали, что им надо посоветоваться с матерью Верой, и вернулись к ней в Дом хроников. Мать Вера, узнав о случившемся, сказала им: «Раз вы за меня пострадали, так и я с вами поеду в Галич, несите меня на скотный двор»⁹. Евфросинья Карепина и четверо «забастовщиц» принесли мать Веру на конный двор и посадили её на одну из подвод. П. А. Разгуляев, увидев мать Веру, стал ругаться и попытался стащить её с подводы. Мать Вера сопротивлялась. На шум собралась толпа. Узнав о происходящем, рабочие бросали работу и сбегались на конный двор. По показаниям свидетелей, у подвод скопилось человек пятьдесят — и рабочих, и призываемых. В этот момент мать Вера попросила сестёр принести ей «палку Саровскую»^{10*}, с которой она стала ходить при заболевании ног. Просьба принести палку показывает, что мать Вера была настроена постоять за себя и сестёр.

Опасаясь, что события выйдут из-под контроля, Н. Н. Кудряшов предложил Разгуляеву отвести подводу к Дому хроников и посадить мать Веру там. Тот согласился, и помощник заведующего Инвалидным домом В. И. Тонковский, взяв лошадь под уздцы, повёл подводу к Дому хроников. Начальники надеялись, что люди разойдутся, но толпа пошла вслед за подводой.

У Дома хроников снова возникла потасовка. По показаниям очевидцев, Разгуляев неожиданно попытался отнять у матери Веры её палку. Мать Вера стала отбиваться от него этой самой палкой... В данный момент в толпе находился священник о. Димитрий Скворцов, настоятель Никольской церкви погоста Горки, что на Пенье (погост, напомним, находился в трёх верстах от Сумарокова). Примечательно, что он фактически встал на сторону гонителей матери Веры. По показаниям Н. Н. Кудряшова, о. Димитрий стал упрекать её и сказал: «Что вас, мать Вера, заставляет устраивать такие дебоши?»¹¹. По тому же свидетельству, мать Вера ответила ему без лишней деликатности: «Что ты, дурак, связался с большевиками, они и тебе голову свернут!»¹².

* Именование палки «Саровской» позволяет нам предположить, что до революции мать Вера посетила г. Саров или же палку ей подарил какой-нибудь паломник, побывавший в местах, где жил преподобный Серафим Саровский.

По показаниям матери Веры, о. Димитрий обозвал её «фанатичкой» и «сумасшедшей»¹³.

* * *

Священник Димитрий Павлович Скворцов (1883–1961 гг.) родился в с. Крутцы Макарьевского уезда, в семье псаломщика. В 1899 г. он окончил Костромское духовное училище, в 1905 г. — Костромскую духовную семинарию. В том же 1905 г. он был рукоположен во священника к Никольской церкви погоста Горки, что на Пенье, Галичского уезда. В 1915 г. о. Димитрий стал благочинным V Галичского округа¹⁴. Этот пост он сохранял вплоть до 1931 г.¹⁵ У местного населения о. Димитрий имел неоднозначную репутацию. В фонде духовной консистории имелось несколько дел, заведённых в связи с его недостойным поведением. Одно дело (1917 г.) называлось «По ответственности священника погоста Горок Димитрия Скворцова (...) в неблагоповедении»¹⁶, а другое (1919 г.) — «Об обвинении священника погоста Горок, что на Пенье, Димитрия Скворцова в немиролюбии и других проступках»¹⁷ (оба дела сгорели в пожар архива в 1982 г., но названия их сохранились в описях).

В 1924 г. галичская уездная газета «Плуг и молот» писала, что священник в селе Горки Яхнобольской волости «по ненависти к некоторым из своих прихожан (...) вычеркнул из поминальника всех их родных покойников, как будто они в этой ссоре также виноваты»^{18*}.

Непонятно, оказался о. Димитрий в это время в Сумарокове случайно или же начальство пригласило его присутствовать при истории с матерью Верой как официальное лицо — благочинного. Судя по всему, учитывая репутацию о. Димитрия, они предполагали, что он встанет на их сторону (будь у него другая репутация, его вряд бы пригласили). И, как видим, начальство не ошиблось.

Слова матери Веры о том, что большевики свернут о. Димитрию голову, разумеется, сбылись. Ровно через десять лет, 9 апреля 1931 г., он был арестован за неуплату налога и осуждён на 3 года ссылки в Северный край¹⁹. Освободившись в мае 1934 г., о. Димитрий снова служил в Горках. 30 мая 1936 г. его опять арестовали, обвинив в антисоветской агитации. 31 августа 1936 г. о. Димитрий был осуждён на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Свой срок он отбывал в Каргопольском исправительно-трудовом лагере (Каргопольлаг). На свободу о. Димитрий вышел 31 мая 1941 г. и вернулся в Горки. С 1942 г. он служил священником Никольской церкви с. Павловское Буйского района. Из троих его детей два сына погибли в Великую Отечественную войну, муж его дочери также погиб в войну. Протоиерей Димитрий Скворцов скончался 5 марта 1961 г.²⁰.

* В те времена советские газеты писали про священников много всякой напраслины, но данный эпизод явно не выдуман.

* * *

20 апреля противостояние властей и матери Веры кончилось ничем. Разгуляев и Кудряшов из тактических соображений отступили. Н. Н. Кудряшов позднее показал: «... имеющимися у нас силами нам водворить Верушку не представлялось возможным»²¹. Когда начальство ушло, мать Веру перенесли в её келью. Весь следующий день около десяти «рабочих» охраняли келью и не вышли на работу.

Разгуляев же собирал дополнительные силы. Вечером 20 апреля он с нарочным послал в Галичский уисполком телеграмму, в которой писал: «Вышлите отряд пять человек. Сумароково восстало, я объявил осадное положение, администрация в опасности. 20/IV-1921 г. Разгуляев»²². Товарищ Разгуляев явно зарывался. Как заведующий уездным отделом социального обеспечения, он при всём желании не мог ввести осадного положения нигде. Ввести его могли только губернские власти и то в случае большого восстания, появления крупной банды и т. д. В тот же день он с нарочным послал распоряжение в Яхнобольский волисполком о командировании в его распоряжение нескольких красноармейцев из воинской части, которая работала в Яхноболи на сплаве леса. Вечером оттуда в его распоряжение прибыли два красноармейца с винтовками²³. По показаниям матери Веры, ночь с 21 на 22 апреля Разгуляев «кутил» с местным начальством и она сама видела, как «им привезли несколько ведерных бочонков самогонки»²⁴.

Решающие события произошли на следующий день, 22 апреля, в день рождения ещё здравствующего В. И. Ленина. Утром этого дня П. А. Разгуляев решил начать действовать, не дождавшись прибытия подкрепления из Галича*. Собрав все наличные силы: трёх трудоармейцев** (плотников, по мобилизации работавших в Инвалидном доме), двух красноармейцев, двух милиционеров, заведующего Н. Н. Кудряшова и его помощника В. И. Тонковского — П. А. Разгуляев двинулся к келье матери Веры, в которой находилось в то время шесть монахинь.

О том, что произошло затем, мать Вера показала на допросе 6 июня 1921 г. в с. Высоково начальнику Буйского уголовного розыска Шестакову. По её словам, вошедшие «выгнали находящихся у меня нескольких сестер монахинь как-то: Серову Марию, Романову Александру, Зубову Александру, Завьялову Агнию, Казнину Параскеву и Соловьеву Ксению, после чего (Разгуляев. — *Н.З.*) набросился на меня, схватил за волосы, сбросил на пол и стал наносить побои револьвером, потом приказал плотникам рвать на мне одежду, а сам держал меня за волосы, плотники взялись за меня и стали рвать на мне одежду, которую сорвать не удалось»²⁷. В ярости Разгуляев вы-

* Отряд из пяти конных красноармейцев прибыл в Сумароково во второй половине 22 апреля, когда всё уже кончилось. Заночевав в совхозе, они утром вернулись в Галич²⁵.

** Трое трудоармейцев — Александр Васильевич Байков, 35 лет, Михаил Петрович Белехов, 35 лет, и Иван Иванович Яблочков — работали плотниками в Инвалидном доме по мобилизации с 7 декабря 1920 г.²⁶.

стрелил из револьвера вверх. На звук выстрела в комнату убежала Ксения Соловьева и обхватила мать Веру руками, защищая её от насилия. Один из милиционеров стал бить Ксению прикладом винтовки. Мать Вера показала: «(...) оторвали от меня Ксению Соловьеву и выбросили на улицу»²⁸.

На мать Веру стали надевать смирительную рубашку и при этом с неё сорвали «котомку, в которой находились: образ Казанской Божией Матери, перламутровый крест, флакон соборовального масла и перочинный ножик»²⁹. С неё был сорван нательный крест на шнурке и порвана цепочка настоятельского креста³⁰. Подручные Разгуляева связали мать Веру длинными рукавами рубашки и потащили её на улицу. Заметим, всё это происходило в келье матушку Веры, куда ежедневно приходили десятки людей. И вот сюда, как звери, врываются враги, набрасываются на женщину, которая не может ходить, и насильно надевают на неё смирительную рубашку...

Когда они вытащили мать Веру на улицу и бросили её в телегу, чтобы отвезти в Галич, сбежалась толпа народа и возле телеги возникла потасовка. Красноармейцы сделали несколько выстрелов в воздух, и толпа отступила. Опять же отметим, что ещё совсем недавно тут был монастырь, прошло только полгода и вот арестовывают его самую знаменитую насельницу, стреляют в воздух...

Связанную мать Веру и ещё восемь арестованных вместе с нею сестёр П. А. Разгуляев под охраной увёз в Галич.

СЛЕДСТВИЕ В ГАЛИЧЕ

В ГАЛИЧЕ всех привезённых из Сумарокова сестёр заключили в местную тюрьму (по новому — арестный дом или ардом) в Козьей слободе. Мать Веру, как инвалида, поместили в Галичскую народную больницу — так после революции стала именоваться Галичская уездная земская больница (совр. адрес: ул. Свободы, д. 38)³¹. Производство следствия было поручено уполномоченному Галичского уездного Политбюро * по общим делам т. Зубову **.

25 апреля т. Зубов приступил к следствию «по делу устроенного дебоша в усадьбе Новое Теляково Яхнобольской волости бывшими монашанами Самороковского монастыря». В тот же день он постановил: «...арестованных Веру Меркулову, Романову, Серову, Завьялову, Казнину, Карепину, Зубову, Торопову, Бойкову содержать при камерах Арестного дома под арестом за исключением Веры Меркуловой,

* Не надо путать Галичское Политбюро с всесильным Политбюро ЦК партии. Галичское Политбюро, как и все остальные подобные ему уездные Политбюро, находилось при начальнике уездного отдела внутренних дел.

** Во время следствия т. Зубов проявил себя на редкость малограмотным человеком. Сплошь и рядом у него идёт по 5–6 листов протоколов без единого знака препинания. Все знаки препинания в цитатах из них расставлены нами, иначе местами текст был бы совершенно непонятен.

Галич. Успенская улица. Справа – здание уездной земской больницы. Фото начала XX в.

которая находится в больнице на излечении впредь до окончания следствия»³². Галичское Политбюро предписало врачам проверить психическое состояние матери Веры. В случае положительного заключения её можно было бы упрятать в психиатрическую лечебницу в Никольском под Костромой и полностью изолировать от посетителей. В конце апреля главный врач больницы Аркадий Аркадьевич Апушкин выдал т. Зубову удостоверение, в котором было сказано: «Настоящим удостоверяю, что находящаяся на излечении при Галичской Народной больнице гр-ка Вера Меркулова психически вполне здорова»³³.

Праздник Входа Господня в Иерусалим, пришедшийся на воскресенье 24 апреля, и всю Страстную седмицу арестованные провели в тюрьме.

Надо сказать, что в Галиче не одобрили произвол П. А. Разгуляева. Уездные власти явно опасались массового выступления крестьян в защиту Сумароковской прозорливицы, и поэтому дело «о дебоше» в бывшем монастыре было решено замять. С 25 по 29 апреля т. Зубов допросил всех задержанных и большое количество свидетелей. Затем со всех арестованных взяли подписку о невыезде и отпустили. Похоже, что Пасху, которая в 1921 г. пришлась на 1 мая, мать Вера и другие сёстры встретили уже вне тюремных стен.

5 мая 1921 г. Галичское уездное Политбюро писало П. А. Разгуляеву: «Политбюро предлагает разрешить проживание впредь до разбора дела судебным порядком рабочим Сумароковского совхоза

в Сумарокове следующим: Казниной, Зубовой, Карепиной, Серовой, Завьяловой. Политбюро ставит в известность, что от поименованных в сем отобраны подписки о их невыезде из Сумароково и обязательство явки в суд, в противном же случае их выселение повлечет неявкой в суд, за которую политбюро слагает с себя всякую ответственность, а вместе с тем Политбюро предлагает тов. Разгуляеву явиться в таковое 6 мая к 12 часам»³⁴.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ П. А. РАЗГУЛЯЕВА

ВСЯ эта история вышла т. Разгуляеву боком. В заключении по делу матери Веры, датированном 2 декабря 1921 г. в Москве, помощник уполномоченного 7-го отделения Секретного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Пименов предложил привлечь П. А. Разгуляева «в качестве обвиняемого, как коммуниста и ответственного советского работника за неумышленные действия, создавшие осложнение и дискредитирующие Советскую власть, для каковой цели копию заключения и постановления направить в ЦК РКП и губком»³⁵.

Скорее всего, Костромской губком РКП(б), получив такую бумагу из ВЧК, исключил П. А. Разгуляева из партии и снял с должности заведующего отделом соцобеспечения. Таким образом, он стал первым из советских ответственных работников, «пострадавшим» из-за матери Веры. Первым, но, как мы увидим дальше, не последним.

По свидетельству местных старожил, П. А. Разгуляев кончил жизнь трагически. Летом 1924 г. он зачем-то приехал из Галича в с. Двой-Никола Яхнобольской волости, где верхом на лошади переезжал через р. Шачу и утонул. Его тело всплыло через несколько дней. По уверениям старожил, мать Вера предсказала П. А. Разгуляеву, что он «напьётся шачинской водицы» и всплывет «кверху брюхом».

Товарищ Разгуляев стал героем местного фольклора. О гибели гонителя матери Веры жители Сумароковской округи сложили частушку, в которой говорилось:

Что ты, Петенька, наделал,
Разгуляев, набедил.
Свою буйную головушку
На Шаче утопил!³⁶

Дочь П. А. Разгуляева, Лениза * Петровна Разгуляева (она родилась в январе 1924 г., в дни похорон В.И. Ленина, и отец назвал её в честь вождя), во время Великой Отечественной войны работала в Сусанинском районе фининспектором³⁷.

* Лениза — одно из новых имён ранней советской эпохи, образованное сокращением словосочетания «Ленинский завет».

1921 ГОД: ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРСКОГО СОБОРА И АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ

«(...) Во исполнение поручения губисполкома предлагается Вам немедленно же арестовать Веру Меркулову и доставить в г. Кострому в распоряжение Губчеки. При проведении задания предлагается избегать нерешительности и половичатости (...)»¹.

Из предписания председателя комиссии губисполкома Н.П. Орлеанского начальнику милиции Буйского уезда (1 июня 1921 г.)

МАТЬ ВЕРА ПОСЕЛЯЕТСЯ В СЕЛЕ ВЫСОКОВЕ

НЕСМОТРЯ на предписание Галичского уездного Политбюро, П. А. Разгуляев запретил пускать мать Веру с сёстрами в Сумароково. Им пришлось поселиться в с. Высоково Домнинской волости Буйского уезда.

После того, как 22 апреля 1921 г. мать Вера была арестована, жители с. Высоково и нескольких соседних деревень последовательно бомбардировали уездные и губернские власти прошениями в её защиту. Уже 22 апреля 1921 г. жители с. Высоково обратились к заведующему Инвалидным домом Н. Н. Кудряшову с заявлением, в котором просили отпустить мать Веру из Инвалидного дома и выражали желание взять её «на свое обеспечение»². Под заявлением стояло 19 подписей. К заявлению прилагался приговор, датированный тем же 22 апреля, в котором общее собрание жителей села желало взять мать Веру на своё «обеспечение»³.

29 апреля 1921 г. жители с. Высоково и дд. Сергеево, Косинское и Чумсаново вновь собрались на общий сход и «единогласно постановили: гражданку Веру Антоновну Меркулову, проживающую в Свято-Троицком монастыре Галичского уезда и желающую поселиться в селе Высокове на жительство принять»⁴. Под актом стояло 109 подписей всех взрослых жителей этих четырёх селений.

8 мая уже после того, как сёстры во главе с матушкой Верой приехали в Высоково, жители села и трёх деревень, входящих в Высоковский Михайло-Архангельский приход, на общем собрании приняли приговор, которым «единогласно постановили принять гр-ку Веру Меркулову и с ней других гр-н на обслуживание храма». Евфросинья Карепина стала псаломщицей, остальные — сторожем, звонарём, просвирней и алтарницей. Под приговором стояли подписи церковного старосты Степана Орлова, помощника старосты Александра Орлова и сорока человек прихожан⁵.

По-видимому, в тот же день мать Вера написала в Галичское Политбюро заявление, в котором просила разрешить ей, Карепиной, Серовой, Тороповой и Казининой проживание в с. Высоково⁶.

МАЙ - ИЮНЬ 1921 ГОДА: ЗАКРЫТИЕ МОНАСТЫРСКОГО СОБОРА В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦЫ»

ПО-ВИДИМОМУ, события, связанные с арестом матери Веры, подстегнули губернские власти в их намерении окончательно разобраться со Свято-Троицким монастырём. 28 мая 1921 г. в Сумароково прибыла комиссия Костромского губисполкома по закрытию собора⁷. Председателем комиссии был Николай Павлович Орлеанский — в то время едва ли не главный гонитель Церкви и её служителей в Костромской губернии.

* * *

Здесь надо сделать паузу в повествовании и рассказать об этом человеке.

Николай Павлович Орлеанский родился 28 апреля 1886 г. в с. Носкове Буйского уезда, в семье псаломщика Павла Васильевича Орлеанского. Николай Орлеанский окончил лишь два класса Костромского духовного училища, а из 3-го класса его исключили «за леность и бездарность»⁸. В начале 1906 г. его родной отец, Павел Орлеанский, был перемещён в Кострому и стал служить в Алексеевской церкви — вначале псаломщиком, потом диаконом⁹.

Чем занимался Н.П. Орлеанский в период до 1908 г., мы не знаем. В 1908 г. он стал служить в Костромской духовной консистории мелким чиновником — регистратором. Впервые титулярный советник Николай Павлович Орлеанский упомянут в качестве исправляющего должность регистратора духовной консистории в «Справочной книжке Костромской губернии» на 1909 г.¹⁰. В должности регистратора Н.П. Орлеанский проработал вплоть до 1917 г. Из титулярного

советника он дослужился до губернского секретаря, а к революции стал целым коллежским секретарём¹¹.

Конечно, если бы не революция, то Орлеанский так и остался бы небольшим консисторским чиновником. Всё изменил катаклизм 1917 года. После Октябрьской революции Н.П. Орлеанский пошёл на службу к новым властям и совершил у них головокружительную карьеру. 30 марта 1918 г. в Костромском губисполкоме был создан подотдел Записи актов гражданского состояния (ЗАГС), заведующим которого стал Н.П. Орлеанский¹².

Здесь надо пояснить: сейчас ЗАГС является сугубо мирным учреждением, в общественном сознании связанным, прежде всего, с обрядом бракосочетания. В те же годы, когда у Церкви отбирались её традиционные функции — регистрации рождения, брака и смерти, — отделы ЗАГСА, как говорил сам Н.П. Орлеанский, являлись «орудием политической борьбы»¹³, средством борьбы против Церкви.

1 января 1919 г. Н.П. Орлеанский был назначен и заведующим подотделом Губернского отдела юстиции (Губюста) по отделению церкви от государства¹⁴. Оба эти учреждения, Губзагс и подотдел Губюста по отделению церкви от государства, находились в одном здании (адрес: ул. Мшанская, д. 8)¹⁵ — в том самом, в котором до 1918 г. размещалась Костромская духовная консистория, где Н.П. Орлеанский тянул ляжку мелко чиновника. Теперь же он приходил в это здание в качестве дважды заведующего.

Кострома. Мшанская улица. Здание бывшей духовной консистории, в котором с 1919 г. находился подотдел губернского отдела юстиции по отделению церкви от государства. Фото 1920-х гг.

* Современный адрес: ул. Островского, д. 8.

При активном участии Н.П. Орлеанского в 1918 г. были закрыты Костромская духовная семинария и все духовные училища в губернии, в 1919 г. — Ипатьевский и Богоявленско-Анастасиин монастыри. С его именем связано закрытие в губернии первых храмов и часовен. В 1920–1921 гг. Н.П. Орлеанский сыграл большую роль в закрытии Свято-Троицкого Сумарокова монастыря.

Бывший консисторский чиновник был в числе тех, кто устанавливал в Костроме революционные, не связанные с церковью традиции советского быта. Когда в 1920 г. у него и его жены, бывшей купеческой дочери Инны Николаевны Орлеанской родился сын, родители не стали крестить ребёнка в церкви и назвали его именем героя греческой мифологии — Орион*. В 1931 г., вспоминая то время, Н.П. Орлеанский писал в журнале «Безбожник», органе Союза воиствующих безбожников: «Нельзя не вспомнить тех случаев гнусной инсинуации, клеветы по адресу работников, которые вели антирелигиозную работу. Подвергались травле и их дети. Я помню, моей жене не давали прохода, когда я назвал своего родившегося сына Орионом и не крестил его»^{16**}.

Как и все, выбившиеся из грязи в князи, Н.П. Орлеанский в роли главного костромского гонителя Церкви проявил себя как самовлюбленный и мелочный деспот, который делал всё, чтобы парализовать церковную жизнь в Костроме и губернии. 12 октября 1920 г. архиепископ Костромской и Галичский Серафим (Мещеряков) жаловался на него в Совет Народных Комиссаров: «В Костроме, — писал он, — (...) в должности полит. комиссара по церковным делам, главного юрисконсульта, советника и всякого инициатора по делам, касающимся церкви и государства, состоит выгнанный некогда за леность и бездарность из 3-го класса духовного училища (...) бывший мелкий чиновник Костромской духовной консистории Н.П. Орлеанский, сын местного дьякона. Одержимый манией величия и склонностью к мелочному деспотизму, он (...) запрещал и упорно отклонял ходатайства представителей приходских церковных общин г. Костромы устроить собрания по выяснению церковных и вероисповедных нужд (...). Чтобы лишить возможности меня и верующих обращаться с жалобами на незаконные действия Орлеанского и вдохновляемой им костромской Советской власти в Москву, он издал распоряжение не пропускать в Москву моих жалобных ходатайств, приказал конфисковать и мою личную переписку и всю мою административную по епархиальному управлению переписку, не только входящую, но даже исходящую (...). По внушению того же Орлеанского Костромской губисполком издал

* В честь этого героя греческой мифологии названо созвездие Ориона.

**Из данного текста следует, что это не Н.П. Орлеанский всячески притеснял на каждом шагу церковников, а, наоборот, они преследовали его своими «гнусными инсинуациями» и «клеветой».

в июле сего года обязательное постановление, чтобы верующие ни с какими просьбами не обращались к епископу, все церковные дела решали сами и не принимали к исполнению никаких чисто церковных распоряжений от епископов.

Вообще такого придирчивого, неосновательно подозрительного, постыдно деспотического отношения к представителям церкви не было ни при кровавых римских кесарях-гонителях, ни при свирепых татарских ханах. А хорошо памятные наличным агентам Советской власти царские жандармы никогда так мелочно не притесняли административных представителей инославных исповеданий — католического, раскольничьего, сектантского и магометанского культа, как это делается ныне в Костроме по внушению бездарного, не понимающего элементов права начальника отдела регистрации гражданских актов Орлеанского»¹⁷. Данное послание в Москву владыка Серафим снабдил пометкой: «Посылаю это ходатайство не почтой, нам это запрещено, а с оказией, через случайное лицо»¹⁸.

Наверняка ещё во время службы в консистории Н.П. Орлеанский немало слышал про мать Веру из Свято-Троицкого монастыря. После революции, став ответственным советским работником, он, судя по всему, в качестве одной из приоритетных целей поставил перед собой преследование Сумароковской подвижницы.

* * *

28 мая 1921 г. Н.П. Орлеанский приехал в Сумароково во главе комиссии губисполкома, имея целью закрыть собор во имя иконы Божией Матери «Скоропослушницы». В состав комиссии входили: Н.П. Орлеанский (председатель), представитель губернского отдела социального обеспечения (губсобеса) т. Аристов и представитель губернской рабоче-крестьянской инспекции (губрабкрина) т. Соболев¹⁹. Когда местные крестьяне узнали о том, что комиссия из Костромы приехала закрывать монастырский собор, они отказались отдать ключи от него²⁰. Встав на защиту храма, люди ударили в набат²¹.

К сожалению, о том, что последовало за этим, мы ничего не знаем. Каким-то образом ключи от собора всё-таки оказались у ликвидации-онной комиссии. Несмотря на ходатайства местных жителей, которые просили отдать им собор в качестве приходского храма, тот был официально закрыт 1 июня²². На следующий день, 2 июня, победители в знак своего торжества устроили публичное осквернение соборных святынь. В храме, в особом киоте, находились: кипарисный крест с частицами мощей святителей Ростовских Леонтия, Исая и Игнатия; серебропозлащенный крест с частицами мощей святых благоверных князей Ярославских Феодора, Давида и Константина; серебряный крест с частицами мощей святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского и святого великомученика Пантелеимона; серебря-

ный медальон с изображением преподобного Феодосия Тотемского и частицей его мощей и др. *²³.

2 июня 1921 г. в присутствии большого количества народа все данные частицы мощей были вскрыты, причём сделать это вынудили монастырского священника — 76-летнего о. Иоанна Александровского²⁴. Перед вскрытием П. А. Орлеанский кратко осведомил верующих «об истории мощей»²⁵, то есть прочитал им антирелигиозную лекцию.

После этого специально подобранные представители Яхнобольской и Домнинской волостей подписали особый акт, в котором говорилось: «1921 г. июня 2 дня, мы собравшиеся граждане Яхнобольской волости в лице нижеподписавшихся представителей, а также представителей Домнинской волости, обсудив вопрос о храмовом соборном здании Свято-Троицкого монастыря Галичского уезда и принимая во внимание, что в течении целых десятилетий никаких реальных благ, клонящихся в сторону улучшения нашего крестьянского быта от строителей и созидателей монастырей мы не видели, кроме затмения нашего сознания, следствием чего и явилось наше первоначальное ходатайство о передаче здания и отказ в сдаче ключей, на то мы толкнуты были самими монахинями, распускавшими всякие слухи и ударившими в набат.

Постановили: просить Костромской губисполком устроить в вышеназванном храме сельскохозяйственную школу с придачею прочих просветительных учреждений в бывшем монастыре для просвещения нашего края, косного и затемненного культом. Для ускорения проведения этого мероприятия просим возбудить ходатайство перед центральной властью. Настоящий протокол вручен для передачи т. Орлеанскому». Представители Яхнобольской волости: В. Смирнов, А. Лукин, М. Байков, Сахаров, К. Яковлев, д. Соломино, П. Смирнов, А. Малов, за неграмотностью В. Розанова расписался В. Смирнов. Представитель Домнинской волости: Шахов д. Кондратиха, В. Кудрявцев д. Исаково»²⁶.

17 июня 1921 г. в губернской газете «Красный Мир» появилась большая статья «О темных делишках костромских попов и монахов». Автором её был сам ответственный секретарь Костромского губкома РКП(б) П. А. Бляхин, написавший статью на материалах, предоставленных ему Н. П. Орлеанским. В конце статьи глава большевистского губкома писал: «Долго думали галичане и, наконец, совершенно правильно решили: закрыть монастырь, распустить “святых” монашек на все четыре стороны и открыть сельскохозяйственную школу. Так крестьяне сделали первый шаг от тьмы к свету, от лжи и обмана к правде и подлинному знанию»²⁷.

* Серебряный медальон с изображением преподобного Феодосия Тотемского и частицей его мощей, скорее всего, достался Елизавете Николаевне Варенцовой от её отца, Н. Г. Львова, который, как писалось выше, почитал преподобного Феодосия и благоустроил в его монастыре придельный храм. Она же, в свою очередь, оставила медальон создаваемой ею общине.

** Скорее всего, данный акт написал сам Н. П. Орлеанский.

* * *

Павел Андреевич Бляхин (1886–1961 гг.) — активный участник революционного движения, советский партийно-государственный деятель, писатель, журналист. В 1920–1921 гг. П. А. Бляхин занимал пост ответственного секретаря * Костромского губкома РКП(б). В 1921 г. из Костромы его перевели на работу в Баку. По дороге туда он написал приключенческую повесть «Красные дьяволята» (по мотивам которой в 60-е годы был снят популярный кинофильм «Неуловимые мстители»). П. А. Бляхин известен как пропагандист-антирелигиозник. В 1920 г. в Костроме он издал книжку «Долой чертей, долой богов! Долой монахов и попов!». В том же 1920 г. в Петрограде вышла его антирелигиозная брошюра «Как попы дурманят народ»²⁸.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ВЫСОКОВЕ И АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ

В БЕСПОРЯДКАХ при закрытии монастырского собора Н. П. Орлеанский, разумеется, обвинил мать Веру. 1 июня 1921 г. он направил начальнику милиции Буйского уезда Александру Сергеевичу Чистякову ** предписание, в котором говорилось: «Произошедшее 28-го сего числа мая на территории совхоза волнения крестьян явились следствием злостной агитации монашин и в частности Веры Меркуловой, скрывшейся до приезда комиссии в село Высоково, по указанию которой крестьяне не выдавали ключи. А потому во исполнение поручения губисполкома предлагается Вам немедленно же арестовать Веру Меркулову и доставить в г. Кострому в распоряжение Губчеки. При проведении задания предлагается избегать нерешительности и половинчатости и в тоже время не давать повода по пути следования окружения себя каким-либо ореолом мученичества. Уполномоченный губисполкома по ликвидации монастыря Н. Орлеанский»²⁹.

Думается, что изначально главной целью приезда Н. П. Орлеанского в Сумарокове было вовсе не закрытие монастырского собора, который местные товарищи прекрасно могли закрыть и без него. Скорее всего, он приехал, желая под любым предлогом арестовать мать Веру. Беспорядки 28 мая дали Н. П. Орлеанскому этот предлог. В предписании, направленном начальнику милиции Буйского уезда, он сознательно искажал картину событий 28 мая. Мать Вера вовсе не скрылась в Высоково от комиссии губисполкома, а жила там, потому что ей был запрещён въезд в Сумароково. Таким образом, 28 мая мать

* Позднее ответственных секретарей райкомов, горкомов и губкомов переименовали в первых секретарей.

** Н. П. Орлеанский обратился к начальнику милиции Буйского уезда, так как с. Высоково находилось в этом уезде, и арестовать мать Веру могла только буйская милиция.

Вера отсутствовала в бывшем монастыре и при всем желании не могла принять участия в «волнениях крестьян».

Получив распоряжение Н.П. Орлеанского, начальник Буйской уездной милиции А.С. Чистяков приступил к его выполнению со всей ответственностью. Для ареста одной женщины-инвалида он послал группу из восьми человек. 3 июня из Буя в Высоково для ареста матери Веры выехали семь конных милиционеров во главе с заведующим уголовным розыском Буйской уездной милиции т. Шестаковым.

Старшему милиционеру Михаилу Дзивову был выдан особый мандат, в котором говорилось: «Выдан сей милиционеру конного резерва вверенной мне Буйской уездно-городской милиции, тов. Дзивову Михаилу, с 6-ю милиционерами, в том, что в случае категорического отказа гр-н с. Высоково, Домнинской волости, доставить гр-ку Веру Меркулову в г. Буй в управление милиции, ему поручается таковую арестовать силой и предоставить в мое распоряжение. В случае сопротивления гр-н с. Высокова, таковую силой оружия арестовать и под усиленным конвоем представить в мое распоряжение. При нападении на вас вооруженных людей при исполнении вами служебных обязанностей, можете применять оружие. 3-го июня 1921 г. Начальник милиции г. Буя и уезда Чистяков»³⁰. Как видим, А.С. Чистяков совершенно верно оценивал обстановку и всю трудность выполнения полученного им распоряжения.

Вместе с мандатом старшему милиционеру был вручено воззвание к жителям с. Высоково от имени Чистякова. По сути, это был ультиматум, в котором говорилось:

«Гражданам села Высоково, Домнинской волости.

Во исполнение поручения Костромской губернской комиссии от 1 июня с.г. за № 5, категорически и в последний раз предлагаю гр-нам с. Высоково под личной ответственностью немедленно доставить в г. Буй, в управление милиции, гр-ку Веру Меркулову, для снятия с нее допросов, по ее делам, находящимся в производстве вверенной мне милиции. За невыполнение данного поручения в 48 часовой срок, все гр-не с. Высоково будут причислены к категории лиц, не подчиняющихся Рабоче-Крестьянскому Правительству, и поступки их будут рассматриваться как с контрреволюционерами, имущество же таких будет полностью конфисковано без возврата и сами они будут арестованы и преданы суду военно-революционного трибунала. Вследствие чего данное мне с Вашей стороны согласие добровольно самим доставить Меркулову, должно быть исполнено без всяких отлагательств. Начальник милиции г. Буя и уезда Чистяков»³¹.

Свой ультиматум жителям Высокова А.С. Чистяков поручил передать председателю Домнинского волисполкома М. Дьяконову, которому начальник уездной милиции послал особое распоряжение. «С получением сего, — говорилось в нём, — предлагается Вам немед-

ленно отправиться в село Высоково, вверенной Вам волости, для предложения гр-н этого села к немедленной доставке в Управление милиции гр-ки Веры Меркуловой для снятия с нее допросов по делам находящимся в производстве вверенной мне милиции. Прилагаемое при сем отношение вручите под расписку гр-нам села Высоково. В случае неисполнения с их стороны данного поручения с моей стороны будут приняты самые решительные меры против всех лиц, не подчиняющихся Рабоче-Крестьянскому Правительству, что вы в свою очередь и поставьте им на вид»³².

По дороге в Высоково милиционеры заехали в Домнино и взяли с собой председателя волисполкома. Так как их группа, скорее всего, прибыла в Высоково 4 июня, то, похоже, что в Домнине милиционеры остановились на ночлег.

Судя по всему, кто-то из почитателей матери Веры предупредил её и жителей Высокова о направленной к ним «группе захвата». Где произошла утечка информации — в Буйском управлении милиции, в Буйском уисполкоме или Домнинском волисполкоме — мы можем только гадать. Возможно, высококовцев предупредили работники Домнинского волисполкома, не забывшие, что они являются потомками Ивана Сусанина. Получив предупреждение, жители Высокова в первую очередь позвали на помощь соседей из деревень своего прихода — Сергеева, Косинской и Чумсанова.

Когда 4 июня милиционеры приехали в Высоково, их здесь встретила большая толпа крестьян, намеренная защищать матушку Веру до конца. Когда председатель Домнинского волисполкома М. Дьяконов огласил жителям села ультиматум А.С. Чистякова, те отказались выдать мать Веру. Согласно полученному предписанию, милиция дала её защитникам 48 часов на размышление. За эти двое суток в Высоково продолжали подходить люди из окрестных селений. По донесению Шестакова, к 6 июня здесь для защиты матери Веры скопилось «громкая толпа населения нескольких волостей»³³ (вероятно, это были жители Домнинской и Боровской волостей Буйского уезда и Яхнобольской волости Галичского уезда).

Дело, скорее всего, кончилось бы плохо, но 6 июня, в результате переговоров Шестакова с матерью Верой, последняя добровольно сдалась властям и «согласилась ехать в Буй»³⁴.

Шестаков вручил матушке выданную ему Чистяковым повестку от 3 июня, в которой говорилось: «С получением сего Управление милиции предлагает Вам немедленно прибыть в г. Буй, в здание милиции, для допроса по разным делам, имеющимся в производстве. За неявку будете привлечены к законной ответственности, тем более, что Вами Галичскому Политбюро дана подписка о невыезде из пределов той местности, в которой проживаете и о явке по первому требованию»³⁵.

Итак, 6 июня 1921 г. мать Вера сдалась милиции — это стало её четвёртым арестом после революции. В тот же день, 6 июня, Шестаков отправил рапорт А.С. Чистякову, в котором писал: «(...) доношу, что ввиду моих переговоров с ней (матерью Верой. — Н.З.) лично, она Меркулова добровольно согласилась ехать в Буй под контролем представителей села Высоково (...) и вверенных Вам трех милиционеров под командой тов. Дзивова»³⁶. Высоковцы согласились отпустить мать Веру с условием, чтобы до Буя её сопровождали пять их представителей. С матерью Верой вызвались ехать три жителя с. Высоково (Андрей Румянцев, Александр Орлов и Пётр Тетерин) и два жителя д. Косинской (Алексей Кудрявцев и Пётр Соколов)*.

В тот же день 6 июня Шестаков выдал матушке Вере удостоверение, в котором говорилось: «Дано сие удостоверение гр-ке Вере Антоновне Меркуловой в том, что она действительно отправилась в г. Буй в распоряжение начальника Буйской уездмилиции ДОБРОВОЛЬНО, т.е. без применения вооруженной силы, но под контролем вверенных начальником трех милиционеров и представителей села Высоково Домнинской волости. В силу чего арест Меркуловой мною не произведен»³⁸. Вместе с матерью Верой Шестаков отправил донесение А.С. Чистякову, в котором писал: «(...) при сем препровождаю гр-ку Веру Меркулову, каковая ввиду моей агитации среди скопившейся громадной толпы населения нескольких волостей была передана мне добровольно, что стянутая мною вооруженная сила была не использована, все обошлось спокойно, благодаря чего скопившийся массовый народ остался весьма довольный моими действиями и распоряжениями»³⁹.

В тот же день, 6 июня, мать Веру увезли Буй, в Управление милиции, где с неё взяли целых две подписки о невыезде. В первой говорилось: «Я, нижеподписавшаяся гр-ка Вера Антоновна Меркулова, даю настоящую подписку начальнику милиции г. Буя и уезда в том, что агитировать и пропагандировать против Советской власти совершенно не буду, в противном случае подлежу суду и всем строгостям законов революционного времени, в чем и подписуюсь»⁴⁰. Во второй: «Я, нижеподписавшаяся, проживающая в селе Высокове Домнинской волости, гражданка Вера Антоновна Меркулова даю настоящую подписку начальнику милиции г. Буя и уезда т. Чистякову в том, что в случае надобности я обязуюсь явиться по первому его требованию и из места моего жительства отлучаться никуда не буду в чем и даю сию подписку»⁴¹.

* 6 июня Шестакову была вручена следующая подписка: «Мы нижеподписавшиеся гр-не Домнинской волости села Высокова Андрей Румянцев, Александр Орлов, Петр Тетерин и д. Косинского Алексей Кудрявцев и Петр Соколов, даем настоящую подписку начальнику милиции г. Буя и уезда тов. Чистякову в том, что проживающую в нашем районе гр-ку Веру Антоновну Меркулову мы берем на поруки и по первому требованию начальника милиции обязуемся ее доставить в его распоряжение, в чем и подписуемся»³⁷.

После взятия данных подписок мать Веру отпустили, и она вернулась в Высоково. На первый взгляд, такие действия буйского начальства непонятны. Потратили столько сил, едва не довели до столкновения и, в результате, отпустили человека под подписку о невыезде. На самом деле со стороны А.С. Чистякова такой шаг являлся военной хитростью. Через несколько дней, 11 июня 1921 г., мать Веру опять вызвали на допрос в Буй. Возвращение матери Веры из Буя при предыдущем аресте усыпило бдительность жителей Высокова, на что и рассчитывал А.С. Чистяков. Когда мать Вера приехала в Буй, то в Управлении милиции её арестовали и отправили в Кострому, в губчека⁴². Это был её пятый арест со времени революции. Скорее всего, мать Веру отправили в губернский центр по реке Костроме на пароходе.

Вместе с арестованной А.С. Чистяков отправил в губчека все накопившиеся у него документы по матери Вере, сопроводив их посланием от себя, в котором сообщал: «Со своей стороны, относительно личности Меркуловой могу пояснить следующее: в среде темного населения, как Буйского уезда, а равно и других близлежащих уездов, Меркулова пользуется громадной популярностью, якобы “прозорливая”, посещение ее населением достигает самых широчайших пределов, даже есть случаи, когда к ней приходят посетители за 300 и более верст. Вследствие чего изоляция Меркуловой из темной массы населения необходима, так как авторитет ее растет с каждым днем»⁴³.

Похоже, что т. Чистяков сам вскоре подвергся «изоляции». Во всяком случае, на допросе в Галиче 28 декабря 1928 г. мать Вера сказала: «Ваши коммунисты, которые меня арестовывали, давно раскаиваются. Например, тов. начальник Буйской уездной милиции Чистяков Александр Сергеевич, когда он сам попал в тюрьму, то говорил, что напрасно меня садил»⁴⁴. Следовательно в Галиче занёс эти слова в протокол, а значит, факт того, что бывший начальник Буйской уездной милиции А.С. Чистяков за какую-то провинность угодил в места лишения свободы, действительно имел место.

В КОСТРОМЕ: УЗНИЦА КОСТРОМСКОЙ ГУБЧЕКА

«...Принимая во внимание имеющиеся в деле указания на подозрительность личности, образ жизни и рода занятий последней, постановил: (...) принять означенное дело к своему производству и приступить к следствию. Мераю пресечения уклониться от следствия и скрыть следы преступления избрать содержание Меркуловой Веры под стражей в Исправительном доме по I категории»¹.

*Из постановления по делу о матери Вере
(17 июня 1921 г.)*

В КОСТРОМСКОЙ ГУБЧЕКА

ПО-ВИДИМОМУ, 14 или 15 июня 1921 г. буйские милиционеры привезли свою пленницу в Кострому. От пристани, взяв извозчика, они поднялись по Молочной горе наверх, на бывшую Сусанинскую площадь, переименованную в 1918 г. в площадь Революции. Мы не знаем точно, бывала ли мать Вера после 1918 г. в Костроме, но, если не бывала, то, конечно, сразу заметила исчезновение памятника царю Михаилу Фёдоровичу и крестьянину Ивану Сусанину, стоявшего раньше в центре площади, на сквере, метко прозванном костромичами «Сковородкой». Памятник был снесён в сентябре 1918 г., и сейчас на его постаменте высилось то, что называлось памятником Революции, — с висящими на нём портретами вождей революции.

Переехав площадь, милиционеры доставили мать Веру в Костромскую губчека, точнее — в Костромскую губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Костромском губернском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Губчека находилась в двухэтажном здании, выходящем на площадь Революции (совр. адрес: ул. Свердлова, д. 1/2). Здание это было возведено в 1820–1821 гг. настоятелем Благовещенской церкви² — родным дедом драматурга А. Н. Островского, протоиереем Феодором

В этом здании на площади Революции с 1918 года размещалась Костромская губернская чрезвычайная комиссия (губчека). Современное фото

Островским³. Вплоть до 1918 г. оно принадлежало этому храму и официально именовалось «дом Благовещенского причта». На всём протяжении XIX — начала XX вв. дом сдавался причтом внаём. В начале XX в. купец М. А. Горбачёв арендовал здание на Сусанинской площади под гостиницу «Пассаж»⁴. Революция круто изменила судьбу дома. Гостиница «Пассаж» была упразднена, и в 1918 г. сюда въехала Костромская губернская чрезвычайная комиссия.

Первоначально Костромская губчека размещалась в бывшем здании Костромского губернского жандармского управления на Власьевской улице (совр. адрес: ул. Симановского, д. 32)⁵. Но там, где многие годы работали царские жандармы, костромским чекистам очень скоро стало тесно, и губчека переехала в центр города, в гостиницу «Пассаж». По-видимому, этот переезд произошёл осенью 1918 г. К тому времени почти все основные учреждения новой губернской власти переехали на Сусанинскую площадь: в бывших Присутственных местах разместился губисполком, в бывшей гостинице «Россия» — губком и горком РКП(б), в бывшем окружном суде — губсуд и губревтрибунал. В одном ряду с этими столпами новой власти в доме Благовещенского причта разместилась и губернская чрезвычайная комиссия.

Председателем Костромской губчека в то время был Иоганес Янович Карро*, эстонец по национальности.

* Иоганес Янович Карро (1893–1979 гг.) состоял председателем Костромской губчека с декабря 1919 г. по октябрь 1921 г. Прежде он был заведующим Костромским губернским управлением милиции⁶.

* * *

В позднее советское время о том, что в здании на площади Революции размещалась Губчека (а потом — губотдел ОГПУ) старались не вспоминать. Только в вышедшем в 1963 г. путеводителю по Костроме о нём было написано: «Ничем ныне не примечателен этот дом, населённый семьями трудящихся. Но в годы гражданской войны он был одним из самых известных домов в городе (святая правда! — *Н.З.*). В нём с конца 1918 года находилась губернская Чрезвычайная комиссия (губчека) — местный орган Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК). (...) Органы ВЧК были грозой для буржуазии и метко разящим и сурово карающим мечом пролетарской революции. Опираясь на поддержку революционного народа, они беспощадно подавляли сопротивление врагов Советской власти»⁷.

Иоганнес Янович Карро — председатель Костромской губернской чрезвычайной комиссии. Фото 1920 г.

* * *

В губчека буйские милиционеры сдали мать Веру заведующему секретным отделом, который выписал ордер № 182 коменданту губчека, где говорилось: «Предлагается заключить Меркулову Веру Антоновну»⁸. В тот же день её привезли в губернский исправдом. Там, увидев, что имеют дело с инвалидом, поместили мать Веру в тюремную больницу.

В КОСТРОМСКОМ ИСПРАВДОМЕ № 1

ТАК мать Вера впервые попала в Костромской исправдом № 1* — бывшую губернскую тюрьму на бывшей Русиной улице**. Костромская губернская тюрьма на Русиной улице была построена во второй половине XVIII в., в царствование Екатерины II, и долгое время именовалась по-старинному — острог. В первой по-

* Исправдом значился № 1, потому что в Костроме был и исправдом № 2⁹. Так после революции стало именоваться исправительное арестантское отделение на Верхней Набережной улице (с 1925 г. — улица 1 Мая).

** В 1918 г., в ходе массового переименования улиц Костромы в связи с первой годовщиной Октябрьской революции, ул. Русиная была переименована в ул. Советскую. В настоящее время в историческом здании тюрьмы, заключённом в начале 1970-х годов в своеобразный декоративный «футляр», размещается Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Костромской области. Его современный адрес: ул. Советская, д. 88.

ловине XIX в., во время своих визитов в Кострому, острог посещали представители Дома Романовых. 8 октября 1834 г. здесь побывал император Николай I¹⁰, а 14 мая 1837 г. — цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II)¹¹.

До 1917 г. в стенах тюрьмы перебивали почти все участники революционного движения в Костроме и губернии. В мае 1879 г. здесь во время этапирования в Сибирь сидел писатель В.Г. Короленко¹². В конце декабря 1905 г. в камерах тюрьмы оказались члены исполнительной комиссии Костромского Совета рабочих депутатов¹³. В 1907 г. в тюрьме находилась группа матросов с восставшего броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» (после суда их разослали по тюрьмам всей страны)¹⁴. В 1908 г. здесь три месяца сидели четверо бывших депутата Первой Государственной Думы от Костромской губернии, члены кадетской партии, осуждённые за подписание известного Выборгского воззвания¹⁵.

3 марта 1917 г. к стенам губернской тюрьмы пришла огромная демонстрация рабочих и солдат, освободившая находящихся здесь политических заключённых¹⁶. В советское время всегда писали об этой демонстрации, но обычно умалчивали, что политзаключённых в тот день в тюрьме оказалось целых два человека¹⁷. В тот же день, 3 марта, в тюрьму была заключена группа сотрудников костромской полиции¹⁸.

До революции в тюрьме существовала домовая церковь в честь Феодоровской иконы Божией Матери, освящение которой состоялось в 1810 г.¹⁹ 10 марта 1917 г. в этой церкви произошло символическое действо — были «отслужены панихида по павшим борцам освободительного движения и благодарственный молебен за новое (Временное. — *Н.З.*) народное правительство»²⁰. Участники панихиды, наверное, думали, что они закрывают мрачную страницу в истории тюрьмы, но на самом деле они лишь открывали новую... *

В первые годы после прихода к власти большевики всячески демонстрировали, что советские исправдома не имеют ничего общего с царскими тюрьмами. Считалось, что при Советской власти, в отличие от царизма, преступника не карают, а исправляют и перевоспитывают. Над воротами Костромского исправдома висела надпись: «Просвещение. Исправление. Прощение» (мать Вера, конечно, видела эту надпись). С июня 1919 г. при исправдоме существовала учебно-воспитательная часть. Неграмотных заключённых обучали грамоте, им читали лекции, городские организации проводили для узников концерты²². Тюремная церковь в честь Феодоровской иконы Божией

* Молебен в тюремной церкви был отслужен 10 марта 1917 г., когда по всей стране отмечался Праздник революции, посвящённый памяти погибших участников освободительного движения. В этот день на Воскресенской площади Костромы была совершена панихида по павшим борцам за свободу, и прошёл массовый митинг²¹.

Кострома. Улица Советская. За этим декоративным фасадом находится историческое здание бывшей губернской тюрьмы, ныне — Следственный изолятор № 1.
Современное фото

Матери была закрыта в 1918 г., и в её помещении устроили клуб. Силами заключённых в клубе ставились спектакли. Первый такой спектакль прошёл в канун Нового года, 30 декабря 1920 г.²³

Впрочем, целиком порвать с мрачным прошлым получалось не очень. Заведующий исправительным домом К.Я. Гупарский воспринимал заключённых как бесплатную рабочую силу и патриархально эксплуатировал их в личных целях. Губернская газета «Красный мир» писала 23 августа 1924 г.: «Начальник Гупарский все домашние работы производит через заключенных. Пользуется он также казенными дровами, доставка которых производится также заключенными»²⁴.

Благодаря частым арестам мать Вера своими глазами могла наблюдать, как менялась советская тюрьма от относительно либеральных двадцатых годов к суровым тридцатым...

* * *

17 июня 1921 г. мать Веру в стенах исправдома допросил сотрудник губчека, уполномоченный А.И. Гуськов. По итогам допроса он вынес постановление, в котором говорилось: «(...) принимая во внимание имеющиеся в деле указания на подозрительность личности, образ жизни и род занятий последней (...) принять означенное дело к своему производству и приступить к следствию. Мерою пресечения уклониться от следствия и скрыть следы преступления избрать со-

держание Меркуловой Веры под стражей в Исправительном доме по I категории»²⁵.

Разумеется, насельницы бывшего Свято-Троицкого монастыря и почитатели матери Веры не оставили её в беде. По-видимому, почти сразу после её ареста в Кострому из Высокова и Сумарокова приехали несколько сестёр. Мы знаем только об одной — это Ксения Соловьёва, которая поселилась неподалёку от губчека.

Об этой женщине надо сказать особо. Ксения Васильевна Соловьёва родилась в 1888 г. в д. Барашково Шушкодомской волости Буйского уезда, в крестьянской семье. Она поступила в Свято-Троицкий монастырь в 1911 г.²⁶ и со временем стала одной из наиболее близких к матери Вере послушниц. Мы помним, как в апреле 1921 г. она пыталась защитить её и каким-то чудом сама тогда избежала ареста. Когда мать Веру увезли в Кострому, Ксения последовала за ней в губернский город. На допросе 17 июня 1921 г. мать Вера сказала следователю: «Ксения Соловьёва живет на Никольской улице, дом № 15, и она все видела, как меня истязал Разгуляев и может мои показания подтвердить»²⁷. Следовательно, к этому времени Ксения Соловьёва уже смогла навестить мать Веру в тюремной больнице.

Мать Вера называет улицу, где жила Ксения Соловьёва, старым названием, как наверняка продолжали называть эту улицу и все её жители. Отходящая от Сусанинской площади (с 1918 г. — площадь Революции) Никольская улица, названная так по расположенному в её первом квартале храму Николы Ратного, в 1918 г. была переименована в ул. Чрезвычайки — по разместившейся здесь губчека²⁸. Однако уже в 1920 г. её вновь переименовали — в ул. Свердлова, каковое название она носит и поныне*.

Старались помочь матери Вере и прихожане Высоковского прихода. 12 июня жители с. Высоково и деревень: Косинская, Чумсаново и Сергеево — отправили в губчека заявление (его получили там 17 июня). Подробно описав, как П. А. Разгуляев избивал мать Веру, крестьяне просили губернских чекистов «разобрать по справедливости, освободить гр-ку Веру Меркулову и отдать ее на наше попечение»²⁹.

16 июня граждане с. Высоково и д. Косинская вновь обратились в губчека с заявлением, в котором писали, что мать Вера — «человек скромный, тихий и уживчивый, что же касается выступлений против Соввласти, т.е. пропаганды или агитации, никогда не вела и не ведет и даже в своем присутствии не дозволяет никому против ее, т.е. власти, что-либо сказать неуважительное или противное, и всем и каждому говорила и говорит, что эта власть от Бога и нужно ей безпрекословно повиноваться». Они вновь просили губчека «освободить (...) Веру

* Переименование ул. Чрезвычайки в ул. Свердлова связано с тем, что в 1920 г. сюда с площади Революции переехал губком партии. Его руководство не захотело находиться на улице, названной в честь губчека, и её переименовали в честь покойного Я. М. Свердлова.

Меркулову из-под ареста, а если она в чем и виновна, то сдать нам до суда и следствия на поруки»³⁰.

27 июня жители Высокова, Косинской, Чумсанова и Сергеева вновь обратились в губчека с ещё одним прошением об освобождении матери Веры³¹. Под ним стояло больше сотни подписей. Подлинность подписей была заверена печатью Домнинского волисполкома и росписью его председателя М. Дьяконова*.

МАТЬ ВЕРУ ОТПРАВЛЯЮТ В МОСКВУ

ОДНАКО губернским чекистам не удалось завершить начатое следствие по матери Вере. В дело вновь вмешался Н.П. Орлеанский. Узнав, что мать Веру привезли в Кострому, заведующий подотделом Губюста по отделению церкви от государства уведомил об этом своё вышестоящее начальство — VIII (церковный) отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) — и настоял на том, чтобы Москва взяла решение её судьбы на себя.

27 июня 1921 г. Н.П. Орлеанский писал в Костромскую губчека: «Согласно полученных от VIII отдела НКЮ указаний, данных лично т. Орлеанскому, вывезенная из быв. Свято-Троицкого монастыря, затем Высоково, гр-ка (монахиня) Вера Меркулова, содержащаяся ныне в больнице при тюрьме, должна быть доставлена в Москву в VIII-й отдел для передачи ее в одно из учреждений Наркомздрава. Вместе с Меркуловой должен быть препровожден и протокол о нанесении ею побоев палкою лицам из администрации совхоза. Зав. отделом Н. Орлеанский»³².

9 июля 1921 г., выполняя «предписание» Н.П. Орлеанского, чекисты перевезли мать Веру через Волгу и на железнодорожном вокзале сели с ней на поезд до Москвы³³. В жизни Сумароковской подвижницы начиналась новая глава — московская.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА Н.П. ОРЛЕАНСКОГО

СКАЖЕМ здесь о дальнейшей судьбе Н.П. Орлеанского. В 1922 г. он, будучи членом губернской комиссии по изъятию церковных ценностей, активно участвовал в проведении в Костроме и губернии всероссийской кампании по изъятию церковных ценностей.

В октябре 1922 г. губернская газета «Красный мир» поместила два больших материала, посвящённых деятельности возглавляемых Н.П. Орлеанским ведомств — Губзагса и Губподотдела по отделе-

* Данный факт, как кажется, подтверждает наше предположение о том, что в первых числах июня 1921 г. кто-то из работников Домнинского волисполкома (может быть, даже с ведома самого председателя М. Дьяконова) предупредил мать Веру и жителей с. Высоково о направляющейся к ним из Буя группе захвата.

нию церкви от государства. По сути, эти материалы представляли собой интервью Орлеанского, в которых тот без зазрения совести хвастался своими достижениями. «За четыре с половиной года существования, — говорил он, — Костромским подотделом проделана большая работа: произведен учет всего церковного и монастырского имущества, ликвидированы духовная консистория, епархиальный совет, разные духовные попечительства, духовные школы и пр. Шаг за шагом подотдел освобождает население из-под гнета церкви. Церквей упразднено за 4 года в Костроме 19 из 63, монастырей 3, часовен 9. В губернии непосредственно губернским органом упразднено 7 церквей и 3 монастыря»³⁴ *.

Особо Н. П. Орлеанский отметил свои заслуги по закрытию Свято-Троицкого Сумарокова монастыря: «На местах декрет об отделении церкви проводился и проводится вообще очень медленно. Для характеристики укажем на Сумароковский (Галичский уезд) монастырь, который в 1920 г. долгое время продолжал существовать с полной монастырской обстановкой и полными штатами монахинь (220 чел.) под именем “совхоза” ** . То же было в Боголюбском монастыре (Макарьевский уезд). Только благодаря энергии губернского органа (то есть лично т. Орлеанского. — *Н.З.*) эти “клоповники” были ликвидированы»³⁵.

Будучи на хорошем счету у руководства VIII отдела Наркомата юстиции РСФСР, ведающим церковными делами, в 1924 г. Н. П. Орлеанский был переведён из Костромы в Москву на весьма высокий пост. 1 сентября 1924 г. в Костромской губисполком на имя его председателя пришла телеграмма из Президиума ВЦИК, в которой говорилось: «Заведующий губзаксом Орлеанский назначается ответственным секретарем по делам культов при ВЦИК. Предлагается откомандировать Орлеанского распоряжением Президиума ВЦИК. За секретаря ВЦИК П. Смидович»³⁶ ***.

5 сентября 1924 г. Президиум губисполкома на своём заседании постановил: «Согласиться на откомандирование для постоянной работы при Президиуме ВЦИК тов. Орлеанского с 1 октября с.г.»³⁸.

В столице Н. П. Орлеанский показал, что те, кто перевели его на работу в центр, не ошиблись. В 1930 г. в столичном издательстве «Безбожник» вышла его книга «Закон о религиозных объединениях

* В число 19-ти закрытых церквей Костромы входили, в основном, домовые и монастырские храмы. Три монастыря, закрытых в губернии (то есть за пределами г. Костромы), это — Никольский Староторжский (г. Галич), Свято-Троицкий Сумароков и Боголюбский (Макарьевский уезд).

** По-видимому, корреспондент «Красного мира» ошибся, записывая за Орлеанским. Имеется в виду, конечно, не совхоз, а коммуна.

*** Пётр Гермогенович Смидович (1874–1935 гг.) — старый большевик, видный партийный и государственный деятель. С 1922 г. — член Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), в 1924–1929 гг. — глава секретариата по делам культов при Председателе ВЦИК, в 1924–1934 гг. — председатель постоянной Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК. Похоронен у Кремлёвской стены в Москве³⁷.

РСФСР», в предисловии к которой автор писал, что она «имеет своей целью служить пособием и руководством товарищам, работающим в такой сложной отрасли работы, как отделение церкви от государства»³⁹. Книга эта была опубликована по решению Центрального совета Союза воинствующих безбожников (СВБ).

Дальнейшая судьба Н.П. Орлеанского нам неизвестна. У такого человека, как он, было немного шансов уцелеть в период террора 1937–1938 гг., когда жертвами репрессий стал, например, почти весь центральный аппарат Союза воинствующих безбожников. Однако ни в одном из списков репрессированных по Москве за это время имени Н.П. Орлеанского не встречается.

Про его сына Ориона Орлеанского, родившегося в Костроме в 1920 г., известно, что в 1940 г. он был призван Киевским райвоенкоматом г. Москвы в Красную армию. Орион Николаевич Орлеанский — участник Великой Отечественной войны, награждён медалью «За боевые заслуги». В 1985 г., в связи с 40-летием Победы, удостоен ордена Отечественной войны II степени⁴⁰.

В МОСКВЕ: УЗНИЦА ВЧК (1921–1923 гг.)

*Москва слезам не верит.
Пословица*

МАТЬ ВЕРУ ПРИВОЗЯТ В МОСКВУ

11 ИЮЛЯ 1921 г. костромские чекисты с матерью Верой прибыли в Москву — молодую столицу Советской России. На площади у Ярославского вокзала они наняли извозчика и поехали в центр города — на Кузнецкий мост, где на углу с Рождественкой во внушительном здании, бывшем доходном доме братьев П.М. и С.М. Третьяковых, размещался Народный комиссариат юстиции РСФСР*. Кто-то из чекистов прошёл в наркомат, нашёл VIII (культовый) отдел и доложил о доставке матери Веры. Решать судьбу арестантки из Костромы поручили эксперту отдела М.В. Галкину.

* * *

Михаил Владимирович Галкин, литературный псевдоним Горев (1885–1948 гг.) — одна из примечательных фигур той эпохи. Будучи священником, он после Октябрьской революции сложил с себя сан и пришёл на работу в органы Советской власти. Вскоре М.В. Горев-Галкин стал членом РКП(б), экспертом VIII отдела Наркомата юстиции и соредактором издаваемого отделом журнала «Революция и церковь». 11 апреля 1920 г. он участвовал во вскрытии раки с мощами преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре². Бывший священник стал одним из гонителей Церкви во всероссийском масштабе.

* * *

Когда Н.П. Орлеанский писал в Костромскую губчека о необходимости отправки матери Веры в Москву, «для передачи её в одно из учреждений Наркомздрава», он, конечно, сознательно лукавил. По-видимому, с самого начала заведующий подотделом Губюста предполагал, что в Москве её передадут совсем в другое учреждение. Так

* Адрес: ул. Кузнецкий мост, д. 7/9¹.

Москва. Угол Кузнецкого моста и Рождественки. Бывший доходный дом братьев П.М. и С.М. Третьяковых, в котором после революции располагался Наркомат юстиции РСФСР. Фото 1960-х гг.

и случилось. Когда костромской конвой предъявил М.В. Галкину бумажку из Костромской губчека о направлении матери Веры в VIII отдел Наркомата юстиции, тот написал на ней: «Направляется в ВЧК по принадлежности. 11/VII Галкин»³.

С Кузнецкого моста конвой повёз мать Веру на Лубянскую площадь к монументальному зданию бывшего страхового общества «Россия», где с весны 1918 г. размещалась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), и сдал её коменданту ВЧК⁴.

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАТЕРИ ВЕРЫ

ВМЕСТЕ с матерью Верой костромские чекисты сдали в ВЧК и дело, заведённое на неё в Костроме. Из ВЧК дело было передано в Московскую Чрезвычайную Комиссию (МЧК), в руки следователя Особого отдела МЧК Строганова. Получив дело, т. Строганов стал выяснять, где в Москве находится сама мать Вера, и обнаружил, что её нигде нет. Решив, что в столицу доставлено только дело В.А. Меркуловой, а сама она осталась в Костроме, он через своё начальство обратился туда. 22 августа 1921 г. в Костромскую губчека была отправлена телеграмма: «Сообщите МЧК содержится ли горардом * монахиня Меркулова Вера. Зампредседмосчека Леонов»⁵.

* Горардом — городской арестный дом.

Костромские чекисты ответили только через две недели с лишним — 9 сентября: «На Вашу шифро-телеграмму от 22/VIII – с.г. сообщаем, что гр-ка Меркулова Вера Антоновна отправлена нами вместе с ее делом на ее имя при отношении на ее имя от 9/VII – с.г. в VIII отдел НКЮ и по распоряжению последнего сдана в ВЧК. Основания ее направления вместе с делом в Москву изложены в заключении уполномоченного по этому делу и имело целью: 1) изоляция ее от темных масс крестьянства нескольких уездов, как ее считали “святой”, 2) исследование ее умственного и физического состояния»⁶.

4 сентября 1921 г. Строганов вновь отправил в Костромскую губчека телеграмму: «Немедленно вышлите МЧК препроводительные документы на арестованную монахиню Меркулову, куда, чью расписку она сдана. Меркулова местах заключения не значится. Опросите конвой»⁷. 23 сентября 1921 г. председатель Костромской губчека И.Я. Карро телеграммой ответил, что «монахиня Меркулова» сдана коменданту ВЧК 11 июля с.г., о чём получена квитанция № 8741⁸.

Прервём на миг рассказ о поисках пропавшей узницы и попробуем представить, как реагировали в Костромской губчека на известие о том, что в Москве не могут найти мать Веру. Вначале, наверное, чертыхались и ругали московских чекистов, которые умудрились потерять арестантку на Лубянке. Потом же, с каждым новым запросом из Москвы, в души всех причастных к этому делу, скорее всего, невольно проникал суеверный страх. Куда на самом деле могла деться

Москва. Лубянская площадь.
Moscou. Place Loublianskaïa.

Москва. Лубянская площадь. Здание страхового общества «Россия», в котором с 1918 г. располагалась Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Фото начала XX в.

эта проклятушая Верушка? Может быть, она заколдовала охрану, отвела ей глаза и вышла из тюрьмы? Обернулась птицей и улетела из темницы? Ведь не зря же её так почитает простой народ!

Между тем в Москве поиски таинственной пропавшей матери Веры продолжались. 27 сентября 1921 г. т. Строганов направил телефонограмму коменданту ВЧК: «Сообщите в секретный отдел МЧК следователю Строганову, где находится в настоящее время арестованная гр-ка Меркулова Вера Антоновна, сданная Вам 11 июля с.г. под квитанцию за № 8741 Костромской губчека»⁹. Ответ из ВЧК (телефонограмма от 4 октября) был краток: «По наведенным справкам гр-ка Меркулова в ВЧК не поступала. Секупрдел * ВЧК Шуб»¹⁰.

Получалось, что 11 июля 1921 г. мать Вера была сдана на Лубянке коменданту ВЧК, при этом костромской конвой получил квитанцию за № 8741, и после этого... исчезла, словно растворилась в воздухе. Отчаявшись найти таинственно пропавшую мать Веру, следователь Строганов пошёл к своему руководству и предложил вернуть её дело назад в ВЧК, раз первоначально арестантка из Костромы «сдана была в ВЧК»¹¹.

12 октября 1921 г. Коллегия МЧК на своём заседании обсудила этот вопрос (с докладом по нему выступил т. Строганов) и вынесла постановление: «Дело передать в ВЧК на распоряжение»¹². В ВЧК полученное обратно дело на мать Веру поручили, в свою очередь, следователю секретного отдела Иванову. Тов. Иванов в поисках матери Веры пошёл по второму кругу: он, как и Строганов, стал обзванивать места заключения в Москве. Например, 1 ноября он послал телефонограмму начальнику Бутырской тюрьмы: «Сообщите срочно в 7 отделение СО ВЧК, содержится ли у Вас заключенная Меркулова Вера Антоновна, откуда и на основании каких документов поступила»¹³. Ответная телефонограмма из Бутырской тюрьмы, полученная 3 ноября, гласила: «...гр-ка Меркулова Вера Антоновна в Бутырской тюрьме не содержится»¹⁴.

Однако, по-видимому, следователь секретного отдела ВЧК был более опытен, чем его коллега из МЧК: закончив с местами заключения, он стал обзванивать тюремные больницы. И, наконец, удача улыбнулась т. Иванову. Пропавшая гражданка Меркулова Вера Антоновна нашлась в главный пролетарский праздник — 7 ноября 1921 г.

МАТЬ ВЕРА НАШЛАСЬ

7 НОЯБРЯ в 14 часов 45 минут, когда по улицам Москвы ещё тянулись колонны демонстрантов, отмечавших четвёртую годовщину пролетарской революции, Иванов получил телефо-

* Секупрдел — управляющий делами секретного отдела.

нограмму от заведующего административной частью 1-й Московской тюремной больницы Говорова. В ней говорилось: «...сообщаю, что гр-ка Меркулова Вера Антонова с 11/VII с.г. находится на излечении в 1-й Московской тюремной больнице и за все время содержания допрошена ни разу не была (при всем желании товарищи, ведущие следствие, не могли её допросить, так как не знали, где она находится. — *Н.З.*), причем присовокупляю, что в случае необходимости ее допроса тов. следователя прошу приехать в больницу, т.к. Меркулова больная носилочная»¹⁵.

В тот же день, то есть 7 ноября, т. Говоров направил в ВЧК официальную бумагу, в которой писал: «Прошу сообщить ведется ли следствие по делу Меркуловой В. А., т.к. она содержится под стражей в больнице с 11 июля с.г. и ни одного раза не была допрошена. Прибыла Меркулова в больницу при служебной записке от того же числа за № 19 подписанной заведующим приемом арестантов ВЧК Николаевым»¹⁶.

Получив телефонограмму из тюремной больницы, т. Иванов, наверное, перекрестился двумя руками: таинственная пропавшая арестантка из Костромы была обнаружена. Таким образом, мать Вера нашлась ровно через четыре месяца после того, как её привезли в ВЧК. Получалось, что центральный аппарат самого могущественного ведомства Советской России с июля по ноябрь не мог найти человека, уже арестованного и находящегося внутри системы. Впрочем, чекистов можно понять: арестованных людей во множестве привозили и увозили на Лубянку со всех концов страны, так что легко было и запутаться.

1-я Московская тюремная больница находилась по адресу: Москва, ул. Лесная, д. 43¹⁷. Лесная улица, названная так по расположенным здесь лесным складам, находилась в районе Брестского (Белорусского) вокзала¹⁸. 18 ноября 1921 г. т. Иванов приехал в тюремную больницу и в первый раз допросил мать Веру. Она подробно рассказала о событиях апреля – июня 1921 г.

30 ноября помощник уполномоченного 7-го отделения Секретного отдела ВЧК Пименов вынес по делу матери Веры заключение, в котором говорилось: «1) Гражданка Меркулова Вера Антоновна, прикрываясь религиозным флагом, в продолжение нескольких лет играла на религиозных чувствах, пользуясь темнотой крестьянских масс, бесстыдно эксплуатировала крестьян, найдя в этом верный источник дохода для удовлетворения личных интересов. Разжигая религиозный фанатизм, этим затрудняла Советской власти работу по привитию трудовому народу коммунистических идей.

2) Используя свой авторитет среди населения, возбуждая массы против Рабоче-Крестьянской власти и ее законов и сама лично не исполняя таковые, затрудняла таким образом Советской власти борьбу за раскрепощение трудового народа.

3) тов. Разгуляев Петр Александрович своими бестактными действиями вызвал эксцессы со стороны крестьянских масс и таким образом чуть не довел до вооруженного столкновения.

Полагаю: 1) Гражданку Меркулову Веру Антоновну, являющуюся элементом паразитическим, имеющую влияние на массы, каковым она пользуется во вред Совласти, для пресечения и предупреждения в будущем таковой возможности изолировать, заключив в концентрационный лагерь принудительных работ в г. Архангельске сроком на 2 года без зачета предварительного заключения, но в виду ее болезненного состояния до выздоровления оставить в Бутырской больнице на излечении. 2) Тов. Разгуляева Петра Александровича, заведующего отделом социального обеспечения Галичского уезда, члена РКП, привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого, как коммуниста и ответственного советского работника за неумышленные действия, создавшие осложнение и дискредитирующие Советскую власть для каковой цели копию заключения и постановления направить в ЦК РКП и губком»¹⁹.

2 декабря 1921 г. мать Веру перевели из 1-й Московской тюремной больницы во 2-ю Московскую (Лефортовскую) тюремную больницу, которая находилась в Бригадирском переулке²⁰.

4 сентября 1922 г. старший врач этой больницы выдал свидетельство о здоровье матери Веры, где было сказано, что она «страдает параличом обеих нижних конечностей на почве истерии. Двигаться больная не может»²¹.

13 декабря 1921 г. Президиум ВЧК принял по матери Вере следующее постановление: «По излечении в Бутырской больнице выслать на жительство в Туркестан»²².

ПОЧИТАТЕЛИ МАТЕРИ ВЕРЫ ВЫСТУПАЮТ В ЕЁ ЗАЩИТУ

ПОЧИТАТЕЛИ матери Веры, узнав, что из Костромы её отправили в Москву, стали обращаться с прошениями в её защиту в самые высокие инстанции.

9 декабря 1921 г. в Приёмную Председателя ВЦИК М.И. Калинина поступил приговор жителей с. Высоково и д. Косинская. В приговоре говорилось: «1921 года октября 24 дня. Мы, нижеподписавшиеся, граждане Костромской губернии, Буйского уезда, Домнинской волости, села Высокова и д. Косинской; сего числа на общем собрании имели суждение о гражданке нашего села Вере Антоновне Меркуловой, которая была 9 июля с/г. препровождена в Кострому*, а оттуда в город Москву — Бутырскую тюрьму, где она и по сие время находится

* Неточность: 9 июля 1921 г. мать Вера была отправлена из Костромы в Москву.

и об освобождении ее было нами подано неоднократно заявлено, как губернской, так и Центральной власти, но о результатах нам не известно (...).

Меркулова человек скромный и благонадежный, против советской власти агитации и пропаганды никогда не вела (...)²³.

В конце приговора говорилось, что жители с. Высоково и д. Косинская единогласно решили: «Просить центральную власть, если она найдет возможным освободить ее Меркулову из-под стражи и дать ей свободный пропуск для следования сюда в село Высоково, где нам желательно чтобы она и проживала и принимаем ее в среду себя, а так как она человек больной, то и обязуемся все ее содержать на свои средства»²⁴. Под приговором стояло несколько десятков подписей.

В ноябре 1921 г. в защиту матери Веры выступил даже Домнинский волостной исполком. 13 ноября 1921 г., по просьбе жителей с. Высоково, волисполком выписал на её имя удостоверение, в котором говорилось: «Домнинский волисполком сим удостоверяет, что со стороны волисполкома к проживанию в пределах Домнинской волости гр-ки Веры Антоновны Меркуловой никаких препятствий не встречается, так как гр-ка Меркулова в политическом отношении насколько известно исполкому, является совершенно беспристрастным человеком, что и удостоверяется подписью с приложением печати. Председатель Лебедев»^{25*}.

По-видимому, в ноябре 1921 г. в Москву приехала и ближайшая помощница матери Веры — Ксения Васильевна Соловьёва. Поселившись в Страстном женском монастыре, она периодически навещала мать Веру и старалась сделать всё для её освобождения. Ксения Васильевна обратилась к присяжному поверенному (адвокату) Александру Александровичу Иловайскому**, который, по-видимому, предложил, чтобы официально в защиту матери Веры в инстанции обращалась не Ксения Васильевна, а другое лицо. Таким человеком стала одна из насельниц Страстного монастыря — Дарья Михайловна Юдина (о ней — чуть ниже), которую было решено выдать за родственницу матери Веры.

А. А. Иловайский обратился в Московский комитет Политического Красного Креста***, и в конце декабря 1921 г. последний выступил в защиту матери Веры. В обращении Московского комитета Полити-

* Данный факт ещё раз подтверждает наше предположение о том, что в июне 1921 г., когда в Высоково из Буя была послана группа милиционеров для ареста матери Веры, именно сотрудники Домнинского волисполкома заранее предупредили об этом высококовцев.

** В 1913 г. А. А. Иловайский был помощником присяжного поверенного и проживал в Москве по адресу: Монетчиков переулок, д. 2/1, кв. 3²⁶.

*** Московский комитет Политического Красного Креста, возникший в 1918 г., ставил своей целью помощь политическим заключённым. Возглавляла его Екатерина Павловна Пешкова (1876–1965 гг.), бывшая жена писателя Максима Горького. Л. Э. Разгон в своих воспоминаниях назвал Политический Красный Крест учреждением «странным и чужеродным всей нашей системе»²⁷. Политический Красный Крест просуществовал до 1937 г.

ческого Красного Креста на имя начальника следственной части при Президиуме ВЧК В.Д. Фельдмана (на бумаге стоит штамп о получении 20 декабря 1921 г.) говорилось:

«Находящаяся в Московской тюремной больнице гр. Вера Антоновна Меркулова обратилась к Московскому Политическому Кресту с просьбой возбудить ходатайство об ускорении производства следствия по ее делу, причем объяснила, что она была арестована 20/IV – с.г. по ордеру Костромской Губ.Ч.К. в б. Свято-Троицком монастыре Галичского уезда Костромской губернии, 11/VI отправлена в Москву. (...) Гр. Меркулова заявляет, что и при аресте и при перевозе ее (...) она была подвержена избиениям со стороны лица производившего арест, гр. Петра Разгуляева. Вследствие этих побоев гр. Меркулова по доставлении в Москву была помещена в тюремную больницу; удостоверение ординатора больницы от 19/X с.г. о порезах нижних конечностей Меркуловой было изложено при докладной записке Красного Креста от 27/X–21 г.»²⁸. Политический Красный Крест просил ускорить расследование этого дела.

В защиту матери Веры активно выступала Дарья Михайловна Юдина, в своих заявлениях в высокие инстанции, в частности во ВЦИК, называвшая себя её родственницей (разумеется, эти заявления от её имени писал присяжный поверенный А.А. Иловайский).

21 апреля 1923 г. Дарья Михайловна была допрошена в качестве свидетеля и показала, что ей 24 года, родом она из д. Юдино Малоярославского уезда Орловской губернии и является насельницей Страстного монастыря (свой адрес, который она указывала в прошении — ул. Тверская, д. 44, был адресом Страстного монастыря). Дарья Михайловна была землячкой матери Веры, а родственницей она называла себя, чтобы иметь право выступать в её защиту. На допросе она указала: «Веру Антоновну Меркулову я узнала только после освобождения ее из Лефортовской тюрьмы, когда она прибыла в Страстной монастырь, в родстве с нею не состою. Когда Меркулова была в тюремной больнице, я хлопотала, чтобы ее освободили, и выдала себя за родственницу»²⁹.

25 сентября 1922 г. Д.М. Юдина обратилась с заявлением в Президиум ГПУ, в котором писала: «Постановлением Президиума ВЧК в декабре месяце 1921 г. родственница моя Вера Антоновна Меркулова была приговорена к высылке по выздоровлению в Туркестан на жительство. Для излечения означенная В.А. Меркулова была помещена в Лефортовскую тюремную больницу, где находится и по настоящее время, подвергаясь тюремному режиму.

Из прилагаемого при сем свидетельства старшего врача тюремной больницы видно, что В.А. Меркулова страдает параличом обеих ног, двигаться не может и, таким образом, находясь в тюремной больнице, должна всю жизнь подвергаться тюремному содержанию, то есть та-

кого рода наказанию, к какому она даже и не была присуждена Президиумом ВЧК, постановлением которого она была лишь присуждена к высылке в Туркестан для лишения свободы на жительство.

Не зная, в чем заключается ее проступок, я прошу Президиум ВЧК облегчить участь В. А. Меркуловой (...). Повторяю, что в Лефортовской тюремной больнице В. А. Меркулова содержится около года и терпит невероятные и ненужные мучения, как присужденная только к высылке на жительство в Туркестан»³⁰.

12 декабря 1922 г. Дарья Михайловна обратилась с заявлением в Московскую губернскую комиссию по применению амнистии 1922 г. к лицам, осужденным упраздненными в этом году органами ВЧК. В заявлении она писала: «Настоящим ходатайствую о применении амнистии от 1921 и 1922 года к содержащейся в Лефортовской тюремной больнице В. А. Меркуловой. В. А. Меркулова арестована была еще в мае 1921 г., присуждена ВЧК к высылке в Туркестан, но, по случаю неизлечимой болезни — паралича обеих ног, до сих пор находится в тюремной больнице под стражей, тогда как в самом наказании содержание под стражей ей не было определено. Прошу распоряжение Комиссии о освобождении В. А. Меркуловой для лечения на свободе»³¹.

А пока вокруг освобождения матери Веры шла борьба, сама она продолжала находиться в Лефортовской тюремной больнице. Иногда мать Веру навещали посетители, приезжавшие из Сумароковской округи. Её крестница, Мария Ивановна Райкина (1919 г.р.), позднее вспоминала: «В 1922 году я ездила с мамой навещать матушку Веру в тюрьму. Маму на свидание не пустили, а меня взял на руки милиционер и отнёс в камеру к матушке, где она находилась одна. Как крестнице, матушка подарила мне рисунок святой Нины, выполненный карандашом на листочке бумаги, скорее всего, тоже одним из заключённых. На обратной стороне этого рисунка подпись карандашом сделана рукой матушки Веры: "На память крестнице Мусе (...) из московской тюрьмы больницы. 1 мая 1922 г., воскресенье"»³².

МАТЬ ВЕРА ВЫХОДИТ ИЗ-ПОД СТРАЖИ: В СТРАСТНОМ И АЛЕКСЕЕВСКОМ МОНАСТЫРЯХ

ХЛОПОТЫ адвоката А. А. Иловайского и Д. М. Юдиной увенчались первым успехом. 23 января 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором говорилось: «Рассмотрев по ходатайству Дарьи Михайловны Юдиной о помиловании осужденной 13/ХП–21 г. Коллегией ВЧК о высылке на жительство в Туркестан содержащейся в Лефортовской тюремной больнице Веры Антоновны Меркуловой. Президиум ВЦИК постановил: Веру Антоновну Меркулову из-под стражи освободить без права выезда из Москвы. Секретарь ВЦИК

Москва. Страстной женский монастырь и памятник А.С. Пушкину на Тверском бульваре. Фото начала XX в.

Енукидзе»³³. 25 января 1923 г. Коллегия ОГПУ постановила освободить мать Веру из-под стражи без права выезда из г. Москвы³⁴.

В тот же день начальник Лефортовской тюремной больницы получил особый талон, в котором говорилось: «С получением сего немедленно освободить из-под ареста гр. Меркулову Веру Антоновну. С освобожденной взять подписку о невыезде из г. Москвы»³⁵. Под документом стояла подпись Управляющего делами ГПУ.

26 января 1923 г. матери Вере было вручено удостоверение, в котором говорилось, что она «из-под стражи освобождена под подписку о невыезде из Москвы»³⁶, и её отпустили на свободу. У тюремных ворот мать Веру встретила верная Ксения Соловьёва и привезла её в Страстной монастырь.

* * *

Московский монастырь во имя Страстной иконы Божией Матери был основан царём Алексеем Михайловичем в 1654 г. К началу XX в. монастырский городок занимал в центре Москвы почти целый квартал. Перед обителью лежала Страстная площадь и проходила Тверская улица. Прямо напротив монастырской колокольни, на Тверском бульваре, стоял знаменитый памятник А.С. Пушкину, открытый в 1880 г.

Официально Страстной монастырь был закрыт 30 марта 1919 г., но ещё несколько лет в его зданиях проживало около двухсот насельниц³⁷ *.

* * *

По-видимому, Ксения Соловьёва заранее попросила настоятельницу Страстного монастыря игумению Нину (Закатову) ** приютить на время вышедшую из тюрьмы мать Веру. Через несколько дней в обители на Страстной площади началось то, что всегда происходило там, где проживала мать Вера, — к ней потоком пошли люди.

Позднее в Обвинительном заключении против матери Веры, со ссылкой на показания, данные 31 марта 1923 г. настоятельницей Страстного монастыря игуменией Ниной (Закатовой), было записано, что «26/Г – 23 г. явилась к ней Меркулова и заявила, что она калека, что ей нечем жить и просила приютить ее. Первые 5-ть дней Меркулова жила спокойно, а затем к ней стали ходить верующие, приносили больных для исцеления, появились кликуши. Паломничество увеличивалось с каждым днем, монахини стали жаловаться игуменье на скопление верующих. Это скопление верующих заметила и сама Закатова и решила, что это до хорошего не доведет. Закатова заявила Меркуловой, что если она здесь хочет пожить, то чтобы прекратила прием верующих, на что Меркулова ответила, что она не может жить без группировки верующих, что ее послал на это Господь. Тогда игуменья Страстного монастыря предложила Меркуловой уехать, куда она хочет. 5/П – 23 г. Меркулова уехала в Алексеевский монастырь»⁴⁰.

В кривом зеркале Обвинительного заключения видно, что уже через пять дней после своего поселения в Страстном монастыре мать Вера, как и всегда, была окружена множеством народа. Неодобрение этого настоятельницы Нины и других монахинь нельзя не понять: находящийся в самом центре красной Москвы монастырь формально был закрыт и все его насельницы проживали в нём на птичьих правах. Власти могли воспользоваться паломничеством к матери Вере как предлогом для окончательного закрытия обители.

5 февраля 1923 г. мать Вера оставила монастырь на Страстной площади и вместе с Ксенией Васильевной Соловьёвой уехала на окраину Москвы — в Алексеевский женский монастырь. Настоятельница Алексеевской обители игумения Мария (Преженцова) позднее на допросе показала: «Вера Меркулова приехала в Алексеевский монастырь

* Окончательно Страстной монастырь закрыли в 1928 г. В 1929 г. в нём открылся Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ). Все строения монастыря снесены в 1937 г. В 1931 г. Страстная площадь переименована в Пушкинскую. В 1950 г. памятник А. С. Пушкину перенесён на место, где стояла колокольня монастыря, и развернут на 180 градусов. В 1961 г. на месте монастыря построен известный кинотеатр «Россия»³⁸.

** Игуменья Нина (Наталья Сергеевна Закатова) родилась в 1862 г. в семье священника села Братцево Московского уезда³⁹. Она — последняя настоятельница Страстного монастыря.

Москва. Алексеевский женский монастырь. Фото начала XX в.

в сопровождении своей монашки-келейницы Ксении Соловьевой на извозчике и явилась ко мне, прося меня приютить ее. При этом Вера сказала, что она только что вышла из тюрьмы»⁴¹.

Чуть позже в Алексеевский монастырь приехала и Евфросинья Карепина. 22 марта 1923 г. на допросе в Московском губотделе ОГПУ она показала: «Когда я приехала в Москву, то Веру застала в Алексеевском монастыре»⁴².

* * *

Алексеевский монастырь находился на окраине тогдашней Москвы, в Красном селе. Его официальный адрес был: ул. Верхняя Красносельская, дом 7.

Как известно, этот монастырь, основанный около 1360 г. родными сёстрами святителя Алексея, митрополита Московского, Евпраксией и Иулианией, за свою историю дважды «переезжал» с места на место. Он был основан на Остоженке, а в 1547 г., после пожара, его перенесли ближе к Кремлю на так называемое «Чертолье». До 1837 г. он находился на месте, где сейчас стоит восстановленный храм Христа Спасителя. В 1837 г. император Николай I решил построить на этом месте храм, а монастырь перенести в пригородное Красное село.

К началу XX в. Алексеевский монастырь представлял собой настоящий городок с четырьмя храмами (главным из них был собор Алексея человека Божия) и большим кладбищем. Обитель окружала каменная ограда с башнями. К 1917 г. в монастыре проживало около

70-ти насельниц⁴³. Настоятельницей монастыря была игуменья Мария (Зинаида Иосифовна Преженцова), родившаяся в 1864 г. в Москве, в дворянской семье⁴⁴.

К началу 1923 г. значительная часть помещений у Алексеевского монастыря была изъята и заселена жильцами.

* * *

С первых дней пребывания матери Веры в Алексеевском монастыре к ней опять возобновилось массовое паломничество. На допросе 31 марта 1923 г. игуменья Мария (Преженцова) показала: «Первое время Вера жила тихо, а потом стал ходить к ней народ. Сначала народу ходило немного, а потом с каждым днем все увеличивался»⁴⁵.

Чуть позже в Обвинительном заключении о паломничестве к матери Вере было сказано: «Свидетельскими показаниями лиц, проживающих во дворе Алексеевского монастыря, подтверждается, что в Алексеевский монастырь приходило (к матери Вере. — *И.З.*) ежедневно около 500–600 верующих, приходили из разных концов города и из деревень и приносили подарки Меркуловой»⁴⁶. В частности, к матери Вере ходило много рабочих и работниц машиностроительного завода имени товарища Маленкова (бывший «Вартце и Мак-Гилль»). Завод этот находился неподалеку от монастыря на Малой Красносельской улице и носил имя его бывшего рабочего, председателя Сокольнического райсовета Емельяна Михайловича Маленкова (1890–1918 гг.), погибшего в Гражданскую войну. Как показало следствие, в числе тех, кто посещал мать Веру, были даже коммунисты и кандидаты в члены партии.

НОВЫЙ АРЕСТ

КОНЕЧНО, с того момента, когда к матери Вере в Алексеевский монастырь массово пошёл народ, местный актив стал сигнализировать о ней органам. Имя одной доносчицы нам известно. Живущая в монастыре 25-летняя Полина Михайловна Левицкая, делопроизводитель Наркомата внешней торговли и член РКП(б) с 1918 г., которую раздражало скопление людей, пришедших к матери Вере, написала куда надо. 22 марта 1923 г. на допросе она, как свидетель, показала: «Когда же все это стало противно до невозможности, ибо нельзя было пройти по двору, ввиду большой толпы, я подала заявление через одного товарища из районного отдела Г.П.У.»⁴⁷

Конечно, власти не могли не реагировать на такие сигналы. 16 марта 1923 г. помощник уполномоченного секретной части Московского губернского отдела ГПУ И. А. Думницкий вынес постановление, в котором говорилось: «(...) рассмотрев сведения (...) о появившейся в Алексеевском монастыре, что по Красносельской улице, монахини

пророчицы Веры, 46 лет, проживающей там, установил: что Вера распространяет слухи среди суеверной массы населения и рабочих в том, что она была посажена коммунистами за веру в тюрьму, где производились пытки и отрезались ей ноги, что она агитирует против Соввласти и о скором падении ее. Что Вера после обедни призывает молящихся под ее благословение и с каждым говорит на антисоветские темы, как-то: о скором еврейском погроме и т.п.

Из вышесказанного видно, что деятельность Веры имеет признаки преступления, предусмотренного ст. 69 Уголовного кодекса, а потому постановил: завести следственное дело на монахиню Веру, 46 лет, проживающей в Алексеевском монастыре и принять его к своему производству, избрать содержание ее под стражей, т.к. нахождение ее на свободе может повлиять на ход следствия. Арестованную Веру направить непосредственно в Бутырскую тюрьму и содержать ее в одиночной камере»⁴⁸.

16 марта 1923 г. мать Вера вновь была арестована (напомним, что она вышла на свободу из предыдущего заключения только 26 января)⁴⁹. По показанию свидетеля, «ее увезли в черной карете в Чрезвычайку»⁵⁰. Как известно, в 1922 г. ВЧК переименовали в ГПУ, а потом в ОГПУ, но народ все ещё называл эту организацию «Чрезвычайкой».

Из монастыря мать Веру привезли в Бутырскую тюрьму. Однако она пробыла в камере только сутки. 17 марта тюремный врач констатировал у неё паралич обеих ног, и мать Веру вновь отправили в столь знакомую ей Лефортовскую тюремную больницу в Бригадирском переулке⁵¹.

Началось новое следствие. 18 марта следователь И. А. Думницкий допросил мать Веру. Примечательно, что в протоколе, в анкете арестованной, он указал оба имени допрашиваемой — и мирское (Вера Антоновна Меркулова) и монашеское (Ксения)⁵². 22 марта следователь допросил Ксению Васильевну Соловьёву и Евфросинью Кирилловну Карепину. Обе они подробно рассказали всю историю о том, как мать Вера оказалась в Москве.

Большинство других свидетелей являлись членами РКП(б) и на допросах высказывались о матери Вере как и подобает большевикам. 22 марта упоминавшаяся выше П. М. Левицкая заявила: «Полагаю, что все такие типы, как “матушка Вера” во главе со всеми живущими монашками, как элемент настраивающий население против власти (...) надлежит немедленному выселению за пределы Москвы, чтобы население не имело возможности с ними связываться, а такого типа как “мать Вера” следовало бы убрать подальше, чтобы с ней и монашки не имели связи»⁵³.

В тот же день другой свидетель — живущий в монастыре Александр Сергеевич Котылев (38 лет), слесарь завода имени тов. Маленкова и кандидат в члены РКП(б), показал: «Что касается св. Веры

скажу большое спасибо, что убрали ее из Алексеевского монастыря. Было полное безобразие. Двор монастыря проходной, народ сновал-ходил, приходил и уходил до 12, 1 и 2 часов ночи. (...) Ходила публика больше из интеллигентов, заходила беднота и рабочие»⁵⁴.

23 марта другой рабочий — литейщик завода имени т. Маленкова, член РКП(б) Александр Прокофьевич Кузнецов, показал: «Слухи шли, что в Алексеевском монастыре есть какая-то пророчица и предсказательница (...). Проходя однажды мимо этого монастыря я увидел бегущую в этот монастырь толпу. Я заглянул во двор монастыря и увидел толпу народа и среди ее женщину сидящую в белом одеянии. Из толпы народ подходил по очереди к пророчице»⁵⁵.

26 марта И. А. Думницкий допросил коменданта дома № 7 Андрея Григорьевича Ионкина. Тот показал: «Будучи комендантом дома № 7 по Верхне-Красносельской улице во дворе Алексеевского монастыря, я наблюдал, что к монастырю стекается очень много народу из разных концов и издалека. Этот народ толпился во дворе, стараясь попасть к Вере-пророчице-ясновидящей. Ежедневно и вернее каждые сутки толпилось народа человек 500–600. Добраться до Веры было очень трудно, так как была очень большая очередь. Появлялась разная беднота, рабочие и интеллигенты. Приходилось наблюдать, чтобы поскорее попасть к Вере барыньки идут к монашкам в келью и оттуда идут во двор в сопровождении монашек и, хотя не приходилось замечать, но есть основание полагать, что монашкам платили за то, что они проводили к Вере без очереди.

Среди стоящего народа много говорили о чудотворении Веры, говорили, что Вера была в тюрьме, где держали ее на льду, отчего она потеряла ноги. На лед якобы сажали Веру, как применение меры пыток»⁵⁶.

В конце апреля следователь И. А. Думницкий решил привлечь к делу матери Веры и настоятельницу Алексеевского монастыря игумению Марию (Преженцову). 25 апреля он вынес постановление «О предъявлении обвинения и о мере пресечения» игумении Марии. В постановлении говорилось: «Игумения Алексеевского монастыря Преженцова Зинаида Иосифовна (Мария) дала возможность вселившейся в этот монастырь тайной монашке Меркуловой В. А. принимать у себя в келье, во дворе монастыря и в церкви темные массы населения, среди которого велась Меркуловой и приближенными её агитация против власти Советов с целью свержения ее. Из вышеизложенного устанавливается, что гр-ка Преженцова З. И. достаточно изобличается в пособничестве преступным деяниям Меркуловой В. А., предусмотренных ст. 69 и 119, а потому (...) постановил: названную Преженцову З. И. привлечь в качестве обвиняемой (...) и, принимая во внимание, что Преженцова оставаясь на свободе, может повредить интересам делу следствия, применить к Преженцовой меру пресечения, заключением

ее под стражу»⁵⁷. В тот же день, 25 апреля 1923 г., игумения Мария, как «пособница» матери Веры, была арестована и заключена в Бутырскую тюрьму.

30 апреля 1923 г. насельницы Алексеевского монастыря обратились к И. А. Думницкому с прошением об отдаче матери игумении им на поруки, обязуясь доставить её по первому требованию к следователю или в суд. Свою просьбу они мотивировали плохим состоянием здоровья настоятельницы. Игумения Мария, писали они «имеет преклонный возраст и болезненное состояние, перенесла операцию обоих глаз в Тверской глазной больнице (операцию производил д-р Страхов) и до дня ее ареста находилась на домашнем излечении болезни ног докторов: Сокольнической больницы д-ра Галицкого и Бахрушинской д-ра Лапина и поэтому всегда нуждается лечением и уходом постоянной помощи»⁵⁸. Под прошением стояла 161 подпись.

Разумеется, чекисты проигнорировали прошение насельниц Алексеевской обители. Однако состояние здоровья игумении Марии действительно было тяжёлым, и через какое-то время её из тюрьмы перевели в Лефортовскую тюремную больницу (во всяком случае, в июне 1923 г. заключенная М. И. Преженцова находилась в этой больнице)⁵⁹.

9 мая 1923 г. т. Думницкий вынес против матери Веры и матери Марии Обвинительное заключение, в котором постановлял:

«1) Члену организации «Православная церковь», т. н. тайной монахине Вере Антоновне Меркуловой, из крестьян, 54 лет, предъявить обвинение по ст. ст. 119, 73, 83 Уголовного кодекса, выразившееся в а) в агитации среди верующих к свержению Соввласти; б) в измышлении и распространении с целью вызвать к себе сострадание верующих, как пострадавшей от коммунистов, и контр-революционной целью ложных слухов и нанесении ей коммунистами побоев, пыток и истязаний в Бутырской тюрьме, поведшей к потере ног; в) в возбуждении национальной вражды и розни агитацией, направленной к погромам и избиениям евреев.

2) Члену организации «Православная церковь» игуменье Алексеевского монастыря Преженцовой Зинаиде Иосифовне, из дворян, 59 лет, предъявить обвинение по ст. ст. 16, 119, 73 Уголовного кодекса, как пособнице Меркуловой, содействовавшей выполнению преступлений Меркуловой сокрытием ее и дачи ей возможности вести в Алексеевском монастыре к.-р. деятельность»⁶⁰.

Примечательно, что заключение констатировало факт ношения матерью Верой вериг. В нём говорилось: «Меркулова носила вериги, что было известно верующим, считающим Меркулову святой»⁶¹.

Обвинительное заключение завершал следующий крайне интересный абзац: «Настоящее дело, — писал И. А. Думницкий, — по существу своему имеет все признаки для передачи его в Московский губернский суд, но т. к. Меркулова совершенно не владеет ногами,

не может самостоятельно двигаться, то разбор этого дела в гласном суде был бы затруднителен и невозможен, как по причине того, что Меркулову надо все время держать на носилках, так и потому, что Меркулова воспользовалась бы случаем повести широкую агитацию среди присутствующих на суде, что на суд явится много верующих в нее, как в пророчицу и мученицу, а потому как по отношению Меркуловой, так и ее пособнице Преженцовой целесообразнее применить административную высылку как общественно опасных элементов. Срок высылки полагал бы для Меркуловой — 3 года, для Преженцовой — 1½ года»⁶². Данное Обвинительное заключение утвердили начальник VI отдела секретной части Московского губотдела ГПУ т. Шмелёв и начальник секретной части т. Савватиев⁶³.

Казалось, судьба матери Веры и матери Марии была предрешена. Однако товарищи чекисты могли лишний раз убедиться, что человек предполагает, а располагает совсем не он. Через какое-то время дела матери Веры и матери Марии были забраны из ведения Московского губотдела ОГПУ и переданы в 6-е отделение Секретного отдела ОГПУ на Лубянке. То есть решение вопроса о судьбе матери Веры перешло в ведение главного подразделения ОГПУ, ведавшего борьбой с религиозными организациями. Начальником 6-го отделения секретного отдела ОГПУ в 1922–1929 гг. был Евгений Александрович Тучков (1892–1957 гг.), который одновременно в эти же годы состоял ответственным секретарём Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б). Фактически Е. А. Тучков в 20-е годы был вторым после Емельяна Ярославского гонителем всех церковников и верующих в Советском Союзе и представлял собой что-то вроде советского обер-прокурора⁶⁴.

В конце июня вышестоящие товарищи приняли решение: отпустить мать Веру и мать Марию на свободу. 28 июня 1923 г. сотрудница 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ т. Якимова покончила с делом матери Веры и матери Марии. В вынесенном ей заключении говорилось: «Дело возникло на основании поступивших сведений об антисоветских действиях вышеназванных граждан. Принимая во внимание, что инкриминируемое им обвинение следствием не доказано (...) полагала бы: из-под стражи их освободить, дело следствием прекратить и сдать в архив 6-го отделения СОГПУ»⁶⁵. На заключение были наложены резолюции четверых высокопоставленных чекистов. Одна читается четко: «Согласен: Е. Тучков». Вторую подпись нам разобрать не удалось. Две другие, если мы не ошиблись в прочтении, гласят: «Согласен. 16.VII/ — 1923 г. Дзержинский» и «Согласен. 17.07.23 г. Уншлихт»⁶⁶. Напомним, что И. С. Уншлихт в то время был заместитель председателя ОГПУ, а Ф. Э. Дзержинский — председатель ОГПУ.

18 июля 1923 г. Коллегия ОГПУ постановила освободить и мать Веру и мать Марию⁶⁷. Нельзя не задаться вопросом: с чего вдруг такой гуманизм? Только что, как «общественно опасных элементов», обеих

игумений собирались законопатить в ссылку и вдруг — «из-под стражи освободить». И когда это в те годы чекисты придавали значение доказанности или недоказанности обвинения, если речь шла о классовых врагах? Дело в том, что в конце июня 1923 г. партийно-советская верхушка предприняла тактический маневр по отношению к Русской Церкви. 29 декабря 1929 г. на допросе в Котельниче мать Вера показала, что находилась в заключении в Москве до июля месяца 1923 г., а при освобождении Патриарха Московского и всея Руси Тихона вышла на свободу и она⁶⁸ (напомним, что святителя Тихона выпустили из-под стражи на Лубянке 27 июня 1923 г.⁶⁹). Судя по всему, освобождение матери Веры было действительно связано с выходом на свободу Предстоятеля Русской Церкви. Решение об освобождении Патриарха Тихона приняла на своём заседании 26 июня 1923 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б). Тогда же ОГПУ было поручено «пересмотреть все дела высланных церковников на предмет амнистирования наименее из них вредных»⁷⁰. Мать Вера и мать Мария явно попали под этот «пересмотр».

В этот раз мать Вера провела в заключении четыре с половиной месяца, за это время она дважды угрожала объявить голодовку. 24 марта 1923 г. в Московской губотдел ОГПУ пришла телефонограмма от заведующего административной частью Лефортовской тюремной больницы Касимовского, в которой говорилось: «Заключенная Меркулова Вера Антоновна заявляет голодовку с 26 марта, требуя явки следователя тов. Думницкого для выяснения дела»⁷¹. В начале июня И. А. Думницкий получил от «заключенной монахини Веры Меркуловой», заявление, в котором она настаивала на своём полном освобождении и требовала отпустить её в село Ново-Теляково Яхнобольской волости Галичского уезда. В противном случае мать Вера грозила объявить «смертельную голодовку»⁷². Из следственных документов неясно, доходило ли в обоих случаях со стороны матери Веры до реальной голодовки или И. А. Думницкий шёл на какие-то уступки, и дело ограничивалось только угрозой голодания. Конечно, если бы мать Вера объявила «смертельную голодовку», то довела бы её до конца.

В конце июля 1923 г. мать Вера, наконец, вышла на свободу и могла уехать из Москвы. Судя по всему, ей запретили вернуться в Сумароково, и она решила ехать в г. Галич.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ОГПУ. Фото 1923 г.

МАТЬ ВЕРА В ГАЛИЧЕ (1923–1924 гг.)

«Всем, наверное, известно, что в Галиче проживает “Верушка” — живой “кумир и идол” религиозных фанатиков. Группу этих фанатиков составляют старики, старухи и мещанство. “Верушка” несколько раз “гастролировала” по городу, и масса глупцов ходила за ней»¹.

«Плуг и молот», 5 сентября 1923 г.

МАТЬ ВЕРА ПРИЕЗЖАЕТ В ГАЛИЧ

В КОНЦЕ июля 1923 г. мать Вера, вместе с Ксенией Соловьёвой и Евфросиньей Карепиной, приехала из Москвы в Галич.

В 1903–1906 гг. железная дорога Вологда — Вятка прошла и через Галич. В отличие от Буя, где был построен каменный вокзал, в Галиче тогда возвели деревянное здание железнодорожной станции, стоящее на окраине города.

Поезд из Москвы прибыл в Галич утром. Послушницы вынесли мать Веру из вагона на перрон, где их, вероятно, встретила Варвара Алексеевна Зеленина, у которой им предстояло жить². На её лошадях по главной улице Галича — улице Свободы — они поехали в город. Позади оставались Галичская народная больница, древний земляной вал, Преображенский собор, бывшее Галичское духовное училище, Торговая площадь с её грандиозным ансамблем каменных и деревянных торговых рядов... Они въехали на ул. Луначарского и остановились у дома № 28, принадлежавшего Варваре Алексеевне Зелениной.

Мать Вера знала Варвару Алексеевну много лет*. По-видимому, до революции та часто бывала в Свято-Троицком монастыре и являлась одной из самых искренних почитателей Сумароковской подвижницы. Вероятно, Ксения Соловьёва и Евфросинья Карепина заранее с ней

* Позднее, на допросе 27 декабря 1928 г. в Галиче, на вопрос о том, что представляет собой семья Зелениных, мать Вера ответила: «Зеленина Варвара Алексеевна, сын Николая Александрович, бывшие торговцы и теперь торгуют»³.

Галич. Железнодорожная станция. Фото начала XX в.

Дом Зелениных.
Фото
Н.В. Сотникова.
2010 г.

списались, и, узнав, что после двух лет тюремного заключения мать Вера предполагает приехать в Галич, Варвара Алексеевна с радостью предложила ей жить у себя.

В 1923 г. Варваре Алексеевне было 52 года, следовательно, она родилась примерно в 1872 г. Муж её, торговец Александр Зеленин, умер, и она жила с двумя сыновьями — 25-летним Николаем и 18-летним Владимиром⁴. Принадлежавший им дом по адресу: ул. Луначарско-

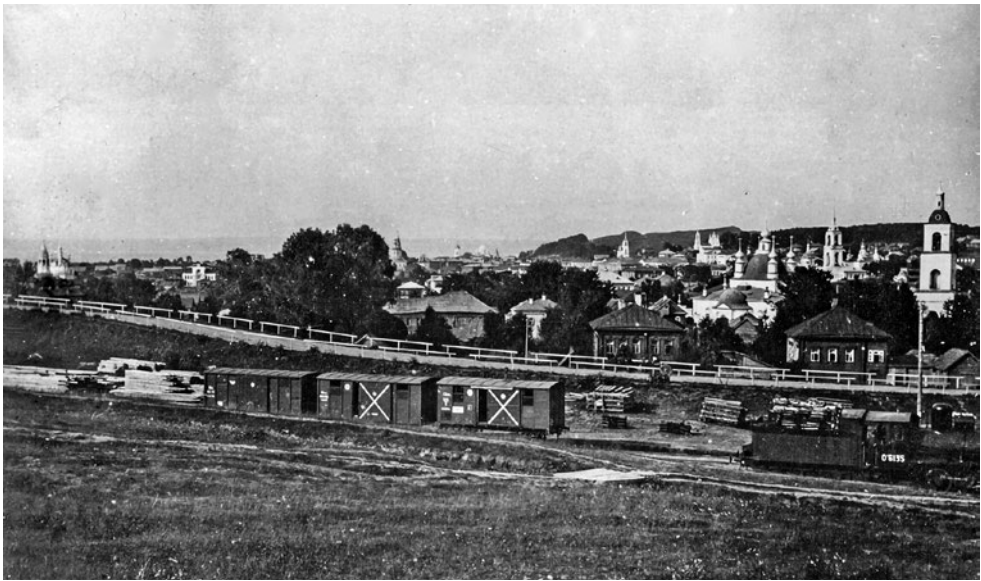
го, 28 — был двухэтажный, полукаменный (верхний этаж деревянный, нижний каменный)*.

Чуть позже, в 1924 г., согласно 65-й статьи Конституции РСФСР, Варвару Алексеевну и её сыновей, как семью торговцев, лишат избирательных прав, и с тех пор они будут числиться «лишенцами»**. Причём, если Варвару Алексеевну лишат избирательных прав, согласно пункту «Б» («лица, живущие на нетрудовой доход»), то её сыновей — согласно пунктам «Б» и «В» («частные торговцы»)⁶.

Разумеется, согласившись поселить у себя мать Веру, Варвара Алексеевна совершала ответственный шаг. И дело не только в том, что органы, конечно, сразу же взяли квартирную хозяйку «Сумароковской Верушки» на заметку. Буквально через день-два, когда весть о том, что мать Вера приехала в Галич, разлетелась по городу и уезду, дом В.А. Зелениной, у которого постоянно толпились люди, превратился в центр притяжения для огромного количества посетителей.

ГАЛИЧ В 1923 ГОДУ

МАТЬ Вера, конечно, не раз бывала в Галиче до революции, а в 1919-м, 1920-м и 1921 гг. оказывалась здесь не по своей воле. Впервые ей предстояло прожить в городе на Галичском озере некий относительно продолжительный срок (как оказалось — девять месяцев).

Галич. Панорама. Фото начала XX в.

* В настоящее время нумерация домов на улице изменилась, и сейчас дом Зелениных находится по адресу: ул. Луначарского, д. 24⁵.

** Вплоть до 1936 г. лишенцы вполне официально считались людьми 2-го сорта.

Галич. Площадь. Торговые ряды и Никольская часовня. Фото начала XX в.

Исторически Галич являлся одним из значимых уездных городов Костромской губернии. С момента образования в 1744 г. Костромской епархии её правящие архиереи носили титул «Костромской и Галичский». По данным Всесоюзной переписи 1926 г., в Галиче проживало 8875 человек⁷. В 1923 г. в городе было около 8 тысяч жителей. В 1923 г. Галич, в основном, ещё сохранял свой дореволюционный облик.

Протоиерей Иоанн Сырцов так описывал вид на Галич с Костромского тракта в 1904 г.: «Отсюда открывается чудная панорама города и его окрестностей. Небольшой, сравнительно, уездный город Галич располагается на низменном берегу восточной стороны большого Галичского озера; с востока живописно прикрыт крутыми горами, с многочисленными промежуточными оврагами и историческими террасами; с западной стороны примыкает к самому озеру, на противоположном берегу которого представляются еще более чудные возвышенности, покрытые лесом и зеленью и усеянные белокаменными сельскими храмами и деревнями. В самом городе, с шеститысячным населением, среди множества каменных и деревянных строений, виднеется до десяти* благоустроенных каменных храмов с Преображенским собором в центре и Николаевским женским монастырем на северо-западной окраине. Всё это уютно лепится и скрывается в грандиозной котловине, дно которой составляет обширное, по временам бурное, но теперь тихое, зеркальное Галичское озеро»⁸.

* Всего в Галиче к 1917 г., не считая домовых, было 19 храмов: из 11 церквей города пять состояли из двух храмов — летнего и зимнего. По два храма имелось в обоих монастырях — Никольском Староторжском женском и Паисиевом Успенском мужском (последний в начале XX в. официально не входил в городскую черту, но фактически являлся частью застройки Галича).

Примерно так Галич выглядел и в 1923 г. Над находящимся в низине городом ещё высились главы и колокольни многочисленных храмов. Все они действовали. В центре Торговой площади по-прежнему находилась изысканная ротонда Никольской часовни.

Как писалось выше, стоящий на окраине города Никольский Староторжский женский монастырь был закрыт в 1919 г. и в его стенах разместился Детский городок (детдом), но в главном храме монастыря — Никольском соборе, который получил статус приходского, продолжалось богослужение. На высокой горе над городом по-прежнему высился ансамбль Паисиева Успенского монастыря. Формально он был закрыт в 1919 г., но в его храмах тоже продолжалось богослужение.

В Галиче, как нигде в Костромской губернии, сохранялись многие древние обычаи. Ежегодно в Духов день вокруг города совершался крестный ход, часть которого совершалась на лодках по Галичскому озеру, когда иконы и хоругви из всех городских церквей провозили по озеру от Овиновой слободы до Рыбной слободы.

В 1923 г. крестный ход в Духов день состоялся за два месяца до приезда матери Веры — 28 мая. Галичская уездная газета «Плут и молот» тогда писала: «В “Духов день” почти все галичане, в особенности Рыбная слобода, во главе с шаманствующим духовенством, вооружась иконами и хоругвями, свершает на лодках путешествие по озеру вдоль всего Галича, “охраняя сей город от всякого врага и супостата” (...). Представьте себе бесчисленную флотилию лодок, плывущую по озеру с блестящими иконами и хоругвями! А на городских валах стоит столь же бесчисленная толпа ротозеев, любующихся, как дети, на забавное зрелище. Весь старый Галич с его языческими обрядами выплывает перед нашими глазами. Правда, картина эта очень ценна для члена общества по изучению местного края, но сознательный граж-

Галич. 30 мая 1911 года. Традиционный крестный ход в Духов день по Галичскому озеру. Фото М.М. Смодора

Древняя святыня Галича — резная икона святой Параскевы Пятницы

данин вряд ли захочет быть на ней изображенным. (...) Есть утехи, которые поработают ум и волю человека и делают его рабом попов и других волхвователей, в виде знахарей и колдунов. Одной из этих утех является у галичан и традиция празднования “Духова дня”. Пора уже бросить подобную утеху: она вредная»⁹.

Одной из главных святынь Галича являлась находящаяся в церкви Параскевы Пятницы, что в Рыбной слободе, деревянная резная скульптура Параскевы Пятницы. Скульптура (её высота составляла 170 см) находилась в особом киоте и была «одета» в парчовую ризу, расшитую стеклярусом. На голове Параскевы был повязан платок. Деревянный нимб над её головой покрывала серебряная басма. Историки датируют скульптуру концом XV — началом XVI вв. (ныне находится в Государственном Русском музее в Петербурге)¹⁰.

В церковной жизни Галича по сравнению с дореволюционными временами произошёл ряд изменений. В частности, в город уже несколько лет не привозили из Костромы Фео-

доровскую икону Божией Матери. Традиция эта, как писалось выше, возникла в 1861 г. и на протяжении многих десятилетий не прерывалась ни разу. Есть документальные свидетельства, что икону привозили в Галич в 1919 г., а в последний раз она, скорее всего, посетила город на Галичском озере в 1921 г. На следующий год чудотворный образ, как известно, оказался в руках обновленцев, и обычая принесения его в Галич был положен конец.

В 1923 г. в центре Галича сохранялись живые следы трагических событий конца октября 1917 г. На Торговой площади по-прежнему стоял остов выгоревшего тогда дома купца Н. Ф. Сотникова (совр. адрес: ул. Луначарского, д. 2). В июне 1924 г. галичская газета писала: «6 лет в центре города стоит полуразрушенный дом (бывший Сотникова). До сих пор судьба этой развалины не решена, а дом всем глаза намозолил. Не пора ли подумать об этом доме и начать его оздоровление? Может быть, местхоз ответит?»¹¹.

ГАЛИЧАНЕ ВСТРЕЧАЮТ МАТУШКУ ВЕРУ

ПРИЕЗД матери Веры в Галич стал её подлинным триумфом. 6 августа 1923 г., в канун престольного праздника — дня преподобного Макария Унженского и Желтоводского, огромная толпа галичан окружила городской Преображенский собор, в который внесли мать Веру. 8 августа 1923 г. газета «Плуг и молот» откликнулась на это заметкой «Поклонники юродивых», в которой говорилось:

«Несмотря на то, что во всех более или менее культурных центрах уже давно изжита вера в богов, чертей и св. угодников, наши галичане-обыватели не только не изжили этой веры, но в довершение создают себе еще и новых живых идолов, которым поклоняются и готовы по приказанию этих идолов сделать для них все, что угодно. Мы говорим о пресловутой сумароковской “Верушке”, недавно прибывшей сюда из Москвы. Возле квартиры этой “божественной прозорливицы” постоянно видим огромную толпу поклонников обоих полов и всех возрастов. “Прозорливицу” носят на руках* и окружают лакейской предупредительностью, снабжая всевозможными лакомствами. За всё это прозорливица благосклонно “по наитию св. духа” говорит два-три слова, из которых каждый поклонник черпает для себя глубокий смысл и популяризует “Верушку” среди своих знакомых.

В действительности эта “Верушка” ничего не может дать, кроме божественного шарлатанства, однако дураков на наш век, очевидно, хватит, и наши галичане-обыватели занимают среди них, пожалуй, первое место»¹².

Известный галичский поэт А.Н. Соловьёв-Нелюдим откликнулся на приезд матери Веры стихотворением «Толпа», опубликованном в газете «Плуг и молот» 10 августа 1923 г. Стихотворению предшествовал прозаический «эпиграф», в котором говорилось: «6 августа огромная толпа с пением молитв на руках носила “Верушку” по церкви. Суеверие галичской обывательщины создало себе идола в лице пресловутой “Сумароковской Верушки”, прибывшей недавно в Галич. У её квартиры всегда можно видеть толпу поклонников».

После эпиграфа следовало стихотворение:

Да, это было въявь, нам это не приснилось.
 Под натиском людским ломались ворота,
 У церкви пестрая толпа росла, теснилась:
 Там “Верушку” встречала темнота.
 Скопились дети, женщины, мужчины,
 Старухи, старицы. — Умный и дурак

* В заметке, разумеется, не сказано, что мать Веру носят на руках, потому что она не может ходить. У несведущего читателя могло создаться впечатление, что почитатели носят мать Веру из низкопоклонства, как китайского богдыхана.

Толпились здесь без видимой причины
 И множили собой число зевак, —
 Спецы солидные, совслужащие, завки,
 Интеллигенция с тряпичною душой,
 Приказчики, забывшие про лавки,
 И прочие... И всяк был сам не свой,
 Терялся ум в каком-то диком гуле:
 Не продерешься в церковь без борьбы
 В момент, когда “пророчицу” на стуле
 Несли её покорные рабы.
 Читл “Верушку” народ в предверьи храма
 И пением молитв благословлял ей путь.
 (...)
 У галичан ведь глупость не в отставке.
 Она, кажись, их прах переживет.
 Какой-то бабе отдавили ногу.
 Порвали френч и не один уже.
 Хотелось каждому пролезть поближе к богу
 Посредством “Верушки” солидным протезе.
 “Спа-аси от бед...” орала горлопаны
 В пустой простор, в тьму дикую веков...
 Для дураков есть всюду шарлатаны.
 Для шарлатанов хватит дураков.
 Для храма этот день — был день базарный.
 День стадной глупости и праздник кутерьмы...
 Как жаль, что не было вблизи кишки пожарной,
 Чтоб глупость смыть и освежить умы¹³.

А.Н. СОЛОВЬЕВ-НЕЛЮДИМ: «ПОЭТ-ПРОЛЕТАРИЙ»

ТАК как всё время пребывания матери Веры в Галиче А.Н. Соловьёв, писавший под псевдонимом «Нелюдим», был её главным публичным обличителем*, расскажем немного об этом человеке. Алексей Николаевич Соловьёв (1888–1931 гг.) родился в д. Шокша близ Галича, в семье рабочего кожевенного завода. В 12 лет он был отдан для обучения малярному делу в Петербург. Маляром в столице будущий поэт проработал многие годы. Во время революции 1905 года 17-летний Алексей Соловьёв принимал участие в беспорядках, за что попадал в «Кресты» — знаменитую петербургскую тюрьму.

А.Н. Соловьёв не учился в школе и всего добился самообразованием. Конечно, это был самородок, наделённый своеобразным талантом. Его первое стихотворение («Маляры») появилось в 1914 г.

* Цитированная выше заметка «Поклонники юродивых» от 8 августа 1923 г., помещённая без указания автора, судя по стилю, скорее всего, вышла из-под пера А.Н. Соловьёва-Нелюдима.

А.Н. Соловьёв-Нелюдим — редактор газеты «Известия исполнительного комитета Галичского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».
Фото М.М. Смодора.
Около 1920 г.

в большевистской газете «Правда» под псевдонимом «Нелюдим». В том же 1914 г. его стихи ещё несколько раз печатались в «Правде», включая её последний номер, вышедший 8 июля (после этого власти закрыли газету). По данной причине в советское время А.Н. Соловьёва-Нелюдима почтительно именовали «поэтом-правдистом». Сам себя он обычно называл «поэт-пролетарий».

После начала Первой Мировой войны А.Н. Соловьёв был мобилизован в армию и пробыл на фронте вплоть до революции. В 1918 г. он вернулся в Галич и принял активное участие в становлении здесь Советской власти. В 1918 г. бывший питерский маляр стал редактором газеты «Известия исполнительного комитета Галичского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (с 1921 г. — «Плуг и молот»). Нелюдим всей душой принял Октябрьскую революцию, которую воспевал в своих по преимуществу агитационных стихах. С их чтением он выступал на митингах и даже на уездных съездах Советов.

Нелюдим тяжело переживал начавшийся в 1921 г. переход к НЭПу и отказ от крайностей политики военного коммунизма. Его биограф В.В. Касторский пишет об этом дипломатично: «Были у Нелюдима и идейные срывы, особенно в первый период нэпа»¹⁴. От-

А.Н. Соловьёв-Нелюдим в начале 20-х годов. Фото М.М. Смодора

ход от радикализма первых лет революции усилил его «слабость» к алкоголю, свойственную многим поэтам. В связи с этим в 1921 г. он был снят с поста редактора «Плуга и молота», но остался в числе главных авторов газеты.

В стихах начала 20-х годов Нелюдим (нельзя не отметить, что псевдоним поразительно точно соответствовал его натуре) отводил душу, неутомимо бичуя, например, старые народные праздники (Пасху, Святки, Масленицу, Яриловку), которые продолжали отмечать большинство галичан. Им он противопоставлял новые пролетарские празднества — 1 мая, 7 ноября, 9 января, 18 марта*.

Нелюдим страстно обличал Церковь и её служителей. Его угнетало, что ни один храм в Галиче так и не перешёл в обновленческий раскол. В пример своему отсталому городу он ставил прогрессивную Чухлому, где обновленцы тогда взяли верх. Почитание матери Веры галичанами было нестерпимо для «поэта-пролетария», и он упорно обличал её в стихах и прозе.

В 1927 г. А. Н. Соловьёв-Нелюдим уехал в Ленинград, где и скончался в 1931 г.¹⁵

К МАТУШКЕ ВЕРЕ ИДУТ ЛЮДИ

КОГДА весть о том, что мать Вера приехала в Галич, разнеслась по Галичскому, Буйскому и Костромскому уездам, к матери Вере потянулись люди. Возле дома В. А. Зелениной постоянно толпился народ, 8 августа 1923 г. галичская газета писала: «У ее квартиры всегда можно видеть толпу поклонников»¹⁶. 10 августа 1923 г. газета вновь повторяла: «Возле квартиры этой “божественной прозорливницы” постоянно видим огромную толпу поклонников обоих полов и всех возрастов»¹⁷. В числе первых посетителей её, естественно, были жители Галича и его окрестностей. Восемь лет спустя, 28 апреля 1931 г., начальник Галичского райотдела ОГПУ Булыгин в ответ на запрос сообщал своим коллегам в с. Молвитино, что в 1923 г. вскоре после того, как мать Вера поселилась у В. А. Зелениной, к ней «началось массовое паломничество»¹⁸.

По городу мать Вера ездила в конном экипаже. Вероятно, экипаж этот принадлежал В. А. Зелениной или его предоставил матери Вере какой-нибудь другой её почитатель.

Среди тех, с кем встречалась мать Вера, были даже местные ответственные работники. 5 сентября 1923 г. в галичской газете была опубликована заметка «Пора за ум взяться», в которой говорилось: «Всем, наверное, известно, что в Галиче проживает “Верушка” — живой “кумир и идол” религиозных фанатиков. Группу этих фанатиков

* 9 января — день «кровавого воскресенья» 1905 г. 18 марта — день Парижской коммуны.

составляют старики, старухи и мещанство. “Верушка” несколько раз “гастролировала” по городу, и масса глупцов ходила за ней»¹⁹. Особенно автор заметки обрушивался на помощника уездного военкома Н. П. Доброва, который пригласил мать Веру к себе домой. «Приехала та на красивой лошади в экипаже к дому Доброва, а тот рад был подержаться за “святую особу”. И начал её высаживать собственноручно. Эту картину можно было наблюдать среди бела дня. Гр-н Добров, какой пример могут взять с Вас красноармейцы, видя эту картину?»²⁰. Газета ничего не сказала о том, почему «гр-н Добров» пригласил мать Веру к себе домой. Если у него были какие-то вопросы к «Верушке», то он, скорее, посетил бы её в доме В. А. Зелениной. Вероятно, тяжело заболел кто-то из его близких и Добров пригласил мать Веру к больному.

К матушке Вере обращался даже гегемон советского общества — рабочий класс. В начале 1924 г. А. Н. Соловьёв-Нелюдим на страницах газеты возмущался тем, что рабочие некоего, не названного им галичского промышленного предприятия никак не могли заключить договор с его владельцем, в результате чего проигрывали в деньгах: «Рабочих крутят и кропят отрещивая от лишней назойливости. Теперь несчастные рабочие в отчаяньи. Они намереваются всем коллективом пойти к “Верушке” погадать о том, кто знает, когда будет утвержден их договор и выдана нормировочная разница. Редакцией приняты все меры к тому, чтобы отговорить безумных от их суеверного шага, порочащего звание сознательных пролетариев. Администрации предприятия с своей стороны следует сделать всё, чтобы предостеречь рабочих от их “священного визита”»²¹. Газета не сообщает, опорочили ли рабочие звание сознательных пролетариев визитом к матушке Вере или их всё-таки удалось удержать. Судя по тому, что не сообщает, — скорее всего, «опорочили».

ЗНАКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В О ВРЕМЯ жизни в Галиче мать Вера могла наблюдать приметы нового времени. Главные улицы города были переименованы и носили новые, революционные названия: ул. Свободы (бывш. Романовская, бывшая Успенская), ул. Ленина (бывш. Костромская), ул. Троцкого*, ул. Луначарского (бывш. Пробойная), ул. Подбельского (бывш. Богоявленская), ул. Долматова (бывш. Рождественская).

Впрочем, новых названий имелось ещё немного. В апреле 1925 г. в Галиче произойдёт массовое переименование площадей, улиц и переулков, в результате чего в древнем городе почти не останется на-

* В честь Л. Д. Троцкого явно была переименована какая-то большая улица в центре города, но из-за длительного тотального умолчания о всём, связанном с именем Троцкого, какая именно улица в Галиче в 20-е годы носила имя второго вождя Октябрьской революции, нам установить не удалось.

званий, напоминающих о его восьмивековой истории. Даже горы, окружающие Галич, получили тогда нелепо-революционные имена: Космодемьянская гора стала Горой Революции, Поклонная гора — Горой Смычки*, Воскресенская гора — Горой Тимирязева. Объясняя это массовое переименование, газета «Плуг и молот» тогда писала: «Наши улицы имеют названия в большинстве случаев по находящимся на них церквям и не отвечают духу времени, а потому улицы переименовываются в память революционных событий и вождей революции»²².

7 ноября 1923 г. в Галиче состоялись митинг и шествие трудящихся в честь шестой годовщины Пролетарской революции. В январе 1924 г. в городе прошло так называемое «комсомольское Рождество», приуроченное к празднику Рождества Христова.

Во время жизни матери Веры в Галиче произошло историческое событие — 21 января 1924 г. в Горках под Москвой скончался В.И. Ленин. В Галич известие об этом пришло 22 января, когда в городе отмечался один из новых праздников — День памяти жертв расстрела 9 января 1905 года. Как и вся советская страна, Галич погрузился в траур. В день похорон вождя, в воскресенье 27 января, в городе состоялся траурный митинг и демонстрация. Колонны с траурными

27 января 1924 года. Траурный митинг в Галиче в день похорон В.И. Ленина.
Фото М.М. Смодора

* Имеется в виду «смычка города и деревни» — популярный политический лозунг 1920-х годов.

знамёнами от Торговой площади* прошли по ул. Свободы до ул. Троицкого, с ул. Троицкого перешли на ул. Ленина и вернулись обратно на площадь²⁴. На одной из фотографий М. М. Смодора, сделанных во время митинга, на заднем плане хорошо виден остов дома Н. Ф. Сотникова — без крыши, с зияющими провалами окон...

К сожалению, никаких сведений о том, как восприняла мать Вера кончину вождя пролетарской революции и появление на Красной площади его мавзолея, у нас нет.

МАТЬ ВЕРА ПОСЕЩАЕТ ХРАМЫ ГАЛИЧА

СУДЯ по всему, мать Вера каждый день приезжала на службу в Преображенский собор. Собор этот состоял из двух храмов: собственно Преображенского — холодного, и Благовещенского — тёплого. Преображенский храм был освящён в 1774 г. и имел три престола: 1) в честь Преображения Господня, 2) во имя святого пророка Илии и преподобного Михаила Малеина, 3) во имя преподобного Макария Унженского и Желтоводского. Благовещенский храм был освящён в 1815 г. и также имел три престола: 1) в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, 2) в честь Феодоровской иконы Божией Матери и преподобного Кирилла Новоезерского, 3) в честь Боголюбской иконы Божией Матери²⁵. Оба храма были обнесены каменной оградой, к Преображенскому храму примыкала трёхъярусная колокольня. Храмы венчало традиционное пятиглавие. Благовещенский храм имел притвор, через который люди входили в помещение, — притвор имел вид восьмигранной часовни, увенчанной главкой. Оба эти храма, выстроенные на рубеже XVIII и XIX вв., являлись преемниками соборных храмов Галича, история которых уходила в седую старину.

14 октября 1824 г. Преображенский собор посетил император Александр I, проезжавший тогда по северным уездам Костромской губернии. На стене собора вплоть до его закрытия сохранялась пространная надпись об этом событии: «1824 года, октября 14 дня, Его Императорское Величество Государь Император Александр Павлович, самодержец всероссийский, обозревая восточные губернии, проездом из Кологрива в Буй изволил осчастливить и город Галич своим высоким посещением, который, при колокольном звоне во всех градских церквах, среди торжественных восклицаний: “ура!” при сем соборе, в присутствии всего градского духовенства, встречен протоиереем Василием Костровым с Животворящим крестом; по вшествии в церковь о здравии Его Величества и всего Августейшего Дома произнесена сугубая ектения, по отпуске Его Величеству возглашаемо и пето многолетие; по окончании всего Его Величество

* Торговую площадь Галича с её уникальным ансамблем торговых рядов переименоуют в площадь Революции в апреле 1925 г.²³.

Галич. Преображенский собор. Фото начала XX в.

Государь Император, приложившись к св. иконе Спасителя и изъявля духовенству и множеству всякого звания, чина, пола и возраста людей Свое Высокое благоволение, среди общих благословений, отправился в приготовленную для Его Величества квартиру в доме купца Григория Иванова Вакорина, где пробывши не более часа, изволил отправиться в дальнейший путь»²⁶.

В Преображенском храме находился древний образ Спасителя, который искусствовед А. И. Некрасов датировал первой половиной XV в. и относил к московской иконописной школе, тесно связанной с «именем Андрея Рублёва». По преданию, образ принадлежал знаменитому галичскому князю Дмитрию Шемяке²⁷. Нельзя исключать, что образ написал сам великий художник средневековой Руси — преподобный Андрей Рублёв.

Настоятелем Преображенского собора был 71-летний протоиерей Василий Орлов.

* * *

Протоиерей Василий Сергеевич Орлов (1852 – после 1924 гг.) родился в с. Сретенское Нерехтского уезда, в семье диакона. В 1868–1874 гг. он обучался в Костромской духовной семинарии. В 1874–1875 гг. Василий Орлов служил учителем в Нерехтском уездном училище, а в 1875–1909 гг. — учителем в Солигаличском духовном училище. В 1907 г. он принял священный сан и стал священником Никольской церкви в с. Корцово Солигаличского уезда. 15 мая 1909 г. о. Василий Орлов

был возведён в сан протоиерея и назначен настоятелем Галичского Преображенского собора. В 1910–1916 гг. он занимал пост благочинного г. Галича, в 1910–1914 гг. состоял гласным Галичского уездного земского собрания²⁸. В 1924 г., как служитель религиозного культа, о. Василий Орлов был лишён избирательных прав. В это время он проживал по адресу; ул. Новинки, д. 48²⁹.

* * *

По-видимому, в Галиче мать Вера, впервые после закрытия в 1921 г. собора в бывшем Свято-Троицком монастыре, положила начало традиции, которую позднее соблюдала всегда, когда находилась на свободе. Поселившись, вольно или невольно, на новом месте, мать Вера буквально через несколько дней начинала ежедневно посещать местный собор или храм, в котором с этого времени богослужения совершались каждый день. Этой традиции мать Вера неукоснительно придерживалась везде, где она жила позднее, — в Кинешме, в Котельниче, в Сумарокове.

Ежедневное присутствие матери Веры на богослужениях в Преображенском соборе привлекало сюда большое количество богомольцев — и горожан, и жителей окрестных селений. Разумеется, это крайне не нравилось властям. В конце 1923 г. А. Н. Соловьёв-Нелюдим предложил закрыть Преображенский собор, а в его храмах устроить школу. «А между тем у нас, — писал он, — наблюдается недостаток в школьных постройках. В первые годы революции у нас была склонность (использовать. — *Н.З.*) собор под школу*. Проект почти осуществился но... (без но не обойдешься) что-то помешало, и возу до сих пор нет ходу. А ведь лучше бы было, если бы вместо (...) старой рутинки на ее месте красовалось здание света и разума — школа»^{31**}.

На престольные праздники мать Веру приглашали в другие храмы города. Галичанин Михаил Михайлович Храмцов (1917 г.р.) в 2002 г. вспоминал, как первый раз увидел мать Веру в Зачатьевской церкви^{***} в Рыбной слободе:

«Первый раз я увидел святую Верушку в 7 лет. Мы с отцом пришли в церковь у Зачатья. Был престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8/21 сентября). Как сейчас помню, на мне была белая рубаха с горохами и холщовые штаны, почти белые (...).

* 16 января 1920 г. Галичский уисполком постановил закрыть Спасо-Преображенский собор и передать его под школу. Данное постановление утвердил Костромской губисполком. Однако верующие Галича завалили ВЦИК и Наркомат юстиции прошениями, в которых протестовали против закрытия собора. 20 сентября 1920 г. Президиум ВЦИК встал на их сторону и отменил постановления местных властей о закрытии собора³⁰.

** Пожелание А. Н. Соловьёва-Нелюдима сбылось через семь лет. Преображенский собор был закрыт постановлением Президиума Костромского окрисполкома от 20 апреля 1930 г.³². Правда, разместилась в нём не школа: в бывшем соборе донныне находится хлебозавод.

*** В Рыбной слободе Галича Боготцовскую церковь, бывшую преемницей упразднённого в XVIII в. Зачатьевского девичьего монастыря, обычно называли Зачатьевской церковью.

Зачатьевская (Богоотцовская) церковь в Рыбной слободе. Фото начала XX в.

Верушка сидела в кресле около алтаря. На ней был белый платок, белый, как мне показалось, халат такой, а ноги были спрятаны в белый мешок. И лицо такое доброе.

Отец Пётр Назаров * поставил всех нас, ребятшек, в очередь. Она всех крестила, руку давала целовать. Когда подошла моя очередь, подошёл отец. Верушка перекрестила меня, дала нарисованный на бумажке крест и сказала, обращаясь к отцу: “Это у тебя последний? Проживет долго”. А мать сказала: “Береги крест-то этот”.

Вот я и живу уже 85. Войну прошёл.

Потом она у нас дома была несколько раз. Это теперь улица Гладышева **. Дом-то до сих пор стоит (дом № 22)»³⁵.

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ МАТЕРЬЮ ВЕРОЙ ВЕЛИКОЙ СХИМЫ

ИЗВЕСТНО, что в 20-е годы мать Вера (Ксения) приняла высшую ступень монашества — великую схиму с именем Михаила, в честь архангела Михаила. Однако когда и где это произошло, мы не знаем.

* Пётр Иосафович Назаров родился в 1863 г., сын священника. В 1884 г. окончил Костромскую духовную семинарию. С 1885 г. — священник в Богоотцовской церкви Галича. С 1918 г. — протоиерей³³.

** Улица Гладышева — бывшая Зачатьевская улица, которую в 1925 г. переименовали в ул. Кожевенную, а в 1965 г. — в ул. Гладышева³⁴.

В начале февраля 1923 г., когда мать Вера после выхода на свободу некоторое время жила в московском Страстном монастыре, она обратилась к настоятельнице обители, игумении Нине (Закатовой), «с просьбой найти архиерея и постричь ее в схиму, но в этой просьбе ей было отказано»³⁶.

Судя по всему, в Москве матери Вере не удалось принять схиму, и она сделала это позже. Впервые мать Вера упоминается под именем Михаила в 1928 г., когда живёт в ссылке в Кинешме³⁷. Следовательно, принятие ею великой схимы и имени Михайлы произошло между 1923 г. и 1928 г. и могло состояться или в Галиче, или в Кинешме. Вероятно, это произошло в Галиче, где мать Вера жила относительно свободно. Скорее всего, её постриг в великую схиму совершил настоятель одной из местных мужских обителей. Это мог быть настоятель Железоборовского монастыря иеромонах Серафим (Гусев) или настоятель Паисиева Успенского монастыря архимандрит Анатолий.

Где был совершён чин принятия матерью Верой великой схимы, мы не знаем. Это могло произойти в доме В. А. Зелениной или, например, в одном из храмов Паисиева монастыря. При пострижении мать Вера (Ксения) получила имя Михаила (от мужского имени Михаил — по-еврейски «равный богу»)³⁸. Память архангела Михаила совершается дважды в году — 6/19 сентября и 8/21 ноября.

В связи с её схимническим именем — Михаила, необходимо коснуться особенностей имянаречения в женских монастырях. «К числу специфически иноческих имён, — пишут Б. А. Успенский и Ф. Б. Успенский, — относятся женские имена, образованные от мужских. Монахини при пострижении могут получать имя мужского святого, морфологически оформленное по женскому роду, такие как Филарета, Аркадия, Сергия, Николая, Михаила и т. п.»³⁹. С. В. Булгаков в «Настольной книге для священно-церковно-служителей» (1913 г.) отмечал: «Вообще давать мирянкам женские монашеские имена, производимые от мужских, не следует. Такие имена даются при пострижении в иночество женщин (причем эти инокини и день своего ангела чествуют в память того святого, измененное имя которого ими носится)»⁴⁰. Такое мужское имя, «морфологически оформленное по женскому роду», получила при пострижении в схиму и мать Вера, став Михайлой.

Обычно монашествующие насельники монастырей принимали схиму на склоне дней. То, что мать Вера, по-видимому, приняла схиму в 37–38 лет, было случаем беспрецедентным в истории Русской Церкви. Правда, и произошло это в чрезвычайное, революционное время, когда из-за гонений рушился весь прежний уклад церковной жизни.

Схимники и схимницы носят особое одеяние — чёрного цвета куколь с нашитыми на него белыми крестами. Нам известна только

одна фотография, на которой мать Вера была запечатлена в схимническом куколе. По-видимому, она надевала схимническое облачение только по особым случаям, а обычно — вопреки традиции — ходила в своём белом одеянии.

Нельзя не спросить: зачем мать Вера приняла великую схиму? По-видимому, в этом сказался её подвижническо-героический дух, когда она во всём старалась идти до конца. Наверняка само пострижение матери Веры в схиму было необычным. Ведь она не могла стоять, и при совершении обряда её наверняка поддерживали под руки.

Почему в схиме ей было дано именно имя Михайлы? Можно предположить, что это имя матери Вере дали по её просьбе.

Вспомним, что храм, построенный матерью Верой в Высокове в 1914–1919 гг., был посвящён архангелу Михаилу. К тому же на другой день после праздника Собора Михаила Архангела (8/21 ноября) приходится праздник иконы Божией Матери «Скоропослушницы» (9/22 ноября), которую мать Вера высоко чтит. Правда, это схимническое имя (как и предыдущее — Ксения) знал только узкий круг людей из её ближайшего окружения.

Из десятков людей, знавших мать Веру, чьи воспоминания записаны о. Валентином Ратьковым, только двое упоминают о её схимническом имени. Первая — это Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г. р.), уроженка д. Моклоки Буйского уезда («В схимонашестве матушка Вера носила имя архангела Михаила») ⁴¹. Вторая — Мария Ивановна Райкина (1919 г. р.), уроженка г. Буй («В схимонашестве матушка Вера называлась мать Михаила») ⁴². Для подавляющего большинства своих почитателей она до конца осталась матерью Верой. Этим именем будем продолжать называть её и мы.

МАТУШКУ ВЕРУ АРЕСТОВЫВАЮТ И ОТПРАВЛЯЮТ В КОСТРОМУ

КОНЕЧНО, мать Вера была чрезвычайно нежелательной персоной для официального Галича. Тем более что её квартира на ул. Луначарского находилась совсем рядом с домом № 11, который до революции принадлежал городскому голове И. М. Нешпанову* и где с 1919 г. размещался Галичский уездный комитет (уком) РКП(б) (здесь же находилась и редакция газеты «Плуг и молот») **. Своё название ул. Луначарского (бывшая Пробойная) получила из-за того, что здесь находился уком РКП(б). В мае 1919 г. нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, в ходе своей поездки по Костромской губернии, провёл в Галиче три дня. Надо заметить, что он прибыл в нашу гу-

* Иван Михайлович Нешпанов (1851–1925 гг.) — потомственный почётный гражданин, купец II гильдии, городской голова Галича в 1901–1917 гг.

** В настоящее время в особняке И. М. Нешпанова размещается Галичский краеведческий музей.

Улица Пробойная (с 1919 г. — ул. Луначарского). Справа — церковь святой великомученицы Варвары. В конце улицы — колокольня Никольского Староторжского монастыря

бернию не как нарком просвещения, а как чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б), Совнаркома и ВЦИК по борьбе с дезертирством («ЧрезуполВЦИК»).

19 мая 1919 г. А. В. Луначарский выступил с докладом о положении республики на общем собрании коммунистов в здании укома партии на ул. Пробойной. Сразу после окончания доклада было внесено предложение — «в честь приезда в Галич дорогого гостя» переименовать улицу Пробойную в улицу Луначарского. Предложение встретило «бурю аплодисментов»⁴³. По иронии судьбы, через три года именно на этой улице поселилась мать Вера.

Когда она ехала в Преображенский собор или возвращалась, провожаемая множеством людей, обратно, её путь всегда пролегал мимо укома. Из его окон хорошо была видна толпа народа, постоянно стоявшая возле дома В. А. Зелениной. Самим фактом своего проживания на ул. Луначарского мать Вера как бы издевалась над работниками укома РКП(б). В конце концов, властям это надоело. В последней декаде апреля 1924 г. мать Веру арестовали и отправили в Кострому — в губернский отдел ОГПУ⁴⁴. Подробности нам неизвестны. Скорее всего, её взяли в доме В. А. Зелениной, а произошло это, видимо, на Страстной неделе за несколько дней до Пасхи (в 1924 г. праздник Входа Господня в Иерусалим пришелся на 20 апреля, а Пасха — на 27 апреля). Арестом матери Веры в конце апреля власти явно хотели избавиться себя от её присутствия в городе и на Пасху, и на 1 Мая.

Особняк И.М. Нешпанова, в котором в первые годы революции размещался Галичский уком РКП(б). Современное фото

А.Н. Соловьёв-Нелюдим, встречавший приезд матери Веры в Галиче стихотворением, сопроводил её арест и отправку в губернский центр другими поэтическими строками — на редкость нелепыми и глумливыми. Стихотворение это называлось «Батюшки-матушки» и посвящалось галичским верующим, почитателям матери Веры. Подписано оно было одним из псевдонимов Нелюдима — Вандыш*. В стихотворении говорилось:

Их в Галиче много:
Мало ли старого да гнилого.
В церковь ходят все усердно,
Ругают все новое безмерно.
Сказала им раз мать Вера,
Что скоро с неба полетят горячая сера,
Что православных она не заденет.
Ну, а большевикам здорово нагорит-напреет.
Ждите, говорит, только по-тихоньку, не спеша:
Будет им нехристям скоро — «ша!»

* Вандыш — мелкая рыба (галичский ёрш), высушенная особым образом в печи⁴⁵.

Научила Верушка всех брехать
И уехала сама в Кострому отдыхать⁴⁶.

А ведь А. Н. Соловьёв-Нелюдим очень хорошо знал, куда именно поехала «отдыхать» мать Вера!

ИСТОРИЯ СО СВЯЩЕННИКОМ АЛЕКСАНДРОМ АФАНАСЬЕВЫМ

ЧЕРЕЗ несколько дней после того, как чекисты увезли мать Веру в Кострому, произошло поразительное событие. Из Москвы в Галич к матери Вере приехал заштатный священник Александр Афанасьев. По донесению в Костромской губотдел ОГПУ, о. Александр Афанасьев «прибыл в г. Галич из Москвы для свидания с монахиней Меркуловой В. А. и, узнав, что таковая арестована и направляется в г. Кострому для заключения, пытался служить около церкви на открытом месте молебен о здравии арестованной, а также есть основанья полагать, что он, Афанасьев, прибыл на территорию Костромской губернии с определенной целью возбуждать у масс недоверие к власти, принимая во внимание его показания, а также постоянное проживание в г. Москве»⁴⁷.

К сожалению, из заведённого по этому случаю в губернской прокуратуре дела не совсем понятно, почему о. Александр стал служить молебен не в каком-нибудь храме, а «около церкви на открытом месте». Не знаем мы, и что это было за место. Из документа непонятно, присутствовали ли при молебне другие люди, однако, видимо, присутствовали, так как вряд ли бы приезжий священник стал служить молебен в одиночестве.

Ясно только, что он совершил нерядовой поступок. Узнав об аресте матери Веры, о. Александр мог бы дожидаться обратного поезда и уехать в Москву, не привлекая к себе внимания. Он же в каком-то публичном месте (возле Преображенского собора?) стал молиться об арестованной матери Вере.

По-видимому, это случилось в первых числах мая. 4 мая 1924 г. уполномоченный Костромского губотдела ОГПУ по Буйскому уезду Г. Б. Неренский* допросил о. Александра и постановил: «...из допроса видно, что задержанный является сообщником матери Верушки и агентом патриарха Тихона (миссионером) что подтвердилось из его документа изъятого при задержании, а потому постановил: грна Афанасьева А. М., уроженца Архангельской губ. (...) направить вместе с документами в г. Кострому, в распоряжение Костромского

* Непонятно, почему о. Александром занимался уполномоченный ОГПУ по Буйскому уезду, тогда как задержан он был в Галиче. Возможно, уполномоченный по Галичскому уезду лично повёз мать Веру в Кострому и ещё не вернулся.

губотдела ОГПУ через начальника административного управления Буйского уика»⁴⁸.

7 мая 1924 г. в Костромском губотделе ОГПУ помощник уполномоченного секретного отдела Алимов постановил: «Гр-на Афанасьева А. М. заключить под стражу в губисправдом № 1 для отправления этапным порядком (...) в г. Москву в распоряжение ОГПУ»⁴⁹.

Об о. Александре известно немного.

Александр Михайлович Афанасьев родился в 1896 г. в с. Холмогоры Холмогорского уезда Архангельской губернии. В 1916 г. он окончил Архангельскую духовную семинарию. В начале 20-х годов о. Александр жил в Москве по адресу: ул. Краснопрудная, д. 20, кв. 13. Видимо, в это время он и познакомился с матерью Верой (вероятно, когда та жила в Алексеевском монастыре).

Арестованный 4 мая 1924 г. в Галиче о. Александр был доставлен в Москву, но, видимо, в тот раз обошлось и его освободили. Вновь о. Александра арестовали 24 июля 1928 г., когда он служил в республике Коми. 15 февраля 1929 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ осудило его за «контрреволюционную агитацию» на 3 года ссылки в Северный край. 24 июля 1932 г. по отбытии срока наказания он убыл с места ссылки⁵⁰. Дальнейшая судьба о. Александра Афанасьева неизвестна.

ЗАКЛЮЧЁННАЯ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ: ПОЛТОРА ГОДА В КОСТРОМЕ (1924–1925 гг.)

«Костромской губотдел О.Г.П.У., площадь Революции, угол улиц Свердлова и Шагова. Начальник отдела Иванов Д.М.»¹.

«Вся Кострома на 1925–26 гг.»

МАТЬ ВЕРУ ПРИВОЗЯТ В КОСТРОМУ

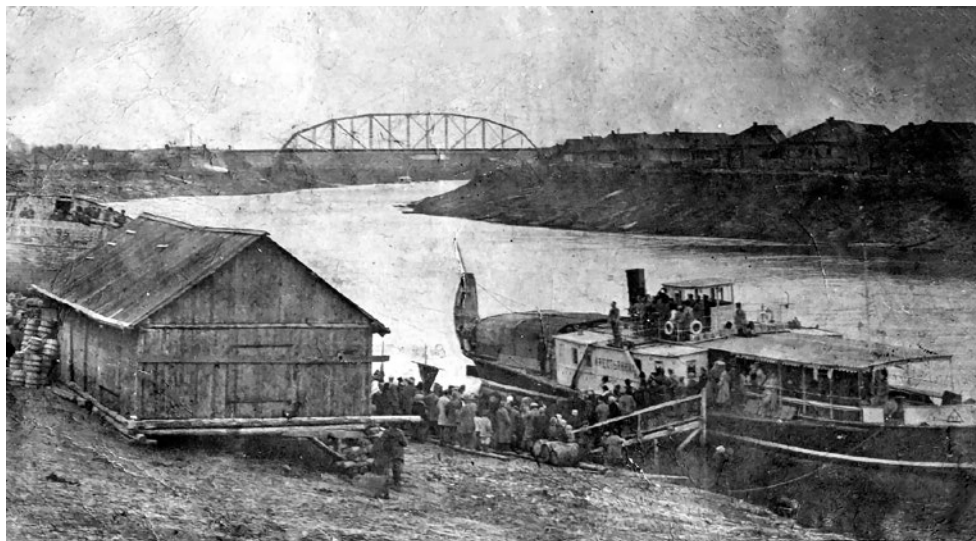
ИЗ Галича мать Веру привезли в Буй, откуда её на пароходе должны были доставить в Кострому. До прибытия парохода её поместили в местную тюрьму.

Деревянное здание Буйской тюрьмы, уцелевшее в пожаре 1914 г., находилось в самом центре города — на ул. Октябрьской революции (бывшей Екатерининской)². Жительница Буя, Анна Дмитриевна Зайцева (1916 г. р.), оказавшаяся свидетельницей, как местные жители провожали матушку Веру от тюрьмы до парохода, позднее вспоминала:

«Раньше река Кострома была судоходной. Пароходы ходили из Буя в Кострому и обратно. А пароходы назывались так: “Буй”, “Кострома” и “Крестьянка”. В 20-е годы матушка Вера находилась в тюрьме г. Буя. Из тюрьмы её на лошади везли к пароходу, который отправлялся в Кострому. Одета она была во всем чёрном*. Народа рядом шло много. Она всех благословляла. Всё происходило очень спокойно, никого не отгоняли, везли её тихо. Вместе со стульчиком её сняли с кареты и внесли в каюту. Это я видела сама. Мне тогда было 8–9 лет. Везли её, примерно, в 1924 или 1925 году»³.

По-видимому, мать Веру привезли в Кострому в первых числах мая 1924 г. Здесь она вновь оказалась в здании губотдела ОГПУ на площади Революции (где раньше размещалась губчека). Дело матери Веры было поручено вести помощнику уполномоченного секретного отдела Алимову.

* Упоминание о том, что мать Вера была одета во все чёрное, подтверждает то, что иногда она носила одеяние чёрного цвета.

Буй. Река Кострома. Люди садятся на пароход «Крестьянка». Фото 1920-х гг.

7 мая 1924 г. т. Алимов вынес постановление, в котором говорилось, что «рассмотрев сего числа присланный мне материал уполномоченным Галичского уезда при отношении за № 235 на гр-ку Меркулову Веру Антоновну и принимая во внимание, что в таковом имеются указания на признаки совершенного преступления по 119 и 120 ст. ст. Уголовного кодекса, постановил: на основании ст. 159 УПК мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении гр-ки Меркуловой В. А. избрать заключение под стражу при Костромском исправдоме № 1 по 1 категории без права свидания (...)»⁴. Так мать Вера вновь попала в Костромской исправдом № 1* — бывшую губернскую тюрьму на бывшей Русиной улице. Там, увидев, что к ним привезли инвалида, её опять поместили в тюремную больницу.

Через несколько дней в исправдоме № 1 оказался и арестованный в Галиче священник Александр Афанасьев, который приехал из Москвы, чтобы встретиться с матерью Верой. Вероятно, мать Вера узнала об этом, но вряд ли смогла с ним встретиться.

ПОЧИТАТЕЛИ МАТЕРИ ВЕРЫ ВЫСТУПАЮТ В ЕЁ ЗАЩИТУ

ЭТОТ арест матери Веры, судя по всему, имел большой общественный резонанс. Жители Галича, Галичского и Буйского уездов стали обращаться в губернские инстанции с письмами в её защиту. Подтверждением этому служит информационный до-

* В то время Костромской исправдом № 1 находился по адресу: ул. Советская, д. 80⁵. Его современный адрес: ул. Советская, д. 88.

клад, который в 1925 г. Костромской губком РКП(б) направил в ЦК партии. В докладе, в частности, говорилось о случаях «обострения массовых религиозных настроений» за период 1922–1925 гг. Такие «обострения» за данный период имели место три раза.

Первое случилось «при удалении епископа-тихоновца в другую губернию», когда «подавались письма с массовыми подписями»⁶. Речь идёт о высылке в марте 1924 г. архиепископа Костромского и Галичского Севастиана (Вести) из Костромы в Кинешму, которая с 1918 г. являлась уездным центром Иваново-Вознесенской губернии⁷.

Второе «обострение» произошло во время закрытия первой в Костроме приходской церкви: «...при закрытии в фабричном районе по постановлению рабочих церкви — посылались делегации верующих»⁸. Имеется в виду закрытие в 1924 г. находящейся на рабочей окраине Костромы Власьевской церкви*. С церкви были сбиты главы и взамен их водружён красный флаг, а в помещении храма 7 ноября 1924 г. открылся рабочий клуб⁹. В декабре того же года в результате проведения конкурса на название клуба, он получил наименование «Рабочий гул»¹⁰.

Третьим случаем «обострения массовых религиозных настроений» в информационном докладе губкома РКП(б) в ЦК партии назван арест матери Веры: «...при аресте в начале 1925 г. Веры Меркуловой, спекулировавшей на знахарстве (...) ее помощницы-кликлуши, безрезультатно пытались организовать религиозный фанатизм»¹¹.

Вдумаемся в этот факт — обострение религиозных настроений в Костромской губернии в 1922–1925 гг. произошло три раза: 1) при высылке в другую губернию правящего архиерея, 2) при закрытии в Костроме первого приходского храма, 3) при аресте в Галиче матери Веры. Данное свидетельство губкома РКП(б) объективно говорит об авторитете матери Веры и степени её почитания в народе.

«НАПРАВИТЬ ДЕЛО (...) НА ПРЕДМЕТ РАЗРЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВЫСЫЛКЕ МЕРКУЛОВОЙ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ...»

17 ИЮНЯ 1924 г. помощник губернского прокурора Соколов, наблюдающий за органами ОГПУ, вынес по делу матери Веры Заключение, в котором говорилось: «(...) рассмотрев дело по обвинению гр-ки Меркуловой Веры Антоновны по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 119 и 120 УК, нашел: освобожденная из-под стражи в июле месяце 1923 г. прибывшая на

* В перестроенном здании Власьевской церкви (совр. адрес: ул. Симановского, д. 92) ныне профессиональное училище № 18, где готовят швей.

территорию Костромской губернии при удостоверении ОГПУ от 25 июля 1923 г. за № 270635 поселилась в г. Галиче и здесь начала продолжать прежнюю деятельность, так называемой “прозорливицы”, принимая посетителей фанатично-верующих и предсказывая им будущее. Все это она проводила, пользуясь темнотой посещающих ее. Беседы ее сводились же только к беседам, носящим характер обманных действий с целью извлечения для себя выгод, но часто она старалась распространить слухи о том, что Советской власти скоро будет конец, а вместе с ней и всем коммунистам как тиранам масс православного народа и тем полагала использовать широкие массы для возбуждения и сопротивления законам и постановлениям Рабоче-Крестьянской власти. Преступные действия Меркуловой предусмотрены ст. ст. 119 и 120 УК. Не находя возможным слушать настоящее дело в открытом судебном заседании, а, с другой стороны, считая Меркулову, имеющую общение с широкими массами невежественных по своему развитию людей, социально-опасной, полагал бы: согласиться с заключением помощника уполномоченного СО тов. Алимова и направить дело через ОГПУ в Комиссию НКВД на предмет разрешения вопроса о высылке Меркуловой в концентрационный лагерь, запретив ей после отбытия срока наказания проживание в пределах Костромской губернии»¹².

ПИСАТЕЛЬ В.Я. ШИШКОВ О МАТЕРИ ВЕРЕ

МАТЬ Вера ещё сидела под стражей в Костроме, когда в марте 1925 г. в столичном журнале «Новый мир» был опубликован очерк писателя В.Я. Шишкова* «Деревня Овсянкина», входящий в серию очерков «Приволжский край». В нём рассказывалось о путешествии писателя летом 1924 г. по Костромскому и Буйскому уездам. Проехав на пароходе вверх по течению реки Костромы, писатель сошёл на берег в деревне Овсяниково** Буйского уезда, где прожил несколько дней.

От своей домашней хозяйки, тетки Дарьи, Вячеслав Яковлевич впервые услышал «про матушку Веру или просто Верушку (...) нашу современницу, монахиню недалежного монастыря. Она пользовалась исключительным уважением среди всех местных крестьян и городского населения Буя и Галича. “А лицом-то она белая, а ростом невеличка, а глазыньки прямо как у орлицы у какой”. Она неизвестно откуда пришла в монастырь, жила в шалаше, монашествовала лет

* Писатель Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945 гг.), автор романов «Угрюм-река» и «Емельян Пугачёв».

**Официально деревня называлась Овсяниково. У В.Я. Шишкова она — Овсянкина, как, возможно, именовали её местные жители.

пятнадцать и (...) стала пророчествовать. Зимой и летом ходила босиком “в одной белой ряске, в белом апостольничке”; видимо, застудила ноги, и, когда ее, арестованную, везли на пароходе в Кострому, она уже не могла ходить. Деятельность Верушки (...) была признана вредной, и монахиню выслали на юг, на родину.

Отношение крестьян к ней (...) свидетельствует о том, что мистическое настроение в деревенской Руси, главным образом, среди баб и стариков, далеко не умерло, и что деревенская Русь, изверившись в священниках и наполовину отторгнувшись от церкви, ищет живой воды у старцев, стариц и юродивых»¹³.

Тогда же В.Я. Шишков посетил село Борок, где находился ещё действовавший Железнодорожский монастырь. Здесь он познакомился с тёткой Овдотьей, которая попросила у него обменять два старинных серебряных рубля времён Екатерины II на современные деньги. Когда он их ей поменял, они разговорились, и речь опять зашла о матери Вере.

« — Ты про Верушку-то слыхал, про красавицу-то нашу, про святую монашку-то?

— Слыхал.

— Ну, вот, в тюрьме она теперича, в Костроме. Тайно хочу ехать к ней. Нас трое собралось. Вот деньги-то и надо, тюремщиков подкупить придется, чтобы ночью допустили к ней. А мать Вера из святых святая. Я пятнадцать лет знакома с ней»¹⁴.

Конечно, упоминание в столичном журнале о находящейся в тюремных застенках матери Вере — пример определённой свободы в период НЭПа. Чего стоит упоминание о том, что трое жителей Борка предполагают ехать в Кострому и собирают деньги на подкуп тюремщиков, чтобы их допустили к матери Вере. Уже к концу 20-х годов такое было, конечно, невозможно.

Вполне возможно, что В.Я. Шишков из Борка добрался бы и до бывшего Свято-Троицкого монастыря, но, к сожалению, ещё в д. Ов-

Писатель В.Я. Шишков.
Фото 1914 г.

сяниково он повредил ногу и страдал от сильной боли. После того, как попытка местной знахарки, бабки Фёклы, помочь писателю не увенчалась успехом, ему пришлось, прервав путешествие, уехать в Буй, а оттуда — в Ленинград¹⁵.

МАТЬ ВЕРУ ССЫЛАЮТ В КИНЕШМУ

В ЭТОТ раз мать Вера провела в заключении в Костроме полтора года¹⁶. Москва решала её судьбу долго. Как мы помним, Костромская губернская прокуратура предложила заключить её в концентрационный лагерь*. В то время в стране Советов, как кажется, такой был только один — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). В конце концов, в столице решили судьбу костромской узницы. Приговор оказался довольно мягким. Мать Веру не отправили ни на Соловки, ни в Сибирь, ни в Туркестан. Своим постановлением Коллегия ОГПУ осудила её на 3 года ссылки в г. Кинешму¹⁷. Точная дата приговора нам неизвестна, но, по-видимому, это произошло осенью 1925 г.

Чем объяснить такую «мягкость» приговора? Видимо, в Москве, взвесив все «за» и «против», решили не проявлять особой жестокости. Всё-таки женщина, инвалид. Слухи о суровом приговоре ей могли попасть за рубеж, что в период начавшегося дипломатического признания СССР и налаживания торговых отношений с Европой было нежелательно. Решили обойтись малым — ссылкой в Кинешму. Какую-то роль в этом, по-видимому, сыграли и обращения читателей матери Веры, которые в этот период наверняка поступали во властные инстанции столицы.

Вообще мать Вера ставила своих гонителей в непростое положение. Не преследовать её они не могли. Однако с каждым арестом авторитет матери Веры, как гонимой, как мученицы, не мог не вырасти, и поэтому, когда она выходила из очередной тюрьмы, к ней устремлялось народу ещё больше, чем раньше. Власти в очередной раз не могли её не арестовать, но тем самым только ещё увеличивали авторитет матери Веры, как пострадавшей за веру. Естественно, что люди не могли не сочувствовать тяжело больной женщине, которая не может самостоятельно передвигаться, но постоянно подвергается преследованиям. Против своей воли преследователи окружали мать Веру ореолом мученичества. Власть предержащие хорошо это понимали. Вспомним, как Н.П. Орлеанский в 1921 г. в своём предписании начальнику Буйской милиции особо оговаривал: «При проведении задания (ареста и этапирования матери Веры в Кострому. — *Н.З.*) пред-

* Позднее слово «концентрационный лагерь (концлагерь)» ушло из советской лексики, и было заменено на «исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ)». С этого времени термин «концлагерь» применялся только по отношению к капиталистическим странам.

лагается избегать нерешительности и половинчатости, и в тоже время не давать повода по пути следования окружения себя каким-либо ореолом мученичества»¹⁸.

В Кинешму с матерью Верой отправилось несколько сестёр, навещавших её в Костромском исправдоме. Туда же с ней поехала и 19-летняя девушка Нина Виноградова, которую приставили к матери Вере в тюремной больнице для ухода за ней.

Нина Сергеевна Виноградова родилась в 1905 г. в д. Быково Нерехтского уезда, в бедной крестьянской семье. С десяти лет она стала работать у чужих людей. С 1918 г. Нина в течение шести лет батрачила на Анания Ивановича Контеева в д. Прутская Середского уезда. Хозяин одевал её, а когда она захотела от него уйти, то он обвинил Нину в краже её же одежды. Нину судили и приговорили к одному году заключения в Костромском исправдоме. Здесь её приставили ходить за матерью Верой¹⁹. Когда мать Веру освободили, Нина поехала вместе с ней в ссылку в Кинешму. 27 декабря 1928 г. на допросе в Галиче Нина Виноградова показала: «...в исправдоме я познакомилась с матушкой Верой, была представлена для ухода за ней и с тех пор с ней поехала в Кинешму на высылку и все время с ней живу»²⁰.

В один из дней осени 1925 г. сёстры вынесли мать Веру из ворот исправдома. Через несколько дней она отправилась в Кинешму.

В ССЫЛКЕ В КИНЕШМЕ (1925–1928 гг.)

«Кому в Кинешме не известна знаменитая “матушка Вера”? Пожалуй, всем»¹.

*«Приволжская правда» (Кинешма),
12 августа 1928 г.*

МАТЬ ВЕРА ПРИЕЗЖАЕТ В КИНЕШМУ

ОСЕНЬЮ 1925 г. мать Вера с несколькими спутницами прибыла в Кинешму. Конечно, она приехала к месту ссылки на пароходе вниз по Волге.

Мать Вера не бывала в Кинешме с 1910–1911 гг., когда она жила в пустыни Макариево-Решемского монастыря на р. Подоге. В 1925 г. внешний облик города мало изменился с дореволюционных времён. С палубы парохода мать Вера вновь увидела незабываемую панораму Кинешмы, которой восхищались все проезжавшие по Волге.

Писатель И. Ф. Тюменев в начале XX в. писал: «Красивый вид представляет Кинешма с Волги. Над пароходною пристанью возвышается крутой холм, увенчанный главным городским собором с высокою колокольнею. По краю холма, вдоль Волги, тянется бульвар, на который ведет крутая лестница; далее, за холмом, устье Кинешемки, а за нею, на пригорке, как две сестры, белеют две старинные каменные церкви: Успения и Спаса, окруженные городскими домиками и сочною обильною зеленью. Фон составляют высокие, песчаные обрывы, покрытые сплошным лесом, а на первом плане, на реке, вырезаясь в небе остриями мачт с цветными вымпелами, стоят десятки судов разных типов и величины. Всё это представляет и по линиям и по краскам очень красивую оживленную картину»².

...Пароход причалил к пристани. Спутницы вынесли мать Веру, наняли извозчика и поехали на квартиру (вероятно, окружение матери Веры заранее списалось со знакомыми в Кинешме и наняло для неё квартиру). К сожалению, где жила мать Вера в начале ссылки, мы не знаем.

В жизни матери Веры начиналась новая глава — кинешемская.

Панорама Кинешмы. Фото начала XX в.

Кинешма. Центральная часть города. Фото начала XX в.

* * *

Кинешма, бывший уездный город Костромской губернии, с 1918 г. являлась уездным городом Иваново-Вознесенской губернии. По данным 1923 г., в Кинешме проживало почти 21 тыс. жителей³. Со второй половины XIX в. Кинешма была важным промышленным центром. На окраинах её высились краснокирпичные громады текстильных предприятий — фабрики «Томна» и «Красная ветка».

Как и везде в советской стране, в Кинешме велась борьба со старыми названиями улиц, имена которым дали в основном по находящимся на них церквям. Центральная Торговая площадь уже была переименована в площадь Революции. Ряд улиц в историческом центре также получил новые названия — ул. Советская, ул. Красной армии. Главная магистраль города стала Красной улицей (совр. ул. Ленина).

К МАТЕРИ ВЕРЕ ИДУТ ЛЮДИ

УЖЕ вскоре после приезда мать Вера стала широко известна в Кинешме. Впрочем, какое-то количество местных жителей наверняка помнили и почитали её с того времени, когда она жила в Нодогской пустыни.

Едва стало известно, что мать Вера вышла из тюрьмы и сослана в Кинешму, как из Галичского, Буйского и Костромского уездов Костромской губернии побежали к ней людские ручейки. Имена некоторых людей, приезжавших к матери Вере, мы знаем. В Кинешме регулярно бывала Варвара Алексеевна Зеленина — её бывшая домохозяйка в Галиче. Нина Сергеевна Виноградова, жившая с матерью Верой в Кинешме, на допросе 27 декабря 1928 г. на вопрос, кто ездил к матушке Вере из Галича, ответила: «Варвара Алексеевна Зеленина часто приезжала в Кинешму»⁴.

19 июня 1926 г. некий селькор «Грач» в заметке «Снова о "матушке Вере"», помещённой в галичской газете «Плут и молот», возмущался паломничеством сельских женщин к матери Вере в Кинешму: «Из бывшей Селецкой волости, — писал «Грач», — отправляются женщины в Кинешму на поклон к "матушке Вере", которая снова там открыла свою гадавательную лавочку, обдувая православных. Не пора ли покончить с этой обдуваловкой!»⁵.

Те, кто не мог приехать в Кинешму, писали матушке. Нина Сергеевна Виноградова на вопрос следователя: «Как часто Вера получает письма?», ответила: «Получала в Кинешме часто по два-три письма на день»⁶.

Вслед за приезжими к матери Вере потянулись жители Кинешмы и уезда... Та же Нина Сергеевна Виноградова на вопрос о том, кто посещал матушку Веру в Кинешме, показала: «Приходили больше всего женщины — фабричные, крестьянки и другие, знакомые на

дню бывают по три-четыре человека и т. д. Приходят священники, дьяконы, псаломщики»⁷.

МАТЬ ВЕРА ПОСЕЩАЕТ ХРАМЫ КИНЕШМЫ

В 1925 г. в Кинешме ещё действовали все одиннадцать храмов, включая и Успенский собор. Через какое-то время после приезда мать Вера ежедневно стала ездить в Успенский собор, что вызвало резкий прирост его посещаемости богомольцами. 15 декабря 1926 г. кинешемская газета «Приволжская правда» отмечала, что мать Вера «дает солидный доход собору»⁸.

Успенский собор в Кинешме состоял из двух храмов: летнего Успенского и зимнего Троицкого*. Успенский летний храм был освящён в 1745 г., и в нём имелось три престола: 1) в честь Успения Божией Матери, 2) во имя святого благоверного князя Александра Невского и 3) во имя святого князя Владимира. В 1798 г. к храму была пристроена пятиярусная соборная колокольня — одна из наиболее красивых в Костромской губернии. Троицкий зимний храм был освящён в 1838 г., и в нём также имелось три престола: 1) во имя Пресвятой Троицы, 2) во имя Архистратига Михаила и 3) во имя святителя Алексея, митрополита Московского. Храмы окружала каменная ограда с решёткой.

Кинешма. Соборный ансамбль: слева — Троицкий храм, справа — Успенский.
Фото 1950-х гг.

* В Костромской губернии городские соборы, состоявшие из двух храмов, были: в Костроме, Галиче, Кинешме, Плесе и Юрьевце. В Варнавине собор состоял из трёх храмов.

Местночтимой иконой в Успенском соборе являлся список Феодоровской иконы Божией Матери, относимый к временам царя Михаила Фёдоровича Романова⁹.

Успенский собор был главным религиозным центром Кинешмы и Кинешемского уезда. В 1834 г. собор посетил император Николай I, о чём говорила надпись внутри храма: «Сей храм в 1834 году, октября 9 дня, посещен был Его Императорским Величеством, государем императором Николаем Павловичем»¹⁰. 8 июля 1894 г. святой праведный Иоанн Кронштадтский, совершавший большое путешествие по Волге, по просьбе депутации кинешемцев отслужил в Успенском соборе молебен¹¹.

* * *

С 1924 г. в соборе регулярно совершал богослужения высланный в Кинешму архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести). К сожалению, нам не удалось выяснить, кто в это время был настоятелем Успенского собора. Из соборного причта 20-х годов известен только диакон Стефан Цыганков.

Степан Фёдорович Цыганков* родился 6 июля 1873 г. в с. Новлянском Кинешемского уезда, в семье крестьянина. Он окончил церковно-приходскую школу в с. Георгиевское на Колдоме (последнее находилось в одной версте от Новлянского).

На военной службе Степан Цыганков был большим человеком — старшим писарем в штабе 41-й пехотной дивизии. После армии, в первые годы XX в., Степан Фёдорович женился. У него и его жены, Анны Фёдоровны Цыганковой, родилось пятеро детей: Мария (1903 г.), Алексей (1905 г.), Владимир (1911 г.), близнецы Александр и Антонида (1913 г.)¹².

Более десяти лет Степан Фёдорович служил в какой-то солидной конторе, но душа его тянулась к другому. В конце концов, он оставил конторскую службу и с 15 октября 1909 г. стал внештатным псаломщиком Успенский церкви Кинешмы. Примечательно одно место в прошении Стефана Фёдоровича, с которым он в начале ноября 1910 г. обратился к епископу Костромскому и Галичскому Тихону (Василевскому): «Прилежа всею душою храму Божию и горя желанием послужить при храме до конца дней моих (...) я нимало не раскаиваюсь, что оставил прежнюю службу конторскую, вдвое обеспечивающую меня (получал 55 руб. в месяц)»¹³.

С ноября 1910 г. Стефан Фёдорович некоторое время состоял псаломщиком в Никольском Староторжском женском монастыре в Галиче¹⁴. По-видимому, в конце 1910 г. С. Ф. Цыганков был назначен экономом Кинешемского духовного училища.

* Степан — это разговорная форма имени Стефан. Обычно носители этого имени в миру зовутся Степанами, а в Церкви — Стефанами.

21 октября 1911 г. состоялось его рукоположение в диакона Свято-Духовской домово́й церкви в Кинешемском духовном училище¹⁵. 26 октября 1911 г. о. Стефан был переведён диаконом в Казанский собор в Нерехте¹⁶, а 17 июня 1913 г. — диаконом Никольской церкви в с. Сидоровское Нерехтского уезда¹⁷. По-видимому, с начала 20-х годов о. Стефан служил диаконом в Успенском соборе Кинешмы.

Отец Стефан был близко знаком с матерью Верой, которая подарила ему свою фотографию с дарственной надписью*.

В 1927 г. о. Стефан был арестован, обвинён в «контрреволюционной агитации» и сослан на 3 года в Вологодскую губернию, в г. Кадников. По отбытии наказания срок ссылки ему продлили ещё на три года. 9 апреля 1933 г. о. Стефан был вновь арестован как член «контрреволюционной группировки духовенства». 1 июля 1933 г. Тройка Постоянного представительства ОГПУ по Северному краю осудила его на три года ссылки в Северный край¹⁸.

В 1936 г. о. Стефан освобоёлся, вернулся в родные края и стал служить диаконом Воскресенской церкви с. Соболево Юрьевоцкого района, настоятелем которой состоял иеромонах Алексей (Голубев). В начале октября 1937 г. о. Стефан был арестован в составе «контрреволюционной группы» во главе с о. Алексием (Голубевым). В следственном деле он назван иеродиаконом, то есть диаконом-монахом. По-видимому, в предыдущие годы о. Стефан принял монашество.

Уже 11 октября 1937 г. Тройка УНКВД по Ивановской области приговорила о. Алексея (Голубева) и о. Стефана Цыганкова к расстрелу¹⁹. 14 октября 1937 г. в Иванове приговор был приведён в исполнение²⁰.

* * *

На престольные праздники мать Веру приглашали в другие храмы Кинешмы. По городу мать Вера ездила в экипаже, запряжённом двумя лошадьми. И экипаж, и лошадей ей предоставили почитатели. 27 декабря 1928 г. на допросе в Галиче мать Вера на вопрос, откуда взялись лошади, на которых она приехала из Кинешмы в Сумароково, показала: «Крестьяне с. Лежнево Ивано-Вознесенской губ. Кротов Иван Васильевич и Федор Васильевич Кротов (братья) дали мне одну лошадь “Мальчик” с упряжкой, и одна лошадь принадлежит Якову Алексеевичу. Фамилию его не помню, живет в д. Кокуйка Кинешемского уезда»²¹. Скорее всего, мать Вера назвала вымышленные фамилии, чтобы скрыть подлинных владельцев лошадей. Судя по всему, владельцы фактически подарили их матери Вере, но, чтобы власти их у неё не изъяли, она говорила, что лошади ей не принадлежат.

В 1925–1928 гг. мать Вера являлась едва ли не самым известным человеком в Кинешме. Даже «Приволжская правда» признавала её

* Нам сообщила об этом родственница о. Стефана Цыганкова, Наталья Михайловна Суконкина, однако на нашу просьбу отсканировать фото и обратную сторону с надписью ответила отказом.

широкую популярность. В августе 1928 г. в статье «Классовый враг не дремлет. Молитвой, обманом, ложью одурачивает трудящихся» были такие строки: «Кому в Кинешме не известна знаменитая “матушка Вера”? Пожалуй, всем»²².

БЛИЖНИЙ КРУГ МАТЕРИ ВЕРЫ В КИНЕШМЕ

В КИНЕШМУ мать Вера приехала в сопровождении нескольких спутниц, в числе которых находились: Ксения Соловьёва, Нина Виноградова и воспитанница матери Веры Мотя Балдина.

Ксения Васильевна Соловьёва, о которой мы многократно упоминали выше, являлась одной из наиболее близких к матери Вере послушниц. Мы помним, как она пыталась защитить её в апреле 1921 г. Когда мать Веру увезли в Кострому, Ксения Васильевна последовала за ней в губернский город, находилась рядом с ней в Москве, в Галиче и снова в Костроме. Теперь Ксения Васильевна поехала вместе с матерью Верой в Кинешму.

В Кинешму приехала упоминаемая выше Нина Сергеевна Виноградова, которая ухаживала за матерью Верой в костромской тюремной больнице и последовала за ней в ссылку.

Третья была Мотя Балдина, воспитанница матери Веры или её приёмная дочь (так она названа в одной из публикаций в кинешемской газете «Приволжская правда»)²³. О судьбе Моти после того, как в апреле 1921 г. мать Веру увезли в Галич, мы ничего не знаем. Вероятно, она жила в Сумарокове, а в 1923 г. приехала к матери Вере в Галич. После её ареста она, скорее всего, вернулась в Сумароково, а когда её приёмную мать освободили, поехала с ней в Кинешму. В 1925 г. Моте было 15 лет.

За годы Кинешемской ссылки число живущих с матерью Верой послушниц увеличилось на несколько человек. В 1925 г. к матери Вере приехала и вскоре стала её ближайшей помощницей Анастасия Генеральская. Анастасия Васильевна Генеральская родилась 22 декабря 1902 г. в с. Назарьево Лежневской волости Ковровского уезда Владимирской губернии, в семье сапожника²⁴. В детстве её взяли в находящуюся в с. Назарьево Свято-Никольскую женскую общину²⁵, созданную в 1898 г. при местной Никольской церкви²⁶. Указом Св. Синода от 29 ноября 1914 г. община была преобразована в Свято-Никольский женский монастырь. Когда после революции монастырь закрыли, а на базе его хозяйства был создан совхоз, Анастасия Генеральская стала работать в нём, в частности, пасла скот²⁷. Она давно слышала о матери Вере и, узнав, что та живёт в Кинешме, приехала к ней и стала одной из её послушниц.

В 1926 г. к матери Вере приехала новая послушница — Надежда Шагина. Надежда Евгеньевна Шагина родилась в 1890 г. в д. Асташево Галичского уезда. Её родители — Евгений Акимович (1870 г.р.) и Любовь Арсентьевна (1869 г.р.) — были крестьянами²⁸. В 1910 г., в возрасте двадцати лет, Надежда уехала на восточную окраину Костромской губернии и поступила в только что созданную Ново-Казанскую женскую общину (позднее — Ново-Казанская пустынь) в Варнавинском уезде*. В 1926 г. Ново-Казанская пустынь была закрыта, и послушница Надежда Шагина, списавшись, видимо, предварительно с матерью Верой, приехала к ней в Кинешму.

В 1931 г. на допросе Надежда Евгеньевна показала: «С Меркуловой Верой Антоновной я знакома лично давно, еще с дореволюционного времени, хотя мы и жили в разных монастырях. До 1926 г. я жила в Новоказанском монастыре (...) а после ликвидации монастыря приехала в г. Кинешму, где в это время Меркулова В. А. находилась в ссылке. С этого времени я живу у нее в прислужницах»³⁰. С 1926 г. Надежда Шагина стала ближайшей помощницей матери Веры.

В 1927 г. из Галича к матери Вере приехала Прасковья Елшина. Прасковья Михайловна Елшина** родилась в 1899 г. в Галиче, в мещанской семье. По-видимому, она ещё в детстве много слышала о матушке Вере и в 1927 г. уехала к ней в Кинешму. 18 января 1930 г. на допросе в Котельнице Прасковья Михайловна показала: «В 1927 году из дома отца я уехала в г. Кинешму с целью поступить в послушницы к игуменье монастыря матушке Вере, с которой и проживала в Кинешме один год»³¹.

А ведь все поступавшие послушницами к матери Вере хорошо понимали, что, входя в её ближний круг, они — вместе с нею — автоматически становятся кандидатами на тюрьму и ссылку.

В Кинешме мать Вера встретила свою старую подругу и келейницу — Евфросинью Кирилловну Карепину. В последний раз мы упоминали её в 1923 г., когда она вместе с матерью Верой приехала из Москвы в Галич. После того, как в апреле 1924 г. мать Веру арестовали и отправили в Кострому, Евфросинья Кирилловна ещё какое-то время проживала в Галиче в доме В. А. Зелениной и даже была вместе с хозяевами лишена избирательных прав³². Затем и она переехала в губернский город.

Как писалось выше, в марте 1924 г. чекисты выслали из Костромы в Кинешму архиепископа Костромского и Галичского Севастиана (Вести). По-видимому, вскоре Евфросинья Кирилловна, оставив попечение о сидящей в тюрьме матери Вере на Ксению Соловьёву, уехала к владыке Севастиану в Кинешму и прожила у него в услужении до

* Ново-Казанская женская община была открыта вблизи с. Турань Варнавинского уезда указом Св. Синода от 22 декабря 1908 г.²⁹

** Елшины — одна из распространенных фамилий в Галиче. Эту фамилию здесь произносят как Ёлшины.

его кончины в 1929 г. Наверняка она сделала этот шаг по благословению матушки Веры. На допросе в 1931 г. Евфросинья Кирилловна показала: «(...) я уехала в г. Кинешму, где работала 7 лет до 1930 г. прислугой у б. епископа Севастиана»³³. Известен адрес, по которому она жила в Кинешме: ул. Грибоедова, д. 12³⁴. Когда в 1925 г. в Кинешму приехала мать Вера, они стали часто видеться. На том же допросе Евфросинья Кирилловна показала: «(...) я встречала Веру Меркулову в г. Кинешме, где она отбывала трехгодичную ссылку, а я (...) жила у епископа Севастиана»³⁵.

Как видим, в годы кинешемской ссылки вокруг матери Веры возникла небольшая монашеская община. Власти не раз обвиняли её в создании некоего подпольного монастыря и, по сути, были правы. Всякий раз, когда мать Вера выходила на свободу, вокруг неё возникала небольшая группа, живущая, насколько это было можно, по традициям монастырской жизни.

МАТЬ ВЕРА И АРХИЕПИСКОП СЕВАСТИАН (ВЕСТИ)

КАК уже писалось, в марте 1924 г., на полтора года раньше матери Веры, в Кинешму из Костромы был выслан архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести; 1871–1929 гг.) (о докинешемском периоде жизни святителя Севастиана рассказывается в Приложении 5). Чекисты исходили из того, что с 1918 г. Кинешма — это уже другая, Иваново-Вознесенская губерния. Однако в церковном отношении Кинешма и Кинешемский уезд оставались в составе Кинешемского викариатства Костромской епархии.

Приезд владыки Севастиана в Кинешму и его поселение здесь, конечно, стали важным событием в церковной жизни города. Кинешемская «Приволжская правда» 1 апреля 1924 г. в заметке «У церковников» сообщала: «Вслед за арестованным архиепископом Августином* в Кинешму немедленно назначили епископа Севастиана, б. Костромского**, который уже и приступил к отправлению своих обязанностей. Как приверженец Тихоновской церкви, Севастиан церковное управление Иваново-Вознесенской епархии не признает и в Кинешме открыл управление всей Костромской епархией.

Таким образом, Кинешма в настоящее время представляет чуть не центр Тихоновского Поволжья, чему очень рады приверженцы этой церкви, густо населившие Кинешму. Прежние поклонники и поклонницы “аскета” Василия*** и смазливое Августина теперь лобызуют немощного Севастиана»³⁷.

* Имеется в виду епископ Иваново-Вознесенский, викарий Владимирской епархии Августин (Беляев; 1886–1937 гг.), арестованный 15 февраля 1924 г.³⁶

** Автор заметки именует владыку Севастиана «бывшим Костромским», но это неправильно: тот оставался архиепископом Костромским и Галичским вплоть до своей кончины в 1929 г.

*** Викарий Костромской епархии епископ Кинешемский Василий (Преображенский).

Во второй половине 20-х годов архиепископ Севастиан по преимуществу пребывал в Кинешме, которая фактически в это время превратилась в центр Костромской епархии. Сатирическая газета «Колотушка» (приложение к «Приволжской правде») в апреле 1925 г. писала в заметке «Епископское царство»: «Кинешму наводняют епископы. Сделалась какая-то непроходимая епископская сеть. Здесь управления: Костромской, Иваново-Вознесенской, Кинешемской * и т. д. епархиями. Конкуренция среди епископов хуже, чем среди торговцев»³⁸.

В октябре 1924 г. «Приволжская правда» в нескольких номерах публиковала «Список лиц, не имеющих избирательного права, согласно Конституции РСФСР по г. Кинешме». В этом списке, в разделе «Священнослужители и их жены», значился и Вести С. И., то есть Вести Севастиан Иванович^{39 **}.

Евфросинья Кирилловна Карепина на допросе в 1931 г. показала, что во время ссылки в Кинешме мать Вера часто общалась с владыкой Севастианом: «В этот период жизни Вера имела глубокую связь с Севастианом и часто его навещала»⁴⁰.

В 1928 г. мать Веру посетила Градислава Никаноровна Канорская, вдова священника из г. Кемь и родная сестра епископа Архангельского и Холмогорского Аполлоса (Ржаницына; 1872–1937 гг.). Эта мужественная женщина помогала духовенству, заключённому в Соловецком лагере, поддерживать связь с волей.

В 1928 г. Г. Н. Канорская сначала отправилась в Костромскую губернию в Железоборовский монастырь, к «бывшему узнику Со-

Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести). Фото 1927 г.

* Кинешемской епархии тогда не было. Было Кинешемское викариатство Костромской епархии. Епископ Кинешемский Василий (Преображенский) в это время находился в ссылке в области Зырян (совр. республика Коми).

** Как это часто бывало тогда в советских документах, имя архиепископа Севастиана составлено частично из его мирского имени (Григорий Иванович Вести) и монашеского имени — Севастиан.

ловецких лагерей, иеромонаху Иоасафу (Сазанову) с информацией о жизни духовенства в лагерях. Затем Канорская поехала в Кинешму, где остановилась у бывшей настоятельницы Свято-Троицкого монастыря игумении Михайлы (Меркуловой), которая организовала её встречу с епископом Севастианом (Вести). Ему она также рассказала о положении заключённого на Соловках духовенства. Во время беседы владыка поведал ей о церковной жизни в стране и особенно подробно — о линии, принятой митрополитом Сергием (Страгородским). Из Кинешмы Канорская поехала в Кострому, а оттуда — в Вологду и затем вернулась в Кемь. Все сведения, полученные во время поездки, она записывала и по возвращении передала в лагерь»⁴¹.

Разумеется, Градислава Никаноровна сильно рисковала во время таких поездок. В конце концов, 7 июня 1929 г. её арестовали в г. Кемь и приговорили к 3 годам заключения в концлагере. Свой срок она отбывала в Соловецком лагере особого назначения⁴². Её дальнейшая судьба неизвестна.

В декабре 1928 г. мать Вера покинула Кинешму и вернулась в Су-мароково. Владыка Севастиан прожил в Кинешме ещё год и скончался здесь 8 декабря 1929 г.⁴³.

ПРОТИВ МАТЕРИ ВЕРЫ ВОЗБУЖДАЕТСЯ ДЕЛО

РАЗУМЕЕТСЯ, кинешемские власти не могли не реагировать на популярность матери Веры. Во второй половине 1926 г. против неё было возбуждено уголовное дело. Большинство людей, против которых возбуждается уголовное дело, заключаются под стражу. Скорее всего, мать Веру вновь арестовали и посадили в тюрьму.

Она очутилась в домзаке (доме заключения), который находился на окраине Кинешмы в бывшем Успенском женском монастыре. У нас нет сведений о том, что мать Вера до революции бывала в этом монастыре, но она наверняка слышала о нём.

* * *

Кинешемский Успенский монастырь являлся преемником Вознесенского женского монастыря, основанного в память о разгроме Кинешмы в день Вознесения Господня в 1609 г. В 1764 г. монастырь был упразднён и обращён в приходской Вознесенский храм⁴⁴. Около 1850 г. жители Кинешмы обратились в Св. Синод с прошением о разрешении возобновить при Вознесенской церкви женский монастырь, но им разрешили создать при ней только женскую богадельню⁴⁵. В 1852 г. при Вознесенской церкви, в её ограде, была открыта богадельня. Начальницею её стала дочь настоятеля Вознесенской церкви протоиерея Василия Перебаскина, Параскева Перебаскина, жившая до того в Арзамасской Алексеевской общине⁴⁶.

Кинешемский Успенский монастырь. Фото начала XX в.

В 1869 г. женскую богадельню при Вознесенской церкви преобразовали в женскую общину. В середине 80-х годов решено было перенести общину в окрестности Кинешмы, на участок земли в трёх верстах от города, который пожертвовал фабрикант Никанор Алексеевич Разорёнов. Здесь была выстроена деревянная Успенская церковь, которую 13 декабря 1887 г. освятил епископ Костромской и Галичский Александр (Кульчицкий)⁴⁷. В 1890 г. община окончательно переехала сюда из города и в 1896 г. была официально преобразована в Успенский женский монастырь⁴⁸.

Его первой настоятельницей являлась игуменья Антонина (Агафья Агеевна Свистова; 1832–1910 гг.), родившаяся в Кинешме, в мещанской семье. В 1866 г. она поступила в Софийский женский монастырь в Рыбинске, где в 1876 г. приняла монашеский постриг с именем Антонина. 28 ноября 1883 г. она была перемещена из Ярославской епархии в г. Кинешму, где 19 декабря 1883 г. её избрали настоятельницей Вознесенской женской общины⁴⁹.

На рубеже XIX и XX вв. в монастыре велось большое строительство: в 1902–1903 гг. построен каменный двухэтажный сестринский корпус, в 1908–1909 гг. обитель была обнесена каменными стенами⁵⁰. 8 июля 1912 г. в монастыре произошла закладка каменного трёхпрестольного храма в честь Успения Божией Матери⁵¹. Из-за начавшейся вскоре Мировой войны и грянувшей затем революции храм остался недостроенным.

В городе монастырь имел своё подворье: «В Кинешме, по Вознесенской улице, монастырю принадлежат два дома, один из которых

служит подворьем для приезжающих сестер. Живущие здесь постоянно сестры занимаются печением просфор на весь город»⁵².

Главной святыней обители являлась икона Иверской Божией Матери, присланная с Афона.

Численность монастырской общины быстро росла: в 1890 г. в ней было 60 насельниц⁵³, в 1894 г. — 70⁵⁴, в 1900 г. — 100⁵⁵, в 1907 г. — 116⁵⁶, в 1913 г. — 125⁵⁷, в 1918 г. — 101⁵⁸.

4 июня 1908 г. Успенский монастырь посетил епископ Кинешемский Иннокентий (Кременский). В своём отчете он писал: «...я отправился в женский Кинешемский монастырь. Мать игумения Антонина преклонных лет и не совсем здорова. Монастырь небогатый и немногодоровый, за собою насчитывает не более 20 лет своего существования на сем месте, но понемногу обустроивается. Церковь маленькая и не блещет убранством, но содержится, как и должно ожидать в женских обителях, чисто. Монахини из простого серого народа. Стараниями игумения разбит небольшой садик. Трапезная довольно поместительная и светлая. Обитель, по словам игумении, охотно посещается богомольцами окрестных деревень, привлекаемых пением монахинь»⁵⁹.

В 1910 г. игумения Антонина скончалась. Указом Св. Синода от 16 октября 1910 г. новой настоятельницей монастыря стала игумения Александра — в миру Анна Николаевна Ракова (1859 г. р.), уроженка д. Тимашево Вологодского уезда Вологодской губернии. Она поступила в Богоявленско-Анастасийин монастырь в Костроме в 1874 г., стала послушницей в 1888 г., монашеский постриг с именем Александра приняла 24 февраля 1901 г.⁶⁰.

Как писалось выше, на подворье обители на Вознесенской улице в 1914 г. был устроен госпиталь, который содержали монастыри Костромской епархии.

В марте 1923 г. местные власти обратились в Иваново-Вознесенский губисполком с ходатайством об устройстве в монастыре дома заключения (домзака), мотивируя это плохим состоянием старого кинешемского домзака⁶¹. В 1924 г. Успенский женский монастырь был закрыт и обращён в домзак, который позднее преобразовали в Кинешемскую тюрьму № 3 (ныне — Кинешемский следственный изолятор)⁶².

* * *

15 декабря 1926 г. в «Приволжской правде» появилась посвящённая матери Вере большая статья, автором был К. Леб, в 20-е годы часто писавший на церковные темы, разумеется, в духе самого-самого воинствующего атеизма. По-видимому, данная статья имела целью подготовить жителей Кинешмы и уезда к предстоящему суду над матерью Верой.

«Читатели “Приволжской Правды”, — писал К. Леб, — неоднократно спрашивают редакцию о “матушке” Вере. Кто она, что из

Суд и быт

Дело о „матушке“ Вере

Дело о «матушке Вере» (Вера Антоновна Меркуловой), длившееся несколько месяцев, следователем Быстрым закончено. Ей предъявлено обвинение по 187 ст. стар. угол. код. (мошеничество).

Не только обыкновенные миряне, но и представители духовенства на следствии „матушку“, что называется, «провалили с треском». Даже приемная дочь ее 17-летняя Мотя Балдина, воспитывавшаяся у „матушки“ с 2 лет, показала, что «мамуся» содержит свой штат, квартиру и лошадь исключительно на приносимые подаяния. Произведенный обыск у „матушки“ в присутствии представителей печати показал, что живая „божья мать“ (как ее называют многие кликуши) обдается шоколадом и другими сладостями, в изобилии приносимыми ей многочисленными посетителями.

Откуда происходит «мамуся» — не показали и священники. Один из них Михаил Ширяев говорит, что она в возрасте 26 лет прибыла в Кинешму из Крыма. По мнению этого священника и других, все показания Веры — вздорная чепуха, а советы Веры сводятся к следующим:

— «Если выздоровеешь, то не умрешь..., «Когда должна будет родить жена, накрой ее платком,—благополучно родит...» И т. д., и т. п...

Между прочим, она занималась врачеванием и ветеринарией.

Вызванный в качестве глав-

ного свидетеля архиепископ Севастиан говорит, что Вера преследует мания величия. Жертва ее, по показанию епископа, являются темные массы и некоторые торговцы. Советы ее — самые несурзные.

Такие показания свидетелей усумнили следователя в нормальном психическом состоянии Меркуловой. Была создана врачебная комиссия, которая нашла, что «героиня мещан» не совсем здорова, что она одержима религиозным психозом...

Несколько слов о нравственности Веры.

Все поклонники и поклонницы считают «матушку» чистой, ангельски-непорочной. То же самое говорила и «матушка». В знак своей непорочности она даже носила белую мантию. Наделенные же большим медицинским опытом врачи специалисты освидетельствовавшие «непорочную», нашли, конечно, совершенно другое и, кроме всего психически ненормальной.

Теперь народному суду предстоит разрешить вопрос: судить ли Меркулову, если врачи нашли ее психически ненормальной?

Меркулова безусловно больна, судя по ее «пророчествам» и свидетельству врачей. Дело о ней нужно прекратить, а больную отдать кому-либо из ее поклонников или в соответствующую лечебницу на призрение, а призревающих обязать, чтобы они не допускали к сумасшедшей всякого рода «поклонников» и неграмотных людей.

К. Леб.

Статья «Дело о „матушке“ Вере», помещённая в кинешемской «Приволжской правде» 10 февраля 1927 года за подписью «К. Леб»

себя представляет, и какова судьба судебного процесса по её делу»⁶³. Автор постарался удовлетворить законное любопытство читателей. В его статье не было почти ни слова правды, а только самые нелепые выдумки, имеющие целью принизить образ матери Веры.

«Из добытого из органов следствия, дознания и местного духовенства дело, — утверждал К. Леб, — обстоит так. „Матушка“ Вера называет себя девицей крестьянского происхождения по имени Вера Антоновна Меркулова („в миру“). Документов же, точно устанавливающих её имя и происхождение, нет нигде.

Между тем о её происхождении имеется несколько версий. По одной из них — перед империалистической войной “святая” была фавориткой при дворе Николая II, будто бы и наложницей двора, провёл её Распутин, добывший эту “сладость” в дебрях Сибири, в скитах тайги... Искушенная безалаберной развратной жизнью она занялась при дворе интригами и за это была выслана в бывший женский монастырь около Самары. С того времени начинается “подвижническая” жизнь “христовой невесты”, приведшая её в кинешемские края»⁶⁴.

Здесь надо отдать автору должное. Как только не именовала советская пропаганда мать Веру — и помещицей, и княгиней, но до звания «фаворитки при дворе Николая II» (фаворитки Николая II?) и «наложницы двора» (всего двора?) возвысил её только он. Правда, К. Леб называет и иные версии. «По другой версии, “Верочка” (как её называют некоторые чины духовенства) происходит из темного крестьянства Галичского уезда Костромской губернии. Рано “свихнувшись”, она уехала с малярами в Питер, где закружилась в омуты разврата (...)»⁶⁵.

В конце статьи К. Леб писал: «В заключение от имени десятков тысяч читателей мы предлагаем надлежащим органам обратить внимание на губительную деятельность авантюристки, называющей себя Верой Антоновной Меркуловой и выслать её вместе со всей окружающей её уголовной свитой из пределов Ив.-Вознесенской губернии. Соловки — вот настоящая обитель для божественной “матушки Веры”»⁶⁶. Не оказался ли тов. К. Леб со своей немецкой фамилией (если это, конечно, не литературный псевдоним) со временем сам в тех местах, куда предлагал отправить человека, не сделавшего ему ничего плохого?

В примечании к статье К. Леб извещал читателей: «Между прочим, нарсуд нам сообщил, что дело о “матушке” Вере направлено на распоряжение Иваново-Вознесенскому губпрокурору»⁶⁷.

В ходе следствия, которое вёл следователь Быстров, в качестве свидетелей по делу матери Веры проходили десятки людей, в том числе и архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести)⁶⁸. Однако, в конце концов, власти не решились на открытый судебный процесс над Сумароковской подвижницей. Скорее всего, старшие товарищи из Иваново-Вознесенска запросили по этому вопросу Москву. Москва же подумала о своём имидже и запретила проводить процесс, где на скамье подсудимых будет сидеть монахиня-инвалид, которую до этой самой скамьи придётся катить на коляске или нести на руках.

10 февраля 1927 г. т. Леб извещал читателей: «Дело о “матушке” Вере (Вере Антоновне Меркуловой), длившееся несколько месяцев, следователем Быстровым, закончено. Ей предъявлено обвинение по 187 ст. старого уголовного кодекса (мошенничество)»⁶⁹.

Однако, так как на проведение процесса был, судя по всему, уже наложен запрет, то, чтобы выйти из этой ситуации, «сохранив лицо»,

кинешемские власти решили объявить мать Веру психически больной. Такой шаг разом решал все проблемы: 1) дискредитировал мать Веру и разрушал её авторитет, 2) почитатели и посетители матери Веры сами оказывались не очень умными, раз шли за советом к сумасшедшей, 3) власть имущие из гонителей православной подвижницы превращались в государственных мужей, которые избавляют общество от психически ненормального человека.

К. Леб сообщал: «Была создана врачебная комиссия, которая нашла, что “героиня мещан” не совсем здорова, что она одержима религиозным психозом»⁷⁰. Как мы помним, в Галиче в 1921 г. мать Веру отправляли на подобную медицинскую экспертизу, и позднее, в 1930 г. в Котельниче, её вновь отправят на проверку к психиатрам, и оба раза врачи найдут мать Веру психически здоровой. В Кинешме, видимо, на медиков сумели надавить или же они выдали свидетельство, которое можно было трактовать и так и так. Не случайно К. Леб пишет осторожно: комиссия нашла, что мать Вера «не совсем здорова» и «одержима религиозным психозом». Подобный диагноз позволял отказаться от проведения публичного суда: ведь нельзя же судить психически больного человека.

В той же статье от 10 февраля 1927 г. К. Леб писал: «Теперь народному суду предстоит разрешить вопрос: судить ли Меркулову, если врачи нашли ее психически ненормальной? Меркулова, безусловно, больна (...). Дело о ней нужно прекратить, а больную отдать кому-либо из ее поклонников или в соответствующую лечебницу на призрение, а призревающих обязать, чтобы они не допускали к сумасшедшей всякого рода “поклонников” и неграмотных людей»⁷¹.

Однако ни в какую соответствующую лечебницу мать Веру не отдали. По-видимому, весной 1927 г. она вышла на свободу и, таким образом, в противостоянии с кинешемскими властями оказалась победительницей. После провала властей с идеей судебного процесса мать Вера прожила в Кинешме ещё почти два года.

МАТЬ ВЕРА И СВЯТИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ, ЕПИСКОП КИНЕШЕМСКИЙ

К СОЖАЛЕНИЮ, у нас нет данных о том, встречалась ли в Кинешме мать Вера со святителем Василием (Преображенским), епископом Кинешемским.

Святитель Василий был арестован в Кинешме 10 мая 1923 г., и вскоре его выслали на два года в автономную область Коми (Зырян), в с. Усть-Кулом. В июле 1925 г. епископ Василий вернулся из ссылки. В начале 1926 г. власти предписали ему покинуть Кинешму, и он уехал в д. Иоаннополь Галичского уезда, откуда в июне 1927 г. переехал в Кострому. В Кинешму святитель Василий вернулся в августе 1928 г.,

но уже 28 сентября того же года его арестовали и увезли в Иваново-Вознесенск⁷².

Как видим, большую часть времени, которое прожила в Кинешме мать Вера, святителя здесь не было. Они могли общаться только в конце 1926 г. и в августе — сентябре 1928 г., но, повторим, данных об этом у нас нет.

1927 ГОД: ВЛАСТИ ЗАКРЫВАЮТ МАКАРИЕВО-РЕШЕМСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

НА время жизни матери Веры в Кинешме пришлось закрытие Макариево-Решемского монастыря. Как мы помним, монастырь этот находился в слободе Решме, в 23-х верстах от Кинешмы ниже по течению Волги. В пустыни на р. Нодоге, принадлежавшей этой обители, мать Вера жила 1910–1911 гг. У нас нет данных о том, что во время ссылки в Кинешму мать Вера посещала Решемскую обитель: как административно ссыльная она не могла отлучаться из города. Однако насельницы Макариево-Решемского монастыря наверняка навещали её в Кинешме.

В отличие от Свято-Троицкой обители, закрытой ещё в 1920 г., Макариево-Решемский монастырь смог протянуть на семь лет дольше. Его час пробил в 1927 г. Решение о закрытии Решемского монастыря было принято 16 марта 1927 г. на 21-м Кинешемском уездном съезде Советов. В своём заключительном слове на съезде председатель уисполкома И. Е. Смирнов коснулся Решемской обители. Под «одобрительные рукоплескания всего делегатского зала» он выдвинул «вопрос о превращении бывш. женского монастыря в с. Решма в культурный очаг со школой семилеткой и образцовым детдомом»⁷³.

Окончательное закрытие монастыря произошло в октябре 1927 г., что стало своеобразным «подарком» кинешемских властей к 10-летию Октябрьской революции. Уже в ноябре 1927 г. в бывшем монастыре разместился Решемский детский дом имени 1 Мая⁷⁴.

После закрытия монастыря значительная часть его насельниц во главе с игуменией Досифеей (Ипатовой) ещё около двух лет оставалась в Решме, расселившись у приютивших их местных жителей. По-видимому, в конце 1929 г. матушка Досифея с группой сестёр покинула Решму и переехала в Кинешму. Весной 1930 г. она перебралась в д. Маврино (в 8-ми верстах от Кинешмы), где при местной Троицкой церкви, построенной в 1922 г., ей удалось создать какое-то подобие монастыря. Матушка Досифея скончалась в Маврине 3 июля 1934 г. и была здесь похоронена⁷⁵.

Впрочем, эти события произошли уже после того, как в декабре 1928 г. мать Вера, отбыв срок ссылки, покинула Кинешму.

ОКОНЧАНИЕ КИНЕШЕМСКОЙ ССЫЛКИ

ВЫШЕ мы писали, что не знаем, где жила мать Вера в первое время своей ссылки в Кинешме, но её последний кинешемский адрес нам известен. В 1926–1928 гг. она проживала на улице Кузнецкой, в доме № 27, хозяином которого был Ефим Евграфович Смирнов⁷⁶. Кузнецкая улица, каким-то образом избежавшая в советское время переименования, находилась на тогдашней окраине города — пролегла вдоль берега реки Кинешемки.

В декабре 1926 г. всё тот же К. Леб описал переезд матери Веры на новую квартиру: «Любопытен был недавний переезд “матушки” с квартиры на квартиру. Впереди со всем штатом ехала “Вера”, а сзади в отдельном экипаже везли её гроб *. Монашки гнусавили: “святой боже”... а посторонние шарахались в сторону»⁷⁷.

В последний раз «Приволжская правда» упомянула о матери Вере 12 августа 1928 г., написав: «В последнее время она (мать Вера. — *Н.З.*) решила обзавестись хозяйством, получив через подставное лицо земельный участок в 54 квартале (район Напольных улиц). Долго ли не застроится новый монастырь, нам неизвестно. Известно одно: участок разделан под огород, в огороде построена баненка (баня. — *Н.З.*), а “святую” капустку сторожит неизвестный старичок.

Не надо нам новых молелен и келий! Горкомхоз должен разоблачить этот “святой” обман и передать участок другому лицу. А “матушку” не мешало бы привлечь к ответственности за эксплуатацию верующих»⁷⁸. Что реально стоит за этим сообщением газеты, мы не знаем.

Срок трёхлетней ссылки в Кинешму истекал у матери Веры во второй половине 1928 г. **, и она стала готовиться к возвращению в Су-мароково.

* Действительно ли это был гроб или К. Леб его придумал для пушшего эффекта, мы не знаем.

** Так как мы не знаем точной даты приговора о трёхлетней ссылке в Кинешму, то мы не знаем и когда истёк срок ссылки.

МОНАСТЫРСКАЯ ОБЩИНА И СОВХОЗ «СУМАРОКОВО» В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

«Кто не слышал про бывший женский монастырь в Сумароково, где когда-то проживала “святая Верушка”. Теперь там совхоз и инвалидный дом. Осиное монашеское гнездо было раздавлено пролетарской революцией. Но черные осы остались (...)»¹.

«Плуг и молот», 29 сентября 1928 г.

«Совхозы, советские хозяйства, — наиболее последовательный тип социалистических предприятий в области сельского хозяйства (...), имеющие назначением производить товарную сельскохозяйственную продукцию и служить научно-технической базой для развития сельского хозяйства и его обобществления»².

*Малая советская энциклопедия
(1932 г.)*

Пока мать Вера готовится к возвращению из Кинешемской ссылки в Сумароково, расскажем о том, что происходило здесь после 1921 г.

СОВХОЗ «СУМАРОКОВО» В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

КАК мы помним, после закрытия Свято-Троицкой обители в ней были организованы Инвалидный дом и совхоз «Сумароково»^{*}. Совхоз «Сумароково», созданный в бывшем «очаге религиозного дурмана», был первым в Галичском уезде^{**}, и поэтому в прессе ему уделяли большое внимание.

В отчётном материале «Что сделал Галичский уисполком за год (ноябрь 1922 – ноябрь 1923)» в разделе о совхозе «Сумароково» говори-

^{*} В документах и газетных публикациях 20-х годов совхоз назывался то «Сумароково», то «Ново-Сумароково».

^{**} Второй совхоз в Галичском уезде — совхоз «Поповский» — был образован в 1922 г. на базе пригородного хозяйства закрытого в 1919 г. Никольского Староторжского женского монастыря в Галиче. Совхоз снабжал продуктами Детский городок (детдом), разместившийся в бывшем монастыре³.

лось: «С 1919 г. находился в ведении Собеза*, с 1922 г. перешел в непосредственное ведение УИКа. Цель эксплуатации совхоза — обеспечение инвалидов Сумароковского дома и чисто показательная, в смысле разведения сельского хозяйства и улучшения пород скота»⁴. В таком же отчёте за 1924 г. говорилось: «Совхоз "Сумароково" обслуживает исключительно инвалидный дом Сумароково с 83-мя призреваемыми, дает небольшую пользу. Совхоз переходит на многополье и снабжен сельскохозяйственными машинами, живым инвентарем и постройками»⁵.

Совхоз «Сумароково» являлся достопримечательностью уезда. Его показывали приезжим, сюда устраивались экскурсии. В мае 1924 г. в совхозе побывала группа учеников из с. Королятино. Заметка об их экскурсии, помещённая в галичской газете, даёт понятие о том, что представлял совхоз в мае 1924 г.

«Осмотр, — говорилось в заметке, — начали с парника, где капустная рассада почти уже готова к посадке на грядки. Детям подробно объяснено устройство парников и работы в них вплоть до получения капустных семян. Затем осмотрели пчельник, зашли в фруктовый сад, где дети ознакомились с тем, как ухаживают за плодовыми деревьями и ягодными кустами. На молочной кухне узнали о сепараторе и маслобойке. Были на конюшне и скотном дворе. Всюду кидалась в глаза огромная разница между хозяйствами деревни и совхоза.

На яровом поле ученики заметили парные плуги и бороны. На вопрос детей: «Почему у нас, в деревне, нет таких орудий?» — заведующий (совхозом. — *Н.З.*) объяснил, что вся земля здесь разделена на 10 полей, широкими полосами и потому на таких полосах удобно работать такими орудиями»⁶.

Совхоз «Сумароково» первым в Галичском уезде приобрёл трактор, который 13 мая 1925 г. прибыл в хозяйство своим ходом с железнодорожной станции в Галиче: «Трактор прибыл довольно неожиданно и своим громким гудением собрал около себя работниц совхоза и инвалидов. Все с любопытством осматривали невиданную доселе машину. В скором времени были привезены плуги к трактору и на третий день после приезда трактор был пущен орать** на совхозном поле».

В работе трактор показал себя 16 мая: «Работал трактор хорошо. Прикрепленные к нему два больших лемеха ведут два широкие пласта и укладывают их очень хорошо. 16 мая трактор взорал*** в какие-нибудь 1½–2 часа около одной десятины земли, находящейся рядом с Ново-Теляковской школой и принадлежавшей ККОВУ****, и через несколько дней разборонил её дисковой бороной»⁷.

* Собез (собес) — уездный отдел социального обеспечения. Совхоз находился в его ведении с 1920 г.

** В 20-е годы старинный термин «орать», то есть пахать, был ещё живым словом.

*** Взорал — вспахал.

****ККОВ — крестьянский комитет общественной взаимопомощи.

Художник И.А. Владимиров «Первый трактор». 1925 г.

В заметке в галичской газете о тракторе не указана его марка, но нет сомнений, что это был колёсный трактор «Фордзон-Путиловец». Выпуск этих американских тракторов освоил в 1924 г. ленинградский завод «Красный Путиловец», и в 1924–1925 гг. они стали появляться в разных концах страны. Несомненно, появление трактора в совхозе произвело огромное впечатление на жителей округа. Как известно, первым тракторам на селе придавалось не только большое политическое значение, но и какой-то священно-мистический смысл. Первые трактора воспринимались не как механизмы, а как вестники иного будущего мира.

В конце октября 1927 г., в связи с приближением 10-летнего юбилея Октябрьской революции, уездная газета «Плуг и молот» поместила о совхозе большую статью. Статья «Совхоз “Ново-Сумароково” (за 10 лет)» была написана по принципу «так было — так стало», и, согласно ей, получалось, что Свято-Троицкий монастырь имел хозяйство неэффективное, отсталое и убыточное, а когда оно (хозяйство) перешло в ведение совхоза, то всё в нём стало эффективным, передовым и прибыльным.

«10 лет тому назад, — говорилось в статье, — здесь был богатейший женский монастырь. За огромными каменными стенами крылось не менее трех-четырёх сот монахинь. Главным центром внимания в их жизни была, конечно, церковь с золотыми главами, откуда текли основные доходы. Сельскому хозяйству уделялось мало внимания. Существовало в то время примитивное зерновое хозяйство с трехпольной системой с общей пахотной площадью в 60

десятин. Орудиями обработки земли были косуля и деревянная борона. Сеялось: рожь, овес, ячмень, лен, картофель и горох. Лугами монастырь был богат, а потому скота в то время было много, но толку мало. Коровы были малоудойные, и от них монастырь не требовал ничего, кроме навоза.

Хозяйствование монастыря заключалось лишь в уменье какими-нибудь способами эксплуатировать рабочую силу. Хозяйство было убыточно, весь валовой фонд с 1 десятины не превышал 66–70 рублей»⁸.

За время революции нерачительные владельцы будто бы довели монастырское хозяйство до окончательной разрухи: «В первые годы революции 1917 года усилиями проживающих здесь “христовых поклонниц”, “Сумароково” постепенно разрушается. С момента революции эти “божьи коровки” каким-то образом сумели до 1921 г. удержаться за каменными стенами, организовав здесь официально трудовую сельскохозяйственную женскую коммуну под управлением той же “магушки-игуменьи”.

И только с 1921 г.* там, где жили тунядцы, теперь рабочие создают образцовое сельское хозяйство. К этому времени “Сумароково” уже представляло собой полуразрушенное хозяйство, которое в таком состоянии только с этого момента стало считаться собственностью революции»⁹.

Советская власть положила разрухе конец: «(...) с 1921 г. Галичским уисполкомом ликвидируется вышеуказанная женская сельскохозяйственная коммуна (монастырь) и организуется на новых началах с другими задачами и функциями советское хозяйство. На долю совхозских** рабочих и руководителей выпала задача сделать крупное сельскохозяйственное предприятие нашего уезда, образцовое предприятие в крае, показательным для крестьян и доходным для страны»¹⁰.

Далее в статье рассказывается о состоянии совхоза к 1927 г.:

«В совхозе 70 с небольшим десятин пахотной земли, 47 с половиной десятин луга и 11 десятин под усадьбой. (...) Площадь посевов за десять лет увеличилась на 12 десятин. К 1927 г. урожайность значительно превысила среднюю норму, как-то: пшеницы озимой 120–150 пудов, ржи 80–110 пудов, овса — 80 пудов, ячменя — 70 пудов, лен-семя — 25 пудов, лен-волокно — 20 пудов и клевер 1-го укоса от 500 до 600 пудов с десятины»¹¹.

«Почва пашется на 70 процентов тракторами и на 30 процентов плугами “Сакка”, и боронится железными бородами. Уборка на 70 процентов жатками самосбросками, на 30 процентов серпами. Мо-

* Совхоз был создан в 1920 г.

** Мы привыкли, что от слова «совхоз» образуются производные — совхозный (–ая, –ое). В 20-е годы, как видим, употреблялась форма — совхозский (–ая, –ое).

лотьба зерна производится исключительно силами трактора на 4-х конной молотилке»¹².

Благодаря применению техники количество рабочих в совхозе невелико: «В 1921 г. в совхозе работало 53 чел. Уже в 1924 г. на 70 десятинах пашни работало 22 чел, в 1925 г. — 18 чел. и в 1926–27 гг. их число не превышает 10–11 чел. на те же 70 десятин пашни»¹³.

С крупным рогатым скотом в монастыре обстояло особенно неважно, но теперь всё изменилось: «Плохое наследство получил совхоз от монастыря. Крупное животноводство носило навозный, а не племенной характер. В среднем стадо давало удой 60 пудов в год на корову. С 1925 г. производится тщательный подбор и выбраковка стада. В основу стада положен скот ярославской породы. (...) Продуктивность стада ежегодно заметно повышается. В среднем стадо с годовым удоем за последний год в 80–95 пудов»¹⁴.

Совхоз имел большой фруктовый сад. В статье умалчивалось, что сад, как и всё, достался совхозу от монастыря, и читатель мог подумать, что сад насажен, вырос и стал плодоносить уже в совхозные времена: «Под садом в совхозе занята площадь в 9 слишком десятин. Продукты садоводства частично консервируются и идут на потребление рабочих совхоза и частично инвалидного дома, находящегося при совхозе»¹⁵. Были у совхоза и неизвестно откуда взявшиеся огороды: «Огородничество дает совхозу прибыль. Продукты огородничества, как-то: капуста, морковь, свекла, огурцы, лук и др. идут главным образом на потребность инвалидного дома»¹⁶. Имелась у совхоза и пасака, видимо, также свалившаяся с неба: «Пчеловодство в последние годы дает прибыль хозяйству»¹⁷ (значит, в предыдущие годы, приносило убытки?).

В разделе о кирпичном заводе в виде исключения было сказано, что он возник при монастыре: «Особое значение имеет кирпичный завод, построенный еще бывшим монастырем около 40 лет тому назад. В 1925–26 году данный завод пришел почти в совершенную негодность. К сезону 1927 г. совхозом выстроена новая печь для обжига кирпича с годовым производством от 100 до 200 тысяч кирпича. В нынешнем году совхоз имеет 100 тысяч штук выработанного кирпича»¹⁸. «Имеется еще в хозяйстве ветряная мельница и кузница»¹⁹. Напомним, что ветряная мельница была построена монастырем в конце XIX в.

В статье ни слова не говорилось о том, что большинство рабочих совхоза составляли бывшие монастырские насельники и что всеми своими достижениями совхоз обязан их труду. Из статьи следовало, что после революции в бывшую цитадель «мракобесия и тунейства» пришли неизвестно откуда некие сознательные рабочие и создали на её развалинах образцовый совхоз.

ДОМ ИНВАЛИДОВ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

КАК мы помним, часть строений Свято-Троицкого монастыря занял Дом инвалидов (Индом). Один из его пациентов (на официальном языке — обеспечиваемых), Н. Седых, в написанной им в 1967 г. работе по истории Дома инвалидов, созданной на основе воспоминаний старожилов, пишет, что в 1922 г. в бывшей обители проживало 160 инвалидов²⁰. «Жили вместе с монашками, они ухаживали, готовили пищу, но постепенно с увеличением числа инвалидов монашек всё больше и больше вытесняли»²¹.

Инвалиды жили бедно. «Инвалиды и престарелые, — продолжает Н. Седых, — в первые годы ходили в лапотках, носили бельё из домотканого полотна, плохо были оборудованы постельные принадлежности. В корпусах было много клопов, блох и других паразитов. Питание тоже было плохое, люди голодали. Овощей своих было очень мало. Часто вспоминают старожилы инвалиды, как они заготавливали в летнюю пору крапиву, грибы; как они на себе носили из лесу дрова и т. д.»²².

ЖИЗНЬ БЫВШИХ МОНАСТЫРСКИХ НАСЕЛЬНИЦ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

ВЛАСТИ особенно раздражало то, что в Сумарокове продолжали жить несколько десятков бывших монастырских насельниц (по одним данным, их было 60, по другим — 70).

Подавляющее большинство насельников монастырей Костромской епархии, как и везде в России, являлись выходцами из крестьян, и в массе своей они не были резко настроены против новых властей. Писатель В.Я. Шишков приводит слова одного из монахов Железоборовского монастыря, о. Саввы, который в 1924 г. жаловался ему: «Ужасно горько нам, монахам обители сей, что мы совершенно бесправны, мы как бы вне государства, нас никто не признает, никто с нами не считается, и труд наш не труд, а якобы мракобесие. Обидно, знаете. Ведь и у нас душа. Тяжко в отечестве своем чувствовать себя последним хламом, отщепенцами. Ведь все мы из мужиков да из мастеровых, — мы из народа»²³. Наверняка примерно такие же чувства испытывали и насельницы Свято-Троицкой обители.

Однако для советского государства и его органов все монахи заведомо являлись классовыми врагами. В 20-е годы монастыри было принято выдавать за скопища контрреволюционных заговорщиков, днём и ночью думающих, как бы подорвать устои Советской власти. Причём между насельниками ещё действующих и уже закрытых монастырей фактически не делали разницы.

29 сентября 1928 г. в галичской газете «Плуг и молот» была помещена статья «Осиное гнездо», автор которой, некто Дмитриев, писал:

«Кто не слышал про бывший женский монастырь в Сумароково, где когда-то проживала “святая Верушка”. Теперь там совхоз и инвалидный дом. Осиное монашеское гнездо было раздавлено пролетарской революцией. Но черные осы остались в живых и снова начинают вить свое гнездышко. Часть из них работает в совхозе, часть в инвалидном доме, есть призреваемые, а остальные живут без всякой профессии, питаюсь “манной небесной”. Всего в Сумарокове проживает около шестидесяти монахинь»²⁴.

Конечно, «чёрных ос» помаленьку выдавливали из бывшего монастырского городка: «До 1927 г. они жили в помещении совхоза, занимая 2-хэтажный большой дом, но с расширением инвалидного дома их оттуда выкурили. Но монашины не унывают — взяли и построили за оградой монастыря свой домик и живут себе припеваючи»²⁵.

Единственное, что осталось у сестёр бывшей обители, — небольшая Троицкая церковь. Когда-то с этой церковки монастырь начался, сейчас же она являлась духовным прибежищем для его последних насельниц.

19 августа 1928 г. в «Северной правде» был помещён фельетон «Ожившие трупы...», автор которого подписался звучным псевдонимом Жозеф Кольберт. В фельетоне говорилось:

«Не вредно живется в Яхнобольской волости Галичского уезда ликвидированным революцией монашкам. И нет как будто таких, не должно быть, а вот подите же, по милости волисполкома скоро у них новый монастырь будет. Был раньше в упомянутой волости женский монастырь. Сумароковским назывался. Осталось после него около 70 монашек. Одни из них сумели устроиться на работу в организованном совхозе “Новое-Сумароково”, другие служат в инвалидном доме по соседству, третьи же — сумели перейти на социальное обеспечение и попали в тот же инвалидный дом. Часть монашек попросту осталась жить в закрытом монастыре.

Советские работницы — монашки из совхоза и инвалидного дома, вкупе с остальными, живут по-монашьи, как раньше. Местная власть пошла им навстречу и предоставила у ограды закрытого монастыря часовню (Троицкую церковь. — *Н.З.*). Наняли себе монашки попа за 70 целковых в месяц, и каждый день закатывают моленья. Тут же под стенами монастыря заботливый волисполком отвел монашкам место для строительства, и черные старухи выстроили для жилья два обширных дома.

Ну, чем не новый монастырь получился? На советской зарплате, на советской земле, и с помощью советских органов власти. И бывшие монашки — совсем теперь уже не бывшие, а самые настоящие, действующие монашки. Сейчас эти ожившие трупы, усиливая свое влияние среди крестьянства, распространяют слух, что скоро им передадут собор в закрытом монастыре, и тогда они развернут по-настоящему

новый женский монастырь. И крестьяне не понимают, в чем дело. На собраниях они спрашивают: — Как же так, товарищи? Советская власть борется с религиозным дурманом, закрыла монастыри, где жили наши нахлебники, а тут, здрастье вам, новый питомничек паразитов разводится... Чудеса!

Мы не знаем, что ответил на это справедливое замечание член губисполкома т. Овсов*, когда ему крестьяне рассказали о вновь-открытом монастыре, но мы уверены, что Яхнобольскому вику теперь не сдобровать. Ох, и вздрючить же его следует. Да так, чтобы на сто верст кругом слышно было всем волисполкомам!»²⁶.

Александра Павловна Смирнова (1916 г.р.), уроженка д. Замятино, позднее вспоминала о Троицкой церкви в 20-е годы: «Помню часовенку**, что находилась рядом с приходской церковью. Сейчас она разорена, обезглавлена, входные двери заколочены. Когда-то в ней проходили спевки монастырского хора. Певчие становились на “хоры”, кои были в этой часовне. Имелся в ней иконостас, иконы. Под полом были гробницы, поверх которых лежали чугунные плиты с надписями»²⁷.

В 1927-м или 1928 г. в Троицкой церкви стал служить молодой священник, приехавший в Сумароково из Кинешмы, что явно указывает на причастность к этому матери Веры. По-видимому, сумароковские насельницы обратились к ней за советом насчёт священника и она им кого-то порекомендовала. Мы можем предположить, кто был этот священник.

Постановлением Иваново-Вознесенского губисполкома от 13 сентября 1927 г. в Кинешме были закрыты сразу две церкви — Воскресенская и Крестовоздвиженская, стоящие в центре города на площади Революции²⁸. Скорее всего, в Сумароково — по совету матушки Веры — уехал настоятель одной из этих закрытых церквей. К сожалению, имя его нам неизвестно.

29 сентября 1928 г. в статье «Осиное гнездо» писалось о богослужениях в Троицкой церкви: «Попа из Кинешмы привезли — здорового детину, лет 35-ти. Платят ему 100 рублей и квартиру готовую дали. Живет этот лоботряс, катается как сыр в масле. В этом же доме еще живут пять молодых монашенок, чтобы “святому отцу” не скушно было. В часовне (Троицкой церкви. — *Н.З.*) проводят ежедневную службу. Даже паломничество наблюдается***. Доход в карман так и ползет. Таким образом, из одного прихода получилось два: монашенский и приходской»²⁹.

* Из текста фельетона не совсем понятно, причём тут член губисполкома т. Овсов. По-видимому, он приехал в совхоз по делам, и здесь, видимо, на собрании кто-то из местных активистов задал ему вопрос насчёт Троицкой церкви и «питомника недобитых паразитов».

** Напомним, что издавна местные жители из-за небольшого размера и отсутствия алтарной апсиды называли Троицкую церковь часовней.

*** Под паломничеством автор имеет в виду, что на богослужения в Троицкую церковь ходят и жители местной округи.

Статья «Осиное гнездо» завершалась следующими словами: «С осиным гнездом нужно покончить. Союз Медсантруд* сделал первый шаг — исключил всех монашин, работающих в инвалидном доме, из союза. Остальное должны доделать органы ГПУ и трудящееся крестьянство, которые раз навсегда должно покончить с пауками и осаами»³⁰.

20 сентября 1928 г. «Северная правда» вновь вернулась к теме о мнимом покровительстве Яхнобольского волисполкома бывшим монастырским насельницам. В статье «Причт это или волисполком?» тот же «Жозеф Кольберт» писал:

«И совсем это не праздный, диковинный вопрос. Церковный причт и волостной исполком — понятия, как будто несовместимые, но любое правило, как известно, имеет, к сожалению, исключения, например, Яхнобольский вик, что в Галичском уезде. В «Листке РКИ» № 16 («Северная правда» от 19 августа) мы писали, что в Яхнобольской волости ожили ликвидированные революцией монашки, что милостями волисполкома они премного довольны, и надеются в скором времени открыть закрытый Советской властью монастырь. И трудно было нам понять, в чем же дело? Кто так доброжелательно в исполкоме ворожит монашкам? Полученный редакцией недавно ответ на фельетон «Ожившие трупы» — от уполномоченного РКИ** по Галичскому уезду — тоже ничего не объяснил. Он, правда, сообщил, что приняты меры к ликвидации монашьяго духа на территории совхоза «Новое Сумароково», расторгается договор вика с монашками на право пользования церковью (Троицкой. — *Н.З.*) закрытого монастыря, уволена часть монашек из совхоза и инвалидного дома. Всё это очень хорошо, этого мы и добивались, но уполномоченный РКИ проглядел, не вник в корень дела. А корень-то, причина возрождения целой оравы монашек, живо развернувших среди крестьянства свою пагубную работу, кроется в самом волисполкоме. Близко к Яхнобольскому волисполкому присмотревшись, обнаружили мы, что это не волисполком, а настоящий церковный причт. Всем аппаратом вика управляет, все дела вершит — поповский народ. Кто ведет делопроизводство волостного военного отдела, кто, так сказать, военкомат в округе? — сын попа. В общем отделе волисполкома, отделе важном, от коего многое зависит и проистекает — делопроизводителем — дочь попа. Делопроизводитель административного отдела и волзагса — дочь дьякона. А в налоговом столе — делопроизводителем — сын дьячка. Ну, чем не церковный причт? Еще бы сюда попа хорошего, голосистого — и можно в волисполкоме церковь открывать. Шпарь обедни и заутрени!»³¹.

Мы не думаем, чтобы аппарат Яхнобольского волисполкома сознательно покровительствовал насельницам бывшего монастыря. Его

* Союз Медсантруд — профсоюз работников медико-санитарного труда.

** РКИ — рабоче-крестьянская инспекция.

сотрудники, по-видимому, не преследовали их в диком остервенении, что в свете приближающейся эпохи «великого перелома» становилось уже почти что преступлением.

СОВХОЗ «СУМАРОКОВО» В ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

ОКОНЧАТЕЛЬНО от монахинь, ставших рабочими не по своей воле, совхозу удалось избавиться лишь на рубеже 20-х и 30-х годов. В разгар коллективизации 30 января 1930 г. «Северная правда» поместила о совхозе статью под названием «Сумароково». Автор статьи не указан, видимо, её написал кто-то из руководителей совхоза.

Статья начиналась эпически: «Десятки лет ново-сумароковские крестьяне слушали пение монашек. Смотрели как они живут-обитаются и воспринимали их “учение”. Организаторам совхоза с трудом удалось продвинуть в гущу крестьянской массы идею социального переустройства деревни. Еще недавно в самом совхозе в качестве рабочих были те же “божьи дети” — монашки. Они, временами незаметно, исподтишка, играли на руку классовых врагов, разнося разные сплетни о работе совхоза. Они пророчили о преставлении мира и все, что угодно, лишь бы отвлечь крестьян от формы коллективного труда и снова дать возможность кулакам зажать бедняка-крестьянина так, чтобы извлечь из него все выгоды. Много было затрачено сил, прежде чем прогнать из совхоза закоренелых монашек и заменить их лучшей пролетарской частью деревни — батраками»³².

Далее излагалась история совхоза, в которой правда обильно перемешивалась с ложью: «Трудная, кропотливая работа не прошла даром, и маленький совхоз с клочком земли в 80 гектар достиг больших результатов. Он доказал крестьянам как можно при организованной работе приступом брать “перекоп” хозяйственных трудностей. (...) В первый год работы совхоз построил скотный двор на 50 коров. Привел в порядок кирпичный завод, ранее пустовавший (завод, скорее всего, не работал в период 1917–1920 гг., так как всё строительство в монастыре и округе остановилось. — *Н.З.*), а теперь вырабатывающий в течение года 65 тысяч штук кирпича для развертывания нового строительства (...). Приобрели нефтяной двигатель мощностью в 18 лошадиных сил и, установив его на мельнице, добились поднятия производства старого оборудования ранее пустовавшей мельницы до 37 пудов в час. Для ремонта сельхозинвентаря окружающего населения совхоз организовал кузницу, и в первом же году она выполнила работу на 800 рублей»³³.

От истории автор статьи переходил к трудовым свершениям 1929 г.: «Совхозовские трактора вспахали 12 с половиной гектаров бед-

Гигантский трактор, за рулём которого сидит суровый мужик, надвигается на маленькую фигурку священника: обложка журнала «Безбожник» за июнь 1928 года

няцких разрозненных полос, а в осеннюю посевную кампанию совхоз отпустил из своего семенного материала для бедняцких хозяйств и около 500 центнеров пропустил через зерноочистительный обоз, удовлетворив, таким образом, потребность бедняцко-средняцких окружающих хозяйств в семенных материалах»³⁴.

Завершалась статья на пафосной ноте: «Живым показом и активной помощью бедняку, сумароковский совхоз агитирует за коллективизацию сельского хозяйства. Он своим героическим примером борьбы на фронте перестройки разрозненного крестьянского хозяйства завоевывает авторитет и укрепляет свою мощь. Как ни агитируют кулаки, как ни точат зубы, выгнанные из совхоза монашки, на авторитет крепко сколоченного рабочего совхозовского коллектива, все эти попытки ни к чему не приводят. Совхоз, не

взирая на предстоящие трудности, делает своё дело и укрепляет позиции в сознании окружающего населения. Он сколачивает вокруг себя батрацкую бедноту, борется с кулаком и его подрывной работой»³⁵.

С началом коллективизации Троицкая церковь — последний действующий храм бывшего монастыря — была закрыта. По-видимому, это произошло в конце 1929 г. В один из дней в стенах церкви прошло последнее богослужение, на котором присутствовали бывшие насельники обители. Священник совершил последнюю Божественную литургию и попрощался с паствой. Мерцающие огоньки свечей и лампад в церкви погасли...

В закрытом и «переоборудованном» здании церкви разместился магазин. Александра Павловна Смирнова (1916 г.р.), уроженка д. Замятино, позднее вспоминала: «Помню часовенку, что находилась рядом с приходской церковью. (...) под полом были гробницы, поверх которых лежали чугунные плиты с надписями. Я спускалась под пол тогда, когда часовню переоборудовали под магазин, и видела эти чугунные плиты. Мой отец баттал тогда вместе с мужиками, устраивая магазин, а я зашла к нему»³⁶.

НИКОЛЬСКИЙ ПРИХОДСКОЙ ХРАМ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

ПОСЛЕ того, как власти закрыли Троицкую церковь, в Сумарове богослужения совершались только в Никольском приходском храме. В 1921 г. после закрытия монастырского собора сюда была перенесена его главная святыня — икона Божией Матери «Скоропослушница», а также ряд других икон.

В 1922 г. во время всероссийской кампании по изъятию церковных ценностей с иконы Божией Матери «Скоропослушницы» сняли сребропозлащенную ризу, устроенную в конце XIX в. трудами игуменья Риммы. Тогда же лишился своей сребропозлащенной ризы и престольный образ храма — икона Смоленской Божией Матери (напомним, что эта риза была изготовлена в 1790 г. по заказу старицы Екатерины, будущей монахини Евпраксии).

Настоятелем Никольского храма продолжал служить о. Михаил Иорданский.

1924 ГОД: В БУЕ ЗАКРЫВАЮТ БЫВШУЮ МОНАСТЫРСКУЮ ЦЕРКОВЬ

КАК мы помним, с 1908 г. у Свято-Трицкого монастыря имелась Никольская часовня при железнодорожном вокзале Буя. В 1913 г. игуменья Иоанна в честь 300-летнего юбилея Дома Романовых

решила перестроить часовню в церковь в честь Феодоровской иконы Божией Матери и святителя Николая. Освящение церкви состоялось в 1915 г.

После закрытия монастыря церковь, которую в Буе обычно звали «железнодорожной», действовала ещё несколько лет в качестве приходской. Богослужения в ней совершал протоиерей Сергей Покровский. При церкви жило несколько монахинь из закрытого Свято-Троицкого монастыря.

Жительница Буя Анна Дмитриевна Зайцева (1916 г.р.) вспоминала: «В Буе жили две монашенки: мать Аграфена и мать Александра. (...) Мать Аграфена служила регентом в храме г. Буя, где теперь хлебозавод*. Потом служила регентом в Воскресенском храме, ныне действующем. Там, где теперь вокзал, была Никольская церковь с устроенными под ней кельями. Эти монашенки там стегали одеяла»³⁷.

Смириться с тем, что при важной железнодорожной станции действует церковь, новые власти, конечно, не могли. 17 апреля 1924 г. в Буе состоялось общее собрание рабочих и служащих железнодорожных мастерских, а 24 апреля того же года — общее собрание транспортников. Оба собрания обратились в Буйский уисполком с требованием о закрытии церкви и передаче её под жильё³⁸.

Церковная община пыталась отстоять свой храм. 18 апреля 1924 г. она отправила в Костромской губисполком заявление, в котором говорилось: «Категорически заявляем от лица всего общества верующих, что 1) храм для нас необходим; 2) находится в центре прихода; 3) городской приходской храм за 2 версты и посещение его в осеннюю и весеннюю распутицу особенно с детьми и крещением детей ужасно затруднительно; 4) при храме верующих совершеннолетних 428 чел., рабочих и служащих и мастеровых при станции Буй с их семьями, а с несовершеннолетними — 825 чел. и в праздничные дни переполнен настолько молящимися, что Богослужение происходит при открытых дверях; 5) содержится в безукоризненной чистоте и порядке; 6) все налоги уплачиваются своевременно и 7) самое закрытие его пред наступлением величайших дней Страстной недели и Светлых Пасхальных праздников (...) — есть ничто иное, как самое тяжкое оскорбление нашего религиозного чувства**. Храм наш небольшой (...) с подвальным сырым помещением, где в настоящее время живут обслуживающие его монахини и семейство священника, месяц тому назад без всякой причины выселенное из квартиры в 3-хдневный срок с большим ребенком при 40 о температуре без указания какого-либо помещения»³⁹.

* Имеется в виду Буйский Благовещенский собор.

** В 1924 г. праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье) пришелся на 20 апреля, а Пасха — на 27 апреля.

В конце заявления говорилось: «Мы все переволновались, истрадалились, измучились. Успокойте нашу душу и наше сердце — оставьте нам нашу дорогую Святыню, наш св. храм! Это просьба, это мольба и вопль души народа»⁴⁰. Под заявлением стояли 252 подписи.

Буйский уисполком проигнорировал мнение верующих и обратился с ходатайством о закрытии Никольского храма в Костромской губисполком. Решение губисполкома по этому вопросу готовил Н.П. Орлеанский, и поэтому понятно, какое оно было. 2 июля 1924 г. он отправил в Президиум губисполкома записку, называющуюся «Заключение по вопросу закрытия церкви при ж. д. станции Буй», в которой писал: «Находящаяся при ж. д. станции Буй церковь построена бывшим Сумароковским монастырем, Галичского уезда (ныне совершенно ликвидированным), и ему принадлежала. Церковь эта, по имеющимся в губзагсе документам, построена сравнительно в недавнее время, в 1913 году, до какового времени она существовала в виде “часовни”, сама часовня (обращенная потом в церковь) построена бывш. монастырем в 1908 году. (...) указанная часовня-церковь, была все время бесприходной, построена в целях поддержания доходности монастыря и как монастырская, по ликвидации монастыря, также подлежит закрытию и упразднению как молитвенный дом. (...) Необходимость использования занимаемого церковью здания подтверждается приводимым

Буй. Церковь при железнодорожном вокзале. Современное фото

Буйским УИК-ом мотивами, а также остротой жилищного кризиса, в силу которого часть рабочих и служащих вынуждена занять для жительства 61 вагон подвижного состава. А потому, закрытие церкви при ж.д. станции Буй, о чем ходатайствует Буйский УИК, обосновывая свое ходатайство постановлением общего собрания транспортников (23 апреля 1924 г.) и постановлением общего собрания рабочих и служащих мастерских станции Буй (17 апреля с.г.), не может противоречить Инструкции НКЮ и циркуляру ВЦИК от 19 апреля 1923 г., при условии мотивированного постановления Президиума губисполкома, проект редакции какового прилагается»⁴¹.

11 июля 1924 г. Костромской губисполком, заслушав «ходатайство Буйского уисполкома о закрытии церкви при ж-д. станции Буй», постановил: «ходатайство (...) удовлетворить и церковь ликвидировать»⁴². 18 июля 1924 г. губернская газета «Красный мир» сообщила: «По постановлению буйских рабочих транспортников закрывается при железнодорожной станции “Буй” церковь. Президиумом губисполкома ходатайство о закрытии ее удовлетворено»⁴³.

Анна Дмитриевна Зайцева вспоминала о судьбе живших при церкви монахинь: «Разорив церковь, всех оттуда повыгоняли, и матушки (мать Аграфена и мать Александра. — *Н.З.*) жили по квартирам. Мать Александра умерла рано, похоронена в Буе. Мать Аграфена тоже похоронена в Буе»⁴⁴.

После закрытия здание церкви подверглось «переоборудованию»: с него была сбита церковная глава, а внутри — разобран иконостас. В таком виде бывший храм не раз видела мать Вера, бывая на Буйском вокзале.

ДЕКАБРЬ 1928 ГОДА: МАТЬ ВЕРА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СУМАРОКОВО

«Из Кинешмы я выехала 14 декабря»¹.

*Из показаний матери Веры
на допросе в Галиче 27 декабря 1928 г.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КИНЕШМЫ В СУМАРОКОВО

ВЕРОЯТНЕЕ всего, срок ссылки в Кинешму истекал у матери Веры осенью 1928 г., но она, по-видимому, не рискнула ехать в осеннюю распутицу по Галичскому тракту и ждала установления зимнего пути*.

В начале декабря 1928 г., в связи с истечением срока ссылки, Кинешемский отдел ОГПУ предложил матери Вере покинуть Кинешму³, и она стала собираться в дорогу. Позднее галичские чекисты подробно допросили всех участников этой поездки, и поэтому мы знаем, как мать Вера готовилась к ней.

Возвращаться в Сумароково мать Вера решила на тех же двух лошадях, на которых ездила по Кинешме⁴. Кучером, взявшимся довести матушку до Сумарокова, был В.П. Чистяков, житель д. Васьково Буйского уезда, живший в то время в Кинешме⁵. Василий Павлович Чистяков родился в 1882 г. в д. Васьково Головинской волости Буйского уезда. Он был крестьянин, на жизнь зарабатывал плотницким делом. В 1914 г. Василия Павловича призвали в армию, и в том же году он попал в плен к немцам, где пробыл четыре года. С матушкой Верой Василий Павлович познакомился в 1920 г., вскоре после своего возвращения из плена. В конце 1928 г. он находился в Кинешме, так

* Четырнадцатью годами раньше, 9 июня 1914 г., художник Б.М. Кустодиев писал знакомому в Петербург о том, как он доехал из Кинешмы до своей дачи «Терем», находящейся в заволжской части Кинешемского уезда. Большая часть его пути пролегла по Галичскому тракту: «Вчера только приехал к себе в деревню, насилу доехав по нашей ужасающей дороге — думал, что и живым не доеду, до того истрясло всего и разбило. Ведь 57 вёрст по нашим российским милым дорогам стоят путешествия через всю Европу»². А ведь поездка, о которой пишет Б.М. Кустодиев, случилась жарким летом 1914 г., когда на дорогах не было никакой грязи.

как подрядился сделать что-то по плотницкой части в пригородной деревне⁶.

С матерью Верой в Сумароково должны были поехать Анастасия Васильевна Генеральская и Прасковья Михайловна Елшина. Остальные её послушницы пока оставались в Кинешме. Видимо, они должны были выехать позже. В числе оставшихся находилась и воспитанница матери Веры, Мотя Балдина⁷.

Третьей спутницей матери Веры стала приехавшая к ней в начале декабря из Галича бывшая насельница Никольского Староторжского монастыря Анна Дьяконова, уже посещавшая мать Веру в июне. Анна Васильевна Дьяконова родилась в 1894 г. в Галиче в Рыбной слободе, в семье рыбака. После закрытия монастыря Анна Васильевна жила в Рыбной слободе (адрес: ул. Калинина, д. 42)⁸. Она давно знала матушку Веру и почитала её как свою духовную мать.

Утром 14 декабря, в пятницу, мать Вера простилась со своим хозяином — Ефимом Евграфовичем Смирновым. Она и её спутницы сели в повозку, кучер Василий Павлович Чистяков взял в руки вожжи, и лошади тронулись... Пришедшие проводить мать Веру — а таких наверняка было много — кричали ей последние напутствия, махали руками...

Мать Вера со своими спутницами выехали из Кинешмы 14 декабря 1928 г.⁹. Переехав Волгу по льду, они поднялись в гору, выехали на Галичский тракт и направились на север. Их путь лежал через Бого-

Зимняя Кинешма. Площадь Революции. В центре кадра — Воскресенская церковь. Фото середины 1920-х гг.

явленское, Владычное, Угольское, Ивашево, Семёновское-Лапотное, Игодово, Дубяны... Скорее всего, где-то в пути они остановились на ночлег.

Вероятно, к вечеру 15 декабря мать Вера приехала в Сумароково.

МАТЬ ВЕРА ПОСЕЛЯЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ ИСАКОВО

ПО-ВИДИМОМУ, местные власти не разрешили жить матери Вере в Сумарокове, и она поселилась в находящейся вблизи от села д. Исаково. На допросе в Галиче 27 декабря 1928 г. она показала: «Остановилась в деревне Исаково у бывшего сторожа церкви у Сергея Геннадьевича Смирнова»¹⁰.

Мать Вера в последний раз была в Сумарокове в 1921 г. Отсюда её увезли в Галич, потом были годы тюрем и ссылок, и вот спустя семь лет она вновь вернулась в Сумароково.

Разумеется, когда местные жители узнали, что матушка Вера вернулась из ссылки и поселилась в д. Исаково, к ней со всех концов только что образованного Молвитинского района потянулись люди. Однако мать Вера пробыла в Исакове недолго — менее двух недель.

АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ И ВЫСЫЛКА ЕЁ В ГОРОД КОТЕЛЬНИЧ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ матери Веры стало неприятным сюрпризом для властей Молвитинского района. Ведь её не было здесь с 1921 г., и власть имущие, наверное, надеялись, что больше никогда о ней не услышат.

По-видимому, в районе ещё не успели организовать свой райотдел ОГПУ, и молвитинские начальники обратились за помощью в Галич. Вероятно, 26 декабря 1928 г. сотрудники Галичского райотдела ОГПУ арестовали мать Веру и увезли её из Исакова в Галич. Вместе с ней забрали и всех её спутников, приехавших из Кинешмы, включая кучера В.П. Чистякова.

27 декабря 1928 г. уполномоченный Костромского губотдела ОГПУ по Галичскому уезду Степанов допросил мать Веру в качестве подозреваемой. Примечательно, что в протоколе т. Степанов записал о роде её занятий: «До революции была монахиней, в настоящее время занимается религиозной агитацией»¹¹.

28 декабря допрос продолжился. В этот день матушке Вере на выбор, в качестве места ссылки, предложили два уездных города Вятской губернии — Глазов и Котельнич¹². Она выбрала г. Котельнич. В деле сохранилась её расписка, в которой написано: «1928 года, декабря 28 дня. Я нижеподписавшаяся гражданка Меркулова Вера Антоновна дала следующую подписку уполномоченному Костромского ГО ОГПУ

по Галичскому уезду в том, что сего числа изъявила добровольное желание уехать из пределов Костромской губ. Местожительством избираю г. Котельнич Вятской губ., куда выезжаю в понедельник 31 декабря * 1928 г. В. Меркулова»¹³ (расписка написана не рукой матушки Веры, она её только подписала).

В последний день уходящего 1928 г. мать Вера и её спутницы сели в Галиче на поезд и поехали в Котельнич. Так, едва освободившись из одной ссылки, мать Вера отправилась в другую.

* 31 декабря 1928 г. был вторник, а понедельник — 30 декабря.

ГЛАВА XXX

В ССЫЛКЕ В КОТЕЛЬНИЧЕ (1929–1931 гг.)

«В конце 1928 года в г. Котельнич приехала (...) монахиня Меркулова Вера Антоновна (...). Будучи глубоко религиозной фанатичкой (...) Меркулова в сравнительно короткий срок стала известна по округу как прозорливая, могущая исцелять душевные и телесные недуги. В квартиру Меркуловой, превращенную формально в нелегальный монастырь, начали стекаться паломники не только из числа жителей округа, но и других округов. (...) Появление Меркуловой в Котельниче вызвало известное отражение в верующих кругах, а вслед за тем начали циркулировать слухи, что бывшая настоятельница Сумароковского монастыря Меркулова или, как её именовали, матушка Вера — великая мученица, пострадавшая от большевиков»¹.

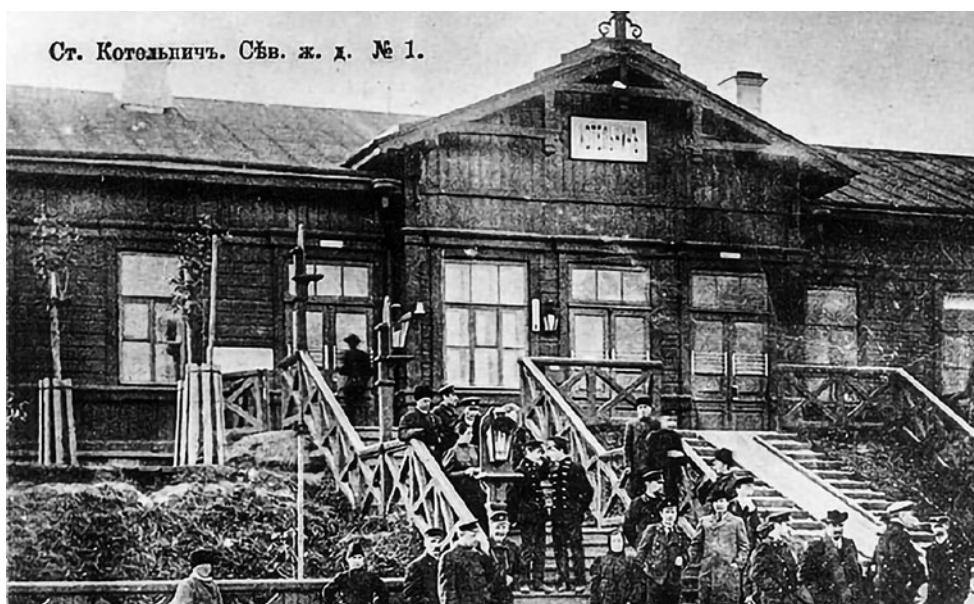
Из следственного дела по обвинению Меркуловой Веры Антоновны (1930 г.)

ГОРОД КОТЕЛЬНИЧ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

От Галича поезд, на котором ехали мать Вера и её спутницы, проехал с запада на восток почти всю Костромскую губернию — через Антропово, Николо-Полому, Нею, Мантурово, Шарью, Поназырево — и пересёк границу Вятской губернии. 1 января 1929 г. мать Вера приехала в Котельнич.

Небольшой уездный город Котельнич стоял на берегу р. Вятки. Одной из его достопримечательностей являлся ажурный железно-дорожный мост, перекинувшийся над полноводной рекой. Мост был сооружён в самом начале XX в., во время строительства железной дороги Вологда — Вятка.

Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в Котельниче проживало семь с половиной тысяч жителей². К этому времени город ещё не оправился от опустошительного пожара, который произошёл в 1926 г.

Город Котельнич. Железнодорожный вокзал. Фото начала XX в.

Город Котельнич. Никольская церковь и железнодорожный мост через р. Вятку.
Фото начала XX в.

26 мая 1926 г. в Котельниче стояла жаркая погода. Когда загорелось на окраине, пожар совпал с ураганным ветром, и в самое короткое время город стал жертвой бушующего огня. Выгорел почти весь центр Котельнича, сгорело 230 зданий, без крова осталось 7 тысяч человек³. О беде Котельнича тогда писали газеты всей страны.

* * *

До революции Вятская губерния была одним из традиционных мест политической ссылки. В XIX в. в центре губернии, в г. Вятке, в ссылке проживали А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, архитектор А.Л. Витберг (автор проекта первого храма Христа Спасителя в Москве). В Вятской губернии несколько лет жил в ссылке В.Г. Короленко. На рубеже XIX и XX вв. здесь пребывали ссыльные революционеры: Ф.Э. Дзержинский, В.В. Воровский, Н.Э. Бауман и др.

Придя к власти, большевики не изменили традиции и после 1917 г. продолжали ссылать в Вятскую губернию противников уже своего режима. Одним из мест новой ссылки стал и Котельнич. В 1926 г. в течение нескольких месяцев здесь проживал ссыльный митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов; 1863–1937 гг.)⁴.

ПЕРВЫЕ ДНИ В КОТЕЛЬНИЧЕ. ДЕРЕВНЯ КОРЯКИНЫ (КОРЯКИНО)

НА новом месте матери Вере и её спутницам надо было где-то обосноваться. Позднее, на допросе 29 декабря 1929 г., мать Вера показала: «Первоначально в г. Котельниче я остановилась против вокзала, но прожив там дней около пяти, я переехала на (...) квартиру в д. Корякины д. 18, с четырьмя своими послушницами»⁵. По-видимому, в городе, ещё не оправившемся от пожара, трудно было найти квартиру, и мать Вера со своими спутницами поселилась в пригородной деревне Корякины (Корякино). Эта деревня лежала в двух верстах выше города на берегу р. Вятки. По переписи 1926 г., в ней проживало 232 чел. (137 м. и 95 ж.)⁶. В церковном отношении местные жители являлись прихожанами Троицкого собора Котельнича.

Вначале мать Вера сняла квартиру в доме у некоей Татьяны Александровны Корякиной⁷, а затем переехала в дом к Прохору Евдокимовичу Мелькову. Семья Прохора Евдокимовича Мелькова (1888 г.р.) была небольшой: его жена Екатерина Дмитриевна Корякина* и 18-летняя дочь Екатерина⁸. Прохор Евдокимович был участником двух войн — Первой мировой и Гражданской. После демобилизации в 1922 г. из Красной армии он работал на разных заводах в Котельниче⁹. В доме П.Е. Мелькова мать Вера и её послушницы прожили почти год.

Первые дни мать Вера не выходила из дома, но вскоре у неё появился выездной экипаж с двумя лошадьми — вороной и серой. Это были те самые лошади, на которых она ездила в Кинешме и на которых приехала из Кинешмы в Сумароково. Вскоре после прибытия матери Веры в Котельнич кто-то пригнал ей сюда лошадей с экипажем за 350 вёрст из костромских мест. Это сделал или неизвестный нам хозяин

* Почему-то супруги носили разные фамилии.

лошадей, или, может быть, опять В.П. Чистяков, довёзший мать Веру из Кинешмы до Сумарокова.

На допросе 20 декабря 1929 г. мать Вера показала: «Обнаруженные у меня пара лошадей принадлежат не мне, а даны мне во временное пользование крестьянами в г. Галиче. Вороную лошадь под кличкой “Мальчик” у меня отбирало ОГПУ, как мне принадлежащую, но я вызвала хозяина лошади, который подтвердил, что эта лошадь его и ему ее возвратили. Хозяин же мне привел ее обратно в Котельнич и для того, чтобы ее вторично у меня не могли задержать, дал расписку, заверив ее у нотариуса, в том, что она принадлежит ему и дана мне во временное пользование. Серая (лошадь. — *Н.З.*) также не моя и данная мне во временное пользование»¹⁰.

МАТУШКА ВЕРА ПОСЕЩАЕТ ТРОИЦКИЙ СОБОР КОТЕЛЬНИЧА

С ПЕРВЫХ дней своего пребывания в Котельниче матушка Вера стала посещать богослужения в местном Троицком соборе*.

* * *

Троицкий собор был построен в начале XVIII в., его освящение состоялось в 1713 г. Собор являлся двухэтажным, в нём имелось пять

Главный храм Котельнича – Троицкий собор. Фото начала XX в.

* В начале XX в. в Котельниче имелось семь церквей: Троицкий собор, Никольский храм, Предтеченский храм, две кладбищенские церкви — деревянная Петропавловская и каменная Александро-Невская, две — домовые (в тюрьме и при гимназии)¹¹. К 1929 г. в городе действовали только два храма: Троицкий собор и Никольская церковь.

Котельнич. Московская улица, Троицкий собор и торговые ряды. Фото начала XX в.

престолов. В верхнем храме находились престолы: 1) во имя Святой Троицы — средний, 2) в честь Покрова Пресвятой Богородицы — левый, 3) во имя преподобного Алексея Человека Божия — правый; в нижнем храме: 4) в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» — правый, 5) во имя святой великомученицы Параскевы — левый¹².

В Троицкий приход входил ряд прилегающих к городу деревень. В 1912 г. в приходе числилось свыше 9 тысяч прихожан¹³. С 1926 г. настоятелем собора был протоиерей Пётр Образцов.

Пётр Александрович Образцов (1888–1937 гг.) родился в селе Катрома Кадниковского уезда Вологодской губернии, в семье священника. В 1911 г. он окончил Вологодскую духовную семинарию и несколько лет работал преподавателем: в 1911–1914 гг. — в Вологодском епархиальном женском училище, в 1914–1918 гг. — в Нолинском духовном училище в Вятской губернии. В 1918–1921 г. П. А. Образцов работал учителем в школе второй

Протоиерей Пётр Образцов — настоятель Троицкого собора. Фото 1920-х гг.

ступени. В 1921 г. он принял священный сан и с 1923 г. служил вторым священником Троицкого собора в Котельниче. После того, как в 1926 г. настоятель собора, протоиерей Александр Агафонников, был арестован, о. Пётр занял его место¹⁴.

С 1929 г. судьбы матери Веры и о. Петра многократно переплетались.

* * *

Впервые мать Вера прибыла в Котельничский Троицкий собор незадолго до Рождества Христова. На допросе 7 января 1930 г. второй священник собора о. Николай Хлупин показал: «Меркулова появилась в соборе перед Рождеством 1929 года и с тех пор стала посещать собор, где во время службы сидела на кресле, принимая верующих. Верующим Меркулова раздавала листочки с выдержками из евангелия. Народу к ней подходило значительное количество»¹⁵. В тот же день председатель церковного совета собора Иван Степанович Юдинцев показал: «Председателем церковного совета я избран в конце октября месяца 1929 года. В соборе я бываю часто, но с Меркуловой я лично не знаком, лишь только слышал, что из Галича монахиня Меркулова в соборе раздавала листочки с надписями всем подходящим к ней. Обычно к ней подходило порядочно народа»¹⁶.

Как мы помним, мать Вера выехала из Галича 31 декабря 1928 г. и, видимо, приехала в Котельнич 1 января 1929 г. Потом она несколько дней жила в разных местах и впервые посетила Троицкий собор перед Рождеством, то есть 5–6 января 1929 г. С этого времени мать Вера приезжала в Троицкий собор каждый день. В роли её кучера обычно выступала А.В. Генеральская. В следственном деле позднее отмечалось: «Обычно каждый день Меркулова в сопровождении своих послушниц выезжала в местный собор и сидя на специально поставленном для неё кресле, благословляла верующих и раздавала листочки, крестики и иконки»¹⁷.

Довольно скоро мать Вера стала широко известной в Котельниче и его округе. 2 ноября 1929 г. котельничская газета «Деревенская жизнь» опубликовала статью «Провидица Верушка», в которой говорилось:

«Много легенд сложилось шамкающими старушками вокруг Котельничской матушки — “провидицы”, нарекаемой Верушкой. И дочь-то она знатного сановника, из-за несчастной любви принявшая венец мученический, и девушка-то она блудница, замаливающая грехи молодости, и любимый-то она ангел божий, и черт знает еще что!.. О Верушкиных ногах, марлей скрученных, тоже много и загадочно толкуют. Один слух другому кукиш кажет — не разберешься в их темной путанице. Свое прошлое Верушка крепко втайне хранит.

В белом длинном саване, со строго поджатыми губами, дрябло сидит на мягкой скамеечке каждую службу Верушка на амвоне собор-

Провидица Верушка

Много легенд сложилось шамкающими старушками вокруг Котельнической матушки — „провидицы“, нарекаемой Верушкой. И дочь-то она знатного сановника, из за несчастной любви принявшая венец мученический, и девушка-то она блудница, замаливающая грехи молодости, и любимый-то она ангел божий, и чорт знает еще что!.. О Верушкиных ногах марлей скрученных, тоже много и загадочно толкуют.

Один слух другому кукиш кажет, — не разберешься в их темной путанице. Своё прошлое Верушка крепко втайне хранит.

В белом длинном саване, со строго поджатными губами, дрябло сидит на мягкой скамеечке каждую службу Верушка на ~~адвоне~~ соборного зала, с лениво протянутой рукой. Рука Верушки непростая: кто достоин — того благословляет, а подойдет, например, недостойный, рука поспешно — ныр в складки савана, а губы зашипят:

— Изыди от мене чадо оглашенное!

Чадо утрется и отойдет, ибо некогда с Верушкой в пререкания пускаться, — сзади, на руку очередь, ждут другие.

— Матушку нашу не проведешь... Нее-ет!.. Умиленно шамкают сгорбленные старухи. Но котельничанин Демин, известный любитель „дербануть“, поспорил с товарищем на бутылку водки, что он добьется благословения Верушки. И в одну из соборных служб Демин, притворившись калекой, под-

полз к сухой руке матушки и не только не был прогнан, а получил еще ласковое подбодрение. Многие из прихожан, узнав Демина, впали в большое смятение и удивленно шептались: „что же это с матушкой-то“, а?.. На это „исцелившийся“ Демин на паперти озорно гаркнул: — „обыкновенное“!

Верушке присвоено имя „провидицы“. Сунет она в руки просящего какой-то талончик, с указанием: евангелие такое-то, псалом такой-то, а что там сказано — прочитаешь, так и будет. Девяностолетняя старушка Ипатьева, например, прочитала в евангелии по талончику что: — „И выиграла младенца во чреве ея“. Старушка испуганно охнула и на другой день сделала матушке скандал, но ее вывели из собора обозленную, рыдающую.

Матушка орудует и в деревнях. Загадочно нашептывает, благословляет, рассказывает предсказательные талончики, мажет ладаном, прописывает для больных подозрительные жидкости..

— Пухнет карман изворотливой матушки. Верушка обзавелась уже лошастью, телохранителями и даже личным секретарем „Утрудится“ Верушка, заснет и секретарь подхалимски взвещает в приемной:

Тсс.. матушка спит..

А завтра снова грубые фокусы, а главное.. главное.. благие шепароты.

Вик. Пинягин.

Статья «Провидица Верушка», помещённая в газете «Деревенская жизнь» 2 ноября 1929 года

ного зала, с лениво протянутой рукой. Рука Верушки непростая: кто достоин — того благословляет, а подойдет, например, недостойный, рука поспешно — ныр в складки савана, а губы зашипят:

— Изыди от мене чадо оглашенное!

Чадо утрется и отойдет, ибо некогда с Верушкой в пререкания пускаться, — сзади очередь, ждут другие.

— Матушку нашу не проведешь... Нее-ет!.. — умиленно шамкают сгорбленные старухи. (...)

Верушке присвоено имя „провидицы“. Сунет она в руки просящего какой-то талончик, с указанием: евангелие такое-то, псалом

такой-то, а что там сказано — прочитаешь, так и будет. (...) Матушка орудует и в деревнях. Загадочно нашептывает, благословляет, рассовывает предсказательные талончики, мажет ладаном, прописывает для больных подозрительные жидкости...»¹⁸.

Заметим, что автор статьи, некто Виктор Пинягин, говорит о матери Вере как о человеке, хорошо известном своим читателям.

К МАТУШКЕ ВЕРЕ ИДУТ ЛЮДИ

КОГДА чекисты высылали мать Веру за пределы Костромского края, то, наверное, полагали, что там, на окраине Вятской губернии, где никто её не знает, она не сможет быть опасной. Однако они просчитались. Как и везде, в этом городке на р. Вятке мать Вера очень скоро стала центром массового притяжения людей.

Позднее в Обвинительном заключении по её делу говорилось: «Будучи глубоко религиозной фанатичкой (...) Меркулова в сравнительно короткий срок стала известна далеко по округу (Котельничскому округу. — *Н.З.*), как прозорливая, могущая исцелять душевные и телесные недуги. В квартиру Меркуловой, превратившуюся формально в нелегальный монастырь, начали стекаться паломники не только из жителей округа, но и других округов»¹⁹.

Как обычно, вначале к матери Вере приезжали люди из Костромской губернии — из Галича, Буя, Костромы. За приезжими потянулись местные. Квартирная хозяйка матери Веры, Екатерина Дмитриевна Корякина, на допросе 3 января 1930 г. показала: «Меркулову за время проживания у меня на квартире часто посещали неизвестные мне лица: мужчины и женщины. Большинство из них были приезжие из других городов. (...) Несколько раз бывали у Меркуловой монахи и духовные лица»²⁰.

Дочь квартирной хозяйки, 18-летняя Екатерина Прохоровна Корякина, на допросе 3 января 1930 г. показала: «У Меркуловой бывала часто посторонняя публика; среди них большинство было приезжих: из Москвы, из Ленинграда, из Галича и т. д. (...) В числе приезжающих чаще бывали женщины, но бывали и мужчины. Среди посетителей больше бывали светские, но приезжали и духовные. Все приезжие оставались у Меркуловой ночевать. (...) Из местных жителей Меркулову посещали монашки, живущие в г. Котельниче, жена местного священника Образцова*, жена служащего гороно Иванова»²¹.

Надежда Евгеньевна Шагина на допросе 2 января 1930 г. показала, что в июне 1929 г. у матери Веры гостили четыре женщины — одна из Москвы, две из Кинешмы и одна из Буя²².

Какое-то время к матери Вере в Котельнич ехали и после того, как её арестовали 29 декабря 1929 г. Её квартирный хозяин на допросе

* Имеется в виду Александра Платоновна Образцова.

3 января 1930 г. показал: «После ареста Меркуловой было несколько приезжих: женщины и один мужчина (кто-то из духовных). Приехал он из Москвы, но узнав, что ее нет, ушел обратно»²³.

9 января 1930 г. в Котельниче была задержана Екатерина Ивановна Пименова (1905 г.р.), жительница д. Охотино Галичского района, которая приехала из Галича и остановилась в Доме крестьянина. На допросе 10 января она сказала, что в Котельнич к матери Вере она заехала по дороге в Свердловск, по пути к своей замужней сестре. «С Меркуловой, — показала Екатерина Ивановна, — я знакома с тех пор, как она жила в Сумароковском монастыре. В то время у Меркуловой я была раза четыре, за благословением и за советами»²⁴. В октябре 1930 г. Екатерина Ивановна вновь приедет к матушке Вере в Котельнич и станет одной из её послушниц.

БЛИЖНИЙ КРУГ МАТУШКИ ВЕРЫ В КОТЕЛЬНИЧЕ

МАТУШКА Вера приехала в Котельнич с тремя послушницами — Анастасией Васильевной Генеральской, Ниной Сергеевной Виноградовой* и Прасковьей Михайловной Елшиной²⁵.

В октябре 1929 г. из Галича к матушке Вере приехала Анна Скорнякова. Анна Ивановна Скорнякова родилась в 1911 г. в Рыбной слободе г. Галича. Обладая красивым голосом, она с детства пела в хоре Преображенского собора²⁶. В октябре 1929 г., с благословения отца, Ивана Фёдоровича Скорнякова, она уехала в Котельнич и поступила в послушницы к матери Вере.

Примечательно, что раньше они не были знакомы. На допросе в Котельниче 1 января 1930 г. Анна показала: «Ранее я слыхала в г. Галиче от верующих о Меркуловой и, будучи весьма религиозной, решила послужить Меркуловой»²⁷. «По своему личному желанию с ведома отца в октябре месяце (1929 г. — *Н.З.*) я уехала в г. Котельнич с намерением остаться у монахини Меркуловой. Меркулова меня приняла, и я осталась у ней»²⁸. Конечно, уезжая в Котельнич, 18-летняя Анна Скорнякова не могла не понимать, что все люди, входящие в ближайшее окружение матушки Веры, автоматически становятся кандидатами, как минимум, на ссылку в места не столь отдалённые.

В начале 20-х чисел июня 1929 г. в Котельнич, к матушке, приехала Надежда Евгеньевна Шагина — послушница, жившая с нею в Кинешме. На допросе 2 января 1930 г. она показала: «Приехала я в Котельнич первый раз дня за два до Троицы** (21–22 июня) и уехала дня через 4

* Нина Сергеевна Виноградова, по-видимому, через какое-то время уехала, так как среди арестованных в конце 1929 г. послушниц она не упоминается.

** Праздник Троицы в 1929 г. пришёлся на 23 июня.

после “Троицы” на родину за паспортом. До поездки я жила в селе Н-Келемском Ветлужского района у монашек *»²⁹.

Надежда Евгеньевна прожила в Котельниче неделю, а затем уехала на родину, в Галичский район, за паспортом. Она вернулась 27 декабря 1929 г., за два дня до ареста матери Веры, и её арестовали вместе со всеми. На допросе 2 января 1930 г. она показала: «Вторично я приехала в Котельнич дня за 2 до ареста Меркуловой»³⁰.

В июне 1929 г., направляясь из Кинешмы в родные места в Вологодской губернии, в Котельнич к матушке Вере приехала Евфросинья Кирилловна Карепина. Она погостила здесь два дня. За несколько дней до ареста матери Веры и её послушниц, то есть в 20-х числах декабря 1929 г., Евфросинья Кирилловна вновь приехала к матери Вере³¹. Как писалось выше, 8 декабря 1929 г. в Кинешме скончался архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести), при котором состояла Евфросинья Кирилловна, и она приехала к матери Вере в Котельнич.

На допросе 12 мая 1930 г. квартирная хозяйка Е.Д. Корякина показала о своих квартирантках: «По поводу выполняемых ролей группой квартиранток-монахинь имею дополнить к своим показаниям следующее. Скорнякова Анна приехала к Меркуловой осенью и занималась рукоделием. Карепина Евфросинья как приехавшая в гости занималась богомольем, а Генеральская все больше находилась при Меркуловой, вместе с ней ездила в церковь и т.д. Елшина Параскева обслуживала всю эту группу приготовлением питания, в частности Меркулову, которая угощалась в отдельной комнате»³².

ШИТЬЁ И ВЫШИВКА

В СВОБОДНОЕ от посещений собора и приёма посетителей время мать Вера со своими послушницами занималась рукоделием — шитьём предметов церковного обихода. При обыске 29 декабря 1929 г. у неё был обнаружен целый ряд таких предметов: воздуха, пелены, священническая епитрахиль, два архиерейских омофора, две архиерейских митры, архиерейский саккос, вышитые пояса, два шёлковых подрясника и др.³³. В протоколе отмечено: «Каковые предметы являются новыми только что законченные монашками и подлежащие к отсылке»³⁴.

На допросе 29 декабря 1929 г. мать Вера показала (следовательно пытался уличить её в получении больших доходов от шитья): «Никаких доходов у меня от шитья и вышивок нет. Работа эта очень дорогая, и если отдавать вышивать кому-либо за плату, то потребуется много денег. Я же, будучи обеспечена со своими послушницами, шью и вы-

* Скорее всего, имеются в виду бывшие насельницы Ново-Казанского монастыря, в котором Н.Е. Шагина жила до его закрытия.

шиваю бисером для церквей бесплатно. (...) Платы никакой не беру, бисер мне приносят бесплатно верующие, которого у меня большой запас»³⁵.

29 ДЕКАБРЯ 1929 ГОДА: МАТЬ ВЕРУ СНОВА АРЕСТОВЫВАЮТ

К АК административно-ссылная, мать Вера уже в первые дни после прибытия в Котельнич должна была явиться на регистрацию в местный отдел ОГПУ, сотрудники которого с этого дня наверняка взяли её под свой контроль.

В Котельниче, как и в Кинешме, мать Вера не смогла дожить до конца ссылки на свободе: здесь её также арестовали. Удивляет не арест, а то, что в «год великого перелома» мать Вера смогла продержаться на свободе так долго — почти 12 месяцев. Вероятно, этому «способствовали» административно-территориальные преобразования, которым подверглась Вятская губерния в 1929 г.

14 января 1929 г., то есть вскоре после прибытия матери Веры в Котельнич, Вятская губерния была упразднена и вошла в состав огромной Нижегородской области. 15 июля 1929 г. Нижегородская область была преобразована в ещё больший Нижегородский край (Нижкрай), в котором Котельнич стал центром Котельнического округа. Сопутствующие этому неразбериха и кадровые перестановки, несомненно, отвлекали внимание местных властей от матери Веры. Руки до неё дошли только к концу 1929 г. Причём в аресте матери Веры проявилось соперничество двух ведомств — НКВД и ОГПУ. Представители обеих этих силовых структур наблюдали за матерью Верой, но арестовал её Котельнический угрозыск, то есть НКВД.

К аресту матери Веры была составлена особая справка, которую начальник подотдела Котельнического округрозыска т. Совалков подписал 28 декабря 1929 г. В справке говорилось: «Из имеющих в С/Ч УР * данных усматривается: в д. Корякины в доме № 18 проживают пять монашек (...). Одна из указанных монашек, высланная из прежнего ее местожительства, бывшая настоятельница монастыря (инвалид — без ног), которую остальные называют “матерью” и последняя у них является как бы старшей, за которой все остальные ухаживают — носят ее на руках и она при помощи остальных монашек и своих мошеннических проделок среди населения слывет за “прозорливую”, т. е. за лицо, выходящее в “святые”.

Прозорливая вкрадывается в доверие темной и религиозной массы, пользуясь поддержкой от других монашек и слывя лицом с “благодатью божьей”, которое может предугадывать о человеке

* С/Ч УР — секретная часть уголовного розыска.

и предсказывать ему будущее, как бы ворожит, выдавая обращающимся к ней приготовленные заранее записки на небольших бумажках с изображением креста и выпиской из евангеля, этим самым, вкрадываясь в доверие, выманивает у населения средства в виде денег, продуктов и пр. Распространяет записки с квартиры и в церкви, после чего вознаграждение ей носится на квартиру, а равно туда же к ней ходят за разными советами, благодаря чему вся компания и содержится на средства, собираемые с населения указанным путем мошенничества.

Кроме этого монашки имеют большой доход от своих работ по вышиванию риз и прочей церковной утвари, получают заказы из церквей и монастырей других крупных городов, откуда к ним нередко приезжают разные бывшие и зажиточные люди, привозя подарки и оплачивая за работу.

В результате чего указанная компания, не говоря о их роскошной жизни — имеет двух выездных лошадей с полной сбруей и упряжью, но благодаря мошеннических проделок в виде того, что скрывают доходы, лошадей и финорганами учтены быть не могли в течении проживания в г. Котельниче несколько лет *, а потому обложения их налогом не было, чем государство и терпело имущественный ущерб.

Лошади у монашек: одна вороной масти, молодая, вторая — сивой масти, старая. Год тому назад бывший уадмотдел ** одну лошадь у них отбирал, и монашки, боясь конфискации их лошади, а также обложения их налогом, найдя своего приспешника, крестьянина из какой-то деревни, взяли от него расписку, что эта лошадь принадлежит ему, что им она дана во временное пользование, чем УАО удовлетворился и лошадь возвратил обратно, эта расписка должна храниться у монашек и по настоящее время, при помощи которой мошеннически им и удается укрывать лошадь.

С наступлением зимнего пути монашки, ожидая, что рано или поздно их преступность будет раскрыта, их доход учтен, скрыли свой тарантас, отправив его в какую-то деревню, который к лету будет также привезен»³⁶.

Далее т. Совалков предписывал: «Рекомендуется для избличения монашек произвести в их квартире тщательный обыск с целью обнаружения документов подтверждающих о их преступлении, как-то: запас записок раздаваемых населению, переписок на заказы, переписок с разными лицами, записки от крестьянина о принадлежности ему лошади, с которой монашки в необходимых для них случаях оперируют, и прочих вещей могущих подтвердить о доходах и скрывании их монашками»³⁷.

Особое внимание начальник подотдела округрозыска рекомендовал обратить на хозяина дома: «Свидетелем же по делу может быть

* К концу 1929 г. мать Вера проживала в Котельниче ровно один год.

** Уадмотдел (УАО) — уездный административный отдел, один из отделов Котельничского уисполкома.

хозяин дома гр-нин Мельков, к которому необходимо подойти с полной осторожностью, женщины живущие в том же доме, и в другой половине — пожилые, с религиозными предрассудками, о преступлении монашек указать не смогут»³⁸.

Примечательная деталь: в выписанном 29 декабря 1929 г. на имя агента угрозыска Лежнина «Постановлении о производстве обыска», в графе «мотивы» было написано: «Согласно данным (...) в доме (...) имеется разная литература антирелигиозного характера, документы и т. д.»³⁹. Причём выражение «литература антирелигиозного характера» не являлось случайной опiskeй. Чуть позже в протоколе обыска говорилось, что сотрудники угрозыска предъявили матери Вере требование «о выдаче антирелигиозной литературы»⁴⁰. Вряд ли сотрудники Котельничского угрозыска были настолько политически неграмотны, что не понимали разницы между религиозной и антирелигиозной литературой. Но тем не менее в этот раз мать Вера формально подверглась обыску за хранение антирелигиозной литературы, которой у неё не могло быть по определению.

В 14 часов 29 декабря 1929 г. в дом, где жила мать Вера со своими послушницами, вошли три агента угрозыска (Лежнин, Кулолаев и Шалачинов). В помещении, помимо матери Веры, Анастасии Генеральской, Прасковьи Елшиной, Анны Скорняковой и Евфросиньи Карепиной, находились ещё пять женщин, посетительниц матери Веры. Три из них были из Костромской губернии — Августа Фёдоровна Кузнецова (40 лет), Анна Васильевна Зверина (45 лет) и известная нам Надежда Евгеньевна Шагина, приехавшая в Котельнич только два дня назад. Две женщины были местные — Устинья Фёдоровна Седнева (39 лет) из Котельнича и Ольга Дмитриевна Пристежкина (25 лет) из д. Залесской Котельничского района⁴¹.

В ходе обыска милиционеры изъяли: «разных писем большое количество, тетрадок, записей»⁴². Выше писалось, что был изъят целый ряд предметов священнических и архиерейских облачений, а также две лошади, тарантас, кошёвка*, самовар, подушки, одеяла и т. д.⁴⁴.

По завершении обыска мать Вера и её послушницы были арестованы и оказались в «арестном помещении» Котельничского округозыска.

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ МАТЕРИ ВЕРЫ ПЕРЕХОДИТ К ОГПУ

АРЕСТ матери Веры и её послушниц явно готовился угрозыском тайно от местных чекистов. Узнав о том, что милиционеры арестовали мать Веру, окружное управление ОГПУ, по-видимому, устроило скандал и предъявило на неё свои права. Чтобы сохранить

* Кошёвка — «лёгкие выездные санки с высокой спинкой, обитой ковровой тканью»⁴³.

лицо, сотрудники угрозыска сделали вид, будто сами поняли, что мать Вера — не их «клиент».

Уже 30 декабря 1929 г. агент угрозыска Лежнин написал постановление по группе арестованных в д. Корякины. В постановлении говорилось, что сотрудники угрозыска полагали, что «административно-ссылная настоятельница монастыря Меркулова (...) занимается мошенничеством», однако в результате обыска 29 декабря обнаружен «ряд документов, писем и записок, писанных с контр-революционной целью подрыва существующего строя Соввласти». Находя «в содеянных преступлениях Меркуловой и других наличие состава преступлений, предусмотренного 58-10», т. Лежнин постановил: «...весь материал с вещественными по делу доказательствами передать (...) политуправлению города Котельничча с личностями задержанных»⁴⁵. Начальник подотдела Совалков утвердил это постановление.

Так к матери Вере впервые был применен пункт 10 печально знаменитой 58-й статьи («Контрреволюционные преступления») Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Потом ей ещё несколько раз «впаяют» и эту статью, и этот пункт. Напомним текст 10-го пункта: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев»⁴⁶.

1 января 1930 г. мать Вера и её послушницы были переданы из угрозыска в Котельничский окружной отдел ОГПУ⁴⁷. В тот же день они оказались в Котельничском доме заключения (домзаке)⁴⁸.

В КОТЕЛЬНИЧСКОМ ДОМЗАКЕ

С ТАРАЯ Котельничская уездная тюрьма сгорела в грандиозный пожар 1926 г. Несколько лет Котельнич жил совсем без тюрьмы, что, конечно, было ненормально, и по мере восстановления города у властей дошли руки и до устройства нового домзака. Последний было решено открыть в одном из храмов Котельнича.

Выбор пал на кладбищенскую Александро-Невскую церковь, находившуюся на окраине города (совр. адрес: ул. Речная, д. 23а). Храм этот был возведён в конце XIX в., его освящение состоялось в 1888 г. Как кладбищенский, он являлся приписанным к Троицкому собору⁴⁹. Александро-Невский храм стоял на крутом берегу Вятки в центре большого кладбища. В 1925 г. его преобразовали в приходскую церковь и передали в руки обновленцев* (это был

* Передача в 20-е годы кладбищенских храмов в городах обновленцам являлась одной из форм поддержки обновленческого раскола. В Костроме, например, власти передали обновленцам Богородице-Феодоровскую церковь на Новом (Новом Фёдоровском) кладбище⁵⁰.

Здание бывшей Александро-Невской церкви, в которой с конца 20-х годов размещался Котельничский дом заключения (домзак). Фото 1960-х гг.

единственный обновленческий храм в Котельниче). Пожар 1926 г. до него не дошёл.

В связи с тем, что домзак было решено устроить в Александро-Невской церкви, властям пришлось пойти на её закрытие. Закрытие обновленческого храма в то время является редчайшим случаем, так как примерно до начала 30-х годов обновленцы пользовались всемерной поддержкой государства. Конечно, власти Котельнича предпочли бы занять под домзак какой-нибудь из храмов Патриаршей (Тихоновской) Церкви, но все они были в центре города, а бывший кладбищенский храм находился на окраине, на отшибе. По-видимому, в 1929 г. Александро-Невский храм закрыли и переоборудовали под тюрьму. В ходе «переоборудования» у него были разрушены колокольня и купол, а внутри здания возведены две капитальные стены с проходом между ними. В храме устроили второй этаж и всё помещение разбили на камеры (всего их было 20, по 10 камер на этаже)⁵¹.

После того, как в Кинешме мать Вера сидела в домзаке, устроенном в бывшем монастыре, в Котельниче она снова оказалась в тюрьме новой разновидности — переоборудованной из храма.

Уже 1 января 1930 г. мать Веру в первый раз допросил старший уполномоченный секретного отделения окротдела ОГПУ А. Мухачев. На допросе мать Вера показала: «Проживая в г. Котельниче я посещала собор, где ко мне подходили верующие, которых я благослов-

ляла. По настоящее время ко мне приезжают верующие из других городов, приезжают и монахини. Цель приезда их — повидать меня и побеседовать. Задержанные со мною вместе 4 монахини мои личные знакомые: три из них мои послушницы, а четвертая Карепина приехала из г. Кинешмы назад тому с неделю. Ранее она приезжала ко мне в октябре месяце»⁵².

11 января 1930 г. старший уполномоченный А. Мухачев вынес по группе арестованных постановление, в котором говорилось: «...имея на квартире нелегальный женский монастырь, где часто бывали посетители, означенная группа вела а/с деятельность, занималась религиозной пропагандой, распространяя крестики, иконки и листки с надписями из евангелия, как средство исцеления от разных недугов, всем этим затемняя рассудок верующей массы и на почве своей религиозной пропаганды привлекала а/с элементы, которые в свою очередь поддерживали существование нелегального монастыря»⁵³. Вследствие этого т. Мухачев продлевал всем задержанным содержание под стражей.

23 января 1930 г. сотрудник окротдела Вереснев, «усматривая (...) некоторые действия Меркуловой как психически ненормальной», решил направить её «в Котельничскую окружную народную больницу в психиатрическое отделение для исследования состояния ее здоровья»⁵⁴. Как мы помним, мать Веру уже отправляли на подобную экспертизу в Галиче в 1921 г. и в Кинешме в 1927 г. Таким образом, это была третья попытка властей объявить мать Веру сумасшедшей. На проверке в больнице мать Вера находилась с 25 января по 25 февраля 1930 г. 25 февраля 1930 г. группа медиков Котельничской окружной психбольницы составила по состоянию матери Веры особый акт. Вывод, содержащийся в акте, гласил: «Всесторонние вопросы и наводящие разговоры показали, что отклонений со стороны психики нет, но выражено стойкое отстаивание своих религиозных взглядов»⁵⁵.

Когда мать Вера находилась в психиатрическом отделении, то к больнице приходили люди. Дочь протоиерея Петра Образцова, Ангелина Петровна Образцова (1918 г.р.) вспоминала: «В г. Котельнич мать Вера находилась в психиатрической больнице. Она благословляла людей, стоя у окна. Я видела это»⁵⁶.

22 января 1930 г. т. Вереснев констатировал «недостаточность улик», собранных против Генеральской, Корепиной, Елшиной и Скорняковой, «для предания их суду», и полагал дело против них прекратить и «применить к ним административные меры воздействия в виде адмвысылки по их месту приписки, т.е. Скорнякову А.И. — в Рыбную слободу Галицкого уезда Костромской губ., Корепину Е.К. — в д. Ильинскую Никольского уезда Вологодской губ., Генеральскую А.В. — в д. Балашино Новоузенского уезда Са-

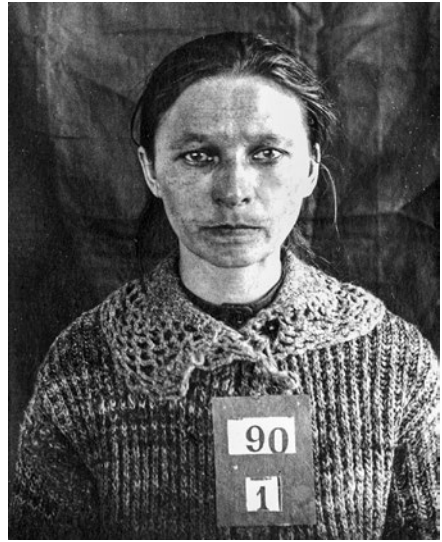
марской губ.* и Елшину П. М. в г. Галич Костромской губ. с обязательным прибытием их к упомянутому выше месту назначения не позднее 1 февраля 1930 г. с обязательной явкой в местные органы ОГПУ». Это постановление было утверждено начальником окротодела ОГПУ Орловым⁵⁷. Смысл этого постановления, по-видимому, состоял в том, чтобы лишить беспомощную мать Веру её главных помощниц.

Всех четырёх послушниц, арестованных вместе с матушкой Верой, выслали из Котельнича. Однако вскоре старшие товарищи поправили котельничских чекистов. 26 апреля 1930 г. в адрес Котельничского окротодела ОГПУ из Нижнего Новгорода пришла телеграмма, в которой говорилось:

«При сем возвращается на доследование следственное дело № 716/90 по обвинению Меркуловой Веры Антоновны. По имеющимся у нас сведениям вокруг Меркуловой имелась и имеется группа ее сподвижников, ведущих совместно с нею антисоветскую работу. Предлагаем эту группу срочно разработать и покрыть. Дело вместе с дополнительными материалами шлите срочно. Начальник СО ПП ОГПУ Нижкряя ** Григорьев»⁵⁸.

Как, наверное, кляли себя котельничские чекисты, что поспешили с высылкой сподвижниц матери Веры, которые совсем недавно были в их руках! В силу последовавшей из Нижнего команды в начале мая 1930 г. были возбуждены дела против двух послушниц матери Веры — А. В. Генеральской и П. М. Елшиной. 6 мая в Кострому и Самару были посланы телеграммы. В первой говорилось: «Кострома ОКРОГПУ. Ускорьте исполнения нашей телеграммы о высылки Елшиной»⁵⁹. Во второй, отправленной по адресу «Самара ПП ОГПУ», то же самое говорилось о высылке А. В. Генеральской⁶⁰. Обе телеграммы были подписаны начальником Котельничского окружного отдела ОГПУ Ягодкиным.

Из Костромы ответ пришёл в тот же день: «Елшина Прасковья Галича выбыла. Постоянное местожительство Котельнич дер. Корякино восемнадцать»⁶¹. Оказалось, что Прасковья Михайловна Ел-

Прасковья Михайловна Елшина. Тюремное фото. 1930 г.

* По-видимому, А. В. Генеральская скрыла от котельничских чекистов своё «место приписки»: она, как писалось выше, происходила из с. Назарьево Ковровского уезда Владимирской губернии.

** СО ПП ОГПУ Нижкряя — секретный отдел Постоянного представительства ОГПУ Нижегородского края.

шина, высланная в Галич, по-тихому вернулась обратно в пригородную деревню под Котельничем, в дом П.Е. Мелькова. Она не хотела оставлять мать Веру и надеялась ей как-то помочь. Конечно, это был подвиг, ведь Прасковья Михайловна не могла не понимать, чем возвращение в Котельнич чревато для неё лично. Примечательно и то, что котельнические чекисты узнали про её возвращение только от своих костромских коллег.

7 мая 1930 г. последовало постановление об аресте П.М. Елшиной и взятии её под стражу⁶². В тот же день она была арестована в д. Корякины и заключена в Котельничский домзак⁶³. На допросе 14 мая Прасковья Михайловна Елшина не признала себя виновной и выразила желание «находиться в домзаке вместе с матушкой Верой»⁶⁴.

12 мая постановление о привлечение в качестве обвиняемой последовало и по А.В. Генеральской⁶⁵. Однако здесь чекистов ожидала неудача. Высланная в Самарскую губернию А.В. Генеральская исчезла в неизвестном направлении. 12 мая сотрудник Котельничского окротдела ОГПУ Предеин вынес по ней особое постановление. Констатируя, что обвиняемая «с последнего места жительства из д. Корякины, Котельничского р-на и округа выбыла неизвестно куда и на запросы по месту ее жительства о нахождении сведений никаких нет, а потому и во избежание затяжки дела постановил: в отношении Генеральской дело дальнейшим производством приостановить и объявить последнюю по розыску через Котельничский угрозыск»⁶⁶. Обведя, таким образом, своих гонителей вокруг пальца, А.В. Генеральская позднее смогла вернуться к матери Вере. О её дальнейшей судьбе будет сказано ниже.

Дело же матери Веры шло своим чередом. 10 апреля 1930 г. уполномоченный секретного отдела Постоянного представительства ОГПУ по Нижегородскому краю т. Славин вынес по В.А. Меркуловой заключение, которым предписывалось направить её дело на внесудебное рассмотрение Особой Тройки при Постоянном представительстве ОГПУ⁶⁷.

К середине мая было подготовлено Обвинительное заключение по В.А. Меркуловой и П.М. Елшиной, утверждённое начальником Котельничского окротдела ОГПУ Ягодкиным 15 мая 1930 г. В Обвинительном заключении говорилось: «В конце 1928 года в г. Котельнич приехала, обязанная подпиской о невыезде, из Галицкого уезда, бывшей Костромской губ., монахиня Меркулова Вера Антоновна в сопровождении трех послушниц и обосновалась на постоянное жительство в д. Корякины, дом № 18.

Будучи глубоко религиозной фанатичкой, как и все прибывшие с ней послушницы, Меркулова в сравнительно короткий срок стала известна по округу (Котельничскому. — *Н.З.*) как прозорливая, могущая исцелять душевные и телесные недуги. В квартиру Меркуловой, превратившуюся формально в нелегальный монастырь, начали сте-

каться паломники не только из числа жителей округа, но и других округов. Тут же находили себе приют и бродящие монашествующие элементы, и всевозможное духовенство.

Имея при себе штат монахинь до 4 человек, двух выездных лошадей, Меркулова вела довольно не бедный образ жизни, существуя на подачки, получаемые в обмен на крестики, иконки и просто клочки курительной бумаги, на которых она ставила штамп с изображением креста и учиняла собственноручную подпись из Евангельских глав. Обычно каждый день Меркулова в сопровождении своих послушниц выезжала в местный собор и сидя на специальном поставленном для нее кресле, благословляла верующих и раздавала листочки, крестики и иконки, а более щедрым и фотокарточки.

Появление Меркуловой в Котельниче вызвало известное отражение в верующих кругах, а вслед за тем начали циркулировать слухи, что бывшая настоятельница Сумароковского монастыря Меркулова или, как её именовали, матушка Вера — великая мученица, пострадавшая от большевиков, чего не отрицала сама Меркулова, объясняя посетителям, что отрафировавшиеся у нее ноги искалечили большевики при ликвидации Сумароковского монастыря.

Попутно с этим Меркулова вела обширную переписку с иногородними адресатами, получая от них и деньги и просьбы в советах. Обычные беседы Меркуловой с населением сводились исключительно к а/с агитации, прикрытой перетасовками из евангельских и библейских изречений и легендарными рассказами об ужасах творимых Сов. властью и чудесных ее избавлениях от расстрела. Таким образом, квартира Меркуловой мало по малу превратилась в а/с очаг, куда стекались всевозможные личности и откуда исходили всевозможные а/с слухи.

Всему этому способствовали находящиеся при ней монахини: Генеральская Анастасия Васильевна, Елшина Параскева Михайловна и другие.

Из монахинь как фигуры, способствующие а/советской деятельности Меркуловой, особо выделялись указанные Генеральская и Елшина. Проживая при Меркуловой по несколько лет и имея зрелый возраст, они активно разделяли проводимую а/с работу с последней, из которых Генеральская с места организованного нелегального монастыря выбыла и неизвестно, где проживает, а потому в отношении ее дело подлежит приостановлению впредь до розыска.

Привлеченная в качестве обвиняемой в ведении а/с деятельности, т. е. в преступлении предусмотренном ст. 58–10 УК, Меркулова виновной себя не признала, однако не отрицая того, что она является прозорливой и что ее деятельность является полезной для людей. Отправленная на испытание в Котельничскую окрпсихолечебницу заключением врачей Меркулова была признана психически нормальной.

Считая, что следственным производством достаточно установлено а/с деятельность Меркуловой и ее монахинь Елшиной и Генеральской, выразившаяся в распространении и внедрении в сознание верующих а/с слухов и небылиц, т.е. наличие преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК, полагал бы, учитывая особую социальную вредность обвиняемых дело: на 1) Меркулову Веру Антоновну (...) бывшую настоятельницу женского Сумароковского монастыря, ранее судимую за а/с деятельность и осужденную к полутора годам заключения с последующей трехгодичной высылкой. 2) Елшину Параскеву Михайловну, 1899 г. рождения, быв. мещанку г. Галича, Костромской губ. (...) не судимую (...) передать на внесудебное рассмотрение Тройки при П.П. ОГПУ по Нижккраю»⁶⁸.

К заключению прилагалась справка, в которой говорилось: 1) Обвиняемая Меркулова с 1/I-30 г. содержится под стражей при Котельничском домзаке, а Елшина с 7 мая 1930 г. там же. 2) Обвиняемая Генеральская объявлена по розыску, дело в отношении ее приостановлено»⁶⁹.

19 мая 1930 г. Тройка при Постоянном представительстве ОГПУ по Нижегородскому краю приговорила мать Веру и Прасковью Михайловну Елшину к ссылке в Северный край сроком на 3 года, считая у обеих срок с 1 января 1930 г.⁷⁰ В отношении П.М. Елшиной приговор был приведён в исполнение. Однако в отношении матушки Веры вскоре последовала команда «отставить!». Ссылать женщину-инвалида на Север, по-видимому, не решились. 8 сентября 1930 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило: «Меркулову Веру Антоновну досрочно-условно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР»⁷¹.

МАТЬ ВЕРА ВЫХОДИТ НА СВОБОДУ

СОГЛАСНО постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ, примерно в середине сентября 1930 г. мать Вера вышла на свободу. Лишив мать Веру всех послушниц, чекисты явно надеялись «нейтрализовать» её, однако они просчитались. Мать Вера не осталась одна, а на место «павших» встали новые «бойцы».

Выйдя из тюрьмы, мать Вера поселилась в доме Клавдии Никифоровны Шатовой (ул. Луначарского, д. 41)*, где и прожила около шести месяцев⁷².

Клавдия Никифоровна Шатова родилась в 1899 г. в с. Гостяево Котельничского уезда. В 20-е годы она вышла замуж за Ивана Павловича Шатова⁷³. Иван Павлович Шатов родился в 1889 г. в д. Тюрочи Котельничского уезда. В 1901 г. его отдали в услужение к котельни-

* Улица Луначарского до революции называлась Воробьёвской. Нельзя не отметить, что уже второй раз мать Вера жила в доме на ул. Луначарского.

Иван Павлович Шатов.
Тюремное фото.
1932 г.

чесокму купцу Шильникову, у которого он служил до 1914 г. С началом войны И. П. Шатов был мобилизован в армию. Свою службу он закончил на Румынском фронте. Вернувшись в 1918 г. домой, Иван Павлович некоторое время жил у братьев, а в июне 1919 г. был вновь мобилизован в Красную армию и участвовал в Гражданской войне. И. П. Шатов демобилизовался в 1921 г. и вернулся в Тюричи. В 1922 г. он поступил продавцом в Котельничское горпо, где проработал до октября 1929 г., когда его уволили, обвинив в сбыте товара частнику.

У Ивана Павловича и Клавдии Никифоровны было четверо детей: дочь Елена и сыновья Леонид, Виталий и Иннокентий. На ул. Луначарского Шатовы проживали в собственном двухэтажном деревянном доме. 11 ноября 1930 г., вскоре после того, как в его доме поселилась мать Вера, Иван Павлович был арестован и оказался в Котельничском домзаке⁷⁴.

В его следственном деле подшита вырезка из какой-то газеты с фельетоном «Божия семейка», в котором издевательски рассказывалось об Иване Павловиче и его семье. Автор фельетона писал: «...хочу познакомить вас с одной божьей семейкой, которая существует в нашем небольшом городе». «Этот человек не так еще давно служил в нашей кооперации и чуть ли не главным продавцом мануфактурного магазина, служил честно, благородно, почти с самого начала существования кооперации. Все его знают в окрестности как парня развитого, сознательного да вдобавок верующего. Кончит, бывало, торговлю, а сам скорей в церковь спешит. Смотрим, со своей семейкой степенно шагает в божий храм, уж очень-то он любитель помолиться, всегда это первым в церковь придет, ни одного праздника не пропустит (...) одним словом, молодец парень, что и сказать, хороший, да под чистку соваппарата попал, ни за что вымели со службы. (...) Да, в общем, Иван

Павлович и не нуждался в своей службе, домик у него свой в городе и коровку держит свою, низ (дома. — *Н.З.*) занимают квартиранты, или, вернее сказать, монашки помещаются, день и ночь как у них, а также у самого Ивана Павловича лампадки гореть не перестают, да и гости частенько посещают. Но более всего толпятся у него лица почетные для него — это церковнослужители, попы никогда Ивана Павловича не обойдут, даже молебны в доме служат (...)»⁷⁵.

Далее автор фельетона переходил к матери Вере: «Но все же Иван Павлович недоволен был судьбою. Дескать, у меня семейство небольшое, а в дому места много, не пустить ли думает еще кого-нибудь к себе, ведь теперь чуть ли не кризис из-за квартир и многие нуждаются (...). Да Иван Павлович жалостливый, чуть ли себя не стеснил квартирой, а все же подыскал квартиранта и устроил в верхнем этаже. Этот квартирант, сказать вам, калека, обоих ног нет, ну и пожалел его добрый человек, да только знаете ли, квартирант-то, игуменья, она давно в городе живет, всегда ездила к обедне в церковь на извозчике со своей няней, которая выносила игуменью, а теперь жена Ивана Павловича ухаживает за ней, к каждой церковной службе рядышком с игуменьей сидит, в церковь вынесет и в квартиру принесет»⁷⁶. Из последних строк следует, что после освобождения из тюрьмы мать Вера продолжала посещать Троицкий собор, до которого добиралась с помощью Клавдии Никифоровны.

25 апреля 1931 г. из-за недоказанности вины И.П. Шатов был освобождён, однако 25 февраля 1932 г. его вновь арестовали, и он опять оказался в Котельничском домзаке. В этот раз система сбоя не дала: 14 августа 1932 г. И.П. Шатов был приговорён к трём годам ссылки, которую отбывал в Архангельске⁷⁷.

Клавдия Никифоровна Шатова познакомилась с матерью Верой в 1929 г. и стала её почитательницей. 12 июня 1934 г. на допросе она показала: «С Меркуловой В.А. я знакома 4 года, с того момента когда она была выслана в Котельнич. Когда Меркулова была посажена, то попросила меня приносить передачи, я (...) согласилась и с того времени стала носить передачи в течение 7 месяцев. (...) После освобождения из ИТУ* Меркулова поместилась на жительство в наш дом и проводила там прием посетителей»⁷⁸.

Когда мать Вера уехала из Котельнича в Сумароково, Клавдия Никифоровна со своими детьми поехала с ней. На том же допросе она показала: «Из Котельнича Меркулова поехала в Коростелевский сельсовет Молвитинского района. Я также поехала вместе с Меркуловой»⁷⁹.

В октябре 1930 г. к матери Вере из Галичского района приехала новая послушница — Екатерина Пименова. Екатерина Юрьевна

* ИТУ — исправительно-трудовое учреждение.

Пименова родилась в 1904 г. в д. Охотино Галичского уезда. Несмотря на молодость, она была старой знакомой матушки Веры. 17 июля 1931 г. на допросе Екатерина Юрьевна показала: «Я до октября месяца 1930 г. жила в работницах у частных лиц, а с этого времени (с октября 1930 г. — *Н.З.*) перешла к Меркуловой В. А. и в настоящее время являюсь её главной прислужницей. С матушкой Верой я знакома давно, т.к. и раньше ходила к ней в монастырь»⁸⁰.

Ни в галичских, ни в котельничских документах ОГПУ не указывается, на какой срок мать Вера была сослана в Котельнич. Она отправилась в ссылку 31 декабря 1928 г., а уехала из Котельнича в марте 1931 г., то есть всего мать Вера пробыла в городе на р. Вятке два года и три месяца. Не сочли ли ей день заключения в тюрьме за два или три дня ссылки? Тогда, вероятно, её сослали в Котельнич, как и в Кинешму, на три года.

В марте 1931 г. мать Вера вернулась из Котельнича в Сумароково. Одним из последствий этой ссылки стало то, что в последующие годы к ней в Сумароково приезжало большое количество жителей Котельничского района. В 1934 г. в очередном Обвинительном заключении отмечалось, что влияние матери Веры «распространяется не только в Молвитинском районе, но и в близлежащие и отдаленные районы: Галичский, Судиславский, Буйский, Палкинский, Костромской, Котельнический и ряд других районов»⁸¹.

МОЛВИТИНСКИЙ РАЙОН: 1928–1931 гг.

«С приходом Октябрьской революции лицо купеческого Молвитина значительно изменилось»¹.

*Костромская губернская газета «Борона»
(25 ноября 1928 г.)*

Пока мать Вера со своими спутницами едет по железной дороге из Котельнича до Буя, расскажем немного о тех изменениях, которые произошли в Сумарокове и окрестностях за время её отсутствия.

СЕЛО МОЛВИТИНО — ЦЕНТР МОЛВИТИНСКОГО РАЙОНА

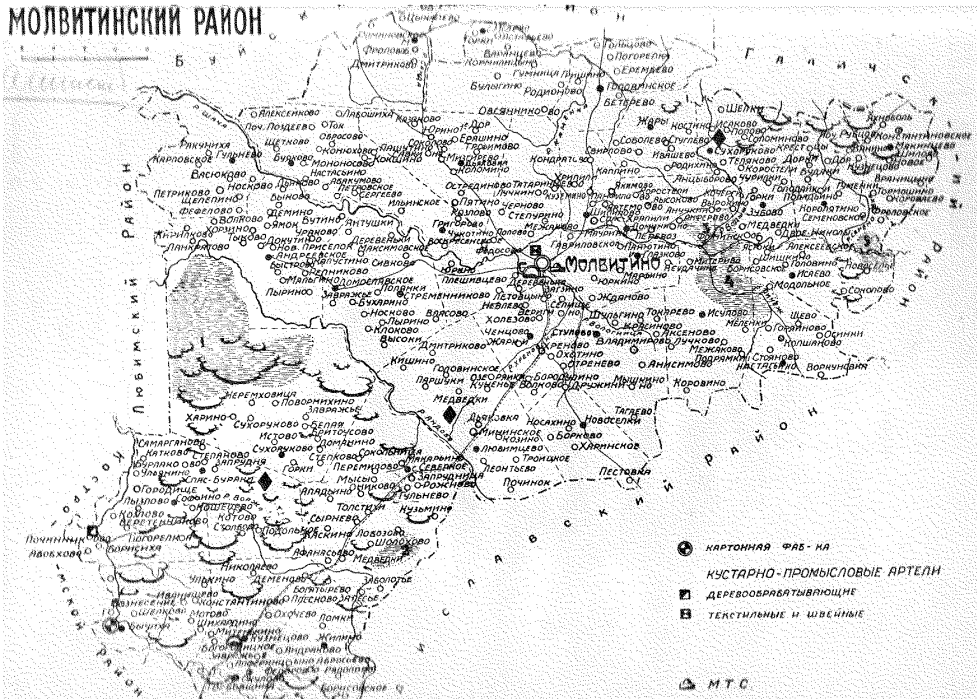
8 ОКТЯБРЯ 1928 г. ВЦИК принял постановление «О районировании Костромской губернии», которым упразднялось деление губернии на уезды и волости и вводилось деление на районы. Одним из них был Молвитинский район, с центром в с. Молвитино. В состав района вошли: из Буйского уезда — Молвитинская волость и части Письменской и Головинской волостей, из Костромского уезда — части Андреевской и Белореченской волостей, из Галичского уезда — часть Яхнобольской волости, включая и с. Сумароково². Согласно Всесоюзной переписи населения, в 1926 г. в Молвитине проживало 1028 чел.^{3*}.

Сохранилось описание Молвитина, сделанное историком В.И. Смирновым, который в июне 1928 г. находился в Буйском уезде в этнографической экспедиции: «Село Молвитино, — пишет В.И. Смирнов, — куда я попал летом 1928 года, почти город с населением более тысячи человек. Село расположено в несколько улиц на высоком холме, господствующем над долиной рек Волочницы ** и Шачи.

Очень много каменных и полукаменных больших зданий и двухэтажных деревянных под железными крышами. На всех этих сооружениях лежит печать недавно разбогатевших их владельцев — крестьян, побывавших на заработках в Москве. При домах пошиба

* В 1897 г. в Молвитине проживало 1447 чел., в 1907 г. — 1089 чел.⁴.

** Другие варианты названия реки — Воложница, Вологница.

Карта Молвитинского района

Посёлок Сусанино (бывшее село Молвитино). Современное фото

окаин больших городов сохранились хлевы, клетушки, амбарушки, так как население не расстается с земледелием и скотоводством. Прочно, хозяйственно построенные дома уродливой архитектуры выкрашены краской. На крышах дачного типа балкончики, сплошь покрытые пиленой кружевной резьбой. За село вынесены амбары и верховые с печами овины.

Бросается в глаза — в Молвитине и в ближайших деревнях много заколоченных домов. Это значит, что владельцы вместе с семьями в отходе — делают шапки в Москве, в Ленинграде или другом месте. Рядом видишь большие двухэтажные дома, которые зияют пробитыми стеклами, выломанными рамами — то беспризорные дома бывших буржуев. За селом я видел новое каменное здание бывшей богадельни, пустующее, с начисто выбитыми стеклами. Можно заключить, что в Молвитине нет квартирного кризиса»⁵.

Особое внимание в своём очерке В.И. Смирнов уделил бывшему памятнику царю-освободителю Александру II: «Среди села — остатки памятника Александру II в виде гранитного пьедестала, который был поставлен “благодарными жителями Молвитина”, как и теперь еще свидетельствует на нем надпись. Самый бюст смела могучая рука революции. Здесь служили первый благодарственный молебен по случаю революции* , здесь теперь устраивают первомайские и дру-

Молвитино. Центральная часть села. В центре кадра — Вознесенско-Покровская единоверческая церковь. Фото 1930 г.

* Благодарственный молебен состоялся, разумеется, в честь Февральской революции.

гие митинги, и тогда на пьедестал ставится на время гипсовый бюст Ильича. Сюда сходятся молодежь грызть подсолнухи»⁶.

Памятник Александру II в Молвитине был установлен в 1911 г., в связи с 50-летием отмены крепостного права. Открытие памятника, созданного на пожертвования местных жителей, состоялось 27 мая 1912 г.⁷ Надпись на его гранитном постаменте гласила: «Царю освободителю Александру II — благодарные крестьяне Молвитинской волости и села Молвитина». Бюст царя-освободителя в Молвитине был низвергнут с постамента в соответствии с Декретом Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», опубликованном 14 апреля 1918 г. Скорее всего, это произошло весной или летом 1918 г.

По-видимому, когда Молвитино стало центром района, его центральную улицу — Долгую — переименовали в улицу Карла Маркса. Славное имя основоположника научного коммунизма она носит и по сию пору.

Однако одним Карлом Марксом не ограничились. Вскоре после создания района, в конце ноября 1928 г., Молвитинская волостная организация ВКП(б) предложила переименовать сам районный центр. Губернская газета «Борона» 25 ноября 1928 г. в заметке «Было Молвитино — стало Дзержинское» сообщала: «Село Молвитино в прежние годы, в годы царствования плетки и кошелька, было селом торговым. (...) С приходом Октябрьской революции лицо купеческого Молвитина значительно изменилось. Место торгашей заняла кооперация, которую крестьяне-отходники организовали на свои заработанные гроши.

А для того, чтобы окончательно лицо села изменилось, молвитинские крестьяне по предложению волостной партийной организации постановили свое село переименовать в село Дзержинское, увековечив, таким образом, память одного из передовых борцов за Октябрьскую революцию, тов. Дзержинского»⁸.

Не совсем понятно, почему молвитинские большевики выбрали именно Дзержинского. В 1928 г. у того не отмечалось никакой круглой даты. Просто, видимо, чесались руки переименовать родное село. К счастью, эта инициатива осталась лишь на бумаге. То ли решили, что торгово-ремесленное Молвитино недостойно носить имя «рыцаря революции», то ли, что более вероятно, «помешало» грянувшее в начале 1929 г. упразднение Костромской губернии и её вхождение в состав гигантской Ивановской промышленной области (ИПО). На какое-то время стало не до переименований, потом началась коллективизация и про блажь молвитинских коммунистов забыли.

Как известно, в 1939 г. село Молвитино распоряжением свыше будет переименовано в село Сусанино. Впрочем, до этого было ещё очень далеко: в конце 20-х годов народный герой Иван Сусанин вместе со свергнутой монархией находился на свалке истории.

А.К. Саврасов.
Грачи прилетели.
1871 г.
Государственная
Третьяковская
галерея. На заднем
плане — церковь
Воскресения
Христового, шатёр
колокольни которой
обит потемневшими
металлическими
листами

Село Молвитино.
Воскресенский храм.
В его ограде ещё
существует
торговый ряд лавок.
Фото 1930-х гг.

Покровский
(бывший еди-
новерческий)
храм.
Фото
М.И. Клинду-
хова. 2010 г.

В Молвитине имелось четыре церкви. Все они в начале 30-х годов ещё действовали. Первая — Воскресенская церковь, построенная в конце XVII в. (освящена в 1690 г.). Этот храм известен каждому русскому человеку, так как именно он изображён на знаменитой картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели» (1871 г.)⁹. Примечательно, что с южной стороны в ограде Воскресенского храма находился целый ряд торговых лавок (всего лавок было 15)^{10*}, которые служили центральным местом торговли во время проведения в Молвитине двухнедельной Тихоновской ярмарки.

Вторым был единоверческий храм. Молвитино издавна являлось главным центром раскола в Буйском уезде. В середине XIX в. часть местных раскольников перешла в единоверие, и в 1849 г. здесь состоялось освящение деревянного единоверческого храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы¹². В начале 70-х годов XIX в. взамен деревянного был выстроен каменный Вознесенско-Покровский единоверческий храм (освящён в 1876 г.)¹³. Местные единоверцы вплоть до начала XX в. сохраняли свою враждебность к официальной Церкви. Поразительный пример приводит протоиерей Иоанн Сырцов, сопровождавший Феодоровскую икону Божией Матери в поездке в Галич в 1904 г. В своих путевых очерках он пишет, что в Молвитине «Феодоровская св. икона (...) не была принята ни в храм единоверческий, ни в дома единоверцев. Нельзя не пожалеть об этом, т.к. это свидетельствует далеко не о братолюбивом отношении единоверцев к православным братьям во Христе»¹⁴.

* Торговый ряд в ограде храма сломали уже после Великой Отечественной войны¹¹.

На окраине села, на кладбище, высился третий храм — возведённая из красного кирпича церковь Святой Троицы (освящена в 1904 г.)¹⁵.

Четвёртым был старообрядческий храм в честь Рождества Христова — деревянный, пятиглавый, с небольшой колокольней. Его закладка состоялась в 1911 г. Освящение храма, которое совершил старообрядческий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий (Усов), прошло 10 февраля 1913 г.¹⁶.

Атмосфера в молодом райцентре была особенно нигилистическая по отношению к прошлому Молвитина. Новым властям не нравилось почти всё в его прошлом: торговое значение села с его двухнедельной Тихоновской ярмаркой*, связь Молвитинской округи с царём Михаилом Фёдоровичем и подвигом Ивана Сусанина, память об уроженце Молвитина Осипе Комиссарове, считавшемся спасителем царя Александра II и т. д.

По мере сил власти старались искоренить в районе всё, напоминающее о «проклятом прошлом», в частности, всё, связанное с памятью об Иване Сусанине. Если бы тогда кто-то сказал, что в 1939 г. Молвитино переименуют в Сусанино, а Молвитинский район — в Сусанинский, то его приняли бы за сумасшедшего или контрреволюционера.

СЕЛО СУМАРОКОВО — ЦЕНТР КОРОСТЕЛЕВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА

В СЕЛЕ Сумарокове в 20-е годы также старались, насколько это было возможно, искоренить память о бывшем здесь Свято-Троицком монастыре.

В начале 20-х годов Сумароково стало центром сельсовета, который, однако, назывался не Сумароковским, а Коростелевским (по д. Коростели). Скорее всего, сельсовет назвали так, чтобы лишний раз не упоминать название села, где ещё совсем недавно находился монастырь, который жители Галичского и Буйского уездов обычно именовали Сумароков или Сумароковский. В состав Коростелевского сельсовета помимо самого Сумарокова входили деревни: Антонково, Анциборово, Берниково, Вырокино, Замятино, Исаково, Коростели, Кочерги, Мотаево, Попово, Соломино, Чебыкино и Шелки¹⁷. В Сумарокове имелись сельсовет, совхоз, инвалидный дом, школа, действовали партийная и комсомольская организации.

С монастырём было покончено в 1920–1921 гг. С началом коллективизации закрытию подверглась и Троицкая церковь. В селе, правда, оставался ещё один «очаг религиозного дурмана» — Никольская приходская церковь, но со временем доберутся и до неё.

* Тихоновская ярмарка в Молвитине ежегодно проходила с 16 по 29 июля. Последний раз она состоялась в 1929 г.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»: УСИЛЕНИЕ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ

В 1929 г., в «год великого перелома», антирелигиозная пропаганда в стране превратилась в настоящую антирелигиозную истерию. В 1930 г. на территории Ивановской промышленной области* был закрыт последний монастырь. Казалось бы, на этом участке идеологического фронта боевые действия можно было прекратить и перебросить силы на другие участки. Однако властям и органам пропаганды не давал покоя сам факт, что в области осталось примерно тысяча человек — бывших насельников и насельниц закрытых обителей.

В подавляющем большинстве это были люди преклонного возраста. По понятным причинам они не очень хорошо относились к Советской власти, закрывшей их обители, но ни о какой практической борьбе с государством и не помышляли. В социальном отношении большинство их происходило из крестьян. Однако для Советской власти все монашествующие являлись злейшими классовыми врагами. Пропаганда уверяла, что монахи участвуют во всех контрреволюционных заговорах, борются против коллективизации, тлетворно влияют на женщин и детей и т. д. и т. п.

В вышедшем в 1930 г. издании Союза воинствующих безбожников «Рясники и сектанты Ивановской области» говорилось: «Хотя монастыри и закрыты, но осколки армии тунеядцев — монахи и монашки сохранились по области еще в значительном количестве. (...) Все они примостились в церквях прислужниками, просвирнями, певчими и агентами по выполнению контрреволюционных заданий»¹⁸.

С 1929 г. началось резкое ухудшение положения сельского духовенства. Настоятель Никольской приходской церкви в Сумарокове о. Михаил Иорданский в год «великого перелома» подвергся частичному раскулачиванию. Его внучка Т. А. Дружкова пишет: «...однажды пришла какая-то комиссия в дом, где жили Иорданские, и просто так забрали швейную машинку и посудный шкаф, а потом шкаф этот продали в деревне же, а машинку просто изломали и выкинули. (...) Лошадь и корову, конечно, отняли: несколько штук золотых монеток, что были в семье, сами со страху снесли в сельсовет»¹⁹.

В 1929 г. досталось и сыну о. Михаила — Анатолию Иорданскому (1907–1974 гг.). Из-за «неправильного» социального происхождения будущего ученого-языковеда исключили из Ярославского педагогического института.

* В 1929 г. четыре губернии — Владимирская, Иваново-Вознесенская, Ярославская и Костромская — были упразднены и объединены в одну область с центром в г. Иваново-Вознесенске (с 1932 г. — г. Иваново), получившую название Ивановская промышленная область.

1928 год.
Анатолий
Иорданский
(стоит
слева) —
студент
Ярослав-
ского педа-
гогического
института
с группой
однокурс-
ников

Начальное образование Анатолий получил в Ново-Теляковской земской школе. В 1917 г. он поступил в Галичскую гимназию, но из-за революции проучился в ней только год. В 1923 г. Анатолий окончил Молвитинскую школу второй ступени, а в 1926 г. поступил в Ярославский педагогический институт. В 1929 г. его, как сына попа, исключили из института. Анатолий уехал в Кострому, где год работал каменщиком на строительстве железнодорожного моста через Волгу. «В эти ужасные времена, — пишет его дочь Т. А. Дружкова, — однажды, пройдя в лаптях 80 километров, наш папа не посмел днём войти в дом своих родителей, дабы не навлечь на них гнев местных властей, прятался, дожидаясь темноты»²⁰.

Однако в целом судьба оказалась достаточно милостива к сыну настоятеля церкви в Сумарокове. В апреле 1931 г. Анатолий смог устроиться учителем русского языка и литературы в Мисковской школе Костромского района и позднее работал в разных школах Ивановской области. Ему удалось восстановиться в Ярославском педагогическом институте, который он окончил заочно в 1936 г. В 1937 г. Анатолий поступил в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ)...

Анатолий Михайлович Иорданский стал видным языковедом, доктором филологических наук, профессором Владимирского педагогического института, кавалером ордена Ленина^{21*}.

* Орденом Ленина А. М. Иорданский был награждён в 1971 г.

1931 ГОД: ТРИ МЕСЯЦА В СУМАРОКОВЕ

«В апреле месяце 1931 г. в Коростелевский сельсовет прибыла бывшая монахиня Ново-Сумароковского монастыря, находящегося на территории указанного сельсовета, Меркулова Вера Антоновна, считающаяся (...) за “святую” и пользующаяся большой популярностью среди населения под именем “матушки Веры”»¹.

*Из обвинительного заключения
против матери Веры от 19 июля 1931 г.*

МАТУШКА ВЕРА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СУМАРОКОВО

ВЕСНОЙ 1931 г. мать Вера с двумя послушницами вернулась из Котельничской ссылки в Молвитинский район. Сев на поезд в Котельниче, они доехали до станции «Буй», а оттуда добрались до Сумароково.

Существуют две версии о времени приезда матушки Веры в Сумароково. По свидетельству председателя Коростелевского сельсовета А. М. Лисицына, она приехала в Сумароково 10 апреля². Другой местный начальник — председатель колхоза «Победа» А. И. Бакланов позднее на допросе показал: «Верушка прибыла на территорию Коростелевского сельсовета в марте месяце»³. Агроном С. П. Белокрылин также показал, что мать Вера приехала «в конце марта месяца, число не помню»⁴.

«Выполним программу весеннего сева!»: обложка журнала «Безбожник» за апрель 1931 года

Заметим, что показания эти были даны ими в качестве свидетелей в конце июня — начале июля 1931 г., то есть спустя несколько месяцев после приезда матери Веры.

На первый взгляд, свидетельство А. М. Лисицына о приезде матери Веры 10 апреля кажется более авторитетным: он даже называет точную дату. Лисицын сам стал председателем сельсовета в апреле 1931 г. и поэтому мог запомнить дату приезда матери Веры. Однако на март, как на время приезда матушки, независимо друг от друга указали два свидетеля и поэтому, с нашей точки зрения, их сообщение является более вероятным.

Можно сказать, что не имеет большого значения, когда именно вернулась мать Вера — в конце марта или 10 апреля. Да, иногда это не важно. Однако в данном случае, когда в 1931 г. мать Вера пробыла на свободе в Сумарокове всего три с половиной месяца (её арестовали 13 июля того же 1931 г.), важен каждый день. С некоторой долей условности будем считать, что она приехала в конце марта.

Прибыв в Сумароково, матушка Вера первым делом посетила настоятеля Никольской приходской церкви о. Михаила Иорданско-

Священник Михаил Иорданский, матушка Елена Александровна с младшими дочерьми — Фаиной и Марией. Фото начала 1930-х гг.

го. Председатель колхоза А. И. Бакланов позднее показал на допросе: «Верушка прибыла на территорию Коростелевского сельсовета в марте месяце. К священнику Иорданскому»⁵. Наверняка о. Михаил Иорданский и его супруга Елена Александровна радостно встретили гостей. Однако встреча их была недолгой: едва матушка Вера вошла в дом священника, как недруги уже доложили о её приезде по начальству. Совхозный тракторист Пётр Никифорович Обухов, бывший член ВКП(б), исключённый в 1928 г. из партии «за пьянство», позднее хвастался: «В день ее (матери Веры. — *Н.З.*) приезда в Н-Сумароково я первый узнал о ее приезде и доложил в сельсовет»⁶.

Председатель сельсовета Николай Иванович Плотников, узнав о приезде матушки Веры, не стал откладывать визит к ней до завтра. Прихватив с собой нескольких активистов, он направился в дом священника. Председатель колхоза А. И. Бакланов позднее показывал: «Председатель сельсовета тов. Плотников узнал и пошел (...) и проверил ее документы»⁷.

Более подробно о приезде матери Веры рассказал агроном С. П. Белокрылин. На допросе 1 июля он показал: «1931 года в конце марта, число не помню, пронеслась весть, что приехала в пределы Коростелевского сельсовета бывшая монахиня Верушка босоножка (...). Актив Коростелевского сельсовета, который знал ее ранее (...) забил тревогу перед сельским советом, чтобы ее из пределов Коростелевского сельсовета изолировать. Председатель сельсовета тов. Плотников Николай Иванович совместно с активом факт проверил, причем приезд подтвердился, она находилась у попа Иорданского»⁸.

Итак, первым, кого посетила матушка Вера по приезде в Сумароково, был священник Никольской приходской церкви о. Михаил Иорданский. Наверняка о. Михаил стал угощать дорогую гостью и её спутниц, но вскоре в его дом нагрянул председатель сельсовета Н. И. Плотников в сопровождении активистов. Он потребовал у матери Веры документы, а когда она их предъявила, они показались ему подозрительными. В Молвитинский райотдел ОГПУ был послан конный нарочный. Вскоре из райцентра приехал сотрудник органов и увёз мать Веру в Молвитино. К этому времени у дома священника уже собралась большая толпа местных жителей, услышавших, что приехала матушка Вера. И вот, не успела она приехать, как её уже увозят в Молвитино, в ОГПУ. В Молвитинском райотделе ОГПУ* документы матери Веры, выданные их котельничскими коллегами, претензий не вызвали, и её отпустили.

Наверняка в тот же день начальник Молвитинского райотдела ОГПУ т. Крупин сообщил руководству — секретарю Молвитинского райкома ВКП(б) т. Фёдорову и председателю райисполкома, что на подведомственной им территории объявилась мать Вера. Вряд ли это известие их очень обрадовало. Весной району предстояли великие дела — надо было проводить сев, организовывать новые колхозы, вести колхозников столбовой дорогой к социализму и т. д. А теперь вот извольте возиться с этой религиозницей, отрывать силы от главного. К тому же внутренний голос, наверное, уже тогда пророчески прошептал районным начальникам, что приезд матушки Веры ничего хорошего не сулит и им лично.

По какому-то несчастливому совпадению вскоре после приезда матери Веры председатель Коростелевского сельсовета Н. И. Плот-

* Райотдел ОГПУ в Молвитине находился в доме, который ныне находится по адресу: ул. Крупская, д. 13⁹.

ников был снят с этой должности и переведён в Молвитино, где стал работать народным следователем¹⁰.

ДЕРЕВНЯ ИСАКОВО

ВЕРОЯТНО, в райотделе ОГПУ матушке Вере запретили проживать в Сумарокове, и она со своими спутницами вновь, как и в декабре 1928 г., поселилась в Исакове — деревне, находящейся в одной версте от бывшего монастыря.

По данным 1926 г., в д. Исаково было 39 дворов и проживало 86 чел. (39 м. и 47 ж.)¹¹. Деревня входила в состав Коростелевского сельсовета. До 1861 г. Исаково принадлежало Елизавете Николаевне Варенцовой, основательнице монастыря в Сумарокове. В 1931 г. в деревне ещё, наверное, оставались старики, помнившие свою барыню. Жители деревни были прихожанами Никольской церкви в Сумарокове, и большинство из них давно являлись почитателями матери Веры.

В Исакове мать Вера, как и 1928 г., поселилась в доме у Сергея Геннадьевича Смирнова и его жены Василисы Пантелеевны Смирновой. В чекистских документах 1931 г. хозяин дома проходил как «крестьянин-твёрдозаданец»^{12*}.

Уроженка д. Замятино, Мария Павловна Рекунова (1914 г.р.), ходившая в 1931 г. к матушке Вере, позднее вспоминала о нём: «В Исаково жил зажиточный крестьянин, Сергей Геннадьевич (фамилию не помню), по прозвищу “Кочет”^{**} — так называли его местные мужики. Детей у них с женой не народилось, а жил мальчик-взятый. Матушку они привечали^{***} в свой дом, а Сергей Геннадьевич возил ее на лошади (у него в хозяйстве была лошадь) по ее просьбе в церковь или еще куда-нибудь»¹⁶.

С матушкой Верой в доме С.Г. Смирнова поселилась её послушница (о них ниже).

К МАТУШКЕ ВЕРЕ ИДУТ ЛЮДИ

ВЕСТЬ о том, что мать Вера вернулась из ссылки и живёт в Исакове, стремительно разнеслась по району. Уже в ближайшие дни к ней началось массовое паломничество. Через несколько месяцев в Обвинительном заключении о матери Вере было сказано: «Пользуясь большой популярностью в населении, как “святая” и “пророчица”, Меркулова привлекала к себе толпы паломников, увеличивающихся с каждым днем»¹⁷.

* Твёрдозаданец — «крестьянин-единоличник, работающий по строго определённом государственному плану-заданию»¹³. Твёрдозаданцы считались категорией крестьян, близкой к кулакам.

** В Галичском, Солигаличском, Буйском и Чухломском уездах кочетом называли петуха¹⁴.

*** Привечать — ласково, приветливо обходиться с кем-нибудь¹⁵.

Со всех концов Молвитинского района в Исаково и Сумароково потянулся людской поток. Люди спешили. Во-первых, матери Веры не было здесь много лет (те несколько дней, которые она прожила в Исакове в декабре 1928 г., не в счёт). Во-вторых, все понимали, что и в этот раз власти не будут долго терпеть её присутствие, а поэтому надо спешить.

Вслед за жителями Молвитинского района в Сумароково и Исаково потянулись люди из соседних районов — Галичского, Буйского, Судиславского, Семёновского*, Костромского и др.¹⁸

Чувства почитателей матушки Веры, узнавших, что она вернулась и вновь принимает людей, выразил неизвестный местный поэт в стихотворении, написанном, скорее всего, весной 1931 г.

В нём были такие строки:

Давно, давно тебя мы ждали,
Как дети ждут родную мать.
Давно, давно тебе желали
Привет свой искренний сказать.

И вот ты снова перед нами,
Как светлый Ангел, предстоишь.
Перед сиротками здесь, нами,
Любовью новой нас даришь.

Нам жизнь дало твое ученье,
Согрела нас твоя любовь.
Ты здесь укрыта от несчастья,
Ты нам защита и покров¹⁹.

1931 ГОД: НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ В СУМАРОКОВЕ ПРИ МАТУШКЕ ВЕРЕ

КОНЕЧНО, приезд матушки Веры стал радостным событием для всех церковных людей, а таких в то время было ещё большинство. С первых дней приезда матери Веры и на три последующих месяца Никольский приходской храм в Сумарокове превратился в главный религиозный центр Молвитинского района.

Сергей Геннадьевич Смирнов ежедневно привозил матушку Веру на лошади в Сумароково, в церковь²⁰, в которой о. Михаил Иорданский стал совершать богослужения каждый день. В это время резко выросло количество верующих, которые посещали Никольский храм. Если в апреле «в начале её приезда», по данным ОГПУ,

* Семёновский район ныне называется Островским районом.

оно составляло 50–100 человек в день, то «в июне-июле увеличилось до 400–500 человек, а в дни церковных праздников достигало до 1000 человек»²¹.

Особым почитанием в храме пользовалась икона Божией Матери «Скоропослушница», бывшая главная святыня Свято-Троицкого монастыря, перенесённая сюда из собора после закрытия обители. Ежедневно мать Вера приезжала в Никольскую церковь. Послушницы вносили её в храм, и она всё богослужение сидела возле иконы Божией Матери «Скоропослушницы».

Благодаря труду о. Валентина Ратькова, до нас дошёл ряд свидетельств современников, рассказывающих о том, как матушка Вера приезжала в храм.

Людмила Эрастовна Копёнкина (1911 г.р.), летом 1931 г. пришедшая в Сумароково за 150 км из д. Каменново Антроповского района, позднее вспоминала: «Матушку привезли на тарантасе. Лошадь карая*, как сейчас вижу. Вышли две монашки со стулом из церкви и приставили стул к тарантасу. Они же взяли матушку и посадили на стульчик, внесли в церковь и поставили в левом приделе Николая Чудотворца. Молебен служили в приделе. Мать Вера сидела на стуле всю обедню. Кучером был мужчина**, который привозил матушку. После службы он снова приехал за нею, и опять так же монашенки вынесли ее на стуле, посадили на тарантас и отвезли ее к дому и внесли в дом. Всю службу мы стояли позади матушки, в приделе»²².

Тамара Сергеевна Мухина (1916 г.р.), жительница д. Куницыно Буйского района, летом 1931 г. в составе группы паломников из двадцати человек посетила Сумароково. Рано утром паломники пришли в село и сразу направились в церковь: «Народ подходил к службе. Мы купили свечи и просфорки. В левом приделе находилась икона “Скоропослушница”. Всю службу я стояла в приделе, напротив этой иконы. Матушку привезли на тарантасе до начала Часов.

Тогда еще были ворота, через которые матушка проезжала к церкви***. Местная ребятня, завидев матушку, спешила их открыть. Ребятишки знали, когда матушка Вера должна приехать, и стерегли этот момент. Въезжая, матушка Вера кидала им конфеты с тарантаса.

Подъехав к церкви, ее сняли с тарантаса в коляску и внесли в церковь, где она сидела в кресле, напротив “Скоропослушницы”. Сиденье кресла было околочено дерматином, а спинка, вроде, бархатная была. Потом народ подходил к ней под благословение, и она отвечала на вопросы приходивших»²³.

Александра Павловна Смирнова (1916 г.р.), уроженка д. Замятино, в 1931 г. видела мать Веру в Никольской церкви: «В храме народ под-

* Карая (каряя) — то есть чёрная, с тёмно-бурым отливом.

** Имеется в виду С.Г. Смирнов.

*** Имеются в виду Святые врата в каменной ограде вокруг церкви.

ходил к ней под благословение. При ней был белый мешочек с вышитым черным крестиком. В нем лежали талончики, которые матушка Вера давала проходящим. Глаза она опускала вниз, по сторонам не смотрела, а как бы дремала»²⁴.

Вскоре после приезда матери Веры в Сумароково началась (с 6 апреля) Страстная седмица. В праздник Пасхи, 12 апреля, мать Вера, конечно, была в Никольском храме. 13 апреля началась Светлая Пасхальная седмица.

К этому времени повсеместно утвердилась традиция проводить накануне Пасхи в прессе антипасхальную пропагандистскую кампанию. За Пасхой — одним из любимых народных праздников — в газетах закрепился пропагандистский штамп: «поповско-кулацкая Пасха», словно этот праздник отмечали только попы и кулаки. Впрочем, влияние данных кампаний в сельской местности до поры до времени было минимальным.

В 1931 г. праздник Троицы — бывший престольный праздник Свято-Троицкого монастыря — пришёлся на 31 мая. Наверняка в этот день со всей округи в храм сошло особенно большое количество людей. В последний раз в 1931 г. мать Вера была в Никольском храме в воскресенье 12 июля, в праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Нельзя не спросить — почему власти не закрыли тогда церковь в Сумарокове? Конечно, это вряд ли уменьшило людской поток к матери Вере, но всё-таки лишило её важного места, где она могла общаться с людьми. И, конечно, если бы дело зависело только от местного начальства, то к 1931 г. в Молвитинском районе не осталось бы ни одной действующей церкви. Однако, к счастью, начальники районного уровня решали далеко не всё. После провала первого этапа коллективизации Сталин жёстко осудил тех, кто закрывает храмы, не создав ещё колхозов. Поэтому после устроенной вождём выволочки на местах боялись связываться с храмами. Вплоть до второй половины 30-х годов церкви в сельской местности закрывались крайне редко. Их массовое закрытие началось в 1937 г., когда коллективизация, в основном, была завершена, и продолжалось в последующие годы. Пик этого процесса пришёлся на первое полугодие 1941 г. Забегая вперед, скажем, что богослужение в Никольской церкви прекратилось в 1939 г.

БЛИЖНИЙ КРУГ МАТЕРИ ВЕРЫ В ИСАКОВЕ

ПОСЛЕ поселения матери Веры в Исакове вокруг неё вновь стала формироваться небольшая община послушниц.

Две послушницы приехали с ней из Котельнича. Первой была котельничанка Клавдия Никифоровна Шатова с двумя своими малолетними детьми, состоящая при матушке в роли экономки. Как

писалось выше, её муж Иван Павлович Шатов был арестован в Котельниче 11 ноября 1930 г. Просидев в Котельническом домзаке почти полгода, он 25 апреля 1931 г. был освобождён из-за недоказанности вины. 25 февраля 1932 г., как «участника церковно-монархической организации», Ивана Павловича вновь арестовали. В материалах дела его квартира именовалась «конспиративным штабом контрреволюционной группы». 14 августа 1932 г. он был приговорён к трём годам ссылки, которую отбывал в г. Архангельске²⁵. По-видимому, узнав, что её муж 25 апреля 1931 г. вышел на свободу, Клавдия Никифоровна в мае или июне вернулась в Котельнич.

Второй послушницей была жительница Галичского района Екатерина Ивановна Пименова, приехавшая к матушке в Котельнич в октябре 1930 г.

Узнав о том, что мать Вера живет в Исакове, туда потянулись её старые послушницы.

Вскоре приехала Надежда Евгеньевна Шагина. Как мы помним, Надежда Евгеньевна прибыла к матушке в Котельнич 27 декабря 1929 г. и только чудом не оказалась под арестом. Тогда она уехала из Котельнича — возможно, в свою родную деревню Асташево в Галичском районе. Узнав, что мать Вера живёт в Исакове, она вернулась к ней.

С июня 1931 г. вместе с матерью Верой стала жить её старшая знакомая Анна Ивановна Скорнякова — тридцатилетняя жительница г. Галича, дочь кустара-сапожника. Позднее на следствии она показала: «Я работаю у Меркуловой с июня месяца 1931 г. Работаю прислужницей. До этого я с Верой не жила, хотя и часто раньше ходила к ней, и в Котельниче жила у неё 7 месяцев»²⁶.

10 июля 1931 г., за два дня до ареста матушки Веры, в Исаково приехала её бывшая келейница Евфросинья Кирилловна Карепина²⁷. Напомним, что Евфросинья Кирилловна приехала к матушке в Котельнич за несколько дней до её ареста и была арестована со всеми. В январе 1930 г. её выслали на родину — в д. Ильинскую Никольского уезда Вологодской губернии, откуда она вскоре переехала в Кинешму. По-видимому, узнав, что мать Вера живет в Исакове, Евфросинья Кирилловна списалась с нею, и та пригласила её к себе. Она приехала в Исаково 10 июля 1931 г., а 13 июля её арестовали вместе с матерью Верой.

КАМПАНИЯ В ПРЕССЕ ПРОТИВ МАТУШКИ ВЕРЫ

ВЕРНУВШИСЬ весной 1931 г. в сумароковские места, мать Вера не могла не почувствовать, какие большие перемены произошли здесь по сравнению с декабрём 1928 г. Тогда в только что образованном Молвитинском районе о колхозах и слыхом не слы-

Плакат «Религия тормоз пятилетки». Конец 1920-х годов

хали. Сейчас же ситуация была совсем другой. Хотя первый этап коллективизации в районе зимой 1929–1930 гг., как и везде, кончился провалом, власти упорно продолжали проводить «социалистическую реконструкцию» сельского хозяйства. Весна 1931 г. была провозглашена «второй большевистской весной», и повсеместно в районе шла организация колхозов.

Приезд матушки Веры портил районным властям все их планы. Котельнические чекисты освободили мать Веру накануне начала сева и тем самым едва ли не сорвали в Молвитинском районе посевную кампанию. Позднее одним из пунктов обвинения, которое было предъявлено матушке Вере, стал срыв посевной кампании в Коростелевском сельсовете. И обвинение это, в каком-то смысле, являлось справедливым. Речь не идёт о крестьянах-единоличниках — те, разумеется, на своих участках всё посеяли. Речь идёт о колхозах, где с самого начала их организации и так были проблемы с севом и уборкой. В условиях же, когда большое количество колхозников и колхозниц во время сева всеми силами старались попасть к матушке Вере, посевная кампания действительно прошла с огромными трудностями.

К тому же само присутствие матери Веры, как морального авторитета, объективно препятствовало организации колхозов в районе. Ведь у идущих к ней людей в числе главных вопросов был: «Вступать или не вступать в колхоз?» Именно поэтому в 1931 г. власти района

реагировали на возвращение матери Веры из ссылки особенно резко. Уже в мае 1931 г. в прессе против неё началась развёртываться невиданная до того пропагандистская кампания.

Первой её ласточкой стала заметка «Кулацкая ”пророчица” снова заговорила», появившаяся 10 мая 1931 г. в газете «Безбожник» — центральном органе Союза воинствующих безбожников. В заметке говорилось: «”Безбожник” уже сообщал о проделках новоявленной ”святой” Меркуловой (она же ”мать Вера” и ”Верушка Сумароковская”). Сейчас она снова появилась в селе Сумарокове (Молвитинский район) близ закрытого монастыря. Контрреволюционная же агитация её проникает и в соседние районы: Галичский и Буйский. Там успешно развернулась коллективизация и потому свою работу ”мать Вера” направила против колхозов.

Приходящие к ней крестьянки получали такие наставления:

— В колхозы не вступайте, — скоро миру конец!

Попы и кулачество в свою очередь плетут о ”Верушке” разные небылицы, вроде того, что у нее документы от самого папы римского, и никто ее тронуть не смеет.

Результаты ”Вериной” пропаганды сказываются. Участились выходы из колхозов, а кое-где целые колхозы распадаются. Новый колхоз д. Усадищи* Галичского района распался, как только вернулась посетившая ”Верушку” крестьянка Смирнова. Нужно навсегда выгнать кулацкую ”пророчицу” из насиженного гнезда. А местные организации и в первую очередь ячейки СВБ должны разоблачить до конца кулацкую ”святую»²⁹. Заметка не подписана, но автором её явно был кто-то из молвитинских безбожников, состоящий внештатным корреспондентом столичной газеты.

В июне 1931 г. эстафету кампании, направленной против матери Веры, подхватила районная молвитинская газета «Колхозный клич».

Недавно образованные районы в это время обзаводились своими газетами — органами райкомов партии и райисполкомов. Как правило, им давались пропагандистско-производственные названия, в которых чаще всего присутствовало слово «колхоз» и различные производные от него. Например, в Нерехтском районе газета (первый номер — 20 февраля 1930 г.) называлась «В поход за коллективизацию»; в Красносельском (1 мая 1930 г.) — «За колхоз»; в Кологривском (12 сентября 1930 г.) — «Кологривский лесоруб»; в Семёновском (совр. Островский район) (11 февраля 1931 г.) — «Колхозник»; в Парфеньевском (5 мая 1931 г.) — «За лес и колхозы»; в Чухломском (24 мая 1931 г.) — «Колхозная правда»; в Костромском (26 июня 1931 г.) — «Колхозное Приволжье» и т. д.

* В 1926 г. в д. Усадище Русаковского сельсовета Галичского уезда было 6 дворов и проживало 19 чел. (9 м. и 10 ж.)²⁸.

Молвитинская районная газета, первый номер которой вышел 15 апреля 1931 г., получила название «Колхозный клич»*. Она стала выходить почти одновременно с возвращением в район матери Веры, и последняя вскоре превратилась в едва ли не главного героя, о котором писала газета.

Начиная с июня 1931 г. «Колхозный клич» стал публиковать серию статей, посвящённых матери Вере, в которых её именовали «кулацкой пророчицей», «кулацким агентом», «контрреволюционной шарлатанкой», обвиняли в срыве весеннего сева, развале колхозов и подрыве устоев Советской власти. 20 июня 1931 г. «Колхозный клич» поместил первый материал по матери Вере, который назывался «Письмо в редакцию». В предисловии к нему говорилось: «В связи с запросами читателей помещаем письмо свидетелей шарлатанства пресловутой “Веры”».

Этим «свидетелем шарлатанства» был какой-то малограмотный житель Сумарокова, ненавистник матери Веры. Письмо подписано «Прохожие», но повествование в нём велось от одного лица. Текст письма (выше мы неоднократно его цитировали) представлял собой бессвязный и сумбурный поток лжи и глупых сплетен с редкими кусочками искажённой правды, из которой несведущий читатель вряд ли что мог понять. В качестве примера можно привести то место, где говорится, что будто бы мать Вера спала во время богослужения в монастырском соборе: «Игуменья Веру часто ругала за её безобразия, но Вера ничуть не подчинялась, особенно ей доставалось за сон в церкви, она так умеет храпеть, что заглушала попа и дьякона. Поп Нактополен** часто говорил игуменье, чтобы она Веру убрала, т.к. монастырь из-за Веры может пострадать, что гласили эти слова мне неизвестно»³⁰.

В конце письма его автор предлагал выселить мать Веру из района: «Вера из плутов плут и наводит некоторых на мысль, что она глупа, нет, она не глупа, а сильно хитра. Просим ее выселения и всех с ней живущих»³¹.

1 июля 1931 г. «Колхозный клич» поместил статью «Черное гнездо и черная доска. Коростелевский сельсовет занесен на черную доску за срыв посевного плана», в которой обрушился на руководителей и депутатов этого сельсовета. Весной 1931 г. план весеннего сева в колхозах сельсовета не был выполнен, и власти обвинили в этом мать Веру.

«Прорывы в сельсовете, — утверждалось в статье, — объясняются в значительной мере подрывной контрреволюционной работой угнездившейся там черного охвостья и “святой” шарлатанки Веры.

* Название молвитинской газеты «Колхозный клич» не было оригинальным. Так же называлась и газета Солигаличского района (первый номер солигаличского «Колхозного клича» вышел 1 мая 1931 г.).

** Имеется в виду о. Никтополион Комаровский, который был настоятелем Никольской приходской церкви до 1912 г.

Ловкая на ловлю “душ человеческих” и не менее ловкая на ловлю карманов “ближнего”, опытная шарлатанка и не менее опытная спекулянтка на отсталости неграмотных крестьян, с сомнительным прошлым (дело темное) и с не менее сомнительными добродетелями, наглая и смешная в своей роли “святоши” в период развернутого социалистического строительства, эта шарлатанка явно является кулацким агентом.

Сельсовет не только занял преступно примиренческую позицию к этой пройдохе и черному охвостью, не только не ударил с большевистской непримиримостью по некоторым “добродетелям” вроде С.Г. Смирнова*, но и имеет в своем составе до настоящего времени подкупленных агентов “Веры”. О них в следующий раз».

Завершалась статья призывом: «Необходимо взять Коростелевский сельсовет на буксир. Предлагаем Головинским, Жарковским, Яхнобольским колхозникам выслать буксирные бригады, разоблачать паршивое воровское охвостье, помочь Коростелевскому сельсовету выйти из прорыва.

Беднота и середняки Коростелевского сельсовета! Перевыполнением осеннего посевного плана, успешной уборкой урожая, полной реализацией займа, коллективизацией — смойте черный позор!»³².

К депутатам Коростелевского сельсовета у районных властей были особенные претензии. Как оказалось, целый ряд депутатов и даже членов его президиума высоко чтили мать Веру и выступали в её защиту.

ИНЦИДЕНТ 19 ИЮНЯ 1931 ГОДА

ПОСЛЕ того, как мать Вера поселилась в Исакове, в деревне постоянно находились пришедшие к ней люди, среди которых выделялись монахини и монахи, священники и диаконы. Все дома были переполнены паломниками. На ночь они устраивались не только по избам, но и в сараях и даже под открытым небом. Когда мать Вера не находилась в церкви в Сумарокове, возле дома С.Г. Смирнова постоянно толпился народ.

Естественно, что местный актив это ужасно раздражало и, в конце концов, привело к конфликту. Инцидент спровоцировал Александр Сергеевич Судьбин (1907 г.р.), уроженец д. Коростели, проживающий в Сумарокове, где он работал счетоводом в Инвалидном доме. Это был молодой человек 24 лет, из числа тех, про которых говорят: молодой да ранний. В 1926 г. в возрасте 19 лет А.С. Судьбин вступил в ВКП(б). Однако в апреле 1930 г. он попал под суд (из документов ОГПУ нельзя понять, за что его именно судили) и 4 апреля 1930 г. был приговорён

* Имеется в виду Сергей Геннадьевич Смирнов, в доме которого в д. Исаково мать Вера проживала.

к одному году принудительных работ. Тогда же, в 1930 г., его исключили из партии (нельзя не отметить обилие в Сумарокове бывших коммунистов, исключённых за различные провинности). В апреле 1931 г. срок наказания его истёк, и он, по-видимому, искал случая, чтобы выслужиться перед начальством³³.

А.С. Судьбин стал грубить и насмехаться над женщинами, толпящимися у дома, где жила мать Вера. Позднее на предварительном допросе 2 июля матушка Вера показала, что приходящие к ней женщины жаловались «на грубость и насмешки» со стороны «счетовода Александра Судьбина»³⁴. Но связываться с «бабами» бывший коммунист не стал. Повод представился 17 июня, когда ему будто бы показался подозрительным один из паломников, прибывший к матери Вере. Об этом человеке известно только, что он был лишенец из Галичского района. А.С. Судьбин потребовал у него документы, а когда тот отказался их предъявить, он задержал его и отправил в Молвитинский райотдел ОГПУ. В райцентре личность задержанного была установлена, его подержали какое-то время и освободили³⁵. Конечно, А.С. Судьбин грубо нарушил закон. Не может любой счетовод задерживать граждан, которые оказались ему подозрительными. Не будь эта история связана с матерью Верой, т. Судьбин имел шанс и во второй раз предстать перед судом.

Мать Вера в тот же день узнала о задержании прибывшего к ней человека. Разумеется, она приняла случившееся близко к сердцу. По-видимому, это был первый случай в её жизни, чтобы так нагло задержали пришедшего к ней. Тем более что лишенца из Галичского района задержал не представитель власти, а самозванец — счетовод, вообразивший себя Бог знает кем*.

После задержания паломника по округе прошёл слух, что на днях мать Веру выселят из района. Слух этот, видимо, возник из-за того, что 15 июня в Коростелевский сельсовет прибыл уполномоченный Молвитинского райисполкома С.И. Софронов. По-видимому, главной задачей уполномоченного являлась активизация борьбы с матушкой Верой. В своём заявлении в ОГПУ С.И. Софронов писал, что во время пребывания в сельсовете он выступал против матери Веры, вел «агитацию по селениям и в частности проводил собрания в совхозе и Инвалидном доме»³⁷.

Задержание паломника привело к тому, что 19 июня, в пятницу, мать Вера пошла на прямой конфликт с местным начальством. В этот день после завершения службы в Никольской церкви она «со своей прислугой и армией верующих, примерно 15–20 человек» прибыла в сельсовет, где находились тогда: уполномоченный С.И. Софро-

* В своём доносе в ОГПУ уполномоченный Молвитинского райисполкома С.И. Софронов назвал А.С. Судьбина уполномоченным сельсовета³⁶, но, скорее всего, он присвоил ему этот чин задним числом, чтобы придать действиям зарвавшегося счетовода хоть какую-то видимость законности.

нов, председатель колхоза «Победа» А.И. Бакланов и другие, в том числе и счетовод А.С. Судьбин. Председателя сельсовета на месте не было³⁸.

Согласно заявлению Софронова, мать Вера обратилась к нему с вопросом: «Зачем вы арестовываете моих верующих? Кто давал вам это право?»³⁹. Дальше, по его заявлению, мать Вера обозвала счетовода А.С. Судьбина негодяем и подлецом. Согласно доносу агронома Белокрылина, также находившегося тогда в сельсовете, мать Вера заявила уполномоченному Софронову: «Вы (...) давите налогами бедняка с середняком. Весь народ задыхается под вашим игом»⁴⁰. Воистину устами матери Веры говорила сама крестьянская Россия, над которой подобные уполномоченные издевались уже который год.

Как говорилось в составленном в тот же день Софроновым акте, мать Вера устроила в сельсовете «целый митинг»⁴¹. В поддержку её выступили член сельсовета Екатерина Ефимовна Виноградова и целый ряд крестьян⁴². На следующий день С.И. Софронов написал по этому поводу пространное заявление в Молвитинский райотдел ОГПУ, в котором говорилось: «С 15 по 20-е /VI – с.г. я работал в качестве уполномоченного от РИКа* в Коростелевском сельсовете по вопросам текущей кампании. За этот срок пребывания в сельсовете и работе по селениям при помощи актива хороших результатов добиться не удалось. В ряде селений крестьяне единоличники настроены анти-советски (...).

В основном причина враждебности крестьян сводится к тому, что вся эта масса находится под агитацией (тайной) и влиянием Веры Меркуловой “Верушки”, которая проживает в д. Исаково (...) и в народе, в особенности среди женщин темных, неграмотных, эта “Верушка” слывет за “прозорливицу”, за “святую”. Можно ежедневно видеть около села Сумароково людей разного сброда в среднем 50–100 чел., которые являются в большом проценте чуждыми нам по классу, именно: б. лишенцы и лишенцы данного времени, попы расстриги**, дьяконы и т.д. и т.д.»⁴³. В конце заявления говорилось: «Я прошу органы Г.П.У. к данному вопросу отнестись со всей серьезностью, потому что давать возможность каждому паразиту вести разлагающую работу нельзя, нужно срочно принять меры к выселению ее, как злейшего врага нашего советского строя»⁴⁴.

Сохранилось свидетельство Тамары Сергеевны Мухиной (1916 г.р.), уроженки д. Куницыно Буйского уезда, которая вместе с остальными верующими пришла в тот день в сельсовет из церкви: «Между утренней и обедней мать Вера вызвали в сельсовет (на самом деле она сама

* РИК — районный исполнительный комитет.

** Почему-то, словно сговорившись, авторы многих доносов на мать Веру указывали, что её посещают попы-расстриги. Не думаем, что подобных лиц было много среди её посетителей. Скорее всего, доносчики держали в уме, что слово «расстрига» носит в русском языке отрицательное значение, и, обзывая так священников, посещавших мать Веру, они желали унижить их.

направились туда. — *Н.З.*) Повезли ее на коляске. Три или четыре приступка было на пороге сельсовета, поэтому ее без труда ввели в помещение. Весь народ, что был в церкви, пошел за ней *, и все помещение сельсовета тотчас наполнилось народом. Ее допрашивал председатель, она сидела перед столом и отвечала на все вопросы спокойно. Полчаса, может быть чуть больше, это продолжалось. Я стояла на пороге у дверей и слышала плохо. Но слышала, как ее спросили: “Почему народа к тебе много ходит?” (...) После допроса ее привезли обратно в церковь»⁴⁵.

Судя по всему, после инцидента 19 июня районные власти форсировали подготовку к аресту матери Веры.

КАМПАНИЯ ЗА ВЫСЕЛЕНИЕ МАТУШКИ ВЕРЫ ИЗ МОЛВИТИНСКОГО РАЙОНА

ОДНОВРЕМЕННО с кампанией в прессе в июне – июле 1931 г. по Коростелевскому сельсовету прошли организованные властями собрания колхозников и единоличников, требовавших выселения матери Веры из пределов сельсовета и района.

Нельзя не спросить — почему власти не могли просто выслать мать Веру опять в какой-нибудь Котельнич и забыть про неё на несколько лет? Зачем была нужна эта комедия с собраниями? Власть предрешающие, конечно, учитывали популярность матушки Веры. Вышлешь её, почитатели начнут жаловаться в Москву и можно будет оказаться крайним. А тут: станут эти религиозники строчить бумаги во ВЦИК, а мы покажем протоколы собраний — и всё, мы здесь ни при чём, это народ хотел, чтобы её выселили, а мы только выполнили его волю. В большинстве случаев собрания принимали навязанные им резолюции о выселении матери Веры. Происходило это потому, что, обычно, проводились не общие собрания жителей деревни или членов колхоза, а собрания актива.

16 июня 1931 г. состоялось собрание служащих Инвалидного дома и рабочих хутора «Победа». В принятой собранием резолюции говорилось (орфография и пунктуация документа сохранены): «Все недостатки по сельсовету по коллективизации (...) тормозит пребывание на территории сельсовета Верушки. К ней идут всякая свора как-то кулаки, бывшие торгаши, попы расстриги и попы всякой масти. Быть может и белогвардейцы, которые приносят населению всякие распри. Мы рабочие и служащие стоя на стороне революции требуем от Молвитинского рика высылки этой пройдохи Верочки в 24 часа. Мы

* С.И. Софронов в своей докладной писал, что мать Вера прибыла в сельсовет «со своей прислугой и армией верующих, примерно 15–20 человек», но, судя по свидетельству Т.С. Мухиной, людей пришедших в сельсовет с матерью Верой, было гораздо больше. Он сам называет пришедших с матушкой в сельсовет «армией верующих».

Плакат
«Борьба против
религии —
борьба за
социализм!!!»
Начало 1930-х
годов

обращаемся к рабочим и служащим и всем профорганизациям Ивано-промышленной области помочь нам в этом деле, и потребовать от Совета убрать “фанатизм” из нашего сельсовета»⁴⁶.

23 июня состоялось собрание в д. Коростели, которое постановило: «Собрание граждан д. Коростели ходатайствует перед органами ОГПУ о скорейшем выселении из пределов сельсовета Верушки и всех ее приспешников монахинь и тем самым избавиться от классового врага»⁴⁷.

24 июня собрание прошло в д. Анциборово. В принятом его участниками постановлении говорилось: «...наглого врага сельсовета мешающего строить нам мирную жизнь (...) просим изъять с территории сельсовета»⁴⁸.

26 июня в д. Верниково состоялось собрание членов колхоза «Победа». Здесь не стали мелочиться с требованиями о выселении матушки Веры из сельсовета. В принятой колхозниками резолюции говорилось: «Просим убрать Верушку с ее приспешниками из пределов Ивано-промышленной области»⁴⁹.

28 июня собрание актива колхоза им. К.Е. Ворошилова в д. Вырокино вынесло постановление о выселении матушки Веры «из пределов района»⁵⁰.

Однако в главном, с точки зрения данной кампании, населённом пункте сельсовета — в д. Исаково, власти потерпели поражение. Общее собрание жителей здесь состоялось 23 июня. Разумеется, собранию в деревне, где проживала тогда мать Вера, придавалось особенное значение. В повестке собрания стояли три вопроса: 1) Классовый враг и наши задачи, 2) О коллективизации, 3) Разное. Под классовым врагом из первого пункта, разумеется, имелась в виду матушка Вера.

С докладами по этому вопросу выступили два человека — член президиума сельсовета А. И. Тепурина и председатель колхоза А. И. Бакланов, которые призвали выселить матушку из деревни. Докладчиков поддержали ещё ряд выступающих. Однако большинством голосов это предложение было отвергнуто. В протоколе собрания записано: «Постановили: Верушка остается при дер. Исаково»⁵¹. При голосовании (а оно, разумеется, было открытым) за высылку матушки Веры проголосовало 7 чел., против — 11 чел.⁵². 30 июня жители д. Исаково сами, без приказа начальства, собрали общее собрание жителей, выступившее против выселения матери Веры из района⁵³.

«ЛИСТОВКИ»

ЕЩЁ более обострило ситуацию вокруг матушки Веры появление вначале в соседнем Буйском, а потом и в Молвитинском районах рассылаемых кем-то глухих писем. Начальник Буйского отдела ОГПУ Сотников сообщил об этом своим молвитинским коллегам и прислал одно такое перехваченное письмо. В нём говорилось: «Около Сумарокова пастуху свалилась с неба бумажка, в которой написано, нужно молиться сейчас же в течение 9 дней, и каждый человек который получил данную бумажку должен переписать ее и отдать еще 9 человекам. Того, кто не раздаст эти бумажки того бог накажет, помрет жена, сын, мать или отец. Имеется факт, один гражданин получил бумажку, не стал писать от себя 9 бумажек, и у него умерла жена. По окончании моленья через 9 дней будете спать 3 дня, в которые случится переворот»⁵⁴.

Этим нелепым письмам чекисты придали очень большое значение. Примечательно, что в их бумагах они вначале проходили как письма-листочки, а потом — только как листочки. Однако листочки — это то, что наклеивают на стенах домов, то, что раздают участникам митинга или разбрасывают в людных местах. То, что перехватили чекисты, — это письма.

С самого начала чекисты приписали авторство и распространение данных писем матушке Вере. Кто на самом деле распространял эти письма, чекисты так и не установили. Вероятно, их рассылал какой-то психически больной человек. О похожих случаях советские газеты писали ещё в 60–70-е годы.

Учитывая, как чекисты ухватились за данный факт, можно подумать, что они сами устроили провокацию с этими письмами. Всё-таки реального компромата на мать Веру у них не было, кроме утверждений местных деятелей, что до её приезда Коростелевский сельсовет был передовым, а как она приехала, скатился на последнее место. Однако вряд ли чекисты имели отношение к созданию писем. Другое дело, что факт их появления они использовали против матери Веры.

СЛЕДСТВИЕ: ДОПРОСЫ СВИДЕТЕЛЕЙ

ОДНАКО кампания в прессе и собрания, выносящие резолюции о выселении матери Веры из района, — то была показная шумиха. Едва ли не с первых дней появления матери Веры в Сумарокове чекисты из Молвитинского райотдела ОГПУ стали собирать на неё компромат. Местный актив помогал им в этом, чем мог.

2 июня 1931 г. секретарь партийной ячейки ВКП(б) «Сумароково» (видимо, имелась в виду ячейка совхоза и Инвалидного дома) К. И. Старкин написал бумагу в райотдел ОГПУ, в которой сигнализировал, что пребывание матери Веры в пределах Коростелевского сельсовета «ужасно отражается на проведении массовых политико-экономических мероприятий»⁵⁵. Мать Вера, по его словам, податками привлекает к себе часть бедноты, и в качестве примера он приводил жительницу д. Шелки Александру Панову, которой мать Вера дала «деньгами 20 руб. и мукой-яйцами»⁵⁶. «Посещение богомольцами по воскресеньям и религиозным праздникам, — доносил секретарь партийной ячейки, — достигает до 300 чел. и в большинстве очень издали, так в д. Исаково переполнены все дома и клетушки»⁵⁷.

25 июня 1931 г. докладную записку «в Молвитинскую ГПУ» написали гражданин д. Жары Жаровского сельсовета А. В. Зайцев и гражданин д. Исаково Коростелевского сельсовета Иван Иосифович Комиссаров *. В своей записке эти граждане писали: «Проживающая в д. Исаково Коростелевского сельсовета некто Вера занимающаяся одурманиванием массы в религиозном духе и откуда исходит антиколхозная пропаганда: посещают сотни в день людей и к тому же посещают люди неизвестные никому в ночное время самым тихим образом также и уезжают, а также имеются слухи, что получает телеграммы из зарубежных стран. Г.П.У. нужно расследовать это дело»⁵⁸.

В конце июня уполномоченный Молвитинского райотдела ОГПУ И. Новиков получил от начальника райотдела указание начать по матушке Вере официальное следствие. В заведенном на неё очередном деле первым листом идёт его постановление о принятии дела к производству, в котором говорилось:

«1931 г. июня 30 дня врем. уполномоченный Молвитинского районного отдела III ОГПУ по ИПО ** И. Новиков, ознакомившись с материалом обвинения гр-ки Меркуловой Веры Антоновны, предусмотренным ст. 58/10 УК (...) постановил: принять дело к производству для дальнейшего расследования и привлечения гр-ки Меркуловой Веры Антоновны к законной ответственности»⁵⁹. Начальник Молви-

* Очень похоже, что отца Ивана Иосифовича Комиссарова называли Иосифом (Осипом) в честь Иосифа (Осипа) Ивановича Комиссарова — известного уроженца с. Молвитина, которому официально было приписано спасение жизни императора Александра II при покушении на него в Петербурге 4 апреля 1866 г.

** ПП ОГПУ по ИПО — Полномочное представительство ОГПУ по Ивановской промышленной области.

тинского райотдела ОГПУ Крупин красными чернилами наложил на постановление резолюцию: «Новикову. Нужно на “Веру” собрать весь компрометирующий факт с уличением ее. 30.06.31 г.»⁶⁰.

Получив команду, И. Новиков начал трудиться. 30 июня он приехал в Сумароково и за несколько следующих дней допросил здесь свыше двадцати свидетелей. В основном это были надёжные люди — председатель сельсовета, председатели колхозов, члены и кандидаты в члены ВКП(б) и даже бывшие коммунисты, исключённые из партии за различные преступления.

30 июня и 2 июля в качестве свидетеля дал показания Алексей Матвеевич Лисицын, в апреле 1931 г. ставший председателем Коростелевского сельсовета. А. М. Лисицын (1900 г.р.), уроженец д. Костино, живущий в д. Берниково, по роду занятий крестьянин и сапожник, член колхоза «Победа» и член ВКП(б) с 1931 г.⁶¹, в своих показаниях нарисовал неприглядную картину того, что, по его версии, стало происходить в сельсовете с момента приезда сюда матери Веры. «За время ее пребывания в Н-Сумарокове, — показал он, — с 10/IV – с.г. организован всего 1 колхоз. В сельсовете в наличии на 15/VI всего только два колхоза»⁶². «Коростелевский сельсовет, считающийся до приезда Веры одним из лучших в районе, сейчас занял самое последнее место и не сходит с черной доски. Коллективизация стоит на мертвой точке, имеющиеся в сельсовете 2 колхоза * стоят под угрозой развала»⁶³. Далее Алексей Матвеевич сделал рискованное заявление: «В общем революция здесь (в Коростелевском сельсовете. — *Н.З.*) пошла на смарку»⁶⁴.

Показав, что «общественный актив сельсовета (...) разлагается»⁶⁵, председатель сельсовета выдал депутатов, которые, по его словам, «перешли на сторону Веры». Так, было названо имя депутата сельсовета Александры Ивановны Пановой, жительницы д. Шелки: «(...) перешла на сторону Веры и открыто ее навещает б. хорошая общественная работница, член сельсовета Панова Александра Ивановна, беднячка, которая систематически снабжается Верой, последняя одела и обула всю семью Пановой, а недавно дала ей 150 руб. на корову»⁶⁶. На допросе 2 июля А. М. Лисицын дополнительно сообщил: «Член сельсовета Панова А. И. из д. Шелки вчера заявила мне, чтобы я предоставил “Вере” квартиру в Н-Сумарокове, а то ей далеко ездить для служения в церкви»⁶⁷.

Затем председатель выдал ещё двух депутатов: «Член сельсовета Виноградова Екатерина Ефимовна ** (...) благодаря матерьяльной поддержке тоже перешла на сторону Веры. Также Тепурина Анна Ивановна и ряд других общественных работников. Все эти лица не только не помогали в работе сельсовета, а открыто встали на защиту

* Имеются в виду колхозы «Победа» и имени К. Е. Ворошилова.

** Екатерина Ефимовна Виноградова, как и А. И. Панова, проживала в д. Шелки.

Веры, говоря, что нам, кроме Верушки, ничего не надо. Про рядовую бедняцко-средняцкую массу населения не приходится и говорить»⁶⁸.

По словам главы сельсовета, «... Панова и Виноградова, пользуясь своими званиями членов сельсовета, ведут открытую защиту и с руганью встречают каждого приезжающего представителя РИК (...) и открыто говорят, что они Веру в обиду не дадут»⁶⁹.

Разумеется, т. Лисицын использовал повод с матерью Верой, чтобы свалить на неё все недостатки. Сомнительно, чтобы до её приезда всё в сельсовете обстояло прекрасно, колхозы росли как на дрожжах, единоличники вступали в них массами, а как приехала мать Вера, то всё развалилось и революция в сельсовете «пошла насмарку». Хотя, по итогам второго квартала 1931 г., Коростелевский сельсовет, бывший до этого в середнячках, действительно опустился по району на самое последнее место и был занесён на чёрную доску позора.

1 июля дал показания в качестве свидетеля другой большой человек в Коростелевском сельсовете — председатель колхоза «Победа» Александр Иванович Бакланов (1896 г.р.), житель д. Коростели, по основной профессии шапочник, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920–1923 гг. он состоял в РКП(б), но выбыл оттуда «механически»⁷⁰. А.И. Бакланов подтвердил показания А.М. Лисицына, что с приездом матери Веры всё в сельсовете стало разваливаться, и показал: «Темная масса к ней (к Вере. — *Н.З.*) идет гужом*»⁷¹.

1 июля дал показания житель д. Исаково Василий Варфоломеевич Смирнов (1891 г.р.), бывший председатель колхоза и кандидат (с марта 1930 г.) в члены ВКП(б). Он показал: «К Вере особенно много стекается чуждого элемента, монахинь, лишенцев, д. Исаково всегда переполнена посетителями, ночуют не только в избах, но в сараях и даже под открытым небом»⁷².

В тот же день, 1 июля, показания дал другой представитель местной номенклатуры — Иван Иванович Волков (1896 г.р.), бывший в 1924–1930 гг. председателем Коростелевского сельсовета, а с 1930 г. состоящий на должности заведующего хутором «Победа», кандидат в члены ВКП(б)⁷³. И.И. Волков показал, что член сельсовета А. Панова просила его, чтобы он «дал квартиру в совхозе Верушке», и сказал: «Пребывание Верушки на территории сельсовета это все равно, что контрреволюция»⁷⁴.

1 июля был допрошен житель д. Исаково колхозник Николай Михайлович Сахаров, который показал: «В д. Исаково (...) наблюдается непрерывно прибытие многих подозрительных личностей: монахинь, лишенцев и др. Вчера 30/VI было особенно много народа, вся деревня была запружена. Открыто разговаривают, что все пришли защищать

* Идти гужом — то есть валить валом, идти потоком.

Веру, т.к. кем-то распространяются слухи, что Веру будут выселять. Особенно много народа было у дома, где живет Вера»⁷⁵.

1 июля, показания на мать Веру дал Михаил Фёдорович Беззастойн (1902 г.р.), житель д. Вырокино, председатель колхоза имени К.Е. Ворошилова⁷⁶.

1 июля был допрошен тракторист Пётр Никифорович Обухов (1897 г.р.), проживающий на хуторе «Победа». В 1917–1928 гг. он состоял членом ВКП(б), но в 1928 г. был исключён «за пьянство». На допросе он повторил традиционный набор обвинений против матери Веры и напомнил, что именно он первым сообщил председателю сельсовета про её проезд в Сумароково⁷⁷.

1 июля должен был состояться и допрос агронома С.П. Белокрылина, но, по-видимому, Новиков, которому предстояло допросить ещё многих, предложил Белокрылину самому написать всё, что он считает нужным, и дал ему несколько чистых бланков протоколов допроса. Воспользовавшись этим, агроном очень кратко заполнил анкету, не указав ни места рождения, ни своего происхождения, написав лишь: «Отец когда-то был дьячком»⁷⁸. Восполним этот пробел и скажем о тех фактах биографии С.П. Белокрылина, о которых он умолчал.

Сергей Павлинович Белокрылин родился 23 сентября 1908 г. в с. Кресты Юрьевецкого уезда, в семье псаломщика Павлина Белокрылина. С ноября 1915 г. его отец был диаконом-псаломщиком, с октября 1916 г. служил в Васильевской церкви с. Шохна Нерехтского уезда⁷⁹. Вполне возможно, что к 1931 г.о. Павлин Белокрылин уже являлся священником. Так что его сыну Сергею было что скрывать.

В 1931 г. это был совсем молодой человек, 22 лет от роду. После окончания агрономического техникума С.П. Белокрылин с 1 октября 1929 г. работал агрономом Молвитинского районного земельного отдела. Далее с ним случилась какая-то неприятная история. В анкете С.П. Белокрылин указал, что был судим, но по суду оправдан. По состоянию на 1 июля 1931 г. он указал, что занимается сельским хозяйством⁸⁰. Единственный из свидетелей, он сам написал показания, довольно безграмотные, переполненные иноземными словами и политическими штампами. Похоже, что показаниями на мать Веру он надеялся вернуть благоволение начальства.

В первый раз С.П. Белокрылин увидел мать Веру в день её приезда в Сумароково, когда он вместе с председателем сельсовета Плотниковым и другими активистами пришёл в дом священника Иорданского.

В своих показаниях, явно беря не по чину, бывший агроном давал политическую оценку самого факта приезда матери Веры: «Резюмируя все вышесказанное нужно сделать итог: проезд ее был сделан с определенной целью в тот район, где она популярна. Этот проезд носит громадный политический характер. Если в зимний период все

политические и хозяйственные мероприятия проходили сравнительно хорошо, то в настоящее время очень плохо»⁸¹. В конце своих показаний С.П. Белокрылин написал, что задача матери Веры — «развал Советской власти на местах и дискредитирование * политики партии»⁸².

СЛЕДСТВИЕ: ДОПРОСЫ МАТУШКИ ВЕРЫ

ПОКОНЧИВ с допросом свидетелей, уполномоченный И. Новиков дважды — 2 и 3 июля — допросил саму матушку Веру. Оба раза она отвергла все предъявленные ей обвинения в антисоветской агитации и распространении слухов о близкой гибели Советской власти.

2 июля мать Вера показала: «Никакой антисоветской агитации среди населения я не вела, а наоборот всегда настраивала проходящих ко мне массу населения на лучшее проведение всех мероприятий, проводимых Советским правительством.

Никаких провокационных слухов о близкой гибели Советской власти я не распространяла, агитацию против колхозов также не веду.

Факт появления среди населения подобных провокационных слухов я могу объяснить только тем, что сами низовые советские работники слишком стараются собрать материал, необходимый для выселения меня, основная причина — злость этих работников, как то Судьбина и др. объясняется лишь тем, что я часто указываю работникам на их недостатки в работе.

Мой приезд в сельсовет и пререкания с уполномоченным РИКа т. Софроновым были вызваны, во-первых, жалобами проходящих ко мне крестьянок на счетовода Александра Судьбина на грубость и насмешки над женщинами, а также и потому что Судьбиным перед этим был арестован один из пришедших ко мне граждан из Галичского района»⁸³.

3 июля И. Новиков вновь допросил матушку. В этот раз он спрашивал её только про пресловутые «листовки». Конечно, сама мысль, что матушка Вера или её послушницы были причастны к распространению этих глупых писем, была нелепа. Мать Вера отвергла обвинения в какой-либо своей причастности к ним. В протоколе с её слов записано: «О появлении мерзких молитв ** среди населения в последние дни я узнала только вчера, когда уехала из церкви в д. Исаково, то одна из неизвестных мне женщин из Степурино подошла ко мне на дороге и подала эту молитву, последнюю я изорвала. В распространении этой листовки-молитвы я виноватой себя не признаю, также как и вообще не признаю своего участия в авторстве и распространении»⁸⁴.

* Имеется в виду дискредитирование — то есть подрыв доверия к кому-либо или чему-либо.

** Мать Вера почему-то называет эти письма «молитвами».

СЛЕДСТВИЕ: ДОПРОС АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ ПАНОВОЙ

ПОКАЗАНИЯ почти всех, кого допросил т. Новиков в качестве свидетелей, потом были использованы в его Обвинительном заключении против матери Веры. Лишь показания одного человека, имя которой всячески склонялось в районе в июне — июле 1931 г., никакого отражения в Обвинительном заключении не нашло. Этим человеком была Александра Ивановна Панова из д. Шелки. Год её рождения в протоколе не указан, записано только, что ей 35 лет, следовательно, она родилась примерно в 1896 г. Сама она была родом из д. Зубово Яхнобольской волости.

Как писалось выше, в начале 20-х годов Александра Ивановна вышла замуж за крестьянина д. Шелки Александра Матвеевича Смирнова (1895 г.р.). К июлю 1931 г. её семья состояла из 5 человек (видимо, она с мужем и трое детей). Александра Ивановна являлась беднячкой, у них с мужем была лошадь и корова⁸⁵.

До возвращения весной 1931 г. в Сумароково матушки Веры Александра Ивановна могла служить олицетворением новой судьбы крестьянки при Советской власти. Она была активной общественницей и депутатом Коростелевского сельсовета. С точки зрения властей, у Александры Ивановны имелся только один недостаток — она являлась ревностной прихожанкой Никольского храма в Сумарокове. Однако в то время на религиозность женщин, особенно сельских, власти смотрели снисходительно.

9 июля Новиков допросил Александру Ивановну и узнал, что она является воспитанницей матушки Веры и считает её своей приёмной матерью. На допросе она показала: «С Верой Меркуловой я знакома очень давно, я с 5-летнего возраста осталась сиротой и с 7 лет жила на воспитании Веры (...) на её иждивении»⁸⁶ *.

Особенно Новикова интересовало, как часто А.И. Панова общается с матушкой Верой и какую помощь последняя ей оказывает. Александра Ивановна ответила: «За период ее последнего приезда в Н-Сумароково я хожу к Вере Меркуловой регулярно в среднем два раза в неделю. В большинстве случаев как к своей приемной матери за матерьяльной помощью, всегда она дает мне хлеба, одежду ребятишкам. Деньгами Вера дала мне всего 12 рублей на покупку семян для посева. Поэтому я иногда и говорила, что если бы не Вера, то весенняя посевная кампания сорвалась бы. (...) Кроме этого денег мне Вера не давала»⁸⁷. Поскольку А.И. Панова была колхозницей, то 12 рублей на покупку семян мать Вера явно дала не ей лично, а колхозной бригаде в д. Шелки.

* Как писалось выше, по-видимому, Александра Ивановна помнила неточно. Если она действительно родилась в 1896 г., а мать Вера стала жить в монастыре в 1906 г., то, следовательно, она стала её воспитанницей в более старшем возрасте.

Александра Ивановна не отреклась от женщины, которую считала своей приёмной матерью. В конце допроса она сказала: «Связи с Верой Меркуловой я прервать не могу и буду ходить к ней до тех пор, пока ее отсюда не вышлют или не уедет сама. (...) Я считаю ее своей матерью, вскормившей меня»⁸⁸.

Александра Ивановна поступила достойно. Тов. Новиков поступил как положено. Ведь он знал, какие отношения связывают матушку Веру и Александру Ивановну, однако во всех бумагах он характеризовал помощь матушки Веры своей воспитаннице как «средство разложения» Советской власти на местах.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ МАТУШКИ ВЕРЫ В СЕМЁНОВСКОМ РАЙОНЕ

МАТЬ Вера «препятствовала» коллективизации не только в Молвитинском, Галичском и Буйском районах. В июне 1931 г. власти Семёновского района обвинили её в том, что она срывает организацию колхозов и у них.

Бывшее село Семёновское-Лапотное*, центр Семёновской волости Кинешемского уезда, к этому времени избавилось от унижительной, как стали считать после революции, приставки «Лапотное» и стало центром Семёновского района. Весной и в начале лета 1931 г. паломничество к матушке Вере из этого района приобрело большой размах.

21 июня 1931 г. в газете «Колхозник», органе Семёновского райкома ВКП(б) и райисполкома, была опубликована статья «Под маской "блаженной матушки Веры" скрыто лицо классового врага». В статье говорилось: «Оловяниковский сельсовет** один из наиболее отсталых по коллективизации. На сегодняшний день в нем всего лишь два небольших колхоза: сельсовет коллективизирован на 6,09%.

Эти два колхоза были созданы во время сева и они уже вполне доказали дееспособность успешным завершением сева. Однако в развертывании коллективизации по Оловяниковскому сельсовету мешает активная работа некоей «матушки Веры» из Нового Сумарокова, Галичского района. К этой «святой» проходе наблюдается массовое хождение крестьянок «за советом» — как поступать в жизни: идти ли в колхоз, ехать ли в город на заработок и т. п.

За свои «советы» почтенная «матушка Вера» дерет с темных крестьянок яйца, масло, хлеб и т. п. Она вручает посещающим ее крестьянкам «листочки» с евангельскими изречениями, направленными против советов и колхозов, «святая мать» говорит крестьянкам, чтобы в колхоз они не шли.

* Современный п. Островское, центр Островского района.

** Центр Оловяниковского сельсовета — д. Оловяниково на р. Тёбзе; до революции деревня входила в состав Игодовской волости Галичского уезда.

В результате активной антисоветской деятельности “матушки Веры” отсталые крестьянки, группами возвращающиеся от “нее”, наотрез отказываются от вступления в колхоз (д. д. Леонково, Поленицино и др.). Агент классового врага ведет свою подрывную работу в перестройке деревни, цепляясь за деревенскую темноту.

Трудовое крестьянство Оловяниковского сельсовета должно потребовать от соответствующих органов решительного прекращения этого святого мракобесия, направленного на срыв колхозов, а культурно-просветительные организации и общественность добиваться такого размаха в политико-воспитательной работе, который бы смел с колхозного пути эту кулацкую кликушу, подосланную классовым врагом вредить колхозному движению»⁸⁹.

Плакат «В нашем колхозе нет места попам и кулакам». Начало 1930-х годов

30 ИЮНЯ 1931 ГОДА: ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

ПЕРЕД арестом матери Веры власти решили провести образцово-показательное отречение от неё среди местного актива.

30 июня 1931 г. состоялось заседание президиума Коростелевского сельсовета. В конце заседания (в части «Разное») произошло обсуждение личных дел трёх членов сельсовета, обвинённых в «пособничестве» матери Вере. Это были: члены президиума сельсовета Анна Ивановна Тепурина, Екатерина Ефимовна Виноградова и член сельсовета Александра Ивановна Панова. Все трое наверняка предварительно подверглись сильному давлению, и начальство, конечно, надеялось, что они покаются и пообещают искупить вину ударным трудом. Всё-таки одно дело, когда матушку Веру почитают неграмотные тёмные крестьянки, и совсем другое, когда в числе её почитателей оказываются депутаты сельсовета, то есть люди, олицетворяющие собой Советскую власть на местах.

А.И. Тепурина так и поступила. В протоколе заседания записано, что она «дала слово быть стойкой и уверенной в работе за уничтожение классового врага»⁹⁰. Президиум сельсовета постановил оставить А.И. Тепурину в составе президиума⁹¹.

Екатерина Ефимовна Виноградова не стала каяться, в результате чего «за связь с чуждым элементом и неведение работы в сельсовете» была выведена из членов сельсовета и из президиума⁹².

Александра Ивановна Панова тоже не стала каяться и отрекаться от своей приёмной матери, за что её также вывели из членов сельсовета⁹³.

Как видим, из троих женщин-депутатов, близких к матери Вере, две предпочли опалу предательству, а одна избрала сомнительный путь Иуды.

13 ИЮЛЯ 1931 ГОДА: АРЕСТ МАТУШКИ ВЕРЫ

КОНЕЧНО, когда на собраниях колхозников и единоличников принимались резолюции о выселении матери Веры из сельсовета и района, то выражение «выселение» являлось чистейшей воды эвфемизмом*. На самом деле под ним подразумевались арест и тюрьма.

К началу второй декады июля 1931 г. в Молвитинском райотделе ОГПУ сочли, что улики на мать Веру собрано достаточно и фигуранта пора брать. 12 июля 1931 г. был выписан ордер на обыск и арест матушки Веры, в котором говорилось: «Ордер № 122. Тов. Михееву. Молвитинский р/отдел ОГПУ поручает Вам немедленно произвести обыск у гр. Меркуловой Веры Антоновны, проживающей д. Исаково Коростелевского сельсовета. Вне зависимости от обыска арест гр-ки В.А. Меркуловой обязателен. Начальник Молвитинского р/отдела Крушин»⁹⁵. В этот день, 12 июля, в праздник апостолов Петра и Павла, матушка Вера присутствовала на праздничной Божественной литургии, которую в переполненной народом Никольской церкви совершил о. Михаил Иорданский.

Утром 13 июля из Молвитина в Исаково прибыла группа, которая должна была арестовать мать Веру и её послушниц. В состав группы входили: помощник уполномоченного Костромского окружного отдела ОГПУ Беренев**, сотрудник Молвитинского райотдела ОГПУ Михеев, помощник начальника Молвитинского районного управления милиции Лебедев и несколько милиционеров⁹⁶. Взяв понятых, они направились к дому С.Г. Смирнова***.

* Эвфемизм (по-гречески — скажу вежливо, хорошо) — «выражение или слово, вводимое взамен другого, более грубого, вульгарного»⁹⁴.

** Присутствие сотрудника Костромского окротдела ОГПУ Беренева указывает, что арест матери Веры был согласован с окротделом или же производился по его прямому указанию.

*** По-видимому, сам С.Г. Смирнов по какой-то причине отсутствовал, так как в протоколе обыска упоминается только его жена.

В качестве понятых при обыске и аресте присутствовали: член колхоза «Победа» Смирнов, член президиума Коростелевского сельсовета Анна Ивановна Тепурина, служащая Инвалидного дома Скоморохова, «монашина» Анна Семёновна Карчнина, хозяйка дома Василиса Пантелеевна Смирнова⁹⁷. Как видим, в числе понятых находилась и А.И. Тепурина, только что отрѣкшаяся от матери Веры и благодаря этому сохранившая пост члена президиума сельсовета. Теперь предательство надо было отрабатывать дальше — присутствовать при обыске и аресте матери Веры. «Монашину» А.С. Карчнину позвали, видимо, чтобы не могли сказать, что результаты обыска сфальцифицированы. Чекисты и милиционеры приступили к обыску.

Через несколько дней «Колхозный клич» в статье «Контрреволюционная шарлатанка Вера выслана из пределов района. Требование широкой массы колхозников и единоличников выполнено»^{*} сообщил своим читателям, что мать Вера арестована и выслана из района.

Особенно подробно газета писала о найденном в ходе обыска:

«При всей своей святости "матушка" Вера любила сладко и сытно поесть, пожить на широкую ногу. В результате произведенного обыска квартиры Веры в связи с ее арестом и высылкой, были обнаружены следующие продовольственные резервы: яиц 2800 штук, мед, шоколад, конфеты, ландрин, томат, чернослив, сыр, масло, разное варенье, пшеничная мука, крупа, солод, кофе, папиросы и т. д. Кроме того обнаружены сотни метров новины, бархат, серебряный браслет, десятки полотенец и простыней, шелковые шали, платки и т. д. вплоть до мужских штанов и белых бурок (данные взяты из официальной описи ОГПУ)»⁹⁸.

В то голодное время у читателя могло возникнуть впечатление, что мать Вера жила на продуктовом складе и каталась как сыр в масле. Однако если посмотреть собственно опись имущества, составленную в ходе обыска, то картина будет совсем иной. Во-первых, мужских штанов и папирос в описи нет, их, видимо, газетчики добавили по своей инициативе. Во-вторых, имущество матери Веры выглядит очень скромно: чашки, блюда, самовар, 6 чайных ложек, 1 осьмушка китайского чаю, 3 половика, монашеская мантия, две пачки церковных свечей, 1 пуд ржаной муки, 15 карандашей, несколько катушек ниток, 45 советских бумажных рублей, 1 золотая монета царской чеканки. В описи значится 1 кг конфет — вспомним, что когда экипаж матери Веры подъезжал к Никольскому храму, то местные дети открывали перед ней ворота, и она оделяла их конфетами.

Единственное, что может показаться странным — 2400 штук яиц, обнаруженные в подвале дома⁹⁹. В газетной статье указано, что яиц 2800, но, может быть, это опечатка. Нельзя не спросить — за-

^{*} Статья эта находится в деле 1931 г. без указания даты её публикации, но она, несомненно, появилась в газете вскоре после 13 июля 1931 г.

чем матушке Вере так много яиц, которые нельзя хранить долго? В 1934 г. при подобном обыске у матушки Веры было найдено свыше 600 яиц — поменьше, чем в 1931 г., но тоже много. Тогда она объяснила, что это — приношения, которые она не успела раздать нуждающимся. То же самое было и в 1931 г. В качестве приношений ей передавали много яиц, которые она потом раздавала, но перед арестом не успела раздать, и поэтому получилось такое их большое количество.

Проведя обыск и составив подробную опись всех вещей, принадлежавших матери Вере, тов. Михеев посадил матушку Веру на телегу и повез её в Молвитино. Были арестованы и четыре её послушницы, в том числе и Е.К. Карепина, приехавшая из Кинешмы только 10 июля.

Как писалось выше, через несколько дней «Колхозный клич» поместил статью о том, что «контрреволюционная шарлатанка Вера выслана из пределов района». «В нашей газете, — говорилось в статье, — неоднократно писалось об антисоветской деятельности известной шарлатанки, так называемой “матушки” Веры. Эта “матушка” с первых дней приезда в Коростелевский сельсовет Молвитинского района, сделалась знаменем всех антисоветских элементов, группируя вокруг себя попов, торговцев, бывших чиновников и т. д.

К ней стекались сотни верующих фанатиков (больше всего темных, неграмотных женщин), которых она делала жертвой своего контрреволюционного шарлатанства, ловко спекулируя на их темноте и невежестве.

Среди верующих заметно выделялись кинешемские купцы, галичские лишенцы, попы и т. д.

(...) Вера вербовала своих агентов даже из числа членов Коростелевского сельсовета, подкупая их большим кушем (Панова, Виноградова и др.).

(...) Разумеется, что эта шарлатанские проделки “матушки” Веры не могли не возмущать широкие массы колхозников и единоличников, потребовавших немедленного выселения Веры из пределов района.

Задача общественности состоит в том, чтобы до конца разоблачать агентов “матушки” Веры и всех этих Смирновых (хозяина дома, где находилось черное гнездо), Пановых, Виноградовых и других вывести на чистую воду»¹⁰⁰.

СЛЕДСТВИЕ: ДОПРОСЫ ОБВИНЯЕМЫХ

17 ИЮЛЯ И. Новиков допросил всех пятерых арестованных в Исакове, начав, конечно, с матери Веры. Затем он подверг допросу четырёх её послушниц*: Надежду Евгеньевну Шагину, Екатерину Ивановну Пименову, Анну Ивановну Скорнякову

* Заметим, что среди арестованных не было Клавдии Александровны Шатовой, приехавшей с матушкой Верой из Котельнича. По-видимому, в то время она находилась в Котельнице.

и Евфросинью Кирилловну Карепину. Последняя, напомним, приехала в Исаково из Кинешмы 10 июля 1931 г., за два дня до ареста, и поэтому ей даже формально нельзя было инкриминировать все те «преступления», в которых обвиняли остальных арестованных. Однако для чекистов сам факт приезда Е. К. Карепиной в Исаково служит доказательством того, что мать Вера собирала контрреволюционные силы, и, следовательно, только что приехавшая Евфросинья Кирилловна была такая же «преступница», как и остальные. На допросах все послушницы матери Веры отказались признать свою вину и отвергли предъявленные им обвинения.

Вскоре И. Новиков составил Обвинительное заключение, датированное 19 июля. В нём говорилось: «В апреле месяце 1931 г. в Коростелевский сельсовет прибыла бывшая монахиня Ново-Сумароковского монастыря, находящегося на территории указанного сельсовета, Меркулова Вера Антоновна, считающаяся среди населения за “святую” и пользующаяся большой популярностью среди населения под именем “матушки Веры”».

Остановившись на квартире в ближайшей от Н-Сумарокова (б. монастыря, где до революции жила Вера) деревне Исакова у крестьянина твердозаданца Смирнова Сергея Геннадьевича, Вера Меркулова ежедневно приезжала в церковь в село Н-Сумароково, где в связи с ее приездом церковные службы начали совершаться каждый день. Пользуясь большой популярностью в населении, как “святая” и “пророчица” Меркулова привлекала к себе толпы паломников молящихся, увеличивающихся с каждым днем. Путем различных предсказаний будущего, раздачи среди приходящих бумажек с крестиками, со ссылками на главы евангелия, а также и распространения антисоветских провокационных слухов, Меркулова еще более усиливала свой авторитет и приток молебствующих, выразившихся в начале ее приезда в апреле месяце в 50–100 чел. в день, в июне-июле увеличилось до 400–500 чел., а в дни церковных праздников достигали до 1000 чел. Это влияние распространяется не только на Молвитинский район, но и на ближайшие Галичский, Судиславский, Буйский, Костромской и другие районы.

Вера как “святая” использовала это с целью личного обогащения путем пожертвования и разных приношений»¹⁰¹.

«С приездом Веры Меркуловой в окрестностях Н-Сумарокова появилось много бывших монахинь, играющих для Веры роль ее агентов для увеличения ее авторитета в населении. Кроме этого Меркулова немедленно взяла ставку на разложение актива сельсовета путем воздействия на их религиозность, а главное матерьяльной помощью, чем ставя их в матерьяльную зависимость себе, достигает того, что общественный актив и члены сельсовета фактически становятся также приспешниками Веры и ее защитниками»¹⁰². В качестве примера таких «приспешников» назывались А. И. Панова и Е. Е. Виноградова.

«Коростелевский сельсовет, считавшийся до приезда Веры одним из лучших сельсоветов по работе, занял последнее место и не сходит с черной доски»¹⁰³.

В конце Обвинительного заключения И. Новиков постановлял: «Следственное дело № 23 (...) направить в ПШ ОГПУ по ИПО на внесудебное рассмотрение с перечислением содержащихся под стражей при Костромском ГО ОГПУ с 13 июля 1931 г.»¹⁰⁴ *.

По-видимому, 20 июля мать Вера и её послушницы были отправлены из Молвитина в Кострому.

Прасковья Фёдоровна Корнилова (1913 г.р.), жительница д. Сырнево Молвитинского района, видела, как мать Веру везли по Молвитинскому тракту в Кострому. Позднее она вспоминала: «Я работала в колхозе. Однажды мы ехали на лошадях со льном на Кузнецовский льнозавод. Приехав в Кузнецово, мы услышали крик: “Матушку Веру везут! Матушку Веру везут!” Мы — бежать, но нас не допустила милиция. Везли ее на открытой грузовой машине, продуваемой со всех сторон холодным осенним ветром. Сидела она во всем белом. Милиция тоже находилась в кузове. Ехали они в направлении Костромы. Матушку везли примерно в 1932 или 1933 году»¹⁰⁵.

Из этого отрывка следует, что машина с матерью Верой зачем-то остановилась в Кузнецове, так как если бы она проезжала через село, то милиционеры не могли бы не допускать людей к ней. Холодный осенний ветер — это, возможно, ошибка памяти П. Ф. Корниловой или, может быть, в июле 1931 г. стояла холодная погода.

СНОВА В КОСТРОМЕ

ТАКИМ образом, мать Вера вновь оказалась в Костроме, где не была с 1925 г. В 1929 г. Кострома утратила свой губернский статус и стала центром округа гигантской Ивановской промышленной области с центром в г. Иванове. В 1930 г. в связи с ликвидацией округов Кострома лишилась и статуса окружного центра.

В Костроме мать Вера застала много нового. К этому времени местные чекисты сменили свой адрес. Из хорошо знакомого матери Вере здания, стоявшего в начале ул. Свердлова и выходящего на площадь Революции, где она бывала в 1921 и в 1924–1925 гг., горотдел ОГПУ переехал на новое место.

В 1927 г. в Костроме произошла рокировка административных учреждений: Костромской губком ВКП(б) переехал на Муравьевку, в здание бывшего Костромского епархиального училища ** (в честь

* По-видимому, И. Новиков неточно выразился и имел в виду, что мать Вера и её послушницы вообще находятся с 13 июля под стражей. Под стражу при Костромском горотделе ОГПУ они попали не раньше 20 июля.

** В этом здании ныне находится администрация Костромской области.

Кострома. Площадь Революции. В центре — Памятник Революции, стоящий на постаменте разрушенного сусанинского монумента. Фото 1931 г.

Кострома. Улица Свердлова, дом 11. В этом доме, до революции принадлежавшем купцу I гильдии И.Я. Аристову, с 1927 года находился Костромской губотдел ОГПУ. Современное фото

этого события улицу Муравьёвку, переименованную в 1922 г. в ул. Рентгена, переименовали ещё раз — в ул. Дзержинского), а в бывшее здание губкома (совр. адрес: ул. Свердлова, д. 11) переехал губотдел ОГПУ¹⁰⁶. С 1927 г. за этим красивым трёхэтажным зданием из красного кирпича в Костроме утвердилось жутковато-пугающее название «красный дом». При «красном доме», в его дворе, была устроена внутренняя тюрьма («внутренний ардом»).

Начальником Костромского горотдела ОГПУ в 1930–1932 гг. состоял Александр Алексеевич Смирнов-Мальцев*.

В этот раз мать Вера провела в камере внутренней тюрьмы ОГПУ в Костроме пять месяцев.

12 АВГУСТА 1931 ГОДА: О МАТУШКЕ ВЕРЕ ПИШЕТ ГАЗЕТА «ПРАВДА»

МАТЬ Вера и её послушницы ещё сидели в Костроме, когда произошло чрезвычайное событие. С самых заоблачных вершин грянул гром: 12 августа 1931 г. в «Правде» — главной газете страны, органе ЦК ВКП(б) — в рубрике «Обзор печати» появилась большая статья «О “Верушке-босоножке” и о классовой близорукости газеты “Колхозный клич”» (без указания автора), в которой выражалось крайнее недовольство тем, что власти Молвитинского района не могут справиться с какой-то «авантюристской» и «шарлатанкой».

Публикуя в июне серию статей против матери Веры, руководство района и редактор газеты наверняка были убеждены, что поступают правильно. Они не могли арестовать мать Веру сразу после её приезда в район. Арест женщины-инвалида, пользующейся такой популярностью среди жителей, надо было подготовить, а для этого требовалось время. В Москве, конечно, не знали всех обстоятельств дела, то есть того, что речь идёт об инвалиде, который не может передвигаться без посторонней помощи (этот факт молвитинский «Колхозный клич» старательно замалчивал). В «Правде» вызвало раздражение, что газета и руководство района канителются с «бывшей помещицей» вместо того, чтобы сразу её арестовать.

Орган ЦК ВКП(б) писал: «Что должна была сделать газета? Правильно, что авантюристку надо было разоблачить и показать, что её “святость” придумана кулаками для того, чтобы поймать на удочку отсталые элементы из бедноты и середняков. Затем газета должна была потребовать от соответствующих районных организаций (если они сами до этого не додумались)** привлечения авантюристки и её

* Уроженец Петербурга Александр Алексеевич Смирнов-Мальцев (1905–1938 гг.) в начале 1938 г. жил в Москве, где работал начальником управления обслуживания «Интуриста». Арестован 26 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 9 мая 1938 г. в местечке «Коммунарка» под Москвой¹⁰⁷.

**Под соответствующими районными организациями имеется в виду, конечно, ОГПУ.

помощников к ответственности за контрреволюционную агитацию. (...) Колхозникам района давно уже надоела эта возня с шарлатанкой, и они требуют немедленного её выселения из района. А газета всё еще продолжает полемику с ней.

Кулачеству, несомненно, было выгодно отвлечь внимание газеты от решающих участков классовой борьбы и заставить её заниматься “Верой-босоножкой”. Увлечшись борьбой с “Верой-босоножкой”, “Колхозный клич” сильно ослабил своё внимание к другому участку классовой борьбы в деревне»¹⁰⁸.

Завершалась статья так: «Перед Молвитинским районом стоят боевые задачи — превратить район в льно-животноводческий; добиться выполнения планов заготовки кормов, уборки зерна и технических культур, укрепить существующие колхозы, очистив их от кулачества; развертыванием массовой работы, показом лучших образцов и достижений колхозного труда вовлекать в колхозы массы единоличников. Эти задачи успешно могут быть разрешены только при условии беспощадной борьбы с кулачеством и его агентурой — правыми и левыми оппортунистами. Районная газета здесь должна сыграть большую роль, но для этого ее надо укрепить, уделять ей больше внимания со стороны райкома партии. А что это внимание было абсолютно недостаточно, красноречиво говорит содержание газеты за последние месяцы»¹⁰⁹.

Несомненно, что после такой публикации в «Правде» в Ивановском обкоме партии состоялся «разбор полётов». На «ковёр» наверняка было вызвано руководство района — секретарь Молвитинского райкома ВКП(б) Фёдоров (в статье в «Правде» он поминался негативно) и редактор «Колхозного клича» Л.И. Кротов. По законам жанра, после критики со стороны «Правды», как минимум, один из них должен был лишиться своего поста.

Не могли не обратить внимания на статью в «Правде» и чекисты, в чьих руках находилась мать Вера.

ИСТОРИЯ СО СВЯЩЕННИКОМ СЕРГИЕМ ТРОИЦКИМ

ПАРАЛЛЕЛЬНО с делом матери Веры развертывалось ещё одно дело — против священника о. Сергия Троицкого, настоятеля Успенской церкви в с. Домнино Молвитинского района. Чекисты арестовали о. Сергия Троицкого 9 июня 1931 г. В данном случае речь шла не об обычном аресте неудобного «служителя культа» — это был арест агента ОГПУ, в задачу которого входила слежка за матерью Верой.

Сергей Васильевич Троицкий родился в 1876 г. в Нерехте, в семье причетника Благовещенской церкви. Он окончил Костромское

духовное училище и с 20 сентября 1895 г. работал учителем в церковно-приходской школе в Богословском погосте Нерехтского уезда. 1 октября 1898 г. Сергей Троицкий был рукоположен в сан диакона и стал служить на погосте Углец в Галичском уезде, а с декабря 1919 г. — в с. Погари Галичского уезда. В 1927 г. о. Сергей стал настоятелем Успенской церкви в с. Домнино¹¹⁰.

В 1930 г. чекисты завербовали его в осведомители¹¹¹. Не будем спешить с осуждением. У органов имелось немало возможностей, чтобы надавить почти на любого человека — угроза ареста в случае отказа от сотрудничества, угрозы в адрес членов его семьи и т. д. Не у каждого хватит мужества, чтобы отказаться от подобного предложения. По-видимому, до весны 1931 г. чекисты не особо беспокоили о. Сергия поручениями. Его время настало, когда в Молвитинский район вернулась мать Вера. В апреле о. Сергей получил команду внедриться в окружение матери Веры и собирать на неё компромат. В частности, ему было поручено задать матери Вере провокационный вопрос об её отношении к колхозам. Расчёт строился на том, что перед священником она не станет хитрить, скажет про колхозы что-то плохое, а это уже — клевета на политику партии и правительства. Однако с о. Сергием у чекистов получилась осечка. Уступая давлению, он согласился сотрудничать с ОГПУ, но при первой же возможности вырвался из их сетей.

В середине апреля (на допросе о. Сергей показал, что был у матери Веры на Пасхе, видимо, имеется в виду Светлая Пасхальная седмица, которая началась 13 апреля) он впервые посетил мать Веру в д. Исаково, но тогда ему удалось повидаться с ней только мельком.

Во второе посещение её в конце мая о. Сергей сознался матери Вере, что вынужденно работает на ОГПУ. В протоколе допроса от 22 июня записано с его слов: «Во второй приезд в конце мая месяца, я ей (матери Вере. — *Н.З.*) откровенно сказал, что пришел к ней с заданием из ОГПУ о том, как она относится к колхозам. На это она мне велела ответить, что она не против колхозов, что я и сделал, донес Вам рапортом»¹¹². На допросе 24 июня о. Сергей показал: «Признание Вере, что я пришел со специальным заданием из ОГПУ, вырвалось у меня совершенно невольно»¹¹³.

Ещё раньше о. Сергей, по-видимому, сознательно пошёл на то, что на профессиональном чекистском языке называлось «расконспирация». В начале мая он был в гостях в с. Спас-Хрипели у священника о. Василия Кудрина и, будучи выпивши, рассказал хозяину, что работает на ОГПУ. На допросе 24 июня о. Сергей показал: «Раскрытие же этой тайны перед священником с. Спас-Хрипели Кудриным произошло (...) с моей стороны неумышленно, в пьяном виде»¹¹⁴.

Вероятно, о. Сергей надеялся, что раз он раскрыл себя как агента, то от него отстанут и, может быть, даже простят: мол, с кем не бывает

по пьяному делу... Однако, если у о. Сергия и имелись надежды, что этот проступок ему сойдёт с рук, то он ошибся: в ОГПУ такие вещи не прощали.

По-видимому, о. Василий Кудрин предупредил мать Веру о том, что сказал ему о. Сергей, и при второй встрече с настоятелем Домнинского храма она встретила его словами: «Ну, с чем пришел из ОГПУ, с какими новостями?»¹¹⁵. Отец Сергей показал, что в этот раз они беседовали с матерью Верой наедине, а потом пришли о. Василий Кудрин из Спас-Хрипелей, а также «б. священник из с. Головинского Алексей Владимиров с женой, попадья из г. Кинешмы Беликова Александра»¹¹⁶.

По его словам, мать Вера рассказывала о своей тюремной жизни в Москве и о ссылке в Котельниче «как там закрывали и ломали церкви и высылали священников. По рассказам Веры одного священника выслали за то, что он отказался перейти в обновленчество, а другого священника также выслали после того, как он 7 лет работал в ОГПУ, фамилии я этих священников забыл»¹¹⁷. Вероятно, мать Вера сознательно привела этот случай со священником, ставшим агентом ОГПУ, видимо, желая напомнить о. Сергию, что предатели всегда кончают плохо.

Отец Сергей показал: «Я советовался с Верой о том, как бы мне уехать отсюда, на что Вера мне ответила: “Пока не уезжай, а если будут в ОГПУ предлагать перейти в обновленчество, тогда уезжай отсюда”»¹¹⁸.

На допросе 24 июня о. Сергей признался, что жена также знает о его вербовке в агенты ОГПУ: «О моей связи с ОГПУ знает также моя жена, которой я рассказал об этом еще в 1930 г., вскоре после того, как т. Пылайков — б. уполномоченный ОГПУ, — предложил мне работать в ОГПУ. Я уверен, что моя жена о связи меня с ОГПУ никому не рассказала»¹¹⁹.

И. Новиков напомнил о. Сергию об ответственности за его проступок. Тот ответил: «В предъявленном мне обвинении по ст. 121 УК виновным себя признаю. Подтверждаю свои первичные показания о расконспирации мною себя перед Верой Меркуловой, священником Кудриным и моей женой. Я знал, что за нарушение данной мною подписки, а также разглашение кому-либо о своей связи с ОГПУ и недобросовестное выполнение заданий, я буду привлечен к ответственности перед Коллегией ОГПУ.

Моя расконспирация и недобросовестное отношение к работе получилось из-за того, что я дал подписку б. Уполномоченному ОГПУ т. Пылайкову в 1930 г. неохотно — под нажимом последнего, в результате я (...) мало обращал внимания на важность сохранения в тайне от всех своей связи с ОГПУ»¹²⁰.

3 ноября 1931 г. о. Сергей Троицкий был приговорён к ссылке на 3 года в Северный край¹²¹. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

История с о. Сергием как лучом прожектора на миг осветила нам малоизвестную сторону жизни матери Веры. Чекисты старались завербовать в число своих агентов как можно больше людей, общавшихся с матерью Верой, и её всегда, так или иначе, окружали агенты и осведомители.

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ ПРИ КОЛЛЕГИИ ОГПУ ВЫНОСИТ ПРИГОВОР

20 АВГУСТА 1931 г. в Постоянном представительстве ОГПУ по Ивановской промышленной области против матери Веры и её четырех послушниц было утверждено новое Обвинительное заключение, написанное на основе Обвинительного заключения, составленного в Молвитине И. Новиковым.

Отличия этих двух документов были небольшие, но существенные. Например, в первом абзаце нового Обвинительного заключения говорилось: «В апреле месяце 1931 г. на территории Коростелевского сельсовета Молвитинского района ИПО появилась бывшая игуменья Сумароковского женского монастыря — Меркулова Вера Антоновна»¹²² (в варианте И. Новикова было написано: «бывшая монахиня»).

В завершении заключения помощник начальника 3-го отдела СПО т. Гордилев писал: «Полагаю, следственное дело направить в Особое совещание при Коллегии ОГПУ»¹²³. Обвинительное заключение утвердил полномочный представитель ОГПУ по ИПО Г.А. Молчанов*.

2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло приговор всем арестованным в д. Исаково.

Мать Вера была приговорена «к лишению свободы сроком на 3 года, считая срок с 13/VII-1931 г.»¹²⁵.

Е.К. Карепина получила три года ссылки в Казахстан. А.И. Скорнякова — три года ссылки в Северный край. Е.И. Пименова — три года ссылки на Урал. Н.Е. Шагина — три года ссылки в Восточную Сибирь¹²⁶.

Особыми талонами матушку Веру предписывалось «содержать в местном доме лишения свободы»¹²⁷. Е.К. Карепину предписывалось «отправить с первым отходящим поездом в г. Алма-Ату»¹²⁸, Е.М. Пименову — «с первым отходящим этапом в г. Свердловск в распоряжение ПШ ОГПУ по Уралу»¹²⁹, Н.Е. Шагину — «с первым отходящим этапом в г. Иркутск в распоряжение ПШ ОГПУ по Восточной Сибири»¹³⁰.

* Георгий Андреевич Молчанов (1897–1937 гг.) занимал пост полномочного представителя ОГПУ по Ивановской промышленной области в 1929–1931 гг. Расстрелян в 1937 г.¹²⁴.

ВО ВЛАДИМИРСКОМ ЦЕНТРАЛЕ (1931–1934 гг.)

«Постановили: Меркулову Веру Антоновну — приговорить к лишению свободы сроком на три года, считая срок с 13/VII-31 г.»¹.

*Из приговора Особого совещания
при Коллегии ОГПУ от 2 октября 1931 г.*

ВЛАДИМИРСКИЙ ЦЕНТРАЛ

ИТАК, 2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило мать Веру к лишению свободы сроком на 3 года². Этот срок ей предстояло отбывать «во Владимирском ИТУ»³. Владимирским исправительно-трудовым учреждением (ИТУ) в это время именовался знаменитый Владимирский централ. По-видимому, в октябре 1931 г. мать Веру привезли во Владимир, на окраине которого, на Большой Нижегородской улице, высился мрачноватый комплекс тюремных зданий.

Основанный в конце XVIII в. как тюрьма для особо опасных преступников Владимирский централ (Владимирская центральная тюрьма) имел богатую историю. До революции здесь сидело немало революционеров. Самый известный среди них — это М.В. Фрунзе, будущий отец-основатель «Красной» Иваново-Вознесенской губернии и нарком по военным и морским делам СССР в 1924–1925 гг. После революции в стенах тюрьмы в разное время сидели: певица Лидия Русланова, артистка Зоя Фёдорова, сын вождя народов СССР Василий Иосифович Сталин, бывший депутат Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин, писатель Даниил Андреев и др.

До этого во всех тюрьмах, в которых сидела мать Вера, её, как беспомощного инвалида, обычно держали в тюремной больнице. По Владимирскому централу у нас таких данных нет. С одной стороны, её, скорее всего, должны были держать в больнице. С другой стороны, тюрьма на окраине Владимира являлась особенно суровым

Тюремные врата Владимирского централа. Фото 1910-х гг.

исправительно-трудовым учреждением и здесь мать Веру могли держать и в общей камере.

Во Владимирском центреале мать Вера впервые столкнулась с проявлением процесса, неизбежного после любой революции, когда та начинает «пожирать» своих детей. Позднее, на допросе 12 июня 1934 г., ей был задан вопрос: «Откуда вам известно, что во Владимирском ИТУ сидит 600* коммунистов?»⁴ (о том, что мать Вера упоминала об этом, в ходе следствия показали некоторые свидетели). Согласно безграмотно-витиеватой записи в протоколе, мать Вера ответила: «Я узнала в тот момент, когда сидела во Владимирском ИТУ, потому что я сама ничего не видела когда их пригоняли»⁵. В переводе на нормальный язык эту запись можно перевести так: «Я узнала об этом, когда сидела во Владимирской тюрьме. Сама я не видела, как их пригоняли, но слышала от других заключённых».

Заключённые коммунисты, видимо, были троцкистами или обвинёнными в троцкизме. До этого мать Вера наверняка ещё не видела в тюрьмах коммунистов (разве что проворовавшихся и исключённых из партии). С конца 20-х годов бывшие коммунисты, проходившие под маркой «троцкисты», стали одной из крупных групп тюремного населения.

* Цифра в 600 заключённых коммунистов, вероятно, преувеличена, но, скорее всего, их во Владимирском центреале было действительно много.

ИМЯ МАТЕРИ ВЕРА НА СТРАНИЦАХ ИЗДАНИЯ «ВОИНСТВУЮЩЕЕ БЕЗБОЖИЕ В СССР ЗА 15 ЛЕТ»

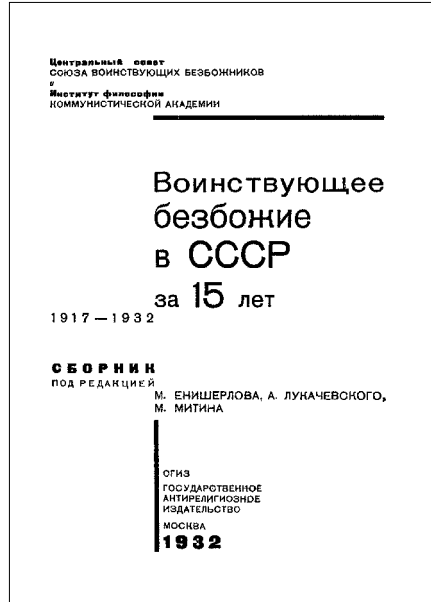
В 1932 г., когда мать Вера сидела во Владимирском центре, Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии выпустил толстый том «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932». В этом сборнике статей, написанных ведущими безбожниками страны и открывавшемся статьёй главного советского безбожника Емельяна Ярославского, имя матери Веры упоминалось дважды.

В статье А. Лукачевского «Социалистическое перевоспитание трудящихся и борьба против религии» говорилось: «Юродивые, идиотки, безногие, калеки, косноязычные — всем этим пользуется контрреволюция в своих целях. Ликвидируемые капиталистические элементы выделяют, и будут выделять еще в большом количестве разных “божьих” странников, юродивых и блаженных, которые под флагом религиозной проповеди несут самую оголтелую контрреволюцию в отсталые слои колхозников, единоличников и рабочих.

В качестве примера можно привести случай использования в качестве святой попами в Ивановской области бывшей помещицы Меркуловой. Было это 2–3 года тому назад. Меркулова болела ногами, что и было использовано. Она начала фигурировать в качестве “святой Веры безногой”»⁶.

В другой статье сборника — «Женщины-безбожницы и борьба за новый быт», её автор Л. Тюрина писала: «Особенно противятся “святые отцы” хлебозаготовкам, прибегая к “пророчествам”, предсказывая гибель Советской власти. В Ивановской области бывшую княгиню Меркулову попы “прославили” святой. В качестве разъездной проповедницы* выступала она против Советской власти. Попы и кликуши разносили сказки о её святости, теперь она — “святая Вера-безногая”»⁷.

* В качестве «разъездной проповедницы» мать Вера выступала по воле чекистов, сославших её из одного города в другой.

Титульный лист сборника «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932 гг.», на страницах которого дважды упоминается имя матери Веры

МАТЬ ВЕРА НЕ ОСТАЁТСЯ ОДНА

В ГОДЫ заключения матери Веры во Владимирском центре её не оставляли послушницы и почитатели. Судя по всему, вскоре во Владимир приехала послушница Анастасия Васильевна Генеральская, выскользнувшая, как мы помним, в Котельниче из рук чекистов. Узнав, где сидит матушка Вера, она приехала во Владимир, поселилась здесь и стала навещать узницу.

Во Владимире Анастасии Васильевне как-то попалась сирота Таня Ильина (1922 г.р.). А.В. Генеральская наверняка посоветовалась с матерью Верой, и та благословила её взять Таню на воспитание⁸. Сами гонимые, они не оставили ребенка в беде (подробнее об этой девочке будет ниже).

Во время заключения во Владимире матушку Веру навещала молодая москвичка Капитолина Фёдоровна Смирнова (1909 г.р.), которая приезжала к матушке ещё во время её Кинешемской ссылки⁹. На допросе 18 февраля 1935 г. она показала: «(...) в период нахождения Меркуловой в заключении я около 5 месяцев проживала в г. Владимире»¹⁰. После выхода матери Веры из стен тюрьмы Капитолина Фёдоровна вошла в её ближний круг, став одной из её послушниц.

Древний Владимир. Центральная часть города. Фото начала XX в.

МАТЬ ВЕРА ВЫХОДИТ НА СВОБОДУ

В ФЕВРАЛЕ 1934 г., видимо, во второй его половине, мать Веру выпустили из тюрьмы на свободу¹¹. По-видимому, это случилось после того, как в Москве завершился XVII съезд ВКП(б) (он проходил 26 января — 10 февраля 1934 г.), официально именованный «съездом победителей». Как известно, в 1937–1938 гг. большая часть делегатов съезда погибла в результате террора. Некоторые из них попали в камеры Владимирского централа.

Мать Вера вышла на свободу почти на полгода раньше, так как срок её заключения истекал 13 июля 1934 г. По-видимому, её освободили по состоянию здоровья. На допросе 12 июня 1934 г. на вопрос о том, что послужило причиной её досрочного освобождения из Владимирского ИТУ она ответила: «Из Владимирского ИТУ я была освобождена как инвалидка»¹². Возможно, тюремному начальству надоело возиться с неходячим инвалидом. Нельзя исключить и того, что среди руководства централа нашлись её доброжелатели.

Анна Васильевна Генеральская и Капитолина Фёдоровна Смирнова наверняка знали о времени её освобождения и встретили её у ворот тюрьмы. Мать Вера покидала очередной «казённый дом», с наслаждением вдыхая свежий воздух, которого она так долго была лишена.

Данный момент был судьбоносным для матери Веры. Ведь она могла не возвращаться в Сумароково, а поселиться где-то и жить тихо. Возвращение же на пепелище Свято-Троицкого монастыря гарантированно обещало ей арест и новое заключение.

На допросе 12 июня 1934 г. ей был задан вопрос: «Что послужило Вам причиной остановиться на жительство около Сумароковского монастыря?» В записи следователя её ответ выглядел так: «Я считаю, что это мое постоянное место пребывания и являюсь наследницей этого места и кроме этого имею большую популярность среди народа им и кормлюсь»¹³.

Видимо, матушка Вера имела в виду, что она в каком-то смысле считает себя продолжательницей дела закрытого монастыря и чувствует свою ответственность за живущих здесь людей.

Выйдя на свободу, мать Вера направилась в Сумароково.

1934 ГОД: СНОВА В СУМАРОКОВЕ

«10 марта 1934 г. в с. Н-Сумароково (...) Молвитинского района прибыла из Владимирского ИТУ б. монахиня Н-Сумароковского монастыря Меркулова Вера Антоновна. (...) В связи с ее приездом церковные службы стали совершаться ежедневно, пользуясь большой популярностью в населении как "святая пророчица" Меркулова привлекла к себе толпу паломников молящихся, увеличивающуюся с каждым днем»¹.

Из Обвинительного заключения против матери Веры от 24 июня 1934 г.

ВЕСНА 1934 ГОДА: МАТЬ ВЕРА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СУМАРОКОВО

ПО-ВИДИМОМУ, из Владимира мать Вера, вместе с Анастасией Васильевной Генеральской и Капитолиной Фёдоровной Смирновой, уехала в Москву, прожила там несколько дней, а затем с Ярославского вокзала поехала на север. Доехав до станции «Буй» *, мать Вера со своими спутницами, вероятно, в тот же день уже была в Сумарокове.

С датой приезда матушки Веры в Сумароково в показаниях свидетелей царит такая же разногласица, как и в 1931 г.

Инструктор Молвитинского райкома ВКП(б) Фёдор Сергеевич Филатов на допросе 9 апреля 1934 г. показал: «10 марта 1934 г. в с. Н-Сумароково Коростелевского сельсовета прибыла на постоянное жительство Меркулова Вера Антоновна»³. Сразу скажем, что эта дата подтверждается целым рядом данных, и ниже мы скажем о них.

На допросе, состоявшемся 25 апреля 1934 г., инспектор Молвитинского райфинотдела Иван Семёнович Тюкалов показал, что с 14 по 19 апреля находился в командировке в Коростелевском сельсовете. «Среди населения данного сельсовета, — сказал он, — уже шли слухи, что Вера Меркулова в скором времени приедет обратно в Сумароково.

* На одном из допросов на вопрос о приезде в 1934 г. в Сумароково мать Вера сказала, что до Сумарокова её «везли буйские граждане»².

16/IV слухи оправдались. Меркулова приехала и поселилась в частном доме»⁴.

Секретарь Коростелевского сельсовета Василий Васильевич Кудрявцев на допросе 14 мая 1934 г. показал: «1934 г. в апреле месяце, не помню какого числа, Меркулова снова появилась в пределах (...) сельсовета»⁵.

Учительница Сумароковской школы Елизавета Ивановна Садовская 14 мая 1934 г. показала: «Последний раз она (мать Вера. — *Н.З.*) приехала в апреле 1934 г., числа не помню»⁶.

Как видим, разброс мнений о дате приезда матери Веры весьма велик: от 10 марта до 16 апреля.

Однако, судя по всему, верны сведения о дате 10 марта 1934 г., так как уже 20 марта 1934 г. президиум Сусанинского райисполкома вынес постановление, запрещающее матушке Вере проживать в церковной сторожке. Следовательно, к 20 марта она уже, по крайней мере, несколько дней жила в Сумарокове и, значит, все сообщения о её приезде в апреле не соответствуют действительности.

Из показаний председателя Коростелевского сельсовета Николая Романовича Чумака, данных им 12 апреля 1934 г., следует, что мать Вера приехала в Сумароково в 2 часа ночи. В протоколе записано: «(...) при прибытии Меркулова Вера (Верушка) в Коростелевский сельсовет в 2 часа ночи ночевала как будто возле сторожки (видимо, в каком-то доме недалеко от сторожки. — *Н.З.*), а утром сичас же начала править в церкви, где к ней прибыло очень много колхозников»⁷. Из этого сумбурно-безграмотного текста можно понять, что мать Вера приехала в Сумароково в 2 часа ночи, где-то заночевала, а утром уже была на службе в церкви, куда, узнав о её приезде, пришло много местных жителей. Сообщение Н.Р. Чумака о приезде матушки Веры в Сумароково в два часа ночи, в марте, в полной темноте, вызывает сомнения.

«Да здравствует 1 Мая!» Обложка журнала «Безбожник» за апрель 1934 г.

Может, безграмотный чекист что-то не так записал в протоколе, и на самом деле она приехала хотя бы вечером?

По сообщению Н.Р. Чумака, он вызвал к себе мать Веру повесткой. Она пришла (то есть её принесли) и предъявила справку об освобождении из Владимирской тюрьмы. Чумака сказал, что он не может разрешить ей жить в Сумарокове без санкции районных властей. Мать Вера съездила в Молвитино и привезла записку от председателя райисполкома Абрамова, в которой тот разрешал ей проживание в Сумарокове. Получив записку, Чумака дал согласие на проживание матери Веры в церковной сторожке⁸.

Эта записка, полученная матерью Верой от председателя райисполкома т. Абрамова, удивляет. Будучи в здравом уме, он должен был сделать всё, чтобы воспрепятствовать ей поселиться в районе. Несомненно, в районном руководстве была свежа память о том, как в 1931 г. «Правда» обрушилась на них из-за матери Веры. С того времени районные начальники наверняка твердо усвоили — что ни делай с этой Верушкой, всё равно будешь виноват. Разрешив ей проживание в Сумарокове, т. Абрамов заведомо обрекал себя на множество неприятностей. Объяснение этому нелогичному поступку можно предположить только одно — что жена председателя райисполкома или его мать являлись почитателями матушки Веры и оказали на него давление.

* * *

Нам не удалось идентифицировать личность т. Абрамова. Предположительно, это — Николай Иванович Абрамов (1900–1938 гг.), уроженец д. Черепенино Ватамоновской волости Галичского уезда. В 1937 г. он работал председателем Пошехоно-Володарского райисполкома Ярославской области. Арестован 26 сентября 1937 г. Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу 6 октября 1938 г. Расстрелян в тот же день у д. Селифонтово Ярославского района, где и похоронен⁹. Если наше предположение о тождестве этих двух людей верно, то, видимо, после выделения 11 марта 1936 г. из Ивановской области Ярославской области (в состав которой вошла и значительная часть бывшей Костромской губернии) т. Абрамова из Молвитина перевели в Пошехоно-Володарский район.

К МАТУШКЕ ВЕРЕ ОПЯТЬ ИДУТ ЛЮДИ

ВЕСТЬ о том, что матушка Вера вышла из тюрьмы и вернулась в Сумароково, стремительно облетела Молвитинский район. И опять со всех его концов потянулись к ней люди. Это началось буквально с первого дня пребывания матери Веры в Сумарокове. Председатель сельсовета Н.Р. Чумака показал на допросе: «Она вошла в сторожку и сейчас же начала принимать людей. К ней прибывало

в день чел. 250–300, ехали на подводах из других районов области, ежедневно стояло лошадей (возле сторожки. — *Н.З.*) 25–30 и больше»¹⁰.

Вновь, как и в 1931 г., о. Михаил Иорданский стал совершать богослужения в Никольской церкви каждый день.

9 апреля 1934 г. инструктор Молвитинского райкома ВКП(б) Фёдор Сергеевич Филатов на допросе показал: «10 марта 1934 г. в с. Н-Сумароково (...) прибыла на постоянное жительство Меркулова Вера Антоновна, которая среди окружающего населения считается “святой”, а потому со дня ее приезда окружающее население стали бросать работу в колхозах и уходили к Меркуловой за всевозможными советами. (...) в результате было организовано целое паломничество, была устроена очередь людей к Меркуловой, которая поселилась в церковной сторожке (...) прием посетителей к Меркуловой был организован не только днем, но и ночью.

Кроме того, в имеющейся церкви села Н-Сумароково стало посещать молящихся до 450–500 чел. и только потому, что в церкви была Меркулова.

(...) 18/III–34 г. в сумароковской церкви было до 500 чел. (...) приходит и приезжает на лошадях до 25–50 чел. в сутки, были случаи, когда приезжали за 75–100 км из Галичского, Буйского, Любимского, Семёновского районов, были также из Костромы, Кинешмы и Ярославля»¹¹.

Секретарь Коростелевского сельсовета В.В. Кудрявцев на допросе 14 мая 1934 г. показал: «Так как Меркулова и раньше имела большой авторитет перед населением, то с момента ее приезда окружающее население быстро узнало и стало ее посещать, в результате было организовано целое паломничество, а посещали не только местное население, но приезжали и из других районов и городов, была большая очередь к Меркуловой. Приезжали на лошадях. Ночевать останавливались в ряде деревень Коростелевского сельсовета. Ее посещает также духовенство и монашество, и ссыльное кулачество»¹².

Послушница А.В. Генеральская на допросе 10 февраля 1935 г., говоря о приходящих к матери Вере в 1934 г., сказала: «К матушке Вере Меркуловой как к “святой” ежедневно из разных мест Ивановской области, а также и других областей, Северного края, Московской области, Горьковского края, Ленинграда, приезжало большое количество паломников, почитателей и поклонников, иногда количество паломников доходило свыше ста человек в сутки. Среди посетителей были крестьяне, духовенство, монашество, кулаки, разные высланные люди, иногда бывали и инженеры, врачи и т.д.»¹³.

Екатерина Александровна Веселкова (1912 г.р.), жительница д. Царёво Буйского района, была в числе первых, кто посетил мать Веру после её возвращения в 1934 г. Позднее она вспоминала: «Из нашей деревни Царево Буйского района к Верушке ходило народа много. (...) Ходила я в Сумароково к матушке не одна, со мной еще пять дев-

чонок ходили. Мне было тогда лет двадцать. По дороге одна из подруг и говорит: “Да что мы идем? Матушка-то, поди, ничего не знает”. А девушки между собой рассуждают: “Как это так? Все ходят, значит, матушка знает”. Я же всю дорогу шла и ни к одному слову своих подруг не подставала. Шла и молчала. У меня было одно желание: получить от матушки талончик, чтобы она меня приняла. Очень переживала за это. Ушли мы утром рано, а вернулись домой поздно вечером.

Матушка приняла нас в каменной сторожке, что напротив приходской церкви. В сторожке народа было много. Мать Вера дала мне талончик и больше ничего не сказала, хотя и пыталась я спросить. Людей было много, потому я и постеснялась спросить. Я вообще была стеснительной. А когда подходила к матушке, меня трясло и било всю, дрожь шла по всему телу от волнения.

Девушку, говорившую, что матушка ничего не знает, матушка Вера не приняла, несмотря на то, что та подходила к ней дважды. “Я ничего не знаю”, — ответила. Девушки этой сейчас нет в живых. Она была старше меня. Умерла в молодые годы.

В сторожке была отдельная комната, где сидела некто и помогала приходившим разбираться в том, что Верушкой было написано на талончиках. И у нее народа было много»¹⁴.

Мария Николаевна Чиркова (1924 г.р.), жительница д. Мякишево Галичского района, в 1934 г. с матерью ходила к матери Вере. Позднее она вспоминала: «Погода стояла теплая, ведренная, шли босиком до самого Сумарокова. Обувь мы берегли, и обулись, когда пришли в монастырь*.

Вышли утром, а к вечеру пришли на место, поспев на Вечерню в монастырский собор. Монастырь тогда был действующим, ограда его была не разломана**, ворота в ограде металлические.

Мне запомнилось множество инвалидов, толпящихся у собора в ожидании милостыни. За Вечерней народа было много. В соборе мне показалось как-то мрачно. Тогда электричества еще не было, а горели свечи, лампады. Запомнились колонны. Очень складно пели на клиросе монашенки. Матушки за Вечерней не было.

После вечерни нас повели на ночлег в просторное полуподвальное помещение, на стенах которого висело много больших икон с лампадами, а на полу стояли подсвечники с горевшими на них свечами. Ночлежников, прибывших из разных мест, оказалось много. Нам принесли хлеб и вскипятили трехведерный самовар. Клотов, тараканов в этом помещении не было. Спали все на полу (кроватей не стояло в этом помещении), положив в изголовье узелки, с которыми шли молиться.

* Мария Николаевна ошибочно называет монастырём Никольскую приходскую церковь в Сумарокове. Эту же церковь она неправильно именует монастырским собором.

** Имеется в виду ограда Никольской приходской церкви.

Переночевав, мы пошли молиться в собор. Мать Веру привезли к Обедне в коляске. В это время звонили в колокола, и все было очень торжественно. Поскольку время стояло летнее, в ограде монастыря все зеленело, цвело. (...) Матушка сидела вся в белом. Вижу, как сейчас, ее пухленькие, белые, как бумага, руки. Когда ее ввозили в собор, она благословляла народ. Возле нее находилось 2–3 монашенки, которые и везли ее. Поставили коляску в соборе, и к матушке стал подходить народ. Она благословляла и давала талончики, лежавшие у нее, видимо, на коленях, прикрытые ее белым одеянием. Доставая талончики, она не глядела на них. Благословляла не каждого, а тех, кто шел к ней с душой, и руку подавала для целования. Тех, кто шел без души, чтобы ее испытать, не благословляла, и они отходи в сторону. Народу, конечно, к ней шло много. И в соборе, и на улице — везде был народ. Попасть к матушке было нелегко. Поскольку я была тогда небольшая, проворная, то нырнула между людьми, обошла их и — прямо к матушке. Подходила к ней дважды, и оба раза она меня благословляла. В первый раз, благословив, дала талончик на меня саму, а второй раз (в этот же час) она меня благословила и дала на моего отца талончик, нижний угол которого был обрезан полукругом. Отец умер в 50 лет. Мама посылала меня третий раз подойти к матушке и попросить талончика на моего родного брата, но матушка меня не благословила и талончика не дала. Мама тоже подходила под благословение к матушке и получила от нее талончик на саму себя. Матушка говорила с мамой о терпении, что терпеть маме придется много»¹⁵.

МАТУШКА ВЕРА ЛЕЧИТ БЕСНОВАТУЮ

ОСОБОЕ внимание у местного начальства привлёк случай, когда 18 марта 1934 г. матушка Вера в церкви исцеляла бесноватую.

Инструктор райкома партии Ф.С. Филатов рассказывал об этом случае так: «Чтобы создать больше себе авторитета Меркулова стала исцелять больных, т.е. 18 марта в с. Н-Сумароково из Буйского района Новографского сельсовета в воскресный день часов в 10 утра во время церковной службы прибыла гражданка, представляющаяся из себя больной “бешеной”. Как только появилась в церкви, стала кричать всевозможные выкрики. В это время присутствовало в церкви человек 500. Присутствующие стали говорить, что ее будет исцелять “мать Вера” Меркулова, которая приступая к исцелению заявила, что надо провести молебен над ней, а после предложила отнести (больную. — *Н.З.*) к ней Меркуловой на кровать и положить спать и с ней все пройдет.

После выяснения сельсоветом было установлено, что больная оказалась дочь кулака, и которая никогда не болела и является послушницей Меркуловой»¹⁶. Вряд ли инструктор райкома партии при-

существовал на богослужении и сам видел этот случай. Скорее всего, он рассказывал о нём со слов других людей.

18 марта в церковь, видимо, была привезена бесноватая, или, как их называли в народе, кликуша. Такие люди, когда их привозят на отчитывание в храм, обычно кричат диким голосом. Исцеление от кликушества называется отчитыванием, когда священник кропит больного святой водой и читает вслух особые молитвы. Из показаний Ф.С. Филатова не видно, исцелила или нет мать Вера больную. Этот вопрос её недругов не интересовал, они пытались доказать, что всё было подстроено заранее, что мать Вера разыграла в храме спектакль и что «бесноватая» на самом деле являлась её сообщницей. Однако если бы дело было так, то они назвали бы имя этой сообщницы и имя её отца-кулака. По-видимому, на самом деле они ничего конкретного не знали и сознательно обвиняли мать Веру в обмане верующих.

Органы ОГПУ также придавали этому случаю большое значение: их явно заинтересовала версия о том, что бесноватая являлась тайной сообщницей матушки Веры, а её исцеление являлось хорошо поставленным спектаклем. На допросе 12 июня 1934 г. мать Веру спросили: «Кто будет больная девица, привозимая к вам (...) в церковь из Буя? Знали ли вы ее раньше?» Мать Вера ответила: «Я не знаю совершенно, кто такая девица, была какая-то женщина, но кто она я не знаю». Следователь спросил: «В каком виде больной или здоровой уехала эта девица от вас?» Мать Вера ответила: «Она (...) успокоилась (...) когда запели в церкви молитву, а когда она успокоилась, то она уехала»¹⁷.

Нельзя не сказать, что это первый известный нам случай, когда мать Вера взялась за лечение бесноватых.

ОКРУЖЕНИЕ МАТУШКИ ВЕРЫ В 1934 ГОДУ

КАК и всегда, вокруг матери Веры в Сумарокове сложилась небольшая община. Вначале она жила с двумя послушницами, с которыми приехала из Владимира, — Анастасией Васильевной Генеральской и Капитолиной Фёдоровной Смирновой.

В 1934 г. Капитолине Смирновой было 25 лет. Она родилась в Москве. Её отец, крестьянин, в начале XX в. переехал в Москву и служил кассиром на фабрике. Во время НЭПа он открыл частную красильную мастерскую, был лишён избирательных прав и умер в 1932 г.¹⁸ Капитолина познакомилась с матушкой Верой, когда та была в ссылке в Кинешме*.

На допросе 14 июня 1934 г. она показала: «Я проживаю у Меркуловой с февраля месяца, с того момента, как ее освободили из Владимирского ИТУ, работаю прислугой»²⁰.

* В протоколе допроса записано, что данное знакомство произошло в 1922 г.¹⁹, но это ошибка, так как мать Вера жила в Кинешме в 1925–1928 гг., а в 1922 г. она ещё находилась в заключении в Москве.

Узнав о приезде матушки Веры в Сумароково, к ней вернулись некоторые её старые соратницы. В июле 1934 г. в Сумароково приехала Надежда Евгеньевна Шагина²¹. Как мы помним, в 1931 г. она была арестована вместе с матушкой в Котельниче и получила три года ссылки в Восточную Сибирь. Срок её ссылки истёк 13 июня 1934 г., и уже в июле она прибыла в Сумароково, вновь став одной из главных помощниц матушки Веры. А ведь Надежда Евгеньевна не могла не понимать, что возвращение к матушке неминуемо сулит ей новый арест и новый срок.

Ещё одна женщина — Евфросинья Александровна Боброва — приехала к матушке Вере из Котельнича. Евфросинья Александровна Боброва родилась 25 сентября 1902 г. в д. Бобровы Котельнического уезда в крестьянской семье. В 1922 г. она вышла замуж, но брак оказался неудачным, и через четыре месяца Евфросинья вернулась в дом отца. В 1930 г. в Троицком соборе Котельнича Евфросинья Александровна познакомилась с матерью Верой и стала её почитательницей²².

На допросе 12 июня 1934 г. она показала, что работает у матушки Веры третий год прачкой²³. По-видимому, она работала у матушки ещё в 1930–1931 гг. в Котельниче. Узнав о возвращении матери Веры в Сумароково, она приехала к ней.

Из Котельнича к матери Вере приехала ещё одна её почитательница — Ольга Матвеевна Гребёнкина²⁴, о которой мы ничего не знаем.

МАТУШКУ ВЕРУ ИЗГОНЯЮТ ИЗ ЦЕРКОВНОЙ СТОРОЖКИ

РАЗУМЕЕТСЯ, возвращение матери Веры в Сумароково стало крайне неприятным сюрпризом для районных властей. Уже 20 марта 1934 г., то есть через 10 дней после приезда матери Веры, президиум Молвитинского райисполкома принял постановление «О нарушении Сумароковской религиозной общиной верующих ст. 3, 34, 48 инструкции о порядке проведения в жизнь законодательства о культах».

В преамбуле постановления говорилось: «По имеющимся в Президиуме РИКа сведениям установлено, что в с. Сумароково вернулась по отбытию лишения свободы во Владимирском ИТУ гр-ка Меркулова, слывущая среди отсталой части населения района мнимой пророчицей, и при активном содействии Сумароковской религиозной общины, развернула недопустимую законом об отделении церкви от государства работу, выражающуюся в том, что найдя приют и убежище у религиозной общины, предоставившей ей в ее распоряжение вопреки ст. 48 инструкции о культах и п. 1 договора на передачу, церковную сторожку; через своих приближенных широко информировала не только население Молвитинского района, но и других окружающих

районов области об открытии ей Меркуловой приема посетителей по церковно-спасительным вопросам, в результате чего кулаки, фанатики, кликуши, отсталые женщины, несовершеннолетние и другие личности, в порядке паломничества, двинулись в Сумароково на поклон, совет и беседу к мнимой пророчице Меркуловой, превратив Сумароково в лагерь странников и странно-приемный дом, тем самым поставив жителей Сумароково и окружающих деревень под угрозу заноса и распространения заразы инфекционными заболеваниями. Гражданкой Меркуловой в предоставленной ей церковной общиной сторожке открыты сборища, беседы с прибывающими к ней посетителями, распространяются проповеди, речи, советы, свои посланья, направленные к срыву колхозного движения»²⁵.

В связи с этим Президиум райисполкома постановлял:

«1) Немедленно и не позднее 23 марта гражданку Меркулову выселить из церковной сторожки, как личность никакого отношения не имеющую к охране церковного имущества. Предупредить общину, что в случае невыполнения с ее стороны данного постановления, договор на сдачу ей культового имущества и церковных зданий будет расторгнут,

2) Имея в виду, что в пределах района, так и в окружающих местностях имелись случаи эпидемических заболеваний, обязать сельсоветы воспретить размещение на ночлег и сборища, как в с. Сумароково, так и окружающих селений, прибывающих к Меркуловой граждан. Предупредить жителей с. Сумароково, а также и окружающих колхозов, селений, единоличников всего района о их ответственности за нарушение данного постановления, обязав сельсоветы привлекать виновных к административной ответственности,

3) Воспретить гражданке Меркуловой молитвенные сборища и свою религиозную деятельность, осуществляемую ей вопреки инструкции о проведении в жизнь законодательства о культах, в то же время дело о противозаконных действиях Сумароковского церковного совета передать соответствующим органам на расследование и привлечение к законной ответственности,

4) Обязать сельсоветы и правления колхозов разъяснить колхозникам и трудящимся единоличникам района о всей пагубности пророчеств гражданки Меркуловой, подрывающей крепость колхоза и материального благосостояния колхозников и трудящихся единоличников»²⁶. Под постановлением стояла подпись председателя райисполкома Абрамова.

22 марта, выполняя постановление райисполкома, члены Сумароковского церковного совета приняли своё постановление, предписывавшее матери Вере выехать из сторожки «в течение 24 часов»²⁷. Мать Веру вызвали в сельсовет и зачитали ей оба постановления — райисполкома и церковного совета. На постановлении совета мать Вера

написала: «Постановление Рика и данное постановление зачитано мне в с/с. В. Меркулова»²⁸ *.

Из сторожки матушка Вера переселилась в чей-то частный дом. На допросе 12 июня 1934 г. её спросили, где она проводила молебствия в Сумарокове, она ответила: «При въезде мной в дом, в котором я проживаю в настоящее время, был (...) проведен молебен в присутствии священника с. Н-Теляково Коростелевского сельсовета Иорданского Михаила, который производил службу. Был еще священник Владимиров Сергей с. Станки. Других молебствий никаких не происходило»²⁹.

* * *

Мелькнувший в протоколе допроса о. Сергей Владимиров — бывший диакон Свято-Троицкого монастыря.

Сергей Павлович Владимиров родился в 1872 г. в г. Варнавине Костромской губернии, в семье дьячка Павла Владимирова. Вопреки устоявшейся традиции он не обучался ни в духовном училище, ни в духовной семинарии, а окончил Варнавинское четырёхклассное училище. В 1891 г. Сергей Владимиров поступил в Игрицкий Богородицкий монастырь, а в 1892 г. стал псаломщиком в Спасской церкви с. Заборье (или — Спас-Заборье) Кинешемского уезда³⁰. 2 марта 1907 г. он был переведён псаломщиком в Кинешемский Успенский собор³¹, в конце декабря 1914 г. рукоположен во диакона, оставаясь псаломщиком Успенского собора³². 19 августа 1916 г. о. Сергей был перемещён в Свято-Троицкий монастырь³³.

По-видимому, после закрытия монастыря о. Сергей Владимиров принял священный сан. В 1934 г. он, как видим, служил настоятелем Воскресенской церкви с. Станки Галичского района, находившегося в 10 верстах к северу от Сумарокова.

КАМПАНИЯ ЗА ВЫСЕЛЕНИЕ МАТУШКИ ВЕРЫ ИЗ РАЙОНА

В 1934 г. властями вновь, как и в 1931 г., была развёрнута кампания по выселению матери Веры из района.

Уже через несколько дней после приезда матери Веры в колхозах стали проводить собрания, на которых принимались резолюции о её выселении. После принятия президиумом райисполкома 20 марта особого постановления кампания эта усилилась. Участников собраний принуждали подписывать обращения к районному руководству о выселении матушки Веры.

19 марта 1934 г. состоялось общее собрание членов колхоза им. К. Е. Ворошилова. В принятом постановлении говорилось, что мать Вера «проповедует идею, направленную против большевист-

* Запись сделана не матерью Верой. Она её только подписала.

ских колхозов и зажиточной жизни колхозников и это способствует отвлечению колхозников от работы. Собрание постановляет просить Президиум Райисполкома о выселении Меркуловой из пределов нашего сельсовета и района»³⁴.

20 марта общее собрание членов колхоза «Победа» постановило: «Просить Президиум райисполкома о выселении Меркуловой из пределов нашего сельсовета и района»³⁵.

В тот же день, 20 марта, собрание Соломининской бригады колхоза «Правда»* в д. Соломино осудило мать Веру, «которая привлекает темную массу, ведет в дурман», и просило её «немедленно выслать»³⁶.

В тот же день, 20 марта, колхозники и единоличники деревень Зубово и Миздрино приняли постановление о выселении матери Веры. В протоколе собрания приведён ряд выступлений его участников:

«Ушанов И.М.»: Слышно, что в наш район прибыла какая-то Верушка, обратно прибыла, одурманивала и раньше и разлагала массы колхозников, нам не надо таких на территории нашего района.

Смирнов: Прав товарищ Ушанов, это опиум народа, которая действительно может повлиять на колхозы и колхозников, на разложение масс может влиять, на нашу местность.

Орлов: Мы товарищи темны, нам эта Верушка может наделать с нашей темной массой делов, но не в пользу колхозов.

Крутов Е.В.: Мы до революции не знали, что такое мощи, но нам теперь доказали, что это тряпки пустые и мы к ним прикладываемся, потому нам эта Верушка тоже такой дурман, нам таких не надо в районе, гонить надо.

Горшкова Е.П.: Эта Меркулова приехала потому, что ее также везде гонят, а если бы она была хороша, то там бы и жила, но она нигде не нужна, нам ее тоже не нужно, гонить ее надо от нас.

Смирнов В.: Эта Меркулова может решать дела не в пользу колхоза, а только во вред, это можно применить, чтоб таких вредных людей убрать из пределов Молвитинского района, как негодного элемента»³⁷.

21 марта в д. Пески Зубовского сельсовета состоялось собрание членов Песковского колхоза. В повестке собрания, в разделе «Разное», стоял вопрос «О пребывании и сходбище массы в Коростелевском сельсовете в Сумарокове Веры Меркуловой». В принятом по этому вопросу постановлении говорилось: «Учитывая важность значения выполнения производственных программ колхоза, а эти сходбища отрывают от производства работ и становятся тормоз, дальнейшее пребывание на территории Коростелевского сельсовета — выслать из пределов Молвитинского района»³⁸.

23 марта в с. Домнино прошло собрание членов колхоза имени НКВД «совместно с единоличным сектором». В собрании участвовали

* Очень похоже, что название в честь главной газеты страны колхоз в д. Соломино получил после разгромной публикации в «Правде» в 1931 г.

жители Домнина и деревень Фоминское и Ясюки. Первым выступил председатель колхоза И. В. Голубев, который сказал: «С подготовкой весеннего сева нам колхозникам нужно бороться за ранний сев, выдерживать сроки, чтобы классовый враг не напевал, что ранний сев хуже. У нас не случайно приехала преподобная Верочка, которая раньше и сейчас тормозит в усиленном выполнении сева, которая расстраивает массы колхозников»³⁹. Таким образом, председатель колхоза имел в виду, что враги специально подослали в район мать Веру, чтобы та сорвала в районе ранний весенний сев. Как видим, уже с первых лет существования колхозов главным было не собрать хороший урожай, а провести сев как можно раньше. Собрание приняло шаблонное постановление о выселении матушки Веры из района⁴⁰.

Во время «выселенческой» кампании произошёл, кажется, только один сбой.

21 марта 1934 г. в д. Голодайке Зубовского сельсовета состоялось общее собрание членов колхоза «Сознание Труда». В повестке собрания (раздел «О разном») стоял вопрос, который деревенские грамотеи сформулировали так: «О прибытии в Коростелевский сельсовет Меркуловой Веры, которая поставляет всецело против выполнения всех государственных обязательств и приглашает себе публику, чем и срывает государственные обязательства». В протоколе собрания приведены высказывания его участников по поводу матери Веры:

Бьчкова А. В.: Мы и близко да не ходим (к матери Вере. — *Н.З.*), а кто ходит, так запретите, чтобы не ходили.

Новиков В. И. (председатель собрания): Я не ходил и не пойду и она полезного нам ничего не приносит, только прилучает * к себе публику.

Тощакон А. Я.: Верушка нам мешает, потому, что она прилучает публику и публика самовольно уходит, чем нарушается труддисциплина.

Кустов И. А.: Мое предложение, поставить около Меркуловой контроль и публику к ней пускать, а всех переписывать и рассылать по колхозам, а правление колхоза за эти походки штрафовало бы.

Смирнов С. Т.: Почему начальство все ее гоняет, и отсюда бы прогнали, а не принуждали, чтобы прогнали мы своими подписями.

Комлева М. А.: Я к Верушке не пойду и подписываться за выселение ее не буду. А яйца-то я к ней не понесу, а снесу в кооперацию на мыло.

Кустов И. А.: Если власть имеет выслать, то высылайте, а мы высылать не будем и подписываться не будем.

Бьчкова А. В.: Мне Верушка не мешает, и не буду за выселение подписываться.

Новиков А. Д.: Я подписывать за выселение Верушки не буду, потому я к ней не хожу и не пойду.

* Прилучать — приучить, привадить, приманить⁴¹.

Куракин Н.В.: Верушку к черту, потому что много пошло о ней болтовни.

Смирнов С.Т.: Мое предложение выслать богоделов*, потому что они надоели, каждый день ходят по миру, а Верушку не трогать, потому что она нас не тревожит»⁴².

По-видимому, активисты в Голодайке плохо подготовились и пустили дело на самотёк. По итогам голосования (разумеется, открытого, на глазах у начальства), 24 чел. проголосовали за оставление матери Веры в пределах сельсовета и 8 чел. — за выселение⁴³.

Видимо, низовое звено советско-колхозного аппарата надеялось, что после проведения серии собраний мать Веру вышлют (то есть арестуют и посадят). Однако неделя проходила за неделей, народ продолжал толпами валить к матушке Вере, а районное руководство, как казалось, не принимало никаких мер.

Подобную точку зрения выразил на допросе 25 апреля 1934 г. инспектор райфинотдела И.С. Тюкалов. «Некоторые из актива, — сказал он, — заявляют, что же такое, столько времени мы с ней (матушкой Верой. — *Н.В.*) возимся, прорабатывали на собраниях колхозников, чтобы ее выселили, вынесли решение, а все же районные организации сделать ничего не могут, у актива даже создается такое впечатление, что Меркулова, по-видимому, не подчиняется районным организациям. Ну и явное дело, по 13 сельсоветам пошумели, вынесли решение, а до конца не довели и вся эта работа пошла в пользу Меркуловой, поднимает ее авторитет среди населения»⁴⁴.

Действительно, проводимые собрания по выселению матери Веры только увеличивали количество людей, идущих к ней, так как все понимали, что собрания — верный признак того, что матушку скоро опять арестуют и увезут.

Кампания по выселению матери Веры из района в 1934 г. почти ничем отличалась от кампании 1931 г. Отличие было одно — в этот раз она не сопровождалась обличением матери Веры со страниц районной прессы. Молвитинский «Колхозный клич» молчал, как воды в рот набрав. Грозная выволочка от «Правды» была ещё слишком свежа в памяти, и сотрудники редакции, видимо, получили строгое указание не писать про эту Верушку ничего. Опасная она, мать Вера: даже ругать её нельзя.

МАТУШКА ВЕРА ПОМОГАЕТ НУЖДАЮЩИМСЯ

МАТЬ Вера всегда, когда могла, помогала нуждающимся, которые обращались к ней. Однако в 1934 г. её помощь приобрела особый масштаб. Обуславливалось это тем, что уровень жизни

* Богоделы — нищие.

крестьян после того, когда они стали колхозниками, заметно упал. Многие посетители обращались к матушке Вере с просьбами о помощи и получали её.

На допросе 16 января 1935 г. мать Вера показала: «Матерьяльная помощь крестьянам-единоличникам и колхозникам мною оказывалась в широких размерах, я давала денег на уплату налогов, на мясозаготовки, на приобретение скота и т.п. Деньги крестьянам давались по сто, двести и пятьдесят рублей. Кроме того мною оказывалась широкая помощь населению продуктами, как-то мукой, картофелем и т.п. За время с апреля месяца 1934 г. по январь месяц 1935 г. всего было роздано денег около 50 тысяч рублей»⁴⁵. «(...) Ежедневно раздавалось около 10–15 пудов муки. Фамилии крестьян, кому я давала деньги, не помню, т.к. таких лиц, кому я помогала матерьяльно, было очень много, например, из деревень Шелки, Исаково, Зубово, Клюкино, Берниково и др.»⁴⁶. Заметим, что это говорила не глава какого-нибудь богатого благотворительного фонда, а опальная монахиня, только что вышедшая из тюрьмы.

Мать Вера помогала и Инвалидному дому, размещавшемуся в бывшем монастыре: «Дополнительно показываю, что в Сумароковский Инвалидный дом в 1934 г. я всего дала 3600 рублей на ремонт зданий, на покупку материала, муки для инвалидов и т.п. Эти деньги мною выданы в разное время председателю Инвалидного дома Соколову, деньги давались без расписки»⁴⁷.

МАТУШКА ВЕРА ПОМОГАЕТ КОЛХОЗАМ И СЕЛЬСОВЕТАМ

ОДНАКО мать Вера оказывала материальную помощь не только своим посетителям. В 1934 г. в её деятельности появилось нечто новое, чего раньше не было (да и не могло быть): она стала помогать местным колхозам и сельсоветам. Созданные ценой огромных усилий колхозы работали неэффективно и во всём нуждались. Чтобы свести концы с концами, председатель колхоза «Победа» * Иван Алексеевич Голубев ** вынужден был обращаться к идейным врагам.

Позднее на допросе 3 марта 1935 г. он показал: «В августе месяце 1933 г. наш колхоз “Победа”, который объединяет семь селений: д. Теляково, Анциборово, Берниково, Исаково, Замятино, Антонково, Шелки, испытывал тяжелые финансовые затруднения. Я как председатель колхоза по предварительной договоренности с членами правления колхоза (...) в церкви с. Сумароково у бывшего церковного старосты Богданова (ныне умершего) взял взаимобразно на нужды

* В настоящее время в нашей стране слово «Победа», прежде всего, ассоциируется с победой Советского Союза над нацистской Германией в 1945 г. Название колхоза, которым руководил И. А. Голубев, скорее всего, имело в виду победу колхозного строя.

** Иван Алексеевич Голубев родился в 1891 г. в д. Гульнево Костромского уезда. Член ВКП(б) с 1932 г. В 1919–1922 гг. служил в Красной армии. Проживал в д. Антонково⁴⁸.

колхоза денег в сумме 500 руб., которые мною были внесены в счет страховки в сельский Совет. Эти деньги мною и до сих пор в церковь с. Сумароково не внесены. О том, что я брал взаимобразно деньги в церкви с. Сумароково знают большинство колхозников»⁴⁹.

Когда в Сумароково вернулась мать Вера, беспринципный коммунист И.В. Голубев стал обращаться за помощью и к ней.

На допросе 16 января 1935 г. на вопрос о помощи местным колхозам мать Вера показала: «В апреле месяце 1934 г. мною была оказана материальная помощь нашему колхозу “Победа” Молвитинского района в сумме 660 рублей. Эта сумма была вручена председателю колхоза “Победа” Голубеву Ивану Алексеевичу (...) деньги им брались, как он мне сообщил, на закупку семенного фонда.

В ноябре месяце 1934 г. этому же председателю колхоза “Победа” Голубеву мною было дано на закупку хлеба для колхоза в счет сдачи государству денег в сумме 200 рублей. Кроме этого Голубеву неоднократно я давала по 50 и 20 рублей, но на какие нужды он брал эти суммы мне неизвестно. (...) Мне лично на все крупные суммы Голубев давал расписки»⁵⁰. «Материальная помощь мною оказывалась и другим колхозам Молвитинского района. Названий колхозов и имена председателей колхозов я назвать не могу, т.к. названий и фамилий не знаю»⁵¹.

Мать Вера помогала даже местной Советской власти. На том же допросе она показала: «В мае месяце 1934 г. председателю сельсовета Чумаку в счет сдачи государству на покрытие растраты общественных денег я дала 500 рублей»⁵².

Можно уверенно сказать, что в 30-е годы в Советском Союзе больше не было ни одного подобного случая, чтобы представитель гонимой и унижаемой Церкви оказывал финансовую помощь колхозам и сельсоветам. Это могла сделать только матушка Вера.

* * *

Скажем несколько слов о председателе Коростелевского сельсовета Николае Романовиче Чумаке. В 1934 г. ему было только 22 года. Он родился в 1912 г. в с. Вязовок Павлоградского уезда Екатеринославской губернии. По национальности — украинец⁵³.

Местный старожил Н. Седых называл Николая Романовича двадцатипятидесятничником («Из 25-тысячников здесь был председатель сельсовета Чумака, украинец») ⁵⁴. Как известно, слово двадцатипятидесятничник появилась после того, как в 1929 г. на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) было решено направить на коллективизацию в сельскую местность 25 тысяч передовых рабочих⁵⁵. На селе двадцатипятидесятники становились председателями колхозов, директорами машинно-тракторных станций, председателями сельсоветов и т.д. В романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» двадцатипятидесятничник Семён

Давыдов, бывший питерский рабочий, становится председателем колхоза.

Однако вряд ли Н.Р. Чумак попал в число этих 25 тысяч «переводных рабочих». В 1929 г. ему было только 17 лет, да и родом он был из села. По-видимому, какое-то время селяне всех неместных, работающих на руководящих постах, называли двадцатипятидесятниками. По отношению к матери Вере председатель Чумак занимал враждебную позицию и в своих показаниях всячески на неё наговаривал, но, как видим, брал у неё деньги на латание дыр в своём сельсоветском хозяйстве (вряд ли мы ошибёмся, если предположим, что деньги эти он возвращать не собирался).

МАТУШКА ВЕРА СОЗДАЁТ ДЕТСКИЙ ПРИЮТ

К АК мы помним, ещё до революции у матери Веры появилась маленькая воспитанница — Мотя Балдина. В 1934 г. мать Вера создала в Сумарокове настоящий детский приют, в котором проживало, по разным свидетельствам, от 16 до 20 детей. Для их размещения она сняла в Сумарокове отдельный дом.

На допросе 16 февраля 1935 г., когда матери Вере был задан вопрос о детях, она ответила: «В 1934 г. до дня моего ареста в с. Сумароково при мне проживало 16 человек (...) детей:

Образцовы — Ангелина, Алла, Эмилия (Эмма)*, Иннокентий, отец их священник был выслан за контрреволюционную деятельность, а мать умерла.

Трусовы — из Котельнич, Анна, Елена, Зоя, Граня, отец их умер в 1932 г.

Смирновы — Александра, Анна и Сергей; мать их проживала при мне, происходит из д. Кочерги Молвитинского района, отец их умер.

Суворовы — из Макарьевского района, д. Язвицы, Анна, Ангелина, Лина, Сергей, Николай, Мария, Екатерина, отец их столяр, работал по столярному делу, лично при мне.

Лихаревы — из Молвитинского района, д. Теляково, Мария, Фаина, Александра, Николай, Раиса, Фекла, отец их бывший председатель колхоза, ныне он осужден и находится в заключении.

Генеральская — из г. Владимира (фамилия её Генеральская — по опекунше, моей послушнице Генеральской А.В.).

Все эти дети были в возрасте от 3-х лет до 16-ти лет. Жили они постоянно при моем доме и находились на полном моем иждивении. Ежедневно дети приходили ко мне на поклонение»⁵⁶.

Конечно, последнее слово в цитируемом фрагменте протокола («поклонение») следователь приписал матери Вере. Сама она, скорее всего, сказала «на благословение».

* Эмма — сокращенно от Эмилия (в честь прп. Эмилии Кесарийской, память 1/14 января).

Мать Вера возле Никольской церкви в Сумарокове. Рядом с нею группа детей. Фото 1934 г.

Дети эти были собраны матерью Верой из разных мест. Часть их прибыла в Сумароково из места её предыдущей ссылки — из Котельнича. Примечательно, что всех этих многочисленных детей мать Вера назвала по именам (кроме Генеральской, но, может быть, она назвала, а следователь не записал). Следовательно, она общалась с детьми и хорошо их знала.

Первыми, по-видимому, в Сумароково из Котельнича приехали дети священника о. Петра Образцова.

Как писалось выше, о. Пётр Образцов (1888–1937 гг.) служил в Котельниче настоятелем Троицкого собора. 24 марта 1931 г. он был арестован и 10 июня 1931 г. Тройка Постоянного представительства ОГПУ по Нижегородскому краю осудила его на 5 лет лишения свободы. Срок этот он отбывал в Белбалтлаге, на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После ареста о. Петра всю его семью выселили из их дома⁵⁷.

В 1932 г. в Котельниче умерла супруга о. Петра, матушка Александра Платоновна Образцова. Её четверо детей остались одни. Младший из них, Иннокентий Петрович Образцов, которому на момент ареста отца было только полтора года, позднее вспоминал: «...мы не погибли только благодаря помощи и заботам почитателей отца Петра и друзей нашей семьи. Анна Семеновна Корякина приютила нас в отдельном старом маленьком домике * (...) и помогала нам, как только могла»⁵⁸.

По-видимому, вернувшись весной 1934 г. в Сумароково, мать Вера узнала о положении детей о. Петра (об этом ей написал, наверное, кто-то из котельнических знакомых). Скорее всего, она предложила Анне Семёновне Корякиной привезти детей из Котельнича к ней. На допросе 12 июня 1934 г., отвечая на вопрос о детях о. Петра Образцова, мать Вера ответила: «Дети в количестве 5 чел. ** происходят из Котельнича, их родитель отец является священником. В данное время он Образцов Пётр выслан из пределов г. Котельнича»⁵⁹. В 1934 г. детям о. Петра было от 4-х до 14 лет.

Об отце четырёх детей Трусовых из Котельнича нам ничего неизвестно, кроме того, что он умер в 1932 г. Его детей мать Вера взяла к себе. Это были: Анна (Нюра) — 16 лет, Ольга — 11 лет, Зоя — 8 лет, Граня (видимо, Аграфена) — 6 лет⁶⁰. По показаниям А.В. Генеральской, мать детей проживала в г. Котельниче⁶¹, но не сказано, по какой причине она не жила с детьми.

Отец Лихаревых, житель д. Теляково, Макар Макарович Лихарев, бывший председатель колхоза, был за что-то осуждён и находился в местах лишения свободы⁶². Примечательно, что мать Вера приютила детей осуждённого председателя колхоза.

В детском приюте матери Веры жили и дети Филофея Яковлевича Суворова (1887 г.р.), жителя д. Язвицы Макарьевского района. На допросе он показал, что познакомился с матерью Верой в Кинешме, в церкви⁶³. Филофей Яковлевич был искусный столяр, и мать Вера стала заказывать ему разные изделия. Весной 1934 г., узнав, что мать Вера вернулась в Сумароково, он приехал к ней вместе со всей своей семьёй. Его жена, Екатерина Антоновна Суворова, много лет была больна, и поэтому дети Филофея Яковлевича стали жить у матери Веры.

* Адрес: г. Котельнич, ул. Шмидта, д. 53.

** У о. Петра Образцова было четверо детей: или мать Вера оговорилась, или следователь записал неточно.

Трое детей Смирновых являлись родными детьми Марии Лукиничны Смирновой. Это были: Александра (Шура) — 17 лет, Анна (Нюра) — 10 лет, Сергей — 6 лет. Все они родились в д. Кочерги, отец их умер, а мать проживала при матери Вере в качестве послушницы⁶⁴.

Особенно поразительна судьба девочки Генеральской (имя её в протоколе почему-то не указано). Как писалось выше, мать Вера узнала про неё, когда сидела во Владимирском центральном А.В. Генеральская на допросе показала про девочку из Владимира, что зовут её Татьяна Ильина, ей 12 лет, её родители умерли⁶⁵.

Надежда Евгеньевна Шагина на допросе 27 января 1935 г. показала, что все старшие дети из числа воспитанников матери Веры обучались в местной Сумароковской школе⁶⁶.

Наверняка матушка Вера хорошо понимала, что организованный ею детский приют — явление временное, что рано или поздно и саму её, и её помощниц опять арестуют и дети окажутся в критическом положении. Видимо, она считала, что пусть они хотя бы несколько месяцев проживут под её покровительством, а там — как Бог даст.

Позднее на допросах у матери Веры и её послушниц много спрашивали про этот детский приют, усматривая в его создании что-то преступное. Из дел 1934 и 1935 гг. не видно, какая судьба постигла детей после того, как в январе 1935 г. мать Вера была арестована. Вероятно, часть детей взяли родственники, а часть попала в детдома.

МАТУШКА ВЕРА ШЛЁТ ПОДАРКИ В РАЙОТДЕЛ ОГПУ

25 АПРЕЛЯ 1934 г. — незадолго до 1 Мая, дня международной солидарности пролетариата, второго по значимости (после 7 ноября) советского праздника, матушка Вера совершила неоднозначный поступок. Со своей келейницей А.В. Генеральской она послала в Молвитино, в райотдел ОГПУ, продуктовую посылку, в которой находилось: сливочное масло, сыр и консервы⁶⁷.

Признаемся, нам больше никогда не приходилось сталкиваться с подобными случаями, чтобы фактически подследственное лицо, без двух минут арестант, посылало своим преследователям съестные припасы, ценность которых в то не слишком сытое время была очень велика.

Позднее, на допросе 12 июня 1934 г., матери Вере был задан вопрос: «Какую цель преследовали вы и что хотели добиться, посылая с гр-кой Генеральской съестные продукты работникам Молвитинского РО ОГПУ 1 мая сего года?»⁶⁸. «Мной посылались на 1 мая подарки с гр-кой Генеральской, — ответила матушка Вера, — в честь того, что это большой праздник и хотела почтить своими подарками, я знала,

Село Молвитино. По улице Карла Маркса идёт Первомайская демонстрация. Фото 1930-х гг.

что к празднику все это требуется, других целей у меня не было»⁶⁹. Из дела не совсем понятно, как именно А.В. Генеральская передала чекистам подарок от матери Веры и какова его дальнейшая судьба.

На этом же допросе мать Веру спросили: «Сколько раз со времени вашего пребывания в районе вы посылали подарки в органы ОГПУ?» Мать Вера ответила: «Я всего посылала подарки 3 раза в Молвитинский РО ОГПУ»⁷⁰.

Вскоре А.В. Генеральская вновь принесла в райотдел ОГПУ продуктовую посылку, состоящую из каравай белого хлеба и головки сыра. Чекисты отказались что-либо принимать от посланницы матери Веры. Позднее Анастасия Васильевна показала, что оставила подарок в коридоре райотдела. На допросе 14 июня она сказала: «Я действительно приносила подарки 2 раза в Молвитинский РО ОГПУ. Первый раз у меня было целиком принято, а второй не принято и я сыр головку положила в коридоре РО ОГПУ за сундуком в мешке. Указанные подарки мной приносились от Меркуловой В.А.»⁷¹. На допросе 13 июня, А.В. Генеральская сказала, что во второй раз она приходила в райотдел 10 июня: «После церкви я заходила в райотдел ОГПУ, заходила к начальнику Петрову. Я действительно приносила сыр и белый хлеб, который я положила в коридоре РО ОГПУ сыру головку и каравай белого хлеба. Приносила это я для того, чтоб отдать сотрудникам РО ОГПУ в виде подарка. Указанный подарок послала Меркулова В.А.»⁷².

Обнаружив съестные припасы, сотрудники райотдела составили акт, в котором говорилось: «1934 г., июня 9 дня *, мы, нижеподписав-

* А.В. Генеральская, видимо, ошиблась, говоря, что принесла подарки в райотдел 10 июня.

шиеся сотрудники Молвитинского ОР ОГПУ Мильков и Сиротин составили настоящий акт в нижеследующем. 9-го числа обнаружено в помещении РО ОГПУ на окне одна головка сыра весом 1,5 кг и один белый хлеб весом 1,6 кг, два полотенца, о чем и составили настоящий акт»⁷³. Начальник райотдела Петров наложил на акт резолюцию: «Т. С-ву*. Установите откуда это взялось? Петров 9/VI-34 г.»⁷⁴.

Художник В.Н. Дени. Плакат «ВЧК-ОГПУ. 15 лет на страже завоеваний Октября». 1932 г.

был задержан житель Буя Иван Фёдорович Райкин, везший в райцентр воз, в котором находилось: яиц куриных — 2007 шт., яиц гусиных — 10 шт., коровьего масла — 9 кг 800 гр, меда — 5 кг, новин разных — 77 метров⁷⁶.

На допросе 12 июня 1934 г. мать Веру спросили: «Кому и с какой целью (...) посылали вы 1200 штук яиц** 7 июня с.г., которые были изъяты милицией?» Она ответила: «Я посылала 7 июня лично т. Петрову начальнику РО ОГПУ так как они, яйца, у меня имеются излишки и я хотела помочь»⁷⁷.

* Имеется в виду С.Ф. Соколов.

**Как писалось выше, в разных документах количество яиц, которые мать Вера отправила 7 июня 1934 г. в Молвитино, указывается разное.

В тот же день чекисты сдали свалившиеся на их головы продукты в местную точку общественного питания. Заведующая буфетом столовой Сухова выдала им справку: «Принято в Молвитинскую столовую № 2 белого хлеба в количестве 1 кг 600 гр, сыра головка 1 кг 500 гр. Заведующая буфета Сухова 9/VI-34 г.»⁷⁵.

Количество продуктов, которые мать Вера послала в Молвитино 7 июня 1934 г., было таково, что для их доставки потребовалась подвода. В этот день она отправила по одним данным 1200 штук, по другим — 2007 штук куриных яиц, предназначенных в подарок лично начальнику райотдела ОГПУ т. Петрову. В Молвитине груз перехватила милиция. Согласно протоколу,

Разумеется, чекисты восприняли эти дары матушки Веры как провокацию, как попытку дачи взятки должностному лицу. В Обвинительном заключении от 24 июня 1934 г. об этих случаях говорилось: «Меркулова пыталась подкупить взятками местные органы, неоднократно через Генеральскую приносила взятки в виде подарков в Молвитинский РО ОГПУ. 25/IV–34 г. принесено сливочное масло, сыр, консервы и 22 мая была принесена головка сыра и подброшена в коридоре РО ОГПУ, чем явно хотела дискредитировать органы ОГПУ»⁷⁸.

Несомненно, что сотрудники ОГПУ именно так все это и восприняли. Начальник же райотдела Петров наверняка воспринял посылку ему то ли 1200 то ли 2007 штук яиц не только как провокацию, но и издевательство над собой.

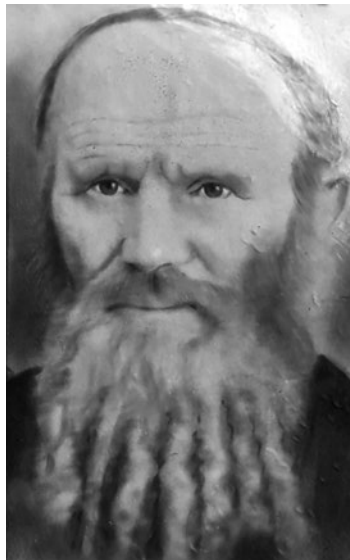
Нельзя не задаться вопросом: зачем матушка Вера посылала чекистам подарки в виде продуктов? Неужели она действительно хотела подкупить своих гонителей? Конечно, нет. Судя по всему, матушка Вера поступала по евангельской заповеди: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф., 5:44). Постоянно, хотя и невольно общаясь с районными чекистами, мать Вера, видимо, и их воспринимала как своих подопечных и хотела их подкормить. Именно поэтому она «благотворила» ненавидящим её.

Повторим, поступок её неоднозначен. Так могла поступить только мать Вера.

ИМЯ ВОСПИТАНИЦЫ МАТУШКИ ВЕРЫ ВСПЛЫВАЕТ СНОВА

ВХОДЕ следствия 1934 г. вновь не раз звучало имя бывшей воспитанницы матушки Веры — Александры Ивановны Пановой. Однако в этот раз речь шла не только о ней самой, но и об её муже — Александре Матвеевиче Смирнове.

На допросе 14 июня 1934 г. парторганизатор (сокращенно — парторг) Коростелевского куста И. А. Смирнов показал: «В колхозе “Победа” д. Шелки (...) бригадир Смирнов, который шел на работу охотно, но когда его жена Смирнова ходила к Меркуловой спрашивала, работать ли ее мужу бригадиром (какой совет дала Меркулова неизвестно). По-

Иван Фёдорович Райкин.
Фото 1940-х гг.

сле этого Смирнов от работы бригадира отказался категорически»⁷⁹.

Александр Матвеевич Смирнов родился в д. Шелки в 1895 г., и в 1934 г. ему было 39 лет. Александр Матвеевич участвовал в Гражданской войне, в которой, по-видимому, хлебнул лиха: в анкете его отмечено, что он был в плену у белых. К этому времени А.М. Смирнов являлся главой большой семьи, состоящей из семи человек: они с женой и пятеро детей⁸⁰.

15 июля 1934 г. начальник райотдела ОГПУ Петров лично допросил Александра Матвеевича. Незадолго перед этим он оставил в колхозе должность бригадира и вновь стал работать плотником. Петров явно надеялся вытянуть из него признание, что пост бригадира он оставил по совету жены, которая действовала по указке матушки Веры, желавшей таким образом нанести ущерб колхозу. Судя по вопросам, чекиста интересовало, что он думает об отношении его жены с матушкой Верой, и, вероятно, он надеялся, что Александр Матвеевич скажет что-нибудь лишнее.

Однако показания А.М. Смирнова были безукоризненны. Он показал: «Я от бригадирства действительно отказался, проработал лишь один месяц, ввиду того, что я по профессии плотник и мало еще понимаю в руководстве сельским хозяйством. Других причин отказа у меня не было. Ходила ли моя жена к Меркуловой Вере я не знаю. Отсоветовала мне жена лишь потому, что будучи в колхозе плотником я зарабатывал больше хлеба и только»⁸¹.

Таким образом, муж Александры Ивановны выставил себя чем-то вроде рвача, что для отца пяти детей было неудивительно. А про отношения жены с матерью Верой ответил в таком духе, что я, мол, их бабскими делами не интересуюсь. Поэтому т. Петров, где сел на Александра Матвеевича, там и слез.

МАТЬ ВЕРА ВЫШИВАЕТ РИЗУ ДЛЯ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦЫ»

ИЗВЕСТНО, что матушка Вера высоко чтит главную святыню Свято-Троицкой обители — икону Божией Матери «Скоропослушница».

После закрытия в 1921 г. монастырского собора образ перенесли в Никольскую приходскую церковь, где он находился до войны. В 1922 г. во время всероссийской кампании по изъятию церковных ценностей сребропозлащенный оклад, украшавший икону, был снят. Ныне существующая риза на иконе вышита матерью Верой с сёстрами, чтобы заменить этот исчезнувший сребропозлащенный оклад.

Уроженка д. Замятино Александра Павловна Смирнова (1916 г.р.) вспоминала, что когда Троицкую церковь приспособляли под магазин (судя по всему, это происходило на рубеже 20-х и 30-х годов), она

зашла к отцу: «Мой отец работал тогда вместе с мужиками, устраивая магазин, а я зашла к нему. На полу увидела много бисерных кистей, валявшихся в беспорядке. Я их собрала и унесла домой. У меня также имелась дома коробочка для своего бисера. Эти кисти, вероятно, сорвали с каких-нибудь предметов церковного обихода: с плащаницы, с поясов или еще откуда-нибудь. (...) И однажды мать Вера подзывает меня: “Саненк, подойти-ка сюда. У тебя бисер-то есть? Принеси мне его, и мы с тобой нарядим ‘Скоропослушницу’ и ризу сделаем”. Я тут же убежала домой и сказала об этом матери. Она ответила: “Собери весь бисер и унеси. Раз нужно, унеси”. Я собрала весь бисер, что было у меня, и унесла к матушке в этот же раз. Его, думаю, хватило на всю икону. Сама же икона в это время находилась в приходской церкви, на левой стороне. Мне было тогда лет 12–13, когда я бисер носила матушке. В бисерном окладе эту икону я впервые увидела в Соболеве*. В Сумарокове я и не помню, чтобы икона была наряжена в бисерный оклад. Она всё время была без ризы»⁸².

К какому времени относится данный эпизод и когда матушка Вера с сёстрами вышила ризу для иконы? После 1921 г. матери Веры не было в Сумарокове до декабря 1928 г., но тогда она пробыла здесь буквально несколько дней. Следовательно, риза вышита в 1931 г. или в 1934 г. Судя по тому, что Александра Михайловна говорит, что ей тогда было лет 11–12, это, скорее, произошло в 1931 г. Правда, она уверяет, что не помнит иконы в бисерном окладе в Сумарокове. Однако этого не может быть, так как икона находилась в Никольском храме в Сумарокове, в котором богослужения продолжались до 1939 г., и Александра Михайловна не могла её не видеть.

Однако есть прямое свидетельство о том, что мать Вера вышила ризу для иконы в 1934 г. Бувелянка Ия Александровна Образцова (1936 г. р.)** рассказывала со слов своей матери, Лидии Ивановны Райкиной (1911 г. р.), которая была дружна с матушкой Верой:

«Мать Вера вышивала ризу на “Скоропослушницу” с монашенками на пяльцах, не вкушая пищи 40 дней. Это было в 1934 году, в Сумарокове. Вышивался оклад в доме, низ которого сделан из кирпичей, а верх деревянный. В келье этого дома матушка и вышивала ризу»⁸³.

Ия Александровна рассказывала, как её мать, Лидия Ивановна, в 1934 г. приехала из Буя в Сумароково: «Лидия Ивановна была в положении старшим сыном Иннокентием. Матушка scomандовала ей: “Ну-ка, Лидочка, подлезь под ‘Скоропослушницу’”. Мама подлезла, но чуть не уронила пяльца с иконой, сказав ей: “Матушка, ведь чуть

* В послевоенное время икона Божией Матери «Скоропослушница» длительное время находилась в Никольской церкви с. Соболева (Сусанинский район).

** Ия Александровна Образцова, урождённая Райкина, была замужем за сыном священника о. Петра Образцова, Иннокентием Петровичем Образцовым.

Икона Божией Матери «Скоропослушница» в ризе, вышитой матерью Верой и её послушницами. Схиигумения Михаила (мать Вера) в схимническом облачении сидит левее образа. Над ней, ближе к образу, — Анастасия Генеральская. Под образом, в центре, девочка-подросток — Мария Ивановна Райкина. Фото 1934 г.

Икона Божией Матери «Скоропослушница» в бисерной ризе, вышитой матушкой Верой и её послушницами. Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

не уронила». Мать Вера ответила: «Счастье твое, что не уронила. Могло бы быть и хуже». Больше матушка Вера ничего не сказала»⁸⁴. В том же 1934 г. Лидия Ивановна родила сына Иннокентия (дать это имя ребенку ей посоветовала мать Вера).

Таким образом, мать Вера с сёстрами вышили ризу на икону в 1934 г. Надо думать, что мать Вера собиралась изготовить ризу ещё в 1931 г., но из-за недолгого времени, которое она пробыла тогда на

свободе, не успела это сделать. В 1934 г. мать Вера пробыла на свободе дольше и смогла со своими послушницами вышить данную большую ризу (напомним, что размер иконы — 148 см в высоту и 103 см в ширину).

До нас дошла уникальная фотография, на которой запечатлена мать Вера с группой послушниц возле иконы Божией Матери «Скоропослушница» с надетой на неё вышитой ризой. Поразительная особенность данного снимка — то, что матушка Вера на нём снята в схимническом облачении. Эта фотография является единственной из дошедших до нас, где мать Вера одета, как и положено схимнице.

МАТУШКА ВЕРА С СЁСТРАМИ ВЫШИВАЕТ РИЗЫ НА ИКОНЫ В МОЛВИТИНСКОМ ХРАМЕ

В 1934 г. матушка Вера с сёстрами вышила ещё две ризы на иконы в храм села Молвитина. На допросе 14 июня А.В. Генеральская на вопрос: «Какую работу в данное время выполняет Меркулова и живущие с ней женщины?», показала: «В данное время шьем ризу для церкви с. Молвитина и вышиваем 1 икону также для молвитинской церкви»⁸⁵. Ранее, на допросе 13 июня, она же показала: «10 июня с.г. я Генеральская с Батыревой М. приносили в Молвитинскую церковь ризу, вышитую Меркуловой, ризу мы повесили в церкви на икону»⁸⁶.

О каком именно храме Молвитина идёт речь, из материалов допроса непонятно, но, скорее всего, имелась в виду ещё действовавшая Воскресенская церковь (та самая, напомним, что изображена на картине «Грачи прилетели» А.К. Саврасова).

Вероятно, ризы шились для каких-то особо почитаемых икон, которые до революции украшали серебряные или серебропозлащенные оклады. В 1922 г., когда по всей стране происходило изъятие церковных ценностей, эти оклады были изъяты. Взамен их мать Вера с сёстрами вышили ризы, украшенные бисером.

Одну из этих икон мы можем довольно уверенно назвать. Скорее всего, это была местночтимая икона Тихвинской Божией Матери, которая почиталась как чудотворная. «По преданию, она принесена из Петербурга крестьянином Щербаковым на руках после того, как он от неё получил исцеление от неизлечимой болезни»⁸⁷.

ЧЕКИСТЫ НАЧИНАЮТ ПРОТИВ МАТУШКИ ВЕРЫ НОВОЕ ДЕЛО

УЖЕ 20 апреля 1934 г. с матери Веры была взята подписка о невыезде⁸⁸. В апреле — мае чекисты допросили большое количество свидетелей, в результате чего на мать Веру был собран

различный «компромат». Чекисты старались использовать против неё любой факт.

14 мая председатель колхоза «Победа» И. А. Голубев показал: «К Меркуловой ходят даже за советом выходить замуж или нет (...) в весеннюю посевную кампанию в самый разгар в д. Шелки было организовано 3 свадьбы»⁸⁹.

Председатель сельсовета Н. Р. Чумак 16 мая показал: «В связи с приездом Меркуловой была подача 2-х заявлений о выходе из колхоза им. Ворошилова, которые мотивировали свой выход тем, что не могут себя обеспечить хлебом»⁹⁰.

К делу была приложена копия заявления Александра Васильевича Смирнова от 5 апреля 1934 г. в правление колхоза «Победа», в котором говорилось: «Прошу правление колхоза исключить меня из колхоза ввиду того, что у меня нет хлеба и у меня на будущий год также не обеспечится, покупать не на што. Один исход ехать на производство. Прошу исключить в просьбе не отказать»⁹¹.

Как видим, в заявлении всё написано предельно ясно: колхозник не может прокормить свою семью, и просит исключить его из колхоза, чтобы уехать в город. Никакая мать Вера тут ни при чём. Но данный случай также отнесли за счёт её «тлетворного» влияния.

Формально колхоз был трудовой артелью, в которую люди вступают добровольно и также добровольно могут выйти. Однако фактически колхоз являлся новым вариантом крепостного права, и уволиться из него было чрезвычайно трудно. Заявление А. В. Смирнова фиксирует начало массового оттока крестьян из сельской местности в города...

Ещё председатель сельсовета Н. Р. Чумак фактически обвинил мать Веру в массовом заболевании колхозных лошадей. Он показал: «(...) до ее приезда в сельсовет в колхозах были все лошади здоровые, а к моменту сева (во время ее пребывания) после того, как к Меркуловой многие перебивали, вышло из строя 17 лошадей»⁹².

Н. Р. Чумак выдал райотделу ОГПУ официальную справку*, в которой говорилось: «Дана настоящая справка Коростелевским сельсоветом в том, что на территории сельсовета конское поголовье было все здоровое, невыбывшее из строя до прибытия Меркуловой Веры на территорию сельсовета т. е. до 5 марта 1934 г. а во время ее пребывания с 5 марта по 23 марта 1934 г. вышло из строя по колхозам 17 штук лошадей (...) благодаря антисоветской агитации»⁹³. И в своих показаниях, и в сельсоветской справке т. Чумак явно намекал, что выход из строя лошадей — это работа агентуры матери Веры.

16 мая 1934 г. парторг Коростелевского куста И. А. Смирнов на допросе показал, что матушка Вера не верит в долговечность колхозов и более того — она не верит, что коммунистическая идея переживёт

* Дата на справке не читается, но ясно, что это май 1934 г.

православие. Он показал: «О том, что колхозы скоро сами развалятся, Меркулова высказалась в сельсовете в присутствии Чумака и Филатова, которые это подтвердят. Было это так, она говорила, что ваша идея не переживет нашу (церковников). На что ей было сказано, что это вредит колхозам, после чего она и высказала то, что они колхозы сами развалятся»⁹⁴.

5 июня 1934 г. уполномоченный Молвитинского райотдела ОГПУ С. Ф. Соколов писал в рапорте на имя начальника райотдела Петрова: «Доношу, что в пределах Коростелевского сельсовета Меркулова В. А., Генеральская А. В., Смирнова М. Л. систематически со дня приезда с 10-го марта занимаются контрреволюционной антисоветской агитацией среди окружающего населения. Меркулова к себе организовала целое паломничество молящихся. Они же распространяют всевозможные слухи»⁹⁵. Начальник райотдела ОГПУ Петров наложил на рапорт резолюцию: «Завести следственное дело, приступить к расследованию. Начальник РО Петров»⁹⁶.

1934 ГОД: ПОПЫТКА ОТДАТЬ МАТЬ ВЕРУ ПОД СУД ОКАНЧИВАЕТСЯ НЕУДАЧЕЙ

«Меркулова Вера Антоновна (...) изобличается в том, что, являясь социально-чуждым и антисоветским элементом, по прибытии из ИТУ в Коростелевский сельсовет Молвитинского района ИПО, выступала против мероприятий Советской власти, главным образом образования колхозов, используя религиозный фанатизм церковников, через организацию к себе массового паломничества, срывала весенний сев в ранние сроки»¹.

Из постановления о привлечении матери Веры в качестве обвиняемой от 20 июня 1934 г.

11 ИЮНЯ 1934 ГОДА: ОБЫСК У МАТУШКИ ВЕРЫ

10 ИЮНЯ 1934 г. уполномоченному Молвитинского райотдела ОГПУ С.Ф. Соколову был выписан ордер на «производство обыска и выемки у гр. Меркуловой Веры Антоновны»². Обыск в доме, где жила мать Вера, произошёл 11 июня. В роли понятых на нём присутствовали: 1) некто А. А. Васильев и 2) келейница матери Веры А.В. Генеральская³.

Примечательно, что, на момент появления чекистов, в доме находилось довольно много людей, пришедших к матери Вере. Всех их переписали в составленный тут же «Список присутствующих в квартире гр-ки Меркуловой В. А. кои являются посетителями в момент производства обыска у Меркуловой 12/VI-34 г.»*. Всего в доме присутствовало 24 посетителя — это были, в основном, женщины из

* Датировка списка 12 июня 1934 г. является, видимо, ошибкой, так как обыск у матери Веры прошёл 11 июня.

В народе бумажки, которые раздавала мать Вера, называли «крестиками». На снимке — подлинные «крестики» из коллекции Н.В. Сотникова

Костромы, Буя, Молвитина, Буйского и Молвитинского районов⁴. Благодаря появлению чекистов мы как бы получаем моментальную фотографию матери Веры в её повседневном быту. Она, как и всегда, окружена людьми.

В ходе обыска была составлена опись имущества, принадлежавшего матери Вере. В ней нет ничего особенного, кроме разве того, что в подвале дома чекисты обнаружили 658 штук яиц⁵. Напомним: большое количество посетителей приносили матери Вере куриные яйца, которые она обычно раздавала другим посетителям. Как писалось выше, при аналогичном обыске в 1931 г. было обнаружено 2400 штук яиц.

Окружение матери Веры и многочисленные люди, как всегда толпившиеся у её дома, конечно, ожидали, что после обыска её арестуют и увезут в Молвитино. Однако, как ни странно, чекисты уехали, не арестовав мать Веру.

После обыска в июне 1934 г. матушку Веру несколько раз привозили на допросы в Молвитино. Особенно чекистов интересовали бумажки с начертанным крестом и указанием мест из Евангелия и Псалтыри (в народе они назывались «крестики»), которые мать Вера раздавала людям в Никольской церкви. Видимо, они надеялись найти в этом какой-то потаённый контрреволюционный смысл. На допросе 12 июня уполномоченный С. Ф. Соколов спросил мать Веру про «крестики» и она ответила: «Я действительно бумажными крестиками с указанием апостолов и псалмов благословляю (...) всех проходящих ко мне». Чекист поинтересовался: «Кто Вам пишет эти крестики?», мать Вера ответила: «Крестики мне пишет, кто придется». Соколов спросил, какую цель она преследует, раздавая «крестики» людям. Ответ матери Веры в корявой записи был таков: «Как верующему вручаю для моления по их просьбе, т.к. они просят для молитвы»⁶.

20 июня 1934 г. чекист С.Ф. Соколов вынес постановление, в котором говорилось: «Гр-ка Меркулова Вера Антоновна (...) изобличается в том, что являясь социально-чуждым и антисоветским элементом, по прибытии из ИТУ в Коростелевский сельсовет Молвитинского района ИПО выступала против мероприятий Советской власти по образованию колхозов, используя религиозный фанатизм церковников, через организацию к себе массового паломничества. Срывала весенний сев в ранние сроки (...) организовывала в отдельных домах массовые сборища для молений (...) неоднократно организовывала посылку взяток в РО ОГПУ, злостно и систематически саботируя, игнорировала, не подчиняясь решениям райисполкома и сельсовета, постановил привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-10, 59-12 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклониться от следствия и суда избрать подписку о невыезде из района»⁷.

20 июня с матушки Веры вновь была взята подписка о невыезде⁸.

МАРИЯ ЛУКИНИЧНА СМИРНОВА: ОРГАНИЗАТОР «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЧИТОК И СБОРИЩ»

ИЗ лиц ближнего окружения матери Веры, помимо А.В. Генеральской, чекисты в этот раз особенно выделили Марию Лукиничну Смирнову. Мария Лукинична Смирнова родилась 1 апреля 1890 г. в д. Борисовское Яхнобольской волости Галичского уезда. Она вышла замуж за Фёдора Алексеевича Смирнова, жителя д. Кочерги, отходника-кирпичника. В 1933 г. её муж за «несдачу льноволокна» был приговорён к двум годам лишения свободы. В заключении он вскоре умер, и поэтому в следственных документах 1934 г. Мария Лукинична проходит как вдова⁹. В 1934 г. Мария Лукинична переехала в Сумароково, где поселилась с матерью Верой, став одной из её помощниц¹⁰.

М.Л. Смирнова была почитательницей матушки Веры. На допросе 14 июня 1934 г. она показала: «Я с Меркуловой знакома с 1931 г. (...). В то время я к ней ходила каждый день, ходила на дом и в церковь. (...). Я в Меркулову верю как в святого человека, посланного богом»¹¹.

Будучи глубоко религиозным человеком, Мария Лукинична каждый день читала Псалтырь и Евангелие и хорошо их знала. Всего при аресте 13 января 1935 г. у неё было изъято 33 церковные книги¹².

В 1934 г. постепенно сложилась практика, что люди, получившие от матушки Веры бумажки с указаниями глав Евангелия и псалмов из Псалтыри, приходили к Марии Лукиничне, и она читала им указанные места. Так как мать Вера раздавала много таких бумажек, то и людей к Смирновой приходило много. Это и явилось причиной обвинения против неё в устройстве «контрреволюционных читок и сборищ».

В постановлении о предъявлении обвинения говорилось, что М.Л. Смирнова «изобличается в том, что, будучи антисоветским элементом и одной из последовательниц Меркуловой, занималась антисоветской агитацией, через средство устраиваемых сборищ под видом молений»¹³.

НОВОЕ ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

24 ИЮНЯ 1934 г. уполномоченным С.Ф. Соколовым было составлено Обвинительное заключение* по делу о матери Вере и её «сообщницах». В нём говорилось: «10 марта 1934 г. в с. Н-Сумароково Коростелевского сельсовета Молвитинского района прибыла из Владимирского ИТУ б. монахиня Н-Сумароковского монастыря Меркулова В.А. (...) Остановившись на жительство в церковной сторожке в с. Н-Сумароково. В связи с ее приездом церковные службы стали совершаться ежедневно. Пользуясь большой популярностью в населении как “святая пророчица”, Меркулова привлекла к себе толпу паломников молящихся, увеличивающуюся с каждым днем»¹⁴.

В результате популярности матери Веры количество богомольцев в Никольском храме резко выросло: «(...) приток молящихся до приезда Меркуловой были от 30 до 50 чел. в день, а с ее приездом увеличились от 400 до 500 чел.»¹⁵.

Влияние матери Веры растёт: «Это влияние распространилось не только в Молвитинском районе, но и близлежащие и отдаленные районы Галичский, Судиславский, Буйский, Палкинский, Костромской, Котельнический и ряд других районов»¹⁶.

Далее следовала ещё одна корявая фраза о «преступлениях» матери Веры: «Пользуясь религиозными предрассудками масс, использовала для контрреволюционной работы, выступала против мероприятий Советской власти, главным образом колхозов, срывала весенний сев в ранние сроки»¹⁷.

Коварная мать Вера подкупает всех, кого только можно: «Из приношений от ежедневно стекающихся богомольцев Меркулова раздает бедняцко-средняцкой и колхозной массе помощь деньгами, тем самым ставя их в материальную зависимость от себя, дает денег тем колхозам, которые будучи ею сагитированы»¹⁸.

Мать Вера пыталась подкупить даже молвитинских чекистов: «Меркулова пыталась подкупить взятками местные органы, неоднократно через Генеральскую проносила взятки в виде подарков в Молвитинский РО ОГПУ. 25/IV-34 г. принесено сливочного масла, сыра, консервов и 22-го мая было принесена головка сыра и подбро-

* Обвинительное заключение написано С.Ф. Соколовым поразительно безграмотно. Часть запятых в документе расставлена нами, иначе получилось бы просто непонятно.

шена в коридоре РО ОГПУ, чем явно хотела дискредитировать органы ОГПУ»¹⁹.

Не был, разумеется, забыт и случай с мужем бывшей воспитанницы матери Веры: «В колхозе “Победа” был подготовлен бригадир Смирнов, до приезда Меркуловой шел на работу охотно, а после приезда Меркуловой, которую стала посещать жена Смирнова, то Смирнов от бригадирства отказался категорически»²⁰.

Почему-то Соколов не упомянул о том, что с момента приезда матери Веры в колхозах Коростелевского сельсовета вышло из строя 17 лошадей, а в разгар весеннего сева в д. Шелки по наущению обвиняемой было сыграно три свадьбы.

В конце заключения С.Ф. Соколов писал, что считает установленным виновность всех обвиняемых и постановляет: «Следственное дело № 17 по обвинению гр-ки Меркуловой В.А., Генеральской А.В., Смирновой М.Л., по согласованию с райпрокурором, направить в ПП ОГПУ по ИПО на судебное рассмотрение»²¹. Начальник райотдела т. Петров утвердил это обвинение.

Нельзя не видеть, что все обвинения против матери Веры были шиты белыми нитками. По сути, её обвиняли в том, что она является религиозно-моральным авторитетом для огромной части жителей района и прилегающих территорий и тем самым объективно противостоит государственной идеологической системе.

Направляя дело Меркуловой «на судебное рассмотрение» в Иваново, молвитинские чекисты наверняка полагали, что мать Вера ответит за свои «преступления» по всей строгости советского закона. Ответ, который они получили в конце лета от вышестоящего начальства, несомненно, поразил их до глубины души.

14 АВГУСТА 1934 ГОДА: «ПРЕДАНИЕ ЕЕ СУДУ ЯВЛЯЕТСЯ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ»

ПОЛУЧИВ из Молвитина бумаги по матери Вере и её послушницам, товарищи из Управления НКВД по Ивановской промышленной области стали с ними работать. 14 августа 1934 г. уполномоченный 3-го отделения Секретно-политического отдела УНКВД по ИПО А.Г. Ильичёв принял постановление по матери Вере.

Его начало не предвещало ничего необычного. Уполномоченный Ильичёв писал: «(...) рассмотрев следственное дело Молвитинского РО УГВ НКВД* по обвинению Меркуловой Веры Антоновны (...) бывшей монахини без определенных занятий, одинокая, судившейся три раза и отбывавшей неоднократно наказание, инвалида (не имеет совер-

* 10 июля 1934 г. ОГПУ СССР было преобразовано в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

шенно ног *) по ст. 58 п. 10 УК. Нашел: Меркуловой инкриминируется обвинение в антиколхозной и контрреволюционной агитации, в распространении контрреволюционных и провокационно-пораженческих слухов среди крестьян о пришествии антихриста, о войне и скорой гибели Соввласти и т.п.»²².

Как видим, всё как всегда. Однако кончалось постановление совершенно неожиданно: «Материалами следствия виновность Меркуловой в контрреволюционной деятельности хотя и установлена, но имея в виду, что она является инвалидкой (не имеет совершенно ног) и передвигается только при посторонней помощи, и предание ее суду является нецелесообразным, а поэтому постановил: следственное дело за № 13135 по обвинению Меркуловой Веры Антоновны производством прекратить и взятую с нее подписку о невыезде с местожительства отменить, копию настоящего постановления направить: начальнику Молвитинского РО УНКВД для исполнения и начальнику УСО УГБ НКВД по ИПО ** для сведения»²³.

Ещё раньше, 9 августа 1934 г., т. Ильичёв вынес аналогичное постановление по делу А.В. Генеральской и М.Л. Смирновой. Эти вообще оказались почти невиновны. В постановлении говорилось: «(...) имеющимися в деле материалами виновность Смирновой и Генеральской в антиколхозной и контрреволюционной агитации и в устройстве нелегальных молитвенных и контрреволюционных сборищ — не доказана»²⁴. В связи с этим уполномоченный Ильичёв постановил: дело против А.В. Генеральской и М.Л. Смирновой «производством прекратить, а взятые с них подписки о невыезде с места жительства отменить»²⁵.

Наверняка известие о прекращении дела против матушки Веры поразило и молвитинских чекистов, и районное руководство, и весь местный актив как гром среди ясного неба. Конечно, они восприняли это — и совершенно справедливо! — как своё очередное поражение в борьбе с матерью Верой. Во второй половине августа чекисты должны были уведомить мать Веру о прекращении дела против нее. Вероятно, кто-то из сотрудников райотдела приехал к ней и сообщил, что дело против неё прекращено, и подписка о невыезде снята.

Чем был вызван такой либерализм со стороны областного начальства НКВД? Ведь пройдет несколько месяцев, и на основании тех же самых фактов мать Вера и её послушницы будут арестованы и осуждены. Почему же налаженная репрессивная машина ОГПУ-НКВД в августе 1934 г. дала сбой?

Ответ на этот вопрос надо искать в политической ситуации 1934 г. Говоря о 1933–1934 гг. историки констатируют определенное «потепле-

* Имеется в виду, что мать Вера не может сама передвигаться, а не то, что у неё совсем нет ног.

** УСО УГБ НКВД по ИПО — Учетно-статистический отдел Управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел по Ивановской промышленной области.

ние». В это время власть пошла на ряд уступок крестьянству, например, колхозникам разрешили держать по одной корове на семью, что с начала коллективизации было запрещено. Произошло существенное ослабление репрессивной политики, был введён жесткий лимит на количество людей, содержащихся в местах заключения. Смягчения политики произошло в связи с целым рядом причин, в том числе и международными обстоятельствами, то есть приходом в январе 1933 г. к власти в Германии нацистов во главе с Гитлером. Противостояние с ними требовало смягчить репрессивную политику внутри страны²⁶.

«Достигнув к началу 1934 г. пика, — пишет М. В. Шкаровский, — гонения на Православную Церковь затем начинают постепенно ослабевать. С весны вновь происходит определённое изменение отношения к религиозным организациям. (...) На отношение к Церкви повлияло не только некоторое общее смягчение внутренней политики, но и перемены на международной арене — установление дипломатических отношений с США, приход в Германии к власти фашистов, а в более глобальном плане отказ, по существу, от концепции разжигания мировой революции»²⁷.

Таким образом, генеральная линия партии сделала определённый зигзаг и на местах послушно последовали за ним. Мать Вера и её послушницы явно попали под эту кампанию, и поэтому начатое против них дело в самый последний момент кончилось ничем. Пасть страшного зверя только лягнула своими зубами, но не проглотила их...

Впрочем, либерализация политики по отношению к Церкви была очень относительной. Внешне всё оставалось по-старому. Наверняка мать Вера слышала о том, что в июле 1934 г. в Костроме прогремели взрывы, превратившие в руины Успенский и Богоявленский храмы в Костромском кремле. Полученный в результате этого кирпич и щебень пошёл на завершение строительства льнокомбината им. И. Д. Зворыкина.

На свободе после развала её дела в августе 1934 г. мать Вера пробыла недолго. В декабре 1934 г. период относительного «потепления» закончился, и в стране вновь стали «закручивать гайки».

ЯНВАРЬ 1935 ГОДА: ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

«Секретно-политическим отделом УНКВД по ИПО ликвидирована существовавшая на территории Молвитинского района контрреволюционная группа монашества, возглавляемая бывшей игуменьей Сумароковского монастыря Меркуловой Верой Антоновной»¹.

*Из Обвинительного заключения против
матушки Веры от 7 марта 1935 г.*

12 ЯНВАРЯ 1935 ГОДА: МАТЬ ВЕРУ ОПЯТЬ АРЕСТОВЫВАЮТ

ПОСЛЕ постановления УНКВД по Ивановской промышленной области от 14 августа 1934 г. актив Молвитинского района вполне обоснованно мог подумать, что с матерью Верой ничего не могут сделать не только районные, но и областные организации.

Ещё несколько месяцев мать Вера пробыла на свободе, и по-прежнему каждый день о. Михаил Иорданский совершал богослужения в Никольской церкви, и каждый день она принимала множество людей... Так продолжалось до января 1935 г. 7 января в Никольском храме состоялась Праздничная литургия в честь Рождества Христова, 8 января — в честь Собора Пресвятой Богородицы. Никто из верующих не знал, что истекают последние часы, когда они видят мать Веру...

Как известно, период относительного «потепления» по отношению к религиозным организациям закончился в первый день зимы 1934 г. 1 декабря 1934 г. в Ленинграде в Смольном, в бывшем «штабе революции», где размещался Ленинградский обком ВКП(б), был убит С.М. Киров — первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), член Политбюро ЦК и секретарь ЦК. В связи с этим по стране прокатилась волна репрессий, направленная, в частности, против всевозможных «бывших». Волна сия не могла миновать и мать Веру. В связи с общим ужесточением репрессивной политики, в начале января 1935 г. в Управлении НКВД по Ивановской промышленной области по Сумароковской подвижнице было принято соответствующее решение.

В Молвитино был послан оперуполномоченный 3-го отделения Секретно-политического отдела Управления НКВД по ИПО Михаил Дмитриевич Кирьянов. Прибыв в Молвитино, 11 января 1935 г. оперуполномоченный М. Д. Кирьянов вынес постановление, в котором говорилось: «...гр-ку Меркулову Веру Антоновну привлечь в качестве обвиняемой по ст. 58, п. 10 УК, меру пресечения избрать: содержание под стражей при ардоме * управления НКВД»². В тот же день, 11 января 1935 г., М. Д. Кирьянов получил ордер «на производство обыска, выемки и ареста гр-ки Меркуловой Веры Антоновны»³.

12 января в доме, где жила матушка Вера, был устроен обыск, после чего М. Д. Кирьянов арестовал матушку Веру, Анастасию Васильевну Генеральскую и Марию Лукиничну Смирнову⁴. В последующие дни были взяты почти все лица из окружения матери Веры. 13 января в с. Сумароково арестовали Капитолину Фёдоровну Смирнову^{5**}, а 26 января в Буйе — Надежду Евгеньевну Шагину. Последнюю сотрудники Буйского райотдела НКВД забрали по адресу: г. Буй, ул. Социализма, д. 32^{6***}.

13 января 1935 г. в Молвитинском райотделе НКВД прошёл первый допрос матушки Веры. Через день-два мать Веру и всех остальных членов «контрреволюционной группы монашества» (как они официально именовались в документах НКВД) отправили в город Иваново.

В СТОЛИЦЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПО-ВИДИМОМУ, 14 или 15 января 1935 г. мать Веру и её послушниц привезли в г. Иваново, где поместили во «внутреннем ардоме**** Управления НКВД»⁷ на проспекте Ленина.

* * *

Нельзя не сказать немного о послереволюционной судьбе г. Иваново-Вознесенска, в 1929 г. ставшего центром Ивановской промышленной области.

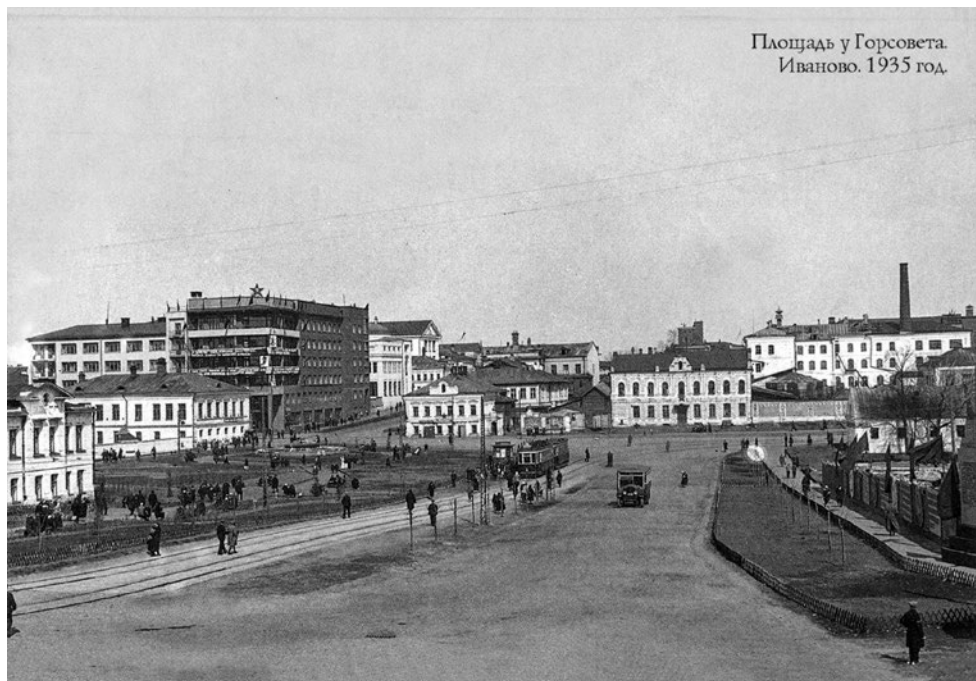
В рамках революции 1917 г. в стране происходила и административно-территориальная революция, в ходе которой, как грибы после дождя, стали появляться новые губернии. От Ярославской губернии откололась Рыбинская губерния, от Новгородской — Череповецкая, от Вологодской — Верхнедвинская (с центром в Великом Устюге) и т. д. и т. п.

* Ардом — арестный дом.

** Вероятно, К. Ф. Смирнову не арестовали 12 января потому, что она присматривала за детьми из приюта, созданного матерью Верой в Сумарокове. Видимо, 13 января вопрос с детьми был как-то решён, и Капитолину Фёдоровну взяли.

*** По-видимому, после ареста матери Веры Надежда Евгеньевна Шагина оставила Сумароково и переехала в Буй.

**** Внутренний ардом (арестный дом) — внутренняя тюрьма, существовавшая при областном управлении НКВД.

Город Иваново. Площадь Революции. Фото 1935 г.

В конце 1917 г. группа шуйских и иваново-вознесенских большевиков во главе с М.В. Фрунзе попыталась перенести центр Владимирской губернии из «монархо-поповского», с их точки зрения, Владимира в пролетарский Иваново-Вознесенск. Потерпев в этом неудачу, М.В. Фрунзе решил создать Иваново-Вознесенскую губернию, а для чего отторгнуть Шуйский уезд от Владимирской губернии, а Нерехтский, Кинешемский и Юрьевецкий — от Костромской.

К сожалению, в условиях хаоса и неразберихи, когда старая система власти уже была развалена, а новая находилась в процессе становления, план Фрунзе, несмотря на массовое сопротивление жителей трёх костромских уездов, удалось претворить в жизнь. Москва, ставшая столицей Советской России, поддержала идею создания «пролетарской губернии». 20 июня 1918 г. коллегия Наркомата внутренних дел приняла постановление «Об образовании Иваново-Вознесенской губернии из частей губерний Костромской и Владимирской»⁸. Таким образом, в ходе революции Иваново-Вознесенск, безуездный город Шуйского уезда, стал центром Иваново-Вознесенской (так называемой «Красной») губернии. Воистину, кто был ничем (в административном отношении), тот стал всем.

В 20-е годы в Иваново-Вознесенске упивались своим губернским статусом, и носилось с ним как с писаной торбой. Для новой губернии придумывали поэтичные эпитеты — «Красная губерния», «Краснот-

кацкая губерния», «Кумачовый край», «Текстильный край», «Рабочий край» и др. Не скупилась на эпитеты и для самого Иванова-Вознесенска — «Красный город», «Третья пролетарская столица», «Родина первого Совета», «Столица советского ситца» и др.

В 1929 г. в ходе укрупнения регионов была создана огромная Ивановская промышленная область (ИПО), в состав которой вошли Иваново-Вознесенская, Владимирская, Костромская и Ярославские губернии. Центром ИПО стал г. Иваново-Вознесенск (с 1932 г. — г. Иваново).

* * *

Монументальное тёмно-серое здание управления ОГПУ по Ивановской промышленной области * было построено на главной улице Иванова, проспекте Ленина, в 1930–1932 гг. (автор проекта — архитектор Н.И. Кадников). По фасаду его украшала мощная колоннада⁹. По уже сложившейся традиции, в народе оно получило наименование «серый дом» **. Примечательно, что здания, в которых размещались городские или областные управления ОГПУ-НКВД, у местных жите-

Иваново. «Серый дом» на проспекте Ленина. Лозунг на фасаде здания гласит: «Под знаменем марксизма-ленинизма – вперед к победе коммунизма!» Фото 1960-х гг.

* Современный адрес: г. Иваново, проспект Ленина, д. 37.

** Второе полуофициальное наименование здания — «Дом-пуля». Название это оно получило потому, что в плане напоминало патрон с острым наконечником. Если учесть, какое учреждение размещалось в «сером доме», то данное наименование звучит весьма двусмысленно.. В Иваново целый ряд домов, возведённых в 20–30-е годы XX в., получил названия по своим архитектурным особенностям — «дом-подкова», «дом-корабль», «дом-птица» и др.

лей обычно получали названия по цвету стен. Отсюда — многочисленные «белые», «жёлтые», «красные», «серые» и прочих цветов дома на просторах нашей Родины. Будучи по форме нейтральными, цветные наименования скрывали страх, который испытывало население перед людьми, работавшими в этих домах. Как писалось выше, в Костроме здание губотдела ОГПУ (ул. Свердлова, д. 11), именовалось «красный дом». Построенное в 30-е годы в Ярославле здание УНКВД (ул. Республиканская, д. 23), как и в Иваново, именовалось «серым домом».

16 января 1935 г. в одном из кабинетов ивановского «серого дома» начальник 3-го отделения СПО Ильичёв допросил мать Веру. Второй допрос состоялся 16 февраля, третий — 20 февраля. В этот раз всё было иначе, чем прежде. Уже не вспоминали о такой мелочи, как случай с мужем воспитанницы матери Веры, который вначале хотел быть бригадиром, а потом расхотел. Теперь из матушки Веры делали идейную руководительницу якобы существовавшей в г. Буе подпольной повстанческой организации «Монархическая партия», которая замышляла восстание и свержение Советской власти. Во главе этой организации будто бы стоял житель Буя Александр Федотович Виноградов, выдававший себя за цесаревича Алексея Николаевича¹⁰. Конечно, вся эта организация являлась плодом фантазии чекистов.

26 января 1935 г. М. Д. Кирьянов вынес постановление об избрании меры пресечения — для продления содержания матери Веры во внутреннем ардоме. В постановлении говорилось: «Гр-ка Меркулова В. А. достаточно изобличается в том, что 1) Одобрив мероприятия создания контрреволюционной повстанческой организации т.н. “Монархическая партия” и “благословила” руководящий состав “Совета” организации и ее членов на вооруженное восстание и свержение Советской власти, 2) В целях удержания верующих масс за церковь инсценировала и выдавала себя за “святую” и “прозорливую”, 3) Оказывала прямое противодействие проводимым мероприятиям Советской власти и общественных организаций путем нелегального воспитания в антисоветском направлении»¹¹.

Правда, в ходе следствия чекисты поняли, что связывать женщину-инвалида с подпольной повстанческой организацией — это чересчур, и спустили данную тему на тормозах.

ПОСЛУШНИК ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ПЁТР СЕРОВ

СПРАВЕДЛИВО полагая, что контрреволюционная группа, состоящая из нескольких женщин и возглавляемая женщиной-инвалидом, будет выглядеть «не очень», чекисты решили включить в её состав хотя бы одного мужчину. Выбор пал на бывшего

населенника Железоборовского монастыря — послушника Петра Серова.

Пётр Федорович Серов (1906–1937 гг.) родился 16 июня 1906 г. в д. Дьяконово Ильинской на Шаче волости Буйского уезда, в семье крестьян Фёдора Григорьевича и Евдокии Фоминичны Серовых, у которых, помимо Петра, было ещё пятеро детей¹².

После революции семья Серовых переселилась в д. Чёрная Горка Буйского уезда. Пётр, видимо, с детства почувствовал в себе призвание к монашеству и в 1925 г., в возрасте 19-ти лет, совершил ответственный шаг — поступил в число братии Железоборовского монастыря в качестве послушника. На допросе 19 января 1935 г. он назвал точную дату поступления в обитель — 8 июля 1925 г.¹³. Конечно, поступление в монастырь в середине 20-х годов было мужественным поступком и не сулило ничего, кроме мученического венца...

В июне 1929 г. Иаково-Железоборовский монастырь был закрыт*, а его старшую братию во главе с настоятелем иеромонахом Серафимом (Гусевым) судили на открытом процессе в Борке и приговорили к разным срокам лишения свободы¹⁴. Как рядовой послушник, Пётр Серов не попал тогда на скамью подсудимых. В 1930 г. он перебрался в Ленинград, где два года служил псаломщиком в Покровской церкви.

16 января 1932 г. Пётр Серов был арестован и обвинён в контрреволюционной деятельности (статья 58, пункт 10 УК РСФСР). 7 июля 1932 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ осудило его на три

На строительстве Беломорско-Балтийского канала имени Сталина.
Фото начала 1930-х гг.

* В литературе обычно ошибочно указывается, что Иаково-Железоборовский монастырь закрыт в 1927 г.

года заключения в концлагере. Свой срок он отбывал в Беломорско-Балтийском исправительно-трудовом лагере (Белбалтлаг) на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени Сталина¹⁵. В марте 1934 г. Пётр Серов был освобождён досрочно (видимо, за ударный труд) и приехал в д. Чёрная Горка Буйского района, к своим родителям¹⁶.

В ноябре 1934 г. Пётр Федорович вернулся в село Борок, к стенам своей закрытой обители. На допросе 19 января 1935 г. он показал: «В ноябре месяце 1934 г. из числа нашей братии бывших монахов Железнодорожного монастыря сошлись мы втроем, т.е. я — Серов, Борисов Серафим и Моряков Сергей, и поселились на жительство в селе Борок Буйского района в келье, оставшейся после ликвидации монастыря, где проживал старый наш собрат монах Варнава Орехов, где и проживали все совместно, вернее до декабря месяца 1934 г. Цель нашего совместного тут проживания была такова, что мы стремились устроиться церковнослужителями в Боровской общине, т.е. в церкви прихода с. Борок»¹⁷ *.

После освобождения из лагеря и возвращения в Буйский район Пётр посещал мать Веру и, по его словам, в 1934 г. был у неё «не менее 5 раз»¹⁸.

19 января 1935 г. Пётр Серов был арестован сотрудниками Буйского райотдела НКВД в д. Чёрная Горка Буйского района¹⁹. На допросе 19 января 1935 г. на вопрос о том, когда он познакомился с матерью Верой, Пётр Серов ответил: «Знаком с Верой Меркуловой с 1932 г., в этом году имел с ней первую встречу и личный разговор»²⁰. Однако его, видимо, подвела память: в 1932 г. он никак не мог познакомиться с матерью Верой, которая сидела тогда во Владимирском центральном. Пётр Серов познакомился с ней или в 1931 г., когда, например, мог приехать к своим родителям из Ленинграда, или в 1934 г., когда освободился из Белбалтлага.

На том же допросе ему был задан вопрос: «Почему Вы отдаете особые почести ей, Меркуловой, имеете к ней особую привязанность и называете ее “матерью Верой”»? В ответ послушник Пётр пропел настоящий гимн матушке Вере. «Почитаю Веру Меркулову и называю ее матерью, — ответил он, — потому что вижу в ней образец чистоты и преданности православию, глубокой веры в бога и религиозного образа жизни, испытавшей и перенесшей за это много страданий. Исходя из этого, считаю ее для себя идеалом и, как религиозный человек, принявший монашеский образ жизни, беру с нее пример на продолжение своего образа жизни, с этой целью навещаю ее, обращаюсь к ней за советами и все получаемые от нее советы-напутствия считаю непреклонным для себя законом, претворяю их в повседневной своей обыденной жизни»²¹.

* В селе Борок, помимо Железнодорожного монастыря, находилась (и находится до сих пор) действующая приходская церковь в честь Рождества Христова.

Далее следователь спросил: «Что вы считаете страданиями, перенесенными Верой Меркуловой и чем они были вызваны?». Вопрос был обусловлен тем, что официально в Советском Союзе никогда не было и не могло быть гонений за религиозные убеждения. И это действительно так: ни один человек в нашей стране не подвергся гонению «за веру» по закону. Всех «церковников» и «религиозников» формально осуждали за контрреволюционные или уголовные преступления. Пётр Серов ответил: «Мне хорошо известно, что мать Вера заключалась в тюрьмы при существующем Советском строе за ее глубокие религиозные убеждения. (...) Применяемые к ней, матери Вере, репрессии (...) я не могу иначе рассматривать, как гонения со стороны властей на православную религию»²².

На допросе 11 февраля 1935 г. Петру снова был задан вопрос о посещениях им матери Веры. Он ответил: «Вернувшись весной 1934 г. из ссылки, я часто навещал матушку Веру, являясь к ней на поклонение как к большой праведнице и молитвеннице. Вместе со мной к Меркуловой несколько раз ходили иеромонахи Борисов П.В. (в монашестве Серафим) и Моряков М.П. (в монашестве Сергей)»²³.

* * *

Расскажем об этих двух иеромонахах.

Схиархимандрит Серафим (Павел Владимирович Борисов; 1906–1994 гг.) родился 14 января 1906 г. в д. Красниково Солигаличского уезда, в крестьянской семье. В 1924–1929 гг. он был послушником Иаково-Железнодорожного монастыря. В очерке «Село Железный Борок», в котором В.Я Шижков пишет о посещении Железнодорожного монастыря летом 1924 г., автор, не называя послушника по имени, явно описывает Павла Борисова:

«Проходим в жилое помещение. Сводчатый потолок и стены небольшой комнаты расписаны немудрым богомазом. Посредине из белых досок самодельный стол. Самовар пускает пары. По стенам шесть коек с грязными

Иеромонах Железнодорожного монастыря Иоасаф (Сазанов) (слева) и послушник Павел Борисов (будущий архимандрит Серафим). Фото конца 1920-х гг.

тюфяками. Возле коек — лапти, опорки, сапоги. В переднем углу, как водится, киот. У окна между кроватями, в простенке, аналой: пожилой монах, спиной к нам, читает божественную книгу. На стенах — клобуки, календарь, расписание службы.

Два паренька, в подрясниках, чистят грибы, третий, постарше, кривой, следит за красавцем в белой рубахе, не то парнем, не то оперным молодым боярином, как тот из свежерезанных прутьев плетет корзину. Этот молодец — ему двадцать пять лет — тоже послушник, сын богатого крестьянина из-под Чухломы. Высокий, статный блондин, лицом нежен, бел, румян, большие голубые, под тонкими черными бровями, глаза, белокурая молодая бородка. Сколько женских сердец было бы раздавлено им до боли, до крови, до смерти, живи он “в миру”! Ему бы русским народным хором управлять где-нибудь в московском купеческом трактире, ему бы с гусями по Руси ходить, былины петь, русскую душу тешить, ему бы стопудовые кули таскать! А вот ушел от богатства, от красавицы-невесты — наверное, с горя на себя руки наложила, — ушел, чтобы замуровать себя заживо в камень, в трудный подвиг, в кольцо зеленых лесов, в колокольные звоны. И ушел недавно, в прошлом году. Что за притча?

— Что же вас заставило уйти? — завожу с ним речь.

— Влечение души. Потянуло.

Он отвечает нехотя, чуя во мне инаковерующего любопытствующего человека, случайного, с ветру, прохожего. Он весь погружен в плетение корзины и жадно ловит каждое замечание кривого спеца.

— На продажу, что ли, плетете? — опять спрашиваю.

— Тем существуем»²⁴.

После закрытия монастыря Павел Борисов в 1930 г. переехал в Ленинград, где стал служить псаломщиком в Троицкой церкви, что в Лесном. В 1930 г. уклонился в Иосифлянский раскол (оставался в нём до 1935 г.).

В 1930 г. Павел Борисов принял монашеский постриг с именем Серафим и был рукоположен в сан иеродиакона. 14 января 1932 г. он был арестован как «участник церковной контрреволюционной монархической группировки ИПЦ». 7 июля 1932 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило о. Серафима к 3 годам лагерей²⁵. Свой срок отбывал в Белбалтлаге, на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

В 1935 г. после освобождения из лагеря иеродиакон Серафим покинул Иосифлянский раскол, приехал в Кострому и принёс покаяние священномученику Никодиму (Кроткову)*, архиепископу Костромскому и Галичскому. 24 марта 1935 г. в Костроме, в Борисоглебской церкви, он был перерукоположен святителем Никодимом в сан иеродиакона.

* Священномученик Никодим (Николай Васильевич Кротков; 1868–1938 гг.), архиепископ Костромской и Галичский, управлял епархией в 1932–1936 гг.

С 1935 г. о. Серафим служил в Петропавловской церкви Солигалича. 6 июня 1937 г. митрополит Ярославский и Ростовский Павел (Борисовский) рукоположил его в Ярославле в сан иеромонаха и определил на службу в с. Солда Солигаличского района. 15 сентября 1937 г. о. Серафим был вновь арестован и 14 октября 1937 г. приговорён к 8 годам заключения в лагере²⁶. Свой срок отбывал в Архангельской области, в 1944 г. был досрочно активирован и вышел на свободу. В 1946–1952 гг. о. Серафим служил настоятелем Никольской церкви с. Саметь (Костромской район), в 1952–1958 гг. — настоятелем Петропавловской церкви Солигалича, в 1958–1961 гг. — настоятелем церкви Воскресения на Дебре (Кострома), в 1961–1968 гг. — настоятелем Никольской церкви с. Коткишево (Нейский район), в 1968–1970 гг. — вновь настоятелем Никольской церкви с. Саметь. С 1971 г. о. Серафим служил в Костроме, в храме Воскресения на Дебре, с 1964 г. ставшим кафедральным собором Костромской епархии. В 1992 г. о. Серафим вышел за штат, в 1993 г. принял великую схиму. Он скончался 13 октября 1994 г., в возрасте 88 лет, и был похоронен под Костромой на кладбище Никольской церкви с. Николо-Трестино²⁷.

Игумен Сергей (Михаил Прокофьевич Моряков; 1898–1967 гг.) родился в д. Пензино Солигаличского уезда, в крестьянской семье. В 1924 г. он поступил в Иаково-Железнодорожный монастырь, где

Иеромонах Железнодорожного монастыря Сергей (Моряков). Фото 1920-х гг.

в 1925 г. был рукоположен в иеродиакона, а в 1927 г. — во иеромонаха. В июне 1929 г. при закрытии монастыря о. Сергей предстал перед судом и получил один год лишения свободы. В 1930 г. он стал священником в с. Георгиевском на реке Обноре (Любимский район Ярославской обл.). В 1931 г. о. Сергей был сослан в Туруханский край. Вернувшись из ссылки в 1934 г., он стал настоятелем Успенской церкви с. Нижний Березовец (Солигаличский район). 6 августа 1937 г. о. Сергей был арестован и 14 октября 1937 г. приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей²⁸. В 1943 г. он досрочно вышел на свободу. В 1945 г. его вновь арестовали и 31 октября 1945 г. приговорили к 10 годам

ИТЛ²⁹. В заключении он находился до 1954 г. Позднее служил на приходах Ярославской епархии, возведён в сан игумена. Скончался в 1967 г.³⁰.

* * *

На допросе 16 января 1935 г. мать Вера подтвердила своё знакомство с этими тремя бывшими насельниками Железнодорожного монастыря и показала: «В одно из посещений я им оказала матерьяльную помощь, выдала по 14 руб. для поездки в г. Кострому к епископу Никодиму Кроткову для переговоров о назначении их на службу в церковь»³¹.

ПРОТИВ МАТУШКИ ВЕРЫ ВЫНОСИТСЯ ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

7 МАРТА 1935 г. было закончено Обвинительное заключение против матушки Веры, начинавшееся фразой вынесенной нами в эпиграф этой главы: «Секретно-политическим отделом УНКВД по ИПО ликвидирована существовавшая на территории Молвитинского района контрреволюционная группа монашества, возглавляемая бывшей игуменьей Сумароковского монастыря Меркуловой Верой Антоновной»³².

Далее этот тезис конкретизировался: «Практическая контрреволюционная деятельность группы заключалась:

1. В активной антиколхозной и антисоветской агитации и пропаганде, дискредитации Советской власти и вождей партии и правительства среди населения.

2. В насаждении среди населения недовольства существующим строем путем распространения провокационных слухов о гонениях на церковь (которых, конечно, в стране Советов нет и быть не может. — *Н.З.*), о пришествии антихриста, кончине мира, гибели Советской власти и т.п.

3. В антисоветской обработке несовершеннолетних.

4. В широком насаждении и разжигании религиозного фанатизма среди верующих масс путем объявления (инсценировки) “святых чудес” и т.п. в контрреволюционных целях.

5. В вымогательстве у населения путем шарлатанства материальных средств (ценностей, денег, продуктов и т.п.)»³³.

История возникновения «контрреволюционной группы монашества» в Обвинительном заключении выглядела так: «В апреле месяце 1934 г. в с. Сумароково, Молвитинского района, после отбытия срока наказания (во Владимирском ИТУ) поселилась на жительство быв. игумена Сумароковского монастыря Меркулова В.А., широко рекламировавшая среди верующего населения “прозорливой”.

С первых дней своего пребывания в с. Сумароково Меркулова при участии своих послушниц-монахинь Генеральской, Смирновой К. и др. путем широкого распространения среди населения слухов о своей “святости,” “чудесах,” “исцелениях” и т.п. объединила вокруг себя большое количество своих последователей и почитателей и под прикрытием религиозной деятельности развернула активную контрреволюционную деятельность среди населения.

В течение 1934–1935 гг. ежедневно к Меркуловой, как к “святой” и “прозорливой” на поклонение, за советом и наставлениями стекалось большое количество паломников из разных мест Советского Союза.

На средства, поступившие от пожертвований и приношений населения, Меркуловой проводилась “благотворительная” деятельность, выразившаяся в оказании материальной помощи крестьянам на уплату налогов, приобретении скота, ремонт строений и т.п. Деятельность эта в основном была направлена на злостную дискредитацию Советской власти и являлась одной из форм насаждения среди крестьян недовольства существующим строем и создания себе широкой популярности среди населения. На эти же средства содержался контрреволюционный бродячий церковный и антисоветский элемент, прибывший из ссылок и т.п.»³⁴

В третьей части документа рассказывалось о «практической контрреволюционной деятельности» группы, возглавляемой матушкой Верой:

«На протяжении 1934–35 гг. группой под прикрытием религиозной деятельности проводилась активная антисоветская и антиколхозная агитация. Приходившим к Меркуловой паломникам-крестьянам давались установки и советы против вступления и за выход из колхозов, против уплаты налогов и выполнений других государственных обязательств на сельскохозяйственные заготовки»³⁵.

«Наряду с антиколхозной и антисоветской агитацией монашеством среди населения дискредитировалось колхозное строительство и Советская власть путем финансирования отдельных колхозов, общественных организаций и т.п. из средств изъятых ими у своих последователей.

Участниками группы распространялись контрреволюционные слухи о гонениях на церковь и верующих, Советской власти, голоде, кончине мира, гибели Советской власти и т.п.

Обвиняемая Генеральская выдавалась среди населения за члена царской семьи Романовых»³⁶.

Особое внимание в документе уделялось созданному матерью Верой своеобразному детскому приюту, в котором, как мы помним, жили дети-сироты и дети, чьи родители находились в заключении: «По инициативе Веры Меркуловой в с. Сумароково было организо-

вано общежитие на 20 чел. несовершеннолетних детей (ссылного духовенства, крестьян и сирот) школьного и дошкольного возраста из ряда районов Ивановской области и Горьковского края. Общежитие это управлялось Верой Меркуловой и содержалось на средства приношений и пожертвований паломников. Монашеством дети обрабатывались в антисоветском направлении, принуждались к посещению церкви, водились на поклонение к Меркуловой и им внушали ее «святость»³⁷. В деле 1935 г. ничего не говорится о судьбе детского приюта, созданного матерью Верой. Вероятнее всего, часть детей взяли родственники, а часть отдали в какой-то из ближайших детдомов, например, в детский дом, который с 1919 г. находился в Галиче в закрытом Никольском Староторжском монастыре.

Заключение завершалось так: «Считая по настоящему делу следствие законченным и обвинение, предъявленном всем обвиняемым доказанным, а поэтому полагал бы настоящее дело за № 166, по согласованию с Ивановским облпрокурором, направить на Особое совещание при НКВД, для внесудебного разбирательства»³⁸. Под заключением стояла подпись — начальник 3-го отделения СПО Новиков. Вряд ли мы ошибёмся, если предположим, что это был бывший уполномоченный Молвитинского райотдела ОГПУ И. Новиков, переведённый на работу в областной аппарат НКВД.

Обвинительное заключение было окончено 7 марта — накануне 8 марта, женского дня, который тогда ещё носил своё историческое название — День международной солидарности работниц. 26 марта 1935 г. заключение утвердил заместитель начальника УНКВД по ИПО В.А. Стырне³⁹.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИГОВОР

В МАРТЕ 1935 г. из Иванова мать Веру в ожидании приговора опять отправили во Владимирский централ (Владимирское ИТУ). Во всяком случае, справка из медсанчасти Владимирского ИТУ, в которой констатировалось, что у неё «паралич обеих нижних конечностей», датирована 15 марта 1935 г.⁴¹. В этот раз мать Вера пробыла в стенах Владимирского централа около четырёх месяцев. Здесь она встретила последние в своей жизни Светлый праздник Пасхи (в 1935 г. она была 28 апреля) и праздник Святой Троицы (16 июня).

21 июня 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР «за участие в контрреволюционной группе» приговорило мать Веру к заключе-

* 17 сентября 1935 г. Владимир Андреевич Стырне (1897–1937 гг.) стал начальником УНКВД по Ивановской области. Этот пост он занимал до 20 июля 1937 г., а потом на него самого стали писать обвинительные заключения. Комиссар госбезопасности 3-го ранга В.А. Стырне был арестован 22 октября 1937 г. в Киеве, где работал начальником III отдела УГБ НКВД Украинской ССР, обвинён в шпионаже и расстрелян 15 ноября 1937 г.⁴⁰

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА	
Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР	
от „21.“ ИЮНЯ 1935 г.	
СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
184. Дело № 166 о МЕРКУЛОВЕ Вере Антоновне, 1874г.р. монашка, судимая.	МЕРКУЛОВУ Вере Антоновне за участие в к.-р. группе заключить в исправтрудлагерь, сроком на ТРИ года, сч. срок с 11/1-35г. Дело сдать в архив.
	
Отв. Секретарь Особого Совещания 	

Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР от 1 июня 1935 г.

нию в «исправтрудлагерь» сроком на 3 года, считая срок с 11 января 1935 г.⁴²

Все остальные — А.В. Генеральская, М.Л. Смирнова, Н.Е. Шагина, К.Ф. Смирнова и П.Ф. Серов* — также получили по 3 года лагерей⁴⁴.

* Согласно «Книге памяти жертв политических репрессий Костромской области», Пётр Фёдорович Серов (1906–1937 гг.) был вновь арестован 5 августа 1937 г. и расстрелян 20 августа 1937 г.⁴³ Мы не знаем, где его арестовали в 1937 г. По-видимому, П.Ф. Серов, выйдя из лагеря досрочно (например, по состоянию здоровья), вернулся в родные места, где его вскоре опять взяли.

19 СЕНТЯБРЯ 1935 ГОДА: СМЕРТЬ В КИРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

«Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть царство небесное».

(Мф., 5, 10).

ПОЕЗД ИДЁТ НА ВОСТОК

В СУДЬБЕ матери Веры после революции прослеживается следующая закономерность: после очередного выхода из заключения её срок пребывания на свободе, как правило, короче предыдущего.

В 1923–1924 гг. она прожила в Галиче девять месяцев. В 1929–1930 гг. срок её жизни на свободе (относительной, конечно, так как она находилась в административной ссылке) в Котельничке составил ровно год. Однако в данном случае её гонители «не виноваты». Если бы на это время не пришлось ликвидация Вятской губернии с её вхождением вначале в состав Нижегородской области, а потом Нижегородского края, то мать Веру арестовали гораздо раньше. Выйдя в 1930 г. из Котельничского домзака, мать Вера прожила на свободе шесть месяцев.

Приехав весной 1931 г. в Сумароково, она пробыла на свободе три месяца. Когда мать Вера весной 1934 г. вернулась в Сумароково, то дело против неё также завели уже через три месяца. И не вина чекистов, что руководство партии пошло на очередной манёвр, в результате чего арест матери Веры в последнюю минуту был отменён, и она смогла прожить вне тюремных стен ещё шесть месяцев.

Жизнь матери Веры в стране Советов всё более и более становилась невозможной. Почитание Сумароковской подвижницы и вечно идущий к ней поток людей, с одной стороны, и действительность 30-х годов с её колхозами, райкомами, отделами ОГПУ и исправительно-трудовыми лагерями, с другой, были в принципе несовместимы.

Само пребывание матери Веры на свободе подрывало идеологические устои советского государства, в котором не могло быть моральных авторитетов, принадлежащих к лагерю гонимых и унижаемых церковников. Мать Вера была обречена постоянно находиться в тюрьмах и ссылках и, в конце концов, получить мученический венец.

Итак, 21 июня 1935 г. Особое совещание НКВД СССР приговорило мать Веру к заключению в «исправтрудлагерь» сроком на 3 года¹. По-видимому, в начале июля мать Веру доставили из Владимира в Иваново, включили в ближайший этап, посадили в вагон и куда-то повезли. Конечный адрес этой поездки — последней в жизни матушки Веры — нам неизвестен, но, учитывая, что её довели до г. Кирова, ясно, что путь поезда лежал на восток — на Урал или в Сибирь. Судя по всему, поезд шёл по маршруту: Иваново — Шуя — Ковров — Горький — Сухобезводное — Шахунья — Котельнич — Киров.

СМЕРТЬ В КИРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

ВЯТСКИЙ историк В.С. Жаравин пишет, что «наказание матушка отбывала в Кировской тюрьме»². Однако мать Вера была приговорена к заключению в исправительно-трудовом лагере, и приговор этот никто не отменил. Скорее всего, по дороге из Иванова женщины, находящиеся в одном вагоне с матерью Верой, увидев, что с ними везут беспомощного инвалида, подняли шум, и начальник конвоя ссадил её в Кирове.

Вятка. Железнодорожный вокзал. Фото начала XX в.

Центральная часть Вятки. Справа виднеется здание старой тюрьмы. Фото начала XX в.

Так мать Вера оказалась в Кировской тюрьме № 1 УНКВД. По нашему подсчёту, это была одиннадцатая тюрьма в её жизни*.

Старинная Вятка стала городом Кировом полгода тому назад. 5 декабря 1934 г. (через четыре дня после убийства С. М. Кирова, уроженца г. Уржум Вятской губернии) постановлением ВЦИК г. Вятка был переименован в г. Киров. Через два дня, 7 декабря 1934 г., постановлением того же ВЦИК бывшая Вятская губерния под названием Кировский край с центром в г. Киров была выделена из огромного Горьковского края.

В Кирове было две тюрьмы. Одна — бывший Вятский тюремный замок — и до сих пор находится в центре города, на высоком берегу над Вяткой**. В 1930-е годы она работала как пересыльная тюрьма. Одна из её невольных обитательниц позднее вспоминала о «Кировской пересылке», где она пробыла месяц в 1937 г., как о «похожей на крепость, тёмной, мрачной на вид»³.

Вторая тюрьма — тюрьма № 1 УНКВД — находилась на улице Труда. В. С. Жаравин полагает, что мать Вера попала на улицу Труда⁴.

* С 1919 г. по 1935 г. мать Вера сидела в тюрьмах: 1) Галичской, 2) Буйской, 3) Костромском исправдоме № 1, 4) Костромской внутренней тюрьме при губотделе ОГПУ, 5) Московской Бутырской, 6) Московской Лефортовской, 7) Кинешемской, 8) Котельнической, 9) Ивановской внутренней тюрьме при УНКВД, 10) Владимирском центре, 11) Кировской тюрьме. В некоторых из этих тюрем она бывала не по одному разу.

** До революции Вятский тюремный замок находился на ул. Острожной. После революции её переименовали в ул. МОПРа, то есть в улицу в честь Международной организации помощи борцам революции. Давно уже нет этой организации, а старая вятская тюрьма всё числится по адресу: ул. МОПРа, д. 1.

Богохранимая Вятка. Вид с реки. Фото начала XX в.

Мать Вера пробыла в Кировской тюрьме около двух месяцев и умерла здесь 19 сентября 1935 г.⁵

Схиигумения Михаила отошла ко Господу в день своего Ангела — в праздник воспоминания чуда Архистратига Михаила, бывшего в Хонех. Мать Вера скончалась в возрасте 49 лет. Отчего она умерла, мы не знаем. Учитывая, что в 1920 г. паралич лишил её возможности ходить, сама жизнь матушки Веры с этого времени являлась подвигом. В лагере, до которого она не доехала, мать Вера со своей инвалидностью была обречена на мучения и гибель. Смерть в Кировской тюрьме избавила её от этих мук.

Место погребения матери Веры неизвестно. Одна из её послушниц, Евфросинья Александровна Боброва, на допросе в 1937 г. упомянула, что мать Вера похоронена в Кирове «на тюремном кладбище»⁶. Однако никакого особого «тюремного кладбища» в Кирове не было. Узников, умерших в местных тюрьмах, хоронили на городских кладбищах — Иоанно-Богословском или Ахтырском⁷.

На одном из этих кладбищ, ныне стёртых с лица земли, и упокоилась мученица матушка Вера.

ПАМЯТЬ О МАТУШКЕ ВЕРЕ

«В вечной памяти будет праведник...»

(Пс. 111, 6)

В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

РАЗУМЕЕТСЯ, подавляющее большинство почитателей матери Веры не знали о том, что она умерла в Кировской тюрьме. Во второй половине 30-х годов многие жители Молвитинского (с 1939 г. — Сусанинского) и окрестных районов надеялись, что пройдёт какое-то время, и мать Вера опять вернётся. Ведь так бывало уже не раз: матушку арестовывали, увозили, но проходило несколько лет, и она возвращалась.

Грянул большой террор 1937–1938 гг., до которого мать Вера не дожила совсем немного. В это время в результате массовых репрессий против духовенства Костромская епархия, как церковно-административная единица, фактически перестала существовать. Причём немалое количество церковных людей, арестованных в 1937–1938 гг., власти обвиняли как пособников «Сумароковской Верушки». Однако и многие её бывшие гонители во время террора сами получили за всё сполна, став жертвами, как писалось позднее, «необоснованных репрессий». Немалое число тех, кто совсем недавно преследовал её, были расстреляны или оказались в лагерях. В их числе — сотрудники дома на Лубянке в Москве, «красного дома» в Костроме, «серого дома» в Иванове, работники органов в Галиче, Буге, Молвитине, Кинешме, Котельниче...

Жертвами террора стали многие активисты и руководители Союза воинствующих безбожников, которых, по законам жанра 1937 г., часто обвиняли в том, что им не могло присниться и в кошмарном сне, — в потворстве и распространении религии.

ПАМЯТЬ О МАТУШКЕ ВЕРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

ЧЕРЕЗ шесть лет после кончины матери Веры на нашу землю пришла огромная беда. Осенью 1941 г., обходя Москву с севера, немцы вплотную приблизились к границам Ярославской

области, в состав которой, напомним, входила тогда большая часть Костромского края. В середине октября 1941 года наш край непосредственно ощутил на себе страшное дыхание войны. Немецкая авиация бомбила Ярославль, Данилов, Любим... Вражеские самолёты появлялись над Костромой и Галичем, их появление сопровождал жуткий вой сирен воздушной тревоги...

Осенью 1941 г. немцы бомбили Буй: здесь основной целью вражеских бомбардировщиков являлся железнодорожный мост через р. Кострому. Бомбежкам подвергались участки железной дороги Буй — Вохтаго и Буй — Любим, в частности, разъезды Ратьково-Рожново, Бродни, Руша и мост через р. Обнору возле Любима¹. Возвращаясь обратно, немецкие самолёты иногда сбрасывали бомбы, которые им не удалось сбросить на Буй, куда попало. В Сусанинском районе одна из таких бомб упала возле крайнего дома в д. Дор Григоровского сельсовета, пять бомб взорвалось на поле, на котором пасся скот близ д. Алексеевское Исаевского сельсовета².

В Первую Мировую войну огромное количество людей приходило к матушке Вере, чтобы узнать о судьбе своих близких, пропавших в пучине войны. Если бы мать Вера по-прежнему жила в Сумарокове, то к ней шли бы и в Великую Отечественную войну. И сколько бы людей шло! Но мать Вера покоилась на кладбище в Кирове, и идти было не к кому.

Во время войны в Сусанинском, Галичском и Буйском районах особым спросом пользовались так называемые «крестики», то есть бумажки с изображением креста, которые мать Вера раздавала людям. Считалось, что эта бумажка спасет её обладателя на поле боя.

Мария Николаевна Чиркова (1924 г.р.), уроженка д. Мякишево Галичского уезда, мать которой, Анна Васильевна, часто ходила к матушке Вере, вспоминала: «Началась война. Местные мужики приходили к маме и спрашивали: “Анна Васильевна, нет ли у тебя ‘крестиков’”?» Знали, что мама в церкви служила. А “крестиков” у нее на всех не было (...). Она им отдала талончики матушки Веры, которые и зашили жены этих мужиков им в карманы гимнастеров. И эти талончики всегда были при них. Эти мужчины пришли с фронта живые. Потом, после войны, говорили Анне Васильевне, что ее “крестики” и спасли их от гибели»³.

Во время войны появилась легенда о том, что мать Веру видели на фронте. Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.), уроженка д. Моклоки Буйского уезда, рассказывала: «Её видели на фронте те, кому дано было видеть. Она присутствовала там явно, помогая и спасая раненых»⁴.

Известны случаи, когда в войну мать Вера являлась к своим знакомым. Александра Николаевна Смирнова (1928 г.р.), жительница д. Замятино, мать которой была дружна с матушкой, позднее вспоми-

нала: «В 1944 году от моего брата, Михаила Николаевича Смирнова, не было никаких вестей с фронта в течение трех лет. Моей маме, Александре Васильевне, было как бы видение. Она перед тем, как заснуть, ясно, сознательно видит матушку Веру, говорившую ей: “Саша, ты не расстраивайся за Мишу, не плачь. Он жив и в плену, и жить тебе придется с ним”. Матушка после этого исчезла, а мама заснула. Вскоре Миша прислал письмо, и родные узнали, что он жив и находился в плену, что ноги у него перебиты. В этом же, 1944 году, он приехал домой в Буй (с 1935 года мы живем в Бую)»⁵.

В своё время некоторым из тех, кто бывал у неё, мать Вера предсказала, что они уцелеют на войне. Валентин Николаевич Рослов (1923 г. р.), житель д. Дмитриево Новографского сельсовета Буйского района, в 1934 г. в возрасте 11 лет в распутицу отвозил на лошади бабушек из своей деревни к матушке Вере. Матушка позвала его к себе, он поднёс ей миску с малиной, она же дала ему большое крупное яблоко и при этом сказала: “В огне гореть будешь, а живой останешься”. Позднее он вспоминал: «Больше я матушку Веру не видел. Это был единственный случай. Воевал в Великую Отечественную войну на танке, дошел до Берлина, был ранен, но вернулся живой. На фронт попал, когда исполнилось мне полных 17 лет»⁶.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЛЕГЕНДЫ О МАТЕРИ ВЕРЕ

ПОСЛЕ войны среди почитателей матери Веры бытовали легенды о том, что её видели в разных местах — в Кинешме или Бую. Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г. р.), уроженка д. Моклоки Буйского уезда, рассказывала, что после войны «прошел слух, что она (мать Вера. — *Н.З.*) находится в одном из монастырей Америки, куда она попала после окончания войны»⁷.

Слухи о том, что мать Веру видели где-то, ходили до самого конца XX в. В 1991 г. газета «Сусанинская новь» сообщала: «Некоторые уверены, что она (мать Вера. — *Н.З.*) до сих пор жива и будто бы ее видели женщины из соседнего района в Загорском монастыре* и узнали, только де она не открылась им»⁸.

Ещё в 1992 г. Мария Дмитриевна Шувалова (1923 г. р.), жительница Галича, рассказывала о Валентину Ратькову: «Недавно у меня дома был проезжий монах, родом из Подмоскovie. Ехал он на Афон. Говорил, что был в Иерусалимском монастыре и там находится одна монашенка. Зовут ее Вера. Сидит во всем белом в кресле. Возле нее постоянно находятся две послушницы, а перед креслом сделан деревянный барьерчик. Сказал также, что ей 120 лет, и выглядит она хорошо. (...) Он все смотрел на фотографию матушки Веры, что у меня

* Имеется в виду Троице-Сергиева Лавра в г. Загорске, которому тогда ещё не было возвращено историческое имя Сергиев Посад.

в раме под стеклом. Говорил, что очень похожа на ту матушку Веру, что в Иерусалиме»⁹.

ЛИТЕРАТУРА О МАТЕРИ ВЕРЕ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВВ.

ПРИТОМ, что в послевоенное время в Сусанинском, Буйском и Галичском районах большое количество людей продолжали помнить и почитать мать Веру, имя её в течение долгого времени, разумеется, находилось под негласным запретом.

Н. В. Сотников пишет, что в Галиче «с конца 30-х годов XX века люди боялись говорить о святой Верушке. Как вспоминает внучка Ивана Фёдоровича Скорнякова, Антонина Павловна Скорнякова, до самой смерти Сталина мать просила нас (детей) нигде не говорить об Анне и святой Верушке, а если кто будет спрашивать, просто уходить»¹⁰. Упомянутая здесь Анна — это Анна Ивановна Скорнякова, одна из послушниц матери Веры.

Первым, кто публично вспомнил о матери Вере в послевоенное время, был основатель Сусанинского краеведческого музея Борис Васильевич Белоцерковский (1893–1971 гг.). Разумеется, в советское время он мог упоминать о ней только в строго определённом духе. В своей брошюре «На родине Ивана Сусанина», вышедшей в 1959 г., в разделе о коллективизации в Молвитинском районе Б. В. Белоцерковский писал: «Через 13 лет после установления Советской власти у молвитинских крестьян появилось стремление к коллективному хозяйству. (...) Кулачество развернуло бешеную борьбу против коллективизации. В районе возник своеобразный центр антиколхозной агитации, состоявший из кулаков, спекулянтов, бывших монашек»¹¹. Здесь, как видим, имя матери Веры прямо ещё не упомянуто.

Через десять лет, в 1969 г., в статье «Так рождались колхозы на сусанинской земле» Б. В. Белоцерковский впервые назвал её имя: «Прежде всего, враги развернули антиколхозную агитацию, полную клеветы и злобы. Газета “Правда” писала, что появилась в Сумарокове бывшая помещица Меркулова, известная авантюристка выдает себя за “святую”... кулаки используют авантюристку в своей борьбе против колхозного строя, против Советской власти... её “святость” придумана кулаками для того, чтобы поймать на удочку отсталые элементы из бедноты и середняков. Около Меркуловой (“Веры-босоножки”) образовалось “черное гнездо” из кулаков, спекулянтов и бывших монашек, которые вели “подрывную работу”. “Правда” требовала “привлечения авантюристки и её помощников к ответственности за контрреволюционную агитацию” и “немедленное выселение из района”»¹².

Как видим, Б. В. Белоцерковский полностью повторял статью о матери Вере из «Правды» 1931 г. Впрочем, другого в 1969 г. быть и не

могло. Ситуация стала меняться лишь в годы «перестройки». В начале 1991 г. в районной газете «Сусанинская новь» (бывший «Колхозный клич») появилась статья Т.С. Вилковой «Про веру, монастырь и Верушку»¹³, в которой впервые за много лет о матери Вере писалось в доброжелательном и спокойном тоне.

С начала 1990-х годов, когда открылся доступ к следственным делам матери Веры 20–30-х годов, стали появляться работы о ней, основанные на официальных документах.

В 1994 г. в журнале «Губернский дом» была опубликована статья костромского историка Л.И. Сизинцевой «Голоса», посвящённая судьбам матери Веры и иеромонаха Жезноборовского монастыря о. Иоасафа (Сазанова)¹⁴. Вновь о матери Вере Л.И. Сизинцева писала в статье «Свято-Троицкий монастырь», вышедшей в 1999 г.¹⁵. В 2004 г. в VII томе «Православной энциклопедии» вышла статья о матери Вере, написанная автором этих строк¹⁶. Выше сообщалось, что в ней мы ошибочно указали местом рождения матери Веры с. Новое, что в Телякове. В 2015 г. вышла книга галичского краеведа Н.В. Сотникова «Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII и середина XX вв.», где на основе рассказов старожилов повествуется о жизни матери Веры в Галиче (глава «Воспоминания жителей Рыбной слободы о святой Верушке»)¹⁷.

Долгое время костромские авторы ничего не знали о том, как и где окончила мать Вера свои дни.

Л.И. Сизинцева в 1999 г. писала: «Где, когда и как предала свою неукротимую душу Богу эта женщина, не знают даже документы ОГПУ. Она просто исчезла, что породило множество версий и слухов»¹⁸. Автор этих строк писал 2004 г. в «Православной энциклопедии»: «21 июня 1935 г. особое совещание при НКВД СССР приговорило В. к 3 годам ИТЛ, для физически беспомощной женщины такой приговор был равнозначен смертному. По нек-рым данным, ее отправили в один из лагерей Урала, где, скорее всего, в ближайшие годы она и скончалась»¹⁹.

Наконец, в 2011 г. в Вятке (Кирове), в газете «Вятский епархиальный вестник», была опубликована статья историка В.С. Жаравина «Матушка Вера», в которой на основе следственного дела 1930 г. рассказывалось о жизни матери Веры в Котельнической ссылке. В статье впервые назывались место смерти матери Веры — Кировская тюрьма, и её точная дата — 19 сентября 1935 г.²⁰.

В 2018 г. в Вятке (Кирове) вышла книга котельничского историка Е.И. Горева «Революция и Церковь на Котельничской земле: храмы и люди», одной из главных героинь которой является мать Вера: ей посвящена глава «Игуменья Вера и её послушницы»²¹. В 2019 г. вышла в свет книга автора этих строк «Макариево-Решемский монастырь: вехи истории» (Кинешма, 2019), в которой матери Вере посвящены

по благословию архиепископа вятского и словодского МАРКА

ВЯТКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№ 4 (282) 2011

МАТУШКА ВЕРА

ПОДВИЖНИК БЛАГОСТИ

15

МАТУШКА ВЕРА — это с любовью и любовью Матушка Вера, которая в своей жизни была примером для многих. Она жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

В 1900 году Матушка Вера вышла замуж за Николая. Они жили в деревне. Матушка Вера была доброй хозяйкой. Она любила свою семью. Она была матерью. Она была женой. Она была дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

Матушка Вера жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

Матушка Вера жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пасхальное послание Высокопреосвященного Марка, архиепископа Вятского и Слободского, вестному духовенству, преподаному монашеству и боголюбивой пастве земли Вятской

РЕСЪРЪСІЕ
ХІТЪ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Сидоровский Монастырь

№ 4 (282) 2011

ВЯТКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

15

ПОДВИЖНИК БЛАГОСТИ

МАТУШКА ВЕРА

ПОДВИЖНИК БЛАГОСТИ

15

МАТУШКА ВЕРА — это с любовью и любовью Матушка Вера, которая в своей жизни была примером для многих. Она жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

В 1900 году Матушка Вера вышла замуж за Николая. Они жили в деревне. Матушка Вера была доброй хозяйкой. Она любила свою семью. Она была матерью. Она была женой. Она была дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

Матушка Вера жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

Матушка Вера жила в миру, но ее сердце принадлежало Богу. Она была доброй, кроткой, трудолюбивой женщиной. Ее жизнь была посвящена служению Богу и людям. Она была матерью, женой, дочерью. Она была всем. Она была Матушкой Верой.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пасхальное послание Высокопреосвященного Марка, архиепископа Вятского и Слободского, вестному духовенству, преподаному монашеству и боголюбивой пастве земли Вятской

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Сидоровский Монастырь

Статья В.С. Жаравина «Матушка Вера» в газете «Вятский епархиальный вестник» за апрель 2011 года

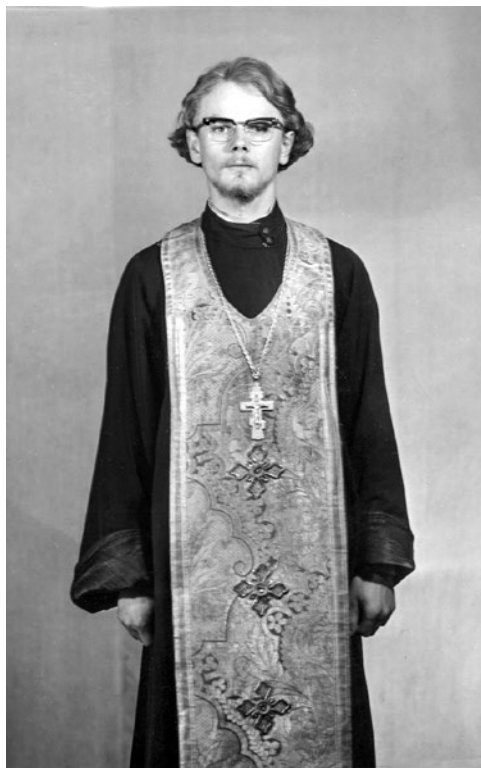
две главы («Мать Вера Меркулова и Решемский монастырь» и «Мать Вера Меркулова: судьба после революции»)²².

«ВОСПОМИНАНИЯ О МАТУШКЕ ВЕРЕ МЕРКУЛОВОЙ»: ТРУД О. ВАЛЕНТИНА РАТЬКОВА

В 80-е и начале 90-х годов XX в. настоятель Никольской церкви в с. Соболево Сусанинского района, протоиерей Валентин Ратьков, создал поразительный труд о матери Вере — он записал воспоминания большого количества людей, которые знали и видели её.

Валентин Владимирович Ратьков родился 5 декабря 1956 г. в с. Сидоровском Красносельского района Костромской области, в семье работников Сидоровской ювелирной фабрики. В 1972 г. он окончил 8 классов Сидоровской средней школы, а в 1976 г. — Костромской автотранспортный техникум. В 1976–1977 г. служил в армии.

С детских лет Валентин Ратьков чувствовал особую тягу к служению в храме, и 14 ноября 1977 г. он стал псаломщиком Благовещенской церкви с. Протасово Нерехтского района. 19 марта 1978 г. архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Ярославский) рукоположил его в диакона, а 27 марта 1978 г. — во священника. С 3 апреля 1978 г. о. Валентин служил настоятелем Христорожественной церкви

Священник Валентин Ратьков. Таким он приехал на службу в Соболево. Фото 1978 г.

в с. Спас-Верховье* Судиславского района. С 22 сентября 1978 г. он — настоятель Никольской церкви с. Соболево Сусанинского района. 20 марта 1991 г. возведён в сан протоиерея. Освобождён от должности 1 июня 1991 г. С 1 июня 1991 г. о. Валентин — настоятель Одигитриевской церкви с. Ушаково Буйского района (освобождён 23 марта 1992 г.). 23 марта 1992 г. он — настоятель Успенской церкви с. Погост-Успенье Галичского района. Освобождён от должности 8 февраля 2011 г. согласно прошению. Скончался 6 марта 2016 г.²³.

Когда в 1978 г. о. Валентин приехал в Соболево, в нём оставалось ещё шесть домов, в которых жили старые бабушки. Уже через год-два в деревне** не осталось никого. Своим служением здесь о. Валентин продлил существование Соболева на десяток лет.

Само служение о. Валентина в опустевшей деревне было под-

вигом. Его горожанка-супруга не выдержала тягот сельской жизни и уехала в город. Отец Валентин тоже мог уехать, но он знал, что нужен последним старикам и старухам прихода, доживавшим свою жизнь в заброшенных деревнях округи. Они всё ещё посещали храм, в котором их когда-то крестили и венчали. Почти всех их о. Валентин отпел и похоронил на своём церковном кладбище... В период «перестройки» настоятель храма в Соболево стал героем документального фильма «Спаси и сохрани», который был снят в 1988 г. на киностудии Центрнаучфильм.

С первых дней своей службы в Сусанинском районе о. Валентин постоянно слышал от прихожан рассказы и предания о матушке Вере. Понимая, что весь этот массив памяти уйдёт через несколько лет вместе с его носителями, он стал записывать воспоминания старожилов. Всего о. Валентин записал воспоминания 49 человек. Это были

* Как писалось выше, до революции из Спас-Верховья ежегодно 6 июля приносилась в Свято-Троицкий монастырь чудотворная Полонская икона Божией Матери (ныне находится в церкви Иоанна Златоуста в Костроме).

** Ко времени прибытия о. Валентина Соболево уже утратило статус села и официально числилось деревней²⁴.

Никольский храм в Соболеве. Фото 1980-х гг.

жители Сумароковской округи, Сусанина, Буя, Галича. Получилась довольно большая работа, в конце которой стоит дата её окончания — 14 февраля 1993 г.

Значение труда о. Валентина сложно переоценить. Среди записанного им — целый ряд бесценных свидетельств современников матери Веры. Да, в его записях много того, что проходит по разделу «народная мифология» или «фольклор», но и это тоже очень важно и ценно. В нашей книге мы постоянно ссылаемся на труд о. Валентина.

К своим записям о. Валентин приложил несколько исторических материалов — в основном это публикации из газеты «Сусанинская новь», посвящённые матери Вере и Свято-Троицкому монастырю. Самое ценное приложение — это работа по истории монастыря и Дома инвалидов, которую написал один из пациентов Дома инвалидов — Н. Седых. Работа написана 1967 г. на основе воспоминаний местных старожилов, среди которых было и несколько бывших насельниц Свято-Троицкого монастыря. Копия с тетради, в которой была написана работа Н. Седых, хранилась в Сумароковской школе.

Ещё при жизни о. Валентин передал машинописные копии своего труда в разные места. Один экземпляр — в Сусанинский краеведческий музей, другой — редактору епархиальной газеты «Благовест» о. Вячеславу Шапошникову* (последний передал его автору этих строк).

Сам о. Валентин не дал своему труду никакого названия. Мы назвали его — «Воспоминания о матушке Вере Меркуловой».

* Протоиерей Вячеслав Иванович Шапошников (1935–2012 гг.) был редактором епархиальной газеты «Благовест» в 1990–2012 гг.

СУДЬБЫ СОРАТНИКОВ МАТУШКИ ВЕРЫ

*Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

М.Ю. Лермонтов «Бородино»

С НАЧАЛА 20-х годов мать Веру всегда окружала группа послушниц и помощниц. Членов этой небольшой общины периодически арестовывали, ссылали, но на место «павших» всегда вставали новые «бойцы». Расскажем о судьбах людей из ближнего окружения матушки Веры после её кончины.

АНАСТАСИЯ ВАСИЛЬЕВНА ГЕНЕРАЛЬСКАЯ

А НАСТАСИЯ Васильевна Генеральская (1902–1963 гг.) родилась в с. Назарьево Лежневской волости Ковровского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье. С 1925 г. она была послушницей матери Веры, сопровождала её во все ссылки.

Как писалось выше, 21 июня 1935 г. Особое совещание НКВД СССР приговорило А.В. Генеральскую к трём годам исправительно-трудовых лагерей. В каком лагере она сидела, мы не знаем. В 1938 г. Анастасия Васильевна освободилась и вернулась в Молвитинский район. Она поселилась в д. Замятино близ Сумарокова, где её приютил Николай Федосеевич Смирнов — старый почитатель матери Веры.

Дочь Н.Ф. Смирнова, Александра Николаевна Смирнова (1928 г.р.), позднее вспоминала, что в их доме в Замятине обычно останавливались паломники, идущие к матери Вере издалека: «Все паломники, приходившие и приезжавшие к матушке Вере, находили приют под его кровом. К матушке ходили целыми табунами, по 300 километров до неё пешком добирались. Все соседи только и указывали на наш дом»¹.

В 30-е годы Николай Федосеевич, отец восьмерых детей, приютил в своём доме «несколько монашенок», которые жили у него «в рубленом чулане-горенке»². В этом же чулане-горенке поселилась

Игуменя Анастасия (Генеральская). Фото 1950-х гг.

и Анастасия Васильевна. Однако вскоре над ней снова сгустились тучи. Александра Николаевна Смирнова свидетельствует: «Однажды ночью приходит к отцу председатель сельсовета и говорит: “Увози, Николай Федосеевич, своих,, черных ворон” побыстрее куда угодно, иначе тебя и всю семью сошлют...” Сказал также, что было совещание и назревает вопрос о выселении всей семьи, поскольку в его семье нашли приют “черные вороны”. Бакланов Николая Федосеевича в глубине души очень уважал, а потому и счел нужным предупредить его загодя. И папа этой же ночью увез их в Буй. Там они после купили небольшой домик по ул. Октябрьской революции и доживали в нем. Их имена: Евфалия, Анастасия и Зоя немо-глухая»³. Упомянутая в рассказе Анастасия — это, несомненно, Анастасия Васильевна Генеральская. Бакланов же, скорее всего, это — упоминавшийся выше Александр Иванович Бакланов (1896 г.р.), житель д. Коростели, который в 1931 г. был председателем колхоза «Победа». К концу 30-х годов он, как видим, стал председателем исполкома Коростелевского сельсовета.

Так Анастасия Васильевна оказалась в Бую. Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.) вспоминала, что в Бую Анастасия Васильевна «воспитывала четверых детей-сирот расстрелянного отца Петра Образцова»⁴ (подробнее об этом будет ниже).

То ли ещё при жизни матушки Веры, то ли в послевоенное время Анастасия Васильевна приняла монашество. Жена Иннокентия Петровича Образцова (сына о. Петра Образцова), Ия Александровна

Буй. 1963 год.
Похороны
игумении
Анастасии
(Генеральской)

Образцова (1936 г. р.), свидетельствует, что матушка Анастасия носила сан игумении⁵. По-видимому, при монашеском постриге её нарекли Анастасией — в честь одной из святых, носившей это имя.

Сохранилась фотография, снятая, видимо, в конце 50-х годов в Костроме, в доме Канторовых, друзей матушки Анастасии, на ул. Ново-Полянской. На снимке матушка Анастасия стоит на фоне икон на стене, на голове её белый монашеский апостольник, в руках икона Божией Матери. То, что на ней надет апостольник, который носят только монахини, подтверждает факт принятия ею монашеского пострига.

Игумения Анастасия (Генеральская) умерла в 1963 г. в Бую. Её отпевание состоялось в Воскресенской церкви⁶.

Жительница Буя Евдокия Павловна Мамаева в 1980-е годы вспоминала: «Генеральская Анастасия Васильевна похоронена на кладбище г. Буя. Над ее могилой имеется двускатная железная крыша, сама могила обнесена металлической оградой. У основания креста имеется остекленный футляр, в котором раньше горела лампада. Я ходила каждый день на её могилу и зажигала эту лампаду. Мой дом недалеко от кладбища, поэтому мне это было не в тягость. Футляр этот небольшой, с крестом наверху. Сейчас лампада на могиле Настеньки не горит: хулиганы её опрокидывали, а то и вовсе выкидывали и разбивали. Крест от футляра впоследствии отломали и унесли. Сейчас я нечасто бываю на могиле у Настеньки.

В тюрьме Анастасия Васильевна прошла все издевательства, много всего перенесла. (...) Вернулась она вся избитая, жила в моем доме около года, до самой смерти. Предсказала всю мою жизнь. Дуняша (Евдокия Ивановна из Костромы) говорила про Настеньку, что

Могила игуменни
Анастасии
(Генеральской)
на Буйском
кладбище.
Фото
А.А. Смирнова.
2020 г.

она — Ангел на земле. Настеньке было многое открыто, была она прозорлива»⁷.

Могила А.В. Генеральской на буйском кладбище сохранилась до наших дней. Она обнесена металлической оградой и перекрыта двускатной крышей. Подобной крыши нет больше ни над одной могилой на кладбище, что говорит о том, как почитали Анастасию Васильевну буювляне. На металлическом кресте помещена овальная фотография сподвижницы матери Веры, на которой написано: Анастасия Васильевна Генеральская.

Внутри ограды находится ещё одна могила — здесь похоронен бывший железнодорожник-машинист Александр Сергеевич Найдёнов, высоко почитавший Анастасию Васильевну. Он участвовал в её похоронах и завещал похоронить себя рядом с ней.

КЛАВДИЯ НИКИФОРОВНА ШАТОВА

КЛАВДИЯ Никифоровна Шатова родилась в 1899 г. в д. Гостицево Котельничского уезда Вятской губернии, в крестьянской семье. Как мы помним, она была квартирной хозяйкой матушки Веры в Котельниче с сентября 1930 г. по март 1931 г. В марте 1931 г. Клавдия Никифоровна уехала вместе с матушкой Верой в д. Исаково Молвитинского района. На момент ареста матушки Веры в 1931 г. её не было в Исакове, видимо, она находилась в отъезде в Котельниче.

В мае 1935 г. в Котельничском районе чекисты арестовали 13 человек, обвинённых в членстве в «контрреволюционной организации». Среди них была и Клавдия Никифоровна Шатова. Членов этой «организации», в частности, обвиняли в том, что они занимались кон-

треволюционной деятельностью под руководством игумении Веры Меркуловой.

Клавдию Никифоровну арестовали в Котельниче 10 мая 1935 г. Обвинения, предъявленные ей, состояли в том, что она «являлась непосредственно близким лицом к игуменье Меркуловой, сопровождала её в заключение в город Кострома и в город Владимир. В 1930 году оказывала материальную поддержку организации “Партия монархистов”, выполняя роль связиста. При обыске обнаружено 59 адресов лиц, близких к Меркуловой. (...) Квартира Шатовой в городе Котельниче являлась явочной квартирой, куда съезжались видные члены контрреволюционной организации»⁸.

2 октября 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило К.Н. Шатову к 3 годам лагеря⁹. Дальнейшая её судьба неизвестна.

ЕВФРОСИНЯ АЛЕКСАНДРОВНА БОБРОВА

ЕВФРОСИНЯ Александровна Боброва родилась в 1902 г. в д. Бобровы Котельничского уезда Вятской губернии, в крестьянской семье. Евфросинья Александровна познакомилась с матушкой Верой в 1930 г. в Троицком соборе Котельнича. В 1934 г. она приехала к ней в Сумароково и несла послушание прачки. По-видимому, в январе 1935 г. чекисты не польстились на арест прачки, и Евфросинья Александровна вернулась в д. Бобровы в Котельничском районе, где стала петь в хоре Тихвинской церкви с. Вишкиль.

Ближайшее будущее показало, что чекисты недооценили Евфросинью Александровну. Каким-то образом она узнала о смерти матери Веры в Кировской тюрьме и в 1936 г. решила перезахоронить её останки из Кирова. По данным следствия 1937 г., Евфросинья Александровна сказала одной своей знакомой: «Мы решили на тайном собрании в деревне Софроново выкопать тело игуменьи Веры Меркуловой, похороненной в городе Кирове и перевезти в другое место, а то там большевики топчут её могилу»¹⁰. На допросе Евфросинья Александровна не стала этого отрицать и показала: «В 1936 году я действительно ездила в город Киров и ходила на тюремное кладбище с целью, чтобы найти могилу Веры Меркуловой, но её могилу я не нашла и в тот же день вернулась обратно в город Котельнич»¹¹.

По-видимому, план извлечения останков матери Веры с кладбища остался неосуществленным, но само его появление показывает Евфросинью Александровну как энергичную и мужественную женщину. Где она собиралась перезахоронить останки матери Веры, если бы её замысел удался, мы не знаем. Может быть, это было кладбище в Котельниче.

Евфросинью Александровну Боброву арестовали 25 сентября 1937 г. в составе группы из четырёх человек прихожан. Её единствен-

ную из арестованных увезли в г. Киров, хотя всех остальных отправили в Котельнич.

Е. А. Бобровой было предъявлено обвинение в том, что она являлась «участницей контрреволюционной церковно-монархической группировки, вела контрреволюционную и антиколхозную агитацию. Распространяла контрреволюционные клеветнические измышления о руководителях ВКП(б) и Советской власти»¹². 1 ноября 1937 г. Тройка УНКВД по Кировской области приговорила её к 10 годам лагерей¹³.

В сентябре 1947 г. Ефросинья Александровна вернулась в родную деревню. В начале 1949 г. её вновь арестовали. 2 апреля 1949 г. Особое совещание при МГБ СССР приговорило Е. А. Боброву к трём годам ссылки в Казахстане¹⁴. Её дальнейшая судьба нам неизвестна.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА НЕИЗВЕСТНА...

СУДЬБА большинства послушниц матери Веры после их осуждения на ссылку или лагерь нам неизвестна.

Напомним их имена.

Ксения Васильевна Соловьёва (1888 г.р.), уроженка д. Барашково Шушкодомской волости Буйского уезда. Насельница Свято-Троицкого монастыря с 1911 г. Одна из ближайших послушниц матушки Веры. В 1925–1928 гг. жила с матушкой Верой в Кинешме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Прасковья Михайловна Елшина (1899 г.р.), уроженка г. Галич. Арестована в Котельниче 7 мая 1930 г. в ходе следствия по делу матушки Веры. 19 мая 1930 г. Тройка при Постоянном представительстве ОГПУ по Нижегородскому краю приговорила её к 3 годам ссылки в Северный край. Дальнейшая судьба неизвестна.

Анна Ивановна Скорнякова (1901 г.р.), уроженка г. Галич. Арестована вместе с матушкой Верой 13 июля 1931 г. в д. Исаково. 2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило её к 3 годам ссылки в Северный край. В 30-е годы Анну Ивановну будто бы видели в Казахстане¹⁵. В Галич она так и не вернулась. Её родные и старожилы Галича считают, что Анну Ивановну расстреляли, хотя никаких официальных сведений на этот счёт нет¹⁶.

Екатерина Ивановна Пименова (1904 г.р.), уроженка д. Охотино Говеновской волости Галичского уезда. Арестована вместе с матушкой Верой 13 июля 1931 г. в д. Исаково. 2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило её к 3 годам ссылки на Урал. Дальнейшая судьба неизвестна.

Надежда Евгеньевна Шагина (1890 г.р.), уроженка д. Асташево Галичского уезда. Арестована вместе с матушкой Верой 13 июля 1931 г. в д. Исаково. 2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило её к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь. Отбыв

ссылку, летом 1934 г. Надежда Евгеньевна вернулась к матушке Вере в Сумароково. Арестована 26 января 1935 г. в Буге. 21 июня 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило её к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

Евфросинья Кирилловна Карепина (1880 г.р.), уроженка д. Ильинская Аргуновской волости Никольского уезда Вологодской губернии. Насельница Макариево-Решемского (с 1903 г.) и Свято-Троицкого (с 1911 г.) монастырей. Арестована 22 апреля 1921 г. вместе с матушкой Верой и заключена в Галичскую тюрьму. Освобождена в конце апреля. Вновь арестована с матушкой Верой 13 июля 1931 г. в д. Исаково. 2 октября 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило её к 3 годам ссылки в Казахстан. Дальнейшая судьба неизвестна.

Капитолина Фёдоровна Смирнова (1909 г.р.), уроженка Москвы. Арестована вместе с матушкой Верой 13 января 1935 г. в с. Сумароково. 21 июля 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило её к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

Мария Лукинична Смирнова (1890 г.р.), уроженка д. Борисовская Яхнобольской волости Галичского уезда. 13 января 1935 г. арестована вместе с матушкой Верой в с. Сумароково. 21 июня 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило её к 3 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

СУМАРОКОВСКИЕ МЕСТА: ПОСЛЕ МАТЕРИ ВЕРЫ

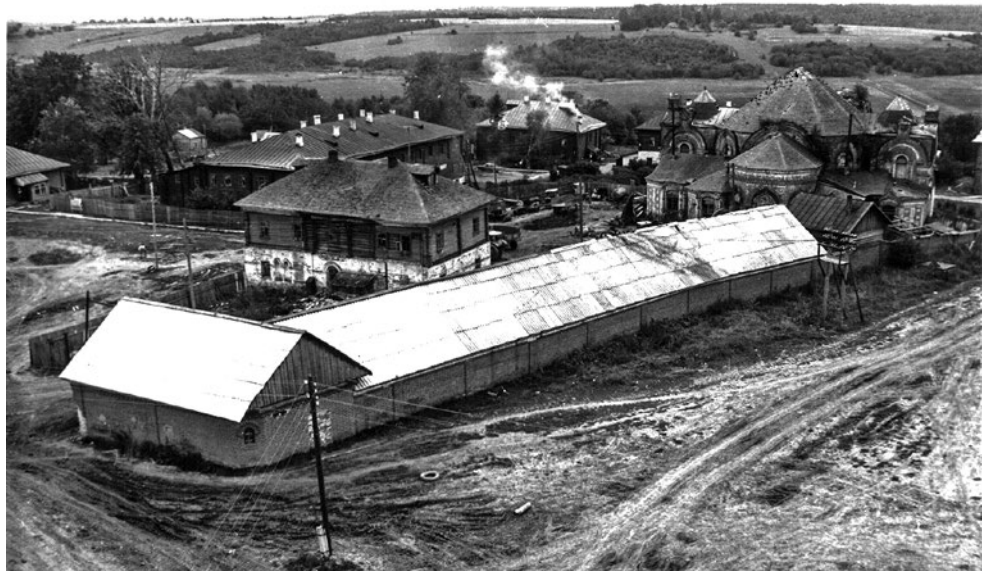
В ПОСЛЕДУЮЩИЕ десятилетия после 1935 г. судьба всего в Сумарокове и Сумароковской округе, что было связано с именем матери Веры, сложилась, разумеется, печально.

СУДЬБА ЗДАНИЙ СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

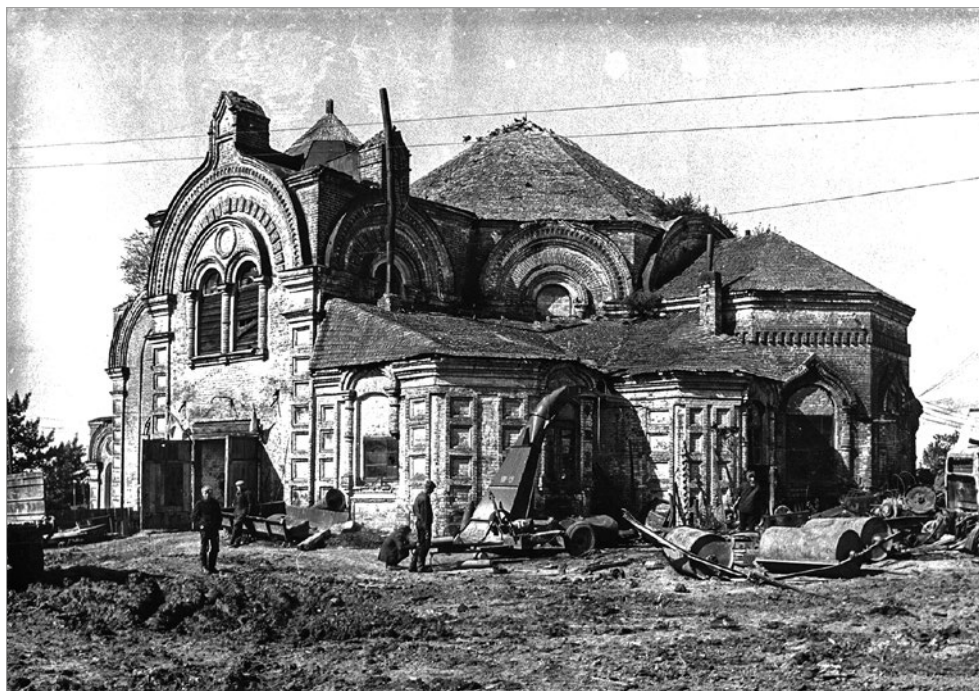
ПОСЛЕ закрытия в 1920 г. Свято-Троицкого монастыря его ансамбль прошёл путь, типичный для сельской обители в советское время.

Как мы помним, в 1921 г. при закрытии монастырского собора говорили об устройстве в нём некой сельскохозяйственной школы, но никакой школы здесь, конечно, не появилось. Как использовалось здание собора в 1920-е годы, мы не знаем. Возможно, в нём находился какой-нибудь совхозный склад.

С конца 20-х годов в Советском Союзе большое внимание уделялось созданию машинно-тракторных станций (МТС), которые своей техникой

1973 год. Центральная часть бывшего Свято-Троицкого монастыря. Вид с колокольни Никольской церкви. Фото Н.В. Каменева

В обезглавленном соборе — совхозные мастерские. Фото Н.В. Каменева. 1973 г.

Свалка у алтарной части бывшего собора. Фото Н.В. Каменева. 1973 г.

обслуживали местные колхозы. Напомним, что такое МТС. В «Большой Советской энциклопедии» о них сказано: «Машинно-тракторные станции — крупные государственные предприятия в социалистическом сельском хозяйстве, представляющие собой индустриальную материально-техническую базу колхозного строя и являющиеся решающей силой в развитии колхозного производства, важнейшими опорными пунктами в руководстве колхозами со стороны Советского государства»¹.

В 1931 г. в Молвитинском районе была организована первая машинно-тракторная станция — Молвитинская МТС. Вторая — Сумароковская МТС — появилась в 1936 г. в Сумарокове², при этом в бывшем монастырском соборе разместились эмтээсовские мастерские³. Вероятно, тогда же со здания собора были сбиты все три венчающие его главы.

Во второй половине 30-х годов с колокольни собора были сняты колокола. Уроженка д. Замятино, Александра Павловна Смирнова (1916 г.р.) вспоминала: «Помню, как снимали колокол с колокольни собора. Он был очень большой. Снимали его посторонние, а не местные мужики. Когда его сняли и опустили на землю, народ из окрестных деревень приходил прощаться с ним. Слез, конечно, было много. К колоколу народ прикладывался и прощался. Монашенки навязали к нему несколько полотенец (2–3 штуки). Потом его поставили на подводу и повезли на паре лошадей»⁵.

Саму соборную колокольню разрушили в 1960 г. В.М. Марфунин пишет: «Сумароковскому совхозу на что-то понадобился кирпич, и для этого решили разобрать колокольню монастырского собора. Произошло это в 1960 году. Местная жительница Людмила Владимировна Панова рассказывает: в 1960 году ей было 6 лет, и она помнит, как её отец и еще один мужчина ломали колокольню храма Божией Матери “Скоропослушницы”. Кирпичи опускали по лоткам. Внизу её мама чистила кирпичи и затем их куда-то увозили. За работу платили хорошо, а деньги в семье были нужны»⁶.

В 1959 г., как известно, все МТС в стране преобразовали в ремонтно-технические станции (РТС), технику МТС при этом у государства должны были купить совхозы и колхозы. В связи с этим с начала 60-х годов в здании монастырского собора находились совхозные мастерские. До нас дошло несколько фотографий собора, снятых в августе 1973 г. фотографом Н.В. Каменевым. На них мы видим ободранное, обезглавленное здание храма. Перед ним — ремонтируемая техника, у алтаря — свалка всяких железных деталей, бочек, тракторных колёс и др. Мастерские разной ведомственной принадлежности находилось в здании собора ровно сорок лет — до 1976 г.⁷. В этом году совхоз построил новые мастерские, куда и перенёс из храма всё оборудование.

* Свято-Троицкая обитель была не единственной из костромских монастырей, где разместились машинно-тракторные станции. В 1935 г. Жаровская МТС заняла бывший Авраамиево-Городецкий монастырь в Чухломском районе⁴.

Собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Вид с юго-запада.
Фото Н.В. Каменева. 1973 г.

В последующие десятилетия собор стоял заброшенным, представляя собой величественную руину, поросшую травой и кустами... В 1991 г. сусанинская журналистка Т.С. Вилкова писала: «При въезде в Сумароково всех, кто впервые посещает эти места, поражают старинные постройки. Когда-то они были центром всей округи, имели вид богатый и величественный, особенно в сравнении с бедными деревенскими избами, и, конечно, очень украшали село. А теперь провалившаяся крыша храма, обшарпанные стены с ампирными арками и полукружиями, заколоченные доски и зияющие окна производят впечатление уныния, обнищания, разора, словно после мамаева нашествия. Да и село на фоне этого разрушения кажется еще более убогим»⁸. Такую же картину руин и развалин, поросших травой, кустами и деревьями, представляли тогда почти все наши монастыри — Авраамиево-Городецкий, Паисиев Успенский, Иаково-Железнодорожный, Троице-Сыпанов и др.

Сходной была судьба и Троицкой церкви. Как мы помним, в эпоху коллективизации в ней устроили магазин. В послевоенные годы Троицкая церковь использовалась совхозом. В 1967 г. Н. Седых писал, что она «сейчас используется трактористами совхоза»⁹. В 1970-е годы в церкви размещалась столярная мастерская¹⁰, а потом её здание стояло заброшенным.

Весь XX в. в бывшем монастыре простоял бывший барский дом, в монастырские времена ставший игуменским корпусом (в нём же

Бывшую Троицкую церковь занимает столярная мастерская. Фото Н.В. Каменева. 1973 г.

находилась и церковь Боголюбской иконы Божией Матери)¹¹. Обветшавшее здание снесли в 2001 г. В очерке журналиста В. Сбитнева о психоневрологическом интернате, опубликованном в «Северной правде» 9 июня 2001 г., говорится: «Недавно директор (интерната. — Н.З.) разметал ветхий остов монастырских покоев, и теперь больные наводят там порядок. Вон и дорожки уже проложили»¹².

В 30–50-е годы была разобрана на кирпич большая часть монастырской ограды, возведённой в 1885–1905 гг. К нашему времени сохранилась только часть стены. Из четырёх угловых башен ограды уцелела одна — северо-западная.

Однако основная часть монастырского городка, используемая с 1920 г. Домом инвалидов, сохранилась. Уцелело несколько жилых корпусов и флигелей, бывшая гостиница, сторожка, кладовая и др.

1939 ГОД: В НИКОЛЬСКОЙ ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ В СУМАРОКОВЕ ПРЕКРАЩАЮТСЯ БОГОСЛУЖЕНИЯ

СХОДНЫМ образом сложилась после 1935 г. и судьба Никольской приходской церкви.

К счастью, её настоятель, о. Михаил Иорданский, не попал в 1937–1938 гг. в состав какой-нибудь «церковной контрреволюционной группы», которые чекисты фабриковали тогда во множестве. Как

бывший «пособник» и «сообщник» матери Веры, он легко мог бы стать главарём такой «группы» в Молвитинском районе*.

Никольская церковь действовала до 1939 г. Как известно, массовое закрытие сельских храмов началось в 1937 г. и продолжалось вплоть до июня 1941 г. Скорее всего, и храм в Сумарокове был бы закрыт в это время, но получилось несколько иначе. В 1939 г. о. Михаила Иорданского разбил паралич, и он больше не мог совершать богослужения¹⁴. Это случилось в начале августа 1939 г., на другой день после того, как к о. Михаилу в Исаково приехал сын Анатолий с женой и годовалой дочкой¹⁵.

В условиях разгрома Костромской епархии в 1937–1938 гг. о назначении в Сумароково нового священника не могло быть и речи. Паралич о. Михаила избавил местные власти от хлопот по закрытию храма, который, в результате болезни настоятеля, закрылся как бы сам собой.

В конце 30-х годов с колокольни церкви были сброшены все колокола (скорее всего, это произошло одновременно со снятием колоколов со звонницы монастырского собора). Мария Павловна Рекунова (1914 г. р.), уроженка с. Борок Буйского уезда, вспоминала: «В 30-е годы с приходской церкви с. Сумарокова сбросили колокола. (...) Взались за это дело люди приезжие, нерусские**. Сошелся народ, и пустили слух, что никто не приедет, и народ разошелся по домам. А вечером эти жулики залезли на колокольню и стали сбрасывать колокола. Один был такой большой, так что пришлось ломом увеличивать проём на колокольне, чтобы можно было сбросить колокол на землю. Упав, он раскололся. Мой отец принес домой осколок от него»¹⁶.

В том же 1939 г., когда погасли огоньки свечей и лампад в Никольском храме, в жизни Молвитинского района произошло важное событие — он был переименован в Сусанинский район, а его центр, с. Молвитино, — в с. Сусанино. Историческая «реабилитация» Ивана Сусанина произошла в 1938–1939 гг. Из бывшего прислужника кровавой династии Романовых он вновь стал народным героем и патриотом земли Русской. 27 августа 1939 г. последовал указ Президиума Верховного Совета РСФСР, гласивший: «Переименовать Молвитинский район Ярославской области в Сусанинский район и его центр, село Молвитино, в село Сусанино»¹⁷.

Вскоре началась Великая Отечественная война. В военное время в Сумароковской округе богослужение совершалось только в Николь-

* В Молвитинском районе кровавые репрессии 1937–1938 гг. против духовенства почему-то носили минимальный характер. Согласно данным «Книги памяти жертв политических репрессий Костромской области», в Буйском районе тогда было арестовано и расстреляно 12 священнослужителей, в Галицком районе — 6, в Молвитинском районе — 1 (священник Успенской церкви в с. Домнине о. Константин Сокольский)¹³.

** Скорее всего, это были татары — жители Татарской слободы, находящейся на окраине Костромы (ныне — в черте Костромы). До революции слобожане специализировались на особо сложных работах — снятии с мели пароходов, установке колоколов на колокольню и т.д. После революции их часто привлекали для прямо противоположной цели — для снятия колоколов.

ской церкви с. Соболево (в 6-ти километрах от Сумарокова). Верующие со всей округи ходили туда. Отец Валентин Ратьков пишет: «Храм в Соболеве не закрывался никогда, даже в военное время. Протоиерей Николай Птицын, настоятель храма, совершал тогда службы ежедневно. Заказных заупокойных обеден было очень много, как и похоронных извещений. Молящиеся переполняли храм так, что летняя и зимняя половины с трудом вмещали столь большое количество людей. Летняя половина храма на зиму не закрывалась. Чтобы дойти до алтаря, о. Николай прибегал к помощи посторонних, которые и провожали его до алтаря, поддерживая под руки с двух сторон»¹⁸.

1943 ГОД: ОТКРЫТИЕ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ ДОМНИНЕ

В ХОДЕ войны политика государства в отношении Русской Церкви постепенно стала меняться в лучшую сторону. Наглядным примером этого явилась судьба Успенской церкви в селе Домнине Сусанинского района (в 8-ми километрах от Сумарокова). Последний священник этой церкви, упоминавшийся выше о. Константин Сокольский, был арестован 3 сентября 1937 г. и обвинён в том, что являлся «участником контрреволюционной кулацко-церковной группы». 2 ноября 1937 г. Тройка УНКВД по Ярославской области приговорила о. Константина к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 17 ноября 1937 г.¹⁹.

Оставшийся без священника храм в Домнине официально был закрыт решением Ярославского облисполкома от 22 марта 1941 г.²⁰.

Село Домнино. Успенская церковь. Фото Н.М. Бекаревича. 1895 г.

Анастасия Фёдоровна Тараканова (1917 г.р.), уроженка д. Анферово *, вспоминала, что после закрытия «в домнинской церкви (...) находился склад для зерна, а на паперти стояли бочки с горючим»²¹.

В 1942 г. верующие из Домнина стали обращаться с прошением об открытии своего храма в Ярославский облисполком, но регулярно получали отказы. Тогда они обратились к формальному главе Советского Союза — к председателю Президиума Верховного Совета Михаилу Ивановичу Калинин. В прошении домнинцы указывали, что прах «великого патриота нашей Родины Ивана Сусанина» покоится при этом храме, и имя народного героя, «реабилитированного» в 1938–1939 гг. и по-новому зазвучавшего в годы Великой Отечественной войны, подействовало.

Произошло чудо: из Москвы в Ярославль пришло соответствующее распоряжение, в котором М.И. Калинин, как отмечалось позднее в документах Совета по делам Русской Православной церкви, в начале 1943 г. «указывал Ярославскому облисполкому на неправильное отклонение ходатайств жителей Сусанинского района об открытии церкви. При этом он указал, что не следует возбуждать недовольство верующих теперь, когда требуется единство всего народа для победы над фашизмом, и разрешил открыть церковь в Сусанинском районе»²². 23 февраля 1943 г. ** Ярославский облисполком отменил своё решение от 22 марта 1941 г. и предписал Сусанинскому райисполкому «передать молитвенное здание Успенской церкви религиозной общине верующих»²³. В сентябре 1944 г. в Успенскую церковь с. Домнина был назначен священник — о. Геннадий Горицкий²⁴.

* * *

Огромная роль в возвращении Домнинского храма принадлежала церковной старосте — бывшей насельнице Свято-Троицкого монастыря Ксении Груздевой²⁵.

Ксения Агафоновна Груздева родилась в 1889 г. в д. Коточигово Бычихинской волости Костромского уезда, в крестьянской семье. В 1906 г. она поступила в Свято-Троицкий монастырь, где в 1919 г. работала при просфоропекарне²⁶. «Домнинские жители, — писала в начале XXI в. игумения Ангелина (Травина)***, — часто вспоминают монахиню Ксению Груздеву, оставшуюся в живых из Троицкого монастыря Сумароковского, и проживавшую в с. Домнино. Когда был

* На месте д. Анферово, стоявшей на краю обрыва над огромным Исуповским болотом, ныне лежит мемориальный камень с надписью «Иван Сусанин 1613», установленный в 1988 г., к 375-летию подвига Ивана Сусанина.

** Нельзя не отметить, что решение о возвращении церкви в Домнине было принято 23 февраля, в день Красной армии и Военно-морского флота (современный День защитников Отечества).

*** Игумения Ангелина (Валентина Ивановна Травина; 1921–2016 гг.), в схиме Макария, — уроженка д. Лобановки Буйского уезда. В начале 1990-х гг. — старшая монахиня подворья Костромского Богоявленско-Анастасиина монастыря в с. Домнине. В 1995–2016 гг. — настоятельница Макариево-Писемского Спасо-Преображенского монастыря в Буйском районе.

закрыт в с. Домнино храм, то монахиня Ксения поехала с письмом к Сталину в Москву, описав подвиг Сусанина. Тогда Сталин дал указ храм открыть, и назначен был священник о. Геннадий Горицкий»²⁷.

СУМАРОКОВСКИЕ ПРИХОЖАНЕ БОРЮТСЯ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ СВОЕГО ХРАМА

ПРИМЕР домнинцев вдохновил сумароковских верующих, которые тоже обратились к Михаилу Ивановичу Калинин с просьбой об открытии Никольской церкви. Сумароковцы писали председателю Президиума Верховного Совета СССР четыре раза: 7 апреля 1944 г., 1 августа 1944 г., 8 февраля 1945 г. и 26 апреля 1945 г.

В конце апреля 1945 г. (на бумаге стоит штамп о получении 26 апреля 1945 г.) они писали «всесоюзному старосте»: «...покорнейше просим Вас Михаил Иванович, как покровителя нашего, помощника во всех наших прозьбах и просим Вас опчина верующих в том как храм наш не служит с 1939 года по неизлечимой болезни священника, и в это время председатель Коростелевского сельсовета отобрал церковную сторожку, в которой помещался церковный сторож, а председатель сельсовета в сторожку пустил в одну половину избу-читальню, в другую половину председателя колхоза, а сторожа нашего церковного выгнал»²⁸.

Оставшийся без охраны храм стали разорять: «(...) молодежь-ребята через колокольню взобралась в церковь, раздели престол, сбросили с престола антиминс, который не полагается некому в руки брать кроме священника и много церковных вещей уничтожили, стекла в окнах выбили, все это делали во время отбывания сторожа в деревню»²⁹.

«Вот и просим Вас опчина верующих Новотеляковская-Сумароковская, Михаил Иванович как нашего защитника помощника и покровителя не отказать нам в нашей прозьбе чтобы нам возвратили, вопервых, сторожку церковную без которой наш храм зорят, вовторых, чтобы наш храм беспрепятственно дали открыть, так как местные власти нам не разрешают открыть»³⁰. Бумагу подписали: председатель церковного совета Екатерина Александровна Лисицына и староста Смирнова. Однако либерализация политики по отношению к Церкви имела свои пределы, и того ответа, на который сумароковцы надеялись, они от М.И. Калинина не получили.

Видимо, решающую роль сыграло то, что местные районные власти были категорически против возвращения верующим храма в Сумарокове. Случай с Домнином являлся особым: там имело место прямое указание Москвы, у храма был похоронен великий патриот земли Русской Иван Сусанин и поэтому местные власти не могли не подчиниться. По вопросу же о храме в Сумарокове они решили стоять до конца.

В истории с Сумароковским храмом, конечно, незримо присутствовала тень матери Веры, хотя её имя в переписке ни со стороны верующих, ни со стороны властей ни разу не произносилось. Верующие хотели вернуть свой храм ещё и из-за того, что для них он был неразрывно связан с памятью о Сумароковской подвижнице. По этой же самой причине власти были категорически против его возвращения верующим. Ни те, ни другие не были до конца уверены в том, что в один прекрасный день матушка Вера, как бывало уже не раз, не объявится вновь в Сумарокове, выйдя на свободу из тюрьмы или лагеря. И поэтому власти делали всё, что в их силах, чтобы, если это всё-таки произойдёт, она не могла, как раньше, приезжать каждый день в действующий храм.

Как и положено, прошения сумароковских верующих из Москвы пересылали в Костромской облисполком. Судя по всему, только что назначенный уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совнаркомех СССР по Костромской области* Михаил Иванович Галкин был настроен решить вопрос с храмом в Сумарокове положительно. Однако, как писалось выше, власти Сусанинского района с самого начала заняли в этом деле резко отрицательную позицию.

В марте 1945 г. в ответ на запрос М. И. Галкина из Сусанинского райисполкома ответили: «На Ваше отношение от 3/III-45 г. № 523 об открытии церкви с. Ново-Сумароково, Исполком Сусанинского райсовета сообщает, что в церкви религиозные обряды не совершались с 1939 г. За данный период ремонт не производился, списков религиозной общины не имеется, здание ничем не занято, решения о закрытии этой церкви вышестоящих организаций не было. Считаем открытие данной церкви не целесообразным, т.к. действующая церковь с. Соболево находится на расстоянии 5–6 км»³¹. Бумагу подписал заместитель председателя райисполкома Смирнов.

5 июня 1945 г. Костромской облисполком в ответ на «заявление верующих об открытии церкви в с. Ново-Сумароково Коростелевского сельсовета Сусанинского района» принял решение, в преамбуле которого говорилось: «Ходатайство об открытии церкви в с. Ново-Сумароково исходит от незначительной группы верующих; в Сусанинском районе действующих церквей 7; от села Ново-Сумароково на расстоянии 5–6 км имеются действующие церкви». Само решение было кратким: «Ходатайство верующих об открытии церкви в с. Ново-Сумароково, Коростелевского сельсовета, Сусанинского района — отклонить»³².

Ещё несколько лет сумароковцы не оставляли надежды добиться возвращения церкви. Дважды — в 1946 и 1947 гг. — они обращались с прошениями к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому). Писали они и своему архиерею — епископу Костромскому и Галичскому

* Именно так официально назывался этот орган власти: слова «русская православная церковь» писались с маленькой буквы, а Совнарком СССР (с 1946 г. — Совет Министров СССР) — с большой.

Антонию (Кротевичу)*. В 1949 г. к владыке Антонию с прошением об открытии Никольского храма обратилась большая группа инвалидов, проживающих в Сумароковском Доме инвалидов. Под прошением поставили свои подписи 63 человека (57 женщин и 6 мужчин)³³.

Примечательно, что в списках учредителей, прилагавшихся каждый раз к очередному прошению, мы встречаем целый ряд знакомых нам имён. В списке учредителей 1946 г. значились: Екатерина Сергеевна Маянцева — бывшая насельница Свято-Троицкого монастыря и бывшая церковная староста; Елена Александровна Иорданская — вдова о. Михаила Иорданского (обе проживали в д. Исаково³⁴); Александра Ивановна Панова — бывшая воспитанница матушки Веры из д. Шелки³⁵ и др.

В июне 1949 г. сумароковские верующие вновь писали уполномоченному М.И. Галкину (на бумаге стоит штамп о получении 13 июня 1949 г.) и просили его «открыть наш храм, который стоит закрытым во многолюдном пункте. Здесь также находится Инвалидный дом с населением свыше 300 чел., иждивенцы которого также имеют тяготение к открытию храма»³⁶. Самое поразительное в этом письме — резолюция. И наложил её не М.И. Галкин. Наискось на листе зелёными чернилами написано: «В открытии храма нужды нет. Священник с. Соболева Н. Птицын обслуживает прихожан церкви села Сумароково. Жалоб не поступало. 14. VI. 49 г. Е. Антоний»³⁷. То есть печально известный своим сотрудничеством с властями епископ Костромской и Галичский Антоний (Кротевич) не допустил открытия храма в Сумарокове. Судя по всему, в это время (раз советовались с архиереем) чаша весов ещё колебалась, и оставался шанс на возвращение храма, но владыка Антоний своей позицией окончательно лишил сумароковских православных всех надежд.

В рамках борьбы за возвращение храма особой строкой проходила борьба за здание церковной сторожки. С 1943 г. председатель Новотеляковской церковной общины Екатерина Александровна Лисицына (1890 г.р.), жительница д. Костина, в своих обращениях вначале в Ярославский облисполком, а потом в Костромской, жаловалось, что у общины отобрано здание церковной сторожки. 17 декабря 1943 г. в ответ на запрос из Ярославского облисполкома по сторожке секретарь Сусанинского райисполкома Смирнов отвечал: «Исполком райсовета сообщает, что сторожка с 1939 г. занята была под исполком сельсовета, в настоящее время произведено капитальное переоборудование под клуб и избу-читальню. На расстояние 5–6 километров имеется действующая церковь в селе Соболево, а потому открытие этой церкви и передачи сторожки им не вызывает особой необходимости»³⁸.

28 ноября 1947 г. верующие из Сумарокова писали новому уполномоченному Совета по делам русской православной церкви при

* Епископ Костромской и Галичский Антоний (Кротевич; 1889–1973 гг.) управлял Костромской епархией в 1946–1953 гг.

Совете Министров СССР по Костромской области Ивану Ефимовичу Смирнову. Речь опять шла о церковной сторожке. Они писали, что до 1939 г. в трёх комнатах сторожки проживали: в одной — священник, в другой — псаломщик, в третьей — сторож. Последним в сторожке проживал сторож, а сейчас, когда его выгнали, в первой комнате проживала одна жительница, в другой — «женщина, работает при Матаесте» *, в третьей комнате — председатель Коростелевского сельсовета³⁹. Власти понимали, что сторожка — это ключ к храму: если вернуть православным сторожку, то рано или поздно придется возвращать и храм, и поэтому они стояли до конца.

Конечно, в вопросе о сторожке вновь как бы незримо присутствовала тень матушки Веры, которая в 1934 г. некоторое время жила в её стенах.

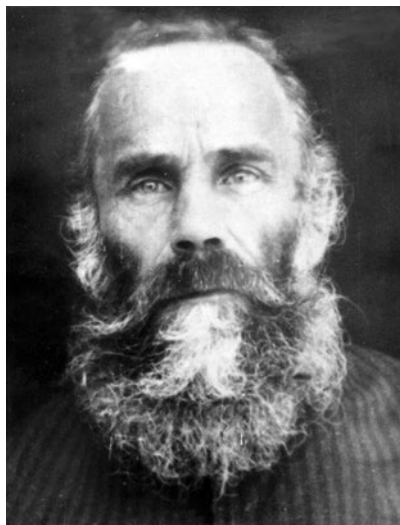
Здание сторожки было снесено в 1970-е годы⁴⁰.

14 ОКТЯБРЯ 1945 ГОДА: ПОСЛЕДНЕЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ В НИКОЛЬСКОЙ ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ

ЦЕРКОВНОЙ общине так и не удалось добиться возвращения своего храма. После 1939 г. в Никольской церкви только один раз совершилось богослужение — когда отпевали почившего о. Михаила Иорданского.

Как писалось выше, в 1939 г. о. Михаила разбил паралич. В том же году его с семьёй выселили из церковной сторожки **. Год они прожили у бывшей учительницы Орнатской ***, а затем ушли на квартиру в д. Исаково, где позднее удалось купить дом.

Внучка о. Михаила, Н. А. Дружкова, пишет о деде: «Сначала он лежал, не вставая, но постепенно стал самостоятельно, хоть и плоховато, ходить по дому и выходить на улицу. С его болезнью служба в церкви прекратилась, но до его смерти в октябре 1945 года церковь поддерживалась в порядке. Умер дедушка от воспаления лёгких или гнойного плеврита — простудился»⁴¹.

Священник Михаил Иорданский незадолго до кончины. Фото 1945 г.

* Имеется в виду Сумароковская МТС.

** Примерно в 1935 г. о. Михаила с семьёй изгнали из его дома, который был занят под сельсовет, и ему пришлось поселиться в церковной сторожке.

*** Учительница Орнатская, скорее всего — дочь о. Николая Орнатского, который был священником Свято-Троицкого монастыря в 1898–1903 гг.

Последний настоятель Никольского храма скончался в д. Исаково 14 октября 1945 г. в воскресенье, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в возрасте 65 лет. Его дочь, Вера Михайловна Иорданская, в письме к брату Анатолию* описывала похороны отца:

«В понедельник послали в Соболево за протоиереем Птицыным. Он пришел часа в 2, отслужил панихиду и сделал все, что нужно по обряду. Нам хотелось, чтобы разрешили отпеть папу в нашей церкви. Об этом нужно было идти хлопотать к председателю сельсовета Потаповой (он её хорошо знает) и просить разрешения отслужить обедню и похоронить папу в нашей церкви. И он всё-таки добился разрешения на службу»⁴².

Мы не знаем больше ни одного другого случая, чтобы умершего священника разрешили отпеть в храме, который шесть лет стоял закрытым. Видимо, этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, о. Николай был знаком с председателем сельсовета Потаповой — возможно, во время войны заочно отпевал её погибшего мужа или сына. Во-вторых, официально храм в Сумарокове закрыт не был, и глава сельсовета знала, что верующие хлопочут о его открытии. В-третьих, ещё продолжалась военная «оттепель» по отношению к Русской Православной Церкви. В-четвёртых, испытания и потери военного времени были ещё так свежи у всех в памяти, что т. Потапова не решилась отказать в отпевании умершего священника там, где положено.

Протоиерей Николай Птицын каждый день до похорон приходил в Исаково. Вера Михайловна в письме брату писала: «О. Николай каждый день приходил служить панихиду на дом»⁴³. Отпевание и похороны о. Михаила состоялись в четверг, 18 октября 1945 г. В отпевании почившего товарища участвовали три священника: о. Николай Птицын из с. Соболево, о. Геннадий Горицкий из с. Домнино и о. Димитрий Скворцов** из с. Павловское Буйского района.

Могила о. Михаила Иорданского
возле алтаря Никольской церкви.
Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

* А. М. Иорданский, живший тогда в Уфе, не получил отправленную ему телеграмму о смерти отца и поэтому не приехал на похороны.

** Священник Димитрий Скворцов, как мы помним, в 1905–1936 гг. служил настоятелем Никольской церкви погоста Горки, что на Пенье (в 3-х верстах от Сумарокова). С 1942 г. он был настоятелем Никольской церкви с. Павловское Буйского района.

«Службу и похороны, — писала Вера Михайловна брату, — сделали в четверг. На похороны пришли о. Дмитрий Скворцов, еще из Домнина. О. Николай после обедни перед отпеванием сказал несколько слов. Мы с мамой были успокоены тем, что пришлось так похоронить. В своей церкви, свой народ, народу было очень много, многие о папе плакали. После похорон мама сделала поминок: позвала своих деревенских и угостила обедом»⁴⁴.

Как и положено, о. Михаила похоронили у алтаря церкви, в которой он прослужил 27 лет. Его могила сохранилась до сих пор. В августе 2015 г. внучка о. Михаила Т.А. Дружкова с сыновьями Николаем и Анатолием привезли из Нижнего Новгорода металлический крест и оградку и установили их на могилу⁴⁵.

Вдова о. Михаила, Елена Александровна, ещё год после смерти мужа прожила в Исакове вместе с дочерью Верой. Осенью 1946 г. она продала дом на дрова и уехала в д. Киселиху под Рыбинском, где её младшая дочь Мария работала учительницей⁴⁶.

НИКОЛЬСКАЯ ПРИХОДСКАЯ ЦЕРКОВЬ: 60–90-е ГОДЫ XX ВЕКА

В НАЧАЛЕ 1960-х годов в течение нескольких лет в здании Никольской церкви находилась хлебопекарня⁴⁷. А потом Никольский храм был заброшен и постепенно превращался в руины. Летом 1990 г. под собственным весом рухнули своды и купол храма. Грохот их обрушения был слышен по всему селу...⁴⁸

Никольская церковь в селе Сумарокове. Фото Н.В. Каменева. 1973 г.

В настоящее время от здания храма остались только внешние стены, а всё внутреннее помещение находится под открытым небом. Давно разобрана на кирпич церковная ограда, через Святые врата которой некогда въезжала матушка Вера...

Несколько десятилетий центр Сумарокова занимали руины — руины монастырского собора, руины Троицкой церкви и руины Никольской церкви...

СУДЬБА ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦЫ»

ПОСЛЕ фактического закрытия в 1939 г. Никольского приходского храма икона Божией Матери «Скоропослушница» ещё несколько лет оставалась в его стенах.

По-видимому, в 1944 г. её перенесли во вновь открытую Успенскую церковь с. Домнино⁴⁹. Вместе с ней туда же был передан ещё целый ряд икон. До сих пор в Успенском храме Домнина находятся две иконы — «Господь Вседержитель» и «Спаситель», украшенные вышитыми ризами, которые, конечно, были изготовлены бывшими насельниками Свято-Троицкого монастыря. Над вышитым нимбом на иконе Спасителя совершенно чётко читается дата: «1929 г. 3 января»*. Иконы эти, возможно, попали в Никольскую церковь с. Сумароково из закрытого монастырского собора.

В конце 40-х годов икону Божией Матери «Скоропослушница» перенесли в Никольский храм с. Соболево, где служил упоминавшийся выше протоиерей Николай Птицын.

Отец Валентин Ратьков, со слов внучки о. Николая Птицына, М. А. Кулевой, пишет: «Епископ Костромской и Галичский Антоний (Кротевич) благословил о. Николаю Птицыну, благочинному, служившему в с. Соболеве, перенести эту икону в свой храм, то есть в Соболево, а вместо ее передать из Соболева в Домнино такую же икону «Скоропослушница», только меньших размеров. Это было после войны»⁵⁰. Так икона Божией Матери «Скоропослушница» оказалась в Никольской церкви с. Соболево. По-видимому, о. Николай Птицын перенёс икону сюда по просьбе сумароковских верующих, которые ходили в его храм. По свидетельствам старожилов, мать Вера бывала в этой церкви: «Рассказывали, что матушка Вера была и в с. Соболеве. Раз видели ее на паперти храма зимой. Она была в белом одеянии, босая»⁵¹.

Расскажем немного о неоднократно упоминавшемся выше настоятеле храма в Соболеве протоиерее Николае Птицыне.

Николай Васильевич Птицын (1889–1975 гг.) родился в с. Коровном Солигаличского уезда, в семье псаломщика, ставшего позднее

* Цифра «3» вышита по-церковнославянски.

Икона Божией Матери «Скоропослушница». Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

диаконом. В 1905 г. Коля Птицын окончил Солигаличское духовное училище и в том же году поступил в Костромскую духовную семинарию, но кончить в ней смог только три класса. По-видимому, не имея средств на дальнейшую учёбу, он в 1908 г. оставил семинарию и в течение нескольких лет служил псаломщиком, а потом диаконом в ряде сельских приходов. В октябре 1915 г. о. Николай Птицын стал священником Никольского храма с. Соболево Буйского уезда⁵². В Соболеве он прослужил почти 60 лет, в течение 35 лет являясь местным благочинным. Протоиерей Николай Птицын скончался 15 марта 1975 г. на 86-м году жизни и был похоронен возле алтаря своего храма⁵³.

В церкви села Соболева икона Божией Матери «Скоропослушница» находилась вплоть до её закрытия в 1991 г.⁵⁴ Это закрытие было вызвано не гонением, как раньше, а той причиной, по которой с 60-х годов всё чаще закрывались храмы в Костромской области, — отсутствием прихожан. Молодёжь уезжала в города, старики умирали, и храмы, уцелевшие в самые суровые времена, закрывались из-за того, что в них некому было ходить.

В 1991 г. преемник о. Николая Птицына, о. Валентин Ратьков, из обезлюдевшего Соболева был переведён в Одигитриевскую церковь с. Ушаково Буйского района. В Ушаково о. Валентин перенёс и икону Божией Матери*.

Журналистка В. Кожина в январе 1993 г. в журнале «Благовест» писала о церкви в с. Ушаково: «Нет одинаковых храмов в России; в каждом селе, городе, свои престольные и храмовые праздники, свои святыни. В этом храме меня, например, поразила большая по размерам икона Божией Матери, именуемая “Скоропослушницей”. Вся икона, кроме ликов Богородицы и младенца Иисуса, вышита бисером по темно-красному бархату. Тончайшая работа, потребовавшая тяжелого,

* Большая часть икон и утвари из Никольской церкви в Соболеве была передана в Покровский (бывший единоверческий) храм в Сусанине, возрождение которого началось в 1990-е годы.

11 июля 2016 года. Икона Божией Матери «Скоропослушница» спустя 95 лет возвращается в свой храм. Впереди — о. Александр Абрадушкин

кропотливого труда и не только физического, но и душевного. Икону эту считают чудотворной.

Вышила икону монахиня Вера, жившая когда-то в Сумароковской женской обители. Говорят, что многие страдания перенесла она за веру. Умерла в 50-х годах. Нелегкая судьба выпала и «Скоропослушнице», прежде чем оказалась икона в храме деревни Ушаково»⁵⁵.

В 1993 г. из Ушакова икону перенесли в Воскресенскую церковь г. Буя, затем её передали в возрождённую Никольскую («железнодорожную») церковь при Буйском вокзале, построенную, как мы помним, Свято-Троицким монастырём. Когда в Сумарокове началось возрождение собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы», её передали сюда.

11 июля 2016 г. священник о. Александр Абрадушкин* привёз икону в Сумароково. Спустя 95 лет (считая с 1921 г.), икона вернулась в свой храм.

СУДЬБА ХРАМА МИХАИЛА АРХАНГЕЛА В СЕЛЕ ВЫСОКОВЕ

КОНЕЧНО, у построенного матушкой Верой храма Михаила Архангела в селе Высокове и так имелось немного шансов уцелеть в советское время. Учитывая же, сколь ненавистным

* Иерей Александр Абрадушкин служит в с. Домнине с 2011 г., являясь священником женского монастыря во имя святых Царственных Страстотерпцев. В 2010-е годы он активно участвовал в возрождении церковной жизни в Сумарокове.

являлось для властей имя его строительницы, храм, разумеется, был обречён.

Валентин Иванович Батырев (1927 г.р.), уроженец д. Сокольниково Буйского уезда, позднее вспоминал: «Церковь в Высокове закрыли, примерно, в 30-е годы, колокольню сломали на дрова (...). Священника посадили»⁵⁶. К сожалению, нам не удалось установить, кто был настоятелем храма в 30-е годы.

По-видимому, схема закрытия храма в Высокове была типичной для того времени: настоятеля в 1937–1938 гг. арестовали, а храм как недействующий через год-два закрыли. После закрытия здание храма, как водится, превратили в зернохранилище. Александра Фёдоровна Добрякова (1921 г.р.), жительница д. Царёво, Буйского района, вспоминала: «В церкви с. Высоково впоследствии ссыпали зерно, использовали под склад»⁵⁷.

Валентин Иванович Батырев в 1980-е годы свидетельствовал: «До последнего времени в Высокове было около 20-ти домов. Народ жил в деревне до начала строительства атомной станции*. Потом людей стали переселять. Кто в Буй уехал, кто — в Чистые Боры. За дома платили компенсацию. Сейчас вся деревня взрыта, её уже нет. А возле церкви (она ещё стоит) устроен песчаный карьер. Церковь и кладбище при ней окопали с трёх сторон, только со стороны реки не тронули. Церковь стоит, как на острове. Кладбище не трогают пока»⁵⁸.

Ныне от села Высокова и от его храма не осталось ничего, кроме бывшего церковного кладбища.

СОВХОЗ «СУМАРОКОВСКИЙ»

ВОЗНИКШИЙ в 1920 г. на базе монастырского хозяйства совхоз «Сумароковский» в 70–80-е годы XX в. пережил свой расцвет. В 70-е годы совхоз вёл в Сумарокове большое жилищное строительство. Районная и областная пресса немало писали об этом. В июле 1976 г. «Северная правда» отмечала: «В деревне Сумароково — центре совхоза “Сумароковский” Сусанинского района, выросла целая улица из новых щитовых домов. В прошлом году здесь справили новоселье 11 семей и 6 в этом году. До конца года строители дали слово сдать новоселам еще шесть многоквартирных домов. В новых домах поселяются молодожены, ветераны совхоза, а также те, кто прибывает сюда на постоянное местожительство из других областей страны.

Строится в совхозе животноводческий комплекс на 2200 голов. На центральной усадьбе закончено строительство Дома быта»⁵⁹.

«С каждым годом, — писала через год, в августе 1977 г., районная «Сусанинская новь», — совхоз “Сумароковский” наращивает производ-

* Строительство Костромской АЭС в Буйском районе началось в 1979 г. После аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.) работы на Костромской АЭС были прекращены.

ство сельскохозяйственной продукции — зерна, молока, мяса. И все же ни объемы производства, ни темпы его развития сумароковцев уже не удовлетворяют, и поэтому здесь считают так: чтобы уверенно справиться с задачами дня сегодняшнего и с оптимизмом смотреть в день завтрашний, хозяйство должно много строить. И совхоз строит, строит так много и разнообразно, что люди не бывавшие здесь года два-три уже не узнают центральную усадьбу хозяйства. Еще два года назад тот край села Сумароково, что прилегает к косогору, спускающемуся к речке Водыш, можно было смело назвать пустырем. Сейчас здесь в два ряда, то есть целой улицей, выстроились новенькие щитовые дома. По программе жилищного строительства в «Сумароковском» не ограничились только этими домами. Сейчас на въезде в село со стороны райцентра возведено еще полдесятка стандартных домов, да и по старым улицам полным ходом идет строительство жилья.

Главным же объектом в жилищной программе стали многоквартирные жилые дома, возводимые в самом центре села и одновременно неподалеку от крупнейшего в районе животноводческого комплекса, строительство которого продолжается высокими темпами. Эти дома будут со всеми городскими удобствами»⁶⁰.

Как писалось выше, в 1976 г. в Сумарокове было построено новое здание совхозных мастерских, что позволило освободить бывший монастырский собор.

Совхоз действительно был известен своими достижениями. О том, что на его центральной усадьбе, в селе Сумарокове, высятся величественные руины трёх храмов, газеты не писали.

На рубеже XX и XXI веков совхоз в Сумарокове не рухнул, как многие хозяйства. Преобразованный в сельскохозяйственно-производственный кооператив (СПК) колхоз «Сумароковский» * существует до наших дней.

СУМАРОКОВСКИЙ ДОМ-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ И ИНВАЛИДОВ

СОЗДАННЫЙ в 1920 г. в Свято-Троицком монастыре Дом инвалидов существует и сейчас.

В 1967 г. неоднократно упоминаемый выше Н. Седых писал о Доме инвалидов с обычным для того времени энтузиазмом: «В настоящее время, на пороге 50-летия Советского государства, обеспечиваемых живет в Доме инвалидов 300 человек, все они хорошо одеты. У бережливых и аккуратных инвалидов имеется по два костюма, из них один хороший шерстяной, суконное пальто, всегда чистое бельё,

* В советское время обычно колхозы преобразовывали в совхозы, а в Сумарокове в новейшее время совхоз преобразовали в колхоз.

Въезд в интернат. Надпись над воротами гласит: «Сумароковский дом-интернат для престарелых и инвалидов». Слева – руинированный собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Фото автора. 1990 г.

через каждые 10–12 дней баня и производится смена постельного белья, кровати у всех никелированные, мягкие перинки.

В Доме инвалидов имеется хороший просторный клуб, и каждый месяц демонстрируется по 2 раза кинокартины, имеется хорошая библиотека, более 4000 экземпляров книг, работают ежедневно три телевизора»⁶¹.

Дом Инвалидов располагал довольно большим хозяйством. Н. Седых пишет: «90 га земли используется: в 1966 году было посажено картофеля на 13 га, снято 80 центнеров с гектара, 2 га было посажено капусты, капустой обеспечились на весь год, маловато выращивается луку, моркови и др. культур. 21 корова, надой составили 28000 литров, 100 голов свиней, всегда своя свинина. Скот кормами обеспечен. Топливо завезено, что хватит на весь 1967 год. Имеется 3 грузовые автомашины и 1 легковушка «Красный крест», 2 гусеничных трактора и 1 «Беларусь». В летнюю пору инвалиды некоторые принимают участие в полевых работах, до 30–35 человек.

Около 100 человек обслуживающего персонала: няни, прачки, повара, работники на ферме и другие подсобные рабочие. Наши обеспечиваемые, всегда можно услышать, как они благодарны нашей Коммунистической партии, Советскому правительству за высокую заботу о престарелом человеке»⁶².

В 1986 г. произошло преобразование Сумароковского дома-интерната для престарелых в Сумароковский психоневрологический

интернат. Случилось это из-за того, что в 1986 г. был закрыт психоневрологический интернат, находившийся в старинной усадьбе Нероново* в Солигаличском районе. Из Неронова всех пациентов интерната перевели в Сумароково. Так Сумароковский дом-интернат для престарелых превратился в Сумароковский психоневрологический интернат⁶³.

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «СУМАРОКОВО»

С 2015 г. в одном из бывших зданий Свято-Троицкого монастыря находится реабилитационный центр «Сумароково», в котором проходят курс реабилитации наркозависимые люди. Центр этот является подразделением благотворительного фонда преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского. С 2015 г. воспитанники центра принимают активное участие в восстановлении и бывшего монастырского собора и Никольской церкви. Руководит центром с первого дня его существования Максим Сергеевич Бредихин.

За время существования центра «Сумароково» его каждый год посещает митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт (Кашин). Обычно он бывает здесь 11 сентября — во Всероссийский День трезвости. Каждый раз владыка общается с воспитанниками центра и посещает собор во имя иконы Божией Матери «Скоропослушницы».

11 сентября 2017 года. Всероссийский День трезвости. Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт с воспитанниками реабилитационного центра «Сумароково». Слева от него — священник Александр Абрадушкин, справа — руководитель центра М.С. Бредихин

* С 1986 г. ансамбль бывшей усадьбы Черевиных в Неронове — одной из лучших дворянских усадеб на территории Костромской области, стоит заброшенным и разрушается.

СУМАРОКОВО: НАЧАЛО ЦЕРКОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ПЕРЕМЕНЫ к лучшему в судьбе храмов в Сумарокове начались во второй половине 1990-х годов, и связано это в первую очередь с именем Виктора Михайловича Марфунина.

Виктор Михайлович Марфунин родился в 1954 г. в г. Сафонове Смоленской области. В 1978 г. он вместе со своей женой, уроженкой с. Сумароково, приехал в это село, где работал в неполной средней школе, вначале — учителем, а потом директором. В 1996 г. Виктор Михайлович стал директором Сумароковского психоневрологического интерната (на этом посту он оставался 13 лет, вплоть до 2009 г.).

В.М. Марфунин и положил почин в деле восстановления собора. Он пишет: «Уже в первые годы работы в интернате я мыслил восстанавливать собор Божией Матери “Скоропослушницы”. Для этого в 1988 г. я спланировал территорию у собора за 200 миллионов тогдашних рублей. Сусанинский ДЭП-6 вывез от храма две тысячи кубометров грунта. Мы ликвидировали хозяйственные постройки интерната, которые примыкали к храму, срубили деревья и убрали земельный слой с крыши храма под метелку»⁶⁴. Храм был очищен изнутри от годами копившегося мусора.

В 2011 г. к делу восстановления монастырского собора подключилась Наталья Анатольевна Молибога — бывшая начальница (настоятельница) прославленной Марфо-Мариинской обители в Москве. С её помощью удалось провести на храме большой объём работ. В 2013 г. здание храма было покрыто металлической кровлей и его вновь увенчали три главы — к сожалению, слишком скромные и маленькие для столь величественного сооружения. На единственной дошедшей до нас фотографии ансамбля Свято-Троицкого монастыря видно, что прежде собор венчала большая монументальная глава, а две боковые главки тоже были довольно крупными и сложными по рисунку. К сожалению, заказчики восстановления не знали об этой фотографии и не представили её автору проекта восстановления завершения — архитектору А.П. Нечаеву. В результате этого кровлю увенчали слишком мелкие главки, уместные на скромном сельском храме, а не на величавом здании монастырского собора.

В правом приделе собора выделено небольшое помещение, в котором проходят богослужения. Первое с 1921 г. богослужение в храме прошло 22 ноября 2013 г., в праздник иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Молебен в соборе совершил священник о. Георгий Милаков⁶⁵.

С 2012 г. духовное окормление пациентов Сумароковского интерната осуществлял упоминавшийся выше священник женского монастыря во имя Царственных Страстотерпцев в с. Домнино о. Александр Абра-

Восстановление собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы» началось.
 Фото А.П. Нечаева. 2013 г.

душкин. В феврале 2014 г. ему было поручено и окормление жителей с. Сумароково. Первое Всенощное бдение в правом приделе собора о. Александр совершил 11 февраля 2014 г., а первую Божественную литургию — 12 февраля⁶⁶. С 2016 г. в соборе находится и бывшая главная святыня Свято-Троицкого монастыря — икона Божией Матери «Скоропослушница».

Так как у собора отсутствовала колокольня, то было решено возродить колокольню Никольской церкви. В апреле 2017 г. В.М. Марфунин с воспитанниками реабилитационного центра разобрали на ней сгнившие лестницы и настилы и сделали новые.

Пять небольших колоколов для храма, отлитых в г. Тутаеве Ярославской области, пожертвовал благодетель Денис Леонидович Румак. 8 июля 2017 г. состоялось их освящение, которое совершили о. Александр Абрадушкин и председатель миссионерского отдела епархии протоиерей Виталий Шастин. 10 августа 2017 г., в праздник иконы Смоленской Божией Матери, воспитанники центра установили колокола на колокольню Никольской церкви. 14 августа 2017 г., в праздник Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня, над Сумароковым впервые с 1930-х годов раздался колокольный звон... На колоколах звонила звонарь Любовь Рудацкая из Костромы⁶⁷.

Над зданием собора вновь возносятся увенчанные крестами главы. Фото 2014 г.

Территория возле здания Троицкой церкви благоустроена, и на ней обозначены несколько символических надгробий.

16 июля 2015 г. при разборе завалов внутри Никольской церкви была сделана потрясающая находка — гранитная плита, лежавшая на могиле старицы Евпраксии⁶⁸. Все причастные к делу возрождения храмов Сумарокова восприняли это как добрый знак.

СУДЬБА ДЕРЕВЕНЬ СУМАРОКОВСКОЙ ОКРУГИ

ХОРОШО известно, до чего дохозяйничались начальники Коростелевского (Сумароковского) сельсовета, как, впрочем, и начальники всех наших сельсоветов. Под их чутким руководством подавляющее большинство деревень Сумароковского сельсовета исчезло без следа, а ещё оставшиеся дышат на ладан.

По-видимому, первой из окрестных деревень исчезла д. Исаково, где мать Вера проживала в 1928 и 1931 гг. и где её дважды арестовывали.

В 1926 г. в Исакове было 39 дворов и проживало 86 чел.⁶⁹. По-видимому, перед самой войной, весной и летом 1941 г., большую часть деревни сселили на центральную усадьбу совхоза — в Сумароково. Живший в Исакове о. Михаил Иорданский в письме к сыну Анатолию 22 ноября 1940 г. писал: «О селении нашей деревни начинают говорить уже более определенно, но точный срок всё-таки еще не известен»⁷⁰.

Уже летом 1946 г. здесь оставалось только три дома (и это притом, что, согласно «Книге памяти» по Сусанинскому району, на войне погиб лишь один уроженец Исакова)⁷¹. Внучка о. Михаила Иорданского, Т. А. Дружкова (1938 г.р.) вспоминает, как летом 1946 г. она с отцом приехала в родные места. «Я хорошо помню, что деревня Исаково в это время состояла уже всего из трёх домов, в одном из которых и жили бабушка Елена Александровна с дочерью Верой»⁷². Когда осенью 1946 г. Елена Александровна продала свой дом на дрова и уехала к младшей дочери, в Исакове осталось только два жилых дома.

Исаково стало первой исчезнувшей деревней в Сумароковской округе. За ней последовали другие... В 60-е годы XX в. совхоз «Сумароковский» активно селял жителей окрестных деревень на центральную усадьбу совхоза, в с. Сумароково. Это окончательно добило подавляющее большинство окрестных деревень.

Последними в 80–90-е годы XX в. исчезли Попово, Соломинино, Кочерги и Коростели. Ещё раньше ушли в небытие Антонково, Анциборово, Берниково, Замятино, Чебыкино. Из деревень Коростелевского (Сумароковского) сельсовета к настоящему времени осталась только д. Вырокино⁷³. В 1926 г. в Вырокине проживало 140 чел.⁷⁴, сейчас же здесь только два жителя.

Исчезла и д. Шелки*, откуда родом была старица матушка Евпраксия и где со своей семьёй жила Александра Ивановна Панова, воспитанница матери Веры. На современных картах на месте деревни значится урочище «Шёлково».

* Название д. Шелки представляется нам странным. Возможно, первоначально это название было другим. В «Книге памяти» по Сусанинскому району все погибшие на войне из этой деревни значатся как уроженцы д. «Шолки». Современные жители с. Сумароково, вспоминая деревню, обычно называют её «Щёлки».

СУДЬБА МЕСТ, СВЯЗАННЫХ С МАТЕРЬЮ ВЕРОЙ: ГАЛИЧ, КИНЕШМА, КОТЕЛЬНИЧ, БУЙ, МОЛВИТИНО (СУСАНИНО)

РАССМОТРИМ судьбу мест, связанных с матерью Верой, — там, где она жила или бывала: в Галиче, Кинешме, Котельниче, Буйе и Молвитине (Сусанине). В первую очередь речь пойдёт, разумеется, о храмах.

ГОРОД ГАЛИЧ

В 1920-е годы в Галиче был закрыт только один храм. Несмотря на сопротивление верующих, в 1925 г. власти закрыли Никольский собор* бывшего Никольского Староторжского женского монастыря, ставший в 1919 г. приходским храмом¹.

На рубеже 20-х и 30-х годов, как и везде в стране, ситуация с храмами в Галиче стала резко меняться. В начале октября 1929 г. «Северная правда» писала: «В Галиче на его население в 8 тысяч имеется целых 13 церквей, а к закрытию их мер не принимается»². В начале 1930 г. власти так круто взялись за церкви города, что в течение весны прикрыли их почти все.

20 марта 1930 г. постановлением Президиума Костромского окрисполкома был закрыт Преображенский собор (состоящий, напомним, из двух храмов — собственно Преображенского и Благовещенского)³.

24 апреля 1930 г. окрисполком закрыл: Богоявленскую церковь (состоявшую из двух храмов)⁴, Варваринскую церковь**⁵ и церковь Василия Великого в Рыбной слободе⁶.

* Официально собор именовался Троицким, но в народе он, как это часто бывает, назывался по приделу — Никольским.

** Варваринская церковь находилась на ул. Луначарского, неподалёку от дома Зелениных, где в 1923–1924 гг. жила мать Вера.

Сбрасывание колоколов с колокольни бывшего Никольского Староторжского монастыря. Фото М.М. Смодора. 1930 г.

10 мая 1930 г. эту же участь разделили: церковь Рождества Христова (состоявшая из двух храмов)⁷, церковь Параскевы Пятницы в Рыбной слободе⁸ и Воскресенская кладбищенская церковь⁹.

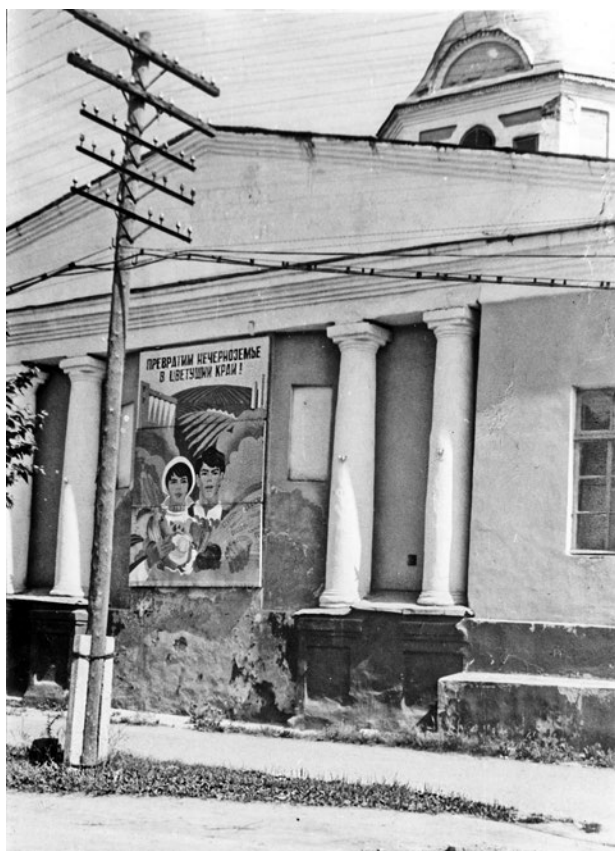
Весной 1930 г. в решении церковного вопроса власти Галича воистину показали, как и призывала нас партия, «большевистские темпы».

Предпоследний действующий храм в Галиче прекратил действовать в мае 1941 г., за несколько недель до начала войны: решением Галичского горисполкома от 23 августа 1940 г. был закрыт храм Космы и Дамиана, стоящий на окраине города¹⁰. 5 мая 1941 г. это решение утвердил Ярославский облисполком¹¹.

В 30-е годы целый ряд церквей, определявших собой исторический облик города, подвергся разрушению. В их числе: Богоявленская (летняя), Варваринская, Богоотцовская (Зачатьевская), Параскевы Пятницы, в честь иконы Божией Матери «Живоносного источника». Исчезли Никольская часовня на площади и часовня во имя преподобного Макария Унженского на ул. Семашко (бывшей Макарьевской). Разрушены были все двенадцать колоколен города, придававших Галичу сказочный облик града Китежа.

Здания уцелевших храмов использовались под разные хозяйственные нужды: в Преображенском соборе разместился хлебозавод, в двух храмах церкви Рождества Христова — тюрьма, в церкви Васи-

Галич.
Преображенский
собор.
На плакате
написано:
«Превратим
Нечерноземье
в цветущий
край!»
Фото автора.
1989 г.

ля Великого в Рыбной слободе — коптильный цех рыболовецкого колхоза им. Сталина, в полуразрушенной Воскресенской церкви — метеостанция, в церкви Космы и Дамиана — производственная артель по изготовлению онуч и т. д.

К июню 1941 г. в городе остался лишь один действующий храм — Введенский в Рыбной слободе.

Только на старых фотографиях и в воспоминаниях современников предстает перед нами бывлой Галич, частью истории которого является матушка Вера. К счастью, сохранился дом Зелениных, где в 1923–1924 гг. жила мать Вера (совр. адрес: ул. Луначарского, д. 24).

На рубеже XX и XXI вв. ряд храмов Галича возродился. В Рыбной слободе была восстановлена шатровая колокольня церкви Василия Великого — первая и пока единственная восстановленная колокольня Галича.

В 2016 г. Галич стал центром Галичской епархии в составе Костромской митрополии. Её кафедральным собором станет закрытый в 1925 г. Никольский (Троицкий) собор бывшего Никольского Староторжского монастыря. Совсем недавно Церкви было возвращено здание Преображенского собора, откуда выехал хлебозавод.

ГОРОД КИНЕШМА

НА рубеже 20-х и 30-х годов в Кинешме произошло массовое закрытие храмов. В 1927 г. были закрыты Воскресенская и Крестовоздвиженская церкви, в 1929 г. — Благовещенская и Вознесенская (состоявшая из двух храмов), в 1930 г. — Успенский собор, в 1935 г. — Сретенская кладбищенская церковь, в 1938 г. — Троицкий собор (с 1936 г. находившийся в руках обновленцев).

Кинешма. Над городом возносятся соборная колокольня и обезглавленный Успенский собор. *Фото 1930-х гг.*

Кинешма. Вид с Волги. Как и всегда, возносятся над городом главы храмов и соборная колокольня. *Современное фото*

В знак своей победы безбожники, как правило, сбивали все главы на закрытых храмах. В течение долгого времени стоящий в центре города Успенский собор возносил вверх пустые пьедесталы своих глав...

Часть закрытых храмов была разрушена. Воскресенскую церковь разобрали ещё при матери Вере — в 1928 г.¹² Стоявшую рядом Крестовоздвиженскую церковь разобрали в 1961 г. и на её месте построили универмаг «Юбилейный»¹³.

В 1946 г. верующим был возвращён Успенский собор. К сожалению, при восстановлении храма его увенчали не прежние главы — высокие, изящные, с «перетяжкой» внизу, а низкие и тяжеловесные.

В середине 50-х годов, в связи с подъёмом уровня Волги из-за строительства Горьковской ГЭС возле г. Городца, Кинешма была подтоплена. Исторический пейзаж города и его окрестностей был сильно искажён. Особенно огромный урон понёс центр Кинешмы, потерявший две церкви, одну часовню и уникальный комплекс торговых рядов, разрушенных в начале 1960-х годов. В 60–80-е годы XX в. в литературе о Кинешме любили упоминать, что в городе снимались такие художественные фильмы, как «Бесприданница» (1936 г.) по пьесе А.Н. Островского, «Васса Железнова» (1953 г.) по пьесе А.М. Горького, «Семья Ульяновых» (1957 г.) и др. Однако ведь и снимались они здесь потому, что в Кинешме сохранялись торговые ряды — неотъемлемая принадлежность каждого уездного города.

Каким-то чудом на площади уцелела мемориальная Крестовоздвиженская часовня, поставленная на месте захоронения защитников города, павших в 1609 г.

В 1962 г., во время так называемых хрущёвских гонений, Успенский и Троицкий соборы опять были закрыты.

В 1965 г. Ивановской епархии удалось добиться возвращения Успенского собора, а в Троицком храме вплоть до 1991 гг. размещалась картинная галерея.

На рубеже XX и XXI вв. практически все уцелевшие храмы Кинешмы были возвращены Церкви и пережили процесс возрождения.

С момента образования в 2012 г. Кинешемской епархии Успенский собор является её кафедральным собором.

ГОРОД КОТЕЛЬНИЧ

В СОВРЕМЕННОМ Котельниче мест, связанных с матерью Верой, осталось немного. Особенно большой потерей для города является разрушение Троицкого собора, в который мать Вера, когда находилась на свободе, приезжала каждый день.

Богослужение в Троицком соборе было прекращено 17 марта 1935 г., а здание его опечатано. В 1937 г. в Котельниче развернулась кампания за окончательное закрытие собора. Под обращениями за

Котельнич. Александро-Невская церковь (бывший Котельничский домзак): начало восстановления. Фото Д. Анисимова. 2015 г.

Котельнич. Мемориал памяти земляков, погибших во время Великой Отечественной войны, находится на месте разрушенного Троицкого собора. Современное фото

его закрытие поставили свои подписи 2311 жителей города. 26 марта 1939 г. Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил решение Котельничского горисполкома о закрытии Троицкого собора. В 1939 г. здание храма было разобрано, и на месте его несколько десятилетий

находился пустырь. Позднее здесь появился мемориал в память о котельничанах, погибших в годы Великой Отечественной войны¹⁴.

Ещё раньше закрыли Никольскую церковь — один из двух действовавших при матери Вере храмов в Котельниче, который она, несомненно, посещала. Храм был закрыт решением Котельничского горисполкома от 31 ноября 1934 г. 20 сентября 1935 г. ВЦИК утвердил это решение. Когда в Котельниче велась кампания за закрытие Никольского храма, власти утверждали, что в его здании появится Дом социалистической культуры. Однако сразу после закрытия в храме разместился склад сахара, а в 1940 г. — цех Котельничской трикотажной фабрики, который находился здесь до 1992 г., когда храм был возвращён верующим¹⁵.

В 2013 г. началось возрождение Александро-Невского храма, долгие годы бывшего тюрьмой, в которой сидела и мать Вера. Тюрьма в храме оставалась до 1960-х гг., затем в нём находился склад медицинского оборудования, а потом несколько десятилетий его здание стояло заброшенным¹⁶.

ГОРОД БУЙ

МАТЬ Вера была связана с Буем на протяжении многих лет. В летнее время она ездила из Буя в губернский город по р. Костроме на пароходе (до революции свободно, после революции — под охраной). С буйского железнодорожного вокзала мать

Буй. Площадь Революции. 1 мая 1953 года.

На переднем плане — маленький памятник В.И. Ленину, за ним — большое здание кинотеатра «Луч», за ним — изуродованное здание бывшего Благовещенского собора

Буй. Возрождённый Благовещенский собор. Современное фото

Вера уезжала в Вологду и Петроград. Она, конечно, не раз бывала в монастырской часовне (а потом — церкви) при вокзале. В 20-е годы мать Вера — по крайней мере, однажды — некоторое время сидела в Буйском домзаке.

К концу 1920-х годов в Буйе было четыре церкви: Благовещенский собор, Воскресенская церковь за рекой Костромой, Покровская кладбищенская и Никольская («железнодорожная») при вокзале.

Церковь при Буйском вокзале закрыли, как мы помним, самой первой — в 1924 г.

До Благовещенского собора очередь дошла осенью 1929 г. 10 октября 1929 г. «Северная правда» сообщала о его закрытии в статье «Алое знамя взвьется над куполом. Буйский собор передан железнодорожникам и сплавщиками под клуб». В статье говорилось: «...Буй растёт.

Культурные запросы его всё ширятся. Это особенно ясно проявилось в прошедшей перевыборной кампании городского совета. На отчетных собраниях буйские рабочие резко критиковали культурную отсталость города и, указывая на собор, требовали закрытия его и создания в нем большого хорошего клуба.

Выполняя волю трудящихся, буйский рик (райисполком. — *Н.З.*) обратился в Окрисполком с просьбой позволить приспособить здание собора под клуб. Окрисполком решил договор, заключенный с общиной Буя на бесплатную аренду соборного храма расторгнуть, а собор передать в распоряжение буйского горсовета и рика для оборудования в нем клуба. На месте, где десятки лет сознание трудящихся Буя ловко завешивалось религиозной пеленой, будет теперь массовый рабочий клуб»¹⁷.

Нам не удалось найти сведений о том, был ли размещён в здании Благовещенского собора рабочий клуб или идея с клубом с самого начала являлась только пропагандистским предложением. Если клуб в бывшем соборе и существовал, то недолго.

В 1934 г. здание собора приспособили под пекарню, ставшую потом Буйским хлебозаводом¹⁸. При «приспособлении» с храма была сбита венчающая глава и изуродована верхняя часть колокольни. Хлебозавод в соборном храме находился ровно 70 лет.

Воскресенская церковь за рекой Костромой в советское время каким-то чудом избежала закрытия. В 1963 г. в ней отпевали ближайшую помощницу матери Веры — матушку Анастасию (Генеральскую). В 90-е годы XX в. в этой церкви, как мы помним, несколько лет находилась главная святыня Свято-Троицкого монастыря — икона Божией Матери «Скоропослушница», украшенная ризой, вышитой в 1934 г. матерью Верой и её послушницами.

Покровская кладбищенская церковь в советское время была закрыта и целиком снесена. В 1950-е годы на месте кладбища и церкви построено здание Буйского сельскохозяйственного техникума.

Возрождение храмов в Буе началось на рубеже XX и XXI вв. В это время верующим было возвращено здание Никольской («железнодорожной») церкви при Буйском вокзале. 4 ноября 2002 г. архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилёв) совершил её освящение¹⁹.

В 2004 г. Русской Православной Церкви было возвращено изуродованное здание Благовещенского собора. Несколько лет в нём велись реставрационные работы. 12 декабря 2010 г. нижний храм собора освятил архиепископ Костромской и Галичский Алексей (Фролов). 12 августа 2016 г. епископ Костромской и Галичский (ныне — митрополит Костромской и Нерехтский) Феропонт (Кашин) совершил чин великого освящения верхнего храма.

СЕЛО МОЛВИТИНО (ПОСЕЛОК СУСАНИНО)

В МОЛВИТИНЕ (Сусанине) наиболее связанным с матерью Верой местом (если не считать бывшего райотдела ОГПУ-НКВД) является Воскресенский храм, изображённый на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели».

Судя по всему, мать Вера, не раз бывала в этом храме. В 1934 г. она с сёстрами вышила для него украшенные бисером ризы для двух икон.

Воскресенский храм власти закрыли в 1938 г. По свидетельствам очевидцев, после закрытия из него были выброшены иконы, часть их сожгли, часть — ещё долгое время валялась среди всякого хлама возле церкви. Некоторые иконы спасли от огня местные жители. В числе спасённых находился и местночтимый образ Тихвинской Божией Матери: одна женщина унесла обгоревшую икону, а после войны отдала её во вновь открывшуюся церковь в Домнине*. С храма были сброшены купола, разрушены барабаны глав (три полностью, два частично), на колокольне сломан венчавший её крест.

Сразу после закрытия в трапезной храма было устроено зернохранилище и в него засыпано зерно урожая 1938 г. Старожилы помнят приезжавшие из колхозов вереницы телег, гружённые мешками с зерном; мешки вносили в храм, где их содержимое высыпалось...²⁰.

В праздничном номере, посвящённом Дню конституции СССР, 5 декабря 1938 г. районная газета «Ленинская правда» (бывший «Кол-

Сусанино (бывшее Молвитино). Над селом возносится колокольня Воскресенской церкви, превращённой в склад; главы храма разрушены. Фото Г.П. Белякова. 1953 г.

* Выше мы предполагали, что именно на икону Тихвинской Божией Матери мать Вера с сёстрами вышила в 1934 г. ризу. В настоящее время в Успенском храме с. Домнина такой иконы нет.

Сусанино. Воскресенский храм — Музей подвига Ивана Сусанина. Фото автора. Октябрь 1988 г.

хозный клич»), сравнивая дореволюционное и советское Молвитино, с пафосом писала: «Не то сейчас, когда страной руководит коммунистическая партия и советское правительство. Молвитино, из грязного, некультурного, безграмотного, села превратилось в культурный районный центр»²¹.

Примечательно, что официально Воскресенский храм закрыли только через два года. 30 ноября 1940 г. Ярославский облисполком принял решение о расторжении договора с общиной с издевательской формулировкой — «за бесхозяйственное отношение к церкви». Решение предписывало: молитвенное здание (Воскресенскую церковь) закрыть, а имущество реализовать²².

Зернохранилище в храме находилось более десяти лет, оно было тут ещё в 1949 г.

После войны местные верующие — жители Сусанина и окрестных деревень — пытались вернуть свой храм, неоднократно обращаясь с прошениями в инстанции. 11 июля 1949 г. Костромской облисполком принял по данному вопросу особое решение, в котором говорилось: «В Сусанинском районе имеется шесть действующих церквей, а от с. Сусанино на расстоянии 6 км находятся действующие церкви в с. Домнино и с. Кишино, которые вполне обеспечивают религиозные потребности верующих Молвитинского и Хреновского сельсоветов. Ходатайство верующих Молвитинского и Хреновского сельсоветов Сусанинского района об открытии Воскресенской церкви в селе Сусанино отклонить»²³. Под решением стояла подпись председателя облисполкома А. В. Куртова.

В последующие десятилетия в обезглавленном храме находились различные хозяйственные организации — сапожная мастерская, склад Сусанинского райпо и др. В 50-е годы был сломан бывший корпус торговых лавок в ограде храма.

Поворот к лучшему произошёл в 70-е годы, после отмеченного в 1971 г. столетнего юбилея приезда в Молвитино А. К. Саврасова. Юбилей привлёк внимание к положению храма: Воскресенскую церковь было решено реставрировать и разместить в ней районный музей.

По заказу областного управления культуры был выполнен проект реставрации храма (автор проекта — архитектор А. П. Чернов), и в 1977 г. на нём начались реставрационные работы. В последующие годы храму в значительной степени был возвращён прежний облик: над его четвериком вновь поднялось увенчанное позолоченными крестами пятиглавие, лишённая металлической обшивки в своём первоначальном виде предстала шатровая колокольня. В здании храма был устроен Музей подвига Ивана Сусанина, открытие которого, приуроченное к 375-летию подвига Сусанина, состоялось в сентябре 1988 г.

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ МОГИЛЫ МАТУШКИ ВЕРЫ

КАЗАЛОСЬ бы, вопрос о местонахождении могилы матушки Веры является ясным: могила её, как и у многих других тысяч узников тюрем и лагерей, умерших или расстрелянных в местах лишения свободы, неизвестна, затеряна. Однако дело обстоит не совсем так.

МОГИЛА МАТЕРИ ВЕРЫ НАХОДИТСЯ В КИРОВЕ

СКОНЧАВШАЯСЯ 19 сентября 1935 г. в Кировской тюрьме мать Вера была похоронена на одном из кладбищ Кирова. Как писалось выше, в 1936 г. одна из её бывших послушниц, Евфросинья Александровна Боброва, на тайном собрании в Котельничском районе обсуждала вопрос о перезахоронении останков матери Веры. Одна из подследственных показала на допросе в 1937 г., что Евфросинья Александровна сказала ей: «Мы решили на тайном собрании в деревне Софроново выкопать тело игуменьи Веры Меркуловой, похороненной в городе Кирове и перевезти в другое место, а то там большевики топчут её могилу»¹.

Выше мы цитировали показания Евфросиньи Александровны на допросе в 1937 г., где она сказала: «В 1936 году я действительно ездила в город Киров и ходила на тюремное кладбище с целью, чтобы найти могилу Веры Меркуловой, но её могилу я не нашла и в тот же день вернулась обратно в город Котельнич»².

Скорее всего, Евфросинья Александровна сказала на допросе чистую правду, хотя, как мы понимаем, если бы её поездка в Киров завершилась успешно и ей удалось вывезти останки матери Веры, она ни за что бы не призналась в этом следователю.

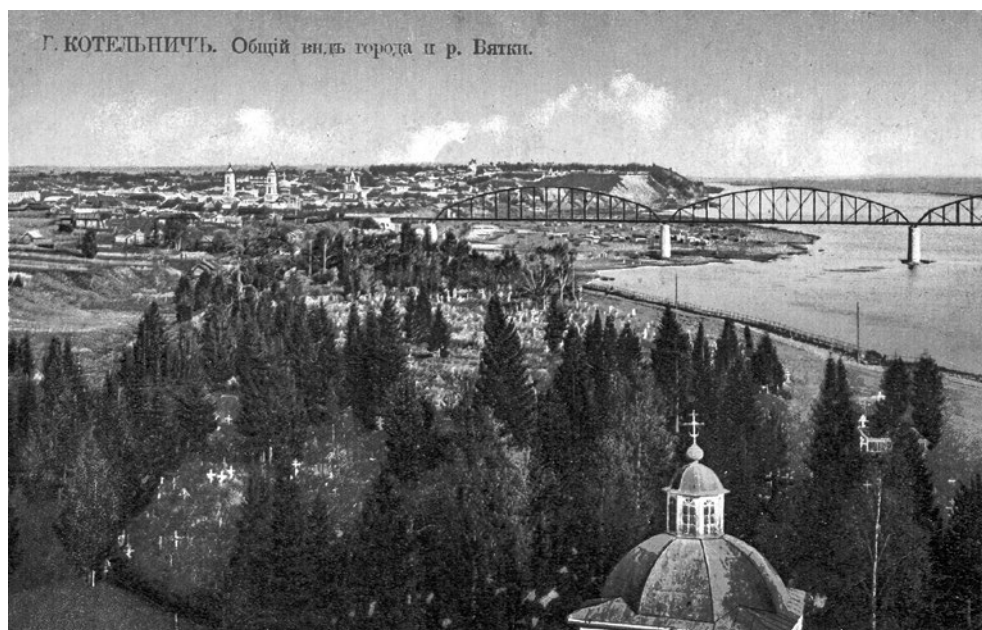
МОГИЛА МАТЕРИ ВЕРЫ НАХОДИТСЯ В КОТЕЛЬНИЧЕ?

Е И. Горев пишет: «Как завершилась эта история (с планами по перенесению останков матери Веры — *Н.З.*) неизвестно, но на старом кладбище Котельнича до сих пор можно видеть старую могилу с ветхим деревянным крестом, надпись на котором гласит: “Монахиня Вера”. Но очевидно, что без знания фамилии утверждать что-либо нельзя»³.

Е.И. Горев осторожен, и это совершенно правильно. До 1917 г. в Котельничском уезде существовало две женские общины — близ с. Арбаж и близ с. Архангельское⁴. Обе они вскоре после революции были закрыты, а их насельницы рассеялись по уезду. Монахиня Вера, покоящаяся под крестом на старом кладбище в Котельниче, скорее всего, одна из таких насельниц.

Однако сам факт, что вопрос об извлечении останков матери Веры в г. Кирове обсуждался, позволяет допустить, что её почитатели всё-таки осуществили своё намерение, в результате чего на кладбище в Котельниче и появился крест с надписью «Монахиня Вера». Хотя вероятность этого ничтожно мала.

«Старое кладбище» в Котельниче примыкает к Александро-Невской церкви (бывшей кладбищенской), в которой находился дом заключения (домзак), где в 1930 г. сидела мать Вера. Крест с надписью

Г. КОТЕЛЬНИЧЪ. Общій видъ города и р. Вятки.

Котельнич. Старое кладбище. Вид с колокольни Александро-Невской кладбищенской церкви. Фото начала XX в.

«Монахиня Вера» находится на той части кладбища, которое местными жителями называется «святые могилки». Здесь, в основном, похоронены люди церковные: архиепископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров; 1876–1937 гг.), игуменья Олимпиада (Корнейчук; 1870–1950 гг.) из Ленинграда, церковные старосты, монахини⁵. Следовательно, чисто теоретически можно допустить, что останки матери Веры могут покоиться и на старом кладбище в Котельниче. Хотя, повторим, шансы этого крайне невелики.

К тому же, судя по всему, существует и ещё одно место, где может покоиться прах матушки Веры, это — Кинешма.

МОГИЛА МАТЕРИ ВЕРЫ НАХОДИТСЯ В КИНЕШМЕ?

ПОСЛЕ войны в 1946 г. Успенский собор в Кинешме был возвращён Русской Православной Церкви. Летом 2000 г. в ограде собора, возле алтаря храма, был похоронен архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести: 1871–1929 гг.), скончавшийся в Кинешме 8 декабря 1929 г. Останки владыки перенесли сюда с кинешемского кладбища в Сокольниках⁶.

В 2011 г. в ограде собора погребён настоятель Успенского собора, протоиерей Алексей Тумин (1939–2011 гг.)^{*}.

Рядом с захоронениями владыки Севастиана и о. Алексия Тумина находится ещё один могильный бугорок, на котором несколько лет высился деревянный крест с надписью «Монахиня Вера» (сейчас деревянный крест заменён на более долговечный из какой-то разновидности бетона). Эта могила появилась здесь также летом 2000 г.⁷.

Наталья Рудольфовна Шепелёва в письме нам изложила рассказ вдовы о. Алексия Тумина, матушки Евгении Туминой, которая свидетельствует: «Монахиню Веру перезахоранивали при о. Алексее Тумине. Её прах был извлечен в овраге на краю Межаковского кладбища в Сокольниках, на тот момент заброшенного. Останки переложили в маленький гроб и захоронили без большого стечения народа в ограде собора. Гроб несли служительницы храма Валентина Андреевна Калагина и Галина Дмитриевна Рогозина. Вера ли это босоножка или другая монахиня с таким именем, неизвестно. Но о. Алексей с особым почтением относился к этой акции. Как попали останки в овраг на старом кладбище — загадка»⁸.

Согласимся, что третье захоронение у алтаря Успенского собора — весьма загадочно. Само место погребения в ограде собора, возле алтаря, рядом с могилой архиерея, свидетельствует о том, что здесь похоронена нерядовая монахиня.

* Протоиерей Алексей Иванович Тумин состоял настоятелем Успенского собора в 1979–2011 гг.

Кинешма.
Могилы в ограде
Успенского
собора.
На кресте
написано:
«Монахиня
Вера».
Фото
Е.А. Потехиной.
2018 г.

Нельзя исключать того, что уцелевшие послушницы матери Веры во второй половине 30-х или в 40-е годы всё-таки сумели извлечь её останки, покоящиеся на кладбище в Кирове, привезли их в Кинешму и похоронили на кладбище в Сокольниках. Память об этом, по-видимому, бытовала среди старейших прихожан Успенского собора, о чём узнал о. Алексей Тумин, и летом 2000 г. он перенёс останки монахини Веры с кладбища к алтарю Успенского собора.

Правда, в Кинешемском уезде к 1917 г. было два женских монастыря — Успенский на окраине Кинешмы и Макариево-Решемский в слободе Решме. После закрытия обителей их насельницы рассеялись по Кинешемскому уезду, и могила монахини Веры на кладбище в Сокольниках может принадлежать одной из таких насельниц.

Однако повторим ещё раз: крайне сомнительно, чтобы уважаемый о. Алексей Тумин стал перезахоранивать и похоронил у алтаря собора рядом с архиереем простую монахиню. Нельзя исключать того, что у алтаря Успенского собора похоронена именно матушка Вера Меркулова.

Таким образом, могила, где покоится героиня нашей книги, может находиться в трёх местах: в Кирове (Вятке), в Котельниче и в Кинешме.

Хотелось бы верить, что прах матери Веры покоится всё-таки в Кинешме, у алтаря Успенского собора*, в котором она почти ежедневно бывала во время Кинешемской ссылки. В пользу того, что в ограде Успенского собора покоится мать Вера Меркулова, говорит и загадочность, которая окружает эту могилу. При жизни матушку Веру всегда окружали тайны. Похоже, что они сопровождают её и после смерти.

* С 2012 г. Успенский собор является кафедральным собором Кинешемской епархии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

МЫ проследили жизненный путь матушки Веры с того момента, когда в 1906 г. она молодой 22-летней девушкой пришла в Свято-Троицкий Сумароков монастырь, до дня её кончины в камере Кировской тюрьмы 19 сентября 1935 г.

Те, кто после революции преследовали и мучили мать Веру, конечно, думали, что они смогли её одолеть. Нет человека — нет проблемы. История, как всегда, посмеялась над гонителями Сумароковской подвижницы. Под последними мы имеем в виду не только сотрудников органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, но и бойцов пропагандистского фронта, авторов клеветнических статей о ней, активистов Союза воинствующих безбожников (СВБ), низовое и среднее звено работников советского аппарата. Силы зла на какое-то время могут победить, но победа эта, по историческим меркам, всегда носит временный характер.

Святитель Василий Кинешемский отмечал: «Посеянное зло, в конечном итоге, обрушивается на голову тех, кто его возрастил и воспитал»¹. «Это — продолжает он, — закон нравственной жизни, закон истории»². Как писалось выше, уже в 1937–1938 гг. многие гонители матери Веры сами получили сполна за всё. В книге мы назвали целый ряд таких имён, но их было, конечно, намного больше.

При этом почитание матушки Веры как святой, как мученицы стойко держалось среди населения Сусанинского, Буйского и Галичского районов нашей области вплоть до конца XX в.

В конце концов, сила жизни, сила истории победила утопию, насаждавшуюся в нашей стране. Время — конечно, с неизбежными и очень большими потерями — расставило всё по своим местам.

В разных городах восстанавливаются храмы, в которых бывала мать Вера.

Несколько храмов возродилось в Галиче. Совсем недавно Церкви возвращено здание Преображенского собора, в котором мать Вера бывала почти каждый день в 1923–1924 гг. (в течение последних 90 лет храм использовался как хлебозавод).

В Буге возродился Благовещенский собор, который также несколько десятилетий был занят хлебозаводом. Возродилась Никольская («железнодорожная») церковь в Буге, построенная при железнодорожном вокзале Свято-Троицким монастырём.

В Кинешме возродились все уцелевшие храмы, в Решме — Макариево-Решемский монастырь.

В Сусанине (Молвитине) частично возродился Воскресенский храм, для икон которого мать Вера и её послушницы вышивали украшенные бисером ризы. С 1988 г. в его здании размещается Музей подвига Ивана Сусанина.

В центре Костромы, в бывшем Костромском кремле, возрождается Богоявленский собор с его поразительной соборной колокольней. Золотые главки собора и колокольни вновь сверкают над Волгой...

В Котельниче возродился Никольский храм и начался процесс восстановления Александро-Невской церкви, в здании которой находился домзак, где в 1930 г. более полугода сидела мать Вера.

30 октября 1996 г., в день памяти жертв политических репрессий, в Вятке (Кирове), на здании бывшей тюрьмы УНКВД на ул. Труда, в которой 19 сентября 1935 г. умерла мать Вера, была установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «В этом здании, бывшей тюрьме, с 1918 по 1941 гг. содержались жертвы политических репрессий, многие из которых были расстреляны».

Киров (Вятка). Мемориальная доска на здании бывшей тюрьмы УНКВД на ул. Труда, открытая 20 октября 1996 г., в день Памяти жертв политических репрессий

Медленно, с трудом, но начался процесс возрождения и в Сумарокове. Восстанавливается закрытый в 1921 г. монастырский собор, в котором долгое время находились мастерские Сумароковской МТС, а затем местного совхоза. Найдена могильная плита с могилы старицы Евпраксии. Благоустроено кладбище при руинированной Троицкой церкви.

11 июля 2016 г. в монастырский собор была возвращена из Буя его главная святыня — икона Божией Матери «Скоропослушница», которую украшает риза, вышитая в 1934 г. матушкой Верой и её послушницами. После 95-летних странствий (считая с 1921 г.), икона вернулась в «родную гавань».

Как мы надеемся, наша книга будет способствовать возвращению имени матушки Веры в широкое общественное сознание, способствовать возрождению всех связанных с ней храмов и монастырей.

Имя матушки Веры навсегда вписано в историю Свято-Троицкого Сумароковского и Макариево-Решемского монастырей, в историю Сумарокова и Молвитина (Сусанина), Решмы и Кинешмы, Галича и Буя, Котельнича и Вятки, Иванова и Владимира, Костромы и Москвы. Оно вписано в историю России.

ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.

«Вообще, в последнее время замечено, что из вновь возникающих монастырей мужские развиваются в очень редких случаях, при исключительно благоприятных условиях, а женские почти обязательно процветают, хотя всегда начинают дело с грошей (...). Это любопытное явление прежде всего говорит о том, что в России теперь монастыри более нужны женщинам, чем мужчинам»¹.

Н.Н. Оглоблин (1905 г.)

ПОСКОЛЬКУ вся жизнь и деятельность матери Веры до 1917 г. была так или иначе связана с женскими монастырями, расскажем немного о женских обителях Костромской епархии в начале XX в.

В КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ ВОЗНИКАЮТ НОВЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБИТЕЛИ

ДО ОТМЕНЫ крепостного права женских монастырей в Костромской губернии было немного. К 1861 г. их насчитывалось только три: Анастасиин Крестовоздвиженский в Костроме, Никольский Староторжский в Галиче и Троицкий Белбажский в Макарьевском уезде*. Отмена крепостного права положила начало быстрому росту числа женских монастырей по всей стране, в том числе и в Костромской губернии.

Начало процесса роста числа женских обителей в Костромской епархии можно датировать 1863 г., когда к Анастасиину Крестовоздвиженскому монастырю был присоединён стоящий неподалёку бывший

* Анастасиин монастырь в Костроме впервые упоминается в 1417 г.². Время основания Никольского Староторжского монастыря в Галиче неизвестно; он преобразован из мужского в женский в 1668 г.³. Троицкий Белбажский основан в 1708 г.⁴.

Кострома. Анастасиин-Крестовоздвиженский женский монастырь.
Вид с пожарной каланчи. Фото начала XX в.

Богоявленский мужской монастырь, упразднённый в 1848 г. после опустошительного пожара 1847 г., превратившего его в руины.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Костромской епархии возникло шесть женских монастырей: Боголюбский (с. Рубцово, Макарьевский уезд) — в 1864 г.; Успенский Кинешемский — в 1869 г.; Богородицко-Феодоровский (близ г. Солигалича) — в 1872 г.; Ново-Троицкий (с. Сумароково, Галичский уезд) — в 1874 г.; Богородицкий (с. Заветлужье, Ветлужский уезд) — в 1900 г.; Ново-Казанский (Варнавинский уезд) — в 1908 г. *

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МУЖСКИХ МОНАСТЫРЕЙ В ЖЕНСКИЕ

НИ одного нового мужского монастыря в Костромской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. не появилось. Более того, некоторые мужские монастыри в это время были преобразованы в женские обители. В их числе: Богоявленский в Костроме (в 1863 г.), Макариево-Решемский в Кинешемском уезде (в 1901 г.) и Николо-Надеевский в Макарьевском уезде (в 1912 г.).

К 1917 г. из 21 монастыря епархии 11 были женскими. Хотя количество мужских и женских монастырей к 1917 г. было почти одинаковым

* Боголюбский монастырь был основан как община в 1864 г., в 1893 г. преобразован в монастырь. Богородицко-Феодоровский близ Солигалича основан как община в 1872 г., с 1892 г. — монастырь. Успенский Кинешемский основан как община в 1869 г., с 1896 г. — монастырь. Ново-Троицкий основан как община в 1874 г., с 1893 г. — монастырь. Богородицкий основан как община в 1900 г., с 1909 г. — монастырь. Ново-Казанский основан как община в 1908 г.

(10 мужских и 11 женских), но в отношении численности насельников мужские и женские обители не могли сравниваться никак: численность насельников во всех мужских монастырях, вместе взятых, была гораздо меньше, чем численность насельниц почти в любой из женских обителей.

Подобная картина наблюдалась тогда по всей стране. Историк и писатель Н.Н. Оглоблин писал в 1905 г.: «Вообще, в последнее время замечено, что из вновь возникающих монастырей мужские развиваются в очень редких случаях, при исключительно благоприятных условиях, а женские почти обязательно процветают, хотя всегда начинают дело с грошей (...). Это любопытное явление прежде всего говорит о том, что в России теперь монастыри более нужны женщинам, чем мужчинам»⁵.

В 1906 г. настоятель Костромского Успенского собора протоиерей Иоанн Сырцов, говоря о Свято-Троицком Сумароковом женском монастыре, заметил: «Ново-Троицкий монастырь может служить образцом быстрого возникновения и процветания женских монастырей, что замечается в нашем Отечестве, особенно в последнее время. Не проходит года, чтобы не было открыто или превращено из общин несколько женских монастырей, без всякого пособия от казны. Между тем и старые монастыри не только не думают закрываться, напротив, всегда переполнены и вынуждены бывают отказать в приюте многим желающим. (...) Можно сказать: насколько быстро упадает численно и нравственно нынешняя жизнь в мужских монастырях, настолько возвышается в женских. Большая часть мужских монастырей, богатых историческим прошлым, по сравнению с женскими, представляют теперь положительный контраст. В женских, при большом количестве монашествующих, полная обеспеченность, благоустройство храмов и жилищ, во всем порядок и чистота, набожность и трезвость, беспрекословная покорность настоятельницам и старшим; ничего подобного вы ныне не встретите в мужских монастырях, за редкими исключениями»⁶.

Л.И. Денисов в своём труде «Православные монастыри Российской империи» (М., 1908) констатировал: «Мужские монастыри, несмотря на их численное преобладание, выражаясь фигурально, вымирают, — тогда как женские монастыри, несмотря на их сравнительную с мужскими малочисленность, прогрессируют»⁷.

ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ К 1917 ГОДУ

ИЗ женских монастырей Костромской епархии ведущим являлся Богоявленско-Анастасиин в Костроме, ставший во второй половине XIX — начале XX вв. своеобразной «кузницей кадров» для вновь

Кострома. Богоявленско-Анастасиин женский монастырь. Фото начала XX в.

создаваемых женских обителей. Значительная часть настоятельниц женских обителей епархии вышла из насельниц этого монастыря.

К 1917 г. настоятельницами женских обителей Костромской епархии были:

- 1) в Богоявленско-Анастасиинском монастыре — игумения Сусанна (София Ивановна Мельникова; 1866–1941 гг.), дочь личного потомственного почётного гражданина;
- 2) в Никольском Староторжском монастыре (г. Галич) — игумения Анастасия (Ольга Васильевна Смирнова; 1856 — после 1919 гг.), дочь чиновника;
- 3) в Свято-Троицком монастыре (с. Сумароково Галичского уезда) — игумения Иоанна (Серафима Ивановна Успенская; 1855 — после 1920 гг.), дочь священника;
- 4) в Солигаличском Богородицко-Феодоровском (сельцо Ратьково близ г. Солигалича) — игумения Серафима (Софья Андреевна Поливанова; 1840 — после 1918 гг.), дворянка;
- 5) в Кинешемском Успенском монастыре (г. Кинешма) — игумения Александра (Анна Николаевна Ракова; 1859 — после 1919 гг.), дочь крестьянина;
- 6) в Макариево-Решемском Троицком монастыре (слобода Решма Кинешемского уезда) — игумения Досифея (Фелицата Ивановна Ипатова; 1851–1934 гг.), дочь крестьянина;
- 7) в Боголюбском монастыре (Макарьевский уезд) — игумения Мария (Анастасия Павловна Варенцова), дочь мещанина;

Галич. Никольский Староторжский женский монастырь. Фото начала XX в.

Троицкий Белбажский женский монастырь. Фото начала XX в.

- 8) в Троицком Белбажском (с. Белбаж Макарьевского уезда) — игумения Евтихия (Евгения Стратилатова; 1854 — после 1918 г.), дворянка;
- 9) в Николо-Надеевском монастыре (Макарьевский уезд) — игумения Сергия (Анна Фёдоровна Тихорская; 1847 — после 1919 гг.), дочь псаломщика;

Феодоровско-Богородицкий женский монастырь близ Солигалича.]
Фото С.А. Орлова. Начало XX в.

Кинешемский Успенский женский монастырь. Фото начала XX в.

- 10) в Богородицком монастыре (Ветлужский уезд) — игуменья Софья (Прасковья Кондратьевна Макарова; 1854 — после 1918 гг.), дочь крестьянина;
- 11) в Ново-Казанской общине (с. Турань Варнавинского уезда) — монахиня Магдалина (Александра Евграфовна Рябинина; 1858 — после 1918 гг.), дочь мещанина.

Макариево-Решемский женский монастырь. Фото начала XX в.

Настоятельница Никольского Староторжского монастыря в г. Галиче игуменья Анастасия (Смирнова). Фото М.М. Смодора. 1912 г.

Насельницы Никольского Староторжского монастыря в г. Галиче. В центре — игуменья Анастасия. Фото М.М. Смодора. 1912 г.

МАТУШКА ВЕРА И ИЕРОМОНАХ ИАКОВО-ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОАСАФ (САЗАНОВ): ПЕРЕКЛИЧКА СУДЕБ

ОСОБАЯ страница в жизни матери Веры связана с иеромонахом Иаково-Железнодорожского монастыря о. Иоасафом (Сазановым). В их биографиях много общего. Оба они являлись наиболее почитаемыми подвижниками Костромской губернии в первой трети XX в. Оба они вышли из крестьян и примерно в одно время поступили в монастыри: о. Иоасаф — в 1905 г., а мать Вера — в 1906 г. Оба они после революции подвергались преследованиям: о. Иоасаф даже угодили на Соловки. В их биографиях одно различие: мать Вера умерла в тюрьме, а о. Иоасаф погиб при несчастном случае.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ГРИГОРИЯ САЗАНОВА

ИЕРОМОНАХ Иоасаф (Григорий Меркурьевич Сазанов; 1885? — 1931 гг.) родился в д. Кинтаново* Заобнорской волости Любимского уезда Ярославской губернии, в крестьянской семье. Его родителей звали Меркурий Сазанов и Елизавета Ивановна Сазанова (1852–1926 гг.). Мальчика крестили в приходской Спасской церкви погоста Никольского, что в Кинтанове, находившегося в одной версте от деревни¹, и нарекли Григорием.

В протоколе допроса в 1923 г. в ОГПУ о. Иоасаф показал, что он родился 17 ноября 1879 г.² Судя по всему, Григорий Сазанов был наречён во имя святителя Григория, епископа Неокесарийского, чья память совершается 17 ноября. Впрочем, скорее всего, о. Иоасаф назвал на допросе не день рождения, которые крестьяне вплоть до XX в. не отмечали, а день своего Ангела. Следовательно, он родился или незадолго до 17 ноября, или на самом деле 17 ноября.

С годом рождения о. Иоасафа дело обстоит весьма запутанно. В протоколе допроса 1923 г. в ОГПУ указано, что он родился в 1879 г.³ В сочинении «Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима» сказано, что, когда Григорий в 1905 г. поступил в Железно-

* В исторической литературе редкое название деревни обычно искажают, именуя её: Кинтоново, Кинтопово, Касатоново, Ксентово и др.

боровский монастырь, ему было 18 лет⁴, следовательно, он родился примерно в 1887 г. Согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. по д. Кинтаново, Григорию Меркурьеву Сазанову было 12 лет⁵, и, значит, он появился на свет в 1885 г. В ведомости Железнодорожного монастыря за 1908 г. сказано, что Григорию Сазанову 23 года, и получается, что он родился около 1885 г.⁶ Однако в ведомостях за 1910 г. записано, что ему 30 лет⁷, а в 1912 г. — 32 года, и получается, что он родился уже в 1880 г.⁸ В мае 1917 г. на допросе перед посвящением в иеромонаха о. Иоасаф показал, что ему от роду 33 года, следовательно, он родился примерно в 1884 г.⁹

Таким образом, мы имеем пять вариантов года рождения о. Иоасафа — 1879 г., 1880 г., 1884 г., 1885 г. и 1887 г. С некоторой долей условности примем, что он родился в 1885 г.

Глава семьи Меркурий Сазанов рано умер*, и своих детей, Григория и Аграфену (1889 г. р.), их матери Елизавете Ивановне Сазановой пришлось поднимать одной.

В первые годы XX в. юный Григорий стал ходить в далёкие странствия по святым местам. В сочинении «Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа» сказано: «Пятнадцатилетним юношей начал ходить Григорий по святым местам: в Саров, в Муром. В Сарове в 1903 году открыли мощи угодника божия, прп. Серафима Саровского. Посетил Соловецкий монастырь, был в Киеве и вообще во многих обителях, где его еще более располагало к монашеству»¹¹.

ГРИГОРИЙ САЗАНОВ ПОСТУПАЕТ В ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

1 АПРЕЛЯ 1905 г. Григорий Сазанов поступил в Железнодорожный монастырь¹². Известно его послушание, которое он нёс в 1910 г. — свечник^{13**}.

30 декабря 1911 г. Григорий Сазанов принял монашеский постриг с именем Иоасаф***, в честь святителя Иоасафа Белгородского**** (память — 4/17 сентября)¹⁶. 9 мая 1912 г. он был рукоположен в сан иеродиакона¹⁷, в мае 1917 г. — в сан иеромонаха¹⁸. С 30 июня 1917 г. о. Иоасаф являлся благочинным обители^{19*****}.

«Православная богословская энциклопедия» начала XX в. говорит о должности благочинного монастыря: «В обителях некоторых

* Меркурий Сазанов умер до 1897 г. В данных Всероссийской переписи 1897 г. по д. Кинтаново он не упомянут, а Елизавета Ивановна Сазанова значится вдовой¹⁰.

** Свечник — насельник, занимающийся изготовлением свечей для храма¹⁴.

*** Сложное имя Иоасаф и в разговорной речи, и в чекистских документах обычно упрощалось и искажалось — Осаф, Асаф, Иосаф, Иосиф и др.

**** Святитель Иоасаф (Горленко; 1705–1754 гг.), епископ Белгородский и Обоянский, был прославлен в лике святых на торжествах в Белгороде 4 сентября того же 1911 г.¹⁵.

***** Л.И. Сизинцева почему-то пишет, что с 30 июня 1917 г. о. Иоасаф стал духовником обители²⁰. Однако благочинный и духовник — это не одно и то же.

Иаково-Железоборовский монастырь. Фото В.Н. Кларка. Начало XX в.

Иеромонах Иаково-Железоборовского монастыря Иоасаф (Сазанов). В его руке — книга святителя Игнатия (Брянчанинова) «Отечник». Фото 1920-х гг.

епархий назначаются для ближайшего и неуспяного за братию надзора особые благочинные из старшей братии, самые опытные и благоразумные, с правом наблюдать за поведением монашествующих в кельях, в церкви и во всем монастырском житии и доносить о своих наблюдениях настоятелю»²¹.

Позднее о. Иоасаф стал и духовником обители. На допросе 8 августа 1923 г. настоятель Железоборовского монастыря, игумен Гавриил (Ильин), показал: «Иеромонах Иоасаф Сазанов состоит в монастыре духовником и ризничным и синодичным*»²².

Мы не знаем, когда произошло знакомство матери Веры и о. Иоасафа, но, вероятно, это случилось достаточно рано — уже

* «Синодичный» — это монах, заведующий монастырским синодиком усопших, которых поминают на богослужении.

в начале 10-х годов XX в. Первое свидетельство об их знакомстве относится, по-видимому, к 1919 г. Манефа Георгиевна Голубева (1914 г.р.), жительница с. Борок, со слов старших, вспоминала: «Однажды встретились в д. Высоково мать Вера и иеромонах Иоасаф. Он находился там со своими духовными дочерьми. Матушка во время беседы сказала ему: “Ты, как клуха*, цыплят выводись”. Он ей ответил: “Да нет, много болтунов** будет”. И действительно, когда начались гонения и когда монастырь был разграблен и разорен, многие насельники разбежались кто куда: одни уехали, других арестовали, иные в брак вступили. Лишь немногие остались верны своему призванию»²⁵. Описанная беседа произошла, видимо, в сентябре 1919 г., при освящении церкви Михаила Архангела в Высокове или вскоре после этого события.

Уроженка д. Моклоки Буйского уезда, Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.), со слов старших, рассказывала: «Мать Вера была в дружбе с насельником Железнодорожного монастыря иеромонахом Иоасафом. Их взгляды расходились. Матушка учила своих духовных чад не бояться никаких испытаний, идти напролом. О. Иоасаф учил своих духовных чад осторожности, советовал им пристраиваться в приходах»²⁶.

Отец Иоасаф пользовался большим почитанием среди населения Буйского, Галичского, Солигаличского, Костромского и Любимского уездов.

ОТЕЦ ИОАСАФ ПОДВЕРГАЕТСЯ ГОНЕНИЯМ

ОСЕНЬЮ 1921 г. он был впервые арестован по обвинению «в развращении народных масс и склонению к православию»²⁷, но через какое-то время выпущен.

27 июля 1923 г. о. Иоасаф вновь подвергся аресту по обвинению в «религиозной пропаганде среди населения и организации групп религиозных фанатиков». 22 февраля 1924 г. Комиссия ОГПУ по административным высылкам осудила его на два года лишения свободы²⁸. Этот срок о. Иоасаф отбывал в бывшем Соловецком монастыре, где в 1923 г. был открыт Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), современниками и потомками окрещённый «Русской Голгофой».

Летом 1924 г. Буйский уезд посетил писатель В.Я. Шишков. В очерке «Деревня Овсянкина» он упомянул про о. Иоасафа, о котором слышал от местных жителей: «А вот современный старец Асаф. Он — иеромонах Железнодорожного монастыря (...) человек средних лет, высокий, болезненный и постник. За “пощением” ходили к нему главным образом девицы и молодые бабы (у мужчин он был не в почете). (...) деятельность старца средних лет была

* Клуха — курица-наседка²³.

** Болтун — яйцо без зародыша²⁴.

Бывший Соловецкий монастырь, а ныне — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).
Фото 1920-х гг.

признана вредной, и иеромонах Асаф, после суда над ним, оказался в Соловках»²⁹.

Родная мать о. Иоасафа Елизавета Ивановна Сазанова, по-видимому, ещё в 10-е годы перебралась поближе к сыну и поселилась в д. Иваньково Боровской волости³⁰. С начала 20-х годов она жила в д. Фефелово в Костромском уезде и приняла монашеский постриг с именем Евфросинья. Монахиня Евфросинья (Сазанова) не дождалась возвращения о. Иоасафа с Соловков. Она скончалась 24 января 1926 г. и была похоронена в с. Фоминском (Костромской уезд) на кладбище возле Дмитриевской церкви³¹*

1926 ГОД: ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА ОТЦА ИОАСАФА И МАТЕРИ ВЕРЫ

В 1926 г. о. Иоасаф освобожден из заключения на Соловках и вернулся в Иаково-Железнодорожный монастырь. Летом того же года он встречался с матерью Верой в Кинешме, где та жила в ссылке. В рукописи «Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима, Железнодорожного монастыря» об этом сказано так: «...вернулся батюшка Иоасаф из ссылки в 1926 году, феврале месяце**».

* Деревня Фефелово, где жила мать о. Иоасафа, входила состав Дмитриевского прихода.

** Сообщение об освобождении о. Иоасафа в феврале 1926 г. вызывает удивление. В зимнее время Соловецкие острова отрезаны от «Большой земли» непроходимыми льдами. Вероятно, он был освобожден в мае или июне.

Батюшка изъявил желание попутешествовать по святым местам, пожелал съездить вторично в Саров на память преподобного Серафима 19 июля с духовными детьми: девицей Пелагеей Морозовой и девицей Василиссой Виноградовой (...). На пути заезжали в города и посещали духовных лиц, были в Костроме, в Кинешме; у Преосвященнейшего архиепископа Севастиана* испрашивали благословение попутешествовать и принимать участие в церковных служениях.

В это время была в Кинешме на ссылке монахиня Вера, в схиме Михаила. Она тоже вынесла испытаний, и скорбей, и заключений, и ссылок. Батюшка посетил и её, ради пользы душевной. И много беседовали о духовных вещах, о Царствии Небесном»³².

Встреча матери Веры с о. Иоасафом в 1926 г. в Кинешме была, судя по всему, последней. В декабре 1928 г. она пробыла в Сумарокове всего несколько дней. Когда весной 1931 г. мать Вера вернулась в Сумароково, Иаково-Железнодорожный монастырь был уже закрыт, а о. Иоасаф жил в Ленинграде. Когда о. Иоасаф трагически погиб, мать Вера сидела во Владимирском централе.

1928 ГОД: В.И. СМИРНОВ О ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ И ОТЦЕ ИОАСАФЕ

В ИЮНЕ 1928 г. костромской историк, председатель Костромского научного общества и заведующий Костромским музеем В.И. Смирнов** посетил Буйский уезд с этнографической экспедицией. В своих путевых заметках «От Молвитина до Буя» он несколько страниц посвятил Железнодорожному монастырю и о. Иоасафу.

Он писал: «Борок — большое селение с отличной стройкой — до 100 домов. Здесь плотники и хлебопашцы. Есть школа, библиотека, изба-читальня.

Монастырь представляет своеобразное учреждение. Часть монастырских корпусов занимает с/х артель***, храмы остались за монахами, которые расселились по квартирам. Их около полутора десятка. Их бюджет составляется из доходов от богомольцев и из того, что дают ходы с иконой Иакова по Костромской и Ярославской губерниям. В то время как раз игумен с иконой ушел в большое село Контево.

Звонят колокола ко всенощной, группами из разных мест бредут в лаптях богомолки. Железный Борок привлекателен для них, между

* Напомним, что в 1924 г. архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести) был сослан из Костромы в Кинешму.

** Василий Иванович Смирнов (1882–1941 гг.), сын священника, окончивший Переяславское духовное училище, Владимирскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, ещё в молодости стал врагом существующего строя. Будучи марксистом и членом Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) Василий Иванович, естественно, относился к православию крайне отрицательно.

*** Как писалось выше, в 1918 г. Иаково-Железнодорожный монастырь был преобразован в сельскохозяйственную артель.

прочим, тем, что живет тут человек святой жизни, монах Осаф. Он отчитывает от разных немочей и дает советы, вещает. К нему стекаются из далеких мест: из Чудцов, из Осека (Ярославская губ.), даже, говорят, из Перми, главным образом, старухи и старики, изредка приходят молодые.

Богомольцы проживают здесь по неделе, работая из усердия на Преподобного. На этих “туристах” зарабатывал не только монастырь, но и чайные, и граждане Борка. Может быть, поэтому они так крепко держатся монастыря. Нередко видишь здесь крестьянок, молодых девушек в монашеских костюмах — черное под ремень платье вроде подрясника и белая на кромку косыночка. Мне не доводилось нигде видеть ничего подобного. Я думал сначала, что это чернички. Оказалось, таково влияние монастыря*, что некоторые крестьяне ходят в монашеских полукафтанных.

Мне не приходилось еще видеть святых, и я отправился разыскивать отца Осафа. Мы встретились на узкой тропинке во ржи. Он шел от службы. Высокий, худой, широкое лицо, ничем не примечательное, полное крупных веснушек, с прямыми прядями черных волос, живые темные глаза. Типичный крестьянин-ярославец, одетый в скуфью и подрясник, подпоясанный широким кожаным ремнем. Я рекомендовался: краевед, интересуюсь разными разностями, в том числе и монастырем, который хотел бы посмотреть.

Прошел он со мной до монастыря, где сдал меня другому монаху, а сам ушел. Я не успел составить себе представление, откуда сила влияния на темные массы подобных людей.

Монастырь на берегу Тебзы, обнесен каменной стеной с хорошенькими башнями. В зелени ограды два белых старых храма и шатровая высокая колокольня»³³.

1929 ГОД: ЗАКРЫТИЕ ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

С ВЕСНЫ 1929 г., года «великого перелома», в губернской прессе усилились нападки на Железноборовский монастырь и лично о. Иоасафа. В апреле 1929 г. газета «Борона» писала: «В 16 километрах от Буя среди соснового леса притаился паук-монастырь в селе Борок. Правда, в его тихой ограде нет места юродствующим во Христе, там восемь семейств сельскохозяйственного коллектива упорно куют новую жизнь. Но из ограды, до сего времени, еще далеко раздается унылый звон, призывающий к терпению, смирению и всепрощению»³⁴.

Об о. Иоасафе автор статьи писал: «Бурные дни революции “богоборец”³⁵ называет карой за грехи. С амвона он призывал к спасению

* Точнее сказать, что это было не влияние монастыря, а влияние о. Иоасафа. В описанном одеянии обычно ходили его духовные дочери.

** Непонятно, почему автор называет о. Иоасафа «богоборцем». Видимо, имеет в виду, что он борец за Бога. Обычно «богоборцами» называют борцов против Бога.

души, уходу от революции. Пролетарская рука остановила старца и направила на “отдых” в Соловки. Сейчас старец вернулся и выступает в иной роли. Он уже целитель душ и тел. Каждый день можно видеть паломников, направляющихся к старцу за исцелением, за советами. Идут за сотни верст. Лижут землю, по которой идет старец. За сотни верст везут больных. Масло, крупа, деньги — текут от верующих “для спасения души”. И все это без утайки, на виду.

Сладко живется монахам. Без пайка, а жиреют. Устроили так, как им хочется. Покупают домики, имеют слуг “христовых” и, даже без всякого на то разрешения, пять монахов живет в монастырской церкви.

Свобода слова и дела широкая. Молодняк, особенно женский, находится под их влиянием. В свои ряды они сумели затащить всех красноармейцев-отпускников и сделали из них активных борцов за Христа. Вокруг Иосафа слетаются вороны всех мастей. По деревням и селам растет тайное монашество. Пауки-ханжи искусно ткут свою паутину: беднота находится под их влиянием, красноармеец, получивший зарядку стать общественным работником на селе, — монах»³⁵.

Завершал статью призыв: «Село Борок становится убежищем кликуш, проходимцев и контрреволюционеров. (...) Надо проснуться. Надо бить врага»³⁶.

В мае 1929 г. на монастырь и о. Иосафа обрушилась «Северная правда». В номере от 18 мая в статье «Живые мощи из Соловецкого лагеря. Черные вороны в селе Борок» говорилось: «До сих пор в селе Борок Буйского уезда существует монастырь, имеющий игумена и 17 монахов. (...) В монастыре есть, как полагается, и мощи. Почему-то никто еще не озаботился показать верующим труху “преподобного Иакова”. Один из 17 монахов Асаф, побывавший за контрреволюционную деятельность в Соловках — и тоже кандидат в мощи. Когда Асаф идет из монастыря домой, целая плеяда “христовых невест” припадает к земле и целует следы его ног»³⁷.

Завершалась статья призывом к закрытию обители: «В селе Борок 60 хозяйств, в нем имеется три церкви и монастырь с мощами — крепко свитое гнездо черных воронов. Не пора ли серьезно заняться этим гнездом и разогнать воронов?»³⁸.

Кампания в прессе имела целью подготовить общественность к предстоящему закрытию монастыря. Перед закрытием было решено устроить в обители открытый судебный процесс над старшей братией и вскрытие мощей преподобного Иакова Железоборовского. Подготовка к суду началась в апреле 1929 г. Формально его инициатором являлся председатель Буйского районного совета Союза воинов-воинствующих безбожников т. Банчуков³⁹.

Судебный процесс открылся в воскресенье 16 июня 1929 г. в 9 часов утра. Пред выездной сессией Буйского нарсуда предстали: на-

стоятель монастыря иеромонах Серафим (Гусев), иеромонах Иоасаф (Сазанов) и иеромонах Сергей (Моряков). Судебный процесс носил показательный характер и проходил на территории монастыря, под открытым небом.

На суде присутствовало огромное количество местных жителей. В репортаже с процесса отмечалось: «Собравшееся крестьянство явно на их (подсудимых. — *Н.З.*) стороне. В толпе слышатся рыдания»⁴⁰.

В этот день было произведено публичное вскрытие мощей преподобного Иакова, покоящихся под спудом в Богородице-Рождественском храме. Вскрытие, произошедшее в присутствии местных крестьян, не обнаружило здесь никаких мощей. Из-за отсутствия мощей преподобного Иакова в костромской и центральной прессе был поднят большой шум о том, что монахи веками обманывали верующих. Один из главных печатных органов Союза воинствующих безбожников — журнал «Безбожник у станка» писал тогда: «Специальная комиссия, в которую вошло 15 человек крестьян, вскрыла мощи. В раке * ничего не оказалось кроме стружек, сора и двух медных монет старинной чеканки. 500 лет верующие поклонялись уже не костям, а пустому месту и полутора копейкам»⁴¹.

Однако факт отсутствия мощей можно объяснить. Как известно, кампания по вскрытию мощей прошла в Советской России в 1919–1920 гг. повсеместно, но по какой-то причине не коснулась тогда Костромской губернии. Возможно, в 1919–1920 гг. насельники Железноборовского монастыря, предполагая вскрытие и поругание мощей основателя своей обители, тайно выкопали их и где-то спрятали.

Газета «Борона» писала: «Вскрытие мощей решило исход суда»⁴² (на самом деле, конечно, исход суда был предопределён независимо от того, что покажет вскрытие мощей).

Оглашение приговора подсудимым состоялось в час ночи. Настоятель монастыря иеромонах Серафим (Гусев) был приговорён к полутора годам лишения свободы и году принудительных работ. Иеромонах Иоасаф (Сазанов) — к двум годам лишения свободы и году принудительных работ. Иеромонах Сергей (Моряков) — к году лишения свободы и году принудительных работ⁴³. В приговоре говорилось: «Признавая их социально-опасными для данной местности, по отбытию срока наказания Сазанова, Гусева и Морякова выслать из пределов Костромской губернии на 5 лет каждого»⁴⁴.

После суда над руководителями общины и вскрытия мощей преподобного Иакова монастырь формально продолжал существовать. Оставшиеся насельники и большинство местных жителей надеялись, что обитель уцелеет, но надежды эти, конечно, оказались тщетными. В репортаже о судебном процессе в Борке газета «Борона» писала: «На монастырь наложена печать. Одиноко повисли колокола.

* Мощи преподобного Иакова находились не в раке, а под спудом.

Рака и сень над мощами преподобного Иакова Железноборовского.
Фото В.Н. Кларка. Начало XX в.

А 16 монахов в черных рясах носятся по деревне, сумрачно опустив головы: они потеряли руководителей, но тлеет еще надежда, что монастырь не закроют.

Этого случиться не должно! Монастырь должен быть закрыт. Для антирелигиозников села Борок открывается широкое поле деятельности. И не только для боровских безбожников. Материалы боровского дела надо использовать всем безбожникам нашей губернии. Надо на этом характерном примере показать всю ложь и обман религии»⁴⁵.

На самом деле, суд над старшей братией predetermined судьбу монастыря. Вскоре Буйский райисполком обратился в Костромской окрисполком с ходатайством о закрытии последнего храма Железноборовской обители. 10 октября 1929 г. «Северная правда» сообщала: «Окрисполком утвердил ходатайство Буйского рика (райисполкома. — Н.З.) о расторжении договора с Боровской религиозной общиной на аренду монастырского храма, в виду нарушения общиной ряда пунктов договора. Президиум окрисполкома предложил Буйскому рiku воздержаться от сдачи в аренду храма другим общинам, а передать его местному колхозу для культурно-просветительной работы»⁴⁶.

Так произошло окончательное закрытие Иаково-Железноборовской обители, основанной в первой половине XV в.

5 ДЕКАБРЯ 1931 ГОДА: ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ОТЦА ИОАСАФА

ПОСЛЕ суда в монастыре о. Иоасаф был перевезён в тюрьму Буя, а потом, скорее всего, на пароходе по реке Костроме отправлен в г. Кострому. Где о. Иоасаф трудился на принудительных работах, мы не знаем. В то время многие люди, осуждённые к принудработам, добывали торф на Космынинских болотах под Костромой.

Отец Иоасаф сумел бежать с принудработ. Какое-то время он укрывался в д. Фефелово у своей духовной дочери, монахини Евгении (в миру — Анны Павловны Андреевой), а затем уехал в Ленинград, где уже находились некоторые его духовные дети. В Ленинграде о. Иоасаф принял схиму с именем Серафим, видимо, в честь преподобного Серафима Саровского.

По преданию, ходившему в Буйском районе, мать Вера предсказала о. Иоасафу внезапную кончину, сказав ему: «Ты умрешь внезапно»⁴⁷. 5 декабря 1931 г. о. Иоасаф погиб в Ленинграде при посадке на поезд и был похоронен на Богословском кладбище⁴⁸.

Могила о. Иоасафа не затерялась. 20 октября 2011 г. тогдашний настоятель Железноборовского монастыря игумен (ныне — митрополит Костромской и Галичский) Ферапонт (Кашин) посетил Богословское кладбище и отслужил на могиле схиеромонаха Серафима (Сазанова) заупокойную литию.

Петербург. Богословское кладбище. Настоятель Железноборовского монастыря игумен (ныне — митрополит Костромской и Нерехтский) Ферапонт (Кашин) совершает заупокойную литию на могиле схиеромонаха Серафима (Сазанова). Фото 20 октября 2011 г.

ДАЮЩЕГО РУКА НЕ ОСКУДЕЕТ: ДОХОДЫ И РАСХОДЫ МАТУШКИ ВЕРЫ

«У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или иное пожертвование. Поэтому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу»¹.

Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский

КОСНЁМСЯ деликатной темы — доходов и расходов матери Веры. КС одной стороны, как насельница монастыря, как монахиня и, тем более, схимница, она не должна была обладать никакими деньгами и не обладала. С другой стороны, и до революции и после неё мать Вера могла считаться весьма состоятельным человеком.

Точно так же старица Евпраксия, жившая в с. Новом, что в Телякове, была по определению бессеребреницей, однако смогла расширить Никольскую приходскую церковь и изготовила для местночтимой иконы Смоленской Божией Матери драгоценную сребропозлащенную ризу, что в обоих случаях требовало очень больших средств.

С первых дней, когда к матери Вере пошли люди, большинство из них приносили какие-то подношения (деньги, продукты, вещи). Одни приносили для передачи бедным, другие — в дар за совет или за излечение от болезни себя или своих близких. Вспомним, что многие люди, когда шли к о. Иоанну Кронштадтскому, то несли ему приношения — пакеты с деньгами, ценные предметы, продукты, одежду и др. Зачастую эти приношения в тот же день о. Иоанн отдавал другим людям, обращающимся к нему за помощью.

Когда о. Иоанн отправлялся из Кронштадта с поездками по стране, то повсюду получал разные подношения и подарки. В.С. Животовский, совершивший в 1903 г. большую поездку с о. Иоанном из Петербурга на его родину в Архангельскую губернию, пишет: «В Новгородской губернии мы не знали, как отказаться от всевозможных подношений от крестьян. Одна баба полотенце своей работы принять

умоляет, другая десяточек яиц, третья хлебец и чашку земляники. От предлагаемых денег отказываются. Это ему, красному солнышку; попросите, чтоб не обидел отказом меня, старуху; от своих ведь трудов! — умоляет она»².

Однако у этой медали имелась и обратная сторона: наряду с многочисленными приношениями, стекавшимися к о. Иоанну, он постоянно подвергался «атакам» просителей, которые просили его помочь им в бедности или дать денег на какие-то нужды. Тот же В. С. Животовский пишет, как на Пинеге местные крестьяне одолевали о. Иоанна просьбами. «Прежде всего, просят денег. Так как всем гуртом просить неудобно, то крестьяне очень остроумно занимают позиции в разных пунктах дороги, рассыпавшись на расстоянии нескольких верст, в некотором расстоянии друг от друга. То и дело, заслышав наш колокольчик, из чащи леса выходят на дорогу мужик или баба и, пристав к экипажу отца Иоанна, отходят только тогда, когда получат просимое»³.

Таким образом, через кронштадтского пастыря проходили огромные суммы денег. Известно выражение о. Иоанна, которые мы вынесли в эпиграф данной главы: «У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или иное пожертвование. Поэтому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу»⁴. Из получаемых приношений о. Иоанн много жертвовал монастырям, храмам, благотворительным учреждениям, больницам, школам.

Отец Иоанн много строил; в частности, у себя на родине — в селе Суре на Пинеге — возвёл каменный Никольский храм и устроил Иоанно-Богословский женский монастырь. В Петербурге им был основан Иоанновский женский монастырь на р. Карповка.

Примерно так же обстояло дело у матери Веры. Часть приношений она отдавала другим посетителям. Часть, вплоть до закрытия в 1920 г. монастыря, наверняка шла в пользу обители. На собранные матерью Верой в 1910–1911 гг. пожертвования был благоустроен заволжский Казанский скит Макариево-Решемского монастыря. В 1914–1919 гг. она построила в селе Высоком деревянный Михайло-Архангельский храм. О благотворительности матери Веры в советское время мы много писали выше. Напомним только, что в 1934 г. она содержала устроенный ею приют, в котором находилось около 20 человек детей, чьи родители умерли или находились в заключении.

Советская пресса старалась представить мать Веру как стяжательницу, которая обирает легковверных посетителей, а сама катается как сыр в масле. Однако все, кто знал мать Веру, свидетельствуют о ней как о подвижнице, ведущей строго-аскетический образ жизни.

31 марта 1923 г. на допросе в Московском губотделе ОГПУ настоятельница Алексеевского монастыря игумения Мария (Преженцова)

показала: «Корыстолюбия со стороны Веры я не заметила. Прихожане, видимо, что-то ей передавали — деньги или еще что, но она тут же отдавали их другим, ничуть не интересуясь тем, что было завернуто»⁵. Уроженка д. Замятино Александра Павловна Смирнова (1916 г. р.), в детстве ходившая к матери Вере, позднее вспоминала: «Мать Вера вела строгую, подвижническую жизнь. Спала на досках, мягкой постели у ней не имелось. При себе мало что имела. Всё раздавала бедным. По-Божьи жила. Одной рукой принимала, другой раздавала. Ей, конечно, тоже приносили. Одной бедной семье матушка купила телку, чтоб могли прокормиться»⁶.

Так как в первую очередь к матери Вере приходили крестьянки, то основным предметом их приношений были куриные яйца. Мать Вера раздавала их нуждающимся, но иногда не успевала это сделать, и тогда их скапливалось большое количество. Выше мы рассказывали, как в 1931 г. молвитинская газета «Колхозный клич» описывая, как богато живёт мать Вера, особый упор сделала на то, что при обыске у неё в подвале было обнаружено 2800 яиц. В описи обыска указано, что яиц было 2400, но газета увеличила это количество до 2800 — может быть, это простая опечатка, но, скорее всего, газетчики сознательно увеличили цифру, чтобы произвести впечатление на читателя. При аналогичном обыске в 1934 г. было обнаружено 658 яиц. Само количество яиц говорит о том, как много людей приходило к матери Вере. Ведь вряд ли женщины, идущие к ней, приносили больше одного-двух десятков.

Разумеется, какая-то часть съестных припасов, приносимых матери Вере, шла — особенно после 1920 г. — на пропитание её и небольшой общины окружавших её людей.

В 1934 г. через руки матери Веры проходили очень крупные финансовые средства, что позволяло ей оказывать весьма масштабную благотворительную помощь. Выше мы описывали поразительную ситуацию, когда мать Вера помогала деньгами не только Инвалидному дому, но и местным колхозам и даже Коростелевскому сельсовету. На допросе в Иваново 16 января 1935 г. мать Вера назвала источник своей благотворительности. Она показала: «Ежедневно ко мне паломников и почитателей за разными советами и наставлениями приходило из разных мест Советского Союза по 800 и 1000 человек. Паломники приносили в большом количестве продукты, муку, яйца, картофель, деньги, ценности и т. д. Были такие дни, когда около моего дома скапливалось до 60 крестьянских подвод. И если и случалось, что у кого-либо я отказывалась принимать приношения и жертвования, то эти лица плакали и просили меня брать приношения и находились по несколько дней, ожидая когда я их приму»⁷.

Разумеется, мать Вера помогала и Никольской приходской церкви в Сумарокове. 3 марта 1935 г. бывший председатель церковного совета

Никольской церкви Владимир Лукьянович Виноградов* показал на допросе: «На средства игумении Меркуловой мы произвели ремонт церкви с. Сумароково»⁸.

За 8–9 месяцев жизни матери Веры в Сумарокове, когда она каждый день приезжала в Никольскую церковь, последняя получила такой финансовый доход, которого у неё, может быть, не было никогда. «Наша община, — показал В.Л. Виноградов, — за 8 месяцев, т.е. за время проживания в с. Сумароково Меркуловой создала матерьяльную базу около 15 тыс. рублей»⁹. Опасаясь за судьбу этих денег, В.Л. Виноградов и церковная староста Екатерина Сергеевна Маянцева, бывшая насельница Свято-Троицкого монастыря**, спрятали часть денег (6 тыс. рублей) на чердаке церкви. Это произошло, по-видимому, в первых числах января 1935 г., незадолго до ареста матери Веры.

На допросе Екатерина Сергеевна Маянцева показала, что эта «сумма денег составила из пожертвований паломников матушке Вере»¹¹. Руководители общины спрятали деньги на церковном чердаке на всякий случай. Однако властям стало про это известно. То ли кто-то из двоих, знавших, где спрятаны деньги, проговорился, то ли в храме после ареста матери Веры прошёл обыск, в ходе которого деньги были найдены. Из дела неясно, отдали ли эти 6 тысяч назад церковной общине, — ведь они были заработаны законным образом и принадлежали приходу.

Подводя итог, можно уверенно сказать, что таких примеров благотворительности, какой занималась мать Вера в советское время, а особенно в 1934 – начале 1935 гг., не было больше нигде в Советском Союзе.

* Владимир Лукьянович Виноградов родился в 1872 г. в д. Попово, в которой и проживал. По-видимому, он был председателем церковного совета до конца 1934 г.

** Екатерина Сергеевна Маянцева родилась в 1879 г. в д. Бараново Буйского уезда, в крестьянской семье. Она поступила в монастырь в 1887 г. восьмью лет от роду (видимо, её взяли в обитель как сироту). В 1900 г. стала рясофорной послушницей¹⁰.

ФОТОГРАФИИ МАТУШКИ ВЕРЫ

Во второй половине XIX в., в связи с появлением фотографии, появилась традиция, когда служители Церкви — архиереи, настоятели монастырей, священники — дарили пастве и духовным детям свои фотографические снимки с дарственными надписями. Так, например, часто поступал святой праведный о. Иоанн Кронштадтский. Этой традиции придерживалась и мать Вера: большинство её фотографий, которые дошли до нас, были в своё время подарены ею разным людям. Снимки запечатлели мать Веру в разные периоды её жизни — от тех, где она молодая и улыбочивая, до тех, где мы видим её сидящей в инвалидной коляске. Фотографии могут немало рассказать нам о матери Вере.

На подавляющем большинстве их она одета в традиционное для себя белое одеяние. Исключения крайне редки. Как писалось выше, до нас дошла групповая фотография, снятая в 1910 г. в Вологде, где мать Вера находилась «на сборах» для обители. На снимке (*см. стр. 88*) — мать Вера, казначея монастыря Мария и две неизвестные женщины. Мать Вера сидит в чёрном монашеском одеянии. Казначея Мария стоит, положив руку на плечо матери Веры. На обороте фотографии написано: «На молитвенную память от м. Веры. Снята с казначейшей Марией и др. в г. Вологде. С. Петербург. 1911 г. 14/III». Из подписи мы узнаём, что ранее мать Вера с казначейшей Марией была в Вологде. Вероятно, эта поездка имела место в первой половине 1910 г. Эту фотографию, снятую в Вологде, мать Вера подарила кому-то в Петербурге 14 марта 1911 г., в день Феодоровской иконы Божией Матери.

Мать Вера запечатлена в чёрном монашеском облачении ещё на одном снимке. Она сидит в своей келье. На груди её — небольшой крест на металлической цепочке. В правой руке — потрёпанная книжка, возможно, молитвенник, в левой — чётки. Сзади на стене — большая икона Феодоровской Божией Матери, перед иконой — аналой. Можно предположить, что мать Вера облачилась в чёрное по какому-то важному поводу. Снимок мог быть снят, когда мать Вера жила в Галиче (1923–1924 гг.) или Кинешме (1925–1928 гг.). Как писалось выше, фотография, скорее всего, сделана в Галиче, где мать Вера жила с июля 1923 г. по апрель 1924 г.

Мать Вера с иконой Казанской Божией Матери. Фото М.М. Смодора. Начало 10-х годов XX в.

Мать Вера с той же иконой Казанской Божией Матери. Фото начала 30-х годов XX в.

На целом ряде фотографий, сделанных в разные годы, мать Вера запечатлена с небольшой иконой Казанской Божией Матери в руках. Мария Ивановна Райкина (1919 г.р.), мать которой, Мария Тихоновна Райкина, была дружна с матушкой Верой, вспоминала: «Образ Казанской Божией Матери матушка Вера очень почитала, т.к. этот образ — благословение ее родителей; с ним она не расставалась никогда»¹.

На одной фотографии, где мать Вера держит в руках Казанскую икону Божией Матери, она почему-то снята простоволосой, с непокрытой головой. Можно предположить, что мать Веру попросил обнажить голову автор снимка — известный галичский фотограф М.М. Смодор. Снимок можно примерно датировать серединой второго десятилетия XX в. По-видимому, мать Вера никому его не дарила, и он сохранился только в архиве стеклянных негативов М.М. Смодора*.

* Фотография простоволосой матери Веры любезно прислана нам Николаем Васильевичем Сотниковым.

Простоволосая мать Вера с той же Казанской иконой Божией Матери.
Фото М.М. Смодора. 10-е годы XX в.

Мать Вера со списком Феодоровской иконы Божией Матери. Фото начала 10-х годов XX в.

На двух фотографиях мать Вера снята с большой иконой Феодоровской Божией Матери. На первом снимке молодая мать Вера стоит, держа перед собой икону. На втором, снятом через сколько-то лет, она сидит, одетая в чёрное облачение, сзади неё на стене висит эта самая икона. Видимо, Феодоровская икона Божией Матери была её келейным образом.

Мать Вера с иконой Успения Божией Матери. Фото 20-х годов XX в.

На одной фотографии мать Вера сидит, в руках у неё — небольшая икона Успения Божией Матери в металлическом окладе.

На нескольких фотографиях мать Вера изображена с цветами: она или держит букет белых цветов в руках, или цветы стоят в вазе рядом с ней. Известно, что мать Вера очень любила цветы. Бувелянка Мария Ивановна Райкина (1919 г.р.), родители которой были дружны

Редкий снимок — мать Вера в черном облачении. Фото 1920-х гг.

с матерью Верой, с их слов, рассказывала, что матушку Веру «очень успокаивали красивые цветы»². На одной из фотографий, снятых в Петрограде предположительно в 1916 г. (согласно тиснёной надписи на паспорту, снимок сделан в фотографии А. Монахова на ул. Лиговской д. 76), мать Вера стоит рядом с букетом цветов.

Ряд фотографий матери Веры дошли до нас с дарственными надписями. Особенно любопытна надпись на фотографии, где она с букетом в руке (*см. стр. 7*). На оборотной стороне её рукой написано: «На добрую память м. Екатерине от растрепы Веры. 1913 г. 22 февраля. Терпение убогих не погибнет до конца». Кто такая матушка Екатерина, которой был подарен снимок, мы не знаем. В последних известных нам ведомостях Свято-Троицкого монастыря за 1917 и 1919 гг. нет ни

Мать Вера отдыхает. Фото начала 30-х годов XX в.

одной монахини с именем Екатерина. Возможно, это была насельница из другой обители. «Терпение убогих не погибнет до конца» — цитата из 9-го псалма. Любопытно прозвище — растрёпа, которым мать Вера сама себя назвала. Скорее всего, так её называли в монастыре. Наименование себя таким прозвищем говорит о чувстве юмора матери Веры.

На одной из поздних фотографий мать Вера снята лежащей. Рядом с ней на столике — большой букет цветов. На груди матери Веры — большой белый платок, украшенный вышитыми узорами, крестиками и словами молитв. Этот же платок снят и на другой фотографии, где мать Вера сидит с иконой Казанской Богоматери в руках, а над ней на стене укреплен этот платок. Когда и где сделаны эти снимки, мы не знаем. Вероятно, это — Сумароково (1931 или 1934 гг.)

На одном снимке, довольно неважном по качеству, мать Вера снята летом с группой людей в Сумарокове (см. стр. 342). Сзади видна колокольня Никольской приходской церкви с ещё висящими на ней колоколами. На переднем плане — мать Вера в белом облачении, сидящая в коляске. Вокруг неё много людей. Рядом с матушкой стоят дети разных возрастов, впереди — совсем маленькие, лет пяти. Снимок не датирован, но он, конечно, сделан или в июне-июле 1931 г. или летом 1934 г. Вероятнее, второй вариант, то есть 1934 г. В таком случае дети, стоящие рядом с матерью Верой, — скорее всего, воспитанники из её «приюта». Судя по всему, это последний снимок матери Веры, во всяком случае, последний, известный нам.

Мать Вера
с иконой
Казанской
Божией
Матери.
*Фото начала
30-х годов
XX в. в.*

До нас не дошло ни одной тюремной фотографии матери Веры. Как известно, снимки людей, находящиеся в местах лишения свободы, состоят из двух фотографий, снятых в анфас и профиль. Таких снимков нет ни в одном из следственных дел матери Веры, ни в интернете. Вероятно, их отсутствие можно объяснить тем, что в тюрьмах мать Вера сразу поступала в тюремную больницу и, видимо, не проходила обычную приёмку арестованных с их фотографированием.

Фотопортреты матери Веры можно дополнить описанием её внешности, сделанным современником. Василий Михайлович Голубев (1898 г.р.), один из организаторов Сумароковской МТС в бывшем Свято-Троицком монастыре и бывший председатель колхоза им. К. Е. Ворошилова, так описывал её: «Верушка была среднего роста, пышное с небольшим подбородком лицо, плотно поджатые красивые губы, глаза точно спелая смородина, даже человека как будто насквозь сверлящие, голос чистый и резкий, черные подстриженные аккуратно зачесанные волосы — всё это придавало ей не только красоту, но и строгость, властность над безграмотными и религиозными людьми»³.

АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ СЕВАСТИАН (ВЕСТИ): СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

«Я сознаю, что епископское служение есть тяжёлый крест, особенно в настоящее время. Оно требует непрестанных подвигов, долготерпения и готовности перенести злострадания»¹.

Из речи архимандрита Севастиана при наречении его в епископа Кинешемского, викария Костромской епархии (6 сентября 1914 г.)

ВЛАДЫКА СЕВАСТИАН (ВЕСТИ): СУДЬБА ДО КОСТРОМЫ

АРХИЕПИСКОП Костромской и Галичский Севастиан (Григорий Иванович Вести; 1871–1929 гг.) родился 19 января 1871 г. в с. Зоим Бендерского уезда Бессарабской губернии, в семье крестьянина². Хотя в то время в духовные учебные заведения крайне неохотно принимали представителей других сословий, Григорий Вести сумел поступить в Кишинёвскую духовную семинарию, в 1894 г. окончил её и принял сан священника. Овдовев *, в 1897–1901 гг. о. Григорий учился в Киевской духовной академии, где в 1900 г. принял монашество с именем Севастиан. С 1901 г. он — помощник смотрителя Единецкого духовного училища в Бессарабии, с 1903 г. — инспектор Холмской духовной семинарии, с 1906 г. — ректор Подольской духовной семинарии (с возведением в сан архимандрита), а с 1909 г. — ректор Донской духовной семинарии (последняя находилась в столице Области Войска Донского в г. Новочеркасск)⁴.

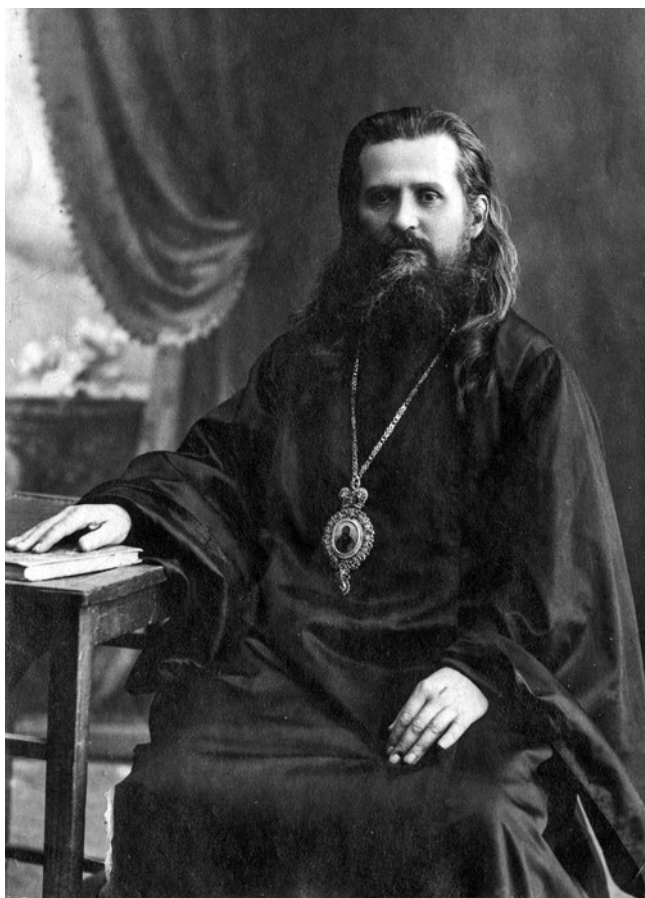
В самом начале Мировой войны о. Севастиан был переведён из Новочеркасска в Кострому и возведён в сан епископа. 30 июля 1914 г. император Николай II утвердил доклад Св. Синода «о бытии (...) ректо-

* У владыки Севастиана была дочь, Анастасия Григорьевна Вести, окончившая Высшие женские курсы в Киеве³.

ру Донской духовной семинарии архимандриту Севастиану епископом Кинешемским, викарием Костромской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его во епископа произведены были в С.-Петербурге»⁵. 24 августа преподаватели Донской духовной семинарии поздравили своего бывшего ректора и пожалели ему успехов на новом поприще⁶.

ВЛАДЫКА СЕВАСТИАН В КОСТРОМЕ

8 СЕНТЯБРЯ 1914 г., в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в Петрограде в Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась хиротония архимандрита Севастиана во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. Хиротонию совершил митрополит Петроградский и Ладожский Владимир* с группой иерархов⁷.

Епископ Севастиан (Вести). Фото 1921 г.

* Святитель Владимир (Богоявленский; 1848–1918 гг.), митрополит Московский и Коломенский (1898–1912 гг.), митрополит Санкт-Петербургский (Петроградский) и Ладожский (1912–1915 гг.), митрополит Киевский и Галицкий (1915–1918 гг.). Убит в Киеве 25 января 1918 г.

Ипатьевский монастырь — духовно-административный центр Костромской епархии, резиденция правящего и викарного архиереев. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

Новый епископ Кинешемский прибыл в Кострому 29 сентября 1914 г.⁸ Как и все викарные архиереи, владыка Севастиан проживал в Ипатьевском монастыре и являлся настоятелем Богородицко-Игрицкого монастыря под Костромой. Служба епископа Севастиана в Костромской епархии пришлась на годы Первой Мировой войны, революции и Гражданской войны.

ВЛАДЫКА СЕВАСТИАН: НАЧАЛО ГОНЕНИЙ

УЖЕ в самые первые дни после падения монархии, которые застали его в Кинешме, владыка подвергся гонениям со стороны новых властей. 18 марта 1917 г. председатель исполнительного бюро Кинешемского революционного комитета общественной безопасности А.С. Колодин отправил в Костромской губернский объединённый комитет общественной безопасности донос на владыку, в котором писал: «Епископ Севастьян, крайний реакционер-дубровинец по убеждениям, гордившийся своей дружбой с Дубровиным^{*}, всегда вел себя со своими подчиненными как сатрап, терроризовал духовенство в Кинешме, куда он очень часто (ездил? — *Н.З.*), и теснил учителей церковно-приходских школ.

* А.И. Дубровин (1855–1921 гг.) один из руководителей правомонархического Союза русского народа.

В первые дни народившейся свободы (4–6 марта) Севастьян был в Кинешме и вел себя более чем странно. В субботу, 4 марта, отдал распоряжение духовенству поминать в церквах императора Михаила, хотя уже прочитал в газетах сообщение об отказе Михаила Романова от наследия. На возражение некоторых приближенных лиц, что такое поминовение неудобно, Севастьян категорически заявил, что он не может мыслить царства без царя. Так за всеобщей 4-го марта духовенство и поминало царя Михаила, к удивлению молящихся. И только на другой день утром отменил Севастьян это свое распоряжение. В воскресенье, 5-го марта, Севастьян за богослужением произнес страстную проповедь, в которой, говоря о кресте, высказал между прочим такую мысль, что революция — это новый крест для России. Ввиду неясности молящимися понято так, что народившаяся свобода народная — не праздник, а крест народный, и возмутило их чувство»⁹.

Как видим, в первые дни революции епископ Севастиан не поддавался общей эйфории. 5 апреля 1917 г. в письме к новому обер-прокурору В. Н. Львову он отверг обвинение в знакомстве с Дубровиным: «Это утверждение Кинешемского революционного комитета совершенно неверно: я не знаком с Дубровиным, никогда его не видел и ни пред кем не гордился дружбой с ним. Я не реакционер по своим убеждениям»¹⁰.

Но революционные силы не отступали, и, чтобы вывести своего викария из-под удара, епископ Евгений 13 марта предложил обер-прокурору В. Н. Львову переименовать епископа Кинешемского в епископа Макариево-Унженского. Это предложение было удовлетворено. Определением от 25–30 мая 1917 г. Св. Синод постановил переименовать епископа Кинешемского Севастиана (Вести) в епископа Макариево-Унженского «с назначением ему местожительства в г. Макарьево и с поручением ему управления Макарьевским, Кологривским, Ветлужским, Варнавинским и Юрьевецким уу.». В качестве резиденции епископу Севастиану отводился Макариево-Унженский монастырь в г. Макарьево»¹¹.

Однако упразднение Кинешемского викариатства вызвало большое недовольство в Кинешме. Кинешемская городская дума, духовенство и жители города обратились к епископу Евгению с просьбой о восстановлении викариатства¹². И дело было не только в том, что кинешемцы защищали своё викариатство, — большинство из них не хотело расставаться с владыкой Севастианом. 1 декабря 1917 г. член Поместного Собора от Костромской епархии, член окружного суда кинешемец Н. А. Вознесенский, выступая на Соборе, говорил о том, что при переводе архиереев с кафедры надо учитывать мнение местных жителей. В частности, он сказал: «Так было и в нынешнем году, когда викарный епископ Костромской епархии Севастиан был переведен в другую епархию (в другое викариатство. — *Н.З.*). Народ готов

был разорвать на клочки виновников его перемещения, и только сам епископ успокоил волновавшихся»¹³.

21 июля епископ Евгений обратился в Св. Синод с просьбой о восстановлении Кинешемского викариатства. В ответ на это Св. Синод 20 сентября 1917 г. своим указом определил: «викарию Костромской епархии, епископу Макариево-Унженскому Севастиану присвоить прежнее наименование “епископ Кинешемский”»¹⁴.

В 1919 г. в Костромской епархии было учреждено Нерехтское викариатство, и владыка Севастиан стал епископом Нерехтским. Так как назначения на пост епископа Кинешемского никто не получил, то в 1919–1921 гг. Кинешемского викариатства фактически не существовало.

В 1919 г. владыка Севастиан вместе с правящим архиереем, архиепископом Костромским и Галичским Серафимом (Мещеряковым), был изгнан из Ипатьевского монастыря и поселился в Ипатьевской слободе¹⁵, переименованной в 1918 г. в Трудовую слободу.

ВЛАДЫКА СЕВАСТИАН: В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

В СЕНТЯБРЕ 1920 г. вместе с архиепископом Серафимом епископ Севастиан в порядке трудовой мобилизации был направлен на канцелярскую работу в советские учреждения. Вместе с архиереями трудовой мобилизации тогда подверглись 80 из 96 священноцерковнослужителей Костромы¹⁶. Оба архиерея должны были целый рабочий день трудиться в канцеляриях, а вечером возвращаться к своим прямым обязанностям: совершать богослужения, принимать посетителей, работать с бумагами. Архиепископ Серафим после неоднократных протестов, направленных в Москву, в ноябре 1920 г. был освобождён от канцелярской повинности, епископ Севастиан, по-видимому, отбывал её несколько дольше.

В июле 1922 г. вместе с архиепископом Костромским и Галичским Серафимом епископ Севастиан перешёл в обновленческий раскол. В конце того же года, когда архиепископ Серафим был переведён в Белоруссию, владыка Севастиан возглавил Костромскую кафедру. По-видимому, тогда же он был возведён в сан архиепископа (в документах 1922–1923 гг. он именуется то епископом, то архиепископом).

В июле 1923 г. владыка Севастиан публично покаялся пред Патриархом Тихоном за переход в обновленчество и был оставлен на Костромской кафедре¹⁷. Реакция властей за отказ от обновленчества не заставила себя ждать: 15 августа 1923 г. епископ Севастиан был арестован на железнодорожном вокзале Костромы (он собирался в Москву для встречи с Патриархом Тихоном) и оказался в «костромском исправдоме». В тюремных стенах управляющий Костромской епархией пробыл две недели, и за это время чекисты заручились его обещанием вернуться в обновленческий раскол (в бумагах следствия

говорится, что его надо освободить «принимая во внимание данное им, епископом Севастианом, обязательство»¹⁸.

30 августа 1923 г. владыка был освобождён под подписку о невыезде и уже в сентябре перешёл в обновленчество. Тем не менее 29 сентября 1923 г. его опять арестовали, и в этот раз владыка оказался в Москве, в Бутырской тюрьме¹⁹. Думается, что этот арест был ошибочным: скорее всего, костромские чекисты не успели доложить по начальству, что архиепископ Севастиан опять стал обновленцем. Когда разобрались, 10 декабря 1923 г. Коллегия ОГПУ постановила его освободить²⁰.

В начале 1924 г. архиепископ Севастиан вновь покаялся пред Патриархом Тихоном за своё обновленчество и снова был оставлен на Костромской кафедре²¹. В этот раз чекисты не стали арестовывать владыку, а в марте 1924 г. выслали его из Костромы в Кинешму.

К ВОПРОСУ О ДАТЕ СМЕРТИ ВЛАДЫКИ СЕВАСТИАНА

Во время своей Кинешемской ссылки 1925–1928 гг. мать Вера часто встречалась с епископом Севастианом. Её бывшая келейница Евфросинья Кирилловна Карепина с 1924 г. прислуживала владыке.

В Кинешме земной путь владыки Севастиана и завершился. В литературе преобладает мнение, что архиепископ Севастиан умер в Кинешме в 1934 г. Первым об этом написал митрополит Мануил (Лемешевский) в своём труде «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы», где в разделе о владыке Севастиане сказано: «Скончался в 1934 г. в г. Кинешме»²². Эта дата повторена и в капитальном издании «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943)» (М., 1994)²³. Правда, в издании «“Обновленческий” раскол» (М., 2002) об архиепископе Севастиане сказано: «Умер в 1934 г. в г. Кинешме. Год и место смерти указаны по данным митрополита Мануила (Лемешевского). По другим данным умер в 1929 г.»²⁴. На могиле архиепископа Севастиана у алтаря Кинешемского Успенского собора в качестве даты кончины указан 1934 г.²⁵.

На самом деле владыка Севастиан скончался в Кинешме 8 декабря 1929 г. Об этом есть целый ряд свидетельств современников.

Дочь одной из духовных дочерей архиепископа Севастиана передала автору этих строк фотографию владыки, которую он подарил её матери. Снимок сделан в Костроме, видимо, во дворе дома в Трудовой (бывшей Ипатьевской) слободе, где Севастиан жил после изгнания его в 1919 г. из Ипатьевского монастыря. На обороте фотографии есть дарственная надпись: «Певчей Груше на память. Севастиан, епископ Костромской и Галичский 9/22 августа 1927 г.». Чуть выше

дарственной надписи написано: «Скончался 1929 года 25 ноября в 2 часа дня Севастиан Архиепископ Владыко» (дата кончины указана по старому стилю).

Священномученик Никодим (Кротков; 1868–1938 гг.), архиепископ Костромской и Галичский, на допросах в Ярославле в декабре 1936 г., в частности, ответил на вопрос следователя об одной из книг в его библиотеке: «Эта книга мною взята в 1929 г. у б. костромского архиепископа Севастиана после его смерти»²⁶.

В издании «Акты Святейшего Тихона Патриарха» правильно указано, что архиепископ Севастиан управлял Костромской епархией по 25 ноября (8 декабря) 1929 г.²⁷

Наконец, вспомним, что послушница матери Веры, Евфросинья Кирилловна Карепина, в 1931 г. на допросе показала, что находилась в услужении у владыки до 1930 г.: «...я уехала в Кинешму, где работала 7 лет до 1930 г. прислужкой у б. епископа Севастиана»²⁸. Как писалось выше, Евфросинья Кирилловна приехала к матери Вере в Котельнич в конце 20-х числа декабря 1929 г. Евфросинья Кирилловна жила по старому календарю, по которому она приехала в Котельнич в январе 1930 г. Если бы архиепископ Севастиан скончался в 1934 г., то Евфросинья Кирилловна и жила бы при нём до 1934 г.

Из показаний Евфросиньи Кирилловны мы знаем, где она жила в Кинешме: ул. Грибоедова, д. 12²⁹. Вероятнее всего, она жила при архиерее, и, следовательно, по этому же адресу проживал и сам владыка.

Архиепископ Севастиан был похоронен в Кинешме, на городском кладбище в Сокольниках³⁰. Как писалось выше, летом 2000 г. останки владыки Севастиана были перезахоронены у алтаря Успенского собора, где его могила находится и поныне.

В некоторых публикациях указывается, что владыка Севастиан в 1934 г. в Кинешме даже был расстрелян. Кинешемский краевед Н.В. Воробьёв, сообщая о том, что архиепископ Севастиан похоронен на кладбище в Сокольниках, тут же пишет, что его расстреляли в 1934 г. в Кинешме³¹. Однако если бы владыку Севастиана действительно расстреляли в Кинешме в 1934 г., никто бы не выдал служителям Церкви его тело. Нам неизвестно ни одного случая, чтобы тело человека, расстрелянного в 30-е годы по политическому обвинению, было выдано его родственникам. Сам факт погребения архиепископа Севастиана на городском кладбище в Сокольниках убедительно свидетельствует о том, что он умер своей смертью в 1929 г.

В 2014 г. на могиле архиепископа Севастиана у алтарной части Успенского собора было установлено каменное надгробие, на котором написано: «Архиепископ Костромской Севастиан (Вести) (1870–1934). Викарный епископ Кинешемский с 1914 по 1917». Как видим, обе даты жизни указаны неверно (правильно: 1871–1929 гг.).

Кинешма. Могила архиепископа Севастиана (Вести) в ограде Успенского собора.
Современное фото

Летом 2000 г. одновременно с перезахоронением праха владыки Севастиана в ограде Успенского собора была перезахоронена с кладбища в Сокольниках некая монахиня Вера — возможно, та самая, которая является героем нашей книги.

МАТУШКА ВЕРА И СУДЬБА ДЕТЕЙ ОТЦА ПЕТРА ОБРАЗЦОВА

За сироту только Бог — заступя.

Пословица

С 1929 г. судьба неразрывно связала мать Веру и настоятеля Троицкого собора в Котельниче протоиерея Петра Образцова.

Как писалось выше, о. Пётр был арестован 24 марта 1931 г. (вскоре после отъезда матери Веры) и оказался в Котельничском домзаке. Примечательны обстоятельства, предшествующие аресту. Его сын, Иннокентий Петрович Образцов, со слов старших людей, рассказывает: «Его первый арест в 1931 году был связан с диспутом, организованным (...) котельничскими атеистами при содействии местных властей. Целью диспута была полная дискредитация религии, опровержение христианской веры, Божественного происхождения Вселенной, жизни на Земле. На серьезный разговор прибыли ученые из Кирова (тогда ещё Вятки. — *Н.З.*). Их оппонентом власти уговорили стать моего отца, довольно известного к тому времени церковного проповедника, они обещали ему в последующем полную неприкосновенность. Видимо, организаторы диспута были абсолютно уверены в полном разгроме отца Петра, однако диспут закончился убедительной победой священника и бурными овациями ему большинства котельниччан, собравшихся в переполненном зале городского клуба. Его даже вынесли на руках со сцены. Вскоре после диспута отец был арестован, его имущество конфисковали, а всю семью выселили из собственного дома»¹.

10 июня 1931 г. Тройка Постоянного представительства ОГПУ по Нижегородскому краю осудила его к 5 годам лишения свободы. Срок этот о. Пётр отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, откуда вернулся осенью 1934 г., освободившись досрочно².

Иннокентий Петрович Образцов позднее писал: «Отец попал на строительство Беломоро-Балтийского канала. Через три с половиной года в связи с сильным истощением и острым заболеванием он был отправлен “умирать домой”. Мать наша Александра Платонов-

на к этому времени уже умерла, не в силах вынести обрушившихся на неё несчастий»³.

Супруга о. Петра, Александра Платоновна Образцова, умерла в 1932 г. Как писалось выше, с этого времени дети о. Петра — Ангелина, Алевтина (Алла), Эмилия (Эмма) и Иннокентий — жили у Анны Семёновны Корякиной. В 1932 г. самой старшей из них, Ангелине (1918 г.р.), было 14 лет, а самому младшему, Иннокентию (1930 г.р.), — полтора года.

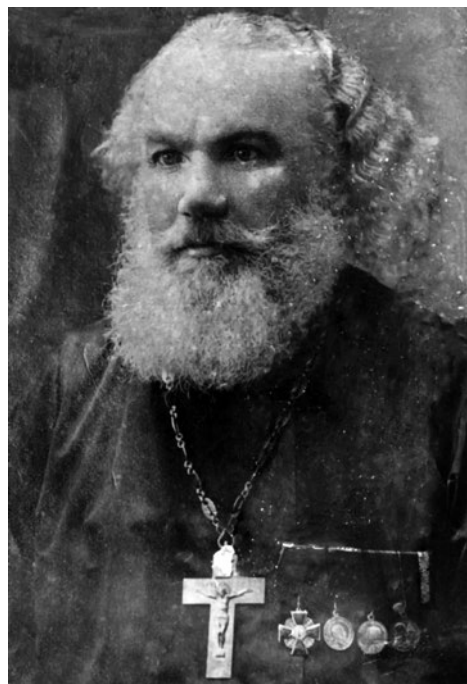
Иннокентий Петрович Образцов пишет: «Оставшись в 1932 году круглыми сиротами, мы не погибли только благодаря помощи и заботам почитателей отца Петра и друзей нашей семьи. Анна Семеновна Корякина приютила нас в отдельном старом маленьком домике с русской печью (...) и помогала нам, как только могла»⁴.

Анна Семёновна Корякина родилась в 1891 г. в д. Канюковы Котельничского уезда, в крестьянской семье. С 1918 г. жила в Котельнице. На 1932 г. она была вдовой и проживала с 13-летним сыном Николаем Аркадьевичем Корякиным⁵.

Анна Семёновна знала мать Веру с 1929 г. и была её почитательницей. Одна из дочерей о. Петра, Ангелина Петровна Образцова, позднее вспоминала: «Анна Семеновна Корякина, хозяйка квартиры, у которой мы жили в г. Котельнич в довоенное время, была очень хорошо знакома с матушкой Верой, которая в это же время находилась в ссылке в Котельнице»⁶.

По-видимому, с начала лета 1934 г. дети о. Петра жили уже у матери Веры в Сумарокове. Осенью 1934 г. о. Пётр вернулся из лагеря. Через какое-то время он навестил своих детей в Сумарокове, но не смог взять их к себе: он был ещё очень слаб, нигде не служил и в Котельнице жил у той же Анны Семёновны.

В конце 1935 г. о. Пётр стал служить священником в селе Федосеевском Свечинского района. По-видимому, в это время он принял монашество. Жена его сына Иннокентия, Ия Александровна Образцова (1936 г.р.), свидетельствует, что перед последним арестом он имел сан архимандрита⁷.

Архимандрит Пётр (Образцов).
Фото 1930-х гг.

4 августа 1937 г. о. Петра вновь арестовали. Среди обвинений, предъявленных ему, упоминалось и то, что он «до 1935 г. имел связи с руководителем монархической организации Верой Меркуловой, являясь сам убежденным монархистом и противником колхозного строя»⁸. 29 сентября 1937 г. о. Пётр был приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 14 октября 1937 г. в г. Кирове⁹.

После того, как в январе 1935 г. мать Вера и её послушницы были арестованы, дети о. Петра вернулись в Котельнич и вновь стали жить у Анны Семёновны Корякиной. В начале мая 1935 г. чекисты даже не смогли арестовать с первого раза Анну Семёновну, так как она повезла Ангелину Образцову в Киров к главному врачу и отсутствовала дома¹⁰.

14 мая 1935 г. Анну Семёновну всё же взяли (она проходила по делу той же «группы», в которой «состояла» и Клавдия Никифоровна Шатова). Её обвинили в том, что она «в течение 6 лет поддерживала непрерывную письменную связь с руководителем контрреволюционной церковно-монархической организации “Партии монархистов” Меркуловой Верой, поддерживала ее материально, собирала средства и продукты, выполняла роль связистки»¹¹. Из предъявленных обвинений Анна Семёновна признала только одно — близкое знакомство с матерью Верой: «Я признаю, что тесно общалась с Меркуловой, но агитации не вела»¹². 2 октября 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило А.С. Корякину к ссылке в Казахстан на 3 года. Она вернулась из ссылки и умерла в Котельниче в 1979 г.¹³.

Судьба детей о. Петра в последующие несколько лет неизвестна. Перед войной они уже проживали в Буе. Елизавета Михайловна Смирнова (1923 г.р.) вспоминала, что в Буе Анастасия Васильевна Генеральская «воспитывала четверых детей-сирот расстрелянного отца Петра Образцова»¹⁴. По-видимому, поселившись в Буе (это произошло примерно в 1938–1939 гг.), Анастасия Васильевна через какое-то время привезла детей о. Петра из Котельнича к себе.

Старшая дочь о. Петра, Ангелина Петровна Образцова, всю свою жизнь прожила в Буе. В 1990 г. о. Валентин Ратьков записал воспоминания Ангелины Петровны о матушке Вере. Правда, воспоминания её на редкость скупы. Похоже, что пережитое в детстве всё ещё довлело над ней, и она, по-видимому, боялась вспоминать эти годы. В Буе жила и Алевтина (Алла) Петровна Образцова. В 1963 г. Ангелина и Алевтина Образцовы проводили в последний путь свою воспитательницу — Анастасию Васильевну Генеральскую.

Самый младший ребенок о. Петра, Иннокентий Петрович Образцов (1930 г.р.), после войны уехал из Буя в Ленинград, окончил Горный институт и стал геологом.

Как сложилась судьба Эмилии (Эммы) Петровны Образцовой, мы не знаем.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

СЕЛО СУМАРОКОВО И БЫВШИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

До 60-х годов XX в. территория Сумарокова находилась в пределах территории бывшего Свято-Троицкого монастыря и нескольких жилых домов за пределами монастырской стены. В 60-х годах, в связи с укрупнением населённых пунктов, началось переселение окрестных деревень в с. Сумароково, и в это же время началось жилищное строительство. В 80–90-е годы завершилось формирование села, какое оно есть и сейчас.

До 60-х годов монастырские строения использовались для жилья людей, переезжающих из окрестных деревень, под контору, почту, столовую, а в части корпусов проживали инвалиды из Сумароковского дома-интерната.

Около монастыря находился бывший дом священника — большой деревянный, в котором в 60–70-е годы жили люди, и находилась сапожная мастерская. Дом сгорел в конце 1979 г. или в начале 1980 г. — это я помню.

Рядом с Никольской церковью стояло кирпичное здание, в котором до 1970-х годов жили люди. Местный житель Вячеслав Смирнов помнит, что возле этого дома находились ворота, но кирпичной ограды уже не было. Дом снесли в 1970-е годы.

В Троицкой церкви до 1975 г. находилась совхозная столярная мастерская.

О СУМАРОКОВСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ

В 1996 г. мне предложили стать директором Сумароковского психоневрологического интерната. Я согласился и пробыл на этом посту 13 лет, вплоть до 2009 г. **

* Виктор Михайлович Марфунин родился 26 июня 1954 г. в г. Сафонове Смоленской области. Живёт в с. Сумарокове с 1978 г. В 1980–1985 гг. заочно обучался в Костромском педагогическом институте им. Н.А. Некрасова. С 1980 г. работал учителем в Сумароковской неполной средней школе, с 1983 г. — директором школы. В 1996–2009 г. был директором Сумароковского психоневрологического интерната. С 2007 г. и по сей день — директор автономной некоммерческой организации «Святая благотворительность».

** В 1986 г. был закрыт психоневрологический интернат, который находился в старинной усадьбе Нероново в Солигаличском районе. Из Неронова больных перевели в Сумароково. Так в 1986 г. Сумароковский дом-интернат для престарелых превратился в Сумароковский психоневрологический интернат на 170 человек.

В разное время обитателей интерната называли по-разному: в прошлом их именовали «обеспечиваемые», позднее — «социальные клиенты», в настоящее время — «получатели социальных услуг».

До 1996 г. интернат производил удручающее впечатление. В палатах корпусов отсутствовали нормальные бытовые условия. Серые стены, кровати, одинокая лампочка Ильича. На территории — непролазная грязь. В 1997 г. стоял вопрос о закрытии интерната. Я понимал, что если не предпринять каких-то решительных мер, то интернат закроют и многие люди лишатся работы, а это около ста человек.

Помогло время взаимозачётов. Действующим директорам интернатов новые экономические веяния были тогда непонятны. Они привыкли осваивать бюджеты с помощью «живых денег», а их во второй половине 90-х годов не было, и директора жили по старине: дадут — хорошо, не дадут — будем ждать. Этим я и воспользовался.

Благодаря взаимозачёту, по согласованию с областным департаментом социальной защиты, я осваивал свой бюджет на 293 процента, и мне удалось обустроить интернат — заасфальтировать территорию, наладить быт инвалидов. Во всех корпусах был сделан водопровод, канализация, сделаны рекреационные зоны и т. д.

К этому времени большой, бывший игуменский, корпус настолько обветшал, что не подлежал ремонту. Был случай, когда инвалид со второго этажа упал в толчок и провалился на первый этаж. Корпус пришлось снести. Правда, четыре корпуса мне удалось восстановить почти что «с нуля».

О НАЧАЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОБОРА В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦЫ»

УЖЕ в первые годы работы в интернате я мыслил восстанавливать собор Божией Матери «Скоропослушницы». Для этого я в 1998 г. (за 200 миллионов тогдашних рублей) спланировал территорию у собора. Сусанинский ДЭП-6* вывез от храма две тысячи кубометров грунта. Мы ликвидировали хозяйственные постройки, которые примыкали к храму, срубили деревья и убрали земельный слой с крыши под метёлку. После этого епархиальный архитектор Л.С. Васильев дал добро на восстановление собора.

Я занимался собором до 2010 г., можно сказать, один. Вычистили с инвалидами храм изнутри, и первые службы в нём начал домнинский священник Сергей Долгов. Однако в 2010 г. он переехал в Курскую епархию. В 2011 г., не встречая понимания людей и властей, я уже хотел бросить дело с восстановлением собора, но, к счастью, этого не произошло.

* Сусанинское дорожно-эксплуатационное предприятие.

Сумароково. Собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы».
 Фото О.С. Куколевской. 2008 г.

В 2010 г. на Костромскую кафедру был назначен архиепископ Алексей, бывший раньше настоятелем Московского Новоспасского монастыря. Он был духовником начальницы Марфо-Мариинской обители Натальи Анатольевны Молибоги, которая вместе с владыкой переехала из Москвы в Костромскую область. Архиепископ Алексей решил возвести в с. Домнино архиерейское подворье. Руководителем проекта он поставил Н.А. Молибогу. Однако владыка вскоре отошёл ко Господу и проект заглох.

В это время в Сумарокове проживала инокиня Фаина, над которой я взял опеку по благословию уехавшего домнинского батюшки Сергея. Она видела, что я пребываю в унынии из-за собора и предложила познакомить меня с Н.А. Молибогой. Знакомство наше произошло у храма Божией Матери «Скоропослушницы». Храм ей понравился. Деятельная, энергичная натура Н.А. Молибоги требовала найти новое служение Богу и людям.

С именем этой женщины связано духовное и материальное возрождение села Сумарокова. Вместе с Натальей Анатольевной из Марфо-Мариинской обители прибыли сёстры милосердия: матушка Георгия (ныне отошедшая ко Господу), матушка Елена (молодая, красивая, бывший микробиолог) и Нина Петровна Ушакова — сподвижница из Волгограда, очень энергичный человек. Жили они в с. Домнино.

Бывший монастырский собор восстанавливается. Фото 2014 г.

Вскоре Наталья Анатольевна пригласила в Сумароково московского предпринимателя Игоря Леонидовича Иванова, и этот меценат решил нам помочь. Он дал нам четырёх реставраторов по кирпичной кладке и сам оплачивал их работу. За два сезона они восстановили кладку, сделали вычинку разбитых стен и проёмов, обрушившихся сводов и куполов. Для вычинки они собирали такой же кирпич со старых кирпичных домов в округе. Они залили бетоном полы в приделе, в котором сейчас идут службы. Это молодые талантливые мастера: Юрий Судаков, Сергей Тютин, Ефим и Тимофей Простовы из Нижегородской области.

Проект восстановления крыши, барабанов и куполов сделал архитектор из Костромы Андрей Павлович Нечаев. Бригада костромичей и сусанинцев делала крышу, возводила главы, ставила кресты. Крышу кончили в сентябре 2013 г.

Первая служба в храме прошла 22 ноября 2013 года, в праздник иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Служил батюшка Георгий Милаков. Я дал печку-«буржуйку», и первые службы проходили в помещении, которое отапливалось ею. Освещалось помещение только с помощью свечей.

Сверху на головы людей сыпалась старая штукатурка. Чтобы избежать этого мы натянули сетку. По столбам, которые мы сами вкопали, провели в храм электричество и, наконец, стали служить при свете. Приписным священником к нам был назначен домнинский батюшка Александр Абрадушкин.

22 апреля 2014 года. Светлая седмица. Крестный ход вокруг храма

В восстановлении храма нам помогли православные прихожане г. Костромы — Екатерина Васильевна Маркина и Любовь Аркадьевна Иванова. Они внесли денежные пожертвования и приобрели церковную утварь, всего на сумму около 200 тысяч рублей.

Н. А. Молибога загорелась желанием провести в с. Сумароково газ, и ей это удалось. Два раза она от имени директора совхоза писала в правительство Российской Федерации о проведении газа в с. Сумароково и два раза получала отказ. В третий раз письмо было передано через Светлану Владимировну Медведеву, с которой Н. А. Молибога была знакома по службе в Марфо-Мариинской обители, Дмитрию Анатольевичу Медведеву. И свершилось чудо. На 2013 г. на проведение работ по проводке магистрального газопровода длиной 10 километров был выделен 51 миллиард рублей. В 2013 г. газопровод был сделан. На проведение сельских магистралей область нашла деньги только в 2015 г., и газ, наконец, пришёл в дома сумароковцев. А в храме (в приделе) был поставлен котёл, работающий на угле и дровах, и сделано отопление. Сейчас у нас в приделе тепло.

В 2011 г. Наталья Анатольевна решила обосноваться в Сумарокове. Для этого она решила восстановить двухэтажный корпус (низ кирпичный, верх деревянный). Со свойственной ей энергичностью она принялась за это дело со своими сёстрами. Поначалу необходимо было очистить здание от бытового мусора, так как местные жители превратили дом в помойку. На помощь им пришли ученики и учителя

Сумароковской школы. Нами было вывезено кубов 60 мусора. За год Наталья Анатольевна возродила здание, и в 2013 г. они переехали туда жить.

По разным причинам, не выдержав трудностей, вернулась в Марфо-Мариинскую обитель матушка Елена. Уехала домой к большой матери Нина Петровна Ушакова. И осталась Н.А. Молибога одна с матушкой Георгией, которая постоянно уезжала к родным в Москву. В 2014 г. Н.А. Молибога вернулась в Москву, предварительно передав свой дом в епархию.

Надо было решить, под какие цели его использовать. Поначалу, в 2014 г., в нём поселили беженцев из Луганска и людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Беженцы через какое-то время уехали, а от бомжей пришлось избавляться. И, наконец, было решено отдать здание под реабилитацию наркозависимых и алкозависимых. Зимой 2015 г. было решено открыть на базе этого здания реабилитационный центр «Сумароково», действующий под руководством Максима Сергеевича Бредихина. За прошедшие годы центр хорошо себя зарекомендовал. Вся реабилитация его воспитанников осуществляется на базе христианских ценностей.

ОБНАРУЖЕНИЕ МОГИЛЫ СТАРИЦЫ ЕВПРАКСИИ

ПРИЕХАВ в наши края, Наталья Анатольевна была заворожена сказаниями о местной народной святой, матушке Вере, пострадавшей от Советской власти за веру Христову. Она смогла поднять многие литературные материалы о матушке Вере. Особенно помогли нам очерки священника Алексея Воскресенского о Свято-Троицком монастыре.

Попутно миру была явлена и матушка Евпраксия. Н.А. Молибога, уехавшая в Москву, подталкивала меня к поискам могилы матушки Евпраксии, о которой было известно, что она находилась в Никольской приходской церкви.

Летом 2015 г., после большой работы по удалению кирпича и мусора, в церкви была обнаружена гранитная плита с надписью о том, что здесь похоронена матушка Евпраксия. В расчистке храма принимали участие инвалиды из дома-интерната Сергей Опалихин и Павел Кузьмин и местный житель Александр Беляшов. 16 июля 2015 г. гранитная плита была явлена миру. Сейчас могила матушки Евпраксии является местом поклонения. Ухаживают за ней ребята из реабилитационного центра «Сумароково».

В советское время на могиле Евпраксии стояли печи по выпечке хлеба. Некоторое время в Никольской церкви находилась пекарня, на которой работали мой тесть и теща. Моя жена девочкой играла и спала на этих печках, и никто не догадывался, что здесь лежала

29 июля 2015 года. У найденной могилы старицы Евпраксии. Слева направо: заместитель главы Сусанинского района А.Р. Голубев, Н.А. Молибога и В.М. Марфунин.

Фото М.И. Клиндухова

плита Евпраксии. Видимо, мужики, которые устраивали пекарню, тем самым сберегли плиту, засыпав её толстым слоем песка, ведь жар вниз под печку не идёт.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ОКОЛО Троицкой церкви были похоронены муж Елизаветы Варенцовой, настоятельница Анна Андреевна Студенецкая и священник Алексей Нарбеков. Внутри храма находятся могилы Елизаветы Варенцовой и её детей, Геннадия и Екатерины. Сейчас некрополь восстановлен — сделаны надгробия, поставлен крест, правда, без надписей, так как мы не знаем порядок захоронения. Делали мы это уже без Н.А. Молибоги, но при прямом её участии и внимании.

В последние годы мы продолжали маленькими делами делать большое дело. У собора сделан деревянный забор, дорожки и цветники. В 2018 г. мы углубили ров у собора, так как культурный слой был выше фундаментов храма на полтора метра. Храм строился без изоляции и поэтому отсырел.

Алексей Воскресенский пишет, что игуменio Римму похоронили у алтаря храма Божией Матери «Скоропослушницы». В 2019 г. воспитанник реабилитационного центра при очистке рва провалился

9 мая 2020 года. Перезахоронение останков бывшей настоятельницы Свято-Троицкого монастыря игумении Риммы. Слева — священник Александр Макеев

8 июля 2017 года. Протоиерей Виталий Шастин освящает колокола на звонницу Никольской приходской церкви

Общий снимок на память после освящения колоколов

в склеп матушки Риммы. В склепе сохранились останки игуменни, наперсный крест и чётки. По благословию митрополита Костромского и Нерехтского Ферапонта было произведено перезахоронение останков игуменни Риммы. Надо сказать, что года за два до этого события я установил около алтаря крест на предполагаемом месте могилы матушки Риммы.

Большую помощь во всех моих делах мне оказывал протоиерей Виталий Шастин из Костромы. В апреле 2017 г. мы с ребятами из реабилитационного центра разобрали сгнившие настилы и лестницы на колокольне Никольского храма и сделали новые. Отец Виталий подарил нам пять колоколов, а шестой с вензелем Елизаветы привезла из Москвы Н. А. Молибога. На праздник Смоленской иконы Божией Матери, 10 августа 2017 г., мы установили колокола на колокольне. Отец Виталий обучил ребят колокольному звону. И с августа 2017 г. над Сумароковым плывёт колокольный звон, радуя всех. Колокола мы повесили на старые деревянные перекладки. Они оказались как новые, хотя им уже больше двухсот лет.

Много раз и я, и Н. А. Молибога писали прошения владыкам Алексию и Ферапону о том, чтобы нам передали храмовую икону Божией Матери «Скоропослушницы», украшенную ризой, вышитой бисером монахинями Свято-Троицкого монастыря. Наконец 11 июля 2016 г. мы встречали икону Божией Матери «Скоропослушницы», которую домнинский священник о. Александр Абрадушкин привёз из г. Буй.

10 августа 2017 года. Установка колоколов на колокольне Никольской церкви

14 августа 2017 года. Спусти многие годы над Сумароковым вновь плывёт колокольный звон...

Теперь — это наша главная реликвия. 22 ноября, в праздник иконы Божией Матери «Скоропослушницы», к нам приезжает много народа из Сусанина, Буга, Костромы и других мест.

8 апреля 2018 г. митрополит Ферапонт наградил меня «за усердные труды на благо Святой Церкви» юбилейной медалью Костромской епархии «650 лет со дня рождения преподобного Никиты Костромского» II степени.

О РАЗРУШЕНИИ КОЛОКОЛЬНИ МОНАСТЫРСКОГО СОБОРА

СУМАРОКОВСКОМУ совхозу на что-то понадобился кирпич, и для этого решили разобрать колокольню монастырского собора. Произошло это в 1960 году. Местная жительница Людмила Владимировна Панова рассказывает, что в 1960 году ей было 6 лет, и она помнит, как её отец и ещё один мужчина ломали колокольню храма Божией Матери «Скоропослушницы». Кирпичи опускали по лоткам. Внизу её мама чистила кирпичи, и затем их куда-то увозили. За работу платили хорошо, а деньги в семье были нужны. Разбор этой колокольни, скорее всего, был обусловлен тем, что размеры кирпича колокольни соответствовали современным $25 \times 12,5 \times 7$ см, а на Никольском храме кирпичи были большего размера.

Село Сумароково. Над бывшим монастырём ещё возносится соборная колокольня. На переднем плане — сельский пастух. Фото 1950-х гг.

На эти же цели разобрали и стену монастырской ограды. Фрагменты её остались только с северной стороны.

О ДЕРЕВНЕ ИСАКОВО

ДЕРЕВНЯ Исаково находилась от села Нового, что в Телякове (Сумароково), примерно в одном километре. Располагалась она между Сумароковым и деревней Костино* на равном удалении от них.

Память о деревне сохраняют только местные названия. Лет десять назад дом-интернат косил траву на «Исаковском» поле. Мы обычно ходим собирать рыжики на «Исаковской» горе.

* Деревня Костино исчезла в 1980-х годах.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЕЛЕ СУМАРОКОВЕ

МНЕ посчастливилось участвовать в восстановлении двух православных обителей — уникальной Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве, созданной великой княгиней Елизаветой Фёдоровной Романовой, а также и храма, и корпуса Свято-Троицкого монастыря в селе Сумарокове (Сусанинский район Костромской области), в советское время преобразованного в психоневрологический интернат.

В феврале 2006 года Указом Святейшего Патриарха Алексия II я была назначена начальницей (настоятельницей) Марфо-Мариинской обители милосердия, здания которой находились в разрушенном состоянии. Покровский храм занимали мастерские И. Э. Грабаря, в единственном отреставрированном корпусе находилась коммерческая клиника. Благодаря молитвенной поддержке Святейшего, деятельной помощи мэра Москвы Ю.М. Лужкова и многих замечательных людей обитель была восстановлена за полтора года. Был освобождён Покровский храм, создан мемориальный музей, выселена коммерческая клиника, и в этом корпусе удалось открыть уникальный медицинский центр для детей с ДЦП. В 2010 году началась подготовка к преобразованию обители в монастырь. Понимая, что я Марфа, а не Мария, в феврале 2011 года написала рапорт об освобождении от должности.

По благословию старца Илия (Ноздрина) уехала в Костромскую область вместе с инокиней Еленой и моей дочерью Ольгой. Мы поселились в с. Домнино, затем к нам приехали инокиня Георгия и сестра обители Нина Ушакова. Первое время было очень тяжело, мы не понимали, зачем мы здесь. И вот однажды после литургии я отвожу в село Сумароково инокиню Фаину. По дороге она рассказывает о Свято-Троицком монастыре, о матушке Вере Меркуловой.

Мы подъехали к территории бывшего монастыря, и я увидела храм. Без куполов, без крыши, без окон, без дверей. Дверные проёмы пробиты для проезда тракторов (там была ремонтная мастерская). И он меня потряс! Я влюбилась в храм с первой минуты. Войдя внутрь, ужаснулась — проживающие в психоневрологическом интернате, находящемся в бывшем монастыре, превратили храм в туалет. Я помчалась обратно в Домнино, взяла мать Елену, бросили в машину лопаты,

* Наталья Анатольевна Молибога, урождённая Беличенко, родилась 20 октября 1954 г. в г. Днепропетровске, в семье офицера. С 1976 г. живёт в Москве. В 2006–2011 гг. — начальница (настоятельница) возрождаемой Марфо-Мариинской обители.

29 июля 2015 года. У найденной могилы старицы Евпраксии. Слева направо: Н.А. Молибога, В.М. Марфунин и заместитель главы Сусанинского района А.Р. Голубев. Фото М.И. Клиндухова.

мешки, надели повязки и поехали расчищать храм. И тут я поняла, зачем мы оказались на костромской земле. Вот он, этот замечательный храм, который ждал нас, а мы его.

С этого момента начинаются «случайности». Приехав в очередной раз в Сумароково, увидела бывший монастырский корпус, превращённый в свалку. Там тоже не было ни окон, ни дверей, ни перекрытия. И вдруг появляется мысль восстановить не только храм, но и корпус. Благодаря председателю колхоза И. А. Буркову через суд восстанавливаю документы на здание и еду в Москву. В Марфо-Мариинской обители встречаю знакомого А. А. Пименова, который через благотворительный фонд помогает получить деньги на восстановление памятника архитектуры регионального значения.

В декабре 2012 года начинаем расчищать корпус (вывезли с десятков тракторных телег мусора), покупаем стройматериалы. Обращаюсь за помощью к руководителю строительной фирмы И.Л. Иванову, он направил своих рабочих. Костромской архитектор А.П. Нечаев подготовил проект реставрации завершения храма. Известный московский архитектор С.В. Демидов осуществлял авторский надзор, всё было согласовано с областным Департаментом культурного наследия. И начинается восстановление храма и монастырского корпуса.

Мы ездили в Сумароково каждый день как на работу. Брали с собой еду и чистили, красили, прибывали ... Нам удалось подружиться

с насельниками психоневрологического интерната. Они приходили к нам на акафист (ежедневно в 15 часов мы в храме читали акафист перед купленной в церковной лавке иконой Божией Матери «Скоропослушницы»). Помогали расчищать завалы, угощали нас конфетами. Также познакомилась с местными жителями, которые не могли понять, зачем мы сюда приехали.

В праздник Рождества Христова мы украсили вертеп, поставили таз с песком для свечей и стали читать акафист Рождеству Христову. Был полный придел людей, не было ни окон, ни дверей. В храме летали снежинки, горели свечи, был праздник! Появилась уверенность, что всё получится!

Осенью этого же 2012 года мы с сёстрами во Христе въехали в восстановленный корпус, площадью 240 квадратных метров. Это было очередное чудо, которое нам явили Господь и Богородица! Простыми человеческими силами невозможно было справиться с такой огромной работой за такой короткий срок.

Работы по восстановлению храма продолжались. Замечательная бригада каменщиков (их ласково называли в селе «Юрики», по имени их бригадира) заново выложила рухнувший свод придела, заделала все проёмы и дыры. Кровельщики накрыли крышу. Мастера из Сусанина вставили окна и двери и завершили преобразование храма, установив купола и кресты. Очередное чудо свершилось!

Понимая, что восстановить весь храм нам не по силам, решаем отгородить один придел. Приехав в очередной раз в Москву, я «случайно» встречаю знакомого — бывшего игрока сборной СССР по баскетболу Андрея Лопатова, и он жертвует необходимую сумму. Мы проводим электричество, настилаем пол, устанавливаем алтарную преграду, престол и жертвенник, шьём облачения. Из Костромской духовной семинарии нам передают иконы. Вся церковная утварь, необходимая для богослужения, была собрана инокиней Фаиной и другими жертвователями задолго до восстановления храма. Они просили у матушки Веры помощи и почитали её как святую. Придел готов! От жителей села Сумарокова пишу прошение владыке Феропонту, и он благословляет иерея Александра Абрадушкина из с. Домнино два раза в месяц совершать богослужения.

Когда тяжёлые работы остались позади, сестра Нина начала собирать сведения о матушке Вере Меркуловой. У жителя Сусанина она узнает, что в Никольском храме села Сумарокова, где часто молилась матушка Вера, была надгробная плита, но он не помнит чья.

Приехав в очередной раз в Департамент культурного наследия, я знакомлюсь с О.С. Куколевской, и она даёт мне журнал с житием удивительной подвижницы монахини Евпраксии. Я еду в библиотеку, нахожу в «Костромских епархиальных ведомостях» статью священника Алексея Воскресенского о Свято-Троицком монастыре и матушке

Сумароково. Сидят слева направо: Виктор Михайлович Марфунин, руководитель реабилитационного центра «Сумароково» Максим Сергеевич Бредихин, инокиня Ольга Сокова, Наталья Анатольевна Молибога. Фото М.И. Клиндухова. 2015 г.

Евпраксии. Узнаём, что она похоронена в Никольском храме села Сумарокова. Жизнь ещё одной удивительной подвижницы открылась нам.

Но Никольский храм разрушен, остались только стены и колокольня. Внутри горы кирпича и мусора, растут деревья. Но надо расчищать и искать захоронение. Снова на помощь приходят добровольцы из интерната. Протоиерей Виталий Шастин со своими прихожанами, студенты из семинарии приехали потрудиться. Бывший директор интерната Виктор Михайлович Марфунин организует местных жителей — и вот чудо, нашли надгробную плиту. Гранитную, прекрасно сохранившуюся и с читаемой надписью.

Нам пришлось разъехаться по своим домам. Но мы счастливы, что потрудились в таком удивительном месте, соприкоснулись с подвижницами благочестия, что службы в храме проходят, в монастырском корпусе действует реабилитационный центр для наркозависимых. Ребята помогают священнику, следят за храмом, могилкой Евпраксии. Я постоянно на связи с руководителем реабилитационного центра М.А. Бредихиным, бывшим директором психоневрологического интерната В.М. Марфуниным, с председателем колхоза И.А. Бурковым и другими жителями села. Часть моего сердца осталась в Сумарокове. Надеюсь, что все храмы в Сумарокове будут восстановлены.

Матушка Евпраксия и матушка Вера, молитесь Бога о нас!

*Александр Абрадушкин, черей**

НА СЛУЖБЕ В СЕЛЕ СУМАРОКОВЕ

В ОКТЯБРЕ 2020 г., утром, раздался звонок: «Здравствуйте, Зонтиков Николай Александрович вас беспокоит». Какая радость, много слышал о ревнителе Костромского края, о его книгах. Просьба была понятная и простая. Рассказать о событии, в котором мне посчастливилось участвовать, — о встрече чудотворной иконы Божией Матери «Скоропослушница» в селе Сумарокове Сусанинского района Костромской области. Но обо всём по порядку.

11 сентября 2010 г. мы с семьёй впервые приехали в село Домнино на архиерейскую службу, праздник усекновения Честной главы Иоанна Предтечи. А уже 30 сентября по благословению архиепископа Костромского и Галичского Алексия (Фролова) прибыл в Домнино в монастырь святых Царственных Страстотерпцев. А 21 ноября 2010 г. приехала семья, поселили нас в тёплом, уютном доме. Опекала нас монахиня Пахомия, старшая сестра Домнинского монастыря.

Подготовка к моему рукоположению шла полным ходом. В монастыре священника не было вот уж как два года. Отец Сергей Долгов, священник который служил раньше, заскучал и уехал на родину в Курскую область. Я возил отца Арсения и отца Питирима из Железнодорожного монастыря, помогал на службе, в алтаре, читал шестопсалмие, часы. С радостью всей семьёй включились в монастырскую жизнь, помогали монастырю, чем могли, а сёстры помогали нам. Благоустраивали дом. Дети пошли в школу, приходилось возить в Сусанино. Слава Богу, в Сусанине была школа искусств, в которой учились наши дети. Сын Алексей и дочка Маша в результате окончили музыкальную школу. Миша и Петя окончили школу искусств по программе «Изобразительное искусство».

В декабре 2010 г. владыка Алексий (Фролов) вызвал меня в Кострому и облачил в подрясник, посвятил в чтеца, а 6 февраля 2011 г. в Богоявленском соборе рукоположил во диакона. Там же проходил сорокоуст, после которого я служил в Богоявленском кафедральном

* Александр Абрадушкин родился 21 июня 1962 г. в Москве. С 2011 г. — священник женского монастыря во имя святых Царственных Страстотерпцев в с. Домнине Сусанинского района. В 2012–2018 гг. окармливал пациентов Сумароковского психоневрологического интерната и жителей с. Сумароково.

Успенский храм в селе Домнине. Фото М.И. Клиндухова. 2015 г.

соборе до священнической хиротонии, которая состоялась 31 июля 2011 г. Событие, которое произошло накануне хиротонии, заслуживает особого внимания.

Мой тесть Сергей Иванович Пичугин, крёстным которого я стал за несколько лет до переезда в Домнино, тяжело болел и скончался 29 июля 2011 г. 30 июля представители трёх монастырей его отпевали в Домнинском храме, похоронили его, и мы всей семьёй поехали на мою хиротонию в Кострому. А после рукоположения я служил сорокоуст и, конечно, особо молился о своём любимом крестнике, новопреставленном рабе Божиим Сергием. Чудны дела Твои, Господи!

После сорокоуста, 9 сентября 2011 г., получил назначение в женский монастырь в честь Царских Страстотерпцев, штатным священником села Домнина.

Жизнь закипела! Уже 11 сентября архиерейская служба! Владыка Алексей (Фролов) служил на праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи. Год прошёл с нашего первого приезда в Домнино. Служба, гости, трапеза. Проникновенное слово владыки Алексея. Поздравления, слово утешения. Велик архипастырь!

Владыка благословил поступать заочно в Костромскую духовную семинарию. Учёба, благоустройство жилья, замечательные монастырские службы, ремонт храма, семья, дети, прихожане! Время летело незаметно. Полнота и насыщенность душевной и духовной жизни радовала нас.

В Домнино на постоянное место жительства постепенно переехали теща, мама, папа и сестра. Купили дома, благоустроились. Друзья и знакомые часто приезжали на монастырские службы, помогали, поддерживали во всём.

Уже 2012 г. мне было поручено окормлять проживающих в Сумароковском психоневрологическом интернате, которых на тот момент было более 120 человек и 80 человек персонала.

В течение 2013 г. еженедельно проводились в интернате молебны, беседы и другие мероприятия, а некоторых проживающих привозили в Домнинский храм на литургию, где они исповедовались и причащались. На Святках мы провели первый молебен в храме иконы Божией Матери «Скоропослушницы», в приделе Трёх Святителей и Елисаветы Адрианопольской. Рождество Христово пришли праздновать не только жители села, но и дети из Сумароковского детского сада. Это очень вдохновило, появилась надежда на возрождение духовной жизни в селе.

В 2013 г. Наталья Анатольевна Молибога с Божией помощью и огромными усилиями возвела кровлю в храме «Скоропослушницы», оборудовала алтарную часть, были поставлены престол и иконостас. В приделе установили небольшую печку.

В феврале 2014 г. владыка Ферапонт назначил меня окормлять жителей села Сумарокова.

11 февраля 2014 г. состоялось первое всенощное бдение, а 12 февраля литургия, на которой присутствовало около 50 человек и 20 человек причастились Страшных Христовых Тайн. Начали проводить регулярные богослужения.

С июня по ноябрь 2014 г. провели противоаварийные работы в приделе Трёх Святителей. Своды были в плачевном состоянии, пришлось потрудиться. Активное участие в подготовке работ принимал древлехранитель епархии отец Михаил Мостовой. Силами друзей, знакомых, Сусанинской бригады провели штукатурные работы в алтаре и в приделе, более 300 квадратных метров. Потрудились и вся наша семья. Организовали отопление, вентиляцию, освещение. Мой старший сын Никита изготовил двери, установили пять зимних оконных рам. Начали дренаж вокруг храма.

21 и 22 ноября 2014 г. провели праздничное Всенощное бдение и Божественную литургию в честь престольного праздника иконы Божией Матери «Скоропослушницы». В переполненном храме не хватало места. Причастились 54 человека. После Божественной Литургии и праздничного обеда прошла конференция, посвящённая селу Сумарокову.

За сезон 2015 г. были проведены следующие работы:

— Грунтовка и покраска придела Трёх Святителей и Елисаветы Адрианопольской.

Правый придел собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы». Беспорядок возрождения. Фото 2014 г.

22 апреля
2014 года.
Светлая
седмица.
Крестный ход
вокруг храма.

- Утепление стены придела.
- Начали роспись алтаря.
- Возведён забор вокруг храма.
- Начали работы по передаче земли и храма епархии.
- Проводились работы по уборке территории внутри и снаружи храма.
- Подготовлен центральный придел для службы в период ремонта.

Проводились беседы на духовные темы, музыкальные концерты, встречи с жителями села. Проводились занятия в Сумароковской школе на уроках «Истоки».

С прихожанами после службы. Фото 2014 г.

Два события, которые надо особо отметить, это — приезд владыки Ферапонта в село Сумароково, посещение им реабилитационного центра «Сумароково». Владыка отслужил молебен в храме, совершил литию у могилы монахини Евпраксии и провёл беседу. И приезд владыки Мефодия (Кондратьева), ответственного за работу с наркозависимыми в Русской Православной Церкви. После конференции, которая прошла в Костроме, владыка посетил реабилитационный центр, провёл беседу, осмотрел храм.

С 2015 г. налажен тесный контакт с сотрудниками и учащимися Сумароковской неполной средней школы. Проводились тематические встречи, конференции, походы, слёты. Часть учащихся, персонала и преподавателей являются прихожанами храма в Сумарокове. Они регулярно участвуют в богослужениях и таинствах (сейчас в Сумароковской школе с 1 по 9 класс учится 37 учеников).

Организовано 8 совместных уроков по предмету «Истоки» с младшими классами и 7 со старшеклассниками по различным интересным темам.

Венцом всех мероприятий стал муниципальный этап 27-х Международных образовательных Рождественских чтений «Молодёжь: свобода и ответственность», которые были проведены силами участников Фонда президентских грантов, Сусанинским подворьем и Ко-

1 июля 2016 года. Икона Божией Матери «Скоропослушница» вернулась в Сумароково. Впереди идёт о. Александр Абрадушкин

Икона Божией Матери «Скоропослушница» спустя 95 лет вновь пребывает в своём храме

стромской региональной общественной организацией «Духовно-просветительский центр “Кострома”». В проекте приняли участие глава Сусанинского района С. А. Журавлев, протоиерей Виталий Шастин, духовенство Сусанинского и Буйского районов, директора школ области, завучи, преподаватели, представители Министерства культуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу и многие другие специалисты. Такое масштабное мероприятие проходило впервые в Сусанинском районе. Директора школ области, завучи, преподаватели смогли обсудить и наметить планы совместной деятельности. В частности, заместитель главы администрации проявил живой интерес к нашим совместным проектам. А директор Яхнобольской (Попадьянской) школы вдохновилась на углубление совместной деятельности в области образования и волонтерства.

Вот и подошёл я к событиям, о которых просил рассказать Николай Александрович Зонтиков.

В городе Буйе находилась икона Божией Матери «Скоропослушница», принадлежавшая ранее Свято-Троицкому Сумароковскому монастырю. Чудесным образом она сохранилась и находилась в привокзальном Никольском храме города Буй. Благочинный Буйского района отец Аркадий Климов, удивительный седовласый старец и замечательный духовник нашей епархии, позвонил мне и сказал, что есть благословение передать эту чудотворную икону в наш Сумароковский храм. С трудом верилось, что это когда-то произойдёт.

И вот 11 июля 2016 г. я поехал в Буй. Икона в это время находилась в Буйском Благовещенском соборе, на втором этаже. Она оказалась в очень большом и тяжёлом киоте и с трудом поместилась в машине. В Сумарокове уже ждали прихожане. Со слезами на глазах занесли икону в храм и отслужили благодарственный молебен.

После престольного праздника 22 ноября 2016 г. было два явных исцеления у наших прихожан.

Много событий прошло с той поры, но это уже другая история. Хочется верить, что всё, что было рукотворно и нерукотворно создано в Сумароковском храме, будет с Божией помощью приумножено.

ВСТУПЛЕНИЕ

- 1 *К-ин Н.* Село Решма // Наша костромская жизнь, 30.01.1911.
- 2 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 20.
- 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 141.

Глава I

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СУМАРОКОВ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ПРЕДЫСТОРИЯ

- 1 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского уезда, Костромской епархии // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 610 (далее — *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь).
- 2 *Григоров А.А.* «Без Костромы наш флот неполон...: морские офицеры-костромичи, XVII — нач. XX вв.: Справочник / Автор-сост. Н.А. Дружнева. Кострома, 2002, с. 73 (далее — *Григоров А.А.* Без Костромы наш флот неполон).
- 3 Там же.
- 4 ГАКО, ф. Р-864, оп. 1, д. 1200, л. 45.
- 5 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1822. Ч. 2. СПб., с. 91; Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824. Ч. 2. СПб., с. 95.
- 6 *Беллев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 287 (далее — *Беллев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии).
- 7 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 303 (далее — Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии).
- 8 Епархиальная хроника // КЕВ, 1900, № 23, ч. неоф., с. 699.
- 9 Житье-бытье на Кореге. Записки Гульпинской Авдотьи Степановны // Русский вестник, т. 7. М., 1857, с. 337–345.
- 10 *Румянцев П.* Описание Железнодорожского монастыря Костромской губернии Буйского уезда. Кострома, 1873, с. 31–32.
- 11 *Григоров А.А.* Без Костромы наш флот неполон, с. 73.
- 12 Епархиальная хроника // КЕВ, 1900, № 23, ч. неоф., с. 699–700.
- 13 Русский провинциальный некрополь, т. 1. М., 1914, с. 501.
- 14 Епархиальная хроника // КЕВ, 1900, № 23, ч. неоф., с. 699.
- 15 Там же, с. 700.
- 16 Адрес-календарь или общий штат Российской империи на 1849 год, ч. II. СПб., с. 48; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1854, ч. II. СПб., с. 67.
- 17 ГАКО, ф. 200, оп. 13, д. 74, лл. 188–212 об.
- 18 Сведения о помещичьих имениях, т. IV. СПб., 1860, с. 40.
- 19 *Макаров Н.П.* Мои семидесятилетние воспоминания. СПб., ч. 1, 1881, с. 8–9.
- 20 Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–72 годов. СПб., 1877, с. 143.
- 21 Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 г.). Кострома, 1908, с. 101.
- 22 Списки населенных мест по Костромской губернии. Вып. 3 (Галичский уезд). Кострома, 1926, с. 41.
- 23 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 33.
- 24 Васьков И.К. Описание Костромского наместничества вообще. 1792 год. Кострома, 2019, с. 191.
- 25 Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5. М., 1912, с. 138.
- 26 Там же, с. 139.

- 27 ГАКО, ф. 200, оп. 13, д. 74, лл. 190 об. – 191.
- 28 Там же, л. 190 об. – 212.
- 29 *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 97.
- 30 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог, вып. X (Буйский район, Сусанинский район). Кострома, 2008, с. 313.
- 31 Там же, с. 313–314.
- 32 Там же, с. 314.
- 33 *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 97.
- 34 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 93.
- 35 *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 97.
- 36 Хрестоматия по истории СССР, т. 3. М., 1948, с. 49.
- 37 *Ткаченко О.В.* Исследования по мерянскому языку. Кострома, 2007, с. 67.
- 38 Ведомость церковно-приходских школ и школ грамоты Костромской епархии на 1887–1888 учебный год. Кострома, 1889, с. 4.
- 39 Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 год. Кострома, 1909, с. 162.
- 40 *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, в монахинях Евпраксия († 11 января 1823 г.) погребенная в приходской Николаевской церкви с. Нового, что в Телякове, Галичского уезда, Костромской епархии // КЕВ, 1912, № 16, ч. неоф., с. 464 (далее — *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, в монахинях Евпраксия).
- 41 Там же, с. 463.
- 42 Там же, с. 460.
- 43 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 2006, с. 229.
- 44 *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, в монахинях Евпраксия, с. 465.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Там же, с. 466.
- 48 Там же, с. 467.
- 49 Там же, с. 468.
- 50 Там же.
- 51 *Зонтиков Н.А.* Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997, с. 74–80.
- 52 *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, в монахинях Евпраксия, с. 469.
- 53 Там же.
- 54 Там же, с. 468.
- 55 Там же.
- 56 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 2006, с. 463.
- 57 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 216, л. 3 об.
- 58 *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 97.
- 59 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 611.
- 60 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 1.
- 61 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 2006, с. 101.
- 62 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 120.
- 63 Русский провинциальный некрополь, т. 1. М., 1914, с. 125.
- 64 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 611.
- 65 Там же, с. 611–612.
- 66 Там же, с. 612.
- 67 Там же, с. 612–613.
- 68 Русский провинциальный некрополь, т. 1. М., 1914, с. 125.

Глава II СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СУМАРОВ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ: СТАНОВЛЕНИЕ

- 1 *Сырцов Иоанн, протоиерей.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 489–490.

- 2 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 613.
- 3 *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи, т. I. СПб., 1890, с. XII.
- 4 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 614.
- 5 Там же.
- 6 ГАКО, ф. 707, оп. 1, д. 830, лл. 14 об. – 15.
- 7 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, с. 617–618.
- 8 Там же, с. 618.
- 9 Там же, с. 619.
- 10 Там же, с. 620.
- 11 ГАКО, ф. 200, оп. 3, д. 586, л. 874 об.
- 12 Алфавитный список церквей Костромской епархии с показанием имен, отчеств и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных налицо. Кострома, 1879, с. 176.
- 13 Русский провинциальный некрополь, т. I. М., 1914, с. 593.
- 14 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, с. 621.
- 15 Там же, с. 621–622.
- 16 Там же, с. 622.
- 17 ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 122, лл. 11 об. – 12; ф. 130, оп. 13, д. 147, лл. 1 об. – 2.
- 18 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, ч. неоф., с. 622.
- 19 Там же // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 624.
- 20 Там же.
- 21 *Вилкова Т.* Про веру, монастырь и Верушку. Из рассказов старожилов // Сусанинская новь, 5.02.1991.
- 22 *Беловинский Л.В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, с. 186.
- 23 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 3, с. 60.
- 24 *Баженев И.* Макариев Решемский монастырь, Костромской епархии. Кострома, 1904, с. 18.
- 25 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 3, отд. неоф., с. 60.
- 26 Там же, с. 61.
- 27 Архимандрит Иоанникий (некролог) // КЕВ, 1898, № 3, ч. неоф., с. 73–79.
- 28 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 3, отд. неоф., с. 61.
- 29 *Нащокина М.В.* Сто архитекторов московского модерна. Творческие портреты. М., 2000, с. 120–124.
- 30 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 3, отд. неоф., с. 63.
- 31 Обзорение Его Преосвященством Преосвященнейшим Виссарионом, епископом Костромским и Галичским, церквей Костромского, Буйского, Галичского и Чухломского уездов, 16–26 июня 1895 года // КЕВ, 1895, № 19, ч. неоф., с. 428.
- 32 Там же.
- 33 Епархиальная хроника // КЕВ, 1904, № 3, ч. неоф., с. 103.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 86.
- 37 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 216, л. 3 об.
- 38 Определение Святейшего Синода // Церковные ведомости, 1893, № 25, с. 228.
- 39 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 3, отд. неоф., с. 65.
- 40 Там же // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 82.
- 41 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3799, л. 1 об.
- 42 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 84–85; *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории. Кинешма, 2019, с. 188–203 (далее — *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории).
- 43 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 85.

- 44 Епархиальная хроника // КЕВ, 1900, № 3, ч. неоф., с. 114.
- 45 Епархиальная хроника // КЕВ, 1900, № 4, ч. неоф., с. 144–145.
- 46 Сведения из Костромской духовной консистории // КЕВ, 1900, № 11, ч. оф., с. 187.
- 47 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 84.
- 48 Там же, с. 85.
- 49 ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 3491, л. 114.
- 50 ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 349, л. 118.
- 51 Сведения из Костромской дух. консистории // КЕВ, 1901, № 20, ч. оф., с. 255.
- 52 Епархиальная хроника // КЕВ, 1901, № 20, ч. неоф., с. 578.
- 53 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3215, лл. 112 об. — 114; ф. 130, оп. 11, д. 2307, л. 4.
- 54 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, лл. 2 об. — 3.

Глава III
СВЯТО-ТРОИЦКИЙ
СУМАРОКОВ МОНАСТЫРЬ:
НАЧАЛО XX ВЕКА

- 1 *Сырцов Иоанн, прот.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 489.
- 2 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 86–87.
- 3 Там же // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 120.
- 4 Там же, с. 122.
- 5 Там же, с. 123.
- 6 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 216, л. 7.
- 7 ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 280, л. 2 об.
- 8 ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 300, л. 4.
- 9 Там же, л. 7 об.
- 10 ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 525, л. 32 об. — 33.
- 11 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 2.
- 12 ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 314, лл. 6 об. — 7.
- 13 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, лл. 18 об. — 19.
- 14 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 124.

- 15 *Сырцов Иоанн, прот.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 489.
- 16 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 123–124.
- 17 *Сырцов Иоанн, прот.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 489.
- 18 *Чалеев-Костромской Н. Ф.* Воспоминания. Кострома, 2006, с. 71, 121, 186.
- 19 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 124.
- 20 Там же // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 87.
- 21 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 2006, с. 488.
- 22 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой (машинопись), с. 19–20 // Архив автора (далее — Ратьков Валентин, свящ. Воспоминания о матушке Вере Меркуловой).
- 23 Там же, с. 20.
- 24 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 2.
- 25 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 216, л. 7.
- 26 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 2.
- 27 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 4, отд. неоф., с. 87.
- 28 Национализированные здания. Список № 2 // СГ, 16 (3).10. 1918.
- 29 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 216, л. 7.
- 30 Там же.
- 31 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 1.
- 32 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 121–122.
- 33 Расписание шествия с чудотворной Феодоровской иконой Богоматери в г. Галич, пребывания её в Галиче и обратного шествия чрез г. Буй в Кострому в 1889 г. // КГВ, 1889, № 14, ч. неоф., приложение.
- 34 Расписание шествия с чудотворною Феодоровской иконою Богоматери в г. Галич, пребывания ее в Гали-

- че и обратного шествия чрез г. Буй в г. Кострому, в 1900 году // КЕВ, 1900, № 9, ч. оф., с. 142.
- 35 Расписание шествия чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в г. Галич, пребывание её в сем городе и обратного следования чрез г. Буй в Кострому в 1904 год // КГВ, 1904, № 24, приложение.
- 36 Костромичи: взгляд через столетие, т. 1. Начало XX века. Кострома, 2014, с. 30.
- 37 *Сырцов Иоанн, прот.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 488–489.
- 38 Там же, с. 490–491.
- 39 Там же, с. 489–490.
- 40 *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, с. 466.
- 41 Там же, с. 469.
- 42 Там же, с. 458.
- 43 Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–72 годов. СПб., 1877, с. 143.
- 44 Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 г.). Кострома, 1908, с. 101.
- 45 Там же.
- 46 Свидетельство Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково).
- 47 Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 2. Кострома, 1872, с. 16.
- Глава IV**
МАТЬ ВЕРА МЕРКУЛОВА:
ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ
- 1 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, л. 36.
- 2 Волости и гмины 1890 г., т. XXIX, Орловская губерния. СПб., 1890, с. 9.
- 3 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, л. 36.
- 4 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, л. 7 об.
- 5 *Б-ин Н.* Село Решма // Наша Костромская жизнь, 30.01.1911.
- 6 *Решемский М.* Кинешемская «матушка Вера» // Костромская жизнь, 10.06.1914.
- 7 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 75.
- 8 Там же, л. 38.
- 9 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 12 об.
- 10 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 14.
- 11 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 159.
- 12 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 4.
- 13 Православная энциклопедия, т. VII. М., 2004, с. 697.
- 14 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 122.
- 15 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, лл. 35 об. — 36.
- 16 Там же, л. 36.
- 17 Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям на 1866 год. СПб., 1871, с. 171.
- 18 Там же, с. 177.
- 19 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 12.
- 20 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, л. 35 об.
- 21 ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 3219, лл. 6 об. — 7.
- 22 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 7.
- 23 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 38.
- 24 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 44.
- 25 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 109.
- 26 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 8.
- 27 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матери Вере Меркуловой, с. 2.
- 28 Там же, с. IX.
- 29 *Сотников Н. В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII — середина XX вв. Кострома, 2015, с. 39.
- 30 ГАРФ, д. П-51921, л. 26 об.
- 31 *Мазерина А.* Мати Вера // СП, 19.04.2001.
- 32 *Сотников Н. В.* Замечательные люди земли Галичской. Галич, 2004, с. 6.
- 33 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 193.
- 34 ГАРФ, д. П-51921, л. 44 об.
- 35 Там же.

- 36 *Брешко-Брешковская Е.* Скрытые корни русской революции. М., 2006, с. 54.
- 37 *Фигнер В.Н.* Воспоминания в трех томах, т. 3, СПб., 2019, с. 23.
- 38 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 74.
- 39 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, л. 36.
- 40 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.
- 41 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 12 об.
- 42 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 9.
- 43 Там же, л. 4.

Глава V
ВЕРА МЕРКУЛОВА:
ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

- 1 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, лл. 12 об.
- 2 Там же, лл. 12 об. — 13.
- 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.

Глава VI
1906 ГОД:
ВЕРА МЕРКУЛОВА
ПРИХОДИТ В СВЯТО-ТРОИЦКИЙ
МОНАСТЫРЬ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.
- 2 Там же, л. 38.
- 3 Там же, л. 144.
- 4 Путеводитель по р. Волге 1905. СПб, с. 63.
- 5 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. XVIII, Костромская губерния. СПб., 1903, с. 1.
- 6 Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–72 г. СПб., 1877, с. 2.
- 7 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 209–211.
- 8 *Гусев Н., прот.* О протоиерее Иоанн Кронштадтский в г. Буй // КЕВ, 1902, № 20, ч. неоф., с. 563.
- 9 *Богачёв П., Лебедев Н., Маланов В.* Буй. Кострома, 1961, с. 35.
- 10 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий

женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 609–610.

- 11 Прохожие. Письмо в редакцию // Колхозный клич (Молвитино), 20.06.1931.

Глава VII
МАТЬ ВЕРА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ
В МОНАСТЫРЕ

- 1 Энциклопедический словарь, т. XXIV. СПб., 1898, с. 50.
- 2 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 227, л. 36.
- 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 42.
- 4 Толковый словарь русского языка (под редакцией Д.Н. Ушакова), т. 4. М., 1940, стб. 1326.
- 5 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.
- 6 Сообщено настоятельницей Макариев-Решемского монастыря игуменией Феофаний (Губайдулиной).
- 7 Жизнеописание петербургской старицы Матроны Петровны Мыльниковой (Матроны-босоножки). СПб., 2018.
- 8 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 28.
- 9 Там же, с. 18.
- 10 Там же, с. 17.
- 11 Свидетельство Нины Михайловны Пановой (1926 г.р.), жительницы с. Сумароково. Запись 31 июля 1990 г.
- 12 Христианство: энциклопедический словарь в 2 томах, т. 1. М., 1993, с. 355.
- 13 *Воскресенский А.* Преподобный Иаков игумен, Железоборовский чудотворец, и основанный им Иоанно-Предтеченский Железоборовский монастырь, Костромской епархии // КЕВ, 1913, № 6, отд. неоф., с. 180.
- 14 *Святитель Василий, епископ Клинешемский.* Беседы на Евангелие от Марка. М., 1996, с. 66.
- 15 *Порфиридов Н.Г.* Новгород, 1917–1941: воспоминания. Л., 1987, с. 17–18.
- 16 Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II, т. II. Берлин, 1922, с. 255–256.

- 17 Принадлежу всем вам. Жизнеописание игумении Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой). Письма свт. Филарета Московского к ней. М., 2003, с. 46.
- 18 *Баженев И. В.* Костромские святые — Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненской церкви // КЕВ, 1911, № 1, отд. неоф., с. 31–32.
- 19 *Воскресенский А.* Многострадальная девица Екатерина Семенова, с. 465.
- 20 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 37.
- 21 Там же, с. 38.
- 22 ГАРФ, д. П-51921, л. 70 об.

Глава VIII ВЕРА МЕРКУЛОВА СТАНОВИТСЯ МАТЕРЬЮ ВЕРОЙ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 39.
- 2 *Святитель Василий, епископ Кинешемский.* Беседы на Евангелие от Марка. М., 1996, с. 358.
- 3 Юбилейное торжество Преосвященного Вениамина, епископа Кинешемского, 29 сентября 1895 г. // КЕВ, 1895, № 21, ч. неоф., с. 488–489.
- 4 Кончина и погребение Преосвященного Вениамина, епископа Кинешемского, викария Костромской епархии // КЕВ, 1905, № 13, ч. неоф., с. 397.
- 5 *Вилкова Т.* Про веру, монастырь и Верушку. Из рассказов старожилов // Сусанская новь, 5.02.1991.
- 6 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1913, № 21, отд. неоф., с. 610.
- 7 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 39.
- 8 *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания. М., 1994, с. 33.
- 9 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоми-
- нания о матушке Вере Меркуловой, с. 29.
- 10 Там же, с. 42.
- 11 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 65.
- 12 Свидетельство Лидии Михайловны Сизовой (1918 г.р.), жительницы с. Сумароково. Запись 31 июля 1990 г.
- 13 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 4–5.
- 14 *Решемский М.* Кинешемская «матушка» Вера // Костромская жизнь, 11.06.1914.

Глава IX В МАКАРИЕВО-РЕШЕМСКОМ МОНАСТЫРЕ (1910–1911 гг.)

- 1 *К-ин Н.* Село Решма // Наша костромская жизнь, 30.01.1911.
- 2 *Зонтиков Н. А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 45–51.
- 3 *Иванов Вс. Н.* На Нижней Дебре. Хабаровск, 1958, с. 127.
- 4 *Зонтиков Н. А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 161–162, 212
- 5 Копия жалованной грамоты Нодоговской Рождественской пустыньке // КЕВ, 1904, № 9, ч. неоф., с. 16.
- 6 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 3.
- 7 *Шумаков С.* Обзор «Грамот Коллегии экономии», вып. 4. М., 1917, с. 176.
- 8 Упраздненные монастыри Костромской епархии. М., 1909, с. 37.
- 9 *Баженев И.* Макариев Решемский монастырь Костромской епархии. Кострома, 1904, с. 10–11.
- 10 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, л. 3.
- 11 *К-ин Н.* Село Решма // Наша костромская жизнь, 30.01.1911.
- 12 ГАКО, ф. 130, оп. 4, д. 3445, лл. 1 – 1 об.
- 13 Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 г. Кострома, с. LVII.
- 14 *К-ин Н.* Село Решма // Наша костромская жизнь, 30.01.1911.
- 15 Там же.

- 16 *Беловинский Л. В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, с. 468.
- 17 *К-ин Н.* Село Решма // Наша костромская жизнь, 30.01.1911.
- 18 Там же.
- 19 *Решемский М.* Кинешемская «матушка Вера» // Костромская жизнь, 10.06.1914.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 *Решемский М.* Кинешемская «матушка Вера» // Костромская жизнь, 11.06.1914.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 275–276.
- 29 Разрядный список учеников Костромской духовной семинарии, составленный в педагогических собраниях Правления оной 4, 8, 11 июня 1912 г. по окончании 1911–12 учебного года // КЕВ, 1912, № 13, отд. оф., с. 218.
- 30 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 1065, л. 10.
- 31 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2244, лл. 11 об. — 12.
- 32 *Ботникова А.В.* В те времена... Воронеж, 2008, с. 33
- 33 *Залетный Николай.* К закладке храма в Решме // ПВ, 30.07.1911.
- 34 *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 357.
- 35 Памяти священника Воскресенской церкви, села Нагорного, Кинешемского уезда, Костромской губернии Николая Павловича Горского. Б. м., б.г., с. 1.
- 36 *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 357–358.
- 37 *Ботникова А.В.* В те времена... Воронеж, 2008, с. 33
- 38 Решма. Крестный ход в Нодоговскую пустынь // ПВ, 18.07.1913.

- 39 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 371, лл. 3 об. – 4.
- 40 Цит. по: *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 233–234.

Глава X

МАТЬ ВЕРА:

ДЕСЯТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

- 1 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 8 об. – 9.
- 2 ГАРФ, д. П-51921, л. 43 об.
- 3 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 225, лл. 24 об. – 25.
- 4 Прохожие. Письмо в редакцию // Колхозный клич (Молвитино), 20.06.1931.
- 5 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 525, лл. 32 об. – 33.
- 6 Сообщено настоятельницей Макариево-Решемского монастыря игуменьей Феофанией (Губайдулиной).
- 7 *Ратков Валентин, священник.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 8.
- 8 Прохожие. Письмо в редакцию // Колхозный клич (Молвитино), 20.06.1931.
- 9 *Ратков Валентин, священник.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 9.
- 10 Там же, с. 19.

Глава XI

1913 ГОД:

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И ЮБИЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ

- 1 *Божанов А.Н.* Император Николай II. 3-е изд. М., 2004, с. 309.
- 2 *Виноградов Н.Н.* Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914, с. 61.
- 3 Там же, с. 173.
- 4 *Богачёв П., Лебедев Н., Маланов В.* Буй. Кострома, 1961, с. 25.
- 5 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог, вып. X (Буйский район, Сусанинский район). Кострома, 2008, с. 49.

- 6 ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 698, ч. 1, л. 73.
 7 ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 48, лл. 4 об. – 5.
 8 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 123.
 9 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 1.
 10 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, лл. 19 об. – 26.
 11 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 51.
 12 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 235, л. 18 об.
 13 *Воскресенский А.* Светлое торжество Иаково-Железоборовского монастыря, Костромской епархии // КЕВ, 1913, № 11, отд. неоф., с. 360.
 14 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 11.
 15 Годовой отчет состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Александровского православного братства в г. Костроме за 1913 год. Кострома, 1914, с. 24.
 16 *Резепин П. П.* Биограф святителя // Светочъ. Альманах. Вып. 3. Кострома, 2008, с. 112–115.
- Глава XII
 В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
 ВОЙНЫ**
- 1 Высочайший манифест // КЕВ, 1914, № 16, отд. оф., с. 444.
 2 Гибель корабельной рощи // Костромская жизнь, 1.07.1914.
 3 Большой пожар в Буйе // ПВ, 20.05.1914.
 4 *Богачёв П., Лебедев Н., Маланов В.* Буй. Кострома, 1961, с. 40.
 5 Буй. Подробности пожара // Костромская жизнь, 23.05.1914.
 6 Подробности Буйского пожара // Костромская жизнь, 25.05.1914.
 7 Кологрив. Лесные пожары // Костромская жизнь, 27.06.1914.
 8 Виды на урожай в Костромской губернии // ПВ, 14.06.1914.
 9 Засуха // Костромская жизнь, 26.06.1914.
 10 К проводам в Галич Феодоровской иконы Божией Матери // Костромская жизнь, 20.04.1914.
 11 Буй. С думского собрания // ПВ, 1.04.1915.
 12 Собрание настоятелей и настоятельниц монастырей // ПВ, 29.08.1914.
 13 Деятельность духовенства Костромской епархии на удовлетворение нужд военного времени // КЕВ, 1917, № 5, ч. оф., с. 88.
 14 *Бадьвина Н. В.* Деятельность Костромской епархии в годы Первой мировой войны // Светочъ, вып. 6, Кострома, 2010, с. 239–240.
 15 Краткие сведения о состоянии лазарета для больных и раненых воинов, существующего на средства духовенства и церквей г. Костромы, за время с 15 октября 1914 г. по 1 июля 1915 г. // КЕВ, 1915, № 19, ч. оф., с. 450.
 16 Отчёт о состоянии лазарета для больных и раненых воинов имени Его Императорского Высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, учрежденного от церквей и духовенства Костромской епархии в 1914 году // КЕВ, 1915, № 17, ч. оф., с. 409–410.
 17 *Зонтиков Н. А.* Костромская духовная семинария: вехи истории // Костромская духовная семинария. Историческая энциклопедия. Кострома, 2019, с. 103–105.
 18 *Зонтиков Н. А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 310.
 19 Деятельность духовенства Костромской епархии на удовлетворение нужд военного времени // КЕВ, 1917, № 5, ч. оф., с. 90.
 20 Там же, с. 91.
 21 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 2.
 22 Там же, лл. 27 об. — 28.
 23 Свидетельство Ольги Ивановны Смирновой (1914 г. р.), жительницы с. Сумароково. Запись 31 июля 1990 г.

- 24 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 22.

Глава XIII

МАТЬ ВЕРА СТРОИТ ХРАМ В СЕЛЕ ВЫСОКОВО

(1914–1919 гг.)

- 1 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 2006, с. 564.
- 2 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 12.
- 3 Списки населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома, 1908, с. 2.
- 4 Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5, М., 1912, с. 148.
- 5 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2304, л. 81.
- 6 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 12.
- 7 Там же, с. 14.
- 8 Там же, с. 12.
- 9 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40.
- 10 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 4.
- 11 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 10.
- 12 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2304, л. 8.
- 13 *Орлов В.* Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. М., 1913, с. 31–32; Галичская земля в старых фотографиях. Кострома, 2009, с. 125.
- 14 *Резепин П.П., Каткова С.С.* Городские архитекторы // Губернский дом, 2005, № 5–6 (68–69), с. 72–73.
- 15 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 15–16.
- 16 Списки населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома, 1908, с. 6.
- 17 Там же, с. 2.
- 18 Там же.

Глава XIV

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

- 1 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 1.
- 2 ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 7105, л. 5 (2).
- 3 Там же.
- 4 Служебные перемены по епархии // КЕВ, 1912, № 10, отд. оф., с. 163.
- 5 Год кончины о. Никтополиона Комаровского указан на кресте на его могиле в Сумарокове.
- 6 *Дружкова Т.А.* Иорданские (машинопись) // Архив Т.А. Дружковой
- 7 *Дружкова Т.А.* Иорданские. Родных корней таинственная вязь. Нижний Новгород, 2016, с. 197–199.
- 8 *Дружкова Т.А.* Иорданские (машинопись) // Архив Т.А. Дружковой
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 10 об. — 11.
- 12 Там же.
- 13 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 16.
- 14 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 69.
- 15 Там же, л. 69 об.
- 16 Там же, л. 70 об.
- 17 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2070, л. 1.
- 18 *Дрюбок Е.Ф.* Дневник. 1916 год // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. Кострома, 1999, с. 408.
- 19 *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М., 2007, с. 255.
- 20 *Палеолог Морис.* Царская Россия накануне революции. М., 1991, с. 224–225.

Глава XV

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

- 1 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927, репринт: М., 1990, с. 223.
- 2 Там же.
- 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 110 об.

- 4 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 10 об.
- 5 За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии февраль 1917 – март 1918. Кострома, 1967, с. 33, 64.
- 6 *Белов Л.И.* Из истории улиц Галича. Галич, 2009, с. 46–47.
- 7 *Белов Л., Касторский В., Соколов Н.* Галич. Кострома, 1959, с. 48.
- 8 Из истории революции местного края. 1917–1918 гг. в Галиче // КМ, 7.11.1922.
- 9 Беспорядки в Галиче // ПВ, 27.10.1917.
- 10 Галич (в дни 25 октября – 2 ноября) // ПВ, 17.11.1917.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Галич // ПВ. 31.10.1917.
- 18 Галич // ПВ, 2.11.1917.
- 19 Галич (в дни 25 октября — 2 ноября) // ПВ, 17.11.1917.
- 20 Там же.
- 21 Октябрь в Буге // КМ, 7.11.1922.
- 22 Буй // КМ, 7.11.1922.
- 23 Там же.
- 24 Октябрь в Буге // КМ, 7.11.1922.
- 25 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2079, л. 2 об.
- 26 Там же.
- 27 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 374, лл. 20–21.
- 28 Национализированные здания. Список № 2 // СГ, 16 (3). 10.1918.

Глава XVI 1918 ГОД: СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ СТАНОВИТСЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОММУНОЙ

- 1 ГАКО, ф. Р-224, оп. 2, д. 157, л. 6.
- 2 ГАРФ, ф. А-353, оп. 3, д. 792, л. 52 об.
- 3 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1355, л. 10.
- 4 Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 373.
- 5 Там же, с. 407.
- 6 Там же, с. 410.

- 7 ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 432, л. 1.
- 8 *Поросятковская Л.* Обитель под видом сельхозартели // Светоч. Кострома, 1996, с. 43–46.
- 9 ГАКО, ф. Р-224, оп. 2, т. 1, д. 157.
- 10 ГАКО, ф. Р-224, оп. 2, д. 157, л. 6.
- 11 Там же, л. 35.
- 12 Там же, л. 5 об.
- 13 Там же, л. 8.
- 14 Там же, л. 5.
- 15 Там же, л. 27.

Глава XVII МАТЬ ВЕРА В 1919–1920 гг.: ПЕРВЫЕ АРЕСТЫ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 119.
- 2 Там же, л. 110.
- 3 *Белов Л.И.* Из истории улиц Галича. Галич, 2009, с. 48.
- 4 По реке Обноре: Любим и его окрестности. Ярославль, 2005, с. 24.
- 5 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 71.
- 6 Там же, л. 75.
- 7 Там же, л. 72.
- 8 Там же, л. 72 об.
- 9 Там же, л. 69.
- 10 Сообщено галичским краеведом Николаем Васильевичем Сотниковым.
- 11 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 75.
- 12 Там же, л. 75 об.
- 13 Там же, л. 76.
- 14 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 221.
- 15 *Ратков Валентин, связц.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 9.
- 16 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 221.

Глава XVIII 1920 ГОД: ЗАКРЫТИЕ СВЯТО- ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ

- 1 Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии. Сборник докумен-

- тов (1917–1919 гг.). Кострома, 1960, с. 167.
- 2 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 2–31.
 - 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 39.
 - 4 А.Л. Вместо черного гнезда — дом для престарелых // Известия исполнительного комитета Галичского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, 25.11.1920.
 - 5 Там же.
 - 6 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1355, л. 8 об.
 - 7 Совхоз «Ново-Сумароково» (за 10 лет) // Плуг и молот (Галич), 26.10.1927.
 - 8 Что сделал Галичский уисполкома за год. Ноябрь 1922 – ноябрь 1923 г. // Плуг и молот (Галич), 10.11.1923.
 - 9 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 43.

Глава XIX

1920 ГОД: МАТЬ ВЕРА ВОЗГЛАВЛЯЕТ МОНАСТЫРСКУЮ ОБЩИНУ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.
- 2 ГАКО, ф. Р-224, оп. 2, д. 157, л. 34 об.
- 3 ГАРФ, д. П-51921, л. 43 об.
- 4 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 144.
- 5 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 351, лл. 34–34 об.
- 6 КЦОВ, 1917, № 10–11, отд. оф., с. 68.
- 7 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007, с. 295.
- 8 *Беловинский Л. В.* Российский историко-бытовой словарь. М., 1999, с. 401.
- 9 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 12 об. — 13.
- 10 *Успенский Б. А., Успенский Ф. В.* Иноческие имена на Руси. М. — СПб., 2017, с. 100–101.
- 11 *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имён. М., 1966, с. 73.
- 12 Там же, с. 137.
- 13 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 8.

- 14 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 59 об.

Глава XX

БОЛЕЗНЬ:

МАТЬ ВЕРА УТРАЧИВАЕТ СПОСОБНОСТЬ ХОДИТЬ

- 1 Энциклопедический словарь, т. XXIIа, СПб., 1897, с. 763.
- 2 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 76.
- 3 Краткий словарь иностранных слов. 5-е изд. М., 1950, с. 109–110.
- 4 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40.
- 5 Там же, л. 76 об.
- 6 Краткий словарь иностранных слов. 5-е изд. М., 1950, с. 257.
- 7 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 150.
- 8 Там же, л. 160.
- 9 ГАРФ, д. П-51921, л. 70 об.

Глава XXI

АПРЕЛЬ 1921 ГОДА: ТРЕТИЙ АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 42.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же, л. 43 об.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же, л. 97.
- 8 Там же, л. 44.
- 9 Там же.
- 10 Там же, л. 58.
- 11 Там же, л. 45.
- 12 Там же.
- 13 Там же, л. 59.
- 14 Личные дела умерших священнослужителей Костромской епархии (1961 г., 1963–1964 гг.) // Архив Костромской епархии, т. 1А, лл. 209 об., 225.
- 15 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 72 об. — 73.
- 16 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 276.
- 17 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1340.
- 18 *Жало.* Поп-артист // Плуг и молот (Галич), 12.02.1924.

- 19 Личные дела умерших священнослужителей Костромской епархии (1961 г., 1963–1964 гг.) // Архив Костромской епархии, т. 1А, лл. 209 об., 225.
- 20 Там же; Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области, т. 4. Кострома, 2010, с. 96.
- 21 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 45.
- 22 Там же, л. 35.
- 23 Там же, л. 99.
- 24 Там же, л. 145.
- 25 Там же, л. 47.
- 26 Там же, л. 49.
- 27 Там же, л. 108 об.
- 28 Там же.
- 29 Там же, лл. 108 об. – 109.
- 30 Там же, л. 59 об.
- 31 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог, вып. III (город Галич, Галичский район). Кострома, 2001, с. 162.
- 32 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6395, т. 1, л. 83.
- 33 Там же, л. 90.
- 34 Там же, л. 91.
- 35 Там же, лл. 1-1 об.
- 36 Свидетельство Ольги Ивановны Смирновой (1914 г.р.), жительницы с. Сумароково. Запись 31 июля 1990 г.
- 37 Свидетельство Нины Михайловны Пановой (1926 г.р.), жительницы с. Сумароково. Запись 31 июля 1990 г.
- 10 Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 год. Кострома, 1909, с. 78.
- 11 Справочная книжка по Костромской губернии на 1916 год. Кострома, 1916, с. 35.
- 12 СГ, 31 (18).03.1918.
- 13 *Ушаков Д.* Губзагс (4 ½ года работы) // КМ, 18.10.1922.
- 14 *Гусев В.* К вопросу о проведении декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в Костромской губернии (1918–1922) // Костромской государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки, вып. III, Ярославль, 1983, с. 13.
- 15 ГАКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 21.
- 16 *Орский.* 13 лет назад // Безбожник, 1931, № 3, с. 2.
- 17 ГАРФ, ф. А-353, оп. 3, д. 792, л. 144–145.
- 18 Там же, л. 144.
- 19 *Бляхин П.* О темных делишках костромских попов и монахов // КМ, 17.06.1921.
- 20 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 1.
- 21 *Бляхин П.* О темных делишках костромских попов и монахов // КМ, 17.06.1921.
- 22 Там же.
- 23 *Воскресенский А.* Свято-Троицкий женский монастырь // КЕВ, 1914, № 6, отд. неоф., с. 122.
- 24 *Бляхин П.* О темных делишках костромских попов и монахов // КМ, 17.06.1921.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь, т. 1. М., 2005, с. 234–236.
- 29 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 21.
- 30 Там же, л. 22.
- 31 Там же, л. 23.

Глава XXII

1921 ГОД: ЗАКРЫТИЕ

МОНАСТЫРСКОГО

СОБОРА И АРЕСТ МАТЕРИ ВЕРЫ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 21.
- 2 Там же, л. 79.
- 3 Там же, л. 80.
- 4 Там же, л. 32.
- 5 Там же, л. 89.
- 6 Там же, л. 90.
- 7 Там же, л. 1.
- 8 ГАРФ, ф. А-353, оп. 3, д. 792, л. 144.
- 9 ГАКО, ф. 130, оп. II, д. 2144, л. 6 об. – 8.

- 32 Там же, л. 24.
- 33 Там же, л. 26.
- 34 Там же, л. 27.
- 35 Там же, л. 25.
- 36 Там же, л. 27.
- 37 Там же, л. 29.
- 38 Там же, л. 28.
- 39 Там же, л. 26.
- 40 Там же, л. 30.
- 41 Там же, л. 31.
- 42 Там же, л. 34 об.
- 43 Там же, л. 20.
- 44 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 28.

Глава XXIII

В КОСТРОМЕ: УЗНИЦА КОСТРОМСКОЙ ГУБЧЕКА

- 1 ГАНИКО, ф. 2656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40.
- 2 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3723, л. 130 об.
- 3 *Зонтиков Н.* Благовещенский храм в Костроме и род Островских // Московский журнал, 1993, № 4, с. 8.
- 4 Кострома. Справочное издание. Кострома, 1913, с. 82.
- 5 Родине и присяге верны. Посвящается 90-летию со дня образования органов государственной безопасности. Кострома, 2007, с. 10.
- 6 В памяти народа. Очерки о революционерах. Ярославль, 1988, с. 85–86.
- 7 Кострома. Путеводитель-справочник. Кострома, 1963, с. 259–260.
- 8 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40а.
- 9 Вся Кострома на 1924–25 гг. Справочник. Кострома, 1924, стб. 94.
- 10 *Вознесенский Е.П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859, с. 59.
- 11 Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999, с. 40.
- 12 *Короленко В.Г.* Записная книжка 1879 г. Горький, 1933, с. 67–81.
- 13 Заре навстречу. Костромской Совет в 1905 году. Ярославль, 1977, с. 192–195.
- 14 *Перовский П.* На ущербе // КМ, 12.03.1924.
- 15 *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб., 2009, с. 211–218.
- 16 За власть Советов. Хроника революционных событий в Костромской губернии. Февраль 1917 — март 1918. Ярославль, 1967, с. 19.
- 17 Освобождение политзаключенных // ПВ, 5.03.1917.
- 18 История в документах // Губернский дом, 2017, № 2 (107), с. 41.
- 19 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 22.
- 20 В губернской тюрьме // ПВ, 14.03.1917.
- 21 Праздник революции // Известия Костромского губернского объединенного комитета общественной безопасности, № 7, 11.03.1917.
- 22 В исправительном доме // КМ, 9.02.1920.
- 23 Спектакль в исправительном доме // КМ, 5.01.1921.
- 24 Загляните в Исправдом // КМ, 23.08.1924.
- 25 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40.
- 26 ГАКО, ф. 360, оп. 1, д. 48, лл. 37 об. – 38.
- 27 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 40.
- 28 Переименование улиц // СГ, 6.11.1918.
- 29 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 101.
- 30 ГАРФ, д. П-51921, л. 56.
- 31 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, лл. 115–119.
- 32 Там же, л. 111.
- 33 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 130.
- 34 *Ушаков Д.* По отделению церкви от государства (работа Губподотдела за 4 ½ года) // КМ, 20.10.1922.
- 35 Там же.
- 36 ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 698, л. 118.

- 37 Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии) 1922–1929 гг. М., 2014, с. 353.
- 38 ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 698, л. 117.
- 39 *Орлеанский Н.* Закон о религиозных объединениях РСФСР. М., 1930, с. 3.
- 40 Сайты: «Память народа» и «1418. Дорога памяти».

Глава XXIV
В МОСКВЕ: УЗНИЦА ВЧК
 (1921–1923 гг.)

- 1 Вся Москва на 1923 год. Адресная и справочная книга, стб. 39–40.
- 2 *Кривин М.Ю., Макаров Ю.М.* «Незаменим для работы в области проведения декрета отделения церкви от государства»: документальный портрет М.В. Галкина (1885–1948) // *Былые годы*, № 34 (4), Сочи, 2014, с. 645–650.
- 3 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 127.
- 4 Там же, л. 123.
- 5 Там же, л. 126.
- 6 Там же, л. 126.
- 7 Там же, л. 124.
- 8 Там же, л. 123.
- 9 Там же, л. 122.
- 10 Там же, л. 120.
- 11 Там же, л. 130.
- 12 Там же, л. 132.
- 13 Там же, л. 134.
- 14 Там же, л. 135.
- 15 Там же, л. 137.
- 16 Там же, л. 141.
- 17 Там же, л. 137.
- 18 *Имена московских улиц: путеводитель. 5-е изд.* М., 1988, с. 211–212.
- 19 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, лл. 1 – 1 об.
- 20 Там же, л. 160.
- 21 Там же, л. 160.
- 22 Там же, л. 11.
- 23 Там же, л. 4.
- 24 Там же.
- 25 Там же, л. 3.
- 26 Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1913 г. М., 1914, с. 82.
- 27 *Разгон Л.Э.* Непридуманное. М., 1989, с. 277.
- 28 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 5.
- 29 ГАРФ, ф. П-51921, лл. 45 об. – 46.
- 30 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 157.
- 31 Там же, л. 159.
- 32 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 53.
- 33 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 162.
- 34 Там же, л. 161.
- 35 Там же, л. 157.
- 36 ГАРФ, д. П-51921, л. 69.
- 37 *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков. Т. 1. М., 1992, с. 210.
- 38 Там же, с. 210–211.
- 39 ГАРФ, д. П-51921, л. 23.
- 40 Там же, л. 71.
- 41 Там же, л. 25 об.
- 42 Там же, л. 44 об.
- 43 *Паламарчук П.Г.* Сорок сороков. Т. 1. М., 1992, с. 343–345.
- 44 ГАРФ, д. П-51921, л. 25 об.
- 45 Там же, л. 26.
- 46 Там же, лл. 71–72.
- 47 Там же, л. 29.
- 48 Там же, л. 4.
- 49 Там же, л. 6.
- 50 Там же, л. 29.
- 51 Там же, л. 48.
- 52 Там же, л. 17.
- 53 Там же, л. 29 об.
- 54 Там же, лл. 33 об. – 34.
- 55 Там же, лл. 35 об. – 36.
- 56 Там же, лл. 37 об. – 38 об.
- 57 Там же, л. 5.
- 58 Там же, л. 67.
- 59 Там же, л. 87.
- 60 Там же, лл. 71 – 71 об.
- 61 Там же, л. 70 об.
- 62 Там же, л. 71 об.
- 63 Там же.
- 64 Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б)

- (Антирелигиозной комиссии) 1922–1929 гг. М., 2014, с. 355.
- 65 ГАРФ, д. П-51921, л. 94.
- 66 Там же, л. 94.
- 67 Там же, л. 95.
- 68 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 13.
- 69 *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. 3-е изд. М., 2004, с. 378.
- 70 Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии) 1922–1929 гг. М., 2014, с. 83.
- 71 ГАРФ, д. П-51921, л. 47.
- 72 Там же, л. 83 об.

Глава XXV

МАТЬ ВЕРА В ГАЛИЧЕ

(1923–1924 гг.)

- 1 Пора за ум взяться // Плуг и молот (Галич), 5.09.1923.
- 2 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 2.
- 3 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 28.
- 4 ГАКО, ф. Р-6, оп. 3, д. 80, л. 120.
- 5 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог, вып. III (город Галич, Галичский район). Кострома, 2001, с. 92.
- 6 ГАКО, ф. Р-6, оп. 3, д. 80, л. 120.
- 7 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 45.
- 8 *Сырцов И.* Две недели с чудотворной Феодоровской иконой Божией Матери в г. Галиче в 1904 г. // КЕВ, 1905, № 20, ч. неоф., с. 602–603.
- 9 Язычество // Плуг и молот (Галич), 27.05.1923.
- 10 *Померанцев Н.А.* Русская деревянная скульптура. М., 1994, с. 22.
- 11 Существенные мелочи // Плуг и молот (Галич), 6.06.1924.
- 12 Поклонники юродивых // Плуг и молот (Галич), 8.08.1923.
- 13 *Нелюдим.* Толпа // Плуг и молот (Галич), 10.08.1923.
- 14 *Касторский В.В.* Поэт «Правды» А.Н. Соловьев-Нелюдим // *Соловьёв (Нелюдим) А.Н.* Стихи. Кострома, 1957, с. 13.
- 15 Там же, с. 5–14; Писатели Костромы (1918–1975 гг.). Библиографический указатель. Кострома, 1981, с. 17.
- 16 Поклонники юродивых // Плуг и молот (Галич), 8.08.1923.
- 17 *Нелюдим.* Толпа // Плуг и молот (Галич), 10.08.1923.
- 18 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 2.
- 19 Пора за ум взяться // Плуг и молот (Галич), 5.09.1923.
- 20 Там же.
- 21 *Нелюдим.* Весенние брызги. Фельетон // Плуг и молот (Галич), 5.04.1924.
- 22 Переименование улиц // Плуг и молот (Галич), 17.04.1925.
- 23 Там же.
- 24 План траурной демонстрации в день похорон нашего великого учителя и вождя В.И. Ульянова-Ленина в воскресенье 27 января с.г. // Плуг и молот (Галич), 26.01.1924.
- 25 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 71–72.
- 26 *Вознесенский Е.П., свящ.* Воспоминания о путешествиях Высочайших особ, благополучно царствующего Императорского Дома Романовых, в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859, с. 53–54.
- 27 *Некрасов А.* Древности Галича Костромского. Галич, 1926, с. 3.
- 28 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2236, лл. 3 об. – 5.
- 29 ГАКО, ф. Р-6, оп. 3, д. 80, л. 113 об.
- 30 *Козлов В.Ф.* Как жители города Галича в 1920-м году отстояли городской Спасо-Преображенский собор // Город Галич: история возникновения и развития. Галич, 2006, с. 11–13.
- 31 *Нелюдим.* Наклонности // Плуг и молот, 25.12.1923.
- 32 ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 445, л. 231–232.
- 33 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2236, лл. 97 об. – 98.
- 34 *Белов Л.И.* Из истории улиц Галича. Галич, 2009, с. 71–72.

- 35 *Сотников Н. В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII — середина XX вв. Кострома, 2015, с. 38–39.
- 36 ГАРФ, д. 51921, л. 71 об.
- 37 *Яковлева А. П.* «Теперь такое благоприятное время для добродетели и выявления себя христианином, какое редко бывает». Миряне — помощники ссыльного и заключённого духовенства // Воспоминания соловецких узников. Т. 4. Соловки, 2016, с. 51.
- 38 *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 160.
- 39 *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М. — СПб., 2017, с. 141.
- 40 *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. 3-е изд. Киев, 1913, с. 960.
- 41 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 5.
- 42 Там же, с. 37.
- 43 *А. С. Тов.* Луначарский на заседании партии коммунистов // Известия исполнительного комитета Галичского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 21.05.1919.
- 44 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 2.
- 45 *Сотников Н. В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII — середина XX вв. Кострома, 2015, с. 156; Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома, 2015, с. 43.
- 46 *Вандыш.* Батюшки-матушки // Плут и молот (Галич), 23.05.1924.
- 47 ГАКО, ф. Р-260, оп. 3, д. 127, л. 5.
- 48 Там же, л. 8 об.
- 49 Там же, лл. 5–5 об.
- 50 За веру Христову: духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник. Архангельск, 2006, с. 34.

Глава XXVI ЗАКЛЮЧЕННАЯ ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ: ПОЛТОРА ГОДА В КОСТРОМЕ (1924–1925 гг.)

- 1 Вся Кострома на 1925–26 гг. Кострома, б. г., с. 12.
- 2 Сообщение буйского краеведа Александра Александровича Смирнова.
- 3 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 51.
- 4 ГАКО, ф. Р-260, оп. 3, д. 127, л. 3.
- 5 Вся Кострома на 1924–25 г. Справочник. Кострома, 1924, стб. 93.
- 6 ГАНИКО, ф. П-1, оп. 10, д. 921, связка 134, л. 11.
- 7 *Зонтиков Н. А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 379–380.
- 8 ГАНИКО, ф. П-1, оп. 10, д. 921, связка 134, л. 11.
- 9 Кострома: историческая энциклопедия. Кострома, 2002, с. 376.
- 10 *Нижкофоровский В.* Октябрины клуба. Конкурс на название клуба — клуб «Рабочий гул» // КМ, 24.12.1924.
- 11 ГАНИКО, ф. П-1, оп. 10, д. 921, связка 134, л. 11.
- 12 ГАКО, ф. Р-260, оп. 3, д. 127, л. 13.
- 13 *Шигшов В.* Приволжский край. Деревня Овсянкина // Новый мир, 1925, № 3, с. 131.
- 14 *Шигшов В. Я.* Село Железный Борок // Собр. соч. Т. 11. М., 1927, с. 191.
- 15 *Еселев Н. Х.* Шигшов. М., 1973, с. 94.
- 16 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 12.
- 17 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 2.
- 18 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 1, л. 21.
- 19 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 30.
- 20 Там же.

Глава XXVII В ССЫЛКЕ В КИНЕШМЕ (1925–1928 гг.)

1. Классовый враг не дремлет. Молитвой, обманом, ложью одурачивает трудящихся // Приволжская правда (Кинешма), 12.08.1928.

2. *Тюменев И. Ф.* От Ярославля до Нижнего (Путевые наброски) // Исторический вестник, т. 105. СПб., 1906, с. 970.
3. Иваново-Вознесенская губерния, т. 1. Иваново-Вознесенск, 1924, с. 209.
4. ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 30 об.
5. *Грач.* Снова о «матушке Вере» // Плуг и молот (Галич), 1.06.1926.
6. ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 31.
7. Там же, лл. 30-30 об.
8. *К.Л.* «Матушка» Вера // Приволжская правда (Кинешма), 15.12.1926.
9. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 111-112.
10. Вознесенский Е. П. Воспоминания о путешественях Высочайших особ благополучно царствующего императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859, с. 66.
11. *З-кий Я.И.* О Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 года. СПб., 1895, с. 95.
12. ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2154, л. 12.
13. ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 6802, л. 1.
14. Там же.
15. ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2154, л. 12.
16. Служебные перемены по епархии // КЕВ, 1911, № 22, отд. оф., с. 463.
17. Служебные перемены по епархии // КЕВ, 1913, № 3, отд. оф., с. 457.
18. За веру Христову: духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918-1951). Биографический справочник. Архангельск, 2006, с. 592.
19. *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 501.
20. Данные сайта Православного Свято-Тихоновского богословского института.
21. ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 24.
22. Классовый враг не дремлет. Молитвой, обманом, ложью одурачивает трудящихся // Приволжская правда (Кинешма), 12.08.1928.
23. *Леб К.* Дело о «матушке» Вере // Приволжская правда (Кинешма), 10.02.1927.
24. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 71.
25. Там же, л. 72.
26. *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908, с. 111.
27. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 72.
28. Там же, л. 121, 125.
29. Об открытии Ново-Казанской женской общины // КЕВ, 1909, № 3, отд. оф., с. 26.
30. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 134.
31. ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 55 об.
32. ГАКО, ф. Р-6, оп. 3, д. 80, л. 121.
33. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 126 об.
34. Там же, л. 126.
35. Там же, л. 126 об.
36. Православная энциклопедия, т. 1. М., 2000, с. 109-110.
37. *К.Л.* У церковников // Приволжская правда (Кинешма), 1.04.1924.
38. Епископское царство // Колотушка (Кинешма), 1925, № 6.
39. Список лиц, не имеющих избирательного права, согласно Конституции РСФСР по г. Кинешме // Приволжская правда (Кинешма), 8.10.1924.
40. ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 126 об.
41. *Яковлева А.П.* «Теперь такое благоприятное время для доброделания и выявления себя христианином, какое редко бывает». Миряне — помощники ссыльного и заключенного духовенства // Воспоминания Соловецких узников. Т. 4, Соловки, 2016, с. 51.
42. Там же, с. 52.
43. *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 380-382.
44. *Баженов И.* Обозрение упразд-

- ненных монастырей и пустынь Костромской епархии // КЕВ, 1917, № 12, отд. неоф., с. 199–201.
45. Упраздненные монастыри Костромской епархии. М., 1909, с. 30.
46. ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 616, л. 2.
47. Освящение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Александром, храма во вновь устроенной близ г. Кинешмы женской общине // КЕВ, 1889, № 2, ч. неоф., с. 56–59.
48. *Баженев И.* Упраздненные монастыри и пустыни Костромской епархии // КЕВ, 1917, № 12, отд. неоф., с. 208.
49. Список настоятельниц женских монастырей и общин. М., 1889, с. 16–17; ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3771, л. 1 об.
50. ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 616, л. 2.
51. Там же.
52. *Булгаков С.В.* Русские монастыри в 1913 году. Б. м., 1913, с. 320.
53. Там же.
54. ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 201, л. 2.
55. ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3771, лл. 4 об. — 17.
56. ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3772, л. 24.
57. *Булгаков С.В.* Русские монастыри в 1913 году. Б. м., 1913, с. 320.
58. ГАКО, ф. 130, оп. 14, д. 616, л. 4.
59. ГАКО, ф. 130, оп. 7, д. 241, ч. 8, лл. 17 об. — 18.
60. ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 251, лл. 1 об. — 2.
61. Монастырь под дом заключения // Приволжская правда (Кинешма), 14.03.1923.
62. *Соколова В. Н.* Кинешемский следственный изолятор в стенах Успенского монастыря // Историко-культурный и природный потенциал Кинешемского края. Развитие регионального туризма. Материалы II региональной краеведческой конференции. 22–25 марта 2004 г. Кинешма, 2004, с. 61–61.
63. *Лев К.* «Матушка» Вера // Приволжская правда (Кинешма), 15.12.1926.
64. Там же.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же.
68. *Лев К.* Дело о «матушке» Вере // Приволжская правда (Кинешма), 10.02.1927.
69. Там же.
70. Там же.
71. Там же.
72. *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 402–404.
73. Заключительное слово предуполкома товарища И.Е. Смирнова // Приволжская правда (Кинешма), 18.03.1927.
74. *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 437–442.
75. Там же, с. 450–456.
76. ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 27.
77. *К.Л.* «Матушка» Вера // Приволжская правда (Кинешма), 15.12.1926.
78. Классовый враг не дремлет. Молитвой, обманом, ложью одурачивает трудящихся // Приволжская правда (Кинешма), 12.08.1928.

Глава XXVIII МОНАСТЫРСКАЯ ОБЩИНА И СОВХОЗ «СУМАРОКОВО» В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

- 1 *Дмитриев.* Осиное гнездо // Плуг и молот (Галич), 29.09.1928.
- 2 Малая советская энциклопедия, т. 8. М., 1932, стб. 101.
- 3 Что сделал Галичский уисполком за год. Ноябрь 1922 — ноябрь 1923 // Плуг и молот (Галич), 10.11.1923.
- 4 Там же.
- 5 Что сделано за год. Отчетный доклад Галичского исполкома за 1923–24 гг. // Плуг и молот (Галич), 21.10.1924.
- 6 Экскурсия в совхоз Сумароково // Плуг и молот (Галич), 23.05.1924.
- 7 *Местный.* Трактор в совхозе «Сумароково» // Плуг и молот (Галич), 5.06.1925.
- 8 Совхоз «Ново-Сумароково» (за 10 лет) // Плуг и молот (Галич), 26.10.1927.
- 9 Там же.

- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 10.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 *Шушков В.Я.* Собрание сочинений, т. II. М., 1927, с. 186–187.
- 24 *Дмитриев.* Осиное гнездо // Плут и молот (Галич), 29.09.1928.
- 25 Там же.
- 26 *Жозеф Кольберт.* Ожившие трупы... // СП, 19.08.1928.
- 27 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 20.
- 28 ГАИО, ф. Р-33, оп. 1, д. 2580, л. 5.
- 29 *Дмитриев.* Осиное гнездо // Плут и молот (Галич), 29.09.1928.
- 30 Там же.
- 31 *Ж.К.* Причт это или волисполком? // СП, 20.09.1928.
- 32 Сумароково // СП, 30.01.1930.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 20.
- 37 Там же, с. 51.
- 38 ГАКО, ф. Р-6, оп. 1, д. 698, л. 91 об.
- 39 Там же, лл. 91–91 об.
- 40 Там же, л. 91 об.
- 41 Там же, л. 73.
- 42 Там же, л. 70.
- 43 Закрытие церкви при железнодорожной станции «Буй» // КМ, 18.07.1924.
- 44 *Ратъков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 51.

Глава XXIX
ДЕКАБРЬ 1928 ГОДА:
МАТЬ ВЕРА ВОЗВРАЩАЕТСЯ
В СУМАРОКОВО

- 1 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 24.
- 2 Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967, с. 136.
- 3 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 29 об.
- 4 Там же, л. 24.
- 5 Там же, л. 29 об.
- 6 Там же, л. 32.
- 7 Там же, л. 39 об.
- 8 Там же, л. 29.
- 9 Там же, л. 24.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же, л. 13 об.
- 13 Там же, л. 34.

Глава XXX
В ССЫЛКЕ В КОТЕЛЬНИЧЕ
(1929–1931 гг.)

- 1 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 89.
- 2 Перепись населения 1926 г., вып. III. Список населенных мест Вятской губернии. Котельнический уезд. Вятка, 1927, с. 128.
- 3 Котельнич сторел // Плут и молот (Галич), 1.06.1926.
- 4 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельнической земле: храмы и люди. Вятка, 2018, с. 62–70 (далее — *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельнической земле).
- 5 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 13 об.
- 6 Перепись населения 1926 г., вып. III. Список населенных мест Вятской губернии. Котельнический уезд. Вятка, 1927, с. XVII.
- 7 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 50.
- 8 Там же, л. 47
- 9 Там же, л. 49 об.
- 10 Там же, л. 14 об.
- 11 Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912, с. 263–264.

- 12 ГАКО (Киров), ф. 237, оп. 70, д. 678, л. 1. Документ любезно прислал нам Е.Ю. Горев.
- 13 Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912, с. 263.
- 14 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 136–137.
- 15 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 51 об.
- 16 Там же, л. 52 об.
- 17 Там же, л. 89.
- 18 *Пинягин В.* Провидица Верушка // Деревенская жизнь (Котельнич), 2.11.1929.
- 19 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 89.
- 20 Там же, л. 48.
- 21 Там же, л. 44.
- 22 Там же, л. 46.
- 23 Там же, л. 50.
- 24 Там же, л. 53 об.
- 25 Там же, л. 44.
- 26 *Сотников Н.В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII – середина XX вв. Кострома, 2015, с. 38.
- 27 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 41.
- 28 Там же.
- 29 Там же, л. 46.
- 30 Там же.
- 31 Там же, л. 38.
- 32 Там же, лл. 79–79 об.
- 33 Там же, лл. 10–10 об.
- 34 Там же, л. 10.
- 35 Там же, л. 14.
- 36 Там же, л. 3.
- 37 Там же, л. 4.
- 38 Там же.
- 39 Там же, л. 5.
- 40 Там же, л. 6.
- 41 Там же, л. 9.
- 42 Там же, л. 6.
- 43 *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. Кострома, 2015, с. 172.
- 44 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, лл. 7а – 8.
- 45 Там же, л. 15.
- 46 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007, с. 465.
- 47 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 18.
- 48 Там же, л. 35.
- 49 Вятская епархия. Историко-статистическое описание. Вятка, 1912, с. 263.
- 50 ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 383, л. 2.
- 51 *Горев Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 31–34.
- 52 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 37.
- 53 Там же, л. 42.
- 54 Там же, л. 69.
- 55 Там же, л. 71.
- 56 *Ратков Валентин, связу.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 55.
- 57 ГАСПИКО, ф. Р-6799, оп. 4, д. 5077, л. 70.
- 58 Там же, л. 94.
- 59 Там же, л. 85.
- 60 Там же, л. 86.
- 61 Там же, л. 77.
- 62 Там же, л. 78.
- 63 Там же, л. 82 об.
- 64 Там же, л. 81 об.
- 65 Там же, лл. 80–80 об.
- 66 Там же, л. 91.
- 67 Там же, л. 76.
- 68 Там же, лл. 89–90.
- 69 Там же, л. 90.
- 70 Там же, л. 100.
- 71 Там же, л. 100.
- 72 *Горев Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 214–215.
- 73 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 91.
- 74 *Горев Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 214–215.
- 75 Цит. по: *Горев Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 216.
- 76 Там же, с. 217.
- 77 Там же, с. 219–220.
- 78 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 91 об.
- 79 Там же, л. 92.
- 80 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 131 об.

81 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 141.

Глава XXXI

МОЛВИТИНСКИЙ РАЙОН:

1928–1931 гг.

- 1 *Ветров А.И.* Было Молвитино — стало Дзержинское // Борона (Кострома), 25.11.1928.
- 2 Статистический справочник по районам Костромской губернии. 1926–28 гг. Кострома, 1929, с. 42.
- 3 Там же.
- 4 Список населенных мест Костромской губернии (по сведениям 1907 года). Кострома. 1908, с. 14.
- 5 Смирнов В.И. От Молвитина до Буя. Из записной книжки краеведа. 1928 г. // Смирнова Т.В. Цветок ключквы и веточка карликовой берёзы. Судьбы краеведов. Сергиев Посад, 2016, с. 268.
- 6 Там же.
- 7 Приезжий. Открытие памятника царю-освободителю императору Александру II в с. Молвитине // ПВ, 14.06.1912.
- 8 *Ветров А.И.* Было Молвитино — стало Дзержинское // Борона (Кострома), 25.11.1928.
- 9 *Зонтиков Н.А.* Символ России. О храме, изображённом на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели» // Костромская земля. Краеведческий альманах, вып. 4. Кострома, 1999, с. 7–33.
- 10 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. X (Буйский район, Сусанинский район). Кострома, 2008, с. 196.
- 11 Сообщено Татьяной Александровной Груздевой, заведующей Сусанинским краеведческим музеем.
- 12 *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, с. 247.
- 13 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 216.
- 14 *Сырцов И.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Фе-

одоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 491.

- 15 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии, с. 215.
- 16 Из Нижегородско-Костромской епархии // Церковь, 1913, № 13, с. 317.
- 17 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 41.
- 18 *Головкин А., Попов М.* Рясники и сектанты Ивановской области. Вып. 2. Иваново, 1930, с. 18.
- 19 *Дружкова Т.А.* Иорданские (рукопись) // Архив Т.А. Дружковой.
- 20 Там же.
- 21 *Дружкова Т.А.* Иорданские. Родных корней таинственная связь. Нижний Новгород, 2016, с. 137–163, 202–203.

Глава XXXII

1931 ГОД: ТРИ МЕСЯЦА

В СУМАРОКОВЕ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 184.
- 2 Там же, л. 38.
- 3 Там же, л. 17 об.
- 4 Там же, л. 34 об.
- 5 Там же, л. 17 об.
- 6 Там же, л. 14 об.
- 7 Там же, л. 17 об.
- 8 Там же, л. 24 об.
- 9 Сообщено Татьяной Александровной Груздевой, заведующей Сусанинским краеведческим музеем.
- 10 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 17 об.
- 11 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 33.
- 12 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 184.
- 13 *Мокшенико В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998, с. 599.
- 14 *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. М., 2015, с. 172.
- 15 Там же, с. 315.

- 16 *Ратьков Валентин, связ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 18.
- 17 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 184.
- 18 Там же.
- 19 *Ратьков Валентин, связ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 45.
- 20 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 184.
- 21 Там же.
- 22 *Ратьков Валентин, связ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 40–41.
- 23 Там же, с. 43.
- 24 Там же, с. 21.
- 25 *Горев Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 215–220.
- 26 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 130.
- 27 Там же, л. 126.
- 28 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 52.
- 29 Кулацкая «пророчица» снова заговорила // *Безбожник* (Москва), 10.05.1931.
- 30 Прохождение. Письмо в редакцию // *Колхозный клич* (Молвитино), 20.07.1931.
- 31 Там же.
- 32 Черное гнездо и черная доска. Коростелевский сельсовет занесен на черную доску за срыв посевного плана // *Колхозный клич* (Молвитино), 1.07.1931.
- 33 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 15.
- 34 Там же, л. 44.
- 35 Там же, л. 9.
- 36 Там же.
- 37 Там же, л. 9 об.
- 38 Там же.
- 39 Там же, л. 10.
- 40 Там же, л. 25.
- 41 Там же, л. 8.
- 42 Там же, л. 8.
- 43 Там же, л. 9.
- 44 Там же, л. 11.
- 45 *Ратьков Валентин, связ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 43.
- 46 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 82 об.
- 47 Там же, л. 75.
- 48 Там же, л. 74.
- 49 Там же, л. 76.
- 50 Там же, л. 28 об.
- 51 Там же, л. 80.
- 52 Там же.
- 53 Там же, л. 70.
- 54 Там же, л. 72.
- 55 Там же, л. 7.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Там же, л. 3.
- 59 Там же, л. 1.
- 60 Там же, л. 2.
- 61 Там же, л. 37.
- 62 Там же, л. 38.
- 63 Там же, л. 13.
- 64 Там же, л. 14.
- 65 Там же, л. 38.
- 66 Там же, л. 13.
- 67 Там же, л. 38.
- 68 Там же, л. 13.
- 69 Там же, л. 14 об.
- 70 Там же, л. 17.
- 71 Там же, л. 17 об.
- 72 Там же, л. 20.
- 73 Там же, л. 21.
- 74 Там же, л. 22.
- 75 Там же, л. 23 об.
- 76 Там же, л. 28.
- 77 Там же, л. 14 – 14 об.
- 78 Там же, л. 24.
- 79 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2284, лл. 5 об. – 6.
- 80 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 24.
- 81 Там же, л. 25.
- 82 Там же, л. 26.
- 83 Там же, л. 44 об.
- 84 Там же, л. 71 об.
- 85 Там же, л. 69.
- 86 Там же, л. 69 об.
- 87 Там же.
- 88 Там же, л. 70 об.
- 89 *Цветков Ф.* Под маской «блаженной матушки Веры» скрыто лицо классового врага // *Колхозник* (Семёновское), 21.06.1931.

- 90 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, лл. 73.
 91 Там же.
 92 Там же, л. 73 об.
 93 Там же.
 94 Словарь литературоведческих терминов. М., 1974, с. 459.
 95 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 83.
 96 Там же, л. 85.
 97 Там же.
 98 М. Ф. Контрреволюционная шарлатанка Вера выслана из пределов района. Требование широкой массы колхозников и единоличников выполнено // Колхозный клич, 1931, ?.
 99 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 85–86.
 100 М. Ф. Контрреволюционная шарлатанка Вера выслана из пределов района. Требование широкой массы колхозников и единоличников выполнено // Колхозный клич, 1931, ?.
 101 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 184.
 102 Там же, л. 185.
 103 Там же, л. 189.
 104 Там же, л. 194.
 105 Ратьков Валентин, связц. Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 50.
 106 Как идет перемещение учреждений // СП, 13.10.1927.
 107 Расстрельные списки, Москва. 1937–1941. «Коммунарка» и Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2000, с. 212.
 108 О «Верушке-босоножке» и о классовой близорукости газеты «Колхозный клич» // Правда, 12.08.1931.
 109 Там же.
 110 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 675, л. 118 об.; ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 167.
 111 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 169.
 112 Там же, л. 167.
 113 Там же, л. 169.
 114 Там же.
 115 Там же, л. 167.
 116 Там же.

- 117 Там же.
 118 Там же.
 119 Там же, л. 169.
 120 Там же.
 121 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области, т. 4, Кострома, 2010, с. 382.
 122 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 192.
 123 Там же, л. 207.
 124 ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013, с. 283.
 125 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 216.
 126 Там же.
 127 Там же, л. 229.
 128 Там же, л. 232.
 129 Там же, л. 234.
 130 Там же, л. 233.

Глава XXXIII ВО ВЛАДИМИРСКОМ ЦЕНТРАЛЕ (1931–1934 гг.)

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 216.
 2 Там же.
 3 Там же, л. 219.
 4 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 112 об.
 5 Там же.
 6 Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932. М., 1932, с. 33.
 7 Там же, с. 268.
 8 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 20.
 9 Там же, л. 96.
 10 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 99.
 11 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 96.
 12 Там же, л. 110 об.
 13 Там же, л. 110.

Глава XXXIV 1934 ГОД: СНОВА В СУМАРОКОВЕ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 141.
 2 Там же, л. 113 об.
 3 Там же, л. 20.
 4 Там же, л. 42 об.
 5 Там же.

- 6 Там же, л. 45.
 7 Там же, л. 29 об.
 8 Там же, л. 29 об. – 30.
 9 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007, с. 239.
 10 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 30.
 11 Там же, лл. 20 об. – 22.
 12 Там же, л. 43.
 13 Там же, л. 80.
 14 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 15.
 15 Там же, с. 23–24.
 16 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 24.
 17 Там же, л. 114 об.
 18 Там же, л. 95 об.
 19 Там же, л. 96.
 20 Там же.
 21 Там же, л. 128.
 22 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 271.
 23 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, лл. 93 – 93 об.
 24 Там же, лл. 111–111 об.
 25 Там же, л. 161.
 26 Там же.
 27 Там же, л. 102 об.
 28 Там же, л. 117 об.
 29 Там же, л. 117 об.
 30 ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 810, лл. 27 об. – 29.
 31 Сведения из Костромской духовной консистории // КЕВ, 1907, № 7, отд. оф., с. 127.
 32 Служебные перемены по епархии // КЕВ, 1915, № 2, отд. оф., с. 17.
 33 Служебные перемены по епархии // КЕВ, 1916, № 17, отд. оф., с. 359.
 34 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 154.
 35 Там же, л. 156.
 36 Там же, л. 157.
 37 Там же, л. 160.
 38 Там же, л. 155.
 39 Там же, л. 158.
 40 Там же.
 41 *Ганцовская Н. С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. Кострома, 2015, с. 316.
 42 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 153.
 43 Там же.
 44 Там же, л. 41 об.
 45 Там же, л. 17.
 46 Там же, л. 17 об.
 47 Там же.
 48 Там же, л. 63.
 49 Там же, лл. 64 об. — 65.
 50 Там же, лл. 16–16 об.
 51 Там же, л. 17.
 52 Там же, л. 16 об.
 53 Там же, л. 29.
 54 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 2.
 55 КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., т. 5. М., 1984, с. 34.
 56 ГАКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 19–20.
 57 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 137–138.
 58 *Ожегин П., Семibrатов В.* Вятские новомученики. Киров, 2017, с. 50.
 59 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 115.
 60 Там же, л. 77 об.
 61 Там же.
 62 Там же, л. 45.
 63 Там же, л. 99.
 64 Там же, л. 78.
 65 Там же.
 66 Там же, л. 133.
 67 Там же, л. 146.
 68 Там же, л. 114.
 69 Там же, л. 114 об.
 70 Там же.
 71 Там же, л. 128.
 72 Там же, л. 153–154.
 73 Там же, л. 151.
 74 Там же.
 75 Там же, л. 152.
 76 Там же, л. 150.
 77 Там же, л. 114 об.
 78 Там же, л. 146.
 79 Там же, л. 51.
 80 Там же, л. 61.
 81 Там же.
 82 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 20–21.

- 83 Там же, с. 38.
84 Там же.
85 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 128 об.
86 Там же, л. 153.
87 Известия Императорской Археологической комиссии, вып. 31. СПб., 1909, с. 126.
88 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 159.
89 Там же, л. 54.
90 Там же, л. 75.
91 Там же, л. 105.
92 Там же, л. 75.
93 Там же, л. 103.
94 Там же, л. 71.
95 Там же, л. 1.
96 Там же.

Глава XXXV

1934 ГОД:

ПОПЫТКА ОТДАТЬ

МАТЬ ВЕРУ ПОД СУД

ОКАНЧИВАЕТСЯ НЕУДАЧЕЙ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1428, л. 123.
2 Там же, л. 5.
3 Там же, л. 6.
4 Там же, л. 120.
5 Там же, л. 8 об.
6 Там же, л. 111 об.
7 Там же, л. 123.
8 Там же, л. 2.
9 Там же, л. 132, 136.
10 Там же, л. 144.
11 Там же, л. 132.
12 Там же, л. 139.
13 Там же, л. 137.
14 Там же, л. 141.
15 Там же.
16 Там же.
17 Там же.
18 Там же, л. 142.
19 Там же, л. 146.
20 Там же, л. 145.
21 Там же, л. 147.
22 Там же, л. 156.
23 Там же.
24 Там же, л. 155.
25 Там же.
26 *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин

и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010, с. 177, 181.

- 27 *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 91.

Глава XXXVI

ЯНВАРЬ 1935 ГОДА:

ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 163.
2 Там же, л. 1.
3 Там же, л. 2.
4 Там же, л. 3.
5 Там же, л. 89.
6 Там же, л. 120.
7 Там же, л. 4 об.
8 *Терентьев В. П.* К вопросу об уточнении даты образования Иваново-Вознесенской губернии в 1918 г. // Краеведческие записки, вып. VI и VII. Иваново, 2001, с. 78–82.
9 Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область, ч. 1. М., 1998, с. 151.
10 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 27.
11 Там же, л. 7.
12 Там же, л. 104.
13 Там же.
14 *Всеволод Т.* Суд над руководителями Железно-Боровского монастыря, Буйского района // Борона (Кострома), 23.06.1929.
15 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 104 об.
16 Там же, л. 113; Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области, т. 4. Кострома, 2010, с. 73.
17 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, лл. 109 об. – 110.
18 Там же, л. 110.
19 Там же, л. 103.
20 Там же, л. 109.
21 Там же, л. 109.
22 Там же, л. 109 об.
23 Там же, л. 112.
24 *Шлишков В. Я.* Собр. соч., т. 11. М., 1927, с. 185–186.

- 25 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области, т. 1. Кострома, 2010, с. 219.
- 26 Там же.
- 27 Архив Костромской епархии. Личное дело архимандрита Серафима (Борисова Павла Владимировича); *Мостовой Леонтий, прот.* Светлой памяти схиархимандрита Серафима (Борисова) // Благовест, № 1 (24), январь 1996 г.; *Ферапонт, митр.* Иаково-Железнодорожный монастырь. Кострома, 2017, с. 62–63.
- 28 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области, т. 3. Кострома, 2010, с. 220–221.
- 29 Там же, с. 221.
- 30 *Ферапонт, митр.* Иаково-Железнодорожный монастырь. Кострома, 2017, с. 63–64.
- 31 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 16.
- 32 Там же, л. 163.
- 33 Там же.
- 34 Там же, л. 166.
- 35 Там же, л. 168.
- 36 Там же, л. 170.
- 37 Там же, л. 171.
- 38 Там же, л. 177.
- 39 Там же, л. 163.
- 40 ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013, с. 403.
- 41 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 5.
- 42 Там же, л. 182.
- 43 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Кострома, 2007, с. 374.
- 44 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, лл. 183–187.

Глава XXXVII

19 СЕНТЯБРЯ 1935 ГОДА:

СМЕРТЬ В КИРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

- 1 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 182.
- 2 *Жаравин В.* Матушка Вера // Вятский епархиальный вестник, № 4 (282), апрель 2011 г., с. 16.
- 3 *Сидоркина Е.Е.* Годы под конвоем

// Доднесь тяготееет, вып. 1. М., 1989, с. 299.

- 4 Данное мнение Владимир Сергеевич Жаравин (г. Киров) высказал в письме к автору.
- 5 *Жаравин В.* Матушка Вера // Вятский епархиальный вестник, № 4 (282), апрель 2011 г., с. 16.
- 6 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 272.
- 7 Сообщение Владимира Сергеевича Жаравина (г. Киров).

Глава XXXVIII

ПАМЯТЬ О МАТУШКЕ ВЕРЕ

- 1 *Богачёв П., Лебедев Н., Маланов В.* Буй. Кострома, 1961, с. 103.
- 2 *Смирнов П.* Сусанинцы в грозные дни 1941 года // Сусанинская новь, 19.10.1967.
- 3 *Ратных Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 24.
- 4 Там же, с. 6.
- 5 Там же, с. 27.
- 6 Там же, с. 31.
- 7 Там же, с. 6.
- 8 Там же, с. 62.
- 9 *Вилкова Т.* Про веру, монастырь и Верушку. Из рассказов старожилов // Сусанинская новь, 5.02.1991.
- 10 *Сотников Н.В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII – середина XX вв. Кострома, 2015, с. 37.
- 11 *Белоцерковский Б.В.* На родине Ивана Сусанина. Кострома, 1959, с. 21.
- 12 *Белоцерковский Б.* Так рождались колхозы на сусанинской земле // Сусанинская новь, 6.11.1969.
- 13 *Вилкова Т.С.* Про веру, монастырь и Верушку // Сусанинская новь, 5.02.1991.
- 14 *Сизинцева Л.* Голоса // Губернский дом, 1994. № 3, с. 51–54.
- 15 *Сизинцева Л.* Свято-Троицкий монастырь // Костромская старина, 1999, № 13, с. 13–16.
- 16 *Зонтиков Н.А.* Вера Антоновна Меркулова // Православная энциклопедия, т. VII. М., 2004, с. 697–700.

- 17 *Сотников Н.В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII – середина XX вв. Кострома, 2015, с. 36–46.
- 18 *Сизинцева Л.* Свято-Троицкий монастырь // Костромская старина, 1999, № 13, с. 16.
- 19 *Зонтиков Н.А.* Вера Антоновна Меркулова // Православная энциклопедия, т. VII. М., 2004, с. 700.
- 20 *Жаравин В.* Матушка Вера // Вятский епархиальный вестник, № 4 (282), 2011, с. 15–16.
- 21 *Горев Е.Ю.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 89–118.
- 22 *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории, с. 229–234, 405–420.
- 23 Личное дело протоиерея Валентина Ратькова // Архив Костромской епархии.
- 24 Костромская область: административно-территориальное деление на 1 января 1981 года. Ярославль, 1983, с. 164.

Глава XXXIX СУДЬБЫ СОРАТНИКОВ МАТУШКИ ВЕРЫ

- 1 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 27–28.
- 2 Там же, с. 28.
- 3 Там же.
- 4 Там же, с. 4.
- 5 Святая блаженная Матрона Московская: «Меня не будет, а он останется в помощь вам»: воспоминания современников о блаженном старце Митрофании Вяземском, Московском и Петербургском чудотворце. Б. м., 2019, с. 146, 186.
- 6 Там же, с. 146.
- 7 Ратьков Валентин, свящ. Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 7.
- 8 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 224.
- 9 Там же, с. 226.
- 10 Там же, с. 272.
- 11 Там же.
- 12 Там же, с. 274.
- 13 Там же, с. 275.
- 14 Там же, с. 278.
- 15 *Сотников Н.В.* Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII — середина XX вв. Кострома, 2015, с. 40.
- 16 Сообщил галичский краевед Николай Васильевич Сотников.

Глава XL СУМАРОКОВСКИЕ МЕСТА: ПОСЛЕ МАТЕРИ ВЕРЫ

- 1 Большая советская энциклопедия. 2-е изд., т. 26. М., 1954, с. 563.
- 2 *Белоцерковский В.* Так рождались колхозы на сусанинской земле // Сусанинская новь, 6.11.1969.
- 3 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 7.
- 4 *Зонтиков Н.А.* Преподобный Авраамий Городецкий, Галичский и Чухломский. К 625-летию со дня преставления. 1375–2000 гг. Кострома, 2000, с. 46.
- 5 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 20.
- 6 *Марфунина В.М.* Из воспоминаний (рукопись).
- 7 Свидетельство Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково).
- 8 *Вилькова Т.* Поднять из руин // Сусанинская новь, 31.01.1991.
- 9 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 7.
- 10 Свидетельство Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково).
- 11 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 7.
- 12 *Сбитнев В.* «Светлое видение», или сдвиг по фазе (в женском монастыре нынче мужской психоневрологический интернат) // СП, 9.06. 2001.
- 13 Подсчёт автора.
- 14 *Дружкова Т.А.* Иорданские. Родных корней таинственная связь. Нижний Новгород, 2016, с. 199.
- 15 Сообщено Татьяной Анатольевной Дружковой (г. Нижний Новгород).

- 16 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 61.
- 17 Ленинская правда (Сусанино), 6.09.1939.
- 18 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 1.
- 19 *Зонтиков Н.А.* Иван Сусанин: легенды и действительность. Кострома, 1997, с. 220–224.
- 20 ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 481, л. 9.
- 21 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 58.
- 22 Цит. по: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 201.
- 23 ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 481, л. 20.
- 24 Там же, л. 35 об.
- 25 Там же, л. 34.
- 26 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 6 об. – 7.
- 27 *Ангелина (Травина), игум.* О монахине Вере, в схиме Михаиле (рукопись) // Архив Костромской епархии.
- 28 ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 485, л. 15.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же, л. 14.
- 32 Там же, л. 18.
- 33 Там же, л. 47.
- 34 Там же, л. 26.
- 35 Там же, л. 26 об.
- 36 Там же, л. 45.
- 37 Там же.
- 38 Там же, л. 3.
- 39 Там же, л. 43.
- 40 *Марфуни В.М.* Из воспоминаний (рукопись).
- 41 *Дружкова Т.А.* Иорданские (рукопись) // Архив Т.А. Дружковой.
- 42 Письмо В.М. Иорданской А.М. Иорданскому от 29.10.1945 г. // Архив Т.А. Дружковой.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 *Дружкова Т.А.* Иорданские. Родных корней таинственная вязь... Нижний Новгород, 2016, с. 90.
- 46 *Дружкова Т.А.* Иорданские (рукопись) // Архив Т.А. Дружковой.
- 47 *Марфуни В.М.* Из воспоминаний (рукопись).
- 48 Свидетельство Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково).
- 49 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 1.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2210, лл. 89 об. – 90.
- 53 Протоиерей Николай Васильевич Птицын (некролог) // Журнал Московской Патриархии, 1976, № 11, с. 29.
- 54 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 1.
- 55 *Кожина В.* «Премудрая и всехвальная...» // Благовест, № 1, январь 1993, с. 16.
- 56 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 12.
- 57 Там же, с. 29.
- 58 Там же, с. 13.
- 59 *Костров А.* Новостройки совхоза // СП, 22.07.1976.
- 60 Растут дома в Сумарокове // Сусанинская новь, 13.08.1977.
- 61 *Ратьков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 10.
- 62 Там же, с. 10–11.
- 63 *Марфуни В.М.* Из воспоминаний (рукопись).
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 *Абрадушкин Александр, иерей.* На службе в селе Сумарокове (рукопись).
- 67 *Бредихин М.* Оживает Русь святая // Сусанинская весть, № 130, 21.08.2017.
- 68 В молчании трепетном постой — здесь прах покоится святой // Сусанинская весть, № 101, 9.08.2017.
- 69 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 33.

- 70 Письмо о. Михаила Иорданского А.М. Иорданскому от 22.11.1940 г. // Архив Т.А. Дружковой.
- 71 Российская Федерация, Костромская область. Книга памяти, т. 2. Ярославль, 1994, с. 455.
- 72 *Дружкова Т.А.* Иорданские (рукопись) // Архив Т.А. Дружковой.
- 73 Свидетельство Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково).
- 74 Списки населенных мест по районам Костромской губернии. Кострома, 1929, с. 33.

**Глава XII
СУДЬБА МЕСТ, СВЯЗАННЫХ
С МАТЕРЬЮ ВЕРОЙ:
ГАЛИЧ, КИНЕШМА, КОТЕЛЬНИЧ,
БУЙ, МОЛВИТИНО (СУСАНИНО)**

- 1 *Воробьев.* Осиное гнездо // Плуг и молот (Галич), 27.02.1925.
- 2 *Дед Шевиллило.* Неугомонный не дремлет враг. Летняя дрема усилила попов // СП, 3.10.1929.
- 3 ГАКО, ф. Р-371, оп. 1, д. 445, л. 231-232.
- 4 Там же, л. 232.
- 5 Там же, л. 233.
- 6 Там же, л. 232.
- 7 Там же, л. 262.
- 8 Там же.
- 9 Там же, л. 261.
- 10 ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 295, л. 2.
- 11 Там же, л. 34.
- 12 ГАИО, ф. Р-33, оп. 1, д. 2580, л. 1.
- 13 *Карпичев И.* История разрушения Крестовоздвиженской церкви г. Кинешмы // Историко-культурный и природный потенциал Кинешемского края. Развитие регионального туризма. Кинешма, 2017, с. 12-18.
- 14 *Горев Е.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 426-430.
- 15 Там же, с. 431-432.
- 16 Там же, с. 36.
- 17 *Бобыль.* Алое знамя взвевается над куполом. Буйский собор передан железнодорожникам и сплавщикам под клуб // СП, 10.10.1929.
- 18 Благовещенский собор города Буя. 1810-2010. Кострома, 2009, с. 7.

- 19 Город Буй — земли Костромской уголок. Кострома, 2010, с. 330.
- 20 *Зонтиков Н.А.* Символ России. О храме, изображённом на картине А.К. Саврасова «Грачи прилетели» // Костромская земля, вып. 4. Кострома, 1999, с. 26-28.
- 21 *Головина В.* Молвитино в прошлом и настоящим // Ленинская правда (Молвитино), 5.12.1938.
- 22 ГАКО, ф. Р-2102, оп. 6, д. 477, л. 4, 13.
- 23 Там же, л. 33.

**Глава XIII
К ВОПРОСУ
О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ
МОГИЛЫ МАТУШКИ ВЕРЫ**

- 1 *Горев Е.И.* Революция и Церковь на Котельничской земле: храмы и люди, с. 272.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Сообщено Евгением Игоревичем Горевым (г. Котельнич).
- 5 *Горев Е.И.* Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 385-387.
- 6 Свидетельство диакона Романа Николаевича Вязова, участвовавшего летом 2000 г. в перезахоронении останков архиепископа Севастиана (Вести) и монахини Веры. Сообщено нам Светланой Юрьевной Фокиной.
- 7 Свидетельство диакона Романа Николаевича Вязова.
- 8 Рассказ матушки Евгении Туминой передан нам Натальей Рудольфовной Шепелевой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

- 1 Святитель Василий, епископ Кинешемский. Беседы на Евангелие от Марка. М., 1996, с. 611.
- 2 Там же.

**Приложение 1
ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ
КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX —
НАЧАЛО XX вв.**

- 1 *Оглоблин Н.Н.* «Старый Макарий» (из волжских впечатлений) // Исто-

- рический вестник, 1905, март, т. 99, с. 1016–1017 (далее — *Оглоблин Н.Н.* «Старый Макарий»).
- 2 Упраздненные монастыри Костромской епархии. М., 1909, с. 16; Православная энциклопедия, т. II, М., 2001, с. 230.
 - 3 *Орлов В.* Галичский Староторжский Николаевский женский монастырь. М., 1913, с. 10.
 - 4 *Перебаскин А.* Описание Троицкого Белбажского второклассного женского монастыря, Макарьевского уезда, Костромской губернии // КЕВ, 1914, № 11, отд. неоф., с. 244.
 - 5 *Оглоблин Н.Н.* «Старый Макарий», с. 1016–1017.
 - 6 *Сырцов И., прот.* На обратном пути из Галича в Кострому, чрез Буй, с св. Феодоровской иконой // КЕВ, 1906, № 11, ч. неоф., с. 489–490.
 - 7 *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908, с. X.

Приложение 2

МАТУШКА ВЕРА И ИЕРОМОНАХ ИАКОВО-ЖЕЛЕЗНОБОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОАСАФ (САЗАНОВ): ПЕРЕКЛИЧКА СУДЕБ

- 1 Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908, с. 292.
- 2 *Сизинцева Л.И.* Иеромонах Иоасаф (Сазанов). Эпизод из истории Иаково-Железноборовского монастыря // Светочь, № 1, Кострома, 2007, с. 73.
- 3 Там же.
- 4 Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима // Сайт Солигаличского благочиния (soligalich.prihod.ru) (далее — Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима) № № №
- 5 ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 136, л. 339 (документ опубликован на сайте Ярославского историко-родословного общества).
- 6 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 235, лл. 6 об. – 7.
- 7 Там же, лл. 44 об. – 45.
- 8 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 252, лл. 3 об. – 4.
- 9 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 122, л. 2.
- 10 ГАЯО, ф. 130, оп. 3, д. 136, л. 339.
- 11 Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима.
- 12 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 235, лл. 6 об. – 7.
- 13 Там же, лл. 14 об. – 15.
- 14 Сообщено настоятельницей Макариево-Решемского монастыря игуменией Феофанией (Губайдулиной).
- 15 Православная энциклопедия, т. XXV, М., 2011, с. 153–164.
- 16 ГАКО, ф. 130, оп. 13, д. 252, лл. 3 об. – 4.
- 17 Там же.
- 18 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 122, л. 1.
- 19 ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 136, л. 1.
- 20 *Сизинцева Л.И.* Иеромонах Иоасаф (Сазанов). Эпизод из истории Иаково-Железноборовского монастыря // Светочь, № 1, Кострома, 2007, с. 74.
- 21 Православная богословская энциклопедия, т. 2. Пг., 1901, стб. 700.
- 22 *Сизинцева Л.И.* Иеромонах Иоасаф (Сазанов). Эпизод из истории Иаково-Железноборовского монастыря // Светочь, № 1, Кострома, 2007, с. 77.
- 23 *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. Кострома, 2015, с. 156.
- 24 Там же, с. 27.
- 25 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 12.
- 26 Там же, с. 5.
- 27 *Сизинцева Л.И.* Иеромонах Иоасаф (Сазанов). Эпизод из истории Иаково-Железноборовского монастыря // Светочь, № 1, Кострома, 2007, с. 75.
- 28 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Т. 4. Кострома, 2010, с. 32.

- 29 *Шишков В.* Приволжский край. Деревня Овсянкина // Новый мир, 1925, № 3, с. 131.
- 30 *Сизинцева Л.И.* Иеромонах Иоасаф (Сазанов). Эпизод из истории Иаково-Железнодорожного монастыря // Светочъ, № 1, Кострома, 2007, с. 73.
- 31 Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима.
- 32 Цит. по: *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 54.
- 33 *Смирнов В.И.* От Молвитина до Буя. Записки краеведа. 1928 г. // *Смирнова Т.В.* Цветок клюквы и веточка карликовой берёзы. Судьбы краеведов. Сергиев Посад, 2016, с. 281–282.
- 34 *Чумаков С.* «Вогоборец» Иоасаф еще жив // Борона (Кострома), 14.04.1929.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 И. Живые мощи из Соловецкого лагеря. Черные вороны в селе Борок // СП, 18.05.1929.
- 38 Там же.
- 39 *Всеволод Т.* Суд над руководителями Железно-Боровского монастыря, Буйского района // Борона (Кострома), 23.06.1929.
- 40 Там же.
- 41 *Е.И.* Вместо мощей... 1½ копейки // Безбожник у станка, 1929, № 16, с. 16.
- 42 *Всеволод Т.* Суд над руководителями Железно-Боровского монастыря, Буйского района // Борона (Кострома), 23.06.1929.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 СП, 10.10.1929.
- 47 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 5.
- 48 Житие и пастырские труды иеромонаха Иоасафа, в схиме Серафима.

Приложение 3 ДАЮЩЕГО РУКА НЕ ОСКУДЕЕТ: ДОХОДЫ И РАСХОДЫ МАТУШКИ ВЕРЫ

- 1 *Большаков Н.Н.* Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1997, с. 631.
- 2 *Животовский С.В.* На Севере с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб., 1903, с. 36.
- 3 Там же, с. 37.
- 4 *Большаков Н.Н.* Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1997, с. 631.
- 5 ГАРФ, д. П-51921, л. 26 об.
- 6 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 21.
- 7 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, лл. 17 об. – 18.
- 8 Там же, л. 62.
- 9 Там же, л. 63 об.
- 10 ГАКО, ф. 130, оп. 11, д. 2307, лл. 28 об. – 29.
- 11 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6305, т. 2, л. 53 об.

Приложение 4 ФОТОГРАФИИ МАТУШКИ ВЕРЫ

- 1 *Ратков Валентин, свящ.* Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 37.
- 2 Там же.
- 3 *Вилкова Т.* Про веру, монастырь и Верушку. Из рассказов старожилов // Сусанинская новь, 6.06.1989.

Приложение 5 АРХИЕПИСКОП КОСТРОМСКОЙ И ГАЛИЧСКИЙ СЕВАСТИАН (ВЕСТИ): СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

- 1 Речь ректора Донской духовной семинарии, архимандрита Севастиана при наречении его в епископа Кинешемского, викария Костромской епархии // Церковные ведомости, 1914, № 38. Прибавления, с. 1644.
- 2 ГАКО, ф. Р-234, оп. 4, д. 25, л. 11; Резепин П.П. Епископы Кинешем-

- ские, викарии Костромские // Светочъ. Альманах, вып. 6. Кострома, 2010, с. 293.
- 3 ГАКО, ф. Р-234, оп. 4, д. 25, л. 11.
- 4 *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Эрланген, 1989, т. VI, с. 27; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943). М., 1994, с. 889; Кострома: историческая энциклопедия. Кострома, 2002, с. 38; ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2399, лл. 21–22.
- 5 Высочайшие повеления // Церковные ведомости, 1914, № 32, с. 377.
- 6 Проводы бывшего ректора Донской духовной семинарии, архимандрита Севастиана, предназначенного во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии // Донские епархиальные ведомости, 1914, № 25, отд. неоф., с. 1292.
- 7 Епархиальная хроника // Известия по Петроградской епархии, 1914, № 19–20, отд. неоф., с. 21.
- 8 Прибытие викарного епископа // ПВ, 3.10.1914.
- 9 Губернский дом, 2017, № 2 (107), с. 45–46.
- 10 *Фератонт (Кашин), митр.* Из истории Костромской епархии в 1917 году: конфликт вокруг Кинешемского викариата (ч. 2) // Ипатьевский вестник, 2020, № 2 (10), с. 53.
- 11 Указ из Святейшего Правительствующего Синода Пресвященному Евгению, епископу Костромскому и Галичскому // КЦОВ, 1917, № 12–13, отд. оф., с. 72.
- 12 Там же.
- 13 Священный Собор Православной Российской церкви. Деяния. Книга V. Пг., 1918, с. 209.
- 14 Указ Святейшего Правительствующего Синода Пресвященному Евгению, епископу Костромскому и Галичскому // КЦОВ, 1917, № 12–13, с. 73.
- 15 ГАКО, ф. Р-234, оп. 4, д. 25, л. 11.
- 16 ЦГА РФ, ф. А-353, оп. 3, д. 792, л. 133.
- 17 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943). М., 1994, с. 889.
- 18 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2399, л. 56.
- 19 Там же, л. 58.
- 20 Там же, л. 59.
- 21 «Обновленческий» раскол. М., 2002, с. 912.
- 22 *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Эрланген, 1989, т. VI, с. 27.
- 23 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943). М., 1994, с. 889.
- 24 «Обновленческий» раскол. М., 2002, с. 912.
- 25 *Потемина Е.* Епископы Кинешемские викарии Костромские. М., 2017, с. 170.
- 26 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 1143, т. 1, л. 21.
- 27 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943). М., 1994, с. 889.
- 28 ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6044, л. 126 об.
- 29 Там же, л. 126.
- 30 *Воробьев Н.В.* На пути к родовым и духовным истокам. Иваново, 2010, с. 97.
- 31 Там же, с. 95.

Приложение 6

МАТУШКА ВЕРА И СУДЬБА ДЕТЕЙ ОТЦА ПЕТРА ОБРАЗЦОВА

- 1 *Ожегин А., Семibrатов В.* Вятские новомученики. Киров, 2017, с. 50.
- 2 Горев Е. Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 138–139.
- 3 *Ожегин А., Семibrатов В.* Вятские новомученики. Киров, 2017, с. 50.
- 4 Там же.

5 <i>Горев Е.</i> Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 226.	8 <i>Горев Е.</i> Революция и Церковь на Котельничской земле, с. 141.
6 <i>Ратков Валентин, свящ.</i> Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 55.	9 Там же, с. 142.
7 Святая блаженная Матрона Московская: «Меня не будет, а он останется в помощь вам»: воспоминания современников о блаженном старце Митрофании Вяземском, Московском и Петербуржском чудотворце. Б. м., 2019, с. 1860187.	10 Там же, с. 225.
	11 Там же.
	12 Там же, с. 226.
	13 Там же.
	14 <i>Ратков Валентин, свящ.</i> Воспоминания о матушке Вере Меркуловой, с. 4.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации,
ГАКО — Государственный архив Костромской области,
ГАНИКО — Государственный архив новейшей истории Костромской области,
ГАСПИКО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области,
ГАИО — Государственный архив Ивановской области,
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области,

КГВ — газета «Костромские губернские ведомости»,
КЕВ — журнал «Костромские епархиальные ведомости»,
КЦОВ — журнал «Костромской церковно-общественный вестник»,
КМ — газета «Красный мир» (г. Кострома),
ПВ — газета «Поволжский вестник» (г. Кострома),
СГ — газета «Советская газета» (г. Кострома),
СП — газета «Северная правда» (г. Кострома).

СПИСОК НАСТОЯТЕЛЬНИЦ НОВО-ТРОИЦКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Начальницы Ново-Троицкой женской общины (1874–1893 гг.)

1874–1875 гг. — Васса Иванова
Панова (1836 – после 1908 гг.),
в монашестве Евпраксия,
1875 г., 6 мая – 3 августа — Ольга Ни-
китична Брянчанинова (1837–?),

1875–1876 гг. — Васса Иванова
Панова (1836 – после 1908 гг.),
в монашестве Евпраксия,
1876–1884 гг. — Анна Андреевна
Студенецкая (1834–1884 гг.).

Настоятельницы Свято-Троицкого Сумарокова женского монастыря (1893–1920 гг.)

1884–1899 гг. — игумения Римма
(Каллистова; 1818–1900 гг.),

1900–1901 гг. — игумения Досифей
(Фелицата Ивановна Ипато-
ва; 1851–1934 гг.),

1901–1920 гг. — игумения Иоанна
(Серафима Ивановна Успен-
ская; 1855 — после 1920 гг.),
С 1920 г. — игумения Ксения (Вера
Антоновна Меркулова; 1884–
1935 гг.), в схиме Михаила.

СПИСОК СВЯЩЕННИКОВ НОВО-ТРОИЦКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

1880–1881 гг. — священник Алек-
сей Фёдорович Нарбеков
(1817–1897 гг.),

1881–1884 гг. — священник Иоанн
Дмитриевич Петропавлов-
ский (1821–1899 гг.),

1884–1897 гг. — священник Алек-
сей Фёдорович Нарбеков
(1817–1897 гг.),

1897–1903 гг. — священник Ни-

колай Аристархович Орнат-
ский (1876–1903 гг.),

1903–1908 гг. — священник Пётр Гри-
горьевич Борков (1833–1908 гг.),

1910–1913 гг. — священник Нико-
лай Иванович Иорданский
(1851–1913 гг.),

1915–1921 гг. — священник Иоанн
Александрович Александров-
ский (1845 – после 1921 гг.).

СПИСОК НАСТОЯТЕЛЕЙ НИКОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА НОВОГО, ЧТО В ТЕЛЯКОВЕ (СУМАРОКОВО)

1811–1833 гг. — священник Георгий Петрович Титов (1770 — после 1833 гг.),

1833–1867 гг. — священник Андрей Георгиевич (Егорович) Титов (1808 — после 1867 гг.),

1867–1912 гг. — священник Никтополион Асафович Комаровский (1844–1913 гг.),

1912–1939 г. — священник Михаил Сергеевич Иорданский (1880–1945 гг.).

СПИСОК ХРАМОВ, ГДЕ НАХОДИЛАСЬ ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ СВЯТО-ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ — ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «СКОРОПОСЛУШНИЦА»

1883–1895 гг. — вероятно, пребывала в домовый церкви в честь Боголюбской иконы Божией Матери Ново-Троицкой женской общины, а затем Свято-Троицкого монастыря.

1895–1921 гг. — в соборе в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» Свято-Троицкого монастыря.

1921–1944 гг. — в Никольской приходской церкви с. Сумароково Сусанинского района (церковь не действовала с 1939 г.).

1944 – конец 1940-х гг. — в Успенской церкви с. Домнино Сусанинского района.

Конец 1940-х гг. – 1991 г. — в Никольской церкви с. Соболево Сусанинского района.

1991–1993 гг. — в Одигитриевской церкви с. Ушаково Буйского района.

1993–2001 г. — в Воскресенской церкви г. Буй.

2001–2016 г. — в Никольской («железнодорожной») церкви г. Буй.

2016 г., 11 июля — икона возвращена в бывший монастырский собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» в с. Сумароково Сусанинского района.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ МАТУШКИ ВЕРЫ МЕРКУЛОВОЙ (В МОНАШЕСТВЕ — КСЕНИИ, В СХИМЕ — МИХАИЛЫ)

- 1884 г., 15 сентября — Вера Антоновна Меркулова родилась в д. Волобуевой Мценского уезда Орловской губернии.
- 1906 г. — поступает в состав общины Свято-Троицкого Сумароковского женского монастыря.
- 1910 г., июль - 1911 г., январь — живёт в пустыни Макариево-Решемского монастыря на р. Нодоге.
- 1914–1919 гг. — возводит в с. Высоково Буйского уезда деревянный храм во имя Михаила Архангела.
- 1918 г., 1 июля — Свято-Троицкий монастырь преобразовывается в Свято-Троицкую женскую трудовую сельскохозяйственную коммуну.
- 1920 г., август — закрытие Свято-Троицкого монастыря.
- 1920 г., конец года — в закрытом монастыре устраиваются Дом престарелых и совхоз «Сумароково».
- 1920 г., конец года — мать Вера избирается настоятельницей общины, принимает монашеский постриг с именем Ксения и возводится в сан игумении.
- 1921 г., 1 июня — власти закрывают монастырский собор в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы».
- 1921 г., 22 апреля — мать Веру избивают и с группой сестёр увозят в Галич.
- 1921 г., начало мая - 6 июня — мать Вера проживает в с. Высоково Буйского уезда.
- 1921 г., 6 июня — мать Веру арестовывают в с. Высоково и увозят в Буй, а оттуда отправляют в Костромскую губчека.
- 1921 г., июнь - июль — заключение в исправдоме в Костроме.
- 1921 г., 11 июля - 1923 г., 26 января — пребывание в Бутырской и Лефортовской тюрьмах (Москва).
- 1923 г., 26 января — мать Веру освобождают из заключения без права выезда из Москвы.
- 1923 г., 26 января - 5 февраля — мать Вера проживает в Страстном женском монастыре (Москва).
- 1923 г., 5 февраля - 16 марта — мать Вера проживает в Алексеевском женском монастыре (Москва).
- 1923 г., 16 марта — мать Веру арестовывают в Алексеевском женском монастыре.
- 1923 г., 16 марта - конец июля — мать Вера вновь сидит в Бутырской тюрьме.
- 1923 г., 18 июля — Коллегия ОГПУ постановила её освободить.

- 1923 г., конец июля - 1924 г., конец апреля** — мать Вера проживает в г. Галиче Костромской губернии.
- 1923-1924 гг.** — принимает великую схиму с именем Михаила.
- 1924 г., апрель** — мать Веру арестовывают в Галиче и отправляют в Кострому.
- 1924 г., апрель - 1925 г., осень** — пребывание в заключении в Костроме.
- 1925-1928 гг.** — находится в ссылке в г. Кинешма Иваново-Вознесенской губернии.
- 1926 г., начало декабря** — мать Веру арестовывают.
- 1926 г., начало декабря - 1927 г., март** — пребывание в Кинешемском домзаке.
- 1928 г., декабрь** — мать Вера возвращается в Сумароково, но из-за запрета на проживание там поселяется в д. Исаково.
- 1928 г., конец декабря** — мать Веру арестовывают и высылают в г. Котельнич Вятской губернии,
- 1929 г., январь - 1931 г., март** — пребывание в ссылке в г. Котельниче Вятской губернии.
- 1929 г., 29 декабря** — мать Веру арестовывают в Котельниче.
- 1929 г., 29 декабря - 1930 г., середина сентября** — пребывание в заключении в Котельничском домзаке.
- 1931 г., конец марта или начало апреля** — мать Вера возвращается из Котельничской ссылки в Сумароково; из-за запрета на проживание в Сумарокове селится в д. Исаково.
- 1931 г., 13 июля** — мать Веру арестовывают в д. Исаково.
- 1931 г., июль - октябрь** — находится в заключении в Костроме.
- 1931 г., 12 августа** — в газете «Правда» публикуется статья «О “Верушке-босоножке” и о классовой близорукости газеты “Колхозный клич”».
- 1931 г., 2 октября** — Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговаривает её к 3 годам лишения свободы.
- 1931 г., октябрь - 1934 г., февраль** — пребывание во Владимирском центральном.
- 1934 г., февраль** — выходит из Владимирского централа.
- 1934 г., 10 марта** — возвращение в с. Сумароково.
- 1934 г., весна - 1935 г., январь** — мать Вера содержится в с. Сумарокове приют для детей-сирот и детей, родители которых были арестованы.
- 1934 г., 11 июня** — обыск в с. Сумароково, взятие с матери Веры подписки о невыезде.
- 1934 г., 14 августа** — дело против матери Веры прекращено.
- 1935 г., 12 января** — мать Веру арестовывают в с. Сумароково.
- 1935 г., январь - июнь** — пребывание во внутренней тюрьме УНКВД в г. Иванове и Владимирском центральном.
- 1935 г., 21 июня** — Особое совещание при НКВД СССР приговаривает её к 3 годам заключения в «исправтрудлагере».
- 1935 г., 19 сентября** — скончалась в тюрьме г. Киров (Вятка).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово митрополита Костромского и Нерехтского Ферапонта.	3
Вступление	5
Глава I Свято-Троицкий Сумароков женский монастырь: предыстория	10
<i>Основательница монастыря Елизавета Николаевна Варенцова</i>	<i>10</i>
<i>Село Новое, что в Телякове (Новое Сумароково).</i>	<i>15</i>
<i>Никольская приходская церковь</i>	<i>16</i>
<i>Память о старице Евпраксии</i>	<i>18</i>
<i>Троицкая церковь-усыпальница.</i>	<i>20</i>
<i>Основание в усадьбе женской общины</i>	<i>22</i>
Глава II Свято-Троицкий Сумароков женский монастырь: становление	24
<i>1874 год: открытие женской общины.</i>	<i>24</i>
<i>Возведение собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы».</i>	<i>27</i>
<i>1893 год: преобразование общины в женский монастырь</i>	<i>30</i>
<i>Игуменья Досифея (Ипатова).</i>	<i>30</i>
<i>Игуменья Иоанна (Успенская).</i>	<i>33</i>
Глава III Свято-Троицкий Сумароков монастырь: начало XX века	34
<i>Монастырский городок</i>	<i>34</i>
<i>Монастырская община</i>	<i>35</i>
<i>Монастырское хозяйство</i>	<i>36</i>
<i>Монастырские подворья</i>	<i>38</i>
<i>Главная святыня обители</i>	<i>38</i>
<i>В монастырь приносят Феодоровскую икону Божией Матери</i>	<i>39</i>
<i>Память о старице Евпраксии</i>	<i>42</i>
<i>Село Новое, что в Телякове, в начале XX века.</i>	<i>42</i>

Глава IV**Мать Вера Меркулова:**

загадки биографии	43
<i>К вопросу о месте рождения матери Веры</i>	43
<i>К вопросу о годе рождения матери Веры</i>	45
<i>К вопросу о социальном происхождении матери Веры</i>	46
<i>О родителях матери Веры</i>	49

Глава V

Вера Меркулова: духовное становление	50
---	----

Глава VI**1906 год: Вера Меркулова приходит**

в Свято-Троицкий монастырь	52
<i>Вера Меркулова приезжает в Кострому</i>	53
<i>Вера Меркулова приезжает в город Буй</i>	55
<i>Вера Меркулова приходит в Свято-Троицкий монастырь</i>	58

Глава VII

Мать Вера: первые годы в монастыре	60
<i>«Лицо, живущее на испытании»</i>	60
<i>«Вера-босоножка»</i>	61
<i>Мать Вера носит вериги</i>	62
<i>«Верушка»</i>	65

Глава VIII

Вера Меркулова становится матерью Верой	66
<i>Руководитель народной жизни</i>	66
<i>Матушка Вера</i>	67
<i>Белые одежды</i>	70
<i>Отношение к матери Вере современников</i>	72

Глава IX**В Макариево-Решемском монастыре**

(1910–1911 гг.)	73
<i>Макариево-Решемский монастырь</i>	73
<i>Мать Вера приезжает в Решму</i>	74
<i>В пустыни на Нодоге</i>	78
<i>Об авторе статей про мать Веру</i>	82
<i>Судьба скита на Нодоге</i>	85
<i>Нодога, река лесная</i>	85

Глава X**Мать Вера:**

десятые годы XX века	87
<i>Евфросинья Карепина</i>	87
<i>На сборах добротных дяний в городах</i>	87
<i>Келья матери Веры: «деревянная избушечка с одним оконцем»</i>	90

Глава XI**1913 год: Свято-Троицкий монастырь**

и юбилей Дома Романовых	92
<i>Празднование юбилея Дома Романовых в Костроме</i>	92
<i>Монастырская церковь при железнодорожном вокзале в городе Буй</i>	95
<i>Празднование 300-летия церковного прославления преподобного Иакова Железоборовского</i>	97
<i>Освящение мемориальной часовни в деревне Деревеньки</i>	97
<i>Книга о. Алексея Воскресенского о Свято-Троицком монастыре</i>	98

Глава XII

В годы Первой Мировой войны	100
<i>Горячее лето 1914 года</i>	100
<i>Война началась</i>	102
<i>Монастырские и церковные лазареты</i>	103
<i>Мать Вера во время войны</i>	105

Глава XIII**Мать Вера строит храм в деревне Высоково**

(1914–1919 гг.)	106
<i>Матушка Вера начинает строить храм</i>	106
<i>в деревне Высоково</i>	108
<i>19 сентября 1919 года: освящение храма</i>	110

Глава XIV

Накануне революции	110
<i>«Золотая осень» Свято-Троицкого монастыря</i>	110
<i>Новый настоятель Никольской приходской церкви — отец Михаил Иорданский</i>	111
<i>У матери Веры появляются воспитанницы</i>	113
<i>Монастырь в канун революции</i>	114

Глава XV

«Свобода взметнулась неистово»: революция 1917 года...	116
<i>Начало революции</i>	116
<i>Революция в Галиче</i>	118
<i>Революция в Буче</i>	121
<i>Свято-Троицкий монастырь в 1917–1918 годах</i>	122

Глава XVI

1918 год: Свято-Троицкий монастырь становится сельскохозяйственной коммуной	124
<i>Сельские монастыри преобразовываются в трудовые артели</i>	124
<i>Свято-Троицкий монастырь преобразовывается в сельскохозяйственную коммуны</i>	126

Глава XVII

Мать Вера в 1919–1920 гг.: первые аресты	127
<i>1919 год: первый арест</i>	127
<i>1920 год: второй арест</i>	128

Глава XVIII

1920 год: закрытие Свято-Троицкого монастыря	131
<i>Август 1920 года: закрытие монастыря</i>	131
<i>В монастыре устраивается Дом престарелых</i>	132
<i>Совхоз «Сумароково»</i>	133

Глава XIX

1920 год: мать Вера возглавляет монастырскую общину	134
<i>Мать Вера возглавляет монастырскую общину</i>	134
<i>Мать Вера принимает монашеский постриг</i>	135
<i>Мать Вера становится игуменьей</i>	137

Глава XX

Болезнь: мать Вера утрачивает способность ходить	138
<i>Пора испытаний: паралич ног превращает мать Веру в беспомощного инвалида</i>	138
<i>Гонения продолжают</i>	139

Глава XXI

Апрель 1921 года: третий арест матери Веры	141
<i>Попытка поместить мать Веру в Инвалидный дом</i>	141

<i>Следствие в Галиче</i>	146
<i>Бесславный конец П.А. Разгуляева</i>	148
Глава XXII	
1921 год: закрытие монастырского собора и арест матери Веры	149
<i>Мать Вера поселяется в селе Высокове</i>	149
<i>Май — июнь 1921 года: закрытие монастырского собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы»</i>	150
<i>Противостояние в Высокове и арест матери Веры</i>	155
Глава XXIII	
В Костроме: узница Костромской губчека	160
<i>В Костромской губчека</i>	160
<i>В Костромском исправдоме № 1</i>	162
<i>Мать Веру отправляют в Москву</i>	166
<i>Дальнейшая судьба Н.П. Орлеанского</i>	166
Глава XXIV	
В Москве: узница ВЧК (1921–1923 гг.)	169
<i>Мать Веру привозят в Москву</i>	169
<i>Таинственное исчезновение матери Веры</i>	170
<i>Мать Вера нашлась</i>	172
<i>Почитатели матери Веры выступают в её защиту</i>	174
<i>Мать Вера выходит из-под стражи: в Страстном и Алексеевском монастырях</i>	177
<i>Новый арест</i>	181
Глава XXV	
Мать Вера в Галиче (1923–1924 гг.)	187
<i>Мать Вера приезжает в Галич</i>	187
<i>Галич в 1923 году</i>	189
<i>Галичане встречают матушку Веру</i>	193
<i>А.Н. Соловьёв-Нелюдим: «поэт-пролетарий»</i>	194
<i>К матушке Вере идут люди</i>	196
<i>Знаки нового времени</i>	197
<i>Мать Вера посещает храмы Галича</i>	199
<i>К вопросу о принятии матерью Верой великой схимы</i>	202
<i>Матушку Веру арестовывают и отправляют в Кострому</i>	204
<i>История со священником Александром Афанасьевым</i>	207

Глава XXVI**Заключённая первой категории: полтора**

года в Костроме (1924–1925 гг.)	209
<i>Мать Веру привозят в Кострому.</i>	209
<i>Почитатели матери Веры выступают в её защиту.</i>	210
<i>«Направить дело (...) на предмет разрешения вопроса о высылке Меркуловой в концентрационный лагерь...».</i>	211
<i>Писатель В.Я. Шишков о матери Вере</i>	212
<i>Мать Веру ссылают в Кинешму</i>	214

Глава XXVII

В ссылке в Кинешме (1925–1928 гг.)	216
<i>Мать Вера приезжает в Кинешму.</i>	216
<i>К матушке Вере идут люди</i>	218
<i>Мать Вера посещает храмы Кинешмы.</i>	219
<i>Ближний круг матери Веры в Кинешме.</i>	222
<i>Мать Вера и архиепископ Севастиан (Вести)</i>	224
<i>Против матери Веры возбуждается дело.</i>	224
<i>Мать Вера и святитель Василий, епископ Кинешемский</i>	231
<i>1927 год: власти закрывают Макариево-Решемский монастырь.</i>	232
<i>Окончание Кинешемской ссылки</i>	233

Глава XXVIII**Монастырская община и совхоз «Сумароково»**

в двадцатые годы	234
<i>Совхоз «Сумароково» в двадцатые годы</i>	234
<i>Дом Инвалидов в двадцатые годы.</i>	239
<i>Жизнь бывших монастырских насельниц в двадцатые годы</i>	239
<i>Совхоз «Сумароково» в эпоху коллективизации</i>	243
<i>Никольский приходской храм в двадцатые годы</i>	245
<i>1924 год: в Буе закрывают бывшую монастырскую церковь.</i>	245

Глава XXIX**Декабрь 1928 года: мать Вера возвращается**

в Сумароково	249
<i>Возвращение из Кинешмы в Сумароково</i>	249
<i>Мать Вера поселяется в деревне Исаково</i>	251

<i>Арест матери Веры и высылка её в город Котельнич Вятской губернии</i>	251
Глава XXX	
В ссылке в Котельниче (1929–1931 гг.)	253
<i>Город Котельнич Вятской губернии</i>	253
<i>Первые дни в Котельниче. Деревня Корякины (Корякино)</i>	255
<i>Матушка Вера посещает Троицкий собор Котельнича</i>	255
<i>К матушке Вере идут люди</i>	260
<i>Ближний круг матушки Веры в Котельниче</i>	261
<i>Шитьё и вышивка</i>	262
<i>29 декабря 1929 года: мать Веру снова арестовывают</i>	263
<i>Следствие по делу матери Веры переходит к ОГПУ</i>	265
<i>В Котельничском домзаке</i>	266
<i>Мать Вера выходит на свободу</i>	272
Глава XXXI	
Молвитинский район: 1928–1931 гг.	276
<i>Село Молвитино — центр Молвитинского района</i>	276
<i>Село Сумароково — центр Коростелевского сельсовета</i>	282
<i>«Великий перелом»: усиление гонений на Церковь</i>	283
Глава XXXII	
1931 год: три месяца в Сумарокове	285
<i>Матушка Вера возвращается в Сумароково</i>	285
<i>Деревня Исаково</i>	288
<i>К матушке Вере идут люди</i>	288
<i>1931 год: Никольский храм в Сумарокове при матушке Вере</i>	289
<i>Ближний круг матушки Веры в Исакове</i>	291
<i>Кампания против матушки Веры в прессе</i>	292
<i>Инцидент 19 июня 1931 года</i>	296
<i>Кампания за выселение матушки Веры из Молвитинского района</i>	299
<i>«Листовки»</i>	301
<i>Следствие: допросы свидетелей</i>	302
<i>Следствие: допросы матушки Веры</i>	306
<i>Следствие: допрос Александры Ивановны Пановой</i>	307

<i>Кампания против матушки Веры в Семёновском районе</i>	308
<i>30 июня 1931 года: верность и предательство</i>	309
<i>13 июля 1931 года: арест матушки Веры</i>	310
<i>Следствие: допросы обвиняемых</i>	312
<i>Снова в Костроме</i>	314
<i>12 августа 1931 года: о матушке Вере пишет газета «Правда»</i>	316
<i>История со священником Сергеем Троицким</i>	317
<i>Особое совещание при Коллегии ОГПУ выносит приговор</i>	320

Глава XXXIII

Во Владимирском центре (1931–1934 гг.)	321
<i>Владимирский централ</i>	321
<i>Имя матери Веры на страницах издания «Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет»</i>	323
<i>Мать Вера не остаётся одна</i>	324
<i>Мать Вера выходит на свободу</i>	325

Глава XXXIV

1934 год: снова в Сумарокове	326
<i>Весна 1934 года: мать Вера возвращается в Сумароково</i>	326
<i>К матушке Вере опять идут люди</i>	328
<i>Матушка Вера лечит бесноватую</i>	331
<i>Окружение матушки Веры в 1934 году</i>	332
<i>Матушку Веру изгоняют из церковной сторожки</i>	333
<i>Кампания за выселение матушки Веры из района</i>	335
<i>Мать Вера помогает нуждающимся</i>	338
<i>Мать Вера помогает колхозам и сельсоветам</i>	339
<i>Матушка Вера создаёт детский приют</i>	341
<i>Матушка Вера шлёт подарки в райотдел ОГПУ</i>	344
<i>Имя воспитанницы матушки Веры всплывает снова</i>	347
<i>Мать Вера вышивает ризу для иконы Божией Матери «Скоропослушницы»</i>	348
<i>Матушка Вера с сёстрами вышивает ризы на иконы в Молвитинском храме</i>	352
<i>Чекисты начинают против матушки Веры новое дело</i>	352

Глава XXXV

1934 год: попытка отдать мать Веру под суд оканчивается неудачей	355
<i>11 июня 1934 года: обыск у матушки Веры</i>	355
<i>Мария Лукинична Смирнова: организатор «контрреволюционных читок и сборищ»</i>	357
<i>Новое Обвинительное заключение</i>	358
<i>14 августа 1934 года: «предание ее суду является нецелесообразным»</i>	359

Глава XXXVI

Январь 1935 года: последний арест	362
<i>12 января 1935 года: мать Веру опять арестовывают</i>	362
<i>В столице Ивановской области</i>	363
<i>Послушник Железноборовского монастыря Пётр Серов</i>	366
<i>Против матушки Веры выносится Обвинительное заключение</i>	372
<i>Последний приговор</i>	374

Глава XXXVII

19 сентября 1935 года: смерть в Кировской тюрьме	376
<i>Поезд идёт на восток</i>	376
<i>Смерть в Кировской тюрьме</i>	377

Глава XXXVIII

Память о матушке Вере	380
<i>В предвоенные годы</i>	380
<i>Память о матушке Вере в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.</i>	380
<i>Послевоенные легенды о матери Вере</i>	382
<i>Литература о матери Вере: вторая половина XX – начала XXI вв.</i>	383
<i>«Воспоминания о матушке Вере Меркуловой»: труд о. Валентина Ратькова</i>	385

Глава XXXIX

Судьба соратников матушки Веры	388
<i>Анастасия Васильевна Генеральская</i>	388
<i>Клавдия Никифоровна Шатова</i>	391
<i>Евфросинья Александровна Боброва</i>	392
<i>Дальнейшая судьба неизвестна</i>	393

Глава XL

Сумароковские места: после матери Веры.	395
<i>Судьба зданий Свято-Троицкого монастыря</i>	<i>395</i>
<i>1939 год: в Никольской приходской церкви в Сумарокове прекращаются богослужения</i>	<i>399</i>
<i>1943 год: открытие Успенской церкви в селе Домнине</i>	<i>401</i>
<i>Сумароковские прихожане борются за возвращение своего храма</i>	<i>403</i>
<i>14 октября 1945 года: последнее богослужение в Никольской приходской церкви</i>	<i>406</i>
<i>Никольская приходская церковь: 60–90-е годы XX века.</i>	<i>408</i>
<i>Судьба иконы Вожией Матери «Скоропослушницы»</i>	<i>409</i>
<i>Судьба храма Михаила Архангела в селе Высокове</i>	<i>411</i>
<i>Совхоз «Сумароковский».</i>	<i>412</i>
<i>Сумароковский дом-интернат для престарелых и инвалидов</i>	<i>413</i>
<i>Реабилитационный центр «Сумароково»</i>	<i>415</i>
<i>Сумароково: начало церковного возрождения.</i>	<i>416</i>
<i>Судьба деревень Сумароковской округи</i>	<i>418</i>

Глава XLI

Судьба мест, связанных с матерью Верой: Галич, Кинешма, Котельнич, Буй, Молвитино (Сусанино)	420
<i>Город Галич.</i>	<i>420</i>
<i>Город Кинешма.</i>	<i>423</i>
<i>Город Котельнич</i>	<i>424</i>
<i>Город Буй.</i>	<i>426</i>
<i>Село Молвитино (посёлок Сусанино)</i>	<i>429</i>

Глава XLII

К вопросу о местонахождении могилы матушки Веры	432
<i>Могилы матери Веры находится в Кирове</i>	<i>432</i>
<i>Могилы матери Веры находится в Котельниче?</i>	<i>433</i>
<i>Могилы матери Веры находится в Кинешме?</i>	<i>434</i>

Послесловие	436
-----------------------	-----

Приложение 1

Женские монастыри Костромской епархии: вторая половина XIX — начало XX вв.	438
<i>В Костромской епархии возникают новые женские обители.</i>	<i>438</i>
<i>Преобразование мужских монастырей в женские</i>	<i>439</i>

<i>Женские монастыри Костромской епархии к 1917 году</i>	440
Приложение 2	
Матушка Вера и иеромонах Иаково-Железнодорожного монастыря Иоасаф (Сазанов): переключка судеб	445
<i>Детство и юность Григория Сазанова</i>	445
<i>Григорий Сазанов поступает в Железнодорожный монастырь</i>	446
<i>Отец Иоасаф подвергается гонениям</i>	448
<i>1926 год: последняя встреча отца Иоасафа и матери Веры</i>	449
<i>1928 год: В.И. Смирнов о Железнодорожном монастыре и отце Иоасафе</i>	450
<i>1929 год: закрытие Железнодорожного монастыря</i>	451
<i>5 декабря 1931 года: трагическая гибель отца Иоасафа</i>	455
Приложение 3	
Дающего рука не оскудеет: доходы и расходы матушки Веры	456
Приложение 4	
Фотографии матушки Веры	460
Приложение 5	
Архиепископ Костромской и Галицкий Севастиан (Вести): страницы биографии	468
<i>Владыка Севастиан (Вести): судьба до Костромы</i>	468
<i>Владыка Севастиан в Костроме</i>	469
<i>Владыка Севастиан: начало гонений</i>	470
<i>Владыка Севастиан: в двадцатые годы</i>	472
<i>К вопросу о дате смерти владыки Севастиана</i>	473
Приложение 6	
Матушка Вера и судьба детей отца Петра Образцова	476
Приложение 7	
Марфуниин В.М.	
Из воспоминаний	479
<i>Село Сумароково и бывший Свято-Троицкий монастырь</i>	479
<i>О Сумароковском доме-интернате</i>	479

<i>О начале восстановления собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы»</i>	480
<i>Обнаружение могилы старицы Евпраксии</i>	484
<i>В последние годы</i>	485
<i>О разрушении колокольни монастырского собора</i>	488
<i>О деревне Исаково</i>	489

Приложение 8

Молибoga Н.А.

Из воспоминаний о селе Сумарокове	490
--	-----

Приложение 9

Абрадушкин А., иерей

На службе в селе Сумарокове	494
--	-----

Список принятых сокращений	534
--------------------------------------	-----

Список настоятельниц Ново-Троицкой женской общины и Свято-Троицкого женского монастыря	535
---	-----

Список священников Ново-Троицкой женской общины и Свято-Троицкого женского монастыря	535
---	-----

Список настоятелей Никольской церкви с. Новое, что в Телякове (Сумароково)	536
---	-----

Список храмов, где находилась главная святыня Свято-Троицкого монастыря — икона Божией Матери «Скоропослушница»	536
---	-----

Основные события жизни матушки Веры Меркуловой (в монашестве — Ксении, в схиме — Михайлы)	537
---	-----

Зонтиков Николай Александрович
**МАТЬ ВЕРА МЕРКУЛОВА:
ПРАВОСЛАВНАЯ ПОДВИЖНИЦА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

В книге использованы фотографии из фондов Сусанинского краеведческого музея и личных архивов: автора, Владимира Алексеевича Дудина (г. Кострома), о. Николая Авдеева (г. Кострома), Андрея Павловича Нечаева (г. Кострома), Максима Сергеевича Бредихина (г. Кострома), о. Александра Абрадушкина (с. Домнино Сусанинского района), Виктора Михайловича Марфунина (с. Сумароково Сусанинского района), Николая Васильевича Сотникова (г. Галич), Александра Александровича Смирнова (г. Буй), Михаила Ивановича Клиндухова (п. Сусанино), Натальи Анатольевны Молибоги (г. Москва), Татьяны Анатольевны Дружковой (г. Нижний Новгород), Аллы Борисовны Ботниковой (г. Воронеж) и др.

Корректор — *А.В. Соловьёва*
Дизайн и компьютерная верстка — *В.В. Шаталов*

На лицевой обложке:
Мать Вера Меркулова. Фото 1910 г.

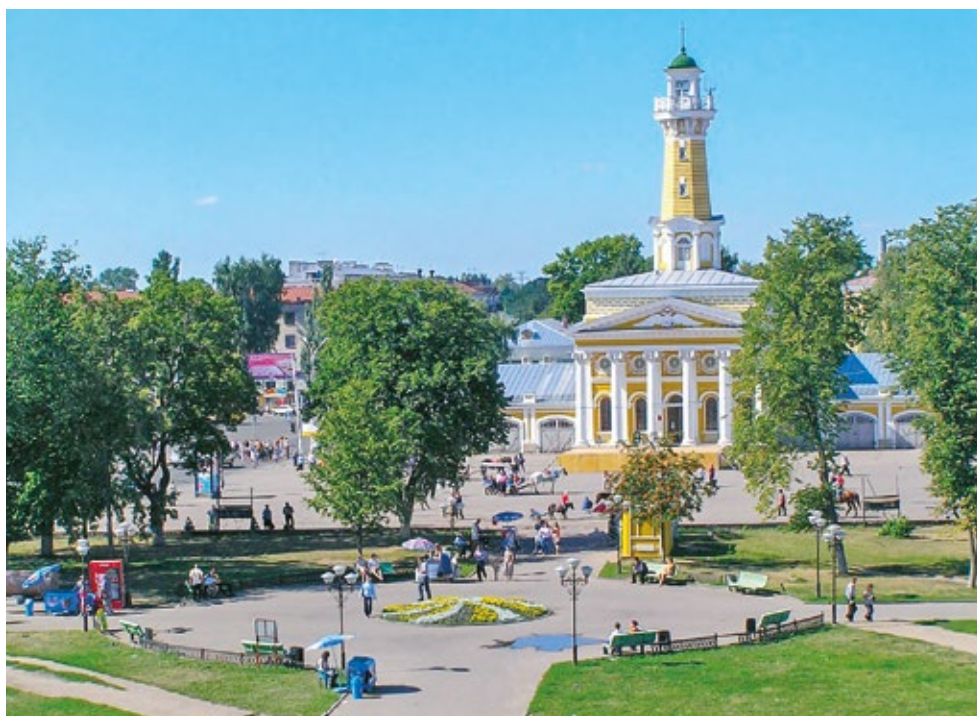
На задней обложке:
Посёлок Сусанино (бывшее Молвитино). Воскресенский храм. Весна.
Фото М.И. Клиндухова. 2005 г.

Издание Костромской епархии Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата):
156000, г. Кострома, ул. Богоявленская (Симановского), 26/37.

Отпечатано:

Село Сумароково. Никольская церковь отражается в воде бывшего барского пруда с островком. Фото М.И. Клиндухова. 2018 г.

Кострома. Сусанинская площадь. Фото начала XXI в.

Ипатьевский монастырь. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1910 г.

24 сентября 2020 г. Возрождается ансамбль Костромского кремля. Фото Д. Ремезова,

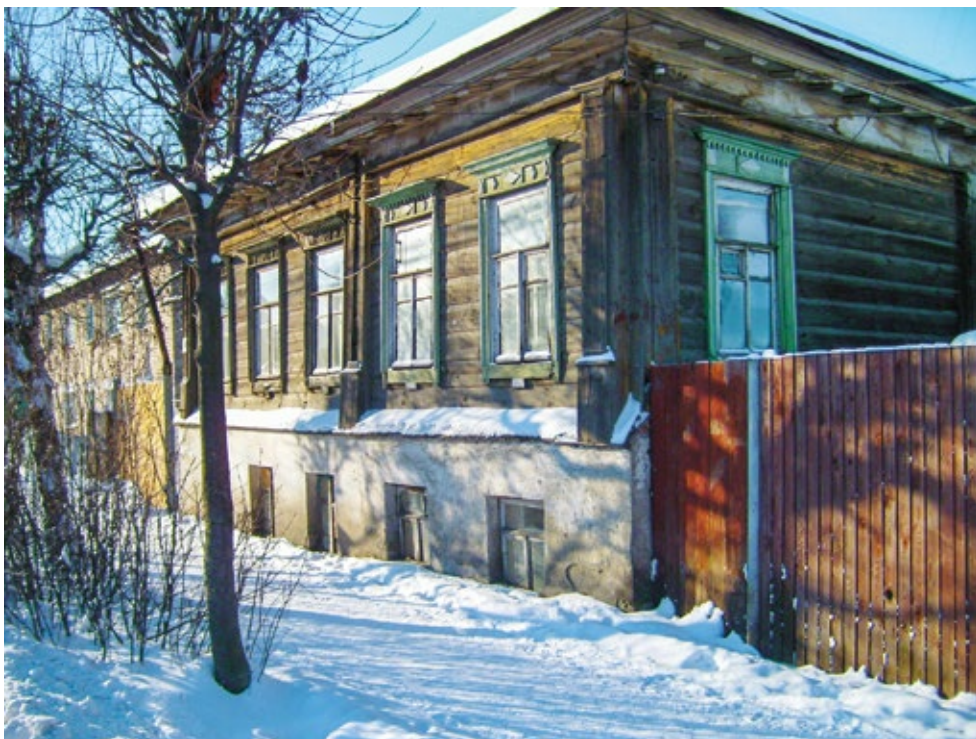
Село Решма. Никольский храм Макариево–Решемского монастыря с высоты птичьего полёта. *Современное фото*

Кинешма с высоты птичьего полёта. Справа от колокольни — Успенский собор, слева — Троицкий собор. *Современное фото*

Тихоструйная речка Нодога. Фото священноинока Александра (Завьялова). 2018 г.

Галич. Бывший дом Зелениных, в котором мать Вера жила в 1923–1924 гг.
Фото Н.В. Сотникова. 2010 г.

2006 год. Галич отмечает День города. По центральной площади несут Феодоровскую икону Божией Матери. Фото Н.В. Сотникова

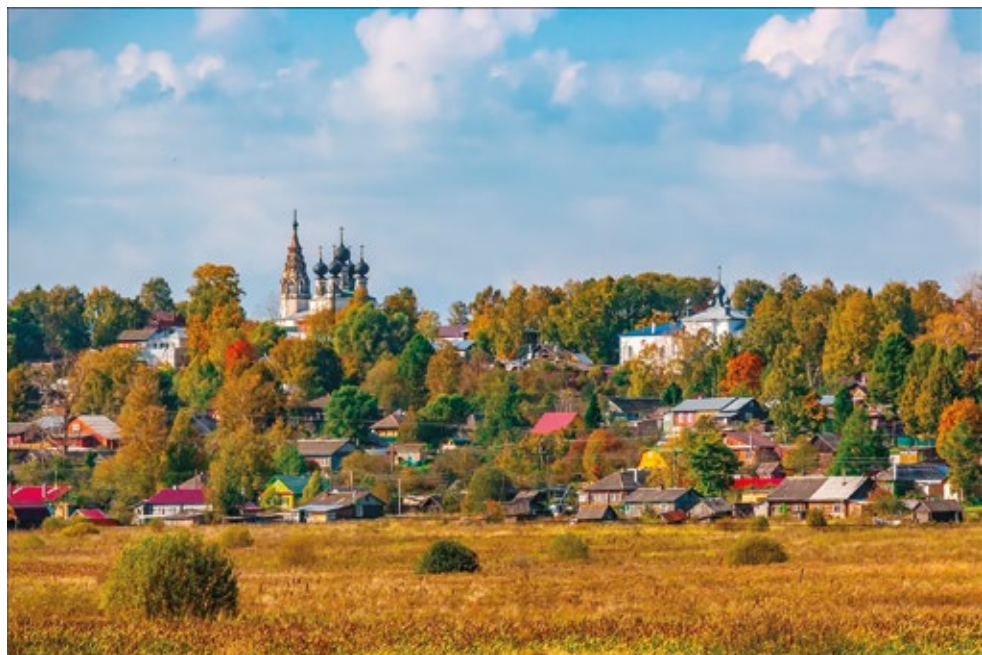
Центральная часть Буя с высоты птичьего полёта. Над площадью возносится возрождённый Благовещенский собор. Справа — устье речки Вёксы, впадающей в реку Кострому. Фото В.П. Грязева. 2011 г.

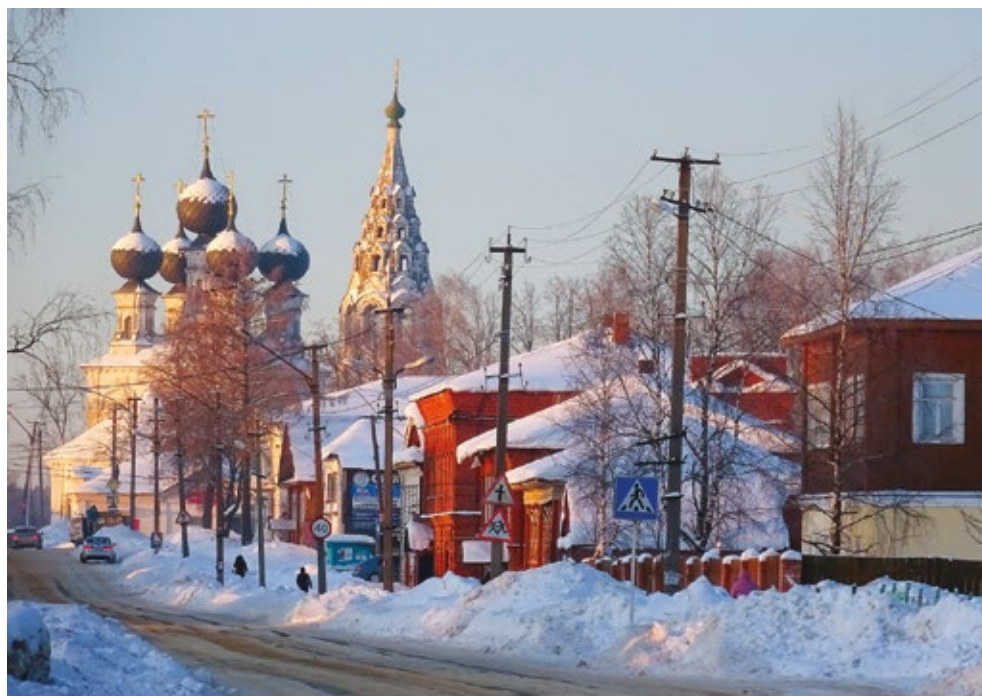
Буйский железнодорожный вокзал и Никольская церковь. Современное фото

Буйский Благовещенский собор. Современное фото

Сусанино (Молвитино). Слева — Воскресенская церковь, справа — Покровская (бывшая единоверческая) церковь. *Современное фото*

Зимнее Сусанино. Дорога идёт к храму. *Фото М.И. Клиндухова. 2015 г.*

А.К. Саврасов Грачи прилетели. 1871 г. Государственная Третьяковская галерея. Для двух икон Воскресенского храма в Молвитине, изображённого на картине, мать Вера с сёстрами в 1934 г. вышли украшенные бисером ризы

Сумароково. Восстановление собора в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы» началось. Фото А.П. Нечаева. 2013 г.

Сумароково. Троицкая церковь, положившая начало Свято-Троицкому монастырю. Современное фото

Колокольня уходит в небо... Сумароково. Никольская церковь. Фото 2017 г.

Сумароково. Никольская церковь. У найденной могилы старицы Евпраксии. Стоят (слева направо): заместитель главы Сусанинского района Андрей Рафаилович Голубев, Наталья Анатольевна Молибога, Виктор Михайлович Марфунин. Фото М.И. Клиндухова. 29 июля 2015 г.

9 мая 2020 года. Перезахоронение останков бывшей настоятельницы Свято-Троицкого монастыря игуменнии Риммы. Слева — священник Александр Макеев

11 сентября 2017 года. Всероссийский День трезвости. Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт с воспитанниками реабилитационного центра «Сумароково». Слева от него — священник Александр Абрадушкин, справа — руководитель центра М.С. Бредихин

Сумароково. 11 июля 2016 года. Икона Божией Матери «Скоропослушница» после 95-летних странствий возвращается в «родную гавань». Впереди — о. Александр Абрадушкин

Икону Божией Матери «Скоропослушницы» украшает риза, вышитая в 1934 году матерью Верой и её послушницами. Фото священника Николая Авдеева. 2019 г.

Кострома. Успенский кафедральный собор
в Костромском кремле. Вид с Волги.
Фото начала XX в.

Книга посвящена жизнеописанию матери Веры Меркуловой (в монашестве Ксении, в схиме Михаиле; 1884–1935 гг.) насельницы Свято-Троицкого Сумарокова монастыря. Современники почитали мать Веру святой, обладавшей даром прозорливицы. Со всех концов Костромской губернии устремлялись к ней тысячи людей.

После революции, чтобы прекратить массовое паломничество к ней, власти арестовывали мать Веру 12 раз. Она сидела в тюрьмах Костромы, Галича, Буя, Москвы, Иванова, Владимира, Котельнича и умерла в Кировской тюрьме.
